АЛЕКСАНДР

БОВИН

ИЗ ДНЕВНИКА

5 лет среди евреев и мидовцев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

От издателя `Я замечаю, что любые воспоминания о чем-то всегда оказываются воспоминаниями о самом себе. А вспоминать себя, да еще связно, толково, без выпячивания собственной `удивительной личности` — практически невозможно. И тут дело вовсе не в скромности или, наоборот, нескромности автора, а в том, что он волей-неволей обязательно становится неким судьей, высшей инстанцией, которая начинает давать оценки людям, событиям, поступкам. Все равно мир (тот, прошлый, давешний) становится искаженным, так или иначе выдуманным. И в этом искаженном выдуманном мире бродит тоже не шибко реальный `вспоминатель`.

Роберт Рождественский

- ВВЕДЕНИЕ
- ДЕКАБРЬ-91
- ЯНВАРЬ-92
- ФЕВРАЛЬ-92
- МАРТ-92
- АПРЕЛЬ-92
- МАЙ-92
- ИЮНЬ-92
- ИЮЛЬ-92
- АВГУСТ-92
- СЕНТЯБРЬ-92
- ОКТЯБРЬ-92
- НОЯБРЬ-92
- ДЕКАБРЬ-92
- ЯНВАРЬ-93
- ФЕВРАЛЬ-93
- МАРТ-93
- АПРЕЛЬ-93
- МАЙ-93
- ИЮНЬ-93
- ИЮЛЬ-93
- АВГУСТ-93
- СЕНТЯБРЬ-93
- ОКТЯБРЬ-93
- НОЯБРЬ-93
- ДЕКАБРЬ-93
- ЯНВАРЬ-94
- ФЕВРАЛЬ-94

- МАРТ-94
- АПРЕЛЬ-94
- МАЙ-94
- ИЮНЬ-94
- ИЮЛЬ-94
- АВГУСТ-94
- СЕНТЯБРЬ-94
- ОКТЯБРЬ-94
- НОЯБРЬ-94
- ДЕКАБРЬ-94
- ЯНВАРЬ-95
- ФЕВРАЛЬ-95
- МАРТ-95
- АПРЕЛЬ-95
- МАЙ-95
- ИЮНЬ-95
- ИЮЛЬ-95
- АВГУСТ-95
- СЕНТЯБРЬ-95
- ОКТЯБРЬ-95
- НОЯБРЬ-95
- ДЕКАБРЬ-95
- ЯНВАРЬ-96
- ФЕВРАЛЬ-96
- МАРТ-96
- АПРЕЛЬ-96
- МАЙ-96
- ИЮНЬ-96
- ИЮЛЬ-96
- АВГУСТ-96
- СЕНТЯБРЬ 96
- ОКТЯБРЬ-96
- НОЯБРЬ-96
- ДЕКАБРЬ-96
- ЯНВАРЬ-97
- ФЕВРАЛЬ-97
- МАРТ-97
- АПРЕЛЬ-97
- МАЙ-97
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

ВВЕДЕНИЕ

О чем эта книга и кому она нужна

Эта книжка не является развлекательным чтением. В ней практически нет пикантных историй, которые так часто украшают мемуарную литературу.

А что же в ней есть?

В ней есть современный Израиль, каким я видел его и каким я его понял.

В ней затрагиваются история и специфика еврейского государства, рассказывается о сионизме и антисемитизме.

В ней показана жизнь обычного российского посольства в весьма необычной стране.

И, наконец, в ней присутствует ее автор.

Ни в коей мере не претендую на объективность, ибо ограничен своей колокольней, своим видением, пониманием событий.

Попробую избежать удручающей серьезности и прежде всего — по отношению к самому себе.

Могут встретиться неточности. Что-то подзабыл, что-то не удосужился проверить, что-то перепутал.

Забота о широком читателе и интересы коммерции заставили опустить некоторые сюжеты, а другие обозначить лишь штрихами. Наиболее любознательных отсылаю к полному тексту книги, которая выходит у того же Захарова под названием “Записки ненастоящего посла”.

Относительно названия этого облегченного варианта долго спорили. “Пять лет среди евреев” — так было первоначально. “И выжил”, — добавляли израильские остряки. Но отсоветовали: евреи могут обидеться. Тогда решили: “Пять лет в бывшем гнезде сионизма”. Гнездо, тем более — бывшее, вроде бы не должно обидеться. А сионисты?.. Нейтральный вариант “Израиль из окна российского посольства”. Издатель забраковал — скучно. Под давлением коммерции вернулись к “евреям”, но, чтобы никому не было обидно, добавили мидовцев. Итак, читайте “Пять лет среди евреев и мидовцев”.

Вот, кажется, и все, что хотелось сказать, предваряя, книгу. Надеюсь на снисходительность.

ДЕКАБРЬ-91

Верительные грамоты — Из настоящего журналиста в ненастоящего посла — Посол несуществующего государства — Премьер-министр И. Шамир — Четвертая молодость

Вручение верительных грамот — самое для меня важное событие декабря 1991 года — состоялось 23 числа.

Наверное, читателям будет интересно узнать, что за штука такая — "верительные грамоты" (занятная деталь: "грамота", т. е. бумага, документ, она одна, но по сложившейся традиции именуется, как правило, во множественном числе). Привожу полностью текст.

ПРЕЗИДЕНТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК М. С. ГОРБАЧЕВ

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ХАИМУ ГЕРЦОГУ ПРЕЗИДЕНТУ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Ваше превосходительство,

Следуя политике укрепления сотрудничества между народами и желая способствовать развитию дружественных отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Государством Израиль, я решил назначить при ВАС гражданина Александра Евгеньевича БОВИНА в качестве своего Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Аккредитуя гражданина Александра Евгеньевича БОВИНА настоящей грамотой, прошу ВАС, ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО, принять его с благосклонностью и верить всему тому, что он будет иметь честь излагать ВАМ от моего имени и от имени Правительства Союза Советских Социалистических Республик.

(М. Горбачев)

Скрепил (Э. Шеварднадзе)

Министр Внешних Сношений СССР

Москва, Кремль

11 декабря 1991 год

Вот такая могучая бумага.

В связи с именами Горбачева и Шеварднадзе хочу сделать небольшое (и не последнее) отступление от хронологии. В январе 1997 года в Аммане происходило кустовое совещание послов (Израиль и его арабское окружение). После праведных трудов гостеприимный хозяин А. В. Салтанов кормил нас и поил. Обычное русское застолье, только в Иордании. С удовольствием хвалили друг друга и пили за здоровье друг друга. Некоторые послы привезли жен. Одна из них расчувствовалась и "волнительно", как раньше говорили, подняла тост за "нашего дорогого министра" Евгения Максимовича Примакова. Все с понятным энтузиазмом поддержали. На это я заметил, что было бы логично, если бы присутствующие выпили за здоровье Козырева, благодаря которому они и сидят за этим столом. Ответ последовал незамедлительно. "А тебя вообще назначил Горбачев!" — парировал мой сирийский коллега В. Ю. Гогитидзе. Все дружно рассмеялись и не менее дружно выпили. Кто за кого хотел. В то время я находился в непьющей фазе, а то бы принял тройную дозу: за Горбачева, Шеварднадзе и Примакова.

Чтобы закруглить тему Горбачева, повторю то, что написал еще тогда, когда Горбачев был у власти.

> "Горбачев — трагическая фигура. Помните? Дорога в ад вымощена хорошими намерениями. Он вымостил свою дорогу. Но он, безусловно, великая фигура, одна из великих политических фигур XX века. Он разрушил тюрьму, казарму, в которой мы жили десятки лет… Как Петр I, он поднял Россию на дыбы. Но в отличие от Петра не сумел совладать с поводьями. И это не столько вина его, не столько выбор, сколько беда, судьба. Он нужен был истории, чтобы сорвать оковы с России. Новую Россию будут создавать новые поколения людей. Критические выпады против Горбачева, не учитывающие ("в уме", разумеется) этот исторический фон, всегда будут мелкими, мелочными, скользящими по поверхности вещей".

Я и сегодня так считаю.

Вернемся в Израиль. Вручение верительных грамот состоялось, выражаясь мидовским новоязом, "при том понимании", что до 30 декабря я буду послом Советского Союза, а после — послом России.

Все было, как положено: эскорт мотоциклистов, оркестр, ковер, флаги и т. д. Все было расписано: куда идти, где стоять, куда поворачиваться. На мне был парадный мундир с золотым шитьем и маршальскими звездами (последний, кажется, посольский мундир, сшитый в мидовском ателье). Первый и последний раз я был при галстуке. Посмотрел на себя в зеркало и подумал — ну, точно швейцар пятизвездочного отеля. Но надо было терпеть.

Для любого посла вручение верительных грамот — это праздник, торжественная и радостная процедура. И для меня, конечно, это был праздник. Но — праздник со слезами на глазах. Я знал, что я — последний посол Советского Союза, что в последний раз поднимается наш Красный флаг, что в последний раз играют наш гимн. В последний раз… Все как бы раздваивалось. Я делал ритуальные движения, произносил ритуальные фразы. А другая половина моего “я” прощалась с Советским Союзом, с великой страной, без которой мне трудно было представить себя.

В моей общественной, социальной жизни было две трагедии, две катастрофы. Первая — ввод войск в Чехословакию. И вторая — ликвидация Советского Союза. В обоих случаях трагедия явилась результатом недальновидности, ограниченности политических лидеров, облеченных правом принимать судьбоносные решения. Уверен, что суд истории их не оправдает…

На следующий день начались посольские будни, продолжавшиеся пять с половиной лет.

Но прежде чем перейти к будням, расскажу историю своего превращения из журналиста в дипломата.

Из “Известий” в Тель-Авив. В качестве журналиста я, естественно, касался ближневосточной проблематики. По понятным причинам мои речения и писания находились в русле официальной политики. Но иногда удавалось все же давать более взвешенную, более объективную картину событий. Перестройка существенно облегчила такой подход. Хотя односторонность, предвзятость прежней позиции преодолевались и ЦК КПСС, и МИДом с большим трудом.

Было понятно: нужно восстанавливать отношения с Израилем. Кстати, это стало понятно задолго до перестройки. Начали торговаться. Нашу цену четко обозначил А. А. Громыко на конференции в Женеве в октябре 1973 года. СССР восстановит дипломатические отношения с Израилем, когда наметится заметный прогресс в урегулировании израильско-арабского конфликта. Предполагалось, что прогресс этот зависит от

Израиля, от его уступок арабам. В последующие годы наше условие облекалось в различные словеса, но оставалось в силе. Так продолжалось и в горбачевскую эру. В августе 1991 года я писал в “Известиях”:

> “Советскую дипломатию трудно упрекнуть в чрезмерной активности на Ближнем Востоке. Возникает такое впечатление, что наше “маневрирование” становится самоцелью, тактика превращается в стратегию. Вопрос о восстановлении дипломатических отношений с Израилем не то что созрел, а просто перезрел. Оговорка насчет “контекста развертывания переговорного процесса” (о, могучий русский язык!) юридически беспомощна, недальновидна политически и весьма уязвима в нравственном отношении. Негоже великой державе взимать плату за исправление собственной ошибки”.

К тому времени мой известинский стаж приближался к двадцатилетию. Началось какое-то странное томление духа. Вроде бы уже обо всем писал. Причем — неоднократно. Ну, еще один кризис на Ближнем Востоке. Ну, еще одни выборы в Америке. Ну, еще одни переговоры о разоружении. И т. д., и т. п. Возникла нахальная мысль переместиться на дипломатическое поприще.

Идея такая возникала и раньше. Просился послом в Люксембург. “Тесновато Вам там будет”, — криво усмехнувшись, заметил Громыко. Брежнев был откровеннее: “Тебе еще работать надо!” И вот снова потянуло в дипломатию. “Поеду, — мечтал я, — в какую-нибудь небольшую, отдаленную, мало проблемную страну, — в Новую Зеландию, например, — “буду сидеть там тихо и сочинять книги”. Начал толковать на эту тему с людьми из окружения Горбачева. На всякий случай говорил даже с А. В. Козыревым (он тогда еще на Старой площади сидел в республиканском МИДе). Все слушали и с разной степенью выразительности кивали головами.

Но Веллингтон был далеко, а Тель-Авив почти рядом. В октябре меня пригласили посетить Израиль. И уже находясь в Израиле, узнал, что прилетает министр иностранных дел СССР Б. Д. Панкин подписывать соглашение о восстановлении дипломатических отношений в полном объеме и обмене дипломатическими миссиями на уровне посольств.

Панкина я знал давно, еще по “застойным” временам. Уровень его порядочности был явно выше тогдашней нормы. Встречались по разным поводам. Бывал у него в Стокгольме, где

Панкин возглавлял наше посольство. Потом он стал послом в Праге. Решительно, без колебаний (в отличие от многих послов) выступил 19 августа 1991 года против заговора гэкачепистов. Что и открыло ему дорогу к министерскому креслу. Успел взять у него интервью, пока он в этом кресле находился.

Итак, 18 октября. “Кинг Давид” — самая фешенебельная гостиница в Иерусалиме. Там обычно располагаются наиболее высокопоставленные гости. Стою в толпе журналистов. Ждем Панкина. Появляется в окружении, как и положено министру, сопровождающих лиц. И вдруг видит мою довольно заметную физиономию. Почти немая сцена. Нарушая протокольный порядок, подходит ко мне и шепчет на ухо: “Теперь я знаю, кто будет послом в Израиле”. Или что-то в этом роде. На том и расстались. Долго отбивался от коллег, которые пытали меня на тему: “Что же он тебе шептал?”

Слова Панкина я не воспринял серьезно. Ведь и министры шутят. Вернувшись в Москву, даже жене ничего не сказал. Продолжал заниматься известинскими делами. Но в один прекрасный день мне позвонили из МИДа и потребовали “объективку”. Бюрократическая машина начала делать первые обороты.

Судя по рассказам очевидцев, судьба моя решилась в самолете, на котором Горбачев летел в Мадрид на конференцию по Ближнему Востоку. С подачи, как я полагаю, своего помощника А. С. Черняева первый (и последний) президент СССР сообщил приближенным, что у него есть “нестандартное решение” — направить Бовина послом в Израиль. Приближенные поддержали эту идею. Правда, злые языки говорили, что В. Н. Игнатенко бросил реплику: “Пьет он много”. На что Горбачев ответил: “Но много и закусывает”. Добрые языки утверждали, что не было этого. Наверное, не было. Но ведь в нашей жизни важны не только факты, но и легенды…

Где-то после ноябрьских праздников позвонил Горбачев. Передо мной, сказал, лежат две бумаги: о присвоении тебе звания посла и о назначении тебя послом в Израиль. “Не возражаешь?” Я не возражал.

Вновь назначенному послу, ежели он “со стороны”, полагается пройти стажировку в соответствующем подразделении МИДа. То есть ходить по кабинетам, беседовать с профессионалами, читать документы. Немного походил и побеседовал. Получил дельные советы и напутствия. Однако пришлось вносить “поправку на ветер”. Ведь профессионалы все были арабистами и видели Израиль сквозь привычные советско-арабские очки. Поэтому в основном я “стажировался” в своем

уютном, обжитом известинском кабинете, штудируя имеющееся в газете обширное досье по Израилю.

В конце ноября оказался в Штатах, на какой-то, не помню уж, конференции. Там в эти дни находился с визитом премьер-министр Израиля Ицхак Шамир. Через наше посольство в Вашингтоне его люди разыскали меня. Встретились в Нью-Йорке, в гостинице “Уолдорф-Астория”. Когда поднимались к Шамиру на 19-й, кажется, этаж, сломался лифт. И в Америке такое бывает. Помню еще, что в премьерских апартаментах было очень жарко. Видимо, поддерживалась привычная температура. Шамир выглядел усталым, утомленным. Но сразу чувствовался острый, живой ум. Разговор получился не формальным.

22 ноября в ведущей израильской “русскоязычной” газете “Вести” был опубликован мой разговор с главным редактором газеты Эдуардом Кузнецовым (тот самый, который по ленинградскому “самолетному делу” был приговорен к расстрелу).[1]

— Когда послом в ту или иную страну назначают не кадрового дипломата, а общественно-весомую фигуру, которая не только выражает общественное мнение страны, но и формирует его, это означает одно из двух: или это общественно-политическая ссылка (порой в форме синекуры), или свидетельство того, что политическое руководство придает особое значение данной стране.

— Ничего себе синекура! Израиль! Да нет, вероятно, труднее региона, чем ваш. Это одна из самых “горячих” дипломатических точек. Я-то подумывал о Новой Зеландии — ел бы там баранину да писал книжки. И ссылать меня тоже не за что — не заслужил. Ваш вопрос — типично советологический. Советологи, они ведь во всем усматривают далеко идущие расчеты, точно выверенные шаги… Вместе с тем в вашем вопросе есть свое рациональное зерно. Сейчас происходит радикальный поворот в нашей ближневосточной политике и, может быть, кому-то наверху показалось, что моя фигура вписывается в этот поворот, ибо, как вы знаете, я многие годы занимал особую позицию в вопросе о Ближнем Востоке… Так что, видимо, моя личная позиция сошлась с нынешним изменением советской политики.

— С улучшением отношений с Израилем таковой, в известном смысле, становится ареной противоборства

советско-американских интересов. Как вам это видится?

— Я намерен в своей работе в качестве советского посла осуществлять один принцип: делать лишь то, что отвечает государственным интересам Советского Союза. Так вот, если говорить о наших государственных интересах и американских государственных интересах, то окажется, что в ближневосточном регионе у американцев задействовано таких интересов больше. Для них это прежде всего нефть. Для нас этого вопроса не существует. Для них Израиль традиционно не только политическая, но и нравственная проблема, в рамках которой вопрос о безопасности Израиля — это государственный интерес США. Таких обязательств перед Израилем у нас нет пока, к сожалению. И третий фактор — хорошие отношения с арабами. Так вот у нас первого интереса совсем нет, третий интерес совпадает с американским, а второй наличествует лишь в зародыше. Причем, кто бы что ни говорил, СССР остается сверхдержавой. Мы таковой и ранее считались не из-за того, что у нас была прекрасная экономика, а потому что у нас было энное количество ракет. И сегодня они никуда не делись, они стоят там, где стояли. Если сейчас они разбросаны по четырем независимым республикам, то все равно пусковая кнопка находится в Москве. К тому же есть фактор, который, возможно, позволит нам переиграть американцев в Израиле. Ведь наших евреев в Израиле гораздо больше, чем американских. До сих пор это был для нас потерянный капитал, мы отторгали этих людей и сами в этом виноваты. И если мы опять сделаем этих людей нашими…

— В каком смысле?

— В том, что евреи теперь уже уезжают в Израиль не как изгои, отторгнутые советским государством, а как люди, имеющие право жить там, где им хочется. Они будут навещать СССР, они станут экономическими посредниками между Советским Союзом и Израилем, а для нас — через Израиль — со всем западным миром. Кстати, в качестве одного из первых шагов в Израиле я попытаюсь создать в Иерусалиме культурный центр под названием “Россия” — этакий клуб с газетами, книгами, кино… Надо будет обратиться к русским евреям в Израиле: посольство, мол, выделяет на этот центр, скажем, миллион долларов, а еще миллион соберете вы. Причем имя каждого жертвователя будет там выбито на

мраморной стеле…

…Беда в том, что у нас нет хороших “евреистов”. Евреев много, а специалистов по Израилю, по еврейской культуре нет. Но — буду искать. Конечно, МИД кого-то предложит, но я хочу найти кого-то сам, пусть без дипломатического опыта, но зато знатоков Израиля, людей со свежим взглядом на ситуацию. Вообще практически все надо начинать с самого начала. Надо будет расширять консульскую службу, открыть консульские отделы в Хайфе, в Иерусалиме…

— А что насчет того, чтобы перенести советское посольство в Иерусалим? При каких условиях это возможно?

— В обозримом будущем — ни при каких. Насчет этого существует в мировом общественном мнении консенсус…

— То есть, первым Советский Союз этот консенсус не нарушит?

— Даже и вторым.

Такой вот получился разговор. Наивный несколько, если судить с нынешних позиций. Но достаточно полно показывающий мой настрой в те уже безумно далекие дни.

В Москве тем временем нарастала неразбериха. Советский Союз уже треснул по всем швам. Из Иерусалима торопили с приездом, поскольку советскому послу надо было успеть вручить верительные грамоты, пока юридически Союз существовал. Помню, звонил кому-то из помощников Горбачева и просил воздействовать на шефа, чтобы он не слагал с себя президентских функций, пока я не вручу верительные грамоты. Шутка, но горькая…

Из Москвы вылетел 19 декабря. Тогда наши самолеты еще не летали в Израиль, а МИД уже экономил валюту. Поэтому “Аэрофлот” доставил меня в Каир. Встречал наш Генеральный консул в Израиле А. Ф. Чистяков. После краткого, но содержательного завтрака у советского посла в Египте В. П. Полякова двинулись на машинах через Синай в Тель-Авив. Потом мне долго приходилось объяснять журналистам, почему я появился в Израиле “с черного хода”. Никак не могли они поверить, что у советского МИДа нет денег на билет до Тель-Авива. Все пытались докопаться до какого-то “подтекста”…

Жизнь в Тель-Авиве началась в субботу 21-го декабря и началась она с отеля “Хилтон”, куда меня поселили до подыскания резиденции. Встретил меня большой рыжий таракан

левантийской, видимо, породы. Окна выходили на пустынный пляж и на зимнее, беспокойное Средиземное море. Вечером поехал в Иерусалим. В театре Семена Злотникова (встречался с ним еще в Москве) давали его же пьесу “Зеркало для олим первого года обучения”. Так, с места в карьер, началось мое знакомство с жизнью “русской алии”, “русского” Израиля.

“Олим” на иврите — множественное число от “оле”, что значит “восходящий” (к Храму). Так торжественно именуют репатриантов. То есть они “восходят”, поднимаются в Израиль. Но “русские” евреи включают ивритские слова в грамматические формы русского языка. Отсюда — “олим” (репатриант) и “олимка” (репатриантка). И множественное “русское” число — “олимы” (репатрианты). Такова ныне разговорная речь. Но в 1991 году “русские” еще не управились с ивритом. Поэтому Злотников написал “для олим”. Сейчас он написал бы “для олимов”. Словом “алия” обозначается переселение евреев в Палестину (Израиль). В более узком плане так называют группу евреев, прибывших из какой-либо страны или в какой-то определенный период времени. Говорят, например, “русская алия” (приехавшие из России) или “первая алия” (переселенцы конца XIX века).

Воскресенье здесь — день рабочий (и зовется, разумеется, не “воскресенье”, а просто “йом ришон”, то есть “день первый”, ибо с него-то и начинается еврейская неделя). С утра отправился в МИД. Таковой, — как и все израильское начальство, — находится в Иерусалиме. А поскольку мировое сообщество не признает Иерусалим столицей Израиля, то все посольства (кроме Коста-Рики и Сальвадора) расположены в Тель-Авиве. Очень неудобно. Почти каждый день (а иногда и по два раза) приходилось мотаться туда и обратно, а это — 130 км и два часа без толку потраченного времени.

В этот же день — первое посещение своего рабочего места. Рабочее место — это Генеральное консульство СССР, ныне преобразованное в посольство.

Группа советских консульских работников (3 человека) прибыла в Тель-Авив в июле 1987 года. Формальная задача — урегулирование юридического статуса советской собственности, плюс — оформление документов гражданам СССР. Но фактически таким путем было обозначено дипломатическое присутствие СССР в Израиле. Соответственно в июле 1988 года в Москве появилась консульская делегация Израиля.

Я хорошо знаю Арье Левина, генерального консула, а затем посла Израиля в России. Умный, интеллигентный человек. Профессионал высшей пробы. Прекрасно ориентировался в российских лабиринтах. Критически оценивал виляния

израильской политики по отношению к Москве.

> “Когда большая алия достигла пика, — говорил он в июле 1996 года, — Россия перестала интересовать нас. Это ошибочный подход. Нельзя пренебрегать контактами с Россией, ссылаясь на нашу “проамериканскую” ориентацию. Нельзя забывать о том, что Россия — мощная держава. Сегодня она повержена, разъята, но, поверьте мне, через десять лет она вполне может наверстать упущенное”.

Надеюсь встретиться и поговорить с Арье в 2006 году…

Советское генконсульство занимало несколько небольших комнат на 15-м этаже здания, носившего название “Мерказ текстиль” (“Центр текстиля”). У входа в наши апартаменты стоял, вернее, сидел солдат с автоматом, именуемый “мальчик Мотя”. Охранял нас, стало быть. В кабинете все было как положено: портрет Горбачева, сейф и телефон с гербом Советского Союза на диске. Собрались — поговорили. Сотрудники с любопытством смотрели на меня, я — на них. Началась притирка, которая, как правило, никогда не кончается.

На следующий день после вручения верительных грамот состоялся первый урок иврита. Научить меня ивриту взялась очаровательная девушка из Грузии Нана Наш. Если сразу заглянуть в конец, то не научила. Может быть, потому, что процесс обучения интересовал меня больше, чем результат. Мои достижения — сотни полторы расхожих слов и выражений плюс умение прочитать вывески на улице. Помогало создавать атмосферу…

С языками у меня такая штука. Люблю их учить, но никак не могу выучить. Пятьдесят с лишним лет учил, к примеру, английский, даже один месяц — в Лондоне, но так и не научился свободно говорить. Еще хуже обстоит дело с французским, немецким и т. д. В порядке лингвистического баловства по десятку слов могу сказать на китайском или японском. Сказалось скорее всего то, что я никогда подолгу не жил за границей. И то, что никогда не было трудностей с переводчиками. Наверное, следовало бы проявить настойчивость, заставить себя, но всегда находилось что-то более интересное, чем уроки языка. Так что работал с переводчиками. Конечно, это сковывало, осложняло контакты, лишало их легкости, непосредственности. Я чувствовал это и будучи журналистом. Став послом — тем более.

25 декабря в тель-авивском Доме журналистов прошла моя первая пресс-конференция.

“Бовин сидит за столом в свободной, даже расслабленной позе, — рисует газета “Время”. — Большой. Грузный. Ярко освещенный. Бесстрастное лицо. Никаких эмоций. На вопросы отвечает сразу, четко и коротко. Иногда резковато, но тогда он смягчает свои слова легкой улыбкой. Трудно поверить, что дипломатическая карьера этого человека началась всего три дня назад”.

Далее фрагменты стенограммы.

— Вы поддерживали не только служебные, но и хорошие личные отношения с Михаилом Горбачевым. В каких отношениях вы находитесь с Борисом Ельциным?

— Начиная с 1986 года я два раза говорил с Горбачевым: один раз при личной встрече и один раз по телефону.

За то время, что Ельцин находится в Москве, я еще ни разу не разговаривал с ним. Так что говорить можно только о чисто деловых отношениях. Конкретных поручений от Ельцина перед приездом сюда я не получал.

— Сегодня Михаил Горбачев выходит в отставку. Какие чувства вы испытываете?

— Я очень высоко ценю Горбачева. Это один из великих политиков XX века. Он решил задачу невероятной трудности: разрушил ту тюрьму, которая создавалась 70 лет. Но силы человека ограничены. История возложила на него задачу разрушения. Кстати, это касается и Ельцина, и Шеварднадзе, и Яковлева. Задача всего их поколения — разрушить эту тюрьму. Следующая задача — созидание. Ее предстоит решить следующему поколению, тем, которым сейчас 30–40 лет. Они построят новую Россию. Я с огромной благодарностью провожаю Горбачева и, конечно, с грустью.

— Какими вам представляются ваши задачи?

— Буду стараться, чтобы отношения между нашими странами были максимально дружественными. Это касается политики, экономики, культуры. Здесь живут полмиллиона людей, которые приехали из бывшего Советского Союза. Сейчас это полмиллиона разорванных ниточек. Я попытаюсь связать их заново. И вижу в этом свою главную роль…

Приезд русского посла — хлеб для журналистов. Писали много и со смаком. В общем, по-доброму писали. Встречались и забавности. Так, в газете “Знак времени” можно было прочитать: “Александр Бовин — посол несуществующего государства, вручение им верительных грамот — самое фантастическое событие в истории дипломатии”. Я готов был обидеться, но за этой ехидной тирадой следовали “Сонеты Бовину”, сочиненные Анатолием Добровичем.

1.
Любезный Александр, какая радость: Бовин!
Усилится одышка в центре склок.
С Россией диалог во сне лишь полюбовен.
Но “оскорбленному есть чувству уголок”.
В харчевне, где б хозяин приволок
Нам пива и маслин, и мяса из жаровен,
И левантийских всяких там хреновин,
Чтоб шел еврейско-русский диалог,
Как разговор, прервавшийся вчера,
В котором чувствуешь: политика — игра,
И нации — игра, и разница в широтах,
А не игра — такие вечера.
Свой человек, большущий, как гора,
И жемчуг мысли в общих нечистотах.
2.
В посольском кабинете день-деньской.
Но ранним утром — этакое диво:
По влажному бульвару Тель-Авива
Пройтись, как от Никитской до Тверской.
Нет-нет повеет нашею Москвой…
Гляди, она сместилась прихотливо
На Юг, ее украсила олива,
Пророков гомон, ветерок морской.
А вдруг и вправду есть такой распил,
Где линии судеб нерасторжимы,
Хотя встают и падают режимы?
За это я б чего-нибудь распил…
Но, господин посол, державной чести школа
Диктует лишь поклон в пределах протокола.

Поэзия, пусть немножко замысловатая, примирила меня с прозой. Разговор, прервавшийся, к сожалению, не вчера и не позавчера, надо было начинать снова. Для этого меня и послали в Израиль.

Конец декабря прошел в протокольных визитах, которые я был обязан нанести своим коллегам.

30 декабря посетил премьер-министра И. Шамира. У него — бурная молодость. С конца 1942 года, бежав из тюрьмы, будущий премьер входит в руководящую “тройку” радикальной, ориентирующейся на террор организации ЛЕХИ (“Борцы за свободу Израиля”). В отличие от другой подпольной группы ЭЦЕЛ (“Национальная военная организация”), которой руководил другой будущий премьер М. Бегин и которая считала, что надо помогать англичанам бороться с гитлеровцами, ЛЕХИ видела в англичанах главных врагов и продолжала бескомпромиссную, жестокую борьбу с ними. Шамира снова арестовывают и ссылают в Джибути.

Вспомнили встречу в Нью-Йорке. Поговорили о “русских корнях” Израиля. И о том, как преодолевать недоверие друг к другу, накопившееся за четверть века вражды. Поговорили и о перспективах мирного процесса. Здесь Шамир — один из главных израильских “ястребов”, был крайне сдержан. Он не мог видеть себя за одним столом с Арафатом. Он решительно не был согласен с американской, как он считал, теорией “мир в обмен на территории”. Он настаивал на интенсивном строительстве еврейских поселений на оккупированных территориях, чтобы сделать невозможным их возврат палестинцам.

Уйдя после поражения на выборах от активной политической жизни (плюс возраст, конечно), — Шамир никогда не менял своих взглядов. Последняя встреча с ветераном израильской политики состоялась 15 апреля 1997 года, накануне моего отъезда. Он был похож на сердитого, взъерошенного гнома. Резко критиковал “несерьезную политику” правительства Нетаньяху, самого Нетаньяху, который идет вразрез с принципами Ликуда. По его мнению, нужно прекратить уступки, отступление, аннулировать все соглашения с Арафатом, вернуться на шесть лет назад, к Мадриду (“где я ничего не обещал палестинцам”), и начать все с начала. Я не был согласен с Шамиром, хотя его логика, логика ортодоксального сиониста, была мне понятна.

Примерно в те дни я написал письмо своему другу Володе Лукину.

> “Дорогой профессор!
>
> 1. Пока, конечно, не работа, а слезы. Мало дипломатов, а добавить нельзя: нет рабочих мест — ищем здание, что с нашим бюджетом — опять же слезы…
>
> Из игр интеллектуальных на первом месте сейчас разработка того, что можно назвать “концепцией” наших

отношений с Израилем. Исходный пункт — четко определить государственные интересы, т. е. чего мы хотим, в чем мы заинтересованы.

На первое место я бы поставил использование научно-технического и предпринимательского потенциала Израиля. Предпосылки этого: 1) зажим антисемитизма и режим наибольшего благоприятствования для еврейской культуры в России и 2) “реабилитация” уехавших евреев (надо принять закон, что все евреи, потерявшие наше гражданство из-за отъезда в Израиль, автоматически получают его).

Место второе. Стабильность ситуации на Ближнем Востоке. Реальная цель (пока мы вместе с американцами) — не допустить новой войны. Это потребует снизить поставки оружия в регион и выровнять наши отношения с арабами.

Продолжать мирный процесс при понимании а) главенствующей роли Вашингтона и б) недостижимости прочного мирного урегулирования, по крайней мере, до конца века. И интерес третий. Нормализация российско-израильских отношений, равно как и нормализация отношений с евреями внутри России, несомненно, повысит наш “рейтинг” в развитых странах мира, особенно среди еврейской диаспоры, что — в данных конкретных обстоятельствах — было бы полезно”.

Меня иногда спрашивали: что самое трудное в посольской работе. Отвечал: держать умное лицо, сидя в президиуме. Меня хватает минут на пять, не больше. И еще — выступать по любому поводу. Не хотелось усыплять аудиторию. И поэтому приходилось изображать, что ты вроде бы в курсе. С некоторыми образцами моего ораторского искусства читатель обречен познакомиться.

Днем 31-го отлично посидел в хилтоновской сауне. Выпарил старые грехи. Получил хороший урок разговорного иврита.

Новый год встречал с журналистами газеты “Время”. Было все, как у нас. Снега только не было.

Так начиналась моя четвертая молодость. Новая страна, новые проблемы, новые люди — все это как ионизирующий душ. “Нет лет!” — утверждает Евтушенко.

Завершение первой молодости датируется окончанием аспирантуры (1959 год). Вторая молодость переживалась в журнале “Коммунист” и в аппарате ЦК КПСС (1959–1972 годы). Третья молодость — “Известия” (1972–1991). Далее — по тексту.

ЯНВАРЬ-92

Первая депеша — Первый прием — Первый ресторан — Первая (и последняя) вилла — Яша Кедми и его контора

Особенность января 1992 года — все первое, все в первый раз в моей дипломатической практике.

Первая депеша. Назвал ее “К перспективам российско-израильских отношений”. Излагаю содержание.

> Государственные интересы России можно сформулировать так:
>
> во-первых, недопущение новой войны на Ближнем Востоке, содействие процессу мирного урегулирования и,
>
> во-вторых, использование экономического, научно-технического и предпринимательского потенциалов Израиля для облегчения перехода России на рельсы рыночной экономики.
>
> За двадцать с лишним лет мы приучили арабов к тому, что кладем яйца только в их корзину. Теперь они обижаются. В определенной степени охлаждение наших отношений с арабами неизбежно и даже полезно. Но — как видится из тель-авивского угла — наступило переохлаждение. Наверное, было бы целесообразно сделать ряд шагов, выравнивающих положение.
>
> Отрабатывая общий подход к ближневосточному урегулированию, следовало бы, как мне представлялось, иметь в виду два обстоятельства. Американцы играли, и будут играть первую скрипку. И — на здоровье. В конце концов, они работают и на нас, на наши интересы. Вторая скрипка — тоже не плохо. Если, конечно, играть на ней, а не просто держать в руках. Это — первое. И второе. В данном случае переговоры, если угодно, самоцель. Прочного мира не будет еще долгое время. Переговоры важны сами по себе. Почти незаметно, но все-таки они меняют атмосферу, дают опыт общения. Наша задача — не давать “советы”, не предлагать — особенно, когда не просят, — варианты, а терпеливо внушать сторонам, что только они сами и только сидя за одним столом могут найти решения, устраивающие всех.
>
> Как это не парадоксально, — здесь я перехожу ко

второй группе проблем, — но, несмотря на то, что мы три десятилетия поносили Израиль, несмотря на то, что антисемитизм в СССР долгое время был почти официальной политикой, несмотря на мытарства, унижения, оскорбление человеческого достоинства, которые испытал каждый еврей, желавший уехать из нашей страны, — несмотря на все это в Израиле сохраняется, если не иметь в виду всегда возможные исключения, доброе, благожелательное отношение к России и к русским.

Такой фон облегчает налаживание устойчивых, выгодных для России связей с Израилем. Здесь придется решать две специфические задачи. Первая: восстановить доверие к нам со стороны “наших” евреев. Вторая: начать, наконец, решительную борьбу против антисемитизма в России.

Чтобы решить первую задачу, нужно ясно и четко продемонстрировать на деле, что правительство России решительно изменило отношение к “советской” алие.

Раньше, продолжал я, мы с удовольствием и злорадством сообщали о трудностях, с которыми сталкиваются репатрианты. Теперь надо принципиально изменить позицию. Россия должна ощущаться каждым эмигрантом не как враждебная территория, а как прочный тыл. Сказанное относится не только к евреям, но и к сотням тысяч русских, разбросанных ныне по всему свету.

Решение второй задачи выходит за рамки компетенции посольства. Но считаю нужным подчеркнуть: пока мы будем закрывать глаза на антисемитизм, снисходительно относиться к антисемитам, пока сохраняются трудности в развитии еврейской культуры, в обучении ивриту и идишу, строительстве синагог и т. п., отношения с Израилем будут лишены той прочности, основательности, устойчивости, которые отвечали бы интересам России.

Такова была моя самопрезентация. Немного наивно, может быть. И, как мне потом пытались разъяснить, не совсем по чину. Начальству не нравится поучительный тон. Но это я мог пережить. Беда в другом. Отсутствовала обратная связь. Мои размышления по общим, концептуальным вопросам уходили в песок. Не только в данном случае. Вообще. МИД, как правило, молчал. Ведь ответ — это ответственность. А людей, которые не

боятся взять на себя ответственность, никогда не было слишком много.

Еще одна беда. У нас поначалу не было условий для приема и отправки шифротелеграмм. Поэтому приходилось, накопив энное количество депеш, посылать дипломатов в Никозию или в Каир, где шифросвязь была задействована. На Кипр летали. В Каир ездили двумя машинами через Синай. Это было и накладно, и очень неудобно.

Впрочем, поездки в Каир имели свои плюсы. Во-первых, постепенно все дипломаты и их семьи смогли за казенный счет познакомиться со столицей Египта, осмотреть пирамиды. Во-вторых, продукты в Египте раза в два с лишним дешевле, чем в Израиле. Поэтому синайский продовольственный путь энергично использовался для наполнения “продовольственных корзин” сотрудников посольства. В основном мясом во всяких видах.

Первый прием. Отмечался День независимости Мьянмы (Бирмы по-старому). О проблеме с языком уже говорилось. Была еще проблема галстука. У меня с галстуками всегда были нелады. Не умел их завязывать и не любил носить. Хотя несколько лет пытался себя перевоспитать, покупал всякие пижонские галстуки (даже бабочки!), просил друзей их завязывать, снимал и надевал через голову. Но в “Известиях” с галстуками было покончено. Переход в МИД меня не поколебал. Поскольку галстук входил в комплект парадного мундира, то при вручении верительных грамот я был во всей официальной красе. Потом снял и уж навсегда. Тут нет никакого принципа, просто — так мне удобнее. Сначала пари заключались: придет Бовин в галстуке или без. Но скоро привыкли. У меня были союзники. Всегда без галстука появлялся бывший “американский шпион”, а потом израильский министр Натан Щаранский и почти всегда — генерал Рафаэль Эйтан.

И последнее о галстуках. В Москву прибыл премьер-министр Израиля Рабин. Предстоит встреча с Ельциным. Меня включили в список допущенных. Накануне толпимся где-то в МИДе. Заместитель министра и более низшие чины. “А.Е., — обращается ко мне заместитель, — когда пойдете к Ельцину, не забудьте надеть галстук”. Все заинтересованно затихли. “По поводу моей формы одежды, — сказал я, — только жена может давать мне указания”. Пауза. Хихикать низшим чинам нельзя. А Ельцин даже не заметил…

Первый ресторан. В смысле — русский ресторан. Таковым оказалась “Березка” (позже по непонятным для меня причинам переименованная в “Rendez-vouz”). Русский ресторан отличается от израильского (еврейского, марокканского, йеменского,

румынского и какого угодно) прежде всего, естественно, кухней. Но не только. Еврей приходит в ресторан, чтобы чуть выпить, побольше закусить, посидеть и поговорить. “Русский” еврей приходит в ресторан, чтобы гульнуть. Поэтому гремит музыка. Поэтому танцы до упаду (и не только в переносном смысле). Что неудобно (с московской точки зрения) — события начинают разворачиваться не раньше 9 –10 часов вечера. Видимо, “среднему классу” не обязательно торопиться утром на работу. Когда я приехал в Израиль, таких ресторанов было, может быть, десятка полтора. Когда уезжал, далеко за первую сотню перевалило. “Русские идут” — как в той знаменитой картине…

В “Березке” приходилось бывать неоднократно. Со знаменитостями и без. Из знаменитостей: Алла Пугачева — и в пьющем виде и в непьющем, Евтушенко, Рязанов, Малежик и мн. др. Появляясь в Тель-Авиве теперь уже в приватном порядке, я не обхожусь без ритуального визита в бывшую “Березку”.

Давно знаю первый постулат Пардо: “Все, что есть хорошего в жизни, либо незаконно, либо аморально, либо ведет к ожирению”. Но, увы! Любимым заведением был “Кавказ”. Там колдовал мой друг бакинец Илюша Шамаилов. Ему помогали неизменно очаровательные Алла и Офра. Илюша готовил великолепный хаш. Выше всяких похвал была осетрина на вертеле с гранатовым соусом (в скобках: евреям можно есть только ту рыбу, у которой имеются плавники и чешуя; осетр по второму признаку не проходит; и тем не менее — o tempora! O mores! — в одном из киббуцев на севере Израиля стали покупать мальков в Краснодарском крае и выращивать осетров. Не знаю, как сейчас обстоит дело, но боюсь, что “батька Кондрат” лишил-таки “сионистов” некошерной пищи). Не могу не упомянуть об огурцах и красных помидорах домашнего посола.

В “Кавказе” выгуливались гости политического плана. Устраивали мы там и свои коллективные посиделки: дни рождения, проводы, просто хорошее настроение — бывает ведь и такое. Теперь команда сменилась, и Илюша жалуется: экономный дипломат пошел, дома гуляет…

Разогнался — не остановлюсь. Из ресторанов израильских любимых два. № 1 — “У Бени-фишермана”. В старом яффском порту, на самом берегу моря. Рыбаки-оптимисты стоят с удочками. Пахнет водорослями. Шумит волна. Когда штормит — приходится отодвигаться. Летом — открытая веранда под крышей из пальмовых листьев. В меню в основном рыба, которую тут же готовят на мангалах и противнях. Но главное — для меня — “морские гады”, то есть абсолютно, по всем признакам не кошерные, но отменно вкусные креветки и кальмары (желательно

с чесночным соусом). Судя по обилию коренных израильтян, кошерность пищи их не особенно заботит.

В конце октября 1996 года Беню — по моему наущению — посетил Е. М. Примаков с “сопровождающими лицами”. Все — и “морские гады”, и настроение министра — было на уровне. На уровне были и тосты. Меня всегда поражало, как разительно меняются в общем-то нормальные люди, когда становятся сопровождающими лицами и находятся рядом с тем, кого сопровождают. Конечно, доброе слово и кошке приятно. Конечно, прав Окуджава, призывая нас говорить друг другу комплименты. Но… Не буду углубляться, всем понятен смысл этого самого “но”, выше которого, как почему-то утверждают французы, уши не растут. Я сидел, слушал, а в голове проворачивались строки Пастернака:

Когда я устаю от пустозвонства
Во все века вертевшихся льстецов,
Мне хочется, как сон при свете солнца,
Припомнить жизнь и ей взглянуть в лицо.

Может быть стоило “озвучить”, да жалко было Евгения Максимовича.

Однако этот вечер запомнился другим. Министр объявил громко и всем то, что каждый из нас уже слышал потихоньку и по отдельности: Бовина сменит Михаил Леонидович Богданов. Выпили за здоровье Богданова.

О любимом ресторане № 2 расскажу позже.

Первое бракосочетание. Оно состоялось в посольстве 21 января. Все как положено. Жених и невеста, цветы, шампанское. Даже музыка.

Теперь — по порядку. В Израиле не существует гражданского брака. Браки заключаются только “по законам Торы”, а это значит, что и жених, и невеста должны быть иудейского вероисповедания. Но такое совпадение встречается — особенно в наши дни — далеко не всегда. В принципе может выручить международное право. Если, например, жених (или невеста) имеют российское (бразильское, немецкое и т. п.) гражданство, то брак может быть заключен в соответствующем посольстве (консульстве). При том, конечно, понимании, что это не противоречит законам и правилам Израиля.

Мы не видели такого противоречия. Во-первых, согласно действующему в Израиле Положению о полномочиях консулов, последние имеют право “совершать акты бракосочетания в случае, когда хотя бы одна из сторон является подданным

данного консула”. Во-вторых, Государство Израиль признает браки, заключенные за границей. В ходу два варианта. “Смешанная” пара может отправиться на Кипр и там заключить гражданский брак. Это обойдется примерно в 1000 долларов. Такая же пара может через адвоката направить заявление в Парагвай (почему именно в Парагвай, никто не знает), и через некоторое время она получит свидетельство о браке.“Парагвайский” брак стоит дороже. Но зачем Кипр, зачем Парагвай, рассуждали мы, если с точки зрения международного права территория посольства не менее “заграница”. Да и не у всех найдется лишняя тысяча долларов…

Однако в МВД Израиля рассуждали иначе. Израильские чиновники не признавали действительными браки, заключенные в посольствах (консульствах).

Все мои попытки убедить министров внутренних дел и юстиции, — а я встречался с ними неоднократно, — что позиция Израиля, особенно на фоне признания “кипрских” и “парагвайских” браков, выглядит весьма нелогично, что она ставит в трудное положение множество людей, не увенчались успехом. Причем собеседники не ограничивались религиозными соображениями. Массовый наплыв иностранцев в Израиль, говорил мне в августе 1996 года министр внутренних дел Э. Суисса, стал “настоящим бедствием”. В стране 100 тысяч нелегальных рабочих. И власти, подчеркивал министр, боятся, что консульская “лазейка” может быть использована для заключения фиктивных браков с целью получения легального статуса теми, кто права на такой статус не имеет.

В общем нервов пришлось потратить много. Хотелось облегчить участь женихов и невест. Не получилось. Но проблема осталась. И нынешние методы ее решения не представляются адекватными. Так что революция еще предстоит…

Первый мошав. Мошав — это кооперативное сельскохозяйственное поселение, где сочетаются элементы коллективного и частного хозяйства. Как правило, частное производство соседствует с коллективными формами снабжения и сбыта. В Израиле примерно 400 мошавов (160000 человек в них), которые дают около 40 % сельскохозяйственной продукции.

Мошав, в который мы отправились вместе с Яаковом Кедми, был расположен на горе Кармель. Цель визита — особенности национальной охоты. На кабана, в частности. Но по погодным условиям пришлось ограничиться лишь знакомством с охотничьими трофеями, добытыми накануне.

Несколько слов о Кедми (в советском “девичестве” — Яша Казаков). Я познакомился с ним в конце 80-х, когда в Москве

начала работать израильская консульская группа.

Яша довольно часто курсировал между Москвой и Иерусалимом, представляя так называемое Бюро по связям с еврейством Советского Союза (ныне — СНГ), которое, хотя и работало под мидовской крышей, подчинялось непосредственно премьер-министру Израиля. Кодовое название — “Натив” (“Путь”). Разновидность “спецслужб”. Бюро было создано в 1953 году для налаживания и поддержания контактов с евреями Восточной Европы и Советского Союза, поощрения алии, организации доставки евреев в Израиль. Работники Бюро всегда отличались неформальным подходом к делу, хорошим знанием обстановки и людей, умением проникать туда, куда дипломатам путь был закрыт.

После того как выезд евреев из Советского Союза (стран СНГ) был разрешен, условия и формы работы Бюро заметно изменились. Стало меняться и отношение к нему в Израиле. Главными критиками и сторонниками закрытия Бюро выступают МИД и Еврейское агентство (Сохнут). Они полагают, что свободный выезд евреев снимает основания для существования Бюро. Длительное время атаки на Бюро не выходили за рамки дворцовых интриг. Не жаловал Бюро и Мосад. “Классикам” разведки мешала конкуренция “дилетантов”.

Во второй половине 90-х годов напор на Бюро усилился. В докладе, который был подготовлен государственным контролером Мирьям Бен-Порат и представлен премьер-министру Пересу, говорится о разбухании штатов Бюро, произвольных добавках к зарплате под предлогом “секретности”, выходе представителей Бюро в Москве из-под контроля посла и т. п. и т. д. Для проверки обвинений, содержащихся в докладе, Перес создал комиссию во главе с генералом в отставке Рафаэлем Варди. В защиту Бюро выступили Президиум сионистского форума и комиссия кнессета по алие и абсорбции.

Драка продолжалась и при правительстве Нетаньяху. В апреле 1997 года в газетах появились сообщения о ликвидации Бюро и передаче его функций в МИД и Мосад. Позже эти сообщения были опровергнуты.

Думаю, что атаки на Бюро в значительной мере связаны с фигурой Я. Кедми. Это умный, собранный человек, хорошо ориентирующийся в израильских и московских коридорах власти. Зная себе цену, он вел себя слишком — по чиновничьим канонам — самостоятельно, мог перечить начальству, иметь и высказывать свое мнение. Что многим не нравилось, хотелось поставить его на место, вернее, лишить места.

В Израиль Кедми репатриировался в 1969 году. В 1978 году

по рекомендации премьер-министра М. Бегина был взят на работу в Бюро, а в 1990 году стал заместителем начальника Бюро. Во время нашего посещения мошава Кедми еще не знал, что скоро Шамир назначит его руководителем Бюро.

Мне и в Москве, и в Израиле было интересно встречаться и разговаривать с ним. Именно по его приглашению я оказался в Израиле в октябре 1991 года.

Знакомство наше, естественно, продолжалось, и когда я прибыл в Израиль в новом качестве. Продолжается оно и сейчас, когда я убыл из Израиля и снова оказался в старом качестве — журналиста. В новом качестве (в качестве генерала-пенсионера) теперь оказался и Яша. Укатали-таки Сивку крутые горки. Не соглашаясь с критикой в адрес “Натив”, Кедми 30 ноября 1998 года подал Нетаньяху прошение об отставке. Премьер отставку отклонил. Взрыв произошел в самом конце апреля 1999 года, когда письмо Кедми, содержащее критические оценки позиции премьера, было оглашено по телевидению. Сам Кедми свою причастность к “утечке” документа отрицает. Как бы то ни было Нетаньяху разбушевался. Кедми наотрез отказался предаться самокритике и хлопнул дверью.

Поскольку Кедми теперь уже не был связан правилами чиновничьей субординации, он поделился с журналистами своими мыслями по поводу Нетаньяху. Поверхностный, невежественный, склонный к показухе, нечестный — такие эпитеты использовались. “Я обязан предупредить общественность, — сказал бывший глава Бюро по связям, — что Биньямин Нетаньяху — опасный премьер-министр для Израиля. Опасен его образ мыслей, опасен путь принятия им решений, и это может привести государство к трагедии”. Думаю, что выступления Кедми способствовали провалу Нетаньяху на выборах 1999 года.

Наши спецслужбы, разумеется, не жаловали ни “Натив”, ни лично Кедми. Но мои отношения с Яшей лежали в другой плоскости, никак не “специальной”…

Но вернемся в год 1992-й, вернемся в мошав. Нас встречали крепко сбитые, обветренные люди, офицеры-отставники. Расположились в помещении мастерской, где ремонтировались ружья, набивались гильзы, еще что-то охотничье делалось. Хозяин, его звали Додо, расстелил на столе газеты. На них навалили всяческую снедь. Почему-то запомнились жареные утки и копченые кабаньи ребра. Разговор шел обо всем и на всех доступных языках. Постепенно — русский посол еще был экзотикой — стали подтягиваться соседи. Кончилось все пением казацких песен с Кубани. Кармелевские деды пели по-русски, хотя

значения слов текста давно уже не помнили. На прощанье загрузили багажник копченой кабанятиной. Было, чем отчитываться перед коллективом.

Много поездил по стране, благо — маленькая. Убежден, что вот такие встречи дают гораздо больше для понимания глубинных настроений, атмосферы, политической температуры, чем дипломатические рауты или беседы с начальством.

Вечером после “охоты” я встретился с корреспондентом латвийской газеты “Советская молодежь” Инной Каневской. Интервью отражает проблемы и настроения тех дней.

Сообщив, что посол потчевал ее кабанчиком, журналистская дама перешла к вопросам.

— А.Е., глупо, конечно, спрашивать, но существует такой парадокс: когда человека назначают послом, скажем, в Польшу или Китай, все воспринимают это совершенно нормально. А вот если в Израиль, народ волнуется: “А он что — еврей?”

— Надо сказать, что все иностранные корреспонденты с этого вопроса и начинают — сразу видно, что Вы уже из другого государства. А наши, обычно в конце беседы, застенчиво улыбаясь и запинаясь, выдавливают из себя: “Простите, пожалуйста, слухи всякие ходят, а Вы действительно не еврей?” Вот так. Я уж не знаю, право, все мои дедушки, бабушки из города Шацка Рязанской губернии. По-моему, там от самого Рождества Христова никаких евреев не было. Так что слухи не оправданны. К сожалению.

— Я спросила это не просто так. Мне кажется, чтобы работа в чужой стране пошла успешно, нужно полюбить эту страну, а в данном случае немного “объевреиться”.

— Должен сказать честно, что я действительно люблю страну пребывания. Очень много занимался Израилем, был против той антиизраильской позиции, которую мы занимали почти 30 лет — это было большой ошибкой. Потом как-то так вышло, что моя первая жена была еврейкой, и я понимал, какие проблемы стоят перед этим народом.

Здесь я прерву интервью, чтобы углубиться в волнующую многих тему своего еврейства. У меня есть друг — Леон Аршакович Оников. Типичный армянин тбилисского разлива. Долгие годы работал в аппарате ЦК КПСС, но никогда не был антисемитом. Даже написал секретарю ЦК Демичеву записку о необходимости изменить политику в “еврейском вопросе”. А

теперь я предоставлю слово самому Оникову. Несколько абзацев из его статьи “Как я стал евреем в аппарате ЦК КПСС”.

> “Финал был смехотворным. В столовой, во время обеденного перерыва, зав. Сектором телевидения Гриша Оганов, армянин, как и я, лукаво прищурившись, вдруг спрашивает меня: “Леон, кто ты по национальности?” Отвечаю в той же тональности: “Шотландец”. — “Нет, брат, ты — еврей. И числишься в тайном списке евреев аппарата ЦК под номером 21”. — “Очко”, — невольно вырвалось у меня.
>
> Последующие события, — продолжает Оников, — убедили меня, что такой список (разумеется, неофициальный…) действительно существовал. Под номером один в нем значился Г.Цуканов — первый помощник Л.Брежнева… По какому признаку заносились имена в этот список сказать трудно… В этом списке, кстати, числился и нынешний посол в Израиле А.Бовин. Почему? Видимо, он объективно высказывался по “еврейскому вопросу”. Меня не раз спрашивали, не еврей ли Бовин. Отвечал: нет. Я лично был знаком с его матерью, родственниками — русские люди. На таком же основании, если речь идет о добрых чувствах к какому-либо народу, его можно считать не только евреем, но и турком”.

И далее Оников вспоминает забавную историю.

> “Входит как-то ко мне Бовин в кабинет. Это было в начале 80-х. Он тогда уже работал в газете “Известия”. Спрашивает: “Ты не знаешь, старик, зачем меня вызывает Зимянин? Чувствую, не для дружеских объятий”. Я не знал. Звоню своему приятелю — помощнику Зимянина. И он не знает. Спрашиваю: “За что, Саша, как ты сам думаешь, тебя могут звать на экзекуцию?” — “Видимо, — отвечает, — за турок. Дело в том, что я был недавно в Болгарии и резко отозвался о притеснении турок, назвал это геноцидом. Болгарские “друзья” тут же, оказывается, донесли об этом советскому послу, а тот “настучал” в ЦК”.
>
> Я, — пишет Леон, — с Бовиным был совершенно согласен. Будучи за год до него в той же Болгарии, я видел, как нагло тогдашнее руководство “оболгаривало” турок, лишая их национальных школ, запрещая говорить на родном языке. Вот и получалось, по “аппаратной

логике", что раз вступился в защиту турок — значит, сам турок. Пишешь о евреях — еврей. И все тут.

Через несколько дней звоню Бовину, спрашиваю, в чем было дело. "Не в турках, — отвечает, — в… Сталинграде". Оказывается, Бовину, недавно выступавшему перед ленинградским партийным активом, был задан вопрос: "Правда ли, что Волгоград будет переименован в Сталинград?"

Бовин ответил: "Слухи есть. Будет он переименован или нет, не знаю. Но, по-моему, переименовать необходимо. Большинство советских людей рождены после войны. Им следует знать имя человека, который допустил немцев до Сталинграда".

Вот такая была еврейско-турецко-сталинградская история. Кстати, за турок мне тоже попало. Но вернемся к интервью.

— Давайте поговорим теперь о русском посольстве. Наверное, проблем множество, ведь все нужно начинать заново.

— Самая первая проблема — нет здания. Мы занимаем несколько комнат на 15-ом этаже офиса. Людей крайне мало, у нас огромные очереди к консулам, и посетители недовольны, потому что мы не успеваем проворачивать все это. Живу пока здесь, в "Хилтоне", но в ближайшее время перееду на представительскую виллу… Там и будет мой "белый дом", где будем жить со старухой. В Москву, которая требует сокращения штатов, напишу, чтобы повара не присылали — я сам умею готовить, и старуха умеет. А если прием, попрошу помочь…

Вот такие первые проблемы. Самые простые — дом, люди, квартиры. Ну а политические, они — нормально, все потихоньку… Мы должны собирать информацию, сообщать в Москву о том, что здесь происходит, какие проблемы, и разворачивать отношения. О сотрудничестве пока очень трудно говорить, потому что такой хаос в Москве. Допустим, есть какие-то проекты интересные, а с кем там разговаривать? К счастью, мои местные партнеры это прекрасно понимают, и кое-что все-таки сделать пытаемся.

— Ну а охрана у Вас есть?

— У нас сидит солдат, такой мальчик Мотя с автоматом. Вроде нас охраняет. Вокруг него девочки, тоже солдатки. Больше никого нет. Ко мне из службы

местной обращались — дескать, Вам не нужна охрана? Я сказал, вроде пока не нужно. До первого покушения, а там посмотрим…

Вот обо всем этом пишу в Москву. Объясняю, прошу, требую. Хочу в феврале на недельку слетать в Москву, буду просить начальство лично сюда приехать и посмотреть на наши беды. Да и старуху свою наконец привезу сюда… Думаю, устроит взбучку за виллу, скажет: “Как тебе не стыдно!” Она не любит этого.

— Ну, пусть привыкает. Все-таки положение обязывает.

— Она считает, что все эти приемы — глупая затея и пустые разговоры. Она — специалист по эстетике, прекрасный преподаватель. И я боюсь, что здесь ей будет тяжело, потому что я — то на работе, а она одна будет бегать по всем этим комнатам…

— Вы когда приехали, здесь уже были какие-то эмигрировавшие друзья?

— Близких не было, но знакомых много, да и новыми уже обзавелся. Так что я не чувствую себя одиноким в неслужебном плане. В домах бываю совершенно разных — и в наших, и в еврейских. Иногда по делу, иногда просто так потрепаться, в баньке посидеть.

— А баньки здесь какие?

— Сауны. Такие же, как везде.

Очень много уходит пока времени на протокольные встречи. Надо наносить обязательные визиты и послам, и министрам. О погоде приходится говорить, а это безумно скучно. А в общем довольно приятные люди оказываются. Правые, левые — не важно. Тут не в политике дело. Просто умные и образованные люди. Везет…

— В Израиле сейчас гастролирует весь цвет нашей культуры. Встречаетесь ли Вы со звездами, ходите ли на концерты?

— Конечно. Был в гостях у пианиста Петрова. Юрий Темирканов недавно гастролировал. Тоже посидели после концерта. Сегодня утром с Аллой Борисовной беседовал. Позвонил ей, говорю: “Приезжайте ко мне”. Нет, отвечает. “Я — звезда. Я Вас приглашаю”. Сразу частушка вспомнилась: “С неба звездочка упала…” Поеду обязательно…

— А.Е., наши эмигранты часто обращаются к Вам за

помощью или советом?

— Да. Это очень интересный момент. Я первый раз был в Израиле в 1979 году. Тогда все было сложно. Нам вообще не разрешалось встречаться с бывшими согражданами. Но поскольку я был главой делегации, то сказал: “Мужики, к нам это не относится. Беру ответственность на себя”. И мы встречались. Так вот тогда, грубо говоря, из ста человек всего два или три говорили, что им здесь плохо, и они хотят назад. А вот сейчас из ста человек, ну я не знаю, тридцать, может, сорок, но двадцать уж точно, говорят: зря мы приехали, надо было оставаться… А другие двадцать, может, так не скажут, но очень недовольны. И парадокс в том, что я, посол русский, их успокаиваю. Говорю: друзья, что же вы так нервничаете? Вы только приехали, вы не знаете языка. Здесь плохо с тем, с этим, но ведь не может же все быть сразу. Поживите немножко, выучите язык, не ленитесь, вот тогда все образуется.

То есть — в чем парадокс? Раньше ведь все было наоборот. Когда евреям здесь было плохо, не было квартир, работы, мы у себя в Москве злорадствовали… А вот теперь, как посол России я спрашиваю премьер-министра: почему так происходит? Я переживаю за этих людей. Да, они здесь… но это люди, за которых я тоже несу ответственность… Шамир стал объяснять… Понятно все: страна ведь не резиновая, и все трудно, и меняется психологическая обстановка…

…Раньше репатрианты были “штучным товаром”, а сейчас — масса. Все получается по Эйнштейну. Его как-то спросили, как популярно объяснить теорию относительности. Очень просто, ответил Эйнштейн: в Германии я еврей, а в Америке — немец. Здесь — то же самое. Тот, кто в России еврей, в Израиле становится русским. “Русских” здесь не очень любят, потому что — конкуренция. Навалом врачей, инженеров, музыкантов, а они все едут и едут.

…Многие все еще живут нашими старыми советскими понятиями. Вот пишут письма: дорогой товарищ посол! Я — ветеран, приехал сюда, а жить негде. Позвоните нашему мэру, пусть мне вне очереди дадут квартиру. Я пишу ему ответ: вполне понимаю Ваши беды, но ведь я не могу вмешиваться во внутренние дела Израиля. Так что не взыщите. Еще чаще просят помочь устроиться на работу. В общем

срабатывает московский менталитет. Я сочувствую этим людям, но помочь могу только в политическом плане. Хожу по министрам…

— Ну а те, кто все-таки решил вернуться. Проблема есть?

— Проблемы нет (есть, конечно, проблема, но тогда я еще многого не знал и был слишком наивен. — А. Б.). Самый легкий вариант, если есть родственники, которые готовы принять, или есть доллары на покупку квартиры. Но даже если ничего этого нет, мы поддерживаем их просьбы. Ничего страшного, вернутся, будут снимать угол. Как-нибудь образуется.

Тут такие бывают письма, что нарочно не придумаешь. Парень один дезертировал из нашей группы войск в Польше, попал сюда. Пишет: скажите, пожалуйста, какое наказание меня ждет в России за дезертирство? Если, скажем, не больше двух лет, то черт с ним, я вернусь. Но если больше, то еще подумаю…

— А кто больше хочет вернуться — молодежь или старшее поколение?

— Старшее… Легче всего адаптируются подростки. Вот здесь в гостинице носят чемоданы, убирают коридоры. Разговорился с одним парнишкой. Учу, говорит, иврит, поднакоплю денег — пойду учиться……

— … Возможно в России покончить с антисемитизмом?

— До войны, где-то с 30-х до 40-х годов у нас не было антисемитизма. Я, например, до 18-ти лет вообще не знал, что есть евреи. То есть знал, конечно, но как-то абстрактно. Потом приехал в Ростов, поступил в Университет. Еврейская община в Ростове была большая. Моя первая юрфаковская любовь была еврейка. И первая жена — тоже. Вот тогда я впервые узнал, что есть такая проблема.

— Но откуда же это опять вылезло?

— Был такой сочинитель анекдотов — Кольрабик (пардон, так написано в газете, я же имел в виду всего лишь Карла Радека). Он спросил: “В чем разница между Сталиным и Моисеем?” И ответил: “Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин — из Политбюро”. Тогда выбили всю еврейскую верхушку, а потом уже после войны началось… Почему? Не знаю, не могу ответить на этот вопрос. Может быть, хотели отвлечь людей от реальных проблем на таком знакомом материале. Отрезать

советских евреев от влияния Израиля. Не знаю.

Помню, когда началось “дело врачей”, я был обручен. Моя невеста работала адвокатом в Краснодаре, а я заканчивал 5-й курс. Она прислала телеграмму: “Освобождаю тебя от всех обязательств”. А я каждый вечер приходил к своей будущей теще, которая ждала ареста. А она ведь воевала — вся огромная еврейская грудь в орденах и медалях. Приходил, чтобы хоть как-то поддержать. К счастью, все обошлось.

Сейчас, конечно, все по-другому. Хотя существует “Память” и пр. Но все-таки это локализовано, ограничено. А в общем плане, мне кажется, все меняется к лучшему. С другой стороны, проблема эта тысячелетняя, поэтому сразу она исчезнуть не может.

— А вот Вы лично, как посол, что-то можете сделать в этом плане?

— Могу только писать начальству, что если вы хотите иметь хорошие отношения с Израилем, — а это нам нужно и выгодно, — то уровень антисемитизма можно, по крайней мере, довести до “приемлемого”. В Америке тоже есть антисемитизм, и во Франции, и в Англии. Но, скажем так, “патология в норме”. Так вот нам хотя бы дойти до такой нормы, а потом будем идти дальше…

— Как Вы себя чувствуете в новом качестве? Может, на первых порах не очень уверенно?

— Нет, никакой неуверенности быть не может, потому что я был журналистом, а журналисту неуверенным быть нельзя. Но я не чувствую себя начальником. Ну, вот, например, у меня шофер. Как обычно принято? Посол идет на концерт, а шофер ждет его в машине. Мы — вместе ходим, он сидит рядом со мной, вместе слушаем музыку…

Или я сажусь бумагу сочинять, а мне говорят: поручите нам, мы сделаем. Черт побери, думаю, правильно. Но мне легче самому, чем объяснять, что и как. Понимаете, у меня 20 лет не было подчиненных, и я был счастливейшим человеком! А тут давать команды всякие…

— А крепкое словцо любите?

— Я могу выматериться, но это не ругательство, а выражение эмоций. Это все понимают.

— Нескромный вопрос: какая зарплата у посла?

— 1581 доллар и 44 цента. Почему центы? Не знаю.

Здесь говорят так: “Лама? — Каха!”, то есть: “Почему? — Потому!” По сравнению с послами даже самых маленьких государств, это нищенская зарплата. Но у нас так принято испокон советских веков.

— Женщины обычно покупают духи, тряпки, игрушки. А посол?

— Я люблю одеколоны, лосьоны хорошие. У меня на работе всегда стоят. Когда устаю, усы намажу, и усталость проходит. Продукты надо еще покупать.

— На свои?

— А как же!

— Ну, они здесь дешевые.

— Продукты здесь дорогие. Израиль — очень дорогая страна. Поезжайте в Египет, рядом, там все дешевле.

— А гостиница?

— Квартира идет за государственный счет. Вот снимаем виллу. Что там надо? Белье постельное — за мои денежки. А то, что для приемов, за счет посольства. Конечно, трачусь и на одежду. Купил пять хороших рубашек, в Москве не найти моего размера. Скоро лето. Надо эти…

— Шорты?

— … Бермуды! Старуха моя сказала: только попробуй. Я тебя убью в этих бермудах!..

— Ваш прогноз: когда, наконец, Россия станет крепкой державой?

— Я думаю, лет через пятьдесят. Моисей вел сюда евреев из Египта сорок лет, а здесь ведь все рядышком — вот тебе Египет, а вот — Израиль. Сорок лет водил по Синаю, пока не умер последний человек, который-помнил египетское рабство. Вот и у нас, как я думаю, должен умереть последний, кто помнит сталинское рабство. И тогда уже будет новая Россия… — Вы много путешествовали по свету. Ваш любимый город?

— Вы знаете, я всю жизнь прожил в городе, я — урбанист по натуре. И вот Нью-Йорк — воплощение урбанизма. Мне ужасно нравятся эти каменные джунгли. Нью-Йорк — это мегаполис, где перемешаны все культуры, это сгусток энергии, это сколок со всего мира. В каменных джунглях я чувствую себя, как рыба в воде. А второй любимый — Иерусалим. Это совершенно другое. Куда ни ткни, — все это пережито, обо всем прочитаны горы литературы, это все — святая земля. Я — атеист по

убеждению. Но это святая земля не потому, что есть Бог, а потому, что здесь творилась история, ее делали люди, сотворившие Богов.

Кстати, когда Вы будете в Иерусалиме, Вас обязательно поведут в мемориал Катастрофы — Яд Вашем. Там есть зал, посвященный убиенным детям. Описать это невозможно. Память о каждом ребенке — свеча, соединяющая с Богом. Таков замысел. Но, по-моему, после этого зала в Бога верить невозможно. Нет и не может быть Бога, который допустил все это…

Неважно есть Бог или нет, но когда вы заходите в храм Василия Блаженного, в Собор Парижской Богоматери или в киевскую Софию, вы приобщаетесь к колоссальному средоточию человеческого духа, гения! Понимаете? Вот это главное. А Иерусалим — он весь такой. Белый, раскиданный по холмам…

— А Москва?

— Извините, наши я не беру. Тут совсем другие критерии".

После "того разговора, который — приятно вспомнить! — шел под копченые кабаньи ребрышки, прошло почти семь лет. Кое-что я бы сегодня уточнил. Но было так, как было.

Первая (и последняя) вилла. В конце января закончились поиски резиденции. Практически весь дипломатический корпус жил в пляжном пригороде Тель-Авива Герцлии-Питуах. Но я предпочел держаться подальше от этой ярмарки тщеславия. Остановились на вилле в другом пригороде — Савьоне. 19 января подписали договор об аренде. Далеко от моря, больше тишины, простора, зелени. Одноэтажный дом, сад, бассейн. Главное требование, — чтобы можно было принимать гостей (до ста человек). По сравнению с резиденциями многих других послов наша выглядела довольно бледно. Но на большее не было денег (эта стоила поначалу 5500 долларов в месяц). Впрочем, все относительно. "Как в кино!" — сказала моя Лена Петровна, когда увидела наше обиталище.

Первые радости быстро кончились. Вечно что-то портилось и ломалось. Особенно часто подводил кондиционер (что при 40-градусной жаре портит настроение). Петровна нервничала, мне доставалось. За ремонт должен был платить хозяин, но уж больно ему не хотелось… Спорили. Договаривались. А цены все росли.

Несколько раз пытались найти что-нибудь подешевле, не получалось. Убожество сплошное. А мы все-таки Россия…

Поначалу вилла не охранялась. В сентябре 1994 года в одну

прекрасную ночь нас обворовали. Забрались через сад в кухню. Стащили что-то из техники и кошелек с деньгами (около 6000 шекелей). Услышав, видимо, мой храп, ретировались. Но без паники. Визитные карточки вынули из кошелька и аккуратно положили на полку в кухне.

Пришлось бить челом, чтобы поставили будку с солдатом. После долгих препирательств поставили. Однако солдаты, насквозь пропитанные демократией, воспринимали свою службу скорее всего как пребывание на даче. Спали на травке, собирали орехи, слушали музыку, приглашали в будку друзей и подруг. Я испробовал разные способы укрепления караульной дисциплины. Помогало слабо. В конце концов обратился к министру общественной безопасности Израиля с письмом.

> “Уважаемый г-н Кахалани!
>
> Каждый день, когда я вижу солдата с автоматом у входа в мою резиденцию, мне хочется поблагодарить Вас и Всевышнего за заботу о безопасности моей семьи и моих вещей.
>
> Зная о том, какое важное значение для взаимопонимания между нашими странами имеет обмен опытом, я попросил МВД России прислать мне выписку из Устава караульной службы. Этими правилами руководствуются российские солдаты, охраняющие посольства и резиденции в Москве. Наверное, и Вам будет интересно прочитать эту бумагу.
>
> Возможно, я ошибаюсь, но мне в голову пришла следующая мысль. Может быть, и солдатам ЦАХАЛ, находящимся на постах около посольств и резиденций, российские правила пойдут на пользу. Если Вы со мной согласитесь, я готов распечатать указанные правила крупными буквами (на иврите) и вручить персонально каждому, кто дежурит у резиденции.
>
> Приложение по тексту на 1 л.
>
> Искренне Ваш
>
> А. Бовин”.

Далее следовало приложение.

ВЫДЕРЖКА ИЗ УСТАВА КАРАУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПО ОХРАНЕ ПОСОЛЬСТВ И РЕЗИДЕНЦИЙ ПОСЛОВ

> Солдату, находящемуся на посту, запрещается:
>
> приглашать в караульное помещение (будку)

девушек, друзей и родственников,

лежать на газоне и загорать во время дежурства,

купаться в бассейне,

кормить соседских кошек и собак,

разбрасывать мусор и объедки рядом с караульным помещением,

мыть машины на территории резиденции.

Солдат, находящийся на посту, должен быть одет по уставу в опрятный мундир, застегнутый на все пуговицы. Он должен встать и открыть ворота, когда проезжают (проходят) посол или его гости".

Не дожидаясь ответа министра, я, действительно, вручил свое сочинение солдатам, их взводному и ротному. Юмор, кажется, был оценен.

С солдатами связан еще один занятный эпизод.

По моей просьбе перед виллой была поставлена скамейка. Она заменяла мне завалинку, на которой приятно посидеть после работы. В один прекрасный день скамейка исчезла и была обнаружена на новом месте метрах в ста от прежнего. Выяснилось, что мэрия перенесла скамейку по настоянию живущей напротив соседки. Соседка жаловалась, что на этой самой скамейке и вокруг нее собираются солдаты, их друзья и шумят до поздней ночи. Скамейку вернули. Но мэр написал мне письмо, в котором просил убедить солдат "не использовать скамейку таким способом, который мог бы причинить беспокойство соседям".

Я постарался убедить. Хотя, на мой слух, количество децибел, исходящих от скамейки, не превышало допустимой нормы. Просто соседка попалась нервная.

Первые гости. В январе принимал Г. В. Старовойтову, С. А. Ковалева, А. И. Вольского.

К визиту Вольского наш МИД отнесся прохладно ("человек Горбачева"). Но тут его принимали на полную катушку, включая встречу с премьером.

С Галиной Васильевной беседовали несколько раз. Интересно и обо всем. Воспользовавшись ее положением при президенте, решил сделать ход конем, прыгнуть через голову МИДа. Просил передать Ельцину записку о наших главных болячках (нет здания, нет шифросвязи, нет кадров). Не знаю, получил ли Ельцин эту бумагу, во всяком случае результат был нулевой.

Проблемы здания и связи, как будет видно, в конце концов были решены. Проблему кадров решить нельзя. Она решалась все время.

Вообще гостей было навалом. И модно, и близко. А для посольства — и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что много интересных людей, живая связь с Россией. Плохо, потому что гости требуют времени и внимания. Но мы старались держать марку русского гостеприимства.

Кадры. Первые разногласия. Получаю бумагу от заммининдел Г. Ф Кунадзе. Рекомендует советником по культуре известного писателя А.Г.Алексина. Отклоняю рекомендацию. Однако она повторяется с добавлением того, что жена рекомендованного превосходно владеет английским языком.

Еще раз возражаю. Пишу о том, что мне нужны не просто “хорошие люди”, а именно — специалисты. Прошу больше не поднимать вопрос об Алексине.

Больше не поднимали. Через некоторое время Алексин появился в Израиле, но не как российский дипломат, а как обычный репатриант, “оле хадаш” (новый, значит, олим). В своих интервью он объяснял выезд из России нападками и угрозами со стороны антисемитов.

Тем временем шел не простой процесс притирки посольского коллектива к ненастоящему послу. Чистяков считал, что я слишком либерален, слишком “добр”, настаивал на большей требовательности и строгости. Упреки в какой-то мере — в мидовской мере — были справедливы. Меня мало волновали внешние формы отношений, манера поведения. Я не любил суету как признак усердия. Старался не устраивать разносов, не повышать голос, хотя не уверен, что это мне всегда удавалось. Взывал к совести, но тоже не всегда получалось. Народ был разный. Сказывались и рыночные ветры, подувшие из Москвы. Патология, по моим оценкам, имела место. Но была пока в норме. И, значит, можно было работать.

ФЕВРАЛЬ-92

Любимов в Иерусалиме — “Заклятые друзья” Рабин и Перес — Израильские дети лейтенанта Шмидта — Битва за вежливость — Что такое Гистадрут? — 1979: первый раз в “гнезде сионизма” — Шема Принц

Февраль выдался очень зимним. Проливные дожди. Иногда грозы. Даже снег в Савьоне однажды выпал. Пальмы в снегу — это здорово! Пару дней в Иерусалим трудно было проехать — размыло дороги. Не смог встретиться с митрополитом Кириллом, он застрял где-то в районе Тивериадского озера (Кинерет, по-здешнему).

1 февраля обедал у Юрия Петровича Любимова. Жена его Катя блистала венгерскими кулинарными изысками. Мы были давно знакомы. Я смотрел все спектакли на Таганке. Иногда рассказывал актерам о международных делах. Был какое-то время членом художественного совета театра. Используя свое служебное положение, пытался выручать Любимова из всяких передряг, в которые он беспрерывно попадал, потому что хотел говорить правду, хотел, чтобы его театр учил любить добро и ненавидеть зло.

Непрерывная травля вынудила Ю.П. остаться за границей. Его лишили советского гражданства. Мотаться по свету без гражданства как-то неуютно. Но каждая страна предоставление гражданства обставляла всякими условиями, которые не устраивали Любимова. Только правительство Израиля не выдвигало никаких условий. Так Ю.П. стал израильским гражданином. Купил квартиру в Иерусалиме. Но большую часть времени проводил за пределами Земли Обетованной, ставя оперные и драматические спектакли в разных театрах разных стран. После возвращения советского гражданства израильский паспорт не сдал и вдобавок получил венгерский (Катя — из Венгрии). По крайней мере не надо толкаться в посольствах за визами, если захочется навестить тещу или пройтись по Via Dolorosa (но все-таки не на Голгофу).

Обед удался на славу. Толковали обо всем. Душа Ю.П. была на Таганке и жила Таганкой. С горечью говорил о предательстве Губенко. Фонтанировал идеями. Мечтал о ренессансе Таганки.

Встречались и у меня, в Савьоне. Как-то раз вместе с нами за столом оказался журналист. Потом в газете появился репортаж с этого обеда. Приведу кусочек.

“Я, конечно, ни в коем случае не хочу сравнивать Юрия Петровича с известным персонажем Исаака Бабеля Беней Криком. Но не удержусь от цитаты — уж больно она к месту: “Он говорит мало, но хочется, чтобы он сказал еще что-нибудь”.

Естественно, разговор зашел о сегодняшней России. Любимов сказал:

— Я ведь предупреждал Ельцина, что так будет.

— Как предупреждали?

— Открыто предупреждал. Когда сотворили такое безобразие с театром, я написал письмо Ельцину, в котором предупредил: “Со всей страной будет то, что вы сделали с моим театром”. Я не пророк, но факты говорят сами за себя.

Заговорили о российских политиках.

— Расскажу один случай. Это не байка и не выдумка. Мне рассказывал один человек, которому я очень доверяю. В фонде Горбачева собралась очень узкая компания. Кто-то что-то сказал о Жириновском. Горбачев поморщился и заявил, что во всем, что происходит с Жириновским, надо винить Ельцина. Тут один из присутствовавших вмешался: “Да нет, Михаил Сергеевич, это вы же Жириновского “запустили”.

— При чем тут я! — негодует Горбачев. А ему напоминают.

— Как-то раз вы дали Крючкову задание: “Нужен человечек для оппозиции. Подыщи”. Крючков тогда откопал Жириновского. Провели вечерок втроем: вы, Михаил Сергеевич, Крючков и Жириновский. И после этого вечера вы сказали: «Годится, запускайте!»

— А ведь меня тянули в свое время к Крючкову, — продолжал Юрий Петрович, — Коля Губенко ох как сильно тянул. “Поедем, он все твои проблемы решит моментально”. А я все сопротивлялся: нечего мне у этого Крючкова делать. Так и не пошел”.

Мы редко виделись там, в Израиле, и редко видимся здесь, в Москве. Работа, суета всяческая растаскивают нас в разные стороны. Но отношение к Юрию Петровичу, к Мастеру, Маэстро — одна из немногих констант моей духовной жизни.

В феврале состоялись мои первые встречи с лидерами Аводы (Партии труда) Ицхаком Рабином и Шимоном Пересом.

Рабин родился в 1922 году в Иерусалиме. С 1941 года воевал в рядах Палмаха (“ударные роты” в составе еврейских

вооруженных отрядов). Отсидел полгода в британском концлагере. Участник Войны за независимость. С января 1964 года — начальник Генерального штаба. Был послом Израиля в США. В 1974–1977 годах возглавлял правительство. В 1992 году вновь стал премьер-министром. Убит еврейским экстремистом 4 ноября 1995 года.

Перес (по рождению — Перский) родился в 1923 году в городке Вишнява (ныне в Беларуси). С 1934 года — в Палестине. Активно участвует в левом молодежном движении. В 1953–1959 годах генеральный директор министерства обороны, затем — заместитель министра. С его именем связаны создание авиационной промышленности Израиля и формирование ядерного центра в Димоне. Занимал посты министров транспорта и связи, информации, обороны, финансов, иностранных дел. Был премьер-министром. В 1977–1992 годах бессменный председатель Партии труда. Рабина и Переса называют иногда “заклятыми друзьями”. Действительно, они — постоянные политические союзники и не менее постоянные политические соперники. В 1994 году в предисловии к русскому переводу книги Переса “Новый Ближний Восток” я писал: “Отношения между этими людьми… складывались далеко не идеально. Тем более хочется отметить мужество и мудрость И. Рабина, который, несмотря на предостережения “доброхотов”, пригласил Ш. Переса в свое правительство на роль первой скрипки. Но не менее важно сказать о мужестве и мудрости самого Переса, который, достаточно высоко оценивая свое значение и возможности, согласился вместо дирижерской палочки взять в руки скрипку, хотя и первую. Разум победил эмоции. Чувство ответственности взяло верх над личными амбициями”.

Перес принял меня в Кнессете. Разговор был, скорее, светский, чем политический. Перес демонстрировал недюжинную эрудицию, знание русской литературы и истории. Произносил русские слова и фразы. По нашим меркам он был слишком интеллигентен, чтобы преуспеть в политике. Но в Израиле мерки другие…

Беседа с Рабином — тоже в Кнессете — прошла как-то скомканно, сухо. И не только потому, что Рабин гораздо более замкнутый, закрытый человек, чем Перес. На следующий день должны были выбирать лидера партии. Победил Рабин. Но когда мы беседовали, он не знал этого. Поэтому явно нервничал, пару раз выбегал из комнаты, беспрерывно курил.

Постепенно отношения наладились. Однако выжать из Рабина улыбку, заставить его расстегнуть несколько пуговиц всегда было не просто.

Политика — область преходящих, конечных, временных ценностей. Культура, искусство погружают нас в сферу ценностей вечных. Хорошая музыка, хорошие тексты, хорошая игра позволяют хоть на время, хоть на мгновение забыть о том, что говорят по телевидению и пишут в газетах. Позволяют почувствовать себя "просто" человеком — неважно какой страны и какого времени. С искусством такого уровня сталкиваешься не часто. И в Москве чаще, чем в Тель-Авиве. Но в Тель-Авиве все-таки чаще, чем в Веллингтоне. Так что мне повезло.

И повезло, можно сказать, в квадрате. Думаю, что по количеству наших, российских гастролеров — в хорошем смысле этого слова — и на квадратный километр, и на душу населения, и на любую календарную единицу (неделя, месяц, год) Израиль в описываемые времена прочно занимал первое место в мире. И пусть не всегда это было высокое искусство, оно (за исключением откровенной халтуры) всегда было близким и родным. В Москве когда еще выберешься в театр или в концерт, а тут — наши приехали, как не пойти! За пять с половиной израильских лет мы с Петровной перекрыли свою московскую "норму" в несколько раз.

Февральские, к примеру, гастроли: Алла Пугачева, Александр Малинин, Вячеслав Малежик, Эльдар Александрович Рязанов. Бывало и погуще. Бывало и настоящее цунами гастролей.

Иногда возникали казусы. Рязанов, отвечая на вопрос журналиста, как он оценивает отъезд артистов из России в Израиль, заявил: "Никакой крупный актер сюда не поедет… Актеры из России не уезжают. И русский писатель сюда не поедет".

Обиделся М.М.Козаков. Ответил в газете "Время". Упрекнул Рязанова в бестактности, в том, что он "повел себя, мягко говоря, не совсем корректно по отношению к своим коллегам из России, ныне живущим здесь. Начал расставлять отметки, определять степень крупности и вообще учить жить". Потом Рязанову на каждой пресс-конференции пришлось высказываться по этому поводу. Например, 19 февраля:

> "Я испытываю к Козакову сложное чувство. Крупный актер и режиссер… Миша уязвлен. Приезжают Хазанов, Гердт, собирают огромную аудиторию. Он считает — отбивают хлеб. Он считает — здесь, в Израиле, русский язык постепенно исчезнет. Поэтому мы здесь не ко двору. Считает — необходимо ввести квоту на приезжающих, ввести большие налоги на антрепренеров. Совковая идеология, он ведь Феликса Эдмундовича

Дзержинского играл”.

Когда меня спрашивают, говорил Рязанов, почему я не уезжаю из России, я отвечаю словами Анны Ахматовой: “Долг русского интеллигента — быть со своей родиной!”

Меня эта “дискуссия” расстроила. Негоже, думал я, русским интеллигентам опускаться до подобной перепалки.

Беда в том, — и тут Козаков был прав, — что конкурируя за кошельки олимов, гастролеры перекрывали денежный кислород друг другу. Но не о “квотах” следовало беспокоиться. Импресарио, организаторам гастрольных туров следовало бы перенять опыт детей лейтенанта Шмидта и договориться о разделе гастрольного времени. Но не получалось. Каждый действовал на свой страх и риск. Лишь бы заработать побольше. Страдали от этого и артисты, и публика, да и сами импресарио.

Кстати, об импресарио. Послушаем Шему Принц: “В Израиле для того, чтобы стать импресарио, достаточно получить разрешение на этот вид деятельности. Поэтому многие считают, что гастрольный бизнес — самая удобная и легкая халтура, дающая возможность быстрых заработков. Как рассуждают многочисленные импресарио, которые за последние несколько лет выросли как грибы после дождя? Если я в Союзе дружил с актером Б., почему бы мне по-дружески не пригласить его сюда? И ему польза, и мне заработок.

Сказано — сделано. Актер, поверив на слово приятелю, приезжает, не подписав никакого контракта, и… только тогда “импресарио” начинает думать, что же с ним делать…

Можно, к примеру, поселить его у себя дома. Лариса Голубкина в одной комнате, хозяйка с мужем в другой, их дети и собака — в третьей… Не “Хилтон”, конечно, но ничего — мы же свои люди! Теперь надо что-то придумать с залами, ах, да, еще билеты напечатать и распространить…

Калягин мне жаловался, что когда он приехал на выступление, народ собрался, а зал — заперт. Полчаса бегали, искали, кто бы мог открыть дверь. Билеты были отпечатаны на целлофане, без номера, без места. Голубкина приходила и плакалась, что сидит без гроша. Я у нее спрашиваю: как же Вы согласились приехать без договора, без контракта? А она отвечает: импресарио меня так уговаривала, говорила, Вы приезжайте, повыступаете, попоете, а я Вам дам денег… Вот и “повыступала” — пришла ко мне полуголодная. И это в такой стране, как Израиль!

Впрочем, продолжала Шема, этим “импресарио” глубоко плевать на страну, плевать на ее законы и порядки — они

перекупают актеров, обманывают друг друга, отбивая чужой хлеб, мошенничают с билетами".

В феврале началась битва, которая продолжалась пять с половиной лет и которую я, если и не проиграл вчистую, то во всяком случае не выиграл. Битва за вежливость. Буквально с первых моих посольских дней посыпались жалобы на грубость консульских работников. Не всех, но почти всех. Состоялось довольно бурное собрание. Дипломаты оправдывали себя, апеллируя к известному принципу: "Их много, а я одна!" Действительно, "их", то есть людей, часами стоявших в очереди перед консульством, было много, очень много. И были они взвинчены, шумливы, часто грубы. Вступал в силу третий закон Ньютона: грубость одной стороны провоцировала грубость другой. И все-таки я настаивал на другом принципе: "Клиент всегда прав!" Тем более, что очереди — это наша вина. Со временем очереди стали меньше, обстановка разрядилась. Но мне так и не удалось перебороть этакое дипломатическое высокомерие, взгляд сверху вниз, которые чувствовали посетители консульства. Теперь я знаю это. Тогда не знал и был полон оптимизма.

Запомнилась встреча с репатриантами в Хайфе. В Израиле говорят: "Иерусалим молится, Тель-Авив развлекается, Хайфа работает". Большой красивый, как бы сбегающий с горы Кармель к Средиземному морю город. Порт со всеми прелестями бурной припортовой жизни. Развитая промышленность. Единственное в Израиле метро, точнее, даже не метро, а пробитый в скале туннель, по которому вверх и вниз ходят вагончики (нечто вроде фуникулера под землей). Университет, расположенный в двадцатипятиэтажном небоскребе, построенном по проекту знаменитого бразильского архитектора Оскара Нимейера. Великолепный политехнический институт (Технион).

Кстати, участок земли, на котором построен Технион, был в свое время куплен на деньги российского промышленника В.Высоцкого. Когда в 1924 году Технион открылся, в нем был только один факультет (строительный), на котором 6 преподавателей обучали 18 студентов. Теперь это институт мирового класса. На 19-ти факультетах (в том числе — аэронавтики, компьютерного программирования, биомедицинской технологии) учатся более 10 000 студентов.

Зал "Бейтену" ("Наш дом"), в котором меня принимали, был набит битком. Городское начальство. Оркестр. Приветственные речи. Два с половиной часа отвечал на вопросы. Обо всем и еще немножко…

После встречи дал интервью Инне Стессель из "Новостей

недели”.

— Считается, что самые заядлые спорщики в мире — французы. Но тот, кто знает израильтян, так не думает. Дух противоречия, похоже, у нас в крови. Не зря же говорят: два еврея — три мнения… Тем удивительнее было то единодушие, с которым в израильском обществе встретили назначение Бовина послом Союза. Удовлетворение высказывали и политики, и обыватели — “газетных тонн глотатели”, и репатрианты. Последние восприняли весть с таким энтузиазмом, словно из нашей, олимовской среды, неподкупный защитник алии попал наконец в Кнессет. А.Е., вы знали о том, что к вам здесь так хорошо относятся?

— В какой-то момент я даже стал опасаться, как бы такое отношение не помешало моему назначению — некоторым в Москве не так уж хотелось угодить Тель-Авиву…

— Кстати, в минувшие годы в Союзе к политическому обозревателю Бовину относились тоже как-то по-особому. Хотя вы, А.Е., с 1963 года были в аппарате ЦК КПСС и, объективно говоря, являетесь одним из ваятелей эпохи — от Хрущева до Горбачева.

— Я никогда не открещивался от своего участия…

— И тем не менее Бовин, убежденный коммунист, всегда воспринимался как человек, по своему психофизическому складу чуждый лукавым партийным бонзам. Можно сказать, мы: Бовина читали “между строк”. А евреи, не избалованные объективным отношением к себе со стороны системы, испытывали к вам еще и благодарность. Ведь вы не скрывает или почти не скрывали, что вам претит однозначная и проарабская направленность советской политики.

— Вы хотите объяснить и оправдать хорошее ко мне отношение израильтян? Думаю, все очень просто — я старался быть искренним. И когда заблуждался, это было искреннее заблуждение. Что же касается моей позиции, она никогда не была ни проарабской, ни произраильской. Я всегда ставил и ставлю во главу угла интересы своей страны. Моя позиция пророссийская.

— До этого вы бывали в Израиле?

— В 1979 году я возглавлял делегацию советской общественности. Официальных отношений между нашими странами не было, но существовала традиция —

в День Победы 9 мая наносились такие визиты… Помню, тогда у меня было четыре телохранителя. Вот как меняются времена: сегодня я посол, и никаких телохранителей…

О моем пребывании в Израиле в 1979 году. Расскажу подробнее.

В те времена “гнездо сионизма” крыли почем зря. Но — парадоксы политики! — каждый год по приглашению израильских коммунистов (партия М.Вильнера) делегация советской общественности появлялась в этом самом гнезде, чтобы принять участие в праздновании Дня Победы. Состав делегации, которую мне поручили возглавить, был стандартным. В обязательный набор входили: один еврей, один фронтовик, один из спецслужб и один работник Союза обществ дружбы. Далее допускались варианты.

Мне повезло. Евреем был определен Леонид Ефимович Беренштейн. Киевлянин. В годы войны — командир партизанского отряда. В мирные времена — директор фабрики индивидуального пошива одежды. Вся грудь в крестах, но и голова сохранилась. Сохранилась и жена Шура, радистка в том самом партизанском отряде. Прекрасный человек, хотя и похож на бывшего террориста Менахема Бегина. Ныне по причинам, о которых грустно писать, живет в Израиле. Нарушая всяческие дипломатические правила, я вмешался во внутренние дела Израиля, нарушил суверенные права Украины, но все же помог ему получить квартиру. Так что и послам иногда удается совершить полезное дело.

Мы уже собрали чемоданы, но что-то там на Ближнем Востоке стряслось в очередной раз, и из посольства в Каире пришла бумага с настоятельной рекомендацией отменить поездку. Однако в Международном отделе ЦК с этой рекомендацией не согласились и дали нам зеленый свет. Прямых рейсов тогда не было. Летели через Бухарест. Напомню, что в 1967 году Румыния не последовала примеру “старшего брата” и сохранила посла в Израиле. Поэтому и самолеты летали. Запомнился такой эпизод. Швейцар бухарестской гостиницы, где мы остановились, улучив момент, когда вокруг никого не было, страшным шепотом сообщил мне: “Брежнев — хорошо, Чаушеску — плохо!” Еще одно подтверждение теории относительности.

В Израиле все было, как говорят космонавты, штатно. Ездили по стране, встречались с прогрессивной общественностью, произносили речи. Главный праздник, который организуют коммунисты, состоялся недалеко от Иерусалима, в лесу,

именуемом “Лес Красной армии”. Нечто среднее между торжественным заседанием и массовым пикником. Народу прогрессивного уйма. С женами, детьми и внуками. Располагаются на травке, разжигают мангалы, ну и как положено… Но сначала, как опять же положено, речи и возложение венков. В общем здорово и мило. Душевно. Уже будучи послом, каждый год в полном семейном составе посещал эту процедуру.

Бурная встреча состоялась в Назарете. В “красном Назарете”, где мэром был известный палестинский поэт, коммунист Тауфик Зайяд.[2] Недалеко от города нас встретили пионеры в красных галстуках, с горном и барабанами. “Вы въезжаете в арабский советский район Израиля!” — сообщили нам. На собрании мэр, прирожденный оратор, произнес зажигательную антиправительственную речь. Чуть ли не призвал на баррикады, вызвав полный восторг аудитории. И вдруг вырубился свет. “Провокация, — сказали нам, — ведь электростанция в руках евреев”. На всякий случай стол президиума окружили могучие молодые люди. Открыли окна. Подогнали машины (зал был на первом этаже) и включили фары. Митинг продолжался. Беда только, что микрофон не работал. И когда настала моя очередь выступать, пришлось форсировать голос. Еле справился. Долго потом надо было отмачивать голосовые связки. Но тоже справился.

Я очень люблю фаршированную щуку (“гефилте фиш” на идише). Когда мы жили в Ростове-на-Дону, моя мама научилась готовить ее превосходно. Попав в Израиль, я тут же поинтересовался, где можно отведать эту самую “гефилте фиш”. Мои израильские спутники задумались. Кажется, сказали они, в Тель-Авиве есть пара ресторанов еврейской кухни. Долго искали. Нашли, наконец. Только вместо щуки был фаршированный морской окунь. Своих щук в Израиле нет, а импорт почему-то не налажен…

Перед нашим отъездом из Москвы было четко сформулировано три “нельзя”. Нельзя посещать оккупированные территории, то есть Западный берег реки Иордан, сектор Газы и Голанские высоты. Нельзя встречаться с эмигрантами из Союза. Нельзя вступать в контакты с официальными лицами. Однако посовещавшись на месте, мы решили: хотя нельзя, но все-таки можно. И на территориях побывали. И к знакомым евреям ходили в гости. И учинили дискуссию с членами Кнессета. Все было интересно. Аукнулось позже, в Москве уже. Месяца два минуло, пожалуй. Друзья со Старой площади сказали, что пришла “телега” о моем “неправильном поведении” в Израиле. Но было

решено бумаге этой ходу не давать. Так что обошлось.

Забавней было с телевидением. В “Международной панораме” надо было что-то рассказать о поездке. Хвалить Израиль было нельзя (тут уж настоящее “нельзя”). Ругать не хотелось. И я произнес нейтральный, как мне казалось, текст. Синее, небо, синее море, зеленые пальмы, много красивых женщин. На женщинах и попался. Бдительные телезрители стали писать письма: это до чего же надо докатиться, чтобы восхвалять евреек. Требовали санкций. Но тоже обошлось. Видимо, властям было не до евреек. Осталась “аксиома Бовина”: в Израиле на каждую сотню мужчин больше красивых женщин, чем в любой другой отдельно взятой стране.

6 февраля в Тель-Авиве неожиданно появился Илья Глазунов. Прилетел писать портреты израильских раввинов. Мне эта затея показалась немного странной. Тем не менее по просьбе художника я связался с главными раввинами Израиля. Рав Овадия Иосиф, помню, согласился. Но израильская общественность встретила Глазунова не очень дружелюбно. Не по причине эстетики, а по причине идеологии. Был замечен в антисемитизме. Пришлось быстренько уехать.

В самом центре Тель-Авива на улице Бар-Кохбы расположена “Книжная лавка” Шемы Принц. В лавке этой, точнее, в этом клубе я бывал десятки, если не сотни раз. Чтобы посмотреть книжные новинки, попить кофе со всякими вкусностями, потолковать с другими посетителями и, конечно же, с Шемой. Ей я обязан знакомством со многими приятными людьми. Да и многие стороны израильской жизни становились мне более понятными после наших кофейных бесед.

Реклама — двигатель торговли, даже — книгами. Помню, Шема устроила в своей лавке “презентацию” кваса. Правда, в конечном счете наступление кваса на “Кока-колу” не увенчалось успехом. Но квас появился, и мы с удовольствием ели окрошку. Зимой тоже.

Политика нас иногда разъединяла с Шемой. Но то, что нас объединяло, было сильнее политики: и Шема, и я перманентно худели, вернее, старались похудеть.

В феврале же определилось мое любимое кафе. На одном из самых шумных углов Тель-Авива, где главная тельавивская улица Дизенгоф пересекается с улицей Фришман.

Главная улица названа в честь мэра Тель-Авива Меира Дизенгофа (он же — Михаил Яковлевич). Родился в Бессарабии в 1861 году. Жил в Одессе, где примкнул к партии “Народная воля”. Сидел в тюрьме. Учился в Париже. В Палестину приехал в 1892 году. Потом вернулся в Одессу. Окончательно в Палестине с

1905 года. Один из основателей Тель-Авива, мэром которого был с 1921 года до своей смерти в 1936 году.

Кафе почему-то называется “Акапулько”, хотя ничего акапулькского там нет. Зато есть типично израильская штука под названием “пита”. Пита — это большая лепешка, которая раскрывается, как карман. А на прилавке выложен набор разнообразнейших начинок (мясных, рыбных, овощных плюс — специи). Чего и сколько ты натолкаешь в разверстую лепешку, — это вопрос твоей настойчивости и твоего искусства. Цена одна. Виртуозами были солдаты, могли бы попасть в книгу Гиннесса…

Мне пита была противопоказана. Обычно пил чай, реже — кофе, еще реже брал мороженое (кстати, цены за пять лет выросли в два с гаком раза). Читал газету. Смотрел по сторонам. Люди подходили разные. Беседовали “за жизнь”. Все удивлялись: как так, посол, а сидит один, без охраны. Только с палкой. Некоторые недоверчиво оглядывались, рассчитывая, видимо, обнаружить замаскировавшегося охранника…

На первых порах моими собеседниками часто были, если по-нашему, “дворники”, которые следили за чистотой на улицах. У каждого — специальная тележка с набором всяких чистящих инструментов. И почти каждый в прежней жизни занимался наукой. Помню профессора из Баку, кандидата филологических наук из Харькова. Через несколько лет это ушло в анекдоты, в олимовский фольклор. Но в начале 90-х “русская” алия не “боролась за чистоту”, если вспомнить Ильфа и Петрова, а просто подметала улицы…

С любимым кафе связана и такая история. Во время одного из сидений вдруг началась большая суета. Поступила информация, что где-то тут рядом заложена бомба. Весь угол и видимые окрестности были оцеплены полицией. Стали удалять публику за оцепление, в том числе — и из “Акапулько”. Подошли и ко мне. Но я заявил, что палестинская бомба к российскому послу отношения не имеет и попросил разрешения спокойно допить кофе. Беготня и телефонные переговоры продолжались довольно долго. Бомбу не обнаружили. Тревогу отменили. Я взял вторую чашку.

Потом ругал себя за фанаберию. Случись что, полицейским чинам досталось бы из-за меня.

МАРТ-92

Летайте самолетами “Трансаэро” — Менахем Бегин — “Экстрасенсы” — Иран: заботы военной разведки — Политика в стихах

Март начался с черного хлеба. В Израиле до вторжения “русских” такого хлеба практически не было. А 1 марта меня пригласил в свою пекарню Вадим Сегал и угостил настоящим черным хлебом. Первый блин получился комом. Пекарня, если мне не изменяет память, вскорости прогорела. Но начало было положено. Через несколько лет хоть бородинский, хоть орловский — все появилось. Законы рынка: спрос рождает предложение. Если рынку, конечно, не мешать.

Многие продолжения имела первая встреча с руководителями авиакомпании “Трансаэро” А. П. Плешаковым и Г. А. Гуртовым, состоявшаяся 7 февраля.

“Трансаэро” — частная компания, возникшая в результате перестроечного развала “Аэрофлота”. Она появилась в небе Израиля 5 ноября 1991 года. Под своим флагом, но еще в сотрудничестве с “Аэрофлотом”. Потом это сотрудничество распадалось, возобновлялось и вновь распадалось. Причем, на мой взгляд, “Аэрофлот” часто вел себя отнюдь не по-джентльменски.

В октябре 1992 года “Трансаэро”, конкурируя с “Аэрофлотом”, выиграла тендер на регулярные рейсы в Израиль. И к лучшему. Представительство “Трансаэро” открылось в Тель-Авиве в марте 1994 года. Частный бизнес демонстрировал свои преимущества. Вот, например, что писала Яна Судакова в газете “Время”: “Те, у кого еще не изгладились из памяти воспоминания о “ненавязчивом сервисе” и “мягкой” предупредительности работников “Аэрофлота”, были бы приятно удивлены переменами, происшедшими с российскими авиаторами. Среди многих причин положительные изменения не в последнюю очередь объясняются конкуренцией…

Недавно российская независимая авиакомпания сделала решительный шаг к более высокому уровню. обслуживания евреев. На борту самолета теперь звучат объявления на иврите, а пассажирам подается, естественно, по желанию, кошерная пища”. От себя замечу, что и не Кошерная пища — на высоте.

“Трансаэро” повезло. Ее Генеральный представитель в Израиле Яков Кричевский — прекрасный человек и великолепный

работник. Плюс (большой плюс!) — человек высокой культуры. Мы стали с ним друзьями. Ему помогает сын — Борис. Его организованность, четкость, обязательность — важные слагаемые популярности “Трансаэро”. Тот случай, когда “семейственность” не вредит. Но для тех, кто приезжает в аэропорт, главное лицо в “Трансаэро” это, несомненно, Руги. Там ведь масса маеты: багаж (перевес!), безопасность (перевод!) и т. д. и т. п. Руги как добрая фея всем помогает…

Хлопоты причинял “Аэрофлот”, руководство которого правдами, а больше неправдами пыталось пересмотреть итоги конкурса 1992 года. В начале 1996 года лично маршал Шапошников прибыл в Израиль пробивать “второго официального перевозчика”. Визит был как бы самостийным. Посольство не было поставлено в известность. Шапошников, как бывший летчик, даже пробился к президенту Вейцману, тоже бывшему летчику. Но самостийность в таких делах мало помогает. Маршал уехал ни с чем.

Сложности возникали и в отношениях между “Трансаэро” и израильской авиакомпанией “Эл Ал”. Иногда израильтяне делали мелкие пакости. О сути проблемы рассказывает газете “Время” (11.7.1996) Борис Кричевский: “Государственная авиакомпания “Эл Ал” обладает всеми недостатками предприятия такого рода. Сверху донизу ее штат укомплектован “квиютчиками[3] ”, которых никак нельзя сдвинуть с места. Защищенные огромными компенсациями, которые причитаются им в случае увольнения, эти люди могут позволить себе работать кое-как. Оттого рейсы, которые выполняет “Эл Ал”, далеко не всегда оставляют у пассажиров восторженные воспоминания. К тому же необходимость содержать искусственно раздутый штат отражается на стоимости услуг, которые оказывает компания. В результате “Эл Ал” заканчивает год с многомиллионными убытками…

Не стоит забывать и о том, что люди, входящие в совет директоров “Эл Ал”, занимали (и занимают) не последнее место на ступенях иерархической лестницы. Боевые летчики, честь и слава Израиля, они снова ведут бой, но на сей раз — за свои должности и привилегии. А для этого им надо “доказать”, что никакие “Трансаэро” не могут сравниться с компанией, которую они возглавляют”.

Разумеется, “Трансаэро” обладает не только плюсами, но и минусами. Самый главный минус — частые нарушения расписания, опаздывают вылеты, опаздывают прилеты. Причины, как всегда, “объективные”. Но ведь пассажирам от этого не легче. В конце 1996 года компания вознамерилась отметить 5-летний

юбилей. По этому поводу меня попросили написать “несколько слов”. Сочинил следующее: “Я не очень убежден, что 5-летие (если, конечно, это не 5-летие внука) стоит принимать всерьез и называть “юбилеем”. Но ежели руководство “Трансаэро” решило праздновать, то мне остается только поздравить юбиляра и — особенно — моих друзей Якова и Бориса Кричевских со славной датой.

Как пассажир, как встречающий и провожающий, настоятельно прошу “трансаэровцев” постараться, чтобы к следующему юбилею (а лучше — и раньше) самолеты “Трансаэро” взлетали и прилетали вовремя”. Написать-то я написал, да вот трансаэровская цензура не пропустила. Дружба — дружбой, а критика — врозь…

В общем мне пришлось с переменным успехом защищать “Трансаэро” от нападок с разных сторон. Но где я совершенно не преуспел, так это в попытках убедить свой родной МИД, что “Трансаэро” существует и удобнее летать в Израиль самолетами “Трансаэро”. Приведу две мои жалобные бумаги.

Первая (июнь 1994 года). Из Москвы в Тель-Авив летает “Трансаэро”. Однако до сих пор МИД РФ не заключил коммерческое соглашение с этой компанией. В результате многие сотрудники вынуждены летать через Кипр, что неудобно и невыгодно. Руководство “Трансаэро” (А. Плешаков) утверждает, что оно готово подписать соответствующее соглашение со всеми льготами. Проект такого соглашения находится в МИДе. Очень прошу ускорить рассмотрение этого вопроса и положительно решить его.

Соглашения между МИДом и “Аэрофлотом”'предусматривают взаимные льготы. “Аэрофлот” предоставляет значительные скидки на билеты и сверхнормативный багаж. МИД гарантирует, в частности, бесплатное консульское обслуживание, упрощенную процедуру выдачи загранпаспортов, содействие в приобретении и регистрации автотранспорта.

Вторая (май 1995 года). Пишу конкретно заместителю министра Б. Н. Пастухову. Неоднократно обращался я в МИД с просьбой заключить соглашение с “Трансаэро”… Но никакого движения нет. Правда, начальство уже научилось пользоваться “Трансаэро”. Однако “рядовых” сотрудников продолжают направлять через Кипр. И уже совсем удивительно, когда дипкурьеры, направляющиеся в Тель-Авив, будут делать пересадку в Ларнаке. Возможно, я чего-то не знаю или не понимаю. В таком случае прошу объяснить: что же все-таки происходит? Почему мы продолжаем усложнять жизнь наших сотрудников и их семей, отказываясь пользоваться услугами

“Трансаэро”?

Я, конечно, лукавил. Все было понятно. МИД шел на поводу у своего традиционного партнера — “Аэрофлота”, который явно не хотел “дипломатического” признания “Трансаэро”. Материально МИД при этом терял больше, чем “Трансаэро”. Но, видимо, у “Аэрофлота” была мощная политическая поддержка.

Чтобы отвязаться от меня, в конце концов сообщили: в соглашении с “Аэрофлотом” есть статья, препятствующая заключению аналогичных соглашений с другими авиакомпаниями. Раздобыл соглашение, подписанное 6 мая 1996 года Генеральным директором ОАО “Аэрофлот — российские международные авиалинии” Е. И. Шапошниковым и Заместителем министра иностранных дел РФ И. А. Кузнецовым. Статьи, которая бы препятствовала, не обнаружил.

Вся эта история оставила какой-то неприятный осадок. Стыдно было за свое же изворачивающееся и обманывающее начальство…

Прошло более двух лет. В декабре 1998 года мой мидовский знакомый летел в Тель-Авив. Как прежде. Пересадка в Ларнаке — с детьми и багажом. “Аэрофлот” не сдается. Жаль, что сдается МИД.

8 февраля скончался Менахем Бегин, одна из наиболее ярких политических фигур в Израиле. Его называли “террорист № 1”, и он соглашался с этим. Но он же подписал мир в Кэмп-Дэвиде, возвратил Синай Египту и, тем самым, положил начало мирному процессу. Первый в Израиле лауреат Нобелевской премии мира.

Бегин родился в 1913 году в Брест-Литовске. Возглавлял сионистскую молодежную организацию (“Бейтар”) в Польше. В 1940 году был приговорен к 8 годам исправительно-трудовых работ и отправлен в один из лагерей Печорлага. Как польский гражданин, получил разрешение вступить в армию генерала Андерса и покинуть Советский Союз. В 1942 году прибыл в Палестину, где вскоре возглавил подпольную еврейскую военную организацию ЭЦЕЛ (англичане давали 5000 фунтов за выдачу Бегина). После создания Государства Израиль находился в оппозиции социалистическим правительствам. Накануне Шестидневной войны вошел министром без портфеля в правительство национального единства. Потом — снова в оппозиции во главе блока Ликуд. В мае 1977 года Бегин сформировал первое в истории Израиля правое правительство. В качестве своего рода компенсации за уступки Египту Бегин выступил инициатором массированного заселения Западного берега и Газы. По приказу Бегина в июне 1981 года израильские ВВС уничтожили ядерный реактор возле Багдада. В июне 1982

года правительство Бегина начало ливанскую войну (операция “Мир Галилее”). Бегин тяжело переживал раскол в израильском обществе, вызванный войной в Ливане. В августе 1983 года он подал в отставку. И до самой смерти избегал занятий политикой.

10 февраля. Купили и водворили мне на стол первый компьютер. Начал осваивать и радоваться. Но, как оказалось несколько позже, когда мы нацелились на дальнейшее “техническое перевооружение”, радость была преждевременной. “Не имела баба хлопот, так купила порося”. Из Москвы сообщили: 1) желательно приобретать компьютеры в России, 2) компьютеры, купленные на месте, нельзя эксплуатировать, пока их не проверит команда из Москвы, и 3) запрещено устанавливать компьютеры в “рабочей зоне”, то есть в кабинетах дипломатов.

Догадливый читатель, надеюсь, уже понял, что речь шла о бдительности. Как бы всемогущие израильские спецслужбы ни получили возможность считывать информацию с наших машин. Теоретически опасения оправданны. Но практически, если следовать указаниям, значит обречь себя на работу по старинке. Потому, во-первых, что нужны компьютеры именно в “рабочей зоне”. Потому, во-вторых, что проверяльщики из Москвы не приедут тогда, когда это нужно посольству. И потому, в-третьих, что у МИДа нет денег, чтобы купить нам компьютеры.

После долгих переживаний и колебаний (боязно не слушаться начальства) был все-таки выбран путь технического прогресса. “При том понимании”, что действительно секретная информация будет храниться не в компьютерах, а в головах и сейфах. Так и жили.

Что же касается компьютерного обеспечения консульства и нашей бухгалтерии, то тут поддержка и помощь МИДа заслуживает только благодарности.

12 марта прилетела Лена Петровна (имя — по паспорту, не Елена, а именно Лена, в честь реки). Во время своих журналистских скитаний я побывал в десятках посольств. И видел, какую важную роль для атмосферы в коллективе играет “фактор послихи”. К сожалению, нередко — отрицательную роль. Чересчур властные, не слишком обремененные интеллигентностью дамы энергично вмешиваются в посольские дела, создают водовороты пересудов, сплетен, интриг. Стенания по этому поводу мне приходилось выслушивать не раз. Став послом, я решил свести указанный фактор к минимуму.

Мне повезло. Лена Петровна по природе своей далека от каких бы то ни было властных функций. Завхозом, правда, “руководила”, когда возникали какие-то проблемы в резиденции. Поваром не могла руководить, поскольку его не было. От повара

мы с Петровной отказались. Мы не привыкли к тому, чтобы посторонний человек всегда находился рядом, в доме. Тем более, что мелочевку всякую мы сами могли готовить. Когда приемы, выручали сотрудники посольства. А на ставку повара трудоустроили пару человек. На половину такой ставки раз в неделю приезжала жена шофера Валя Гашешенкова, помогала наводить чистоту, сооружала обед на несколько дней.

Поначалу Петровне пришлось трудно. Приемы — основная форма общения в дипломатическом корпусе — ее не интересовали. С дипломатическими дамами ей было говорить не о чем. Посольские дамы жили своей, тоже не очень близкой ей жизнью. Я уезжал на работу — она оставалась одна. Беда еще в том, что Савьон далеко от Тель-Авива. Там — людные улицы, магазины, море, музеи. Тут — безлюдье и тишина пригорода. Жена несколько раз говорила: зачем нам Савьон, давай переберемся в город. Вроде бы заманчиво. С точки зрения частной жизни. А жизнь посольская требовала пространства, чтобы можно было собрать не один десяток гостей. Так что остались в Савьоне. Выручали Петровну книги. Читала запоем. И постепенно обрастала друзьями. Литераторы, журналисты, художники, артисты, вообще интеллигентный люд из “русских”. Ожила Лена Петровна. Было о чем поговорить…

На какой-то из дружеских посиделок меня познакомили с “выдающимся экстрасенсом” (он же — “целитель”). Тогда их еще было мало в Израиле. Но по мере увеличения и обживания “русской” алии, желающих заработать на оли-мовских хворостях и доверчивости становилось все больше и больше. Я высказался в довольно скептическом духе. Тогда целитель пригласил меня в гости и обещал продемонстрировать свою целительскую силу. Я принял приглашение (“старый дурак”, — прокомментировала Петровна). Но мне было любопытно. Через неделю пришел. Разговорились. Маг оказался почти универсальным. Берет за процедуру (“типуль” на иврите) 50 долларов. В зависимости от болезни назначает оптимальное количество типулей. Уверенно гарантирует результат. И тут мне в голову приходит грандиозная мысль. Согласен, говорю, заплатить в два раза больше. Но только буду платить не за типули, а за результат. Скажем, требуется 10 процедур. Хорошо. Давайте согласуем объективный критерий оценки результата — и вперед! Но если результата не будет, не будет и денег. Целитель не принял мою идею. Платить надо за каждый типуль. На том и расстались.

После этого встречался со многими экстрасенсами. И все держались за типуль. Только одна решительная экстрасенша (биоэнергетик, — как она себя именовала) рискнула. Но

переоценила свои силы. Я все-таки расплатился с ней. Ужином с морскими гадами.

Экстрасенсы, целители — это, если угодно, частность, один из элементов богатого парапсихологического пейзажа, который образуется из телепатии, ясновидения, телекинеза, левитации. Где-то рядом густая поросль магов и колдунов. В принципе еврейская религия далеко не благосклонна к такого рода занятиям. “Мерзостью” называет Тора занятия, которым предаются кудесники, гадатели, колдуны, заклинатели, знахари, вызывающие духов и вопрошающие мертвых. Да и астрологи были не в почете.

Другие времена — другие нравы. Не знаю, что делалось в Израиле раньше, но с начала 90-х годов волна иррационализма, поднявшаяся в России, накрыла Израиль. Астрологов, предсказателей всяких и прочей “мерзости” теперь — хоть пруд пруди. Большинство из “русских”. Есть и свои, местные. Не Нострадамусы, конечно, но все же… Приведу два примера.

Август 1993 года. “Астрологический прогноз” для Израиля делает Людмила Дубицкая (“известный в СНГ астролог”, как представила ее пресса).

> “Эпоха расцвета страны, — утверждает она, — при благоприятном стечении обстоятельств наступит в 1998 году. Эта дата — вершина пика творческой энергии общества, когда страна засияет вновь рожденными талантами… Новые репатрианты поднимутся на невиданную для себя высоту, достигнут успеха в различных сферах”.

Октябрь 1996 года. Прогнозирует Марк Абрамович (“иерусалимец, целитель, предсказатель, специалист по индийской философии и каббале”, — сообщает газета). По его мнению, в 1996–1998 годах Израиль ожидают землетрясения, резкие перепады погоды, понижение уровня Кинерета, частые появления НЛО. В 1997 году начнется война с Сирией. Деятельность левых партий и движений примет явно подрывной характер. В конце 1997 года произойдет покушение на премьер-министра.

Прошел 1998 год. Ни “пика” творческой энергии, ни землетрясений, ни наплыва НЛО израильтяне не заметили. Не было войны. Не было покушения. Правда, Дубицкая может сослаться на свою оговорку о “благоприятном стечении обстоятельств”. Не было “стечения”, и все тут… Но эта маленькая хитрость обесценивает весь прогноз. А у Абрамовича даже оговорки нет. Вот такая астрология.

В сентябре 1996 года в газете “Вести-2” появились “Заметки оккультного потребителя”, автором которых был неплохой журналист и мой знакомый Антон Носик (теперь он — снова в Москве). Я, писал Носик, не увлекаюсь оккультизмом. Пусть оккультисты — сами по себе, а я — сам по себе.

> “Однако вот в чем беда: сами оккультные науки — во главе с астрологией, но ею не ограничась — рвутся в мой дом и в мою жизнь. Они наполняют страницы газет, волны теле— и радиоэфира, расползаются по книжным прилавкам, пытаются управлять течением жизни моих падких на мистику знакомых. Оккультные науки борются за власть — не номинальную, а самую что ни на есть практическую — над обществом и индивидуумом… И тут уже, — признается Носик, — хочется мне сказать, глядя на небывалую эту тусовку в средствах массовой информации: шарлатанство это все, господа. Не потому шарлатанство, что я не верю в мистический способ познания, а потому, что цель нынешней оккультной экспансии не имеет ничего общего с познанием истины. Зато имеет массу общего с отъемом денежных средств у легковерных граждан, с борьбой интересантов за социальный статус, влияние и власть”.

Сдается, что так происходит не только на Земле Обетованной…

Я по натуре — скептик. Согласен с Носиком. И все-таки хочется чуда. Скучно как-то, пресно без чудес. Поэтому приглашал в гости заезжих знаменитостей — Юрия Лонго, Ивана Огнева, Евгения Дубицкого — и просил их: пожалуйста, сотворите чудо, пусть маленькое, но чудо; не там, на сцене, в полном зале, а здесь, за столом, где мы сидим… Не получалось чуда.

Помню еще такой случай. Сидел я однажды в ресторации под названием “Баку”. Сидел грустный — колено болело. На столе стоял потный графинчик. И тут появился Огнев. Сейчас, сказал, заговорю, заряжу графинчик, выпьете и как рукой снимет. Ну, полный Чумак. Выпил я, конечно. Толку не было.

Мораль ясна: не стоит тратить родные деньги, если их куры все-таки клюют, на экстрасенсов, колдунов и прочих парапсихологов. Поговорить с ними интересно. Только бесплатно. А избавиться от денег можно и другими, более разумными способами. И еще удовольствие получить.

19 марта был приглашен к начальнику военной разведки генералу Ури Саги. Генерал оказался приветливым, умным человеком. Навалился он на меня по поводу Ирана. С тревогой

говорил о российских ученых и инженерах-атомщиках, помогающих создавать атомную бомбу Ирану, который претендует на статус “мини-супердержавы” региона. В этом же контексте упоминались Сирия, Ирак, Ливия. Говорил долго и напористо. Разговор был для меня неожиданным, и я не был к нему готов, не располагал никакими конкретными данными. И я сделал чисто журналистский ход. Да, ответил я генералу, меня тоже тревожит, что 4 наших атомщика работают в Ливии, 5 — в Бразилии, по 3, кажется, — в Иране и Ираке. Но еще больше меня тревожит, что 37 наших атомщиков трудятся в Димоне.[4] Саги помолчал, усмехнулся, и мы заговорили о чем-то другом.

В этот день я еще не знал, что иранская тема (и в ядерном, и в ракетном вариантах), равно как и тема военно-технического сотрудничества с Сирией будут преследовать меня все пять с лишним лет в Израиле. В разных ракурсах, под разными соусами эти темы поднимались почти в каждой беседе с израильскими лидерами. Май 1997 года. Прощальный визит к директору Мосада генералу Д.Ятому. И на прощанье снова — Россия и Иран. И что бы я ни говорил все пять лет, какие бы аргументы ни выдвигал, мои собеседники внимательно слушали, но оставались при своем мнении. Они просто не верили мне, не верили тому, в чем уверяла их Москва.

Суть моих рассуждений, если говорить коротко, можно представить таким образом. Россия руководствуется своими интересами. Эти интересы включают поддержание нормальных, желательно хороших отношений с соседями. Учитывается, разумеется, и экономическая выгода. Поэтому мы помогаем Ирану создавать ядерную энергетику, строим легководородные реакторы для АЭС в Бушире. Поэтому не исключается и военно-техническое сотрудничество с Сирией.

Но каждая конкретная акция не должна противоречить нашей общей линии на поддержание и укрепление стабильной обстановки на Ближнем и Среднем Востоке. Россия, как и Израиль, не заинтересована в ядерном вооружении Ирана. Контроль МАГАТЭ обязателен. А там, где мы работаем, мы и сами можем контролировать положение дел. Если мы уйдем, найдутся другие помощники. Но тогда уже мы не сможем влиять на развитие событий. Вряд ли это выгодно Израилю. Что же касается возможных поставок боевой техники и оружия в страны региона, они, по нашим оценкам, не должны нарушать существующий баланс сил. Такова политика России. Допускаю, что отдельные российские ученые, инженеры, даже научные структуры принимают участие в проектах сомнительного свойства. Что поделаешь — издержки свободы. Мы бы, наверное, получили

интересные результаты, если бы захотели узнать, где и над чем работают “отдельные израильтяне”…

Занятная деталь. Мои собеседники часто ставили вопрос так. В Иране полно нефти и газа. Значит, АЭС нужна им не для получения энергии, а для подготовки к созданию ядерного оружия. Вроде бы логично. Но еще шах Ирана заключил с западными фирмами соглашения о строительстве 23 АЭС. И это не вызвало никаких причитаний. Ибо понимали: логика шаха направлена не на получение ядерного оружия (хотя в принципе это не исключалось), а на то, чтобы прекратить варварское растранжиривание невозобновимых ресурсов.

Тысячу и один раз все это повторялось. Тщетно. В Иерусалиме предполагали, что если есть возможность сделать пакость Израилю, да еще и заработать на этом, то Россия такую пакость не преминет сделать. Или потребует отступного.

Последняя тема была разыграна в связи с очередным шумом из-за продажи Россией “ракетных технологий” Ирану. 31 марта 1997 года газета “Гаарец” сообщила читателям: “Во время переговоров с Б. Нетаньяху в Москве Б. Ельцин признал, что Россия действительно подписала с Ираном контракт на поставку технологий для производства баллистических ракет средней дальности СС-4 класса “Земля-Земля”. Об этом сообщил вчера источник в израильском правительстве. Вместе с тем Б. Ельцин заявил Б. Нетаньяху, что Москва готова аннулировать контракт в том случае, если Израиль сможет изыскать для России солидные финансовые компенсации.

Таким образом, Россия впервые признала, что дала согласие на продажу ракетных технологий Ирану. Ранее русские на самом высоком уровне опровергали все сообщения о предполагаемой сделке…

Признание Б. Ельцина, сделанное им Б. Нетаньяху, ставит Израиль перед дилеммой, подобной той, которая стояла перед ним несколько лет назад. Тогда Северная Корея обратилась к Израилю с посланием, где говорилось, что она готова аннулировать уже подготовленный контракт с Ираном, если получит компенсацию от Израиля. И. Рабин, который тогда занимал пост премьер-министра, отказался платить какие-либо компенсации. Он заявил, что Израиль не поддастся шантажу со стороны других государств, которые грозятся продавать оружие Ирану или другим экстремистским режимам и требуют с Израиля денежных компенсаций за отказ от продажи”.

2 апреля я направил главному редактору “Гареца” письмо. “В Вашей газете от 31.03.97 г., — писал я, — помещена статья Д. Маковски. Прошу Вас сообщить читателям газеты, что Д.

Маковски их обманул. Ельцин не говорил Нетаньяху, что Россия заключила с Ираном соглашение по ракетам СС-4. И, соответственно, ни о какой компенсации не было и речи". Не напечатали.

Раз уж я попал в военную разведку, несколько слов об израильских спецслужбах.

Разведывательное сообщество Израиля включает в себя пять основных структур.

Мосад (полное наименование: "Учреждение по разведывательной деятельности и выполнению особых поручений") — занимается внешней разведкой и спецоперациями за рубежом (приблизительно — СВР).

ШАБАК (или — Шин Бет) — занимается контрразведкой, плюс — служба безопасности (тоже приблизительно ФСБ).

Мосад и ШАБАК взаимодействуют со своими российскими аналогами. Начальники ездят друг к другу в гости.

АМАН — военная разведка (аналог нашего ГРУ).

Разведывательный отдел в МИДе — институт политических исследований и планирования.

Разведывательное управление (отдел специального назначения) в полиции — ориентировано на борьбу с террористами, но не только.

Об израильской разведке ходит много легенд. Наверное, заслуженно. Однако наши "конкурирующие фирмы" считают, что по части собственно разведки израильтяне не на первых местах. Но вот спецоперации — это их стихия. Не могу судить. Знаю только, что в последнее время не везло израильтянам как раз со спецоперациями. В сентябре 1997 года в Аммане провалилось покушение на одного из лидеров "Хамаса". В феврале 1998 года израильтяне попались в Берне, когда они пытались установить прослушивающую аппаратуру в иранском посольстве. В результате был отправлен в отставку начальник Мосада генерал Дани Ятом.

Долгое время имена начальников Мосада и ШАБАКа были засекречены. То есть их знали все, но в печати их упоминать было нельзя. Сейчас уже можно.

Политика делается в прозе. Но иногда попадает в стихи. В израильских СМИ прошла серия сообщений (ложных, разумеется) о том, что Россия продает Сирии ракеты и боевые самолеты. Все нервничали. Известная в "русском" Израиле поэтесса Евгения Гай прислала мне стихи "Не убивай меня, Россия!" и просила передать их Ельцину. Отправил с диппочтой. Не знаю, получил ли президент эти стихи. Думаю, что нет. А они заслуживают внимания.

Не убивай меня, Россия,
Давай расстанемся красиво,
Как подобает меж людьми,
Кто знал мгновения любви.
Ты помнишь, в августе недавнем,
Проигрывая в силе явно,
С одним оружьем правоты
Мы шли, куда позвала ты,
С пайковой сволочью борясь.
На нас тогда ты оперлась.
“Свои”… “Чужие”… Гибель милых
Связала всех в один удел.
На кровью политых могилах
Священник пел и кантор пел.
На этих днях, еще не прошлых,
Клялись о благе, не о зле.
Неужто нет обетов прочных
И слов нелживых на земле?
Не убивай меня, Россия.
Давай расстанемся красиво.
Чтоб оказалось, это — сказка.
Досужий плод пустой молвы…
С площадок стартовых Дамаска
На берега, теперь — мои.
Хотя б в святую память лета.
Когда мы были на посту,
Пускай не целятся ракеты
С российской меткой на борту!

Такие вот стихи. Печальные. Проникновенные. Трудно было представлять страну, которую и любят, и боятся. Трудно не в дипломатическом плане — в человеческом.

АПРЕЛЬ-92

В Каире — Хождение по МИДу — “Соседи” — Руцкой в Израиле — Помогаю Кобзону вызволять из тюрьмы Калмановича

Апрель начался с поездки в Каир. Управившись с почтой, превратился в туриста. Каир производит впечатление огромной мощи, силы. Но силы еще не организованной, стихийной. Как и везде на Востоке — контрасты роскоши и бедности, завтрашнего дня и дня позавчерашнего. Людские толпы. Кричащие рекламы. Плохо управляемые потоки машин. Скульптурные и всякие иные напоминания о прошлом величии Египта.[5]

Пирамиды, Сфинкс вблизи выглядят не так импозантно, как на картинках. Для камней время — не доктор. Общий торжественный, даже трепетный настрой, с которым едешь к пирамидам, снижается уймищей туристов, унылыми взглядами обслуживающих их верблюдов и непрерывными требованиями “бакшиша”.

Самое грандиозное впечатление — Каирский музей. Другая цивилизация смотрит на тебя… Другое мироощущение, другое восприятие времени и пространства, другое понимание предназначения человека могли создать этот мир каменных изваяний, странных рисунков, мир мумий и саркофагов. Многие экспозиции пока беспомощны, примитивны, все как бы навалом. Особенно, когда сравниваешь с залами Британского музея. Но этого навала, всего, что осталось в Египте после англичан и прочих любителей древностей, хватит на десятки богатейших музеев.

Запомнились каирские мечети. Их много, и они разные. Но вот что одинаково. Когда на улице жара, там терпимо. Можно взять казенный коврик, прилечь где-нибудь под колонной и отдохнуть в прохладе, дарованной Аллахом. Что я и делал с удовольствием.

Съездили в Александрию. Море, солнце, пальмы. Байрам! Вся набережная запружена нарядными людьми. Большое, но практически пустое здание консульства с хорошим садом. Завидно стало. Нам бы такой домик А здесь некого теперь обслуживать.

Жил в резиденции у посла — Полякова Владимира Порфирьевича. Настоящий карьерный дипломат. Все вокруг чинно и благоговейно. Вечером повар спрашивает: что на завтрак? И утром торжественно вносит желанный омлет. О

многом поговорили. Я старательно учился посольской мудрости. Хотя не уверен, что усвоил ее.

9 марта вечером уже был в Москве. Для того, чтобы уладить кадровые и другие по первости неясные вопросы.

По кадрам главное — пробить хотя бы двух специалистов по Израилю. Просил Татьяну Анисимовну Карасову и Валерия Владимировича Афиногенова из Института востоковедения. Знают Израиль. Умные, контактные люди. Валерий вооружен прекрасным ивритом. Но МИД артачился. Своих, говорили, некуда девать, а ты чужих берешь. Мне была понятна эта логика. Но и я артачился. Ведь “свои” — это арабисты. Толковые, знающие дипломаты, но десятилетиями воспитывавшиеся в духе борьбы с “сионистским образованием”. И я боялся, что это воспитание, несмотря на новую ситуацию и новые ориентиры, будет сказываться на практической работе. В конце концов кадровики МИДа пошли мне навстречу. И не просчитались. И Карасова, и Афиногенов были в числе основной тягловой силы посольства. Не могу пожаловаться и на арабистов. Хотя на каких-то крутых поворотах, в ходе острых дискуссий иногда проскальзывали антиизраильские нотки. Не у всех, но все же…

Другая кадровая проблема — это так называемые “соседи”, то есть разведчики, работающие под крышей посольства.[6] В принципе тут нет ничего необычного, особенного. В посольствах, если не всех государств, то уж всех “держав” точно, всегда есть и будут разведчики. Это входит в общепринятые правила дипломатической игры. Игроки стараются, само собой, присматривать друг за другом и не нарываться на скандалы. Работать профессионально, без проколов.

В былые времена советская разведка явно перебарщивала по части массовости. И как это ни странно — по части “открытости”. Бывая в посольствах, я всегда удивлялся: любой человек (шофер, врач, уборщица, не говоря уже о настоящих дипломатах или журналистах) был прекрасно осведомлен — кто есть ху. Или, наоборот, — ху есть кто. Предупреждали: с тем-то и тем-то язык не распускай. Но язык распускали другие и в других местах… Возможно, я ошибаюсь, но отсутствие “водонепроницаемых переборок” являлось причиной многих провалов и выдворений. Мне даже пришлось беседовать на эту щекотливую тему с двумя председателями КГБ — Ю.В.Андроповым и В.М.Чебриковым.

Практически, добавлю от себя, “товарищи из органов”, особенно — главные “товарищи”, выступали как своего рода “комиссары” при послах, как “полиция нравов”, хотя их собственные нравы не отличались особой строгостью.

Панкин за то недолгое время, пока он был министром

иностранных дел, сумел вывести из-под дипломатической крыши довольно большое число работников спецслужб. “Я хорошо знал на собственном опыте, — писал Панкин в 1994 году, — что бывший КГБ злоупотреблял своим положением, силой и авторитетом. Наше посольство было переполнено “соседями”. Причем, многие из них — малоквалифицированные люди, которых послали за рубеж по знакомству и которые вели себя так, как будто они хозяева. Я стремился ввести деятельность спецслужб в цивилизованные рамки, сократить их до пределов разумной достаточности, поставить под контроль правительства и общественности”.

И хотя ведомства, руководствуясь корпоративными интересами и законом Паркинсона, стремятся восстановить свои позиции, их сдерживают как финансовые трудности, так, надеюсь, и усиление элементов здравого смысла. Ходят слухи, что Е. М. Примаков, будучи директором Службы внешней разведки, сделал следующее заявление: “Раньше улов тянули сетью, и Бог знает сколько мусора туда попадало. Настало время работать удочкой”.

Итак, рыбаки с удочками. Пожалуйста. Важно, во-первых, чтобы они не были бездельниками и кляузниками. И чтобы удочки забрасывали не внутри посольства, а вне его. Важно, во-вторых, чтобы они знали свое место и, помимо “спецфункций”, добросовестно выполняли свои служебные обязанности. Важно, наконец, чтобы они брали не числом, а умением, были профессионалами высокого класса, а также “просто” порядочными людьми.

Вот с такими мыслями посетил руководителей СВР и ГРУ. Почитал бумаги, которые мои “рыбаки” шлют в Москву. Обсудили квоты и возможные замены.

Несколько дней бродил по мидовским коридорам. Впитывал аппаратную информацию. Утрясал штатное расписание.

На момент разрыва дипломатических отношений (июнь 1967 года) в штатном расписании посольства насчитывалось 20 оперативно-дипломатических работников и 16 — административно-технических. Для Генерального консульства было утверждено 15 оперативно-дипломатических работников и 17 административно-технических. Вот на этих числах, — несмотря на то, что настала эпоха великих сокращений, — я и пытался удержаться. Примерно год продолжалось перетягивание каната. Съезжали до 8 дипломатов. Но все-таки здравый смысл заставил учесть специфику Израиля. 23 февраля 1993 года нам утвердили штатное расписание в количестве 38 единиц (17 дипломатов и 21 административно-технический работник). Даже лишку дали. Но мы об этом никому не сказали.

Поскольку приближался визит вице-президента России в Израиль, посетил А. В. Руцкого. Он произвел впечатление энергичного, но какого-то сумбурного человека. Увлеченно говорил о сельском хозяйстве, коим тогда руководил. Радостно сообщил мне, что его мать — еврейка.

Единственное, чего я не смог сделать в Москве, — это встретиться со своим министром. Несколько раз стучался. А. В. Козырев был занят. Так и уехал, не солоно хлебавши. 22 вечером был в Тель-Авиве.

Весь конец месяца — большая суета, связанная с визитом Руцкого. Прежде всего необходимо разработать и согласовать программу визита. С кем встречаться, в каком составе, в какое время. Что посещать. Для супруги — отдельно. Размещение. Питание. Транспорт. И еще множество всякой всячины. Все нужно разложить по полочкам (место, время), выделить ответственных людей, четко поставить задачи. С этой "штабной", как мы ее называли, работой великолепно справлялся советник Виктор Юрьевич Смирнов.

Некоторые вещи решались на основе существующих протокольных шаблонов. Но нередко особенности ситуации, капризы визитеров, случайности разного рода выбивают из шаблонов, заставляют действовать не по стандарту.

Гораздо больше хлопот, чем сам визитер, причиняла его многочисленная, как правило, свита. Энергичные, не очень обремененные тактом люди, напористые, если не сказать — нахальные, требовали повышенного к себе внимания, беспрерывно теребили, нервировали сотрудников посольства.

Хочу подчеркнуть, что к визиту Руцкого мои сетования не относятся. Тут я несколько опережаю события. Этот визит прошел относительно гладко. Посетили президента и премьер-министра, возложили венок, съездили в Хайфу, встретились с одним из "капитанов" израильского бизнеса Ш.Айзенбергом. Единственный прокол — Руцкой приехал к Шамиру не в 8.15, как было положено, а в 8.45. Говорили, что супруга его никак не могла выбрать подходящее платье.

Израильтяне, писал я в Москву, несмотря на жесткий цейтнот, сумели обеспечить емкую, политически насыщенную программу. Беседы с израильским руководством, включая лидеров оппозиции, показали, что при любых результатах июньских выборов Иерусалим будет ориентироваться на формирование устойчивых, рассчитанных на далекую перспективу отношений с Москвой.

Большое впечатление, по моим оценкам, произвели здесь заявления вице-президента об особом характере этих отношений

как отношений между двумя “великими народами”, которых объединяют не только геополитические факторы, но прежде всего наличие в Израиле более чем полумиллионной общины, связанной с русской историей, русской культурой, русским языком. Складывается впечатление, что в правящих кругах Израиля рассматривают визит Руцкого как свидетельство осознанного намерения российского руководства вывести российско-израильские отношения на новый уровень (тут я, к сожалению, ошибся).

После проводов вице-президента в посольстве состоялся “разбор операции”. Было высказано мнение, что не все сотрудники были подключены к визиту, а надо подключать всех. Я не согласился с этим. Экономной должна быть не только экономика. Не следует устраивать авралов. Не надо всем стоять на ушах. Берем столько человек, сколько требует составленный нами же план визита. Остальные пусть работают в обычном режиме. И еще. Уже за несколько дней до визита я заметил лихорадочный блеск в глазах дипломатов. Так не годится, сказал я. “Не нужно, чтобы глазки блестели” (беру в кавычки, так как эти слова вошли в посольский фольклор). Работаем спокойно. Чем лучше, четче подготовка, тем меньше нервов.

Не всегда, к сожалению, так получалось. Но об этом речь впереди, впереди еще много визитов…

С визитом Руцкого связано мое подключение к кампании по освобождению Шабтая Калмановича. В чем тут дело?

Калманович приехал в Израиль в 1971 году из Каунаса с дипломом инженера по автоматизации химической промышленности. Но химией заниматься не стал, а поступил на подготовительное отделение Иерусалимского университета. Уже на следующий год стал, так сказать, политическим чернорабочим на подхвате у сильных мира сего. Независимо от их политической ориентации. С конца 70-х начал пробовать себя в строительном бизнесе. Дело пошло. Потом с помощью американских друзей оказывается в Африке — сначала Ботсвана, затем Сьерра-Леоне. Назначается торговым представителем Ботсваны в Израиле. Зарабатывает огромные деньги. Покупает замок в Каннах. Летает на собственном самолете. Вращается в высших кругах, в том числе и Израиля. И — гром среди ясного неба! — 23 декабря 1987 года арестовывается в Израиле как советский шпион.

В мае 1992 года, когда в печать проникли сведения о том, что Москва активизировала усилия, направленные на досрочное освобождение Калмановича, известный журналист Зеэв Бар-Ам писал:

“Сегодня имя Калмановича ничего не говорит почти полумиллионному контингенту наших новых сограждан. А был он “звездным мальчиком” алии 70-х годов, ее символом, воплощением осуществленной мечты, предметом особой гордости: знай, мол, наших! Тем единственным, кто сумел взойти на сияющую вершину финансового успеха и увидеть небо в алмазах. Его карьера ослепляла и завораживала. За 17 лет этот плейбой сумел создать финансовую империю с деловыми связями на трех континентах. Все двери были перед ним распахнуты настежь. Политики и бизнесмены, военные и ученые, писатели и деятели культуры испытали на себе его обаяние. В отличие от Джеймса Бонда, он не отличался развитой мускулатурой, не поражал воображение присутствием духа и ледяным хладнокровием в экстремальных ситуациях. Зато он виртуозно играл на нервах и психологии. Он мог быть трезвым и расчетливым, хвастливым и циничным, запредельно откровенным и до умопомрачения лживым. И еще он умел быть щедрым. Любил повторять: “Если я срываю солидный куш, то выигрывают все, кто меня окружает”. Был он болтлив, неуравновешен, эгоцентричен. Чрезмерно любил женщин и всю ту роскошь, которую можно приобрести за большие деньги. “От него пахнет деньгами”, — говорили о нем. И он, как мальчишка, хвастался своим богатством, виллами, связями. Свой “роллс-ройс”, например, он купил у Чаушеску.

Если существует такое определение, как антишпион, то оно полностью подходит к Калмановичу. Слишком уж он привлекал к себе всеобщее внимание. А был он, по-видимому, не просто шпионом, а асом разведки. Может быть, даже гроссмейстером шпионажа”. Возможно в этой характеристике излишек литературы. Но иначе нельзя — рассказ о шпионе не должен быть скучным.

В обвинительном заключении, которое было опубликовано 8 ноября 1993 года, говорится: “Обвиняемый вступал в контакты с агентами зарубежных спецслужб и передавал им секретную информацию, причиняя ущерб безопасности страны”. Судебного процесса в привычном понимании этих слов не было. Послушаем обвиняемого: “Мой адвокат договорился с прокуратурой Израиля о так называемой юридической сделке: без суда, без предъявления доказательств, без

показаний свидетелей мне дали 9 лет тюрьмы. Такая сделка между адвокатом и прокуратурой абсолютно законна… После торга адвокат пришел ко мне в тюрьму и произнес: “Сейчас я тебе сделаю предложение, от которого у тебя останется неприятный осадок. Прокуратура готова осудить тебя на 9 лет. Если ты согласишься, то тебе всю оставшуюся жизнь будет казаться, что ты продешевил. Если бы мы боролись и прошли все судебные инстанции, то смогли бы добиться, скажем, 7-летнего заключения. С другой стороны, если ты не согласишься на сделку и в результате получишь 11 лет, то будешь всю оставшуюся жизнь жалеть, что не согласился на предложение прокуратуры”.

Я не спал всю ночь, — говорит Калманович, — и согласился”.

В тюрьме, точнее, в тюрьмах Калманович провел пять с лишним лет. Болел. Перенес операцию. Развелся. Надеялся на помощь друзей и в первую очередь — Кобзона. “Мы подружились семьями задолго до моего ареста, — рассказывает Калманович. — Между нами не было никакой корысти, не было совместного бизнеса. Поэтому и возникла настоящая дружба… Что бы ни говорили про Кобзона, как друг он невероятно предан. За собственные деньги летал в Израиль, навещал меня. Иосиф был тогда депутатом Верховного Совета, и его не досматривали в тюрьме. Контрабандой он приносил мою любимую рыбу в томатном соусе, кильку, бычков и конфеты “Белочка”… Я никогда не забуду, как много он для меня сделал. Поднял на ноги всех. Люди, которых я никогда в жизни не встречал, по просьбе Кобзона хлопотали о моем досрочном освобождении.

Сначала мне это даже вредило, — полагает Калманович. — Определенные чиновники в определенных органах стали думать, что я намного важнее, чем они предполагали. Кобзон привозил официальные письма от Горбачева, Янаева, Пуго, Руцкого с просьбой о досрочном освобождении. Причем в Израиле по аналогичной статье отбывали срок еще несколько человек, но за них Горбачев, скажем, не просил. А письма эти Кобзон организовывал в одиночку, обивая пороги кремлевских кабинетов…

Как-то Кобзон приехал в Израиль на круизном теплоходе вместе с художником Ильей Глазуновым. Его принимал премьер-министр Шамир… Помощник премьера спросил: возможно ли сделать портрет Шамира? “Пожалуйста”, — ответил Илья Сергеевич. “Сколько это будет стоить?” — “Ничего, — ответил

художник. — Только отпустите из тюрьмы Калмановича”. Фамилию он прочитал по бумажке, подсунутой заранее Кобзоном”.

Все это мне не было тогда известно. Никаких указаний из Москвы насчет Калмановича у меня не было. Был на эту тему примерно месяц назад разговор с Кобзоном (когда он приходил ко мне с Глазуновым). Но я как-то пропустил его (разговор) мимо ушей. Зря пропустил…

29 апреля. Чудный день. Сижу на террасе гостиницы “Кинг Давид” (в ней, естественно, остановился Руцкой), пью кофе, жду развития событий. И они начинают развиваться. Из окна мне машет Кобзон, потом спускается. Выражает удивление, что посол России ничего не делает для вызволения из тюрьмы прекрасного человека Шабтая Калмановича. Излагает историю и настоящее положение дел, По просьбе Кобзона к израильскому руководству обращались: министр внутренних дел СССР Б.Пуго, вице-президент СССР Г.Янаев, народный депутат СССР Е.Примаков, премьер-министр Украины В.Фокин, министр культуры СССР Н.Губенко, вице-президент РСФСР А.Руцкой. Руцкой обратился к премьеру Израиля И. Шамиру и в качестве вице-президента Российской Федерации. Привожу последнее послание полностью.

> “Уважаемый господин Премьер-министр!
>
> В августе 1991 года мною было направлено письмо в Ваш адрес, в котором я просил Вас проявить чувство гуманности и освободить по состоянию здоровья бывшего гражданина СССР Шабтая Калмановича, отбывающего наказание в Израиле. Пошел пятый год его заключения. Состояние здоровья резко ухудшилось.
>
> На встрече со мною в сентябре 1991 года г-н Арье Левин заверил меня, что Ш.Калманович будет освобожден на второй день после установления дипломатических отношений между нашими странами. С тех пор прошло достаточно времени, однако позитивного решения данного вопроса не последовало.
>
> В этой связи я вынужден вновь обратиться к Вам с просьбой сделать все от Вас зависящее для досрочного освобождения Ш. Калмановича по состоянию здоровья.
>
> С надеждой на понимание и на скорую встречу с Вами на древней земле Израиля.
>
> Вице-президент РФ А. Руцкой. Москва. Кремль. 12 марта 1992 года”.

Не уверен, что был (или есть) еще “бывший гражданин СССР”, о судьбе которого так заботились официальные лица. Молодец

Кобзон!

С Иосифом Давидовичем я раньше не был знаком. Хотя как певец он прошел через всю мою жизнь. Знал, что у него много друзей, потому что он сам — друг. Слышал всякие байки вокруг его имени. Но всегда вспоминал Маяковского: “Я — поэт, и этим интересен”. Вот именно. Сказал Кобзону, что меня стесняет посольский мундир, но попробую помочь.

Мне не хотелось выходить на официальные каналы. Поэтому 13 мая с надежной оказией направил приватное письмо директору СВР.

> “Дорогой Женя! — писал я. — Тут на меня наседает “общественность” (и наша, например, И. Кобзон, и не наша) по поводу Калмановича. Почему я не настаиваю на его помиловании? Ответить легко — нет указаний настаивать. Но совестно так отвечать. Тем более, что человек отсидел уже полсрока и серьезно болен. В общем, я совсем было собрался идти к Шамиру, да червь чиновничьей субординации, взращенный в “застойный” и предшествующие ему периоды, не дает покоя. Как бы чего не вышло… Какой совет мог бы ты дать мне в такой ситуации? Заранее признателен. Твой Саша”.

Не знаю, может быть, “оказия” не сработала, но совет до меня не дошел. Решил действовать самостоятельно. 22 марта посетил Шамира и обратился к нему со следующим экспромтом:

> “По понятным причинам мне приходится читать Талмуд. В нем много интересных мыслей. Одной хочу поделиться с Вами. Написано так: “Все в руках небес, кроме колючек и ловушек”. Я очень благодарен Вам, господин премьер-министр, за то, что Вы успешно способствуете устранению “колючек и ловушек” из области российско-израильских отношений. Тем не менее, некоторые колючки еще остаются. Одна из них — это, несомненно, вопрос о Калмановиче.
>
> Понимаю, что при упоминании этого имени у Вас, как говорят в Одессе, молоко в грудях киснет (тут скис переводчик). Но вопрос надо решать. Не буду повторять аргументы в пользу его досрочного освобождения. Они много раз приводились, ничего нового я бы не добавил. Я просто прошу Вас еще раз подумать над этим вопросом.
>
> Разрешите оставить Вам письмо по этому поводу. Заранее извиняюсь за его английский язык”.

Через несколько дней затронул тему Калмановича в беседе со спикером кнессета Довом Шилански. Он обещал переговорить с премьером.

9 июня получилось письмо от генерального директора канцелярии премьер-министра Йозефа Бен-Аарона. Мне сообщали, что дело Калмановича “изучается”.

В июле премьер-министром стал Рабин. В начале сентября я направил ему письмо, в котором, в частности, говорилось:

> “Я не могу и не хочу обсуждать юридическую сторону вопроса. Dura lex sed lex — так меня учили. Право выше нас. И слава Богу. И если я обращаюсь к Вам, то только потому, что нынешнее состояние российско-израильских отношений, как мне кажется, позволяет смягчить строгость закона состраданием и милосердием. Время, когда в отношениях между нашими странами господствовали недоверие и подозрительность, уходит в прошлое. И пусть вместе с ним уйдет в прошлое и дело Калмановича — порождение этого времени. Досрочное освобождение этого человека могло бы стать еще одним свидетельством того, что путь назад закрыт, что Россия и Израиль смотрят в будущее”.

О Калмановиче я говорил с Рабином и 1 ноября. Информируя МИД об этом разговоре, — к тому времени мои хлопоты были легализованы, — я писал, что, по словам премьера, идет всестороннее изучение вопроса, включая работу независимых медицинских экспертов. Процедура займет еще полтора-два месяца. Рабин дал понять, что при таких обстоятельствах было бы крайне важно не поднимать лишнего шума вокруг дела Калмановича и не пытаться воздействовать на израильские власти через прессу или даже официальные каналы. “Тихо-тихо”, — сказал премьер.

В декабре Москва сообщила: посол Израиля А. Левин передал Руцкому, что израильтяне решили освободить Калмановича “при условии его незамедлительного выезда из страны”. Мне предписывалось проработать с израильской стороной “практические мероприятия по освобождению Калмановича и последующей отправке его в Москву”. Я разочаровал начальство, сообщив, что решение еще не принято.

Финал наступил 10 марта 1993 года. В этот день мы вместе с американским послом посетили заместителя министра иностранных дел Израиля Йоси Бейлина и передали ему приглашение на очередной раунд переговоров. После, как заведено, встреча с журналистами. И вот тут подбежал

взволнованный клерк и сказал, что Бейлин просит меня вернуться. Только что, — сообщил Бейлин, — позвонил президент и просил передать послу, что он подписал указ о досрочном освобождении Калмановича. Русское посольство, подчеркнул президент, должно узнать об этом раньше, чем появится официальное заявление.

Заявление появилось к вечеру. “Российское правительство, — говорилось в нем, — неоднократно обращалось к главе правительства и министру иностранных дел Израиля с просьбой рекомендовать президенту смягчить наказание Калмановича. В результате интенсивных совещаний, проводившихся в последние дни главой правительства с министром иностранных дел, министром юстиции и представителями органов безопасности, было решено рекомендовать президенту Израиля освободить Калмановича. Этот шаг будет способствовать улучшению отношений между Израилем и Россией”. Помимо этих в общем-то протокольных слов заявление содержало и неожиданный для меня тезис: “Освобождение Калмановича открывает возможность репатриации в Израиль тем евреям России, которых не выпускали из страны по соображениям секретности”. Было ясно, что общественность воспримет это утверждение как свидетельство того, что между Россией и Израилем достигнута соответствующая договоренность. Посыпались телефонные звонки от лиц, заинтересованных в судьбе “отказников”. Пришлось разъяснять, что никакой договоренности нет.

13 марта прилетел Кобзон. Предложил отметить освобождение “на троих”. Но мне представлялось неудобным встречаться в данной ситуации с Калмановичем. Поэтому на следующий день мы с Кобзоном отмечали “на двоих”. Кажется, “У Шмулика”. Редкий и Тель-Авиве ресторан еврейской кухни.

Через некоторое время Калманович улетел в Москву, где активно и, думаю, успешно занялся бизнесом. В марте 1995 года наведался в Израиль. Тогда я и познакомился с ним и его невестой Анастасией. Уже вернувшись в Москву, был на их свадьбе. И еще — на 50-летии Шабтая. С Кобзоном они раздружились. “Когда мы приехали в Москву, — рассказывал позже Калманович, — Кобзон открыл мне все двери. Я ему очень за это благодарен, но наши пути в бизнесе разошлись. Иногда мы встречаемся и вежливо здороваемся”. Вот такая история…

В этой истории меня больше всего поразило равнодушие официальных наших властей к участи Калмановича. Возможно, я многого не знаю. Но то, что знаю, огорчает. Ведь не у каждого калмановича есть свой кобзон. Так что же, им не на кого и не на что надеяться? Вопрос риторический.

Спокойно прошел визит Гавриила Харитоновича Попова.

Мэр был откровенен с журналистами. Израиль показался ему беднее, чем он ожидал. “Сложилось впечатление, что здесь очень сильно влияние социалистических идей в их эгалитарном, уравнительном истолковании… Элитарные тенденции иудейской религии и такие же тенденции социалистической идеологии причудливо сплелись, выразившись в решении конкретных практических задач. Например, в жилищном строительстве. Я вижу вокруг примерно одинаковые дома — это было и у нас, только на более бедном уровне.

Наконец, степень вторжения государственных структур в личную жизнь, как кажется, здесь значительно больше, чем мне представляется нужным в конце 20-го века, когда ценность человеческой независимости, самостоятельности так возросла.

Но, с другой стороны, я вижу жизнерадостный народ — это вообще национальная еврейская черта, но при жизни в других странах к ней обычно добавляется хроническая грусть, здесь же явно оптимизм преобладает…”

Не все были согласны с Поповым. “Тут невольно вспоминается, — комментировал Шай Гриншпун в газете “Права человека”, — старая хасидская притча о визите двух посланцев рабби в Одессу. Один посланец, вернувшись, рассказал, что Одесса полна синагог и иешив, а другой — что Одесса полна кабаков и борделей. Каждый нашел то, что искал. Так и наш друг, мэр Москвы. Приехав в Израиль, он продолжает искать здесь знакомые ему проблемы. А “кто ищет — тот всегда найдет”. Попов не заметил в Израиле “вилл и трущоб, безработных и миллионеров, “кабланов” и эксплуатируемых ими олим…” Какая уж тут уравниловка!

По-моему, оба правы. Израиль проектировался и создавался людьми, близкими к социалистической идеологии. Тенденция к эгалитаризму была заметна во многих сферах жизни. Киббуцы — самый яркий пример. Постепенно рыночная стихия стала размывать коллективистские, уравнительные начала. “Рука государства” уступала место “руке рынка”. Но не сразу и не везде. Что и заметил Попов. А “трущобы”, безработных и “кабланов” ему просто не показывали. С “трущобами”, правда, вообще напряженка…

МАЙ-92

Ариэль Шарон — 1948: обретение независимости — Война за независимость — Мои друзья ветераны — Русская духовная миссия — "У нас не террариум!"

Май прошел под знаком культурно-гостевых мероприятий, в щелях между которыми размещалась политика.

6 мая принял нового посла США Уильяма Хэрропа. Толковый, знающий дело человек. Прекрасно ориентируется во всех ближневосточных хитросплетениях. Оптимист, но не слишком. Достаточно откровенен. В американском посольстве около 60-ти дипломатов. Пропорционально влиянию США и их роли в мирном процессе.

Приятное воспоминание оставил обед на ферме министра строительства генерала Ариэля Шарона. Ферма специализируется на выращивании баранов. Соответственным было и меню.

В Израиле Шарон (его ласково зовут Арик) личность знаменитая.

Участвовал во всех войнах и всегда побеждал. Но не всегда побеждал в битвах с начальством. После шестидневной войны Шарон возражал против строительства так называемой "линии Бар-Лева" вдоль Суэцкого канала, считая саму концепцию таких оборонительных сооружений устаревшей и неэффективной. В результате начальник Генштаба Хаим Бар-Лев отказался продлить контракт с Шароном. "Я не мог в это поверить, — вспоминает Шарон. — Одно дело профессиональный спор, независимо от того, насколько он резок. Но заставлять меня покинуть армию в то время, когда они отчаянно нуждались в любом дельном совете, который только могли получить, даже — и особенно — если этот совет был не таким, который они хотели услышать?" Только вмешательство влиятельного министра финансов Пинхаса Сапира помогло Шарону остаться в армии.

Звездный час Шарона наступил, пожалуй, в ночь с 15 на 16 октября 1973 года. Шла война с Египтом, который неожиданно напал на Израиль и сумел добиться некоторых успехов. Обстановка была сложной. Как на фронте, так и в штабах. Разорвав клубок интриг, именуемый "войной генералов", Шарон настоял на форсировании Суэцкого канала. "Да, это риск, — заявил он командующему Южным фронтом генералу Бар-Леву (потом был послом Израиля в России), — но ни один полководец не выиграл ни одного сражения без риска. Даже Кутузов

рисковал, отдавая врагу Москву… А мы ошарашим арабов и вернем их на исходные позиции". И ошарашил. И не только арабов.

Самое трудное время Шарон пережил, думаю, после ливанской кампании 1982 года. Он был вынужден уйти с поста министра обороны, так как его признали виновным (хотя и "косвенно") в том, что он не смог предотвратить нападения ливанских боевиков на лагеря палестинских беженцев Сабра и Шатилла.

О Шароне-генерале я знаю по книгам и легендам. Личные впечатления относятся к Шарону-политику, Шарону-человеку. Умный, интересный собеседник, способный внятно излагать свои мысли. С чувством юмора. С широким диапазоном интересов. Корни — в России. По-русски говорит медленно, с трудом, но понимает практически все. Как и я, постоянно худеет…

Шарон-политик принадлежит, если иметь в виду мирный процесс, к крайне правому флангу. Еще в октябре 1991 года, когда я брал у Шарона интервью для "Известий", он втолковывал мне, что прочный мир будет возможен лишь после демократизации арабских соседей Израиля. Примерно в той же тональности велась застольная беседа. Шарон доказывал, что арабы не смирились с существованием Израиля. Они сменили тактику, но стратегическая цель осталась прежней… Меня радовало, что несовпадение наших политических вкусов никак не отражалось на вкусе баранины.

Менялись посты, которые занимал Шарон, но не менялись его взгляды. Мы особенно хорошо понимаем важность мира, — говорил мне Шарон в июле 1996 года, — именно потому, что все время воюем. Но мир — это прежде всего безопасность. Мы не можем идти на бесконечные уступки арабам в ущерб собственной безопасности. Обещаниям, которые не подкреплены конкретными действиями, верить нельзя. Достаточно вспомнить Мюнхен. Там все делалось, вроде бы, в защиту мира. А в итоге проложили дорогу войне. Переговоры с арабами следует, разумеется, продолжать, но по такой формуле: мир в обмен на четкие гарантии безопасности.

Правительство Нетаньяху не перечеркивает того, что уже сделано. Но надо взять паузу, осмотреться. Надо настоять, чтобы палестинцы выполняли свою часть договоренностей. Что же касается палестинской автономии, то в любом случае военно-стратегический контроль должен остаться в руках Израиля. Важно не физическое присутствие израильских войск на территории автономии, а наличие соглашений, которые позволяли бы Израилю вводить туда воинские контингенты. Если возникнет

угроза безопасности Израиля.

В октябре 1998 года Шарон получил портфель министра иностранных дел. В связи с этим журналисты в очередной раз перемывали его кости. Вспомнили и меня. Газета “Русский израильтянин” (я, кажется, числился членом ее редакционного совета), сообщив читателям, что Шарон и Бовин общались преимущественно в ресторанах, продолжала:

> “Сидели как-то Шарон и Бовин, беседовали, креветок некошерных кушали. А Ельцин как раз тогда в Японию поехал. Поэтому Шарон сказал Бовину: “Ваш президент ведь на за что не отдаст эти малюсенькие Курильские острова. И у вас хватает наглости требовать, чтобы мы отдали территории?” Бовин ответил с улыбкой: “Вот поэтому у нас такая большая страна, а у вас такая маленькая”.

Очень мило. Беда в том, что мы с Шароном никогда не ходили в рестораны. Удобнее было общаться в других местах. И ни разу не говорили о Курилах. Тут сработала поговорка: “Слышал звон, да не знает — где он”. А звон был. Во время одной из встреч с Нетаньяху, когда он еще не был премьером, я рассказал ему такую историю. Дело было в Японии. Меня пригласили на телевидение дискутировать с профессором Токийского университета проблему “северных территорий” (так японцы обозначают спорные, с их точки зрения, южные Курилы). Висела большая карта Советского Союза. И, обращаясь ко мне, профессор на хорошей эмоции вопросил: “Бовин-сан, посмотрите, какая у вас огромная страна! Неужели вам жалко отдать японцам четыре малюсеньких острова?!” Мой ответ звучал так: “Вот потому-то у нас такая огромная страна, что мы никогда никому ничего не отдаем!”. Я понимал, конечно, что сказанное — не аргумент. Но хороший выпад в словесной дуэли. И сделал этот выпад. На следующий день пресса показала, что я отыграл несколько приличных очков.

Так вот, именно эту историю я изложил Нетаньяху. Он поинтересовался, можно ли передать в печать эту часть нашей беседы. Попросил его воздержаться. На том и порешили. Но в разных вариантах курильский сюжет стал циркулировать по Израилю. А когда Нетаньяху уже в качестве премьера прибыл в Москву, он при мне пересказал наш с ним разговор Примакову.

Обед на ферме завершился клубничным тортом в превосходном исполнении генеральши. Где уж тут худеть…

В мае израильтяне торжественно отмечают День Независимости — годовщину провозглашения Государства

Израиль.

В этом году отмечалась 44-я годовщина. Прием у президента и прочие церемонии. День, когда вспоминают прошлое.

История еврейского народа исчисляется тысячелетиями. Государство Израиль гораздо моложе. Оно провозглашено 5 дня месяца ияр года 5798 (14 мая 1948 года). В отличие от большинства государств, которые возникали in vivo, “в жизни”, то есть естественно-исторически, стихийно, современное еврейское государство появилось in vitro, “в пробирке”, то есть путем сознательного, если угодно кабинетного конструирования, которым занимались лидеры мирового сионизма, в результате политического решения, принятого Организацией Объединенных наций. Разумеется, за этим “конструктом” жизни и мечтаний (“в следующем году — в Иерусалиме!”) еврейской диаспоры и десятилетия борьбы сионистского движения за создание еврейского “национального очага” в Палестине.

В 1947 году за создание еврейского государства в Палестине энергично выступал Советский Союз. США поддерживали эту идею. Великобритания юлила. Арабские и мусульманские страны отчаянно сопротивлялись. В тех условиях русская карта была козырной.

> “Еврейский народ, — говорил первый заместитель министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на заседании специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН весной 1947 года, — перенес в последней войне исключительные бедствия и страдания. Эти бедствия и страдания, без преувеличения, не поддаются описанию… На территориях, где господствовали гитлеровцы, евреи подверглись почти поголовному физическому истреблению. Общее число погибшего от рук фашистских палачей еврейского населения определяемо приблизительно в 6 миллионов человек. Только около полутора миллионов евреев в Западной Европе пережили войну.
>
> Но эти цифры, давая представление о жертвах, которые понес еврейский народ от фашистских агрессоров, не дают представления о том тяжелом положении, в котором очутились большие массы еврейского населения после войны. Огромное количество уцелевшего еврейского населения Европы оказалось лишенным родины, крова и средств к существованию. Сотни тысяч евреев бродят по разным странам Европы в поисках средств существования, в

поисках убежища. Большая часть из них находится в лагерях перемещенных лиц и продолжает терпеть большие лишения.

Позволительно спросить, — продолжал Громыко, — могли ли Объединенные нации, учитывая такое тяжелое положение сотен тысяч уцелевшего еврейского населения, не проявлять интереса к положению этих людей, оторванных от родины и от своих очагов?… Пора не на словах, а на деле оказать этим людям помощь… Это является долгом Объединенных наций".

Громыко подчеркнул, что население Палестины состоит из двух народов — арабов и евреев. И арабы, и евреи имеют исторические корни в Палестине, которая стала родиной обоих этих народов. Поэтому любое решение должно учитывать законные интересы и арабов, и евреев. Исходя из этого, Москва считала бы оптимальным решением создание "двуединого демократического арабо-еврейского государства" с равными правами для евреев и арабов. "Такое решение вопроса о будущем Палестины, — заявил Громыко, — могло бы явиться здоровой основой для мирного существования и сотрудничества арабского и еврейского народов Палестины в интересах обоих этих народов и для блага всего населения Палестины, для мира и безопасности на Ближнем Востоке". Однако, заключил советский представитель, если отношения между арабами и евреями настолько плохи, что вариант единого государства не может быть реализован, необходимо рассмотреть другой вариант — "раздел Палестины на два самостоятельных независимых государства — еврейское и арабское". Отвечая на возражения арабов, Громыко сказал: "Представители арабских государств указывают на то, будто бы раздел Палестины является исторической несправедливостью. Но с этой точкой зрения нельзя согласиться хотя бы потому, что еврейский народ был связан с Палестиной на протяжении длительного исторического периода времени".

Такова была позиция Москвы в 1947 году. В силу разных обстоятельств она совпала с американской. Это позволило преодолеть отчаянное сопротивление арабов. В субботу вечером 29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН большинством в 33 голоса против 13-ти при 10-ти воздержавшихся (среди

последних были Великобритания и Китай) приняла резолюцию 181 “Будущее правительство Палестины”. Ключевое положение звучало так: “Независимые Арабское и Еврейское государства и специальный международный режим Города Иерусалима… должны быть созданы в Палестине через два месяца после окончания эвакуации вооруженных сил страны-мандатария, но ни в коем случае не позднее 1 октября 1948 г.”. По поводу Иерусалима решили: “Город Иерусалим учреждается как отдельная единица (corpus separatum), пользующаяся специальным международным режимом, и будет под управлением Организации Объединенных Наций”.

Резолюция ООН — это все же бумага. Хотя и очень важная, но, повторяю, бумага. Оживить ее, наполнить политическим содержанием оказалось чрезвычайно трудно. Англичане, которые должны были подготовить условия для плавного перехода Палестины в новое качество, фактически саботировали решение ООН. Специальная комиссия ООН, которая должна была осуществить раздел Палестины, не была создана. Арабы усилили партизанскую войну против евреев. Евреи ответили тем же, нанося удары и по арабам, и по англичанам.

Англичане, оказавшись между молотом и наковальней, заявили, что 15 мая мандат перестает действовать. Тем временем еврейские вооруженные отряды установили контроль над территорией, которая по решению ООН отходила еврейскому государству. В апреле формируются временные законодательный и исполнительный органы — Народный совет (37 человек) и Народное правление (13 министров). 12 мая состоялось первое заседание Народного правления. Обсуждался один вопрос — провозглашать или нет Государство Израиль. Государственный секретарь США Дж. Маршалл советовал не торопиться и подождать еще три месяца. Но Давид Бен-Гурион отверг этот совет. Правление, на котором присутствовало 10 министров, заседало 13 часов. Бурные споры закончились голосованием. Бен-Гурион выиграл со счетом 6: 4. Через два дня, 14 мая, Народный совет провозгласил независимость Израиля. В этот же день верховный комиссар Великобритании сэр Э. Дж. Кеннингем покинул Палестину. 15 мая США de facto признали новое государство. СССР признал Израиль и временное правительство de jure 18 мая.

15 мая Лига арабских государств заявила, что “все арабские страны с этого дня находятся в состоянии войны с евреями Палестины”. Началась Война за независимость. Против Израиля выступили войска Египта, Сирии, Ливана, Трансиордании и Ирака.

> “Это будет война на истребление, — пугал евреев и подбадривал арабов Генеральный секретарь ЛАГ Аззам Паха. — Это будет грандиозное избиение, о котором будут говорить так же, как говорят о вторжении монголов и о крестовых походах”.

23 мая Израиль предложил прекратить огонь и начать переговоры. Но арабы настаивали на “безоговорочной капитуляции” евреев. Израилю пришлось принять бой.

Позиция Советского Союза была сформулирована в передовой “Правды” от 25 мая.

> “При всем своем сочувствии к национально-освободительному движению арабских народов советская общественность не может не осудить агрессию арабских государств, направленную против государства Израиль и против прав еврейского народа на создание своего государства в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН”.

Позиция Москвы имела не только платонический характер. С согласия Советского Союза Чехословакия поставляла Израилю оружие. В Чехословакии проходили обучение израильские летчики, парашютисты, танкисты. Такие были времена…

В Войне за независимость Израиль потерял примерно 6000 человек, из них — около 4000 солдат и офицеров. По масштабам Израиля это очень много. Но арабские армии, превосходившие израильтян по всем показателям, кроме умения воевать, были разбиты наголову. Наверное, имела значение и цена поражения. Для евреев это — катастрофа, погибель, разрушение вновь обретенного Очага. Для арабов — “просто” проигрыш еще одной войны.

Соглашение о перемирии с Египтом было подписано 24 февраля 1949 года. Далее: 23 марта — с Ливаном, 3 апреля — с Трансиорданией, 20 июня — с Сирией. Крестовых походов не получилось. Получилось другое. Отвергнув решение ООН, отказавшись от создания арабского государства в Палестине, взяв курс на уничтожение Израиля, арабские экстремисты втянули Ближний Восток в длительную конфронтацию, спровоцировали череду бессмысленных войн.

В эту конфронтацию был втянут и Советский Союз. Вернее, сам втянулся. С переменой политических знаков. Из защитника Израиля СССР превратился в его главного противника. От моральной, политической поддержки Израиля Москва перешла на позиции открытой враждебности, стала вооружать арабские

государства, поощрять их агрессивные действия. Что же произошло?

По-видимому, перемена курса была вызвана тем, что Израиль не оправдал надежд Сталина. Он рассчитывал использовать Израиль в борьбе против Великобритании и США, для массированного проникновения на Ближний Восток. Сталин знал, несомненно, что “отцы-основатели” Израиля были, как правило, выходцами из России, связанными с Бундом, с российским социал-демократическим движением. Это позволяло надеяться, что социалистические корни израильских лидеров дадут просоветские ростки.

Действительно, еврейские политические деятели, которым было суждено стать у истоков Израиля, питали слабость к России, симпатизировали марксизму, социалистическим идеям, многие из них с восторгом следили за первыми шагами советской власти.

Характерна в этой связи оценка Бен-Гурионом Ленина.

> “Пророк русской революции, ее вождь и учитель, ее вдохновитель и оратор, ее законодатель и вожак, — писал в своем дневнике “вождь и учитель” левых сионистов. — Как велик этот человек! Взор его проникает в действительность словно сквозь прозрачный кристалл: никакие формулы, катехизисы, лозунги или догмы не препятствуют ему. Этот человек наделен даром встречать жизнь лицом к лицу, мыслить не в категориях понятий или слов, но на основании коренных фактов реальности. Он обладает мужеством, интеллектуальной отвагой, присущей лишь тем, кого не пугает инерция расхожих, общепринятых понятий. Взгляд его, исполненный зоркости, прорывается и пронзает все сложности и трудности жизни, и из глубин действительности черпает он движущие силы будущего. Перед нами человек, являющийся венцом революции, пребывающий в мире с собственной душой, шагающий через все преграды, верный цели, не ведающий, что значит покорность и компромисс. Перед его очами вечно пылает алое пламя единственной неизменной цели — великой революции, революции, меняющей мир, с корнями вырывающей существующую действительность и сотрясающей до основания, до самого фундамента прогнившее и вырождающееся общество”.

Эти вдохновенные слова были написаны в 1923 году. Тяжелая поступь времени, трагические перипетии революции размывали восторженные оценки, которые давались Ленину и ленинизму. Но

общий настрой на волну социализма, симпатии к “первому государству рабочих и крестьян” характерны для многих лидеров молодого Израиля. Следует также иметь в виду, что на протяжении первых 25 лет существования Израиля ведущую роль в его политике, экономике, культуре играли уроженцы украинских и белорусских городов и местечек. Четыре первых президента и четыре первых же премьера Израиля родились в России. “Россияне” составляли большинство членов кнессета первых созывов. Незримые нити продолжали связывать их с русской культурой, с русской историей.

Со свойственным ему цинизмом Сталин надеялся использовать в своих целях симпатии к социализму, привязанность к России. Иными словами, он хотел “приручить” Израиль. Надо полагать, Сталин был уверен, что “железный занавес”, ограждавший советских людей от “тлетворного влияния Запада”, уж тем более оградит советских евреев от влияния Израиля. В Москве скорее всего надеялись, что можно будет совместить хорошие отношения с Израилем с привычным, уже ставшим нормой государственной жизни антисемитизмом внутри страны.

Но “лед и пламень” совместить было невозможно. Появление Израиля, его победа в Войне за независимость вызвали брожение среди советских евреев, особенно среди еврейской интеллигенции. Это стало очевидным после приезда в Москву первого посла Израиля Голды Меир (это случилось 3 сентября 1948 года).[7] Московские евреи оказали ей восторженный прием. Реакция не замедлила последовать. 21 сентября “Правда” публикует статью И. Эренбурга, где утверждается, что Израиль не имеет никакого отношения к евреям Советского Союза, так как в Советском Союзе нет еврейского вопроса.

В общем Сталин сам сжег мосты, которые пытался построить. В январе 1949 года стала раскручиваться разнузданная, хамская антисемитская кампания — боролись с “безродными космополитами”, коими оказались, конечно же, евреи. Закрылись последние еврейские театры и газеты. В Праге по советскому сценарию прошел процесс Сланского, который показал, что Сталин вывел борьбу с сионизмом на международную арену. Слово “сионизм” прочно вошло в вокабулярий советского политического мата.

Но вернемся в год 1992-й.

9 мая — День Победы. В Израиле его тогда официально не отмечали. Но большое число ветеранов второй мировой войны и особенно — Великой Отечественной войны, активность ветеранских организаций превращали этот день в настоящий

праздник.

С ветеранами, а их в Израиле более 20000 человек, у меня с самого начала сложились хорошие, душевные отношения. Как это ни странно (а, может быть, как раз и не странно), ветераны, живущие в Израиле, гораздо более организованы, сплочены, энергичны, чем российские ветераны. У них развито чувство локтя, товарищества. Они ощущают себя коллективом фронтовых друзей. И если собираются ветераны того или иного города, если они вместе встречают праздники, то не потому, что получили команду “сверху”, а потому, что они сами хотят этого.

Любопытная деталь. Каждую пятницу в 11 часов в Тель-Авиве в штаб-квартире Союза воинов и партизан — инвалидов войны с нацистами начинает работать нечто вроде самодеятельного ветеранского клуба. Приходи, приноси с собой “водку и селедку” и общайся с друзьями-фронтовиками. Или обретай новых друзей. Я иногда заезжал на ранний огонек. И тоже обрастал друзьями. Ян Маниович, Абрам Коэн, Нахум Гольдберг, Саша Василиски — разговоры с ними, как и со многими другими израильтянами, создавали человеческое измерение посольской жизни, помогали не только лучше понимать, но и лучше чувствовать страну, с которой меня связала судьба.

Теперь — проблема. В Израиле параллельно существуют две ветеранские организации: уже упоминавшийся Союз воинов и партизан — инвалидов войны с нацизмом и Союз ветеранов второй мировой войны и их семей. В первом состоят инвалиды — бывшие воины и партизаны из разных стран антигитлеровской коалиции. Во втором — бывшие воины Советской Армии. Первый побогаче, второй победнее. Первый ближе к властям, второй дальше от них. Много раз говорилось о том, что было бы логично объединить оба союза. Но объединения не получается. Руководители обоих союзов не могут найти общий язык. Почему? Не буду отвечать, так как мой ответ неизбежно обидит кого-нибудь из моих друзей. Пусть сами разбираются…

По должности мне чаще всего приходилось иметь дело с двумя вопросами: возвращение орденов и выдача виз.

Суть первого вопроса в том, что у многих фронтовиков; уезжавших в Израиль, отбирались правительственные награды. Чудовищно, но факт! И теперь, поскольку настали другие времена, фронтовики просили вернуть им награды. Нагрузка тут была тройная, поскольку награды, отобранные в Белоруссии или на Украине, хранились в Москве, и послы этих стран отсылали своих ветеранов в посольство России.

Однажды — это было 2 марта 1993 года — мне пришлось возвращать орден Ленина и Золотую звезду Героя Советского

Союза. Их за форсирование Керченского пролива получил в 1943 году лейтенант М. Л. Фельзенштейн. В 1975 году он вынужден был сдать награды. И вот получал их во второй раз. Цитирую репортаж из газеты “Время”.

> “Я радуюсь тому, что на мою долю выпала честь восстановить справедливость и вернуть Золотую звезду Героя Советского Союза и орден Ленина Миле Лазаревичу Фельзенштейну, — сказал посол России в Израиле Александр Бовин. — Россия начинает исправлять свои ошибки. К сожалению, их было очень много. Их было так много, что под их тяжестью рухнул Советский Союз, рухнула советская власть, под их тяжестью развалилась компартия Советского Союза. Это тяжелейший период в истории России. И все-таки я надеюсь, что из этого хаоса, беспорядков, личных трагедий выйдет новая, демократическая Россия… Это очень важно для России, это очень важно и для Израиля, это очень важно, хотя это невероятно трудно, для установления стабильного мира на Ближнем Востоке.
>
> После этих слов Александр Бовин открыл красного цвета коробочку, на дне которой лежали Звезда Героя и орден, те самые награды, которые у Мили Фельзенштейна отняли, — а как назовешь иначе, — восемнадцать лет назад”.

Репортаж заканчивался на юморе.

> — Так что же, Миля Лазаревич, вас можно теперь называть дважды героем Советского Союза?
>
> — Скорее всего, — смеется Миля, — героем дважды. Все точь-в-точь, как в старом анекдоте. Вы знаете, когда еврей бывает по-настоящему счастлив? Когда находит то, что потерял. Вот я и есть теперь тот самый счастливый еврей.

С визами было, пожалуй, сложнее. Тут вступают в рассуждение деньги. Приведу отрывок из открытого письма ветеранов послам России, Украины и Беларуси, опубликованного в августе 1993 года. Здесь, в Израиле, пишут ветераны, теперь наш дом, здесь выросли наши дети, растут внуки. “Но нет-нет, да и защемит ноющей болью ветеранское сердце. Нет-нет, да и встанут в памяти фронтовые дороги, на которых полегли боевые друзья. И тогда захочется ветерану", вопреки возрасту и старческим недомоганиям, сесть в самолет, чтобы через

несколько часов ступить на политую потом и кровью землю Смоленщины, взойти на крутой днепровский берег, прикоснуться рукой к холодному камню Брестской крепости, отдать последний солдатский поклон боевым друзьям.

И как-то не укладывается в рамки здравого смысла, что за это естественное и понятное человеческое желание (а если говорить официальным языком, — за получение въездной визы) ветерану приходится платить от 50 до 60 долларов. Не трудно представить, что далеко не каждому пенсионеру такие расходы по карману, ведь большинство из них и без того едва сводят концы с концами.

Думается, было бы в высшей степени гуманно и справедливо, если бы правительства ваших стран приняли решение о бесплатной выдаче въездных виз израильским ветеранам, участвовавшим в боях за освобождение ваших городов и сел от фашистской нечисти. Надо полагать, что такое решение, если оно будет принято, не явится слишком обременительным для бюджетов ваших государств".

Так писали ветераны, и понять их было можно. Разумеется, бюджет России не заметил бы отмены платы за визы фронтовикам. Но кроме бюджета России есть еще бюджет МИДа и есть еще бюджет посольства. И в последнем случае потери были бы заметны весьма. Тем более, если встать на точку зрения всех остальных получателей виз, то вряд ли было бы справедливо выделять привилегированную группу, даже такую, как ветераны. Пытался объяснить это ветеранам, но без большого успеха. Одно дело — юридическая логика, а совсем другое — нет денег…

Пошли навстречу ветеранам в 1995 году. Всем, кто ехал в Россию в связи с празднованием 50-летия Победы, визы выдавались бесплатно.

Май завершился массовым выездом сотрудников посольства (31-го было воскресенье) в киббуц на рыбную ловлю.

Согласно "Краткой еврейской энциклопедии", киббуц — это сельскохозяйственная коммуна, характеризующаяся общностью имущества и равенством в труде и потреблении. Сразу в голову приходит аналогия — наши колхозы. Но аналогия грубая. Во-первых, киббуцы возникали исключительно добровольно, на энтузиазме, на действительной вере в социалистические идеалы. Во-вторых, в киббуцах степень обобществления была гораздо глубже, чем в колхозах. В-третьих, над киббуцами не было райкомов партии.

Первый киббуц — Дгания — возник в 1909 году. К моменту образования Израиля было уже 176 киббуцев. В конце 90-х что-то около 300. Киббуцы — одно из израильских чудес. В тяжелейших условиях было создано высокопродуктивное сельское хозяйство,

где многому можно научиться.

Одновременно история киббуцев — это история типичной социальной утопии, которая, реализуясь, превращаясь в социальную практику, начинает деградировать. Первоначально все работали на равных, чередуя разные виды труда. Наемный труд не допускался. Быт был сведен к минимуму: завтракали, обедали и ужинали в столовой; дети практически росли и воспитывались вне семьи (ясли, детсад, школа), проводя с родителями только 2–3 часа в день; мизерные суммы выдавались на “карманные расходы”. Члены киббуца не могли иметь личный автомобиль. Киббуцный, коммунарский стиль жизни порождал и сохранял особую “породу” людей — идейных сионистов, романтиков сионизма, открытых, честных, мужественных. Не случайно удельный вес выходцев из киббуцев в элитных воинских частях и на ключевых постах в государстве был заметно выше, чем в составе населения.

Однако сохранить принципы коммуны в “одном, отдельно взятом” киббуце оказалось невозможно. Разъедало капиталистическое, рыночное окружение. Чтобы удержаться на плаву, киббуцы развивали промышленное производство с массовым применением наемных рабочих, включая арабов (в Дгании, например, почти полностью забросили сельское хозяйство и живут за счет завода, производящего оборудование для обработки алмазов). Во многих киббуцах отменили столовские трапезы, дети стали ночевать дома, разрешалось иметь машины, стало размываться равенство в труде и потреблении — основа киббуцного порядка. Возникло даже понятие: “некиббуцные киббуцы”.

Однако киббуцы существуют и, думаю, еще долго будут существовать. Это — не только проблема экономики. Киббуцы — это символ израильского самосознания, символ веры в возможность справедливости и равенства. Это — пристанище для людей, которые хотят уйти от суеты урбанистической цивилизации. “Киббуц — это не успех, но образцовое непоражение”, — такой приговор вынес известный еврейский философ Мартин Бубер.

Рыба — одна из киббуцных специальностей. Там, где мы были, кишмя кишащие пруды, и рядом все для рыбалки. И все для того, чтобы пойманную, точнее, изъятую из; пруда рыбу можно было разделать, сварить или пожарить. Чем мы и занимались — и для удовольствия, и для сплочения коллектива.

Странствуя по свету, я наблюдал разные посольские коллективы. И видел, что их всегда приходится сплачивать. И в нормальном смысле этого слова, и в смысле разборки интриг

всяких, склок, конфликтных ситуаций. Получив свой “приход”, я самонадеянно полагал, что чаша сия меня минет. Но не тут-то было. С одной стороны — “голубая” дипломатическая кровь, талейраны и горчаковы, а с другой — посольские “низы”, коменданты или, допустим, шофера. “Что за комиссия, создатель” — втолковывать дипломату, что надо быть тактичным, особенно с нижними чинами, с теми, кто не может дать адекватный ответ. Но втолковывать приходилось.

В первые два — два с половиной года отдельные казусы не портили общую картину. “Все-таки у нас не террариум!” — радостно воскликнул на одном из собраний 1-й секретарь Алексей Маслов. Кстати, умница, работяга, отец-одиночка, воспитывавший двух далеко не мирных мальчишек…

ИЮНЬ-92

Интифада — Мадрид — Левые берут власть — Фейсал Хусейни — У нас в гостях — Горбачев — Шестидневная война — Москва рвет отношения — Дела консульские — На Мертвом море

Главное событие июня — парламентские выборы, возвращение к власти левого правительства, которое возглавил И. Рабин. Чтобы лучше понять значение этого "переворота", давайте оглянемся назад.

В мае 1977 года в Израиле было впервые сформировано правое, "несоциалистическое" правительство во главе с М. Бегином. К удивлению (и огорчению) многих "ястреб" стал нести голубиные яйца. 26 марта 1979 года Израиль заключает мирный договор с Египтом. По принципу "мир в обмен на землю". Египет получил Синай. Израиль получил мир, "холодный", как вскоре оказалось, но все-таки мир. Согласно договору, Израиль признал "законные права палестинского народа" и согласился предоставить автономию жителям "контролируемых территорий" до окончательного решения вопроса об их будущем политическом статусе.

Однако слова об автономии не превращались в дела. Палестинцы отреагировали на это массовыми беспорядками, которые вспыхнули 7 декабря 1987 года в секторе Газы и быстро распространились по всему Западному берегу (Иудея и Самария). Началась интифада ("отряхивание", "выступление" в переводе с арабского), получившая название "война камней". К сожалению, камнями не ограничивались. Выступая в апреле 1994 года в кнессете, Рабин сообщил: погибли 219 израильских граждан (включая 68 сотрудников служб безопасности), ранено 7872 израильтянина (из них 5062 из тех же служб). На другой стороне 2156 убитых (из них 922 человека убиты самими же палестинцами, как коллаборационисты), ранено 18967 палестинцев. Встречаются и другие числа, но прядок примерно такой же.

Арафат маневрирует. 15 ноября 1988 года Палестинский национальный совет провозглашает создание "Палестинского государства". А через месяц Арафат заявляет о признании существования Израиля и прекращении террористической деятельности. В Израиле бурно отреагировали на первое и крайне скептически встретили второе. Политический маятник сместился чуть вправо. Второе коалиционное правительство возглавил

Шамир. 14 мая 1989 года правительство утвердило так называемую “программу Шамира”. По существу это был план автономии.[8] Палестинцам (“своим”, израильским) предлагалось самоуправление. Переговоры с ООП исключались. Исключалась и возможность образования палестинского государства. В Вашингтоне были недовольны жесткостью Шамира. Конфликтная ситуация сложилась внутри правительства. Кончилось тем, что в марте 1990 года кнессет вынес вотум недоверия правительству.

В результате сложных политических игр в июле создается следующее, уже чисто правое правительство, которое снова возглавляет Шамир. Радикальные перемены в Советском Союзе, растущее давление американцев, продолжающаяся интифада проложили мост в Мадрид.

Мадридская конференция по Ближнему Востоку проходила 30 октября — 1 ноября 1991 года. Сопредседателями были США и СССР (отсюда — институт коспонсорства). Больше всего конференция была нужна Дж. Бушу. Выиграв войну в Заливе, он хотел выиграть мир рядом с Заливом. Нужна она была и М. С. Горбачеву. Он получил шанс выступить “на равных” с президентом США. Гораздо меньше ощущали потребность в конференции евреи и арабы. Можно сказать. Что они появились в Мадриде не потому, что хотели, а потому, что не могли не появиться.

Речи, произносившиеся в Мадриде, были рассчитаны на публику. Буш и Горбачев демонстрировали свою приверженность миру. Шамир повторил свои “нет”. Министр иностранных дел Сирии Фарук Шараа размахивал старой фотографией Шамира, которую когда-то распространяли англичане, разыскивая его по подозрению в терроризме. Непреклонными выглядели палестинцы. И все-таки конференция не провалилась, и это уже был успех. Удалось собрать в одной комнате, усадить за один стол тех, кто долгие годы отказывался это сделать. И удалось договориться, что переговоры будут продолжены на трех направлениях, трех “треках”: сирийском, ливанском и иордано-палестинском.

Переговоры вяло, но начались. 10 декабря 1991 года в Вашингтоне были задействованы сирийский и ливанский “треки”. 18 декабря состоялась первая встреча израильтян с объединенной иордано-палестинской делегацией. Но интифада продолжалась. Продолжались споры внутри правительства о допустимости или недопустимости “уступок” палестинцам. Ультраправые стали покидать правительство. Не дожидаясь вотума недоверия, Шамир договорился с оппозицией о проведении досрочных выборов. Они были назначены на 23 июня 1992 года.

Избирательная кампания шла на высоком накале.

> “Речь идет, — писала русскоязычная “Наша страна”, — о противоборстве двух направлений, двух мировоззрений, двух путей развития. Один ведет к изоляции от мира, к усилению национализма и религиозного диктата. Другой выводит Израиль в фарватер мировой политики в роли светского прогрессивного государства, вступающего в XXI век”.

Столкновение программ, идей обострялось схваткой людей, амбиций. Для Израиля, где из-за мизерных масштабов страны все знают всех, личностный фактор имеет особое значение.

Начнем со столкновения идей. Ликуд обвинял Партию труда в приверженности социализму, в том, что она опирается на еще более левые партии, которые “десятилетиями ориентировались на сталинский режим, затыкая рот любому, кто говорил об этом режиме правду, предпочитая защите евреев от террора “интернациональное” братство с арабами. И сегодня их главная цель — отдать территории арабам для создания в подбрюшье Израиля палестинского государства.

Филиппики Аводы выглядели более сдержанно. Ликуд обвинялся в:

– “преступном забвении интересов и нужд малоимущих слоев общества: студентов, солдат, новых репатриантов и так далее; безнравственном подходе к людям — “выживает сильнейший”;

— искусственном насаждении имперского образа мышления и пагубной веры исключительно в силу;

— укоренившемся в израильском обществе духе наживы и полном забвении сионистских идеалов, самого понятия еврейской взаимопомощи и ответственности перед будущими поколениями”.

Мне представляется, что оба портрета нарисованы в сюрреалистической манере. Элементы реальности присутствуют, но они даны в весьма искаженных пропорциях и масштабах. Впрочем, на зеркало, даже предвыборное, неча пенять…

Описывать столкновение амбиций — для тех, кто далек от израильской политической кухни, — довольно трудно. Ограничусь несколькими штрихами. К примеру, — обобщающая характеристика ведущих поваров: Рабина, Переса, Шамира и т. д.

> “Израильтяне знают о них все, — утверждает редакционная “Новостей недели”. — Когда-то они были молодыми энергичными идеалистами. Но за долгие годы политической активности созрели, перезрели и скисли,

как фрукты в большом киббуцном саду… Мы с вами посетили неосатирический политический театр. Свифт не смог бы придумать более ярких, более характерных по своей беспринципности персонажей”.

Хочу заметить, что из своего угла я не воспринимал события и людей в такой — неосатирической — тональности. Но многие израильтяне воспринимали их именно так. А, как известно, то, что Петр говорит о Павле, говорит о самом Петре не менее, чем о Павле…

Еще одна зарисовка показывает атмосферу, которая, по мнению рисующего, царила в верхах Ликуда, когда они делили места в предвыборных списках (голосуют не за персон, а за партийные списки, и чем ближе к началу списка, тем больше шансов попасть в кнессет).

> “Журналисты и комментаторы спорят между собой, — это я цитирую еженедельник “Пятница”, — на что больше похожи последние выборы в “Ликуде”: на оперетту или похороны? На мой взгляд, — на торопливые похороны, где никто по усопшему не плачет, но все спешат по своим делам!
>
> …Наблюдателя со стороны…шокировала и поражала бьющая в глаза агрессивность и, да простится мне это слово, — вопиющее взаимное хамство не только челяди, но и самих партийных баронов. В общем все это походило на старый кулачный бой, когда стенка идет на стенку, зубы выплевываются вместе с кровью, а клочья волос на снегу и разноцветные синяки выглядят безвестными знаками отличия и орденами. В “Маарахе” дрались, в основном, Рабин и Перес. Здесь была общая свалка, вальпургиева ночь израильской демократии…”

Возможно, “наблюдатель со стороны” перебарщивает. Как перебарщивали и наблюдатели с другой стороны. Но таков был аромат предвыборной борьбы. Не “Шанель № 5”, конечно…

В борьбе за 120 парламентских кресел участвовали 25 партий и движений. В парламент пробились 10. Общее соотношение мандатов — 61:[9]59 в пользу Аводы. Шамир покинул пост лидера Ликуда.

Победа Аводы комментировалась на драматических тонах. В лагере победителей провозглашался “демократический переворот”, говорили о торжестве прагматической доктрины Бен-Гуриона и поражении ревизионистской школы Жаботинского. В лагере побежденных толковали о том, что политическая культура

страны отброшена на 40 лет назад и предстоит пережить 4 года “еврейской интифады”.

13 июля Рабин представил новому Кнессету, Кнессету 13-го созыва,[10] новое, 25-е, правительство Израиля. 17 человек, включая премьера. 13 из Аводы, 3 из левого блока Мерец и один из религиозной партии ШАС. Самому старшему (Рабин) — 70 лет, самому младшему (Арье Дери, министр внутренних дел) — 33 года. Две женщины (Шуламит Алони, министр просвещения, и Ора Намир, министр экологии). Шесть юристов. Пост министра иностранных дел — после долгих раздумий и колебаний — Рабин предложил Пересу. И не ошибся. Через два года, отвечая корреспонденту газеты “Маарив” о взаимоотношениях с Пересом, Рабин сказал:

> “Думаю, мы оба извлекли уроки из прошлого, оба понимаем, что без сотрудничества, истинного сотрудничества, нам не добиться успеха в решении того вопроса, который и он, и я считаем самым главным в настоящее время для Израиля”.

“Мир изменился, — сказал премьер свежеиспеченным депутатам Кнессета, — пали идеологии, и мы должны проститься со своим статусом изолированного народа. Мы должны подключиться к переговорам о мире и международном сотрудничестве. Это будет главной целью нового правительства”. Выступившие вслед за Рабином Шамир и Шарон отнюдь не пожелали правительству успехов.

Палестинцы положительно отнеслись к смене правительства в Иерусалиме. Мы ждем от Рабина, сказал мне лидер “внутренних” палестинцев Фейсал Хусейни,[11] ослабления режима оккупации, облегчения положения палестинцев на оккупированных территориях…

Был затронут вопрос об Арафате. После авиакатастрофы в Ливии, заметил Хусейни, “потеря” Арафата уже не так пугает, как раньше. В случае непредвиденных обстоятельств будет создан коллективный орган, который возьмет на себя руководство ООП. В качестве возможных преемников Арафата на посту председателя Исполкома ООП Хусейни назвал Ф.Каддуми и Абу Мазена. “Но могут быть и сюрпризы”.

Тему выборов завершу смешной деталью. 14 июля я послал Рабину поздравление. 19 июля почтой — в Израиле нет фельдъегерской службы — он отправил мне ответ. Ответ поступил в посольство 31 августа. Всегда вспоминал этот случай, когда олимы жаловались, что из России почта долго идет…

В июне наконец-то состоялся визит М. С. Горбачева.

Положение посольства было деликатным. Президент РФ не любил экс-президента СССР. Соответственно, не любил его и МИД. В тех странах, куда приезжал Горбачев, посольствам было велено не оказывать ему знаки внимания. Я не считал это правильным. И стал действовать по своему разумению.

Горбачев прилетел 14 июня с Раисой Максимовной и в сопровождении своего помощника А.С.Черняева. На швейцарском частном самолете. Дня за два до этого из МИДа раздался звонок: имейте в виду — визит частный. Посольским я сказал: вы еще молодые, вам служить надо, так что не высовывайтесь. А мы с Леной Петровной купили цветочки и отправились в аэропорт. Встретили путем.

Во всяких церемониях я не участвовал по причине занятости. Но накануне отъезда гостей учинил обед в Савьоне. По полной программе. Даже с соленым арбузом. У меня было, что сказать бывшему кумиру. Но Петровна строго предупредила: он — гость твой, просто гость, и никаких дебатов. И дебатов не было. Были монологи — его и ее. Тоже интересно…

Когда хотят обидеть генералов, говорят, что они всегда готовятся к прошлой войне. Подразумевается, — при надежде на поумнение, — что готовиться надо к войне будущей. О войне прошлой не следует забывать, ибо она — кладезь опыта. “Секрет” военного искусства — суметь различить, что в этом опыте уже прочно принадлежит прошлому, а что еще может пригодиться в будущем. У израильских генералов материала для раздумий хватает. И как раз в июне 1992 года, когда отмечался “юбилей” Шестидневной войны (25 лет минуло), эта тема звучала особенно актуально. Не только для генералов…

На общем фоне истории расплываются, утрачивают значение и не такие юбилеи, но на фоне истории Израиля, на фоне истории войн Шестидневная война еще для многих поколений евреев будет полна смыслов и значений.

Победа Израиля в Войне за независимость ожесточила арабов. Они считали свое поражение случайностью. Они не верили в библейскую сказку о Давиде и Голиафе. Опираясь на военно-техническую, политическую и моральную поддержку Советского Союза, арабы усилили давление на Израиль. Лига арабских государств объявила экономический бойкот “сионистскому врагу”.

26 июля 1956 года руководство Египта объявило о национализации компании Суэцкого канала. Великобритания и Франция (основные держатели акций компании) решили ответить военным ударом. Израиль не мог упустить такой момент. 22 октября в Севре (недалеко от Парижа) подписывается

тройственный протокол о совместных военных действиях против Каира. 29 октября израильские войска вторгаются на Синайский полуостров. За неделю с небольшим Синайской кампании (“операция Кадеш”) египтяне были разгромлены. В ходе второй арабо-еврейской войны Израиль потерял 171 убитых, 817 человек было ранено, четверо попали в плен. Потери египтян были несравненно больше. Только пленных израильтяне захватили около 6000 человек.

Война является продолжением политики, учил Клаузевиц. Но и политика часто является продолжением войны. Побежденные хотят стать победителями. Потерпев поражение в двух войнах, арабы стали готовиться к третьей. На это потребовалось десять лет. К маю 1967 года в Каире и Дамаске было, видимо, решено, что настала пора действовать.

17 мая президент Египта Насер потребовал вывести с Синая войска ООН. ООН капитулирует, войска выводятся. 18 мая в Израиле объявляется всеобщая мобилизация.

22 мая Насер дает команду закрыть Тиранский пролив. В Израиле рассматривают этот акт как “casus belli”.

В политической верхушке Израиля идет острая борьба. Генералы жмут на правительство. Военная разведка доказывает, что если Израиль не отреагирует на закрытие пролива, то арабы истолкуют это как слабость, как “прекрасную возможность нанести удар по Израилю”. 25 мая начальник оперативного отдела Генерального штаба Эзер Вейиман выражается более определенно: “У нас нет выбора — мы должны атаковать сегодня, крайний срок начала операции — завтра утром”. Однако премьер-министр Леви Эшкол колеблется, выжидает, просчитывает разные варианты.

Ночью 27 мая советский посол Д. С. Чувахин разбудил Эшкола и вручил ему послание А. Н. Косыгина. Советский Союз настоятельно рекомендовал Израилю принять все меры к недопущению военного конфликта. Эшкол выразил готовность в любое время и в любом месте встретиться с советскими руководителями и лично рассказать им о положении дел. Состоялся и ночной визит советского посла в Каире к Насеру. Москва советовала египетскому президенту не провоцировать военное столкновение с Израилем.

В последствии Чувахин, ссылаясь на Громыко, писал, что в Москве решили принять Эшкола. Но стали согласовывать с арабами. Каир не возражал. Дамаск же был категорически против. И Москва уступила Дамаску. Вернувшись в Москву, Чувахин, как он писал в 1994 году, сказал Громыко, что отказ принять Эшкола был “большой политической ошибкой”. Министр с ним

согласился.

> “Было видно, — заключает посол, — что министр признал ошибку советской дипломатии в данном вопросе, хотя прямо этого и не сказал. Чувствовалось, что он досадовал на самого себя за то, что не настоял на необходимости выполнить принятое решение, несмотря на отрицательную реакцию сирийских руководителей”.

Возможно, так оно и было. Но, наблюдая в 1967 году с близкого расстояния за реакцией советского руководства на Шестидневную войну, разговаривая позже на эту тему с Громыко и многими высокопоставленными сотрудниками МИДа, я не чувствовал никакой досады. Впрочем, если есть тайная дипломатия, почему не быть тайным ошибкам…

Насколько я могу догадываться, очередная война на Ближнем Востоке не входила в намерения Москвы. Хотя она иногда и раздувала тлеющие угольях. В принципе Москва “лишь” стремилась использовать возникший кризис для укрепления своего влияния и присутствия в регионе. Но сход лавины уже начался, и остановить его было невозможно.

1 июня министром обороны Израиля назначается Моше Даян. [12] Это означало, что колебания кончаются. На заседании правительства Даян так изложил свою позицию:

> “Вероятная альтернатива — египтяне нападут первыми, но тогда мы в проигрыше… Плевать мы на них хотели. В таком положении это просто глупость — сидеть и ждать! Если мы будем ждать еще 7-10 дней, это обернется тысячами погибших. Ждать сейчас просто неразумно. Я предпочитаю начать первым”.

5 июня в 7.46 утра израильская авиация нанесла превентивный удар. Атака продолжалась три часа. Было сделано 500 боевых вылетов. Уничтожено 309 египетских самолетов из 340. К вечеру были разгромлены ВВС Иордании и Сирии. Всего за два дня израильтяне уничтожили 416 арабских самолетов, из них 393 — на аэродромах. ВВС Израиля потеряли 26 машин. Через шесть дней все было кончено. Израиль овладел Синайским полуостровом, Западным берегом реки Иордан и Голанскими высотами. Разделенный прежде Иерусалим оказался весь под властью Израиля.

В эти драматические дни я с коллегами из международного отдела ЦК КПСС находился под Москвой на “даче Горького”. Выполняли очередное задание. Помню, что по всяким “голосам”

слушали заседание Совета Безопасности.

Отношение к происходящему на Ближнем Востоке было двойственным. С одной стороны, мы понимали, что война, которую начал Израиль, спровоцирована арабами. Симпатии многих из нас принадлежали Израилю. Но была и другая сторона. Египтяне были нами вооружены, нами обучены, — и сразу потерпели сокрушительное поражение. И мы испытывали тяжелое чувство, которое мешало правильно оценить победу Израиля. Такое было ощущение, будто тебе закатили оплеуху. В нашей команде это чувство все-таки компенсировалось тем, что мы понимали суть происходящего. Но в целом “народ” воспринимал поражение арабов как наше собственное поражение.

Через три года мне пришлось участвовать— в подготовке отчетного доклада к XXIV съезду партии. Там, в международном разделе, естественно, присутствовал и ближневосточный сюжет. Молодые мы тогда были, энергия била через край. И в порядке хохмы соорудили параллельный текст — в стихах. На мою долю выпала как раз Шестидневная война. Вот что получилось.

Там, где синайская пустыня
Сверкает желтизной, как дыня.
Евреи, обнаглев в конец,
Арабам сделали… амбец.
Бежит араб быстрее лани.
Бежит араб через канал,
Но тут над полем грозной брани
Наш голос к разуму воззвал.
Израильтянам грозно “Ша!”
Сказали мы во имя мира
И, не дойдя до стен Каира,
Дал задний ход Даян Мойша…
Однако бабушка Меир
И по сей день срывает мир.

Но вернемся в год 1967-й. 10 июня советское посольство в Тель-Авиве получило из Москвы ноту о разрыве дипломатических отношений с Израилем. В этот же день нота была вручена А. Эбану. Министр выразил сожаление. 16 июня сотрудники посольства отплыли из Хайфы на теплоходе “Феликс Дзержинский”.

19 июня Израиль заявил о готовности вернуть Синай и Голаны в обмен на мирный договор и демилитаризацию указанных районов. Арабский ответ прозвучал 1 сентября из Хартума: Главы арабских государств приняли резолюцию,

которую можно назвать “Три “нет””: “нет” переговорам с Израилем, “нет” признанию Израиля, “нет” миру с Израилем. Началась новая полоса конфронтации, политических маневров, дипломатических хитросплетений. Началась подготовка к реваншу.

Выборы — выборами, юбилеи — юбилеями, а дела посольские шли своим чередом. Среди этих дел на передний край выдвигались дела консульские. Если политические структуры посольства работают на Москву, снабжая ее информацией и — при необходимости — давая ненавязчивые советы, то консульство обращено прежде всего к гражданам “страны пребывания”. Продукция консульства — не информация, не бумаги для начальства, а услуги населению (визы прежде всего, вопросы гражданства, пенсий, помощь соотечественникам в нештатных ситуациях). И от того, как работает консульство, каково качество услуг, как ведут себя консульские работники, тысячи людей судят о России, о наших порядках, о степени бюрократизации, коррумпированности государственного аппарата. Консульство, открытое для людей, играет политическую роль ничуть не меньшую, чем собственно посольство. А, может быть, и большую, но — другую.

С этой точки зрения нам похвастаться было нечем. Отсутствие надлежащих помещений, нехватка консульских работников, примитивное техническое обеспечение порождали огромные очереди со всеми присущими им прелестями (например, бойко шла торговля местами в очереди).

Другая проблема — визы стоили дорого. Что порождало недовольство и протесты вплоть до запросов в кнессете.

> “Депутат кнессета Эфраим Гур, — сообщала своим читателям газета “Новости недели”, — обратился к министру иностранных дел с запросом относительно непропорционально высокой суммы, взимаемой за посещение Российской Федерации. По утверждению Гура, ни в одном государстве мира российское консульство не взимает такого большого консульского сбора. Десятки тысяч израильтян, среди которых репатрианты, оставившие в России родственников и близких, затрудняются выплачивать этот импровизированный налог”.

Гур был прав. Но тут я стоял непоколебимо. По той причине, что МИД практически не финансировал посольство. Мы жили как бы на хозрасчете. За счет тех денег, которые израильтяне оставляли в консульстве. Больше того. По указанию МИДа мы

были вынуждены направлять значительные суммы другим посольствам, которые не располагали таким источником доходов. Сопротивлялись, но направляли. Как видите, формула Лившица “Надо делиться!” применялась задолго до того, как ее придумал Лившиц.

Впрочем, если взять за базу минимальную зарплату, то расценки израильского посольства в Москве значительно превышают уровень российских сборов в Израиле. Тем более, что мы даем визы гораздо быстрее, чем израильтяне. Этим успокаивали совесть.

Министерство не возражало против “корректировки” размеров консульских сборов. Но “при том понимании”, что они “останутся одним из основных источников финансирования посольства”. Мы это понимали очень хорошо. И поэтому не могли пойти навстречу тоже очень понятным пожеланиям наших израильских друзей. Дружба дружбой, а… Знакомясь с консульскими делами, я обратил внимание на то, что большинство анкет и прочих “форм” безнадежно устарели. Они требовали сообщения массы ненужной информации (типа — есть ли родственники за границей и непременно с фамилиями и адресами). “Обилие пунктов и граф, которые приходится заполнять, — сообщало посольство в МИД, — затягивает прием граждан, плодит ошибки и увеличивает время на их исправление, нервирует людей. И — главное! — толку-то никакого”. Мы просили МИД упростить бумаги. В принципе МИД согласился. Но пока в запасе оставались старые бланки, особых сдвигов не было заметно.

С делами консульскими еще придется встретиться. А пока отправимся на Мертвое море. Мертвое море (в разные времена его называли Соленым, Степным, Восточным, Содомским, Асфальтовым) — одно из чудес природы. Оно ниже уровня мирового океана примерно на 400 метров. Мертвое, потому что огромная концентрация солей губит все живое. Огромные скопления соли плавают как торосы. Удельный вес воды — 1,66. Поэтому лежишь, как на мокром матрасе. Брызгаться не рекомендуется, ибо попадание воды в глаза опасно. После моря обязателен пресный душ. На берегу современные лечебные комплексы. Не санатории в нашем понимании, а дорогие гостиницы с платным набором медицинских услуг. Назначают лечение не обязательно по назначению врача. За что заплатишь — то и получишь. Считается, что и соли, и микроклимат целебны. Особенно для больных псориазом.

На почтительном отдалении — огромный химический комбинат (официальное название — Предприятия Мертвого

моря). Первые химические производства основал в 1929 году инженер из Иркутска Моисей Новомейский.

На берегу Мертвого моря четыре, кажется, киббуца, заповедники, национальный парк. По субботам все забито. Обмазываются грязями, лежат на море, жарят шашлыки.

При очередном посещении здешних краев получил сертификат, коим удостоверяется, что г-н Бовин спустился к низшей точке на Поверхности Земли, лежащей на 1298 футов ниже уровня мирового океана, и посетил район у Мертвого моря, где содомская пустыня стала процветающим краем. В сертификате цитируется пророк Иезекииль: «…и воды в море сделаются здоровыми, и куда войдет этот поток, все будет живо там». Пока пророчество сбылось лишь на первую половину.

Поездка на Мертвое море памятна еще и потому, что познакомился с чудесным человеком — Ильей Войтовецким.

Илья возник в 1936 году на Украине. С 1941 по 1971 — Урал. Учился, работал, жил. Инженер. В 1971 году с тещей, женой и двумя сыновьями добрался до Израиля и сразу осел в Беэр-Шеве, на границе с пустыней Негев. Участвовал в войне Судного дня. Потом и до пенсии трудился инженером по ЭВМ на Химическом комбинате Мертвого моря. На пенсии отрастил бороду, стал похож на Хемингуэя. Пишет стихи, иногда — прозу. Хобби — компьютер и все, что можно на нем выделывать. Главное хобби — слабый якобы пол. А вообще, повторяю, чудесный человек, настоящий товарищ, который не подведет…

24 прилетели дочь Женя с мужем и внук Макар Сергеевич семи лет от роду. Стало веселее.

ИЮЛЬ-92

«Черкесы» в Израиле — Письмо об антисемитизме — Виктор Викторович Посувалюк — Опреснения не получилось — «Я плачу вместе с вами…»

Правительству Рабина пришлось начинать в сложной обстановке. С одной стороны, а за этой «стороной» была половина израильтян, от Рабина ждали крутых перемен, выполнения заявленной программы (включая реанимацию переговоров с арабами, пересмотр национальных приоритетов с их ресурсным обеспечением, улучшение качества жизни). С другой стороны, а за ней была тоже почти половина Израиля, довлело наследие ликудовцев, ограничивала ситуация, которую нельзя было изменить за несколько дней и даже недель.

Один пример. Правительство Шамира вложило огромные деньги в создание и обустройство поселений, освоение «контролируемых территорий». Рабин поставил задачу резко сократить поток денег на территории, направить финансы на решение проблем в самом Израиле. Но строительство было в самом разгаре, его невозможно было прекратить. И, следовательно, переадресовка денежных потоков, перераспределение ресурсов откладывались на неопределенное время.

Кто-то из журналистов сравнил правительство Рабина с поездом, у которого сменили паровоз. Поезд — даже с новым паровозом — стоит на старых рельсах, на прежней железнодорожной колее и не может свернуть с нее, поехать в другую сторону. Для этого сначала надо уложить рельсы в новом направлении. Что требует и времени, и преодоления сопротивления мощных политических сил, которые вовсе не хотят сворачивать на новую колею.

16 июля — посещение «черкесской» общины.

Ставлю кавычки, поскольку и в Израиле, и в окрестных странах черкесами называют всех, кого царская власть вышвырнула с Кавказа в середине XIX века за нежелание «добровольно» присоединиться к России. Это были представители разных народностей. Они расселились по всему Среднему и Ближнему Востоку. Из «черкесов» — прекрасных воинов, верных людей — нередко формировалась придворная гвардия, элитные воинские части. Но основная масса продолжала заниматься своим извечным делом — обрабатывала землю. Именно это делали

«черкесы», обосновавшиеся в Палестине и перешедшие «по наследству» к Израилю.

Израильские «черкесы» на самом деле — адыги. Их примерно 2500 человек (две «деревни»). Добротное сельское хозяйство. Мусульмане. Лояльные граждане Израиля. Служат (в отличие от арабов) в армии. В школе дети изучают четыре языка — иврит (язык страны), арабский (язык Корана), английский (язык мира) и адыгейский (родной язык). В честь российских дипломатов (нас было трое) в «столице» израильских адыгов Кфар-Каме был дан концерт самодеятельности. Шашлыки жарили на берегу Тивериадского озера, ибо на территории общины действует «сухой закон».

Лидер общины Тахуаго Яхья с нажимом говорил о том, что наконец-то после векового перерыва начинают устанавливаться связи с Адыгеей, с Майкопом. Но мешают всяческие бюрократические препоны. Яхья вручил мне послание на имя президента Ельцина, в котором адыги просили помочь им наладить устойчивые, постоянные контакты с родной землей. Разумеется, послание было незамедлительно отправлено адресату с рекомендацией пойти навстречу общине. Ответ так и не пришел. Несколько раз Яхья приезжал в посольство, спрашивал. Мне было стыдно…

17 июля в «Новостях недели» появилось мое интервью с Лазарем Дранкером.

— Если Вы не против, я хотел бы коснуться личности самого посла. Ваша персона не укладывается в традиционные рамки…

— Это естественно. Я вешу 130 кг. Уж какие тут рамки… Средний вес посла значительно ниже.

— Галстук не носите, в гольф не играете, верховой ездой не балуетесь…

— С лошадью проблема. Учитывая мой вес, жалко будет арабского скакуна… А привозить орловского битюга из России — накладно.

— Если быть точным, Вам и орловский не годится. Владимирский тяжеловоз был бы самым подходящим… Что же касается Вашего образа жизни в Израиле, говорят, Вы проявляете чрезмерный интерес к русскоязычной публике. Я слышал, что Вы даже получаете письма от репатриантов, в которых они просят помочь им получить амидаровскую квартиру. Почему Вам интереснее общаться с бывшими соотечественниками, чем, скажем, с коллегами по профессии?

— Почему же интереснее? Я стараюсь общаться с разными слоями общества, министрами, дипломатами, журналистами, потому что нет ничего интереснее людей. Чтобы хорошо узнать эту страну, надо бывать на всех ее «этажах». С «нашими» мне, разумеется, легче, здесь все мы — «русские». Общение с разными группами людей, которые по-разному видят Израиль, помогает мне создать объемное, стереоскопическое изображение страны.

Что касается просьб, с которыми ко мне обращаются репатрианты, но далеко не всегда могу помочь. Нет у меня ни квартир, ни рабочих мест. Ни денег. Но стараюсь успокоить тех, кому на первых порах здесь трудно. Поговорим, подушевничаем, и, может быть, станет человеку легче. К сожалению, мне часто приходится пользоваться словом «совланут» (терпение), которое многим репатриантам сильно надоело. Но я все-таки его повторяю… Я говорю им: вы изменили всю свою жизнь, вы с кровью оторвались от одной страны и с кровью прирастаете к другой. Это больно.

— … А хобби у Вас есть?

— Я собираю ощущения. Они не занимают много места, они всегда со мной и не надо заботиться об их сохранности. Собрал большую коллекцию ощущений.

— … Я вижу у Вас около стола лежат две гантели. Это для зарядки?

— Вы должны были заметить, что ни у меня, ни у посольства — в отличие от многих других послов и посольств — нет никакой охраны. Так что эти гантели призваны обеспечить мою безопасность.

— В том смысле, что можно и гантелей?

— Только в экстремальных случаях…»

В Израиле по понятным причинам всегда болезненно реагировали на антисемитские выходки в России. После нескольких неприятных разговоров на эту тему посольство решило направить в МИД специальное письмо на эту тему.

К сожалению, — писали мы, — борьба против антисемитизма идет у нас непоследовательно, половинчато, с большими недоговорками. Процветает «Память», выходят антисемитские издания, активно действуют группы, клеймящие — «жидо-масонский» заговор. А мы как бы «забываем» о законах, объявляющих уголовным преступлением разжигание национальной

вражды. В Израиле очень внимательно следят за всем этим и делают соответствующие выводы. Из истории известно, что власти часто использовали «свободу антисемитизма» для сбрасывания паров народного недовольства. Хотелось бы надеяться, что наша новая власть еще недостаточно цинична для этого.

Кажется, мы уже поняли: каждый человек волен жить там, где хочет. Но когда здесь, в Израиле, чуть ли не везде сталкиваешься с «нашими» учеными и артистами, программистами и врачами, учителями и инженерами, да и просто с толковыми, знающими, энергичными людьми, которые могли бы принести много пользы России, становится обидно.

Давайте спросим себя — почему уезжают евреи? Убежденных сионистов, религиозных фанатиков вынесем за скобки. Их и было-то не очень много, а сейчас практически совсем нет. Мотивация основной массы эмигрантов была другой. До перестройки — несвобода, политический гнет, невозможность реализовать себя не только как homo politicus, но и как homo economicus. После перестройки — резкое падение уровня жизни, повсеместный рост преступности, угроза гражданской войны, отсутствие сколько-нибудь обнадеживающих перспектив. Но в обоих случаях мотивировка осознавалась и вызревала на фоне явного или скрытого антисемитизма. В застойные и дозастойные годы антисемитизм выступал как тщательно скрываемая, но фактически официальная политика партии и государства. В перестроечные и постперестроечные годы — как устойчивая, «корневая» установка значительной части бюрократии, широких «низов» и даже «патриотической» интеллигенции.

За последнее время произошли значительные изменения. Антисемитизм как государственная политика исчез. В разных формах возрождается еврейская национальная культура. И все же, как уже говорилось выше, остается впечатление половинчатости, какой-то «стеснительности», когда речь идет о необходимости официального осуждения антисемитизма, официальной — публичной, гласной — борьбы против антисемитизма.

Но жажда лучшего будущего неизбывна. Даже половинчатая, вихляющая политика сказывается на настроениях людей. Материальные факторы создают неустойчивое равновесие: за выезд в Израиль — хаос у

нас, против — отсутствие жилья и работы у них. И если в последнее время выбор все чаще делается «против», если заметно уменьшается количество евреев, уезжающих из России в Израиль, то решающую роль тут играет, по-моему, рост — пусть медленный, пусть непоследовательный — враждебных антисемитизму настроений в общественной атмосфере.

В Израиле понимают это. В Россию, в бывшие республики Советского Союза хлынули многочисленные израильские эмиссары, вербующие евреев для отправки на «историческую родину». Вербуют под лозунгом: «В России для евреев нет будущего!» И наша пассивность, наша «застенчивость» играют на руку агитаторам из Израиля.

Есть старые, испытанные способы решения подобных проблем. Можно было бы ограничить деятельность указанных агитаторов. Можно было бы организовать перепечатку в нашей прессе материалов из израильских газет о колоссальных трудностях абсорбции. Но цель не оправдывает средства. Еще одна ссора с Израилем невыгодна нам ни в каком отношении. Она снизит наш международный «рейтинг». Она вытолкнет из России толковых, умеющих делать дело людей.

Существует только один способ сразу убить двух зайцев (предотвратить новое массовое бегство евреев из России и сохранить прочные отношения с Израилем) — бой с антисемитами. Игра в поддавки тут ничего не даст. Компромисс с черносотенными подонками — значит отступление, потакание им. Вряд ли нужно стыдиться защищать Конституцию, защищать демократическое будущее России. Наступление на антисемитизм — требование не только политики, но и совести каждого порядочного человека.

МИД промолчал. Впоследствии председатель комитета Верховного Совета РФ С. А. Ковалев говорил мне, что мое послание послужило одним из поводов для парламентских слушаний по антисемитизму. Но мало что изменилось. Тема антисемитизма в России (равно как и тема Ирана) преследовала меня постоянно. И столь же постоянно служила (и до сих пор служит) источником недоверия к России, к намерениям и политике российских властей.

26-28 июля в Израиле находился с рабочим визитом мой непосредственный начальник Виктор Викторович Посувалюк. Он

тогда занимал пост руководителя Департамента Среднего и Ближнего Востока и Северной Африки. Приезд начальства всегда несколько возбуждает посольство. В данном случае главным было — организовать беседы Посувалкжа на достаточно высоком уровне. Чем выше — тем лучше, разумеется. Закавыка была в том, что у самого Посувалюка в те времена чин был не очень высокий. Но мы расстарались, и Посувалюка принял министр иностранных дел Перес.

В общем Посувалюк остался доволен. Затащил я его в мое любимое кафе на Дизенгофе. Пили прекрасный местный рислинг и налаживали отношения. Он втолковывал мне всякие премудрости посольской и мидовской жизни. Кажется, читали стихи. Потом мне много раз приходилось встречаться с Виктором Викторовичем в разных ситуациях. Человек он компанейский. Сочинял песни и сам исполнял их, аккомпанируя себе на гитаре. Умен. Хорошо знает арабский Восток. Встречи с Арафатом всегда сопровождались объятиями и поцелуями. По-моему, мы понимали друг друга. Иногда мне казалось, что он хитрит, не хватало искренности, открытости… Однако я вносил поправочный коэффициент на долгие годы пребывания в МИДе. И патология не выходила за пределы нормы.

Когда мы с Посувалюком были у Переса, я передал министру письмо Г. Попова, в котором предлагался проект опреснения морской воды.

Если отвлечься от арабов, то для Израиля пресная вода — проблема № 1.

В Израиле — хронический и огромный дефицит пресной воды. И это при том, что расчетная норма потребления воды на человека минимальна — 200 литров в сутки (в Европе — более 1000 литров). Около трети потребляемой воды дает озеро Кинерет. Около двух третей поступает из подземных водоносных пластов. Однако подземные резервуары далеко не бездонны. А многие реки, питающие Кинерет, берут начало за пределами Израиля. Что чревато…

Как это ни покажется странным на непросвещенный взгляд, Израиль богат осадками. В среднем в год небеса дают до 10 млрд. кбм., а в дождливые годы — до 16 млрд. кбм. осадков. То есть в 3–5 раз больше, чем нужно. Но чтобы использовать этот дар небес, нужна полномасштабная система управления ливневыми водами. Ее же нет. И, похоже, толком ею никто не занимается.

Остается опреснение морской воды. В середине 90-х в мире уже действовали более семи с половиной тысяч опреснительных установок, из них — две трети на Ближнем Востоке. Из этих двух третей почти половина — в Саудовской Аравии: вот уж воистину

страна по переработке нефти в воду!

Опреснение морской воды — дело очень дорогое, да еще и с туманными экологическими последствиями. Но разговоров вокруг в Израиле велось много. Участвовала в этих разговорах и Россия.

Поначалу мы предлагали израильтянам проекты с использованием ядерной энергетики (в основе — наши установки с подводных лодок). Но энтузиазма этот проект не вызвал. Особенно, видимо, после Чернобыля.

Второй проект предлагал многоцелевую экологически чистую систему опреснения морской воды с отбором ценных минеральных компонентов и получением электроэнергии. По расчетам, эта система должна была полностью удовлетворить потребности Израиля в пресной воде и позволить экспортировать воду в соседние страны. Обо всем этом и писал Г. Попов господину Пересу.

Далее для меня история кончилась и началась работа. Ходил по разным кабинетам, включая кабинет Рабина. Но — тщетно. Все застревало где-то в бюрократическом болоте.

За «мои» пять с половиной лет не удалось реализовать ни один крупный российско-израильский проект. Причины разные. В основном — «объективные». Но почему-то провал с проектом опреснения сидит где-то внутри меня как личное поражение. Наверное, потому, что уж больно он мне нравился — своей цельностью, техническим изяществом…

29 июля в Иерусалиме был открыт памятник жертвам советского режима. Открытие было приурочено к 40-летию расстрела руководителей Еврейского антифашистского комитета. Не помню уж по каким причинам, но я не смог приехать в Иерусалим. Написал и опубликовал небольшую статью. Она называлась «Я плачу вместе с вами».

> «Сорок лет назад — 12 августа 1952 года — по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР были расстреляны выдающиеся деятели еврейской культуры, руководители Еврейского антифашистского комитета.
>
> Еще одна кровавая страница среди тысяч таких же страниц советской истории… Мне, человеку, чья жизнь прожита в Советском Союзе, мучительно трудно об этих страницах говорить. Но говорить нужно.
>
> Я не был палачом и не был жертвой. Но я был частью, неотъемлемой частью того большинства, молчание которого сделало возможным появление

палачей и жертв. И теперь, обращая душу к ужасам прошлого, сопереживая с мучениками и сочувствуя несчастным, ведя диалог с собственной совестью, я делаю это не только для того, чтобы склонить голову перед памятью невинных жертв, не только для того, чтобы вновь и вновь проклясть палачей, но и для того, чтобы ни я сам, ни дети мои, ни мои внуки никогда больше не молчали…

Как ни ужасна правда, которая открыта нам, правда, которая еще не открыта, вернее, открыта не полностью, наверное, во сто крат ужаснее. Судя по тому, что мы знаем, речь шла не только об уничтожении еврейской элиты, а о том, чтобы уничтожить или заключить в огромные гетто всю еврейскую общину Союза.

Злодейское убийство великого артиста Михоэлса, хладнокровная ликвидация лидеров и активистов Еврейского антифашистского комитета, духовный погром еврейской интеллигенции под флагом борьбы с «безродным космополитизмом», позорное «дело врачей», ориентированное на возбуждение массового, низового юдофобства, — таковы мрачные вехи на пути к всееврейскому геноциду.

К счастью, умер Сталин. Но, к несчастью, посеянные им, — если бы только им! — семена зла продолжают прорастать и ныне. Но ныне, слава Богу, иные времена, и цветы зла обречены.

Сталинский террор не имел национальной основы. Гибли русские, гибли украинцы, гибли грузины. Свой жертвенный список имеет каждая нация, каждая народность бывшей империи. Но евреям не легче от этого. Каждый народ имеет «право» громче плакать на могилах своих сыновей и дочерей.

Я представляю Россию. Но я представляю ее в Израиле. Поэтому в этот трагический день я плачу вместе с вами, люди Израиля, и прошу вас — простите…

Я представляю Россию. Но я представляю новую, демократическую Россию. Поэтому я убежден, что такая Россия будет не мачехой, а матерью для всех евреев, которые поверят ей.

Обязательная суета посольской жизни не позволила мне присоединить свой голос к голосам тех, кто 29 июля в Иерусалиме принимал участие в открытии памятника жертвам советского режима. Сегодня я делаю это».

Через несколько дней «Правда» обругала меня. Цветы зла продолжали прорастать…

АВГУСТ-92

Цфат — Египетский посол Мухаммад Басьюни — Генерал Эхуд Барак — Перес в Москве

Август начался с посещения одного из самых красивых и самых знаменитых городов Израиля — Цфата. Когда-то Цфат, расположенный в горах Верхней Галилеи, был центром еврейской духовной жизни, городом талмудистов, толкователей Каббалы, знатоков мистической философии. Теперь — это город художников. Можно весь день бродить по узким уличкам, переходя из одной галереи в другую. Что мы с женой и сделали. После политических разговоров, писания бумаг, разбора склок и полусклок здесь как источник чистейшей воды. Смотреть на картины, говорить с их авторами, погружаться в выдуманный, созданный воображением и кистью мир и стараться понять его, проникаться вечными заботами искусства и столь же вечными заботами людей, зарабатывающих на хлеб насущный, — это ведь тоже дипломатия, только очищенная от мелочных сует. Не до конца, к сожалению. Ибо надо было уезжать. «Мы спускаемся с гор, просто некуда деться…»

11 августа познакомился с египетским послом в Израиле Мухаммедом Басьюни. Интересный человек. В курсе всех событий в Израиле и вокруг него. Долгое время работал в разведке. После войны Судного дня был военным атташе в Тегеране. После заключения мира с Израилем переместился в Тель-Авив. Сначала в качестве консула, ну и далее — везде… Симпатии Басьюни всегда были на стороне Аводы. Это осложняло его отношения с правительством Шамира, но зато сработало в его пользу после прихода к власти Рабина-Переса. Газета «Калейдоскоп» писала в августе: «Посол Басьюни — дипломатическая звезда нынешнего лета… Басьюни сегодня в моде. Как когда-то Бовин. Его приглашают на презентации и банкеты. Ему с почтением жмут руку. На его фоне фотографируются, чтобы потом похвастаться перед друзьями».

У Басьюни готовят самый вкусный кофе в Израиле. Примерно такой же, как при дворе Арафата. Мы пили кофе, и посол обстоятельно излагал мне свое видение «текущего момента». Особый упор был сделан на Сирию («сирийский трек», выражаясь дипломатическим «новоязом»). Сирия — это «ключ к решению ближневосточного конфликта». Без прогресса на переговорах с Сирией соглашения с палестинцами не будет. Ибо у Дамаска

«стопроцентное вето». Говоря о проблеме Голанских высот, Басьюни подчеркнул, что Асад никогда не согласится «оставить хоть миллиметр» Голан израильтянам.

Переходя к палестинскому «треку», Басьюни несколько раз в разных контекстах упирал на то, что из всех палестинских лидеров самый умеренный это — Арафат. Именно с ним надо вести дело. Он чувствует происходящие перемены и готов адекватно реагировать на жесты доброй воли со стороны Израиля. Договориться по автономии вполне реально. Что же касается идеи независимого палестинского государства, то она, — тут посол подчеркнул, что излагает свое сугубо личное мнение, — вряд ли реальна. Оптимальным решением могла бы стать конфедерация с Иорданией.

В общем, подвел черту Басьюни, Каир настроен оптимистически. В Израиле появилось правительство, которое настроено на поиск компромиссов, а значит и на серьезные переговоры.

Я не вполне разделял оптимизм коллеги. Мне казалось, что Асад не готов к сбалансированным компромиссам. Он занял такую позицию: пусть сначала Израиль даст обязательство вернуть Голаны, и только тогда мы начнем переговоры. Но о чем тогда говорить? Поэтому дела на сирийском направлении так и не сдвинулись дальше переговоров о том, как вести переговоры.

Как бы то ни было, беседы с Басьюни, а мы встречались неоднократно, всегда давали пищу для ума.[13]

Большое впечатление произвел разговор с заместителем министра иностранных дел Йоси Бейлином Молодой. Умный. Левый. Склонный рассматривать те или иные конкретные проблемы в теоретической, концептуальной системе координат. Минус — недостаточно прочный фундамент базовых знаний (история, культура, философия). Но этот минус у Бейлина был выражен гораздо слабее, чем у большинства израильских политиков. За исключением, пожалуй, Переса. Кстати, Бейлин был человеком Переса («пудель Переса», назвал его однажды Рабин; потом эти слова со смаком повторяли завистники и недоброжелатели Бейлина).

Я понимал, что в ранце Бейлина спрятан маршальский жезл, что он рассматривает себя как преемника Переса в партийной иерархии Аводы. Но мне казалось, что Бейлин слишком умен, слишком честен и слишком наивен, чтобы пробиться в большую политику. Израиль еще не созрел для Бейлина, как Россия не созрела для своих «киндер-сюрпризов».

Серию августовских бесед заканчивает визит к начальнику Генерального штаба Армии обороны Израиля Эхуду Бараку.

Родился в 1942 году в киббуце Мишмар ха-Шарон. В армии с 1961 года. Помимо военного образования имеет академические степени по физике (Еврейский университет в Иерусалиме) и системному анализу (Стенфордский университет в США).

Барак командовал знаменитым спецназовским подразделением «Саерет маткаль[14]». Руководил военной разведкой. Командовал Центральным военным округом. С 1 апреля 1991 года начальник Генерального штаба.

Не помню уж по какому случаю, но попал я в мастерскую, где занимаются, в частности, орденскими лентами. Вижу, на столе лежит колодка с четырьмя одинаковыми планками, каждая из которых, если перевести на наш язык, означает Звезду Героя. «Это для кого?» — спрашиваю. «Для Барака», — отвечает хозяин. Насколько я смог разобраться, такие «звезды» дают не за штабные усилия, а за непосредственное участие в боевых операциях. Потом я как-то спросил у генерала, где он так отличился, но получил уклончивый ответ.[15]

Барак пришел в Генштаб с намерением реорганизовать армию, чтобы гарантировать победу с минимальными потерями, практически без участия сухопутных войск. Упор делался на ракеты, противоракетные комплексы, самолеты нового поколения, средства радиоэлектронной борьбы. Плюс, разумеется, четкое управление и профессионализм на всех уровнях.

По мнению Барака, стратегическая обстановка вокруг Израиля пока остается спокойной. Можно гарантировать, что в течение года войны не будет. «А потом?» — «Только сумасшедший способен видеть что-нибудь за пределами года!» Я промолчал, надеясь втайне, что генерал шутит.

Угрозу войны, продолжал Барак, содержат непрекращающиеся поставки оружия в регион, рост мусульманского фундаментализма, сохранение диктаторских режимов. Главная опасность — Сирия. Но без запасных частей из России Сирия беспомощна. Так что Москва держит в руках ключи от стабильности в регионе. Очень надеюсь, сказал Барак, на Примакова (тогда — директор СВР) и на Зотова (тогда — посол в Сирии).

Стратегическая доктрина Израиля, объяснял мне Барак, исходит из капитальной и всеобъемлющей асимметрии между Израилем и арабским миром (территория, население, природные богатства, вооруженные силы). Асимметричны и намерения. У Израиля — выжить, у арабов (по крайней мере до последнего времени) — помешать выживанию Израиля. Поражение в войне — рана для арабов и смерть для Израиля. Поэтому, сказал генерал,

главная задача политической стратегии Израиля — предотвратить войну, а главная задача военной стратегии — предотвратить уничтожение Израиля. Поскольку у Израиля нет стратегического пространства для обороны, то наша стратегия на уровне операций — стратегия наступательная. Арабам выгодна затяжная война, нам же — молниеносная.

Барак поддерживает намерение правительства ускорить мирный процесс. Но, судя по некоторой витиеватости мысли, перспектива отдать палестинцам значительную часть Иудеи и Самарии усваивается генералом с большим трудом. Барак решительно заявил: если во время переговоров террористы убьют на израильской земле «даже двух евреев», Израиль прервет переговоры. Я усомнился. Барак не стал настаивать.

В середине августа стало известно, что Козырев согласен принять Переса 20–21 августа. Завертелась подготовка визита. 17-го я прилетел в Москву. Переса встречали поздно вечером 19-го. Вместо Козырева в аэропорт приехал его заместитель Б. Н. Пастухов.

Утром 20-го сбор у Козырева. Ситуация почти фарсовая. Министр не изучил бумаги, которые ему подготовил аппарат. «Зачем приехал Перес?» — спросил нас Козырев. Хором стали что-то втолковывать ему.

Далее очень поверхностный разговор министров. Потом поехали к вице-президенту А.В.Руцкому. Он опоздал на 45 минут. И, наконец, посещение Е.Т.Гайдара. Разговор по делу (даже опреснение воды было упомянуто), но все как-то приблизительно, формально, без заинтересованности с обеих сторон.

Впрочем, у сторонних наблюдателей складывалось другое впечатление. — Точнее, его умело «складывали», беседуя с журналистами, участники переговоров. Вот, например, что сообщала своим читателям Ирина Горюнова, корреспондент газеты «Время»:

> «Подводя итоги визита Шимона Переса в Москву, замечу, что все его встречи проходили в обстановке крайней заинтересованности и взаимопонимания.
>
> После беседы с Андреем Козыревым Перес с улыбкой сказал: «Я разочарован, так как не нашлось ни одного вопроса, по которому наши точки зрения не совпали!»
>
> Премьер-министр России Егор Гайдар перед началом переговоров уведомил гостя: «В зале, где проходит наша встреча, раньше заседало Политбюро ЦК КПСС». И добавил, что год назад — во время августовского путча — нынешнее правительство России предполагало, что

будет сидеть совсем в другом месте. А перед встречей с Александром Руцким Шимона Переса предупредительно информировали, что именно в этом кабинете был арестован Янаев. Теперь большую часть кабинета занимают макеты разнообразных самолетов — таково хобби бывшего летчика Руцкого.

Посол Александр Бовин тоже шутил. На мой вопрос, нравится ли ему в Израиле, он ответил: «Лучше, чем в Греции, но хуже, чем в Швеции»….

Поздно вечером 22 августа Перес улетел на родину, в Белоруссию.

А ко мне домой неожиданно заявились два генерала. С могучей бумагой, разрешающей им продавать за границу все, что угодно. Хоть комплекс С-300, хоть танковый завод, хоть боевые самолеты любых типов. Предложили проработать израильский вариант. Но я не был готов к такого рода деятельности. И хорошо помнил наставление Остапа Бендера: «Чтите уголовный кодекс!» Вежливо выпроводил генералов. Говорят, они живут теперь на Канарах…

Пробился к министру. Никакого «вопроса» у меня не было. Просто я привык иметь психологический контакт с начальством. И хотел наладить такой контакт. Но не получилось. Поговорили о том о сем. Министр призвал меня писать «философские заметки». С явной неприязнью говорил о департаменте. На том и расстались.

СЕНТЯБРЬ-92

Беэр-Шева — Русская алия: по Ленину и по Достоевскому — Крокодилы на Голанах — Эйн-Ход — сплошные художники — Новый год с Мастером и Маргаритой

Сентябрь в Израиле — месяц новогодний и поэтому не очень перегруженный политикой. Новый год (Рош ха-Шана) отмечается по еврейскому календарю 1-го числа месяца Тишрей. А поскольку календарь этот лунный, то по григорианскому календарю каждая дата «плавает». Так, в 1992 году Новый год встречали 27 сентября, а в 1993-м будут встречать 15 сентября. В день Нового года Бог судит весь мир, решается судьба каждого человека и всего рода людского. Положено трубить в бараний рог («шофар»). На столе — яблоки и мед (чтобы слаще жилось).

Накануне Нового года — торжественный прием у президента. Ритуал отработан. Все послы с женами выстраиваются согласно посольскому стажу и по очереди подходят к президенту. Поздравления и обмен парой-другой общих фраз. Потом можно выпить и закусить. Но стоя. Как правило на свежем воздухе.

В начале месяца по приглашению мэров посетил три городка около Хайфы: Кирьят-Бялик, Кирьят-Ям и Кирьят-Моцкин.[16] Беседа с мэром, осмотр достопримечательностей, встреча с «русскими» репатриантами, концерт самодеятельности — так, примерно, это выглядело.

Через несколько дней состоялось обстоятельное знакомство с Беэр-Шевой. Ее называют столицей Негева, пустынной южной части Израиля, протянувшейся до Красного моря (60 % территории Израиля, но только 10 % населения). Беэр-Шева несколько раз упоминается в Ветхом завете. Здесь патриарх Авраам получил право поить свой скот из колодца («Беэр-Шева» и означает «Колодезь клятвы»). Здесь бывали Исаак и Иаков. Через Беэр-Шеву проходил Иисус Навин (тот самый, который остановил Солнце). А теперь — это четвертый по величине город Израиля (160 тысяч человек). Город выходцев из 70 стран. Город с прекрасным университетом, знаменитым оркестром «Симфониетта», с драматическим театром, с Луна-парком, который создавался в кооперации с Россией, с огромными массивами новых жилых зданий.

Город показывал мэр Беэр-Шевы Ицхак Рагер. Бывший разведчик. Интереснейший человек. Сгусток энергии. Знаток искусства, литературы. Как говорят в Израиле, между нами

возникла «химия». То есть — взаимная симпатия, понимание друг друга. Встречались потом неоднократно. Задумали к 100-летию Переца Маркиша выпустить трехтомник его стихов — на иврите, на идише и на русском. Стартовый капитал по 5000 долларов с каждого. Я навалился на спонсоров. Не подвели. Дело завертелось. Но к юбилею не успели. Рагер заболел и ушел от нас. Денег потребовалось больше, чем рассчитывали. Всякие неурядицы мешали. И все-таки, благодаря стараниям энтузиастов, трехтомник появился. Его презентация, которая состоялась в Беэр-Шеве в октябре 1998 года, еще раз подчеркнула переплетение еврейской и русской культур. Свою последнюю речь в Израиле я посвятил памяти Рагера…

В Беэр-Шеве много «русских», и потихоньку — стараниями того же Рагера — жизнь налаживается. Хуже дело в так называемых «караванах», которые расположены рядом с Беэр-Шевой. «Караваны» — это поселки, состоящие из одноэтажных сборных домиков барачного (но более благоустроенного) типа. Их во множестве закупили, чтобы временно расселить большую алию конца 80-х — начала 90-х годов. Малюсенькие комнатки. Есть электричество, есть канализация. Но нет кондиционеров. Я зашел в пару таких домиков. При наружной температуре выше 30 градусов, что для тех мест вполне нормально, находиться внутри было мучением. А ведь там не «находились», там жили… Одна из самых тягостных граней абсорбции.

Существуют, конечно, и другие грани. Недалеко от Беэр-Шевы находится учреждение, именуемое «парк». Это своего рода инкубатор, где израильские курицы сидят на «русских» яйцах. Допустим, вы инженер или ученый. У вас есть идея, проект, замысел. Если вы сумеете заинтересовать руководство «парка», пройти довольно строгий отбор, вам на определенный срок (два года обычно) дадут помещение, аппаратуру, стипендию, дешевую жилплощадь — и дерзайте. Решите задачу, создадите конкурентноспособный продукт, ищите рынок, договаривайтесь с фирмами, «внедряйте», выражаясь привычным для нас языком. Не получится — «на все четыре стороны»… Правда, можно успокаивать себя тем, что и в Японии доходят до практического применения с коммерческой выгодой всего лишь 2,5 % технических разработок. Я толковал с «яйцами», все были довольны.

Сквозь «караваны» и «парк» просвечивают две самые главные и самые трудные проблемы обустройства на исторической Родине: квартиры и трудоустройство, точнее — трудоустройство и квартиры.

Но прежде, чем углубиться в эти проблемы, давайте

рассмотрим общий фон. «Девятый вал» советских иммигрантов обрушился на Израиль в 1990–1991 годах. Только за эти годы на Землю Обетованную прибыло более 300 тысяч человек. Всего же пятилетка «большой алии» дала свыше 500 тысяч репатриантов. Чтобы покончить со статистикой, замечу, что во второй половине 90-х темпы иммиграции заметно снизились. Так, в 1996 году из России приехали 16907 человек (на 15 % меньше, чем в 1995-м), а в 1997 году — около 14 тысяч. С конца 1998 года (после августовского кризиса и воинственных речений Макашова) очереди у израильского посольства увеличились…

Не трудно понять, что массовый наплыв репатриантов поставил Израиль перед труднейшими проблемами. Представьте на минуту, что в Россию вернулись 30 миллионов русских, раскиданных ныне по всему свету. Всех надо накормить, расселить, дать им работу. Туго нам пришлось бы. Туго пришлось и Израилю.

Приходится признать — израильтяне сотворили чудо. За несколько лет большинство репатриантов было обустроено. Иногда лучше, чаще — хуже, но обустроено. Вспоминаю свою поездку в Израиль в 1979 году. Тогда во многих израильских учреждениях мне бросились в глаза плакаты: «Невозможное мы делаем сразу, чудеса требуют немножко больше времени». Вроде бы явный перебор по части самонадеянности. Подумав, начинаешь понимать, что горстка людей, переживших тысячелетия гонений и унижений, вырвавших у судьбы, у истории свое государство и отстоявших его в неравной борьбе, превративших Палестину в цветущий сад, имеет право на психологический допинг. Тем более, что они, действительно, сделали невозможное, чудо, если угодно…

К слову «чудо» следует сделать примечание. Если использовать методологию Ленина, то есть вести счет на миллионы, на «массы», то чудо произошло — в массе своей олимы работают, не голодают, имеют крышу над головой. Но если считать по Достоевскому, то есть не на миллионы, а на единицы, если от количественных параметров перейти к качеству жизни, то ситуация остается трудной, порой — драматичной. Не случайно в феврале 1998 года возникло «Движение в защиту прав, чести и достоинства иммигрантов».

Таков, повторяю, фон. А теперь — узоры, которые абсорбция вышивает по этому фону.

Работа, как правило, есть. Но — и очень часто — нет работы по специальности.

Трудоустройство — проблема многослойная. Легче всего устроиться тем, кто владеет каким-нибудь ремеслом, или тем, кто

согласен на неквалифицированную, тяжелую работу. Легче, но не легко. Чтобы открыть свое «дело», хоть маленькое, нужно взять несколько барьеров: финансовый, бюрократический, языковый. Если наниматься, нужно смириться с дискриминацией, произволом, хамством хозяев.

Однако «русская» алия — это прежде всего алия с дипломами, алия специалистов: 78 тысяч инженеров, 16 тысяч врачей и стоматологов, 36 тысяч учителей плюс тысячи музыкантов, художников и всяких других разнорабочих умственного труда. Предложение явно превышает спрос. И хотя существует множество курсов по переквалификации, по данным на Середину 1996 года, около 100 000 человек с высшим образованием не могли найти работу по специальности.

Еще труднее приходится ученым (точнее, научным работникам), коих приехало почти 13 тысяч. «Один из самых крупных провалов политики двух прошлых правительств (Шамира и Рабина-Переса), — читаем в «Новостях недели» от 28 февраля 1997 года, — это катастрофическая ситуация с трудоустройством ученых. Знаменитая бюрократическая волокита (которой не знала даже бывшая советская система), личная заинтересованность израильского научного цеха в отсутствии конкуренции, видимо, с более сильными, талантливыми и образованными российскими учеными, дискриминация по этническому признаку (которую тоже тяжело сравнивать с господствовавшим в советских научных учреждениях антисемитизмом), недопонимание израильскими политиками — в силу естественной интеллектуальной ограниченности — важности задачи, — все это привело к страшному, угрожающему парадоксу: в то время, как в Иране, Ираке, Сирии и других враждебных Израилю арабских государствах бывшие советские научные кадры усиленно и успешно трудятся, создавая и наращивая мощный военный потенциал, наши, свалившиеся на голову (задарма приобретенные) выдающиеся ученые, носители ценнейшей информации и бесценного опыта, моют коридоры в школах, убирают мусор на улицах и сторожат скобяные мастерские…»

По словам депутата Кнессета проф. М. Нудельмана, только 4 % прибывших в Израиль ученых занимаются наукой. Это — «национальная трагедия! Стыд и позор для нашего государства…»

Проблема № 2 — квартира, «квартироустройство». № 2, потому что если есть приличная работа, будет в конце концов и квартира. Концы, к сожалению, не близкие. Квартира может быть «амидаровской», то есть полученной от государства. Вариант самый удобный, но практически самый редкий. Переведя абсорбцию на рыночную основу, государство устранилось от

решения жилищной проблемы. Квартиру можно арендовать. Но это дорого. Плюс дискомфортное ощущение временности, зависимости от квартировладельца. Наконец, квартиру можно купить. Тоже дорого, но можно получить ссуду на длительный срок. Наиболее распространена так называемая «машканта», направленная беспроцентная ссуда. Условия машканты таковы, что выплаченная за многие годы сумма может превысить размер ссуды в десятки (!) раз. Но деваться некуда. Создан, правда, «Союз жертв машканты». Да толку от него мало.

И все-таки каждый год понемногу улучшает обстановку. Караванов становится меньше. В печати появились требования, настаивающие на полном уничтожении караванов. «Постепенный их демонтаж, — говорилось в газете «Ха-Олам ха-зе», — не залечит социальных и экологических шрамов, поскольку перенаселенные караванные поселки останутся не только в памяти тех, кто там жил. Уничтожение этих поселков должно стать самым неотложным делом. Этот акт будет символизировать в глазах репатриантов некую веху на их пути к интеграции с израильским обществом». Однако правительство не торопится.

И все же проблемы материального свойства так или иначе, но решаются. Гораздо сложнее обстоит дело с проблемами духовными, с совмещением, притиркой, взаимодействием разных психологии, разных представлений о ценностях бытия! человеческого. Тут накапливаются непонимание, обиды, раздражение, которые нередко выплескиваются из чаши олимовского терпения. Вот как это выглядит. Статья Алекса Дмитриева из газеты «Наша страна» от 19 июля 1992 года. Цитирую (долго цитирую):

> «Представим на секунду следующую ситуацию: на Землю прилетает инопланетянин и ему на глаза попадаются только статьи «знаменитых» авторов, подвизающихся на ниве прославления алии. Какой, интересно, он сделает вывод?
>
> Скорее всего, такой: в очень свободную, демократическую, культурную и процветающую страну — эдакий рай на земле, — где живут исключительно замечательные, высокоталантливые, свободные и доброжелательные люди, вдруг из другой страны — некоего «Совка», который является империей зла и вотчиной партийных Вельзевулов и прочей адской нечисти, — приехали какие-то существа, именуемые «олим». Что это за существа, сначала понять трудно — то, что они не люди, явствует из самого их обозначения.

Скорее всего, это некий вид, родственный виду «гомо израилитикус», однако стоящий на принципиально иной ступени развития — пещерной.

Что же означает этот, с позволения сказать, вид — «оле совковый»? Попробуем проанализировать.

1. У него поразительная способность, как у хамелеона, — он может принимать облик врача, художника, поэта, не являясь таковым по существу.

2. Лучше всего у него развита нижняя лицевая (жевательная) часть, в отличие от интеллекта, который не развит совсем.

3. Явный язычник. Отрицая сионизм и иудаизм, творит себе кумира, которого называет «Колбаса». Сначала он этой загадочной Колбасе молится, потом — со священным трепетом пожирает.

4. Постоянно имеет при себе оружие массового поражения, называемое авторами «Чужая ментальность». Пускает свое оружие в ход при первой возможности с единственной целью — навредить израильскому обществу.

5. Немыт, небрит, волосат, нецивилизован. Дурно пахнет.

6. Часто вместо кожного и волосяного покрова имеет покров спортивнокостюмный «Адидас». В этом случае задние конечности роговеют и ступни превращаются в домашние тапочки.

7. Психически ненормален: страдает манией величия (хочет работать по специальности), раздвоением личности (подметая улицу, все еще считает себя профессором или высококвалифицированным специалистом), манией преследования (когда его бьют молотком по голове, не понимает, что это — отеческая ласка правительства) и крайней неблагодарностью (не любит своих родителей и благодетелей — М.Каганскую, Н.Гутину и т. д.). Туп, а потому не может оценить художественной мощи (М.Гробмана) и поэтической силы (М.Генделева).

Окончательный диагноз: практически безнадежен».

Это, конечно, не Зощенко и не Жванецкий. Но это ведь не литература, а документ. Документ времени и ощущения времени. Можно оспаривать факты, можно говорить о преувеличениях. Однако настроение, переживание факта в данном случае важнее, чем факт. Так думают, так чувствуют многие, и это, может

быть, — главная проблема абсорбции. Нам еще придется к ней возвращаться.

В Израиле есть, не только юг, но и север. Север — это Голанские высоты, куда я отправился в середине сентября.

Голаны — горный массив, который нависает над Верхней Галилеей и который до июня 1967 года принадлежал Сирии. Пользуясь выгодами расположения Голан, сирийцы на протяжении 1949–1967 годов неоднократно (400 раз, по данным израильтян) обстреливали территорию Израиля. В результате погибло 140 человек. В июне 1967 года израильтяне разгромили Сирию и захватили большую часть Голан. Началось быстрое обустройство пустующих земель. В октябре 1973 года сирийцы пытались вернуть Голаны. Но были вновь разбиты, потеряв на поле боя 1200 танков из 1500, которые у них были. 14 декабря 1981 года по инициативе М.Бегина кнессет (63 голоса за, 21 — против) распространил законы, юрисдикцию и исполнительную власть Израиля на Голанские высоты. Там создано более 30 еврейских поселений, в которых живет около 14000 человек. Сельское хозяйство ориентировано на садоводство (прекрасные яблоки!) и виноградарство (вина «Ярмук» не хуже французских). Три десятка промышленных предприятий.

Меня принимали в административном центре Голан городе Кацрине. Тамошние «русские» в основном из бывшей нашей Средней Азии. «Караванов» не видел. Добротные дома. Сады. Мангалы во дворе. Восточное гостеприимство, помноженное на гостеприимство русское. Главная тема разговора — что делать, если Голаны отдадут Сирии. Общее мнение — не отдавать.

Возвращаясь из Кацрина, заехал на ферму, где разводят крокодилов. Дали подержать маленького крокодильчика. Но только очень просили называть здешних крокодилов аллигаторами. Почему — я так и не понял.

И последний участок на географической карте сентября. Недалеко от Хайфы, в горах «Маленькой Швейцарии» расположился поселок Эйн-Ход — вроде нашего Переделкино, но не для писателей, а для художников. Землю выделили в 1953 году, и теперь в этом оазисе творчества осели 200 художников. Никакой типовой застройки. Каждый дом — тоже «художество». В каждом доме — мастерская. Несколько общих галерей. Все утопает в южной зелени. Можно бродить целый день, попадая из одного стиля в другой, из одной манеры — в другую. Что я и делал с удовольствием.

В Эйн-Ходе подружился с Женей Абезгаузом. Ленинградец. В рамки соцреализма никак не вмещался, бунтовал, в 1977 году пробился на историческую Родину. Много пишет, много

выставляется. «Просто» — хороший человек. Гостей любит. И гости любят его. И баня у него хорошая. Главный банщик — «наш» же доктор забыл каких наук Миша Таратута. Он, правда, предпочитал проходиться вениками по дамским спинам, но и нам оставалось. Женя изобрел чудесный напиток. «Баркановка» называется. Ее пьешь и одновременно ею же закусываешь. Экономно.

Дипломатический комментарий к географии. Послу надлежит встречаться и беседовать с «элитой». И радовать «элитной» информацией свое начальство. Чем чаще бываешь у президента или премьера, тем лучше. И я старался. Но для понимания глубинных процессов, происходящих в «стране пребывания», для прощупывания пульса политической жизни баня у Абезгауза, встречи с мэрами и жителями «провинциальных» городков, посещение киббуцев часто давали больше, чем разговоры в столице.

Очередное интервью. «Новости недели».

— Александр Евгеньевич, что оказалось для Вас самым трудным на дипломатической стезе?

— Самое трудное, пожалуй, быть на официальных процедурах и делать умное лицо. И еще одно «самое трудное» — понимать, что ты не в состоянии помочь людям, которые пишут душераздирающие письма с разными просьбами. Тут и жилье, и работа, и злоупотребления со стороны мелких и средних чиновников, и многое другое.

— А как Вы относитесь к результатам абсорбции в целом?

— В целом? В целом я, во-первых, не люблю слово «абсорбция». Как будто люди служат материалом для каких-то химических опытов. А, во-вторых, я считаю, что Израиль совершил исторический подвиг, приняв за четыре десятка лет на малюсенькой и далеко не всегда комфортной территории миллионы репатриантов и — опять же «в целом» — обеспечив большинству из них вполне сносное существование. А далее следует большое «аваль» («но» на иврите. — А.Б.). Достоевский научил нас, кажется, считать людей не на миллионы, не на десятки даже, а на единицы. Так вот с этой точки зрения, с точки зрения каждой «абсорбируемой» единицы, — а таких единиц могут быть тысячи — процесс абсорбции сопровождается и драмами, и трагедиями…

— А теперь — что Вы больше всего любите делать в

качестве дипломата?

— Наверное, встречаться и беседовать с людьми. Самыми разными. Скажем так: от Шауля Айзенберга (один из самых богатых людей Израиля. — А. Б.) до бывшего скрипача Московского филармонического оркестра, который теперь солирует на тротуаре Дизенгофа. Стремлюсь бывать в разных городах, в киббуцах. И меньше ходить по предприятиям и лабораториям — для неспециалиста машины и приборы везде одинаковы, — а больше говорить с людьми, которые там работают. Говорить «за жизнь». Можно, например, каждый день читать о «караванах», сопоставлять доводы их сторонников и их противников. Но надо побывать в караване, когда на улице +30,°, а внутри нет «мазгана» (кондиционер на иврите. — А.Б.). Многое становится понятнее…

Часто вечерами сижу на углу Фришман и Дизенгоф, пью чай или кофе, смотрю по сторонам. Любопытные, неожиданные встречи происходят…

В общем, чтобы хорошо слышать пульс «страны пребывания», такие встречи, такие беседы дают послу гораздо больше, чем статистические справочники, газеты и официальные разговоры.

— Вы читаете художественную литературу? Слушаете музыку? Ходите в театры?

— К сожалению, читаю мало, гораздо меньше, чем в Москве. В Москве я «руководил» только самим собой и поэтому тратил минимум времени на организационно-хозяйственно-протокольные дела. А здесь такие дела съедают почти весь рабочий день. Это — первое. И второе. Я вынужден заполнять брешь в своем образовании — изучать историю евреев, еврейскую философию. Чтобы понять психологию, менталитет англичанина или, скажем, француза, вовсе не обязательно штудировать Библию, изучать труды Ансельма Кентерберийского или Абеляра. Но невозможно понять историю евреев, уникальную выживаемость еврейской диаспоры, многие существенные особенности нынешнего Израиля, не знакомясь с Торой, с комментариями к ней. Сегодня у меня на столе «Агада» (сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей), Э.Урбах «Мудрецы Талмуда», роман Ле Поррье «Врач из Кордовы» (о Маймониде). И еще здоровенный том «Дни трепета» — о праздниках

Рош ха-Шана и Йом Кипур. Хочется ведь не просто знать, что есть такие-то обряды и молитвы. Хочется понять, почему они именно таковы.

Так что с художественной литературой приходится повременить. А вот от научной периодики пытаюсь не отставать. «Вопросы философии» и «Мировую экономику и международные отношения» получаю регулярно. Но трудно. Нет времени. Хоть убейся!

Музыку мы с Леной Петровной слушаем чаще, чем в Москве. Когда огромные валы океана слов становятся невыносимы, погружаемся в океан звуков…

В Вашем перечне еще значится театр. Тут плохо. Только «Гешер». Все упирается в язык.

— Но Вы же учите иврит! Или по-другому — Вы учите иврит?

— Учу. Но Казакова из меня не вышло. Занимаюсь не систематически. Отдельные слова. Отдельные выражения. Почти без грамматики. Главное — язык очень нравится и надежда не потеряна.

— А журналистику бросили совсем?

— Практически — да. Хотя это «да» несколько условно. Я в основном занимаюсь тем, чем и занимался: политическим анализом. Но если раньше я излагал его результаты на страницах газеты для 10 миллионов, то теперь пишу в жанре служебных бумаг — только для 10–15 человек. И по понятным причинам изменились источники, вырос удельный вес деловых, практических рекомендаций.

Конечно же, тянет к газетным полосам. Вопрос — о чем писать. Я был универсалом. Писал обо всем, что было интересно читателям и мне. Предположим, я напишу о ситуации в ЮАР или в Грузии. Наверное будет странно: «Чего это Бовин, сидя в Тель-Авиве, занимается проблематикой Африки или Кавказа? Делать ему нечего!» Было бы логично писать о проблемах Израиля, российско-израильских отношений, Ближнего Востока. Но я боюсь, что, будучи послом, не смогу пройти по этому полю, не подорвавшись ни на одной из многочисленных мин. Лучше набраться «совланута» и помолчать.

Остаются очерки. Но не хочу писать «Текут мутные воды Иордана» и не могу, не умею писать «Тьма, пришедшая со стороны Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город…» Вот и все дела. Как

говорится, «вокруг шешнадцать».

— Трудная у Вас жизнь…

— Да нет, не трудная. Сложная, скорее, хлопотливая. Трудная у тех, кто сейчас в России. Там моя боль, моя душа, моя жизнь. Сначала я — человек, потом — русский, потом — россиянин и только потом — «шагрир шель Русия» (российский посол).

В первой неподцензурной книге, вышедшей еще в Советском Союзе, я писал, если мне не изменяет память, примерно так: о новой стране можно будет говорить лишь тогда, когда людей, приезжающих к нам, будет больше, чем людей, уезжающих от нас. Критерий суровый. Но я все же надеюсь, что внук мой Макар Сергеевич, которому сейчас три с половиной, доживет до того времени. Как и до полного, справедливого урегулирования на Ближнем Востоке. Когда из Иерусалима можно будет попасть в Дамаск или Багдад так же свободно, как сегодня в Москву или Нью-Йорк».

Вопросы задавала Ирина Юрьева. Разумеется, из России и, что не разумеется, русская без кавычек. Дочь представителя российской Торгово-промышленной палаты Юрия Ахрименко. Умное, очень самостоятельное создание. «Продвинутое», как теперь говорят.[17]

Новый год встречал в Иерусалиме в милой компании артистов, работавших на съемках «Мастера и Маргариты», — А.А.Вертинская (Маргарита), М.А.Ульянов (Пилат), В.И.Гафт (Воланд), Л.К.Щуров (Матвей), В.А.Шалевич (первосвященник). Было весело, интересно и даже прохладно. К сожалению, по причине каких-то внутрикиношных интриг, которые продолжаются и в 1999 году, фильм так и не появился на экранах.

ОКТЯБРЬ-92

В Каире празднуют «победу» — Война Судного дня — «Братские» послы — «Всенародное гуляние» в Савьоне

В октябре начались предметные разговоры относительно возможных сроков и содержания визита И. Рабина в Москву. Главной заботой израильтян был вопрос о встрече Рабина с президентом Ельциным. Где бы ни бывал Рабин, сказал мне начальник канцелярии премьер-министра Ш.Шевес, его всегда принимали главы государств. Если Ельцин не примет Рабина, в Израиле, да и во всем мире это будет интерпретироваться как проявление традиционного для Советского Союза недружественного отношения к Израилю. Чтобы избежать всякого рода неожиданностей, Рабин хотел бы получить приглашение посетить Россию именно от президента.

Я был согласен с такой постановкой вопроса, о чем и сообщил в МИД. И добавил еще один аргумент. Положение Рабина, — если иметь в виду не Кнессет, а общественное мнение страны, — можно определить как не совсем устойчивое равновесие. Ибо большинство израильтян пока не готово принять идею территориальных уступок. И если Рабин вернется из России «без Ельцина», это позволит его оппонентам говорить о низком престиже премьера.

6 октября в Каире торжественно отмечали День Победы — начало войны Судного дня.

Именно в этот день 1973 года, в субботу в 14.00, когда израильтяне праздновали Йом Кипур,[18] по приказу президента Анвара Садата египетские войска после массированного артиллерийского обстрела и воздушной атаки форсировали Суэцкий канал и прорвали линию Бар-Лева.[19]

> «222 сверхзвуковых самолета, — писал позже Садат, — приняли участие в первой атаке на израильские позиции… Мы потеряли только пять самолетов… Египетские военно-воздушные силы расквитались за все, что потеряли в войнах 1956 и 1967 годов».

Одновременно сирийцы развернули мощное танковое наступление на Голанских высотах.

«Войска, равные по величине вооруженным силам НАТО в Европе, были брошены к границам Израиля», — пишет Х.Герцог в книге «Арабо-израильские войны».

Война застала израильтян врасплох. Военные приготовления египтян рассматривались как блеф. Это был крупнейший прокол разведки Израиля. Казалось, судьба Израиля висит на волоске. Но в течение нескольких дней израильское руководство преодолело растерянность. Танковые атаки сирийцев были отбиты, для войск Р. Эйтана была открыта дорога на Дамаск. В ночь с 15 на 16 октября израильские солдаты под командованием А. Шарона вышли на западный берег канала. Через несколько дней были окружены 3-я египетская армия и город Суэц. Путь на Каир был свободен.

Очередное поражение арабов, оснащенных советским оружием и обученных советскими инструкторами, было горьким разочарованием для Москвы, политическим поражением Советского Союза. Кстати, ни Каир, ни Дамаск не сочли нужным сообщить советскому руководству дату начала военных действий. Однако советская разведка информировала Москву о том, что решение о войне принято, за двое суток до ее начала. Брежнев негативно отнесся к этому решению, но никаких политических движений не произвел.

К тому времени советско-египетские отношения существенно охладились. В июле 1972 года Садат выставил советских военных советников из Египта и стал разворачивать Египет в сторону США. Приведу характеристику Садата, которую дал наш бывший резидент в Каире В.Кирпиченко:

«Личность чрезвычайно противоречивая. Его все сравнивают прежде всего с Насером, которого он сменил. Наши симпатии были на стороне Насера, хотя и он не был ангелом. Но он был революционер, романтик. Понимал свою миссию, многое сделал для пробуждения Востока, Африки. Садат же решал одну задачу: улучшение отношений с Западом. Он разрушил советско-египетские отношения, внес элемент недоверия: он не был откровенным политиком и собеседником. Этот человек все свои действия называл дипломатией, хотя в нашем понимании это была нечестная дипломатия… Он и выпивал, и покуривал травку, не отказывал себе ни в каких удовольствиях, показывал всем и свое богатство, и свою неординарную философию — он изучал биографии великих людей, в том числе и Сталина, его манеру держаться».

При всем при том полный разгром Египта и Сирии был невыгоден Советскому Союзу. Начинаются сложные игры между Москвой и Вашингтоном. В результате 24 октября пятая арабо-израильская война была закончена. Египтяне и сирийцы потеряли убитыми свыше 20 тысяч, танков — примерно 2200, самолетов — 514. Потери израильской армии: 2 552 человека убитыми, 800 танков и 115 самолетов. В ноябре 8301 пленных египетских солдат и офицеров были обменены на 241 израильтянина.

Однако психологические последствия войны весьма отличаются от ее военно-политических итогов. В памяти израильтян, насколько я могу судить, война Судного дня не воспринимается как война победоносная. Ни парадов, ни военной музыки. 6 октября посещают кладбища, скорбят о погибших. В Египте же эта война — несмотря на очевидное поражение египтян — вошла в народную память как война победоносная. Первые дни, когда египтяне пробили линию Бар-Лева, окрасили победоносной краской всю войну. «Арабская нация преодолела барьер страха!» — воскликнул Садат, получив сообщение о форсировании канала. И это преодоление не было стерто последующим поражением. Именно такое состояние общественного сознания позволило Садату 19 ноября 1977 года прилететь в Иерусалим, пройти через Кэмп-Дэвид и 26 марта 1979 года заключить мирный договор с Израилем. Это была настоящая победа. Ее горькие плоды Садат вкусил 6 октября 1981 года, когда он был убит исламскими фанатиками в Каире на параде Победы.

А 6 октября 1992 года каирское телевидение вело прямую передачу со стадиона, где в присутствии президента Хусни Мубарака и его супруги разыгрывался грандиозный, великолепно поставленный спектакль, изображавший долгожданную победу. Тысячи солдат под покровом ночи «переплывали» канал, врывались в расположение израильтян, резво расправлялись с противником, срывали израильские флаги и водружали на их место флаги египетские. Все вокруг стреляло, сверкало, взрывалось… Трибуны ликовали. Мубарак довольно улыбался. Почти по Пастернаку: «И пораженные от победы ты сам не должен отличать…»

Появился посол Украины Юрий Щербак. Писатель. Присматриваемся друг к другу. Белоруссию представляет временный поверенный Михаил Фарфель. Тут меньше дипломатии, больше естественности. Фарфель — тоже не дипломат. Директор школы. Еврей. Красавица жена и трое детей. С Фарфелями сдружились, встречались домами. Со Щербаком было сложнее. Он демонстрировал независимость, но, казалось

мне, с перебором. Щербака, которого перевели в Вашингтон, сменил его советник-посланник Александр Майданик. Приятный молодой человек. Но опять же весь «незалежний». Однако взаимодействовали мы вполне по-деловому. Хотя и без особой душевности.

Фарфеля так и не сделали послом. Что-то там в Минске заело. Он обиделся, заскучал и в конце концов получил израильское гражданство. Теперь осваивается на «исторической родине». Послом же стал бывший начальник КГБ Белоруссии генерал-лейтенант Лавицкий. С Геннадием Михайловичем и его женой Марией Трофимовной дружили. Толковали «за жизнь», часто — с недоумением…

Постепенно нарабатывался опыт взаимодействия с МИДом. Удивляло, что вопросы, которые приходилось задавать, часто оставались без ответа. Или ответ приходил тогда, когда нужда в нем отпадала. Поскольку я был воспитан в строго, партийно-бюрократической школе советских времен, меня такие вольности раздражали.

Решил написать специальное послание с просьбой ответить на заданные вопросы. 1. Об обмене военными атташе. Что говорить израильтянам? 2. О продаже оружия и боевой техники. Гасить интерес к этому или поддерживать? 3. О визите И. Рабина. Каковы планы и намерения Москвы? 4. О визите президента. Согласна ли Москва с тем, что лучше дождаться следующего президента? Кроме того, продолжал я, есть и вопросы несравненно меньшего калибра, но без ответов на них трудно работать стабильно. Речь, в частности, идет о штатном расписании. Посольство функционирует уже год на всякого рода устных договоренностях. Последнюю из них — 15 дипломатов и 14 административно-технических работников — мы просили утвердить в качестве штатного расписания. Ждем. Вроде бы все согласны, но молчат. Есть и проблемы житейские. У нас не легко с лечением и учением. В колонии 99 человек. Из них детей школьного возраста — 15 и столько же дошкольного. Обычная метода — присылка врача и учителя — ничего не даст. Мы предлагали свои варианты. Ответа нет. Работникам посольства очень неудобно летать в Тель-Авив через Ларнаку. Мы предложили иной — и ничуть не более дорогой вариант — и опять молчание. Последний стон: «В иврите есть слово «нудник». Оно понятно без перевода. Наверное я выгляжу именно таким «нудником». Но что делать? Работа заставляет. Поэтому прошу прощения за нудность и заранее благодарю за ответы». Сейчас уж не помню, каким был ответ. Наверное, все-таки был…

Примерно в это время из МИДа поступило предложение о

внедрении «вахтового» метода. Идея была в том, чтобы предотвратить отток специалистов из центрального аппарата (люди уходили из-за низкой зарплаты). Суть идеи: направлять на некоторые должности работников (без семей) с ротацией каждые три месяца. Подкормится немножко — и назад. Я возражал. «Вахтера» можно представить в роли машинистки, скажем, или коменданта. С натяжкой — в роли консула. Но дипломату, чтобы он мог толково выполнять свои функции, даже трех месяцев на раскачку мало. Теперь понимаю, что возражал зря. Просто надо было помочь людям, удержать кадры. Не мудрствуя лукаво.

Продолжал вникать в нравы и обычаи дипломатической жизни. Подошло время подписки на газеты и журналы. К моему удивлению, ни один дипломат не захотел подписываться. Все уперлось в деньги, в валюту. Попытался агитировать, говорил, что нельзя отрываться и т. д. и т. п. Но потерпел полный провал. Так за все пять лет никто ни на что и не подписался. Экономный народ, хоть и дипломатический…

Чтобы «сплотить» коллектив, предложил совместно и вскладчину отметить годовщину восстановления дипломатических отношений между Россией и Израилем. Предложение было встречено с энтузиазмом. Территория — посольская резиденция и внутри, и снаружи. Приглашаются все с детьми и домочадцами. Распределили обязанности, и работа закипела. Дамы наши наготовили всякой вкуснятины. Столы расположили на травке. Для детей — отдельно. Набралось человек шестьдесят. Было полное веселье. Кто на суше, кто — в бассейне. Танцы и песни. За субботу не смогли все съесть и выпить. Поэтому в воскресенье зачищали остатки.

Решили повторять такую процедуру каждый год. Каждый год не получилось. Но пару раз еще собирались. Без отягощающих последствий.

НОЯБРЬ-92

Меня начинают снимать с работы — Эйлат — Хайфа — Бахаисты — Биньямин Нетаньяху — «Конец света» в бане

Ноябрь начался с визита к премьер-министру. В его тель-авивской резиденции, которая расположена на территории министерства обороны. Рабин был без галстука, что намекало на некоторую неформальность обстановки. Вручил письмо Б. Н. Ельцина с приглашением посетить Россию.

Выразив признательность за приглашение, Рабин подчеркнул, что израильско-российские отношения развиваются в правильном направлении и имеют большое будущее. В этой связи премьер выразил надежду, что во время визита можно будет подписать ряд соглашений по торгово-экономическому, культурному и научному сотрудничеству. Рабин подтвердил готовность Израиля установить официальные связи между вооруженными силами обеих стран и, соответственно, обменяться военными атташатами.

От успеха реформ в России во многом зависит завтрашний день планеты, заметил Рабин. Мне будет очень интересно, сказал он, услышать «из первых уст» оценки и прогнозы относительно социально-экономического и политического развития России.

Рабин обстоятельно говорил о состоянии мирного процесса. По его мнению, «тунисское руководство» играет негативную роль. Арафат боится укрепления «израильских» палестинцев, боится утратить влияние на Западном берегу и в секторе Газа. И поэтому тормозит переговоры, не позволяет палестинской делегации действовать самостоятельно. Стоит только о чем-то договориться с палестинцами, раздается окрик из Туниса, и они делают шаг назад.

Тут вот в чем дело. Поначалу израильтяне категорически отказывались вести переговоры с Арафатом. Потому что «бандит», «убийца», «террорист» и т. п. В палестинскую делегацию входили только люди с «территорий». В Иерусалиме, конечно, понимали, что эти люди по существу представляют Арафата, ООП. Но делали вид, что это не так, надеясь, видимо, постепенно оторвать «своих» палестинцев от Арафата и его тунисской команды. Мне много раз приходилось толковать на эту тему с израильтянами. Пытался убедить их в том, что без ООП никакой переговорной каши не сваришь. Но не преуспел. Время потом убедило…

В ноябрьском календаре — очередная встреча с министром энергетики и инфраструктуры. Рубинштейн вернулся из Москвы и

увлеченно рассказывал о «достигнутых договоренностях»: совместная разведка нефтяных месторождений, обмен научными сотрудниками под конкретные научно-технические и опытно-конструкторские разработки, поставка в Израиль 1 млн. тонн нефти. Не удалось, огорчался министр, договориться о продаже Израилю угля и газа — трудности доставки.

Увы! Как, наверное, уже догадался читатель, ни одна из «договоренностей» не была реализована. «Трудности доставки», без сомнения, существуют. Но куда более значимы «трудности безответственности», пронизавшей наш государственный аппарат. Временщики, дилетанты, корыстолюбцы, находящиеся во власти или рядом с властью, органически неспособны мыслить в категориях российских интересов. Да и потом Израиль, как его ни корми, смотрит в сионистский лес… Не случайно Дума, та самая Дума, которая солидаризировалась с Макашовым, до сих пор (2000 год) не ратифицировала подписанный Черномырдиным и Рабином (год 1993-й) договор об избежании двойного налогообложения.

11 ноября посетил в Ашкелоне школу. Урок русской литературы в 10-м классе был посвящен «Анне Карениной». Учительница — Таня (так ее называют ученики) из Бендер. Раскованные — по нашим понятиям, слишком — девочки и мальчики. Бурная дискуссия на тему: ты за кого — за Каренина или за Каренину? Важен не результат, а умение аргументировать. Учили не запоминать, а думать. Что же касается результата, то большинство девочек было за Каренину, а большинство мальчиков (и Таня) — за Каренина. Урок мне понравился. Хотя школьная вольница показалась чрезмерной.

12 ноября разразилась буря. В израильском стакане, но вокруг меня.

Утром позвонил Эдик Кузнецов, главный редактор «Вестей».

— Слушай, у меня информация из Москвы, что тебя отзывают. Комментарии есть?

— Нет, — отвечаю. — Нет комментариев. В первый раз слышу.

— Ладно, — говорит, — завтра печатаю.

— Хорошо.

Тоскливо как-то стало. Хоть бы предупредили… Поехал на работу. Хотел позвонить в МИД, но раздумал. Будем погодить…

13 ноября на первой полосе «Вестей» крупными буквами: Согласно информации, полученной из достоверных источников в МИДе,

БОВИН БУДЕТ ОТОЗВАН

Под этим могучим заголовком текст Авигдора Эскина:

«Москва. Посол России в Израиле Александр Бовин будет возвращен на родину в ближайшее время. Его заменит нынешний заместитель министра иностранных дел Федор Шелов-Коведяев. Это решение было принято самим президентом России, распорядившимся сменить всех послов, назначенных на свои посты в период Горбачева и ранее.

Ельцин лично распорядился о смещении Бовина в скором времени, поэтому возвращение посла России предвидится не позднее января. Это соответствует тенденции Ельцина и Козырева заменить всех послов, не являющихся профессиональными дипломатами. В 1992 году 36 послов России были отозваны домой.

Федор Шелов-Коведяев был одним из кандидатов на должность посла России в ЮАР, однако министр иностранных дел России Козырев предпочел отправить своего приближенного в более важную для российской дипломатии точку — в Тель-Авив. Будущий посол России в Израиле известен как человек демократических взглядов, которого прежняя партийная верхушка не очень-то любила. Он, как ожидается, продолжит линию нынешнего посла, которая характеризовалась объективным отношением к проблемам нашего региона и установлением дружеских связей со всеми слоями израильского общества.

От редакции. Естественно, мы тут же связались с Александром Евгеньевичем Бовиным и попросили его прокомментировать полученное нами сообщение. «До меня эти слухи еще не дошли. А потому прокомментировать эти сведения я никак не могу», — сказал он.

От редакции. У нас нет оснований сомневаться в надежности нашего источника информации, и все же хотелось бы надеяться, что это всего лишь слухи. В конце концов хороших послов менять ни к чему. Вместе с тем дополнительная проверка показала, что на днях Шелов-Коведяев действительно уже оставил пост первого заместителя министра иностранных дел России — второго по важности лица в МИДе. Его уход связывают с отставкой его некогда могущественной покровительницы — советника Ельцина по межнациональным вопросам Галины Старовойтовой».

Настали тяжелые дни. Трубка телефона раскалилась. Все спрашивали, недоумевали, ахали и охали. Я ушел в глухую защиту. «Ничего не знаю». Что и было правдой. Мои размышлизмы сводились к тому, что слухи вполне могут подтвердиться. Поскольку я не очень молод и пришел из застойного времени. Поскольку меня назначил Горбачев. Поскольку я не скрывал своих симпатий к нему. Поскольку не принадлежал ни к чьей «команде», как та самая кошка, которая ходит сама по себе. Поскольку моим мидовским начальникам было как-то неловко руководить мною в привычной для них манере. Поскольку уж слишком хорошо, подозрительно хорошо ко мне относятся в Израиле.

15 ноября нервы не выдержали, и я написал письмо Козыреву:

> «Уважаемый Андрей Владимирович! В израильской прессе появилось сообщение, что «согласно информации, полученной из достоверных источников в российском МИДе», Ельцин «лично распорядился» о смещении Бовина с должности посла в Израиле. Меня донимают вопросами. Врать не хочется. В связи с этим убедительно прошу ориентировать».

Написал, но сразу не отправил, противно как-то… А потом уж и не понадобилось.

17 ноября в конкурирующей с «Вестями» газете «Время» появилась заметка **ПОСОЛ РОССИИ — БОВИН**. Ее автор Олег Якубов писал:

> «В израильской печати несколько дней назад промелькнуло сообщение о том, что с января 1993 года Александр Бовин отзывается из Израиля и пост посла России в нашем государстве займет бывший первый заместитель министра иностранных дел России Шелов-Коведяев.
>
> На просьбу журналистов прокомментировать это сообщение Александр Бовин ответил, что ему ничего не известно. Я дозвонился до заместителя начальника департамента информации российского МИДа Дениса Николаевича Грищенко. Вот что он ответил:
>
> — Это сообщение ни на чем не основано. Посол России в Израиле — Александр Бовин.
>
> — А правда ли, внешнеполитическое ведомство России собирается в ближайшие месяцы заменить всех послов, назначенных во времена президента Горбачева? — спросил я своего собеседника.

— Это точно такие же слухи, как и смещение с поста Александра Бовина. И то и другое не имеет под собой никакой почвы, — ответил Д. Грищенко».

Складывалось впечатление, что «казус Бовина» послужил очередным поводом для разборки между соперничающими газетами. Потом я не раз убеждался, что в Израиле ожесточенные журналистские ристалища, обмен колкостями часто начинают жить собственной жизнью, приобретают самодовлеющее значение, когда в грохоте и дыму словесных перепалок теряется из вида суть, причина, содержательная сторона того или иного спора.

Старался не попадаться на глаза журналистам. Со всеми у меня были какие-то личные отношения, болтать попусту не хотелось, а по существу сказать было нечего. Но Инна Стессель из «Новостей недели» меня таки достала. Не мог устоять перед женщиной. **СТРАСТИ ПО АЛЕКСАНДРУ ЕВГЕНЬЕВИЧУ** — так назывался ее материал. Цитирую:

«Вот уже несколько дней две израильские русскоязычные газеты будоражат общество «слухами о Бовине». Причем слухами самыми разноречивыми: отзывают его из Израиля, не отзывают…

Российский посол в Израиле, что и говорить, человек очень популярный. Но статус у него несколько иной, чем у кинозвезды и, думается, для сенсационных сообщений о нем необходимы факты, а не воображение корреспондентов…

— Вам лично что-нибудь известно о возможных переменах в судьбе Бовина?

— Мне? Нет. Ровным счетом. Я нормально работаю. Никто из Москвы ни о чем подобном меня не информировал.

— Простите, пожалуйста, но какая-то почва для возникновения подобных слухов должна была быть?

— Вы все же вовлекаете меня в рассуждения о «слухах». На мой взгляд, все очень просто — в России есть масса партий с самыми различными умонастроениями. Есть симпатизирующие лично мне группировки, есть, скажем так, не слишком дружелюбно настроенные. Последние наверняка шумят: «Бовин — человек застойного времени, нужны новые послы из молодых…» Что-то в этом роде…

— Извините за настойчивость. Вы не собираетесь связаться с Москвой и получить разъяснения?

— Нет. Не вижу в этом необходимости.

— Было бы очень грустно, если бы эти слухи, упаси Бог, подтвердились…

— Мне тоже было бы грустно. Но от грусти есть прекрасное средство — спокойно работать…»

Работалось, конечно, не очень спокойно. Жена переживала. Не из-за того, что придется, может быть, уехать. А из-за того, что нервы мотают. В посольстве эта тема вслух и при мне не обсуждалась. Иногда ловил вопросительные (или — вопрошающие?) взгляды.

Бомба, разметавшая в куски «информированные источники», взорвалась в воскресенье 22 ноября. В этот день «Время» опубликовало два материала из «Вечерней Москвы». Они заслуживают того, чтобы перепечатать их здесь.

«ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

СОВЕТСКОГО СОЮЗА

10 ноября 1992 года в Кремле состоялся Восстановительный Пленум ЦК КПСС.

По поручению Оргкомитета КПСС имени Л.И.Брежнева Пленум открыл и выступил с докладом «О задачах партии по восстановлению морально-политического единства Советского общества» член Оргкомитета Юрий Ильич Новиков.

Он, в частности, сказал: «10 лет назад, 10 ноября 1982 года, ушел из жизни Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев. С этого дня в нашей стране начались временные трудности, первопричиной которых стал ошибочный, по сути — ревизионистский тезис Андропова о возможности существования противоречий при социализме. Выискивание таких якобы существующих противоречий, акцентирование на них общественного внимания привело к их обострению и в конечном счете — к утрате

самого главного нашего достояния — всеобщего и полного единогласия. Страна оказалась на грани гражданской войны, и единственно верный путь лежит через восстановление советского общества, государства и партийного руководства, каким оно было при Л.И.Брежневе по состоянию на 10 ноября 1982 года».

В прениях по докладу выступили члены Оргкомитета товарищи М.Арсеньева, А.Кириллова, А.Коллонтай-Арманд и еще 2 участника, просившие не называть их фамилий.

Пленум выразил порицание членам ЦК КПСС, избранным при жизни Л.И.Брежнева, ни один из которых не явился на Восстановительный Пленум, несмотря на то, что о его проведении заранее (7 ноября) было объявлено по Радиостанциям «Эхо Москвы» и «Радио России». Как уже отмечалось в партийной печати, «в Уставе КПСС не определяется кворум для проведения Пленума. Следовательно, принятые решения правомочны, они обязательны для выполнения всех партийных организаций и коммунистов» (Газета «Гласность», № 23 от 25 июня 1992 года, стр.4).

Исходя из этого, было решено провести Пленум в отсутствие членов ЦК. При этом члены Оргкомитета КПСС имени Л.И.Брежнева подчеркнули, что они не претендуют на высшие посты в партии.

На Пленуме ЦК КПСС рассмотрены организационные вопросы.

По многочисленным просьбам трудящихся Пленум восстановил руководящие органы партии в составе товарищей, состоявших в этих органах 10 ноября 1982 года.

Пленум восстановил Политбюро ЦК КПСС в составе членов Политбюро товарищей Горбачева М.С., Кунаева Д.А., Романова Г.В., кандидатов в члены Политбюро товарищей Алиева Г.А., Долгих В.И., Пономарева Б.Н., Соломенцева М.С., Шеварднадзе Э.А.

В должности секретарей ЦК КПСС восстановлены товарищи Горбачев М.С., Пономарев Б.Н., Долгих В.И., Зимянин М.В., Капитонов И.В., Русаков К.В.

Пленум перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС товарищей Брежнева Юрия Леонидовича, Малькова Н.И., Чернавина В.Н., Чурбанова Ю.М., Хренникова Т.Н., Язова Д.Т.

Член ЦК КПСС товарищ Ельцин Б.Н. восстановлен в

должности Первого секретаря Свердловского обкома КПСС.

Члена Политбюро товарища Шеварднадзе Э.А. и члена Центральной Ревизионной Комиссии Набиева Р.Н. переименовать из глав независимых государств в первых секретарей ЦК Компартии Грузии и Таджикистана соответственно.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Израиле, член ЦРК товарищ Бовин А.Е. в связи с восстановлением разрыва советско-израильских дипломатических отношений переведен в распоряжение Организации освобождения Палестины.

Члену Центральной Ревизионной Комиссии КПСС народному артисту СССР Ульянову М.А. поручено в течение месяца восстановить светлый образ Владимира Ильича Ленина.

Члену ЦК КПСС товарищу Косолапову Р.И. строго указано на недопустимость одновременного членства в антисоветской организации, именующей себя РКРП.

Всем вышеупомянутым товарищам, а также членам ЦК КПСС товарищам Арбатову Г.А., Воротникову В.И., Власову А.В., Зайкову Л.Н., Лигачеву Е.К., Пастухову Б.Н., Рыжкову Н.И., Силаеву И.С., Терешковой В.В., членам Центральной Ревизионной Комиссии КПСС товарищам Лукьянову А.И., Медведеву В.А., Назарбаеву Н.А., Филину В.М. и остальным предписано вернуться к исполнению своих обязанностей и ударным трудом возместить нанесенный их десятилетним бездействием ущерб делу социализма.

Первоочередной задачей Пленум считает выполнение духовного завещания Леонида Ильича Брежнева — Продовольственной программы, принятой майским (1982 год) Пленумом ЦК КПСС. Персональную ответственность за руководство данным участком работы возложить на члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству товарища Горбачева М.С.

На Пленуме ЦК КПСС рассмотрен вопрос о работе государственных органов СССР.

Пленум предписал исполняющему обязанности Главы Правительства России товарищу Гайдару Е.Т. в двухдневный срок сдать дела законному Председателю Совета Министров РСФСР товарищу Соломенцеву М.С.

Председателю Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР товарищу Умалатовой С.З.

поручено созвать сессию Верховного Совета СССР по состоянию на 10 ноября 1982 г. с целью избрания нового Главы Советского государства из членов семьи Леонида Ильича Брежнева.

Пленум обратился к главам империалистических государств с убедительной просьбой не воспринимать принятые на нем решения как предлог для отказа в гуманитарной помощи. КПСС и впредь будет продолжать миролюбивую внешнюю политику в соответствии с речью Леонида Ильича Брежнева на приеме в Георгиевском зале Кремля по поводу его 75-летия 19 декабря 1981 года, где он, в частности, сказал: «Приверженность Брежнева делу мира тем и объясняется, что он отражает мысли и чувства всего советского народа» (продолжительные аплодисменты) (Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т.9, стр.343).

На этом Пленум закончил работу» («Вечерняя Москва», 12.11.1993).

«Вести» были в нокауте. Народ не безмолвствовал, народ хохотал… Эскин долго прятался от Эдуарда Кузнецова. Кстати, к «Вестям», к Кузнецову у меня никаких претензий нет. Он поступил так, как нынче поступают многие «настоящие» журналисты: «ради красного словца не пожалею и…» Помню, сразу после нокаута Эдик устроил у себя дома торжественно-траурный ужин. Был Егор Яковлев, оказавшийся в те дни в Израиле. Был Яша Кедми. Тоже хохотали…

Израильскую точку в этой истории поставил юмористический еженедельник «Беседер?» (в вольном переводе с иврита — «О кей?»). Он опубликовал «Песню о Бовине»:

«Вновь в русскоязычной прессе напряженнье нагнетают.

Между органами прессы робко бьется А. Е. Бовин, упомянут многократно.

То посольство оставляя, то опять вступая в должность, он кричит, но этих криков «Вести» с «Временем» не слышат, упоенные сражением….

Бьют друг друга по мордасам злободневными статьями и под радостные крики: «Мы им здорово воткнули!» час от часу дешевеют, день за днем в цене вздымаясь над седым от страха морем.

А читательские массы и посол российский Бовин наблюдают с удивленьем труд гиен пера мартышкин, и, качая головами, так примерно рассуждают: «Раз пошла

такая пьянка, пусть сильнее грянет «Эхо» (один из русскоязычных дайджестов. — А. Б.).

Жизнь продолжалась. В самый разгар моего снимания, я поехал в Эйлат. Дорога шла через пустыню Негев.

Когда-то здесь проходили караванные пути, связывавшие Средиземноморье с Индийским океаном. Здесь ставили шатры и копали колодцы Авраам, Исаак и Иаков. Через пустыню Негев царица Савская ехала к царю Соломону. Недолгие времена расцвета сменялись веками упадка и запустения. И всегда здесь жили скотоводы-кочевники, принадлежавшие к разным народам и разным вероисповеданиям.

Современные ветры ворвались в пустыню Негев только после образования Государства Израиль. Пустыни еще много. Но уже много и садов, в которых растут персики, яблоки, сливы, абрикосы. Расширяются виноградники. Выращиваются овощи. Огромные массивы цветов, идущих на экспорт. Пустыни еще много потому, что она нужна армии. Это единственное место в Израиле, где можно расположить полигоны, вести учебные стрельбы, проводить маневры.

Пустыня Негев упирается в Эйлат, расположенный на берегу Красного моря.

Когда в марте 1949 года израильская армия, опрокинув египтян, вышла к Эйлатскому заливу, в центр была отправлена телеграмма: «Мы дошли до конца карты. Что делать дальше…» Дальше надо было строить Эйлат, который в те времена трудно было назвать даже деревушкой.

Теперь Эйлат — настоящий город и, как и положено приморскому городу, — порт. Но прежде всего Эйлат — курорт. Пожиже, послабее, чем наши Сочи, но курорт. Пляжи, гостиницы, развлекательные и питейные заведения, морские экскурсии (по воде и под водой), музей-аквариум, с рыбами, которые и описать-то трудно… Температура воды всегда 21–22°. Поэтому летом, когда «на улице» 40°, в море прохладно, а зимой, когда температура воздуха 15–17°, в воде можно погреться.

На обратном пути заблудились. Искали в горах какие-то древние развалины, съехали с главной дороги и, несмотря на приличную карту, не смогли привязаться к местности. Телефон не действовал. Блуждали довольно долго. Красоты вокруг были сказочные. Мы же думали о бензине — хватило бы… Но пустыня Негев все-таки не пустыня Гоби. Поменьше. Так что выбрались.[20]

18 ноября по приглашению бахаистов я уже был в Хайфе.

Бахаисты — это сторонники новой религии, которая была провозглашена в 1844 году в Персии Мирзой Али. Он

провозгласил себя «Б'абом», то есть «вратами», через которые Бог общается с народом, и заменил Коран своим сочинением «Байан». Времена были суровые, и Мирзу Али расстреляли. Ему на смену пришел Мирза Хусейни. Он объявил себя пророком, а новое учение назвал «Баха» (блеск, сияние). Себя же обозначил как Баха-Улла (сияние Аллаха). Баха-Улла учил, что пророки — Моисей, Зороастр, Будда, Христос, Муххамад и, конечно, Баха-Улла — ступени познания истины, постижения Бога. Баха-Уллу арестовали и сослали в Акко (древняя крепость на другой стороне Хайфского залива), где он прожил 40 лет и был похоронен. Его сын и преемник Абдул-Баха, выйдя из тюрьмы, перебрался в Хайфу, где и скончался в 1921 году.

Считается, что в мире около 5 миллионов бахаистов. У них нет церковной иерархии, священнослужителей. Каждые пять лет бахаистские духовные советы, которые есть в 140 странах, выбирают 9 членов Высшего духовного Органа бахаистов, который дислоцируется в Хайфе.

Судя по роскошному, со вкусом сделанному Центру бахаистов, который украшает Хайфу, с деньгами у них нет проблем. В великолепный мавзолей, золотой купол которого возвышается над городом, перенесены останки Мирзы Али. Там же похоронен и Абдул-Баха. 58 мраморных колонн окружают Всемирный Дом справедливости — резиденцию Высшего совета. Рядом — красивое, в классическом стиле здание Международного архива бахаистов. И все это утопает в персидских садах, которые расположены на девяти террасах.

Целый день мы с Петровной провели в этой красотище, среди изящной архитектуры, книг и цветов. Милые, образованные, интеллигентные люди показывали, рассказывали, объясняли… Собственно религией, церковью в привычном для нас понимании этих слов там даже и не пахнет. «Просто» люди призывают делать добро и делают его. Не знаю, правда, как это все выглядит «внутри», но «снаружи» создается именно такое впечатление.

19 ноября встретился с Ш. Пересом. Передал ему письмо Козырева, где выражалось беспокойство обстановкой на юге Ливана. Перес сказал, что напряженность нагнетается действиями «Хизбаллы», за которой стоит Иран. К сожалению, Сирия, контролирующая районы, в которых размещаются базы террористов, предпочитает «не замечать» их. Мы не хотим обострять обстановку, продолжал Перес, но если обстрелы Верхней Галилеи возобновятся, Израиль будет реагировать «очень сильно».

По словам Переса, израильтяне предложили ливанцам организовать встречу военных обеих стран, чтобы попытаться

найти решения, гарантирующие безопасность Израиля. Но ливанцы молчат. В общем, заключил министр, пока не договоримся с Сирией, с Ливаном ничего не получится.

Докладывая Козыреву о разговоре с Пересом, я обратил внимание своего министра на то, что в последнее время здесь все реже упоминают Россию как коспонсора мирного процесса. Вряд ли такая «забывчивость» соответствует интересам России. Мне представлялось, что Россия могла бы набрать очки, приняв участие в различных проектах регионального экономического сотрудничества, которые связывались с успешным развитием мирного процесса. В то время это была одна из «любимых игрушек» Переса. Разумеется, министр мне не ответил.

21 ноября на заседании местного «Лайонз клаба» я выступил с докладом «Россия накануне критических дней». Речь шла о VII съезде народных депутатов, который должен был состояться в начале декабря. В докладе констатировалось, что наблюдается резкий контраст между ростом лихорадочной активности на политическом уровне («верхи») и ростом пассивности на социальном уровне («низы»). Политики борются за власть, массы борются за выживание. Анализ расстановки и влияния основных политических сил позволял сделать вывод, что — независимо от того, чем кончится противостояние президента и парламента, — Россия будет продолжать мучительное, медленное, с откатами назад продвижение к демократии, к социальному рыночному хозяйству.

«Вкладывать деньги в нынешнюю Россию рискованно, — сказал я, обращаясь к израильским бизнесменам. — Но еще больший риск — не вкладывать их». Мне вежливо похлопали, но денег вкладывать не стали.

23 ноября впервые встретился с Биньямином Нетаньяху, тогда еще не лидером, но видным деятелем оппозиции.

Встреча состоялась в столовой Кнессета, на виду у обедавших депутатов. Его должны были видеть с русским послом. Маленькие хитрости больших политиков…

Нетаньяху родился в 1949 году в Израиле. Его идейная, идеологическая ориентация во многом сформировалась под влиянием семейных традиций. Дед Нетаньяху, раввин Натан Миликовский, пламенный, фанатичный сионист, почитатель и друг Жаботинского, в 1920 году репатриировался в Палестину из Литвы. Отец Нетаньяху — один из восьми сыновей раввина — долгое время жил в Америке и был личным секретарем Жаботинского.

Клан Миликовских чрезвычайно богат. Большинство его членов (дядей Нетаньяху) покинули Израиль, так как они

считали, что власть в нем изначально захватили «большевики», «комиссары», сторонники социализма. Миликовские категорически отвергли Кэмп-Дэвидское соглашение. Они были против мирного процесса, против уступок палестинцам. Так что будущему лидеру Ликуда было у кого учиться.

Сам Нетаньяху провел в США в общей сложности около 17 лет. Жил, так сказать, на два дома. В Штатах учился в школе, в Израиле служил в армии. Кстати, в легендарном «Саерет маткаль» — отряде коммандос Генерального штаба. Участвовал в секретных боевых операциях за пределами Израиля. Потом вернулся в США и закончил знаменитый Массачусетский технологический институт (бакалавр архитектуры и магистр в области управления экономикой). Окончательно осел в Израиле в 1978 году. Быстро сделал дипломатическую карьеру (представитель Израиля в ООН, заместитель министра иностранных дел). В начале 90-х вступил в борьбу за лидерство в Ликуде.

Нетаньяху начал разговор с почти уже классической темы — опасность утечки российских ученых и ядерных технологий в Иран. Сам пугался и пугал меня. Затем перешли к мирному процессу. Вопрос не в том, сказал Нетаньяху, нужен ли мир Израилю. Конечно, нужен. Вопрос в том, какой именно мир нужен Израилю. Арабы не хотят реального мира. Они были вынуждены сесть за стол переговоров из-за давления внутренних и внешних обстоятельств. В этом принципиальная слабость мирного процесса и того мира, который он может породить. Настоящий мир станет возможным только тогда, когда арабские страны станут демократическими. Не ранее. Односторонние уступки со стороны Израиля ничего не дадут. За «нормализацией» отношений будет просматриваться все то же желание покончить с Израилем.

Внутриполитическая ситуация в Израиле обусловлена, по мнению Нетаньяху, характером эволюции Ликуда. Сейчас идет перестройка партии, ее центральных и местных органов, системы финансирования, порядка выдвижения руководства. Если лидером станет он, Нетаньяху, то он взорвет парламентскую коалицию Аводы и пойдет на новые выборы. «Социалисты» из Аводы по идеологическим причинам не способны преобразовать израильскую экономику, демонополизировать ее, освободить рыночные принципы от социалистических оков. А Ликуд, если он вверит руководство Нетаньяху, сможет сделать это.

Был затронут и вопрос о России. Коллапс России, подчеркнул Нетаньяху, был бы трагедией для всего мира.

Потом мне не раз приходилось встречаться с Нетаньяху.

Могли переставляться акценты, меняться нюансировка, но принципиальная основа его взглядов оставалась неизменной.

В конце ноября прошла волна слухов о приближающемся «конце света». Называлась даже конкретная дата — 28 ноября. Печатались пояснения и разъяснения астрологов, куда двинется Меркурий, куда — Плутон, а куда Марс. И что из этого следует. Женя Абезгауз предложил встретить этот самый «конец» в бане. Что мы с удовольствием и в приятной компании сделали. Таратута старался изо всех сил. Пар был отменный. Бигос, который приготовил невесть откуда взявшийся польский профессор — тоже. «Конца света» мы так и не дождались.

ДЕКАБРЬ-92

Первый политический отчет — «Момент истины» — Профсоюзы не нужны

Декабрь начался встречей с академиком Велиховым. Евгений Павлович с присущей ему энергией пробивал идею продажи Израилю атомных установок для опреснения воды. Такие установки и вполне на уровне мировых стандартов у нас были. Но после Чернобыля евреи шарахались от всяких атомных устройств, как черт от ладана. И кроме того, как мне думается, тут действовали могучие лоббистские силы, перебить влияние которых мы были не в состоянии. Во всяком случае Рабин, который вроде бы обещал принять Велихова, в конце концов от встречи уклонился.

4 декабря совещались в посольстве относительно составления годового отчета. В этом документе должны быть изложены (в аналитическом ключе) главные итоги года. И с точки зрения работы посольства, и с точки зрения проблем, тенденций, которые характеризуют «страну пребывания». Плюс — рекомендации на будущее. В общем бумага очень важная, ответственная.

В советские времена отчеты писались объемистые, от 100 страниц и более. С жестко заданной структурой. Один экземпляр всех отчетов обязательно направлялся в ЦК КПСС. В середине 60-х Ю. В. Андропов, под началом которого я тогда работал, дал мне задание читать все отчеты и докладывать ему «самое интересное». Примерно месяц я ничем, кроме чтения отчетов, не занимался. Наверное я был единственным человеком в Союзе, который читал все посольские сочинения. Не скажу, что это доставляло большое удовольствие. Но было полезно. «Жемчужных зерен» попадалось не так уж много, но попадались. Андропов слушал внимательно. По своей епархии (социалистические страны) сразу давал конкретные поручения. По другим епархиям иногда просил вникнуть в заинтересовавший его вопрос.

Теперь отчеты не должны были превышать 40–45 страниц. Что делало нашу задачу и более простой (меньше писанины) и более сложной (ибо трудно писать содержательно и кратко). Структуру можно было варьировать. Договорились, кто о чем и сколько должен написать. Но практически все «куски» вышли за рамки нормы. Несколько раз собирались. Спорили. Меня коллеги упрекали за «категоричность» формулировок и «немидовский

стиль». Так оно и было. По первому пункту я шел на компромиссы, а насчет стиля сопротивлялся изо всех сил.

Прилетел Андрей Караулов. Рассказывал, что Ельцин пьет по-черному. Руки трясутся. Сваливается со стула. Вокруг не советники, а «стая», как выразился Караулов. Больно было слышать это. Даже если делить «на шешнадцать». Для меня, как и для многих, Ельцин был почти кумиром. Воистину — «не сотвори себе…»

Караулов делал со мной «Момент истины». Снимали на кухне в Савьоне. Да что-то не получалось. Не помню уж, что и почему. Через пару дней сделали второй заход. Но передача так и не пошла. Возможно, я говорил не то, что хотел Караулов.

В середине декабря здесь активно обсуждалось выступление А. В. Козырева в Стокгольме на конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Козырев потребовал, в частности, немедленно отменить санкции против Сербии и заявил, что Сербия может рассчитывать на братскую помощь России. Он обвинил НАТО в стремлении подчинить своему влиянию бывшие республики Советского Союза. И прочее в духе «холодной войны». Все буквально остолбенели: Россия поворачивает вправо! Однако Козырев выступил второй раз и сказал примерно так. То, что я говорил, это — не позиция России. Это демонстрация того, каким может стать внешнеполитический курс России, если победят консервативные силы. В окружении Козырева пояснили, что это был своего рода «сигнал тревоги», чтобы предупредить мир о серьезности ситуации, сложившейся в России.

Далеко не стандартный номер, который отколол Козырев, — в Израиле трактовался как свидетельство остроты декабрьского конституционного кризиса. Я бы, пожалуй, добавил, что это — свидетельство растерянности президента. Ибо трудно, почти невозможно представить себе «нормального» Ельцина, который предложил бы министру иностранных дел России сыграть роль шута горохового. По-моему, история дипломатии не знает таких прецедентов.

Я вполне уважительно относился к Козыреву, хотя и считал, что он грешит односторонней ориентацией и, глядя на Запад (что правильно), забывает оглядываться на Восток (что совсем неправильно). Стокгольмский цирк заставил меня задуматься. Не о политике. О человеке, которому вверена политика. До чего я додумался, расскажу позже.

15 декабря состоялось собрание всех сотрудников посольства с повесткой дня: «Об образовании профсоюзной организации». Долго и бурно спорили. В конце концов за организацию профсоюза проголосовало жалкое меньшинство в количестве

четырех человек. Остальные не пожелали. Причина — членские взносы придется платить. Просто и понятно. В сентябре 1994 года сделали вторую попытку. Сторонников профсоюза стало семеро. Но большинство — против. Логика та же: зачем отдавать 1 % зарплаты, да еще в валюте, если можно не отдавать? И хотя 85 % от всей суммы взносов оставалось бы в нашем распоряжении, все равно — жалко. В «нашем» это ведь не в моем. Удивительное рядом…

16 декабря сообщил спикеру Кнессета Шеваху Вайсу о скором (в начале января) приезде Председателя Верховного Совета Российской Федерации Р.И.Хасбулатова. Мне показалось, что Вайс был малость ошарашен. Он приглашал Хасбулатова, но, видимо, рассчитывал, что будет предупрежден загодя. Рассчитывало на это и посольство. Однако новая российская дипломатия жила по своим законам.

Началась какая-то кутерьма, сумятица. Аппарат Хасбулатова работал нечетко. Менялся несколько раз состав приезжающих, сроки, — пожелания к программе. Настаивали на том, чтобы Хасбулатова сделали почетным доктором Бар-Иланского университета. Что-то невнятное толковали о программе для сына и дочери. Требовали, чтобы Израильтяне взяли на свой кошт всю свиту. И очень сердились, когда Кнессет согласился платить только за четырех человек. Помню один любопытный звонок: просили «деликатно» отстранять Хасбулатова «от бутылки»…

Однако, как утверждал царь Соломон: «Все проходит. Пройдет и это». Доживем до января…

Новый год в посольстве начали встречать всем здоровым коллективом часов в 12. Дня, разумеется. Для очистки совести сначала провели собрание об укреплении трудовой дисциплины. Поскольку тут взносы платить не надо, все согласились укреплять.

Вечером поехали с Петровной в Иерусалим. Туда подтянулись президент РАН Ю.С.Осипов с супругой и со своим вице-президентом А.А.Гончаром (с супругой же). Организатором и вдохновителем был гостсприимнейший Илья Земцов. Прошло 6 лет. В одночасье сгорела, ушла в иные миры его очаровательная жена Майя. Илья теперь в Штатах. В октябре 1994 года в Москве вышло его двухтомное исследование «Крах эпохи». О нас, значит… Чинно отужинали в респектабельном «Царе Давиде».

ЯНВАРЬ-93

Сердитый Хасбулатов — Сионистский форум и Натан Щаранский — В Иордании

Для посольства главным событием января был визит Руслана Имрановича Хасбулатова. Готовился визит, как я уже рассказывал, в нервозной обстановке. Но прошел четко, организованно. Посетили спикера Кнессета Вайса. Побывали у президента. Пообедали с Пересом. Поговорили с Рабином. Встретились в «Ориент хаусе» с Хусейни, который неожиданно и в жесткой форме стал упрекать Россию в том, что она «подчиняется США». На десерт Бар-Иланский университет присвоил Хасбулатову звание почетного доктора.

Израильтяне были осведомлены о политических вихрях, которые веяли тогда вокруг фигуры Хасбулатова. Например, московский корреспондент «Новостей недели» Дм. Прокофьев сообщал читателям: Хасбулатов — «один из самых противоречивых российских политиков и, пожалуй, самый ненавидимый средствами массовой информации. Демократическая пресса считает его едва ли не самым опасным противником ельцинской политики либерализации, инициатором и закулисным вождем парламентского противостояния президенту и правительству». Но далее Прокофьев полностью реабилитирует Хасбулатова, говоря, что «он ведет себя как любой другой председатель парламента: делает все, чтобы парламент был сильным». Вывод такой: «борьба сильной президентской власти и отстаиваемой Русланом Хасбулатовым идеи «сильного парламентаризма» обещает в ближайшем будущем еще немало драматических поворотов…» Оказывается, есть пророки в своем отечестве…

Среди многочисленной свиты, сопровождавшей Хасбулатова, находился заместитель российского министра иностранных дел Борис Леонидович Колоколов. Он курировал Ближний Восток, и мне, естественно, хотелось обсудить с ним ряд вопросов, касающихся работы посольства. В обычной для визита суете мы никак не могли состыковаться. Наконец я улучил момент во время беседы с Рабином. Я сидел одесную Хасбулатова, Колоколов — ошуюю. Перегнувшись к Колоколову за спиной Хасбулатова, я предложил ему не ехать в Бар-Илан, а вместо этого поговорить в посольстве. Хасбулатов услышал мой шепот. Последовала злая реплика: «Вы — не профессионал, а Колоколов

— профессионал и знает, что постоянно должен быть рядом со мной!» Я пытался перевести все в шутку. Но не тут-то было. «Надо было у меня спросить!» — настаивал Хасбулатов. Я не стал углубляться в тему.

Разговор с Колоколовым состоялся в машине, когда мы ехали из Иерусалима в тот же Бар-Илан. Колоколов советовал уделять больше внимания палестинскому направлению. Советовал также давать МИДу больше практических рекомендаций. Я был согласен с этим. Но не был согласен с еще одним советом. Колоколов требовал, чтобы излагая беседу с каким-либо деятелем, я сообщал бы не только его соображения и аргументы, но — ежели эти соображения и аргументы сомнительны, расходятся с позицией Центра — сообщал бы и свои контраргументы. Считалось, что если я не опровергаю какой-то тезис, значит я с ним согласен. Например. «Собеседник сказал, что, по его мнению, Ельцин — не очень образованный человек». Так вот, мало передать это мнение в Москву. Надо обязательно написать, что я не согласился с собеседником и опроверг его так-то и так-то. И еще. Следовало вставлять словечки типа «якобы», «будто бы»… В том же примере: «Собеседник сказал, будто бы Ельцин — не очень и т. д.». В общем, полагалось любым путем отмежеваться от сомнительных, «не тех» суждений, застолбить свою правильную позицию.

Мне эта практика была знакома. Работая в ЦК, я должен был каждый день читать депеши, приходившие из разных стран и по разным каналам. Разумеется, бывали случаи, когда контраргументация имела содержательный характер, позволяла рассмотреть проблему под новым углом зрения. Но часто встречалась классическая формула: «Отвел утверждения такого-то, указав что…» И следовала пропагандистская банальщина, долженствующая засвидетельствовать несомненную лояльность пишущего.

Я не стал спорить с Колоколовым. Но в своих бумагах исходил из того, что МИДу интересны прежде всего суждения израильтян, а не мои оценки этих суждений.

Каждый визит высокого уровня, — писало посольство в Москву после визита Хасбулатова, — фрагмент, эпизод общей политической стратегии, общего политического курса. И эффективность визита будет тем выше, чем яснее мы представляем себе — какова эта стратегия? каковы наши интересы? Чего мы хотим? Какие изменения мы намерены внести в имеющийся политический узор?

Применительно к Ближнему Востоку эта алгебра легко трансформируется в арифметику. Нужен ли нам сильный, стабильный Израиль, занимающий всю Палестину (с

автономными вкраплениями)? Или интересам России соответствуют два государства на этой территории? Или предпочтительнее иметь конфедеративное образование с двумя или тремя участниками? Или нам все равно? Возможно, посольство ошибается, но пока не видно необходимой ясности. Политическая стратегия имеет несколько неопределенный, размашистый характер. Мы как бы сразу ориентируемся на все возможные варианты, используем все тактические ходы. На нынешней стадии БВУ это еще допустимо. Но рано или поздно придется определяться. И лучше сделать это пораньше.

В общем, чего мы хотим (или — не хотим) на Ближнем Востоке? Без ответа на этот вопрос трудно представить долгосрочный, целенаправленный политический курс на Ближнем Востоке.

Ответ, как мы и ожидали, не последовал…

14 января открылся съезд Сионистского Форума. Согласно уставу, это — общественная непартийная некоммерческая ассоциация, объединяющая выходцев из бывшего СССР. Идейной основой Форума служат принципы и традиции сионизма. Цель Форума — содействие улучшению условий для репатриации евреев в Израиль из стран СНГ, а также для их успешной интеграции в израильское общество.

Форум — поначалу он именовался «Сионистский Форум евреев Советского Союза» — был официально зарегистрирован в качестве «товарищества» 1 февраля 1989 года. Одним из активных инициаторов его создания был Натан Щаранский.

Щаранский — заметная фигура на израильской политической сцене. Фундамент его известности был заложен в Советском Союзе, где Щаранского судили как американского шпиона. Что касается дошпионской жизни, то Анатолий Борисович родился в 1948 году в Сталино (теперь и ранее — Донецк). Учился в Московском физико-техническом институте. Потом работал три года в институте нефти и газа. С января 1973 года стал хлопотать о выезде в Израиль. Участвовал в правозащитном движении. Занимался судьбой отказников. Был переводчиком у Сахарова. Часто встречался с иностранными корреспондентами. На этом и погорел. По просьбе американского журналиста Роберта Тота передал ему список отказников. Там было 1300 фамилий с указанием предприятий, на которых они работали. Предприятия были, как правило секретные (не случайно — отказники). В марте 1977 года Щаранского арестовали. Обвинили в «шпионаже» и «измене Родине».

Помню свои разговоры с Ю.В.Андроповым, тогдашним председателем КГБ. Я пытался убедить его, что зря затеяли всю

эту возню вокруг «шпиона» Щаранского. Разумеется, я не знал никаких фактов, деталей. Но хорошо знал наши нравы и интуитивно чувствовал липу. На мои просьбы предъявить хоть одно бесспорное доказательство вины Щаранского Андропов отвечал примерно так: я бы тебе десяток предъявил, но секретное дело, не могу… Возможно, я переоцениваю Андропова, но мне трудно представить себе, что он лгал. Скорее всего, умело работал аппарат КГБ…

14 июля 1978 года Щаранский получил 13 лет (3 года тюрьмы и 10 лет лагерей). В результате развернутой в мире мощной кампании за освобождение Щаранского, после обращения президента США Р.Рейгана к М.С.Горбачеву Щаранский был досрочно освобожден. В феврале 1986 года на мосту Глинике (Берлин) его обменяли на нескольких советских шпионов. 12 февраля Щаранский прилетел в Израиль. Встреча была триумфальной.

Через три года, как я уже говорил, был создан Сионистский Форум. В то время — небольшая группа бывших «узников Сиона», заслуженных отказников, активистов «русской» алии. Финансирование осуществлялось за счет пожертвований Сохнута и за счет денег американских евреев, которые мобилизовывал Щаранский в ходе своих поездок по США. Шло время, расширялись масштабы, увеличивалось число волонтеров. Возникла потребность ввести деятельность Форума в обычную демократическую колею. Именно эта задача — демократизация, разработка Устава — и была поставлена перед первым съездом Сионистского Форума.

Съезд, на котором присутствовало более 1000 делегатов, проходил в вольной, раскованной, тусовочной обстановке. Половина делегатов — в зале, половина пьет кофе и болтает в фойе. Локальные минискандалы: кого-то не пускают в зал, кого-то выводят из зала. С «Отчетным докладом» выступил председатель Президиума Сионистского Форума Щаранский. Потом выступали почетные гости. Мне дали слово после американского посла. К счастью для читателей, текст очередной речи не сохранился. Помню один свой тезис: между Америкой и Россией существует разделение труда; Америка дает Израилю деньги, а Россия — людей.

Сложилось странное впечатление. За всем, что говорилось с трибуны, угадывались невысказанные обиды, раздражение, столкновение различных групп и группочек, борение страстей и амбиций. Через несколько дней после съезда один из его участников Леонид Финкель писал: «Право, не думал, что будет скучно. Тем более все время было больно. Больно и тогда, до

съезда Сионистского форума, когда эту организацию хотели изничтожить уже потому, что ни одному из лидеров не удалось создать ничего лучшего. Больно и сейчас, когда Сионистский форум устоял, и теперь, точно в отместку за это, со всей возможной злостью и злобой травят Форум и его лидера, вровень с которым так и не удалось подняться никому».

Да, страсти вокруг Щаранского кипели нешуточные. Доставалось ему и до съезда и после. И все же, что бы там ни говорили, Щаранский много, очень много сделал для утверждения «русской» алии, для роста ее самосознания, самоуважения. Мне трудно судить о сложных перипетиях внутри Форума, о нюансах взаимоотношений Щаранского со своими соратниками и конкурентами. Но одно, по-моему, бесспорно: Щаранский мог бы существовать без Форума, а Форум без Щаранского — нет.

Мне много раз приходилось встречаться со Щаранским. Отношения были ровные, доброжелательные, деловые. Но особой симпатии, «химии», как говорят в Израиле, не было. Мы были очень разные. В одном были похожи. «Всего несколько раз в жизни, — признался Щаранский вопрошавшей его Полине Капшеевой, — в особо торжественных случаях надевал галстук. В Израиле, слава Богу, это не требуется на любом уровне. Но в последние годы вновь, к сожалению, стали носить галстуки. Единственная моя отрада и поддержка в этом смысле — Бовин. Каким бы официальным ни был прием, если там окажутся два человека без галстуков, — то это будем мы с Бовиным. Так что я не одинок».

В январе в Иерусалиме встречали двух президентов из нашего «ближнего зарубежья»: Л. М. Кравчука (Украина) и А. Акаева (Киргизия). Кравчук произносил предельно независимые речи с явным «антимоскальским» подтекстом. Занятно, что после каждой такой речи ко мне подходил кто-нибудь из сопровождающих лиц и извиняющимся тоном говорил: «Да уж вы не принимайте близко к сердцу, так нынче положено и т. п.…»

С Акаевым приходилось работать плотнее, так как я по совместительству тогда представлял в Израиле Киргизию.

Не все шло гладко.

«Я обращаюсь к Всевышнему, — заявил Акаев на приеме в «Саду роз», — с молитвою о прекращении продолжительного палестино-израильского конфликта. Я молюсь, чтобы многострадальный палестинский народ достиг, наконец-то, столь долгожданной независимости». Деликатные хозяева были шокированы, но промолчали…

На другом приеме Акаев пообещал, что посольство Киргизии

будет расположено в Иерусалиме. Евреи ликовали. Я недоумевал. Арабы возмущались. 21 января в аэропорту (провожали гостя) мне пришлось вручить Акаеву протест Арафата. «Что-то теряем, что-то находим», — невозмутимо заметил президент. По поводу «находим» люди из президентской свиты тут же разъяснили мне, что израильтяне обещали Акаеву чуть ли не 500 миллионов долларов. Правда, израильтяне тут же это опровергли. Не знаю, что уж там происходило на самом деле. Знаю только, что через некоторое время президент Киргизии фактически открестился (прошу прощения у мусульманина!) от своего заявления, окружив его облаком туманных интерпретаций. Знаю также, что до моего отъезда посольство Киргизии так и не было открыто.

Нанесли с Леной Петровной дружеский двухдневный визит в братское иорданское посольство. Проезжаем Иерихон, потом — мост Алленби через реку Иордан, и вот уже Иордания. Сразу все победнее. Настоящий, не левантийский, дышащий не морем, пустыней Восток.

Земли, которые ныне занимает Иордания, несколько веков принадлежали Османской империи. После первой мировой войны мандат на управление Трансиорданией (так ее тогда называли) получила Великобритания. В марте 1946 года Лондон признал независимость Трансиордании, оставив за собой собственно Палестину. Трансиордания участвовала в войне против Израиля в 1948–1949 годах. По перемирию, заключенному 3 апреля 1949 года, к Трансиордании отошли Самария, Иудея (нынешний Западный берег) и восточная часть Иерусалима. Через год король Абдалла ибн Хусейн переименовал Трансиорданию в Иорданию. Одновременно он объявил оккупированные в 1948 году земли территорией Иордании, а живших там людей — своими подданными. Этот акт был признан только Великобританией и Пакистаном.

В 1967 году Иордания приняла участие в Шестидневной войне и была разгромлена. Самария, Иудея и Восточный Иерусалим были захвачены Израилем, но, с точки зрения международного права, до сих пор не признаются интегральной частью Израиля, а остаются «оккупированными территориями».

После войны руководство ООП, ее вооруженные формирования осели в Иордании. Образовалось своего рода «государство в государстве», где царили свои порядки. Арафат не очень считался с королем Хусейном. Тем более, что палестинские арабы составляли более половины населения Иордании. Нарыв прорвался в сентябре 1970 года («черный сентябрь»). Королевская армия, состоящая в основном из бедуинов, разгромила палестинцев. Арафат и вся его команда были выставлены из

страны. К лету 1971 года с военным присутствием палестинцев было покончено.

В 1972 году король Хусейн выдвинул идею конфедерации Иордании и будущего палестинского государства. Идея не понравилась ни Израилю, ни ООП. Понадобилось более 10 лет, чтобы стабилизировать отношения между Хусейном и Арафатом. 11 февраля 1985 года они подписывают соглашение. Вопрос ставится так: сначала независимое палестинское государство, потом — разговоры о конфедерации.

В июле 1988 года король Хусейн отказывается от всех претензий на Западный берег в пользу, естественно, Арафата. В придворных кругах начинают говорить о возможности сделки: Израиль соглашается на создание палестинского государства — Иордания признает Израиль. Однако эта мысль встречает ожесточенное сопротивление. «Я говорю нет — Израилю! — восклицает писатель Равда ал-Фарх ал-Худхуд. — Нет — признанию, нет — отчаянию, нет — поражению, нет — сдаче». Программе «Нет» соответствует и программа «Да». Я один из тех, пишет Бадр Абд ал-Хак, — «кто верит, что если будет создано независимое палестинское государство, его территория должна простираться от Средиземного моря до реки Иордан… Я пошел бы еще дальше, переступил бы через нетерпимое и хотел бы сбросить евреев в море, чтобы их пожрали голодные рыбы». Так думали и чувствовали очень многие. И все-таки король переступил через ненависть и после Мадрида начал переговоры с Израилем.

Работники посольства (посол Александр Владимирович Салтанов был в отъезде) окружили нас вниманием и заботой. Возили, показывали и рассказывали. А показать и рассказать есть что и есть о чем.

Первые впечатления — просто больше места. Едешь-едешь, а границы все нет. И солдат — непременный элемент израильского ландшафта — не видно. Амман разительно отличается от Иерусалима или Тель-Авива. Почти Европа и почти совсем Азия. Арабская Азия. Замысловатое переплетение улиц и улочек, где и таксистам, и почтальонам надо доплачивать за вредность. Камни без деревьев. И всюду лики любимого короля. Явный культ. Но, кажется, без особо вредных последствий.

Хлеб с маслом для туристов — греческие и римские развалины, а также — каменные следы крестоносцев. Заметало следы и разваливало время. Плюс — завоеватели, включая даже монголов. К счастью, не все замело и не все развалили. Греческие храмы и римские амфитеатры поражают до сих под. Есть в Иордании и восьмое чудо света — Петра. Это — высеченный в

неприступных скалах город, бывший когда-то столицей Набатейского царства. 500 лет долбили скалы. Снаружи — парадные, украшенные колоннами входы. Внутри — дворцы, храмы, монастыри, жилища. Описывать не берусь — таланта не хватает.

Жизнь — это детали. По дороге из Петры в Амман заехали в придорожный отель выпить кофе. Выпили, даже с кексом. Цены, само собой, гостиничные. Шофер наш, Павел Николаевич, сокрушался: так это же 4 курицы и 2 бутылки джина. Советского Союза уже не было, а советские комплексы действовали…

Запомнились посиделки в ресторане «Максим». Гафт, Кваша, Козаков, Каневский, который Леонид. Запомнились, потому что пришлось сочинить эпиграмму на Гафта. Он читал свои эпиграммы и шумел, что его нельзя зарифмовать. Я рискнул, и вот, что получилось:

Жил в Древнем Риме поэт Плавт.
Но Плавт не знал, что будет Гафт.
И поэтому у Плавта
Нет ни х… про Гафта.

ФЕВРАЛЬ-93

В московских коридорах — Сражение за недвижимость: первый этап

4 февраля вылетел в Москву. Обошел максимально возможное число мидовских начальников. Беседовал с руководителями ГРУ и СВР. Задача — решение практических вопросов посольской жизни. Главные из этих вопросов: направить в Тель-Авив группу специалистов для приемки здания, которое перестраивается под посольство; начать подготовку к развертыванию «референтуры», специального подразделения, обеспечивающего радиосвязь с Москвой; разрешить нам оборудовать спортзал тренажерами и построить «оздоровительный комплекс» (так шифровали сауну); включить наше посольство в список посольств, участвующих в «эксперименте» (если мы сумеем сэкономить фонд зарплаты, то часть сэкономленных денег можно использовать для премирования работников посольства); укрепить юридическую базу для борьбы за спорные земельные участки в Иерусалиме.

Хождение по инстанциям вспоминаю без особого удовольствия. Государственная машина явно разлаживалась. Больше становилось равнодушных. Все замедлялось, вязло, тонуло в бюрократической вате. Но мидовская школа, мидовская выучка сопротивлялись процессу разложения. И в конечном счете поставленные посольством вопросы были решены.

До Козырева так и не достучался.

Нанес визит израильскому коллеге послу Бар-Леву. Пытался убедить его поддержать идею договора о двойном гражданстве. Не преуспел. Бар-Лев считает такой договор не актуальным.

Был приглашен в правительство Москвы. Там созрел проект строительства железной дороги из Тель-Авива в Эйлат. Поддержал, естественно. Но все ушло в песок далеко от пустыни Негев.

18 февраля вернулся в Израиль.

Получил письмо от В. Гукаева — начальника Управления по культурным связям МИД РФ. Он рекомендовал доктора исторических наук, кандидата экономических наук, профессора кафедры политологии МГИМО Александра Иосифовича Вавилова для выступлений с лекциями в одном из университетов Израиля. Сообщалась тематика:

— эволюция политической системы России;

— основы политической мысли;
— история политической мысли;
— современные политические системы;
— политическая психология;
— политическая культура общества;
— теория международных отношений;
— мировая экономика;
— экономика стран Ближнего Востока и Северной Африки;
— современные международные экономические отношения.

Начальник Управления просил выяснить условия, на которых можно было бы осуществить поездку А. И. Вавилова (желательно на 2–3 месяца).

Я с удовольствием помог бы Вавилову. Всем хочется кушать. Но уж как-то беззастенчиво широко он размахнулся.

Мой ответ звучал так: «Уважаемый Владимир Зурбекович!

Я, разумеется, знаю, что Россия — не только родина слонов, но и родина энциклопедистов. Однако мне все же неловко рекомендовать серьезным людям доктора, кандидата и профессора, который берется читать лекции и по политической психологии, и по международным экономическим отношениям. Боюсь, что меня поймут неправильно (или, может быть, правильно?). Искренне Ваш…»

Ответа на свой ответ я не получил.

8 февраля президент РФ Б.Н.Ельцин издал Указ «О государственной собственности бывшего Союза ССР за рубежом». С этого дня будем вести отсчет длительной, нудной, вязкой борьбе, которую вело посольство за перерегистрацию нескольких земельных участков, принадлежавших бывшему Советскому Союзу, на имя Российской Федерации. Но сначала заглянем в историю.

Русская Духовная Миссия (РДМ) в Палестине и Императорское Российское Православное Палестинское Общество (ИРППО) стали приобретать земельные участки в Палестине, Иордании, Сирии, Ливане в середине XIX века. К 1917 году таких участков было более 70-ти общей площадью примерно 2 млн. кв. метров.

Англичане, которые получили мандат Лиги Наций на Палестину, отказались передать российские земли советскому правительству. Часть участков перешла к Русской Православной Церкви за рубежом («белая» церковь). Часть находилась в каком-то межеумочном положении, использовалась англичанами или сдавалась ими в аренду. Ситуация изменилась в 1948 году. Правительство Израиля перерегистрировало 22 участка на правительство СССР. Действуя по принципу «Деньги на бочку!»,

Москва решила продать эти земли Израилю. 7 октября 1964 года посол СССР в Израиле М. Бодров и министр иностранных дел Израиля Г. Меир подписали Соглашение «О продаже правительством Союза Советских Социалистических Республик имущества, принадлежащего СССР, правительству Государства Израиль». Советский Союз получил 4,5 млн. долларов (поставками товаров).

Во второй половине 80-х годов возобновились переговоры относительно пяти участков, которые, по мнению Москвы, должны принадлежать Советскому Союзу. Перечислю их:

1. Участок на ул. Кинг Джордж в Иерусалиме;
2-3. Здание РДМ и собор Св. Троицы в Иерусалиме;
4. Сергиевское подворье в Иерусалиме;
5. Участок напротив Дамасских ворот Старого города в Иерусалиме.

Возможно, участков, на которые можно было бы предъявить претензии, больше. Но чтобы «обнаружить» их, нужны кропотливые поиски в архивах Великобритании, Турции и Израиля, а значит, нужны деньги. Денег не было. Что же касается указанных пяти участков, то в принципе израильтяне не оспаривали права СССР на эти объекты. Но в каждом случае были свои проблемы и свои трудности юридического характера. Положение осложнилось после развала СССР. Возник вопрос о правопреемстве России в отношении собственности бывшего СССР.

Каждое государство СНГ претендовало на часть заграничных активов, включая собственность. После долгих препирательств 9 октября 1992 года в Бишкеке главы государств — участников СНГ подписали Соглашение «О взаимном признании прав и регулировании отношений собственности». Суть дела сводилась к тому, что право на долю активов получает тот, кто выплачивает свою долю внешнего долга СССР. Платить, естественно, никто не хотел. Поэтому последовала серия двусторонних соглашений о «нулевом варианте». Россия платит долги данного государства, а оно отказывается от своей доли в активах. На базе этого Указ от 8.2.1993 г. провозгласил: «Российская Федерация, как государство — продолжатель Союза ССР, принимает на себя все права на недвижимую и движимую собственность бывшего СССР, находящуюся за рубежом, а также выполнение всех обязательств, связанных с использованием этой собственности».

Распоряжением от 30 апреля 1993 года Совет министров РФ поручил МИДу провести переговоры относительно здания РДМ и Троицкого собора и при достижении согласия оформить эти объекты как собственность Московского патриархата. 14 мая

последовало распоряжение о восстановлении прав собственности на здание и участок Сергиевского подворья. 22 июня посольство направило ноту в МИД Израиля, где предложило определить время начала переговоров и состав участников с израильской стороны.

Израильтяне отнеслись к нашим намерениям без особого энтузиазма. Они предложили начать переговоры в конце октября. Упор сразу был сделан на юридические аспекты проблемы. Израильтяне потребовали предоставления им верифицированных соглашений России со странами СНГ, а также ряда других документов. Дело приобретало затяжной характер.

В апреле 1994 года эта тема обсуждалась в Москве на встрече Рабина с Черномырдиным. Рабин «заверил» и посетовал на юристов, которые «всегда перестраховываются». Трижды я разговаривал с Рабином в Иерусалиме. И каждый раз он ругал «юристов». 22 июня состоялась долгожданная встреча" с новым председателем комиссии по русской недвижимости Мириам Рубинштейн. Мы нажимали на необходимость политического решения в самое ближайшее время. Израильские эксперты, отклоняя политический подход, настаивали на строжайшем соблюдении всех юридических процедур.

У израильтян не было сомнений в том, что Советский Союз имел права на здание РДМ и Троицкий собор. Проблема сводилась к тому, чтобы юридически безукоризненно, не нарушая чьих-либо прав, передать титул собственника России. С Сергиевским подворьем все было гораздо сложнее. Поэтому мы решили снять подворье с повестки дня и сосредоточиться на миссии и соборе. Вместе с тем мы предложили израильтянам обсудить более простой и быстро решаемый вопрос об участке на улице Кинг-Джордж, хотя формально у нас не было поручения вести о нем переговоры.

Параллельно возник другой вопрос: что будем делать с участком на Кинг-Джордж? Место великолепное, центр Иерусалима. Я предложил построить здание для русского культурного центра. В МИДе эта идея не встретила поддержки. Было принято другое решение: построить на участке комплекс служебно-жилых зданий. Строительство предполагалось поручить израильской фирме. «В результате проведенной российским посольством и экспертами министерства работы, — сообщал Черномырдину первый заместитель министра иностранных дел И. С. Иванов, — выбор был остановлен на фирме «Давар Пашут Лтд.». 28 сентября МИД заключил с этой фирмой «Договор о долгосрочной аренде». Фирма обязалась за свой счет получить соответствующие разрешения, спроектировать и построить

комплекс зданий. Часть помещений предполагалось передать фирме в долгосрочную аренду для возмещения затрат на строительство. Другую часть предполагалось сдавать с целью внебюджетного финансирования МИД России.

В начале 1994 года Козырев обратился с письмом к Пересу. Касаясь наиболее деликатной для израильтян проблемы, Козырев писал:

> «Российская сторона подписала со всеми странами СНГ, кроме Украины, соответствующие соглашения относительно обязательств по выплате ею государственного долга в обмен на отказ этих стран от доли загранимущества бывшего Советского Союза. Украина также не претендует на недвижимую собственность СССР в Израиле, что подтверждается соответствующими документами.
>
> Об отказе от доли имущества за рубежом, равно как и от выплаты внешнего долга бывшего СССР, заявили и страны Балтии.
>
> В этой связи прошу Вас, господин министр, оказать личное содействие в урегулировании проблемы имущественных отношений между нашими странами, что, несомненно, способствовало бы укреплению благоприятной атмосферы для развития российско-израильского сотрудничества». Прочитав письмо, Перес заверил меня, что он даст «железное указание» ускорить и завершить решение этой проблемы.
>
> Однако последующие беседы с директором отдела претензий МИД Израиля Эхудом Кейнаном, который непосредственно занимался нашей недвижимостью, показали, что министр — министром, а чиновники свое дело знают. Что бы ни говорил министр, МИД должен разослать ноты во все страны СНГ и Балтии и уведомить их о намерении правительства Израиля с такого-то числа считать бывшую собственность Советского Союза собственностью России. Если никто не будет возражать — хорошо. Если кто-то возразит, все равно передадим недвижимость, но с условием, что все возможные издержки по могущим возникнуть спорам возьмет на себя Россия.
>
> Москве все это казалось юридической казуистикой, чистой и зряшной формальностью, затягиванием дела. Если все отказались, зачем рассылать бумагу и тянуть резину. Наш МИД настаивал на привычном для нас

советском, политическом подходе: правительство Израиля принимает политическое решение и дает ведомствам команду реализовать его.

Как и следовало ожидать, юридический подход взял верх над политическим. 3 июля МИД Израиля разослал ноту, в которой говорилось, что собственность, зарегистрированная на имя СССР, будет перерегистрирована на имя России 1 сентября 1995 года. Но маленькую победу мы все-таки одержали: из ноты исчезли слова «если не будет возражений».

Однако возражения последовали. Возражала Украина. Ссылаясь на то, что договор между Украиной и Россией, в котором фиксируется «нулевой вариант», еще не ратифицирован Верховной Радой Украины, МИД Украины просил отложить перерегистрацию до «получения соответствующего извещения» из Киева. Дело затягивалось и затягивалось надолго…

МАРТ-93

Президент Эзер Вейцман — «Склокоемкостъ» — Нам дарят «Ладу»

Самым важным политическим событием месяца стали, несомненно, выборы президента, которые состоялись 24 марта.

В Израиле президент — символическая, декоративная, представительская фигура. Как английская королева: царствует, но не правит. Он подписывает (обязан подписать) законы, принятые кнессетом. Принимает верительные грамоты от иностранных дипломатов и подписывает грамоты дипломатам Израиля. Президент утверждает назначение судей, председателя государственного банка и некоторых других крупных чиновников. До 1991 года президент возлагал на лидера победившей партии задачу формирования правительства. Но теперь премьер-министр избирается всенародно, и эта функция отпала.

В отличие от королевы ни дворцов, ни поместий, ни сонма вышколенных слуг израильский президент не имеет. Имеет в Иерусалиме небольшой «Белый дом», скорее, домик. Скромный и уютный. А в штате «администрации» президента числится 41 человек. Зарплата президента, если верить газетам, 6353 доллара в месяц (при среднемесячной зарплате израильтянина — 1090 долларов). Для интереса (по тому же источнику): президент США — 16 666 долларов при средней — 1 590, президент России — 115 долларов при средней — 24 доллара. Обидно за Ельцина и за всех нас, но президенту, наверное, что-нибудь доплачивают. За вредность…

Президент избирается на 5 лет и может занимать этот пост не более двух каденций подряд. Выборы президента — это не столько борьба за власть (ее практически нет), сколько столкновение амбиций, борьба за престиж, за возможность оказывать поддержку той или иной политической ориентации. Правда, тут выбор был не велик. На протяжении всей истории Государства Израиль президентское кресло занимали представители левых сил. Седьмой президент Израиля — Эзер Вейцман — не нарушил традицию.

Вейцман был выбран с некоторой забавной заминкой. В Кнессете, напомню, 120 депутатов. «Проходной балл» — 61 голос. Вейцман, как было объявлено, получил 68 голосов, его ликудовский противник — 55 и один воздержался. Итого — 124. Явный и загадочный «перебор». Пришлось переголосовывать.

Окончательный результат — 66:53 все при том же одном воздержавшемся.

Вейцман родился в 1924 году в Хайфе в семье сионистских «аристократов» (его дядя Хаим Вейцман, известный химик и лидер мирового сионизма, — первый президент Государства Израиль). После школы стал учиться «на летчика» и в 18 лет уже летал. Во время второй мировой войны служил в английской армии. В Палестину вернулся незадолго до образования Государства Израиль. Был членом экстремистской организации «Иргун цвай леуми». Принимал участие в создании первых израильских авиационных подразделений. Во время Войны за независимость командовал эскадрильей. В 1958 году получил звание генерала и был назначен командующим ВВС Израиля. Утверждал, что израильские ВВС уничтожат египетскую авиацию за шесть часов. Потом «каялся» в ошибке: потребовалось только три часа.

В 1969 году Вейцман появился на политической арене. Его избрали председателем правления партии «Херут». В 1977–1980 годах был министром обороны в правительстве М. Бегина. Активно участвовал в подготовке и заключении мирного договора с Египтом. Примерно в это время начинается сложная эволюция политических взглядов Вейцмана: он из «ястреба» стал превращаться в «голубя». Значительную роль в этом сыграло тяжелое ранение его сына Шауля. В 1984 году Вейцман в качестве независимого депутата избирается в Кнессет, а затем присоединяется к Аводе. В 1988 году получает пост министра энергетики, инфраструктуры, науки и техники.

Рассказывают, что когда в конце 1988 года Арафат предложил начать переговоры, Вейцман пошел наперекор всему правительству. «Ничто не способствует обороноспособности, — сказал он, — больше, чем мир. Давайте попытаемся разговаривать с Арафатом. Наши ВВС — одни из лучших в мире. У нас одна из сильнейших армий мира. О чем нам, черт возьми, беспокоиться!?» Понятно, что Вейцман энергично поддержал линию на переговоры, на мирное урегулирование, которая была намечена в Мадриде

Сам Вейцман не любит, когда его называют «голубем». Он ориентируется не на орнитологию, а на авиацию. «Ястреб подобен скоростному самолету, — растолковывает Вейцман журналистам. — А голубь похож на тихоход. Скоростной самолет способен летать и медленно тоже, а тихоход не может лететь быстро. Так что ястреб более маневрен. Если я ястреб, у меня больше возможностей наращивать обороты или глушить мотор». В общем — «ястреб мира» — так он себя видит и называет.

Не помню уж точно, кажется, в начале апреля я приехал домой к Вейцману, в Кесарию. Он еще не вступил в должность — это произошло 13 мая, — и поэтому мой визит имел получастный характер. Состоялась далеко не формальная беседа (как, впрочем, и все последующие). Зная натуру Вейцмана, спросил: не будут ли его стеснять ограниченные, так сказать, деполитизированные функции президента. Президент ответил примерно так: все знают, чего я не могу делать, но никто не знает, что я смогу сделать;, хорошо понимая, чего нельзя, я все же попытаюсь расширить пределы того, что можно. Так он и поступал. Вызывая часто огонь на себя.

Два случая, совсем разных.

Когда премьером стал Нетаньяху, он заявил, что не будет встречаться с Арафатом. Что загоняло мирный процесс в тупик. В бой вступил президент: «Если премьер-министр не желает встречаться с Арафатом, это сделаю я». Шок справа. Шум в газетах. Но дело сдвигается с мертвой точки.

Не знаю, увлекался ли Вейцман слабым полом, но слабый пол, безусловно, увлекался Вейцманом. Что же касается пола сильного, то к нему президент относился «однозначно», если вспомнить многозначного Жириновского. И однажды Вейцман с солдатской прямотой отозвался о гомосексуалистах. «Мужчина должен быть мужчиной, — добавил он, — а женщина — женщиной». Сексуальные меньшинства бурно протестовали. Протестовали и либералы.[21]

Мне много раз приходилось встречаться и беседовать с Вейцманом. Это — человек Незаурядного ума. Интересный, живой собеседник с хорошо развитым чувством юмора. Острый на язык. Независимый характер, склонный к неожиданным, неординарным решениям. Индивидуалист, а не игрок команды, — так о нем отзывались. Слышал, что он бывает груб и импульсивен. Но это, видимо, для внутренней политики.

Естественно, мы часто говорили о российско-израильских отношениях, о роли России на Ближнем Востоке. Вейцман — сторонник устойчивых, многопрофильных отношений межу Израилем и Россией. Ценит и знает русскую культуру. Один из его любимых героев — Петр I. Считает, что Россия не использует весь свой потенциал, свои возможности для продвижения мирного процесса. Предлагал довольно экстравагантные варианты действий, которые зависали в осторожничающей Москве…

Пытался приохотить президента к соленым арбузам. Но президент, к сожалению, не оценил. Возможно, соленый арбуз не подходил к тем напиткам, которые он предпочитал.

Нетаньяху, в общем-то, ладил с президентом. Но когда подошло время новых выборов, премьер решил прервать монополию левых и вывести на президентскую орбиту человека из Ликуда. Таким человеком оказался некто Шауль Амор, мэр небольшого городка Мигдаль ха-Эмек в Галилее. В эти дни, в марте 1998 года, судьба — уже журналистская — снова занесла меня в Израиль. Многочисленные опросы показывали примерное равенство шансов, даже с некоторым перевесом в пользу Амора. А все люди, с которыми приходилось говорить «живьем», уверенно предсказывали победу Вейцману. Я разделял эту уверенность. И хотя Амор бил на то, что в отличие от «аристократа» Вейцмана он, Амор, человек из народа, именно Вейцмана можно было назвать «народным» президентом. Он был понятен «простым» израильтянам, и они симпатизировали ему. 4 марта победил Вейцман. Он получил 63 голоса, а его соперник — 49.

На следующий день после выборов президента состоялись выборы лидера партии Ликуд. К этому времени дела Ликуда были плохи. Партию раздирала борьба фракций, борьба партийных «принцев», каждый из которых претендовал на роль лидера. Главным соперником Нетаньяху был Давид Леви, за которым шла значительная часть сефардов, в основном — выходцев из арабских стран Северной Африки и Среднего Востока. Схватка претендентов нередко переходила на личности, вплоть до того, что соперники переставали разговаривать друг с другом. В выборах принимали участие все члены партии. Нетаньяху победил нокаутом: он получил 54 % голосов (Леви — 26 %). За самого ястребиного из израильских «ястребов» Бени Бегина проголосовали 15 % ликудовцев.

«Но после этой победы, — говорится в одной из пропагандистских брошюр, прославляющих Нетаньяху, — ему предстоял титанический труд, подлинная расчистка авгиевых конюшен». Конюшни были расчищены. Опираясь на узкий круг ближайших помощников, в первую очередь — на Авигдора Либермана, свежеиспеченный лидер сумел навести порядок в партии и привести ее к победе (по очкам) на парламентских выборах 1996 года.

В общем Нетаньяху производил впечатление образованного, энергичного, целеустремленного человека. Знал, чего хочет, и напрямую шел к цели. Привлекали ясность мысли и четкая постановка вопросов. Вместе с тем мне иногда казалось, что ему не хватало гибкости, умения ладить с партнерами, видеть полутона и оттенки политической ситуации. Был заметен перебор по части эгоцентризма. В оппозиции эти минусы как-то сглаживались. Но когда Нетаньяху пробился к власти, они вышли

на первый план и сломали ему карьеру. Это произошло в 1999 году.

Став лидером оппозиции, Нетаньяху давал понять, что он не против посетить Москву. Посольство, учитывая удельный вес Ликуда в израильской жизни, считало такой визит целесообразным и рекомендовало пригласить его по парламентской линии. Никакой реакции на наше предложение не последовало. Молчание в данном случае — не знак согласия. Скорее всего, оно — знак равнодушия, безразличия…

Небольшая паника в обозе. Раздался звонок в посольство, и «голос с акцентом» предупредил, что «на Бовина готовится покушение». Поразмышляв и даже посмеявшись, мы решили игнорировать. И правильно сделали. Больше не предупреждали. И не покушались.

Постепенно стала расти «склокоемкость» посольского коллектива, то есть количество и интенсивность склок. Слава Богу, это почти не касалось отношений между дипломатами. Плавно, но выдавили чету Исаковых, которые распространяли вокруг себя какие-то волны недоброжелательства.

Были и другие волны. Мы получали зарплату в долларах. И в нашей же бухгалтерии меняли доллары на шекели, которые ходят в Израиле. Причем, по более выгодному курсу, чем в банке. Приходит бухгалтер и докладывает: некоторые дипломаты из консульства вот уже несколько месяцев не меняют деньги. Следовательно, делает вывод бухгалтер, они получают шекели другим, незаконным путем. Берут у своих клиентов. Состоялся разговор. Дипломаты сказали, что они пользуются услугами какого-то знакомого менялы на рынке. Пришлось поверить. Осадок остался пренеприятный.

Искры проскакивали на стыке дипломатического и административно-технического состава. Как правило, наши младшие братья по разуму жаловались на то, что дипломаты (не все, конечно) нередко высокомерны, иногда грубы. К сожалению, так оно и было. Приходилось воспитывать. Хотя как-то совестно, неловко объяснять взрослым и вроде бы культурным, претендующим на интеллигентность людям то, что они давно должны были знать. Да они и знали, разумеется, но «голубая кровь» играла.

Больше всего конфликтов возникало в среде административно-технических работников. Кто «главнее» — бухгалтер или завхоз? Техник-смотритель или механик-водитель? Почему этому коменданту дали такую премию, а этому — другую? И десятки других поводов — мелких, ничтожных, надуманных, — но вызывавших чуть ли не драки. Плюс — жены,

которые добавляли новые краски в палитру склок. Многое тут — от неустроенности, от мизерных зарплат, от постоянного лицезрения одних и тех же физиономий. А многое от элементарной невоспитанности, от неумения и нежелания понять друг друга, обойтись без ругани. Необходимость выслушивать жалобы и наветы, вникать в скандалы, что-то выяснять, кого-то мирить — самое противное, липкое, с чем пришлось столкнуться на дипломатической службе.

В зимний дождливый мартовский день в посольстве был праздник. Промышленный коммерческий АвтоВАЗбанк подарил нам лучшую в мире «Ладу». Ключ я принял, а вот поехать не смог, ибо к тому времени еще не сидел за рулем. Поехал в Москве, когда сдавал экзамен на «Жигулях». Затем скатился до старого, брошенного зятем «Москвича». А сейчас разъезжаю на «Оке». Все ухмыляются, зато никто не украдет.

30 марта в Израиль приехала Марта Исааковна Розенберг, с которой, как тогда говорили, я «дружил» на первом курсе университета и с которой начиналась моя «еврейская биография». Марта работала адвокатом в Подольске. Семейная жизнь у нее не сложилась. От одиночества уехала на «историческую родину». Но здесь заболела и сгорела за год с небольшим. Хоронили 22 августа 1994 года в Беэр-Шеве. По еврейской традиции во время похорон, чтобы читать молитву, нужно десять мужчин. Выручил мой друг Илья Войтовецкий, мобилизовал десять профессоров из университета. В землю опускали, как здесь принято, без гроба, в черном саване… Странно складываются судьбы человеческие. Когда мы с Мартой целовались на ростовских скамейках, кто бы мог подумать, что мы расстанемся, разойдемся по разным мирам где-то на краю пустыни Негев…

АПРЕЛЬ-93

Моя родословная — Как мы ленились — Антисемитизм — Холокост — Разговор о терроре

Апрель в Израиле, как и у нас, начинается с 1 апреля, то есть всяческими хохмами. В качестве наиболее близкого мне примера приведу сочинение под названием «Родословная. Потомок царя Петра и де Бальзака», которое напечатал еженедельник «Окна».

Цитирую:

1. ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

«История российско-еврейского рода Бовиных была исследована крупнейшим генеалогом XIX века князем Петром Александровичем Долгоруковым, автором исторической монографии «Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие — Аргутинские». Но прежде чем мы приступим к изложению поистине удивительных находок князя в архивах старинных русских родов, необходимо сказать несколько слов о нем самом.

Пушкинисты, например, серьезно подозревают, что хромоногий князь является соавтором (если не вообще единственным автором) анонимного письма Пушкину о зачислении поэта в «Орден рогоносцев»: это письмо и послужило поводом для роковой дуэли с Дантесом. Подозрение, высказываемое уже современниками, сделало князя изгоем в светском обществе. Чтобы как-то реабилитировать себя, он занялся генеалогией: человеку, от которого зависело выведение той или иной дворянской родословной, не принято было отказывать от дома. Он зарекомендовал себя признанным специалистом в своей узкой области и уже претендовал было на получение высокой государственной должности, но тут наступила эпоха Александра-Освободителя, и таланты «князя-бегемота» (прозвище, данное ему другим князем — Петром Вяземским) новому начальству не понадобились.

Тогда он отомстил обществу страшным образом! Князь Петр уехал в самое «кодло ведьм» — в Лондон и сделался, говоря нынешним языком, невозвращением;

вступил в дружеский контакт с Герценом и Огаревым, в параллель с «Колоколом» стал выпускать свой журнал, наполненный самым неприятным для правительства материалом — придворными сплетнями о жизни тогдашней «номенклатуры». Кто с кем сожительствовал, кто вовсе не потомок знатного рода, а совсем даже бастард, кто у кого взятки брал, кто дурной болезнью болеет — вот содержание журнала, каждый номер которого сотрясал петербургский свет и московский «Аглицкий клуб».

О том, какое значение придавало правительство публикациям князя, свидетельствует следующий факт: после его смерти по распоряжению родственника, шефа жандармов кн. Долгорукого, в Лондон отправился самый ловкий из агентов третьего отделения — под видом богатого отставного полковника Постникова. Сумев понравиться Огареву, тот при его посредстве купил у душеприказчика покойного князя весь оставленный тому архив — якобы для его последующего издания! Архивные секреты Долгорукого попали «лазоревым» господам, служившим в здании у Цепного моста (ныне — Санкт-Петербургский горсуд). Затем господин Филиппеус, шеф канцелярии третьего отделения, приказал выбрать самые безобидные бумаги и… издать их якобы нелегальным образом. Тем самым посмертно компрометировалась репутация грозного «разоблачителя светских секретов»! Проверить аутентичность текстов оказалось невозможно: оригиналы хранились в сундуках третьего отделения.

В тех же бумагах, которые господин Филиппеус не пропустил когда-то в печать, а сохранил в архиве третьего отделения, и обнаружили современные историки тайну происхождения фамилии Бовиных. Документы были опубликованы сравнительно недавно в нью-йоркском «Новом журнале» — скорее всего в связи с назначением одного из отпрысков рода первым послом России в Израиле.

2. ЛИНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Как известно, Петр Первый являлся бисексуальным гигантом. Придворных дам он рассматривал как совокупный царский гарем, с некоей отличительной

особенностью: в отличие от повелителя правоверных, повелитель православных представлял своих дам в пользование мужчинам своего двора на правах их законных и незаконных жен на то время, когда дамы были не нужны самому любвеобильному «Минхеру Питеру».

То же, если верить Долгорукому, относится и к красивым мальчикам: знаменитые денщики государя — светлейший князь и герцог Ижорский Александр Меншиков, генерал-прокурор правительствующего сената Ягужинский, генерал-поручик Румянцев и отец великого полководца, генерал-аншеф из армии Василий Суворов начали свою службу не с военного поприща, а с постели патрона.

Но, конечно, состязаться с дамами в сем виде услуг они никак не могли. Нашим читателям, конечно, известны имена Анны Монс, г-жи Гамильтон (от нее произошли все Хомутовы), которой суровый любовник отрубил голову и поцеловал в мертвые уста (см. стихи Андрея Вознесенского), и, конечно, имя Марты Рабе, ставшей первой русской императрицей Екатериной Первой.

Меньше известно, что внезапное возвышение некоторых дворянских фамилий объясняется тем, что их отпрыски, носившие старинное имя, вышли на самом деле из семени государя. Так, возвышение Мусиных-Пушкиных, а не просто Пушкиных («Я просто Пушкин, не Мусин», не случайно оговорил поэт в «Моей родословной») легко объяснить прозвищем, данным Петром наследнику своего министра юстиции: он назвал его: «Мойсын-Пушкин». Строгановы, бывшие в XVI–XVII веках всего лишь богатыми пермскими купцами, вдруг сделались сиятельнейшими графами — и все благодаря сексуальным заслугам неутомимой в сем виде «службы царской» г-жи Строгановой. Румянцевы из провинциальных дворян сделались столичными графами: «князь-бегемот», например, был убежден, что знаменитый полководец Румянцев-Задунайский — незаконный сын великого государя.

Про исток рода Бовиных Петр Александрович Долгорукий повествует так:

«Государь-император был человеком большого великодушия и справедливости, не мог он терпеть женского горя. Однажды на ассамблее, когда гости уже

все попали в плен к Бахусу, государь приметил, что младшая дочь вице-канцлера барона Шафирова сидит на царском пиру пригорюнившись. Девица была толстая, коротконогая, с крючковатым носом и черными глазами — зело похожая на полоцких жидовок, от коих ее отец Шафиров и вел род. Охотников на нее не находилось, хотя вице-канцлер был у государя в большом фаворе. Петр Алексеевич задумался, смахнул чарку любимого вина «эрмитаж» и с чувством произнес: «Белка, Белка, не могу смотреть, как ты через девичесть свою страдаешь», — и тут же на канапе, перед глазами верных своих слуг, избавил девушку от надоевшей девичьей обузы. После чего выдал замуж за лейтенанта флота, сына знаменитого дьяка-дипломата Возницына, пожаловав их наследнику большое имение под Шкловом с двумя тысячами крепостных.

В царствование Анны Иоанновны (возможно, под влиянием еврейских родственников жены) этот Возницын прошел гиюр, был в том уличен и сожжен в 1738 году на костре (вместе со своим наставником евреем Борухом Лейбовым).

Внучка Возницыных сошлась с генералом Зоричем, фаворитом Екатерины Второй, сосланным в Шкловский край. Их незаконные дети были отданы на воспитание в семью местных раввинов — так возникла известная фамилия Шкловских. Один из ее отпрысков стал в XX веке крупнейшим физиком, другой — анархистом, третий — известным эсером и литературоведом, за что и приговорен М. Булгаковым к образу Шполянского в романе «Белая гвардия». Что же касается Маргариты, то Рита Шкловская, руководящая иерусалимским издательством «Библиотека Алия», и в чертах лица обнаруживает весьма заметное сходство с послом России.

3. ЛИНИЯ ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА

Как известно, Бальзак женился в Бердичеве на польской графине Эвелине Ганской. Вскоре после смерти писателя его вдова родила в Париже дочку Жермену. Вернувшись на родину своей матери, Жермена вышла замуж за одного из Шкловских. Их сын и дал начало фамилии Бовиных.

Семейное предание гласит, что мальчик был невероятно смел и ходил в местный лес с ружьишком охотиться на волков. Мужики прозвали смелого паныча Бовой-королевичем — по имени героя старинного французского рыцарского романа, ставшего позднее персонажем русских народных легенд.

Повзрослев, Роман-Бова увлекся духовным поприщем. Он женился на дочери местного священника, родил нескольких детей и унаследовал приход тестя. Илья Ефимович Репин был покорен колоритной наружностью шкловского архидьякона и изобразил его на своем знаменитом портрете.

Читатели, надеюсь, простят мне умолчание о дальнейших перипетиях семьи священников Бовиных: во избежание дипломатических недоразумений между великими ближневосточными державами и из желания соблюсти необходимый политес, «о том, что было дале, мы лучше помолчим». Предоставим лучше слово тому, кого в его благородной деятельности не могут не вдохновлять образы его великих предков, — послу России в Израиле его превосходительству г-ну А. Е. Бовину.

4. КТО УНАСЛЕДУЕТ ЦАРСКИЙ ТРОН?

— Господин посол, в связи с реформами в вашей стране не думаете ли вы о восстановлении монархии Романовых в качестве символа единства нации?

— Нет комментариев.

— Господин посол, если такая возможность вдруг возникнет, собираетесь ли вы претендовать на престол вашего великого предка?

— Мне известно, что история с девушкой на ассамблее действительно произошла. Я, однако, не имею на руках документального подтверждения, что она произошла именно с моей прабабкой. А без этого трудно предъявить народу мои несомненные наследственные права.

— Не думаете ли вы, что еврейское происхождение Беллы Шафировой может помешать вам в осуществлении ваших законных прав?

— Павел Первый говорил: в моей стране сильный человек лишь тот, с кем я говорю, и только в то время,

пока я с ним говорю. Сын вашего национального героя Менделя Крика сказал: «Когда еврей садится на коня, он уже не еврей, а русский». Эрго: если великий государь осчастливил бедную еврейскую девушку лишением невинности, она перестает быть еврейкой и становится русской. Таково мнение моего народа. Следовательно, я имею законные права, если только удастся доказать, что случай на ассамблее произошел с моей прабабушкой! Во всяком случае, прав у меня никак не меньше, чем у так называемых Романовых, которые на деле есть боковая ветвь династии Голштейн — Готторпов.

— Ваш литературный талант, так ярко проявившийся на страницах «Известий», унаследован от французских предков?

— Мой учитель в политическом искусстве Юрий Владимирович Андропов говорил, что я чем-то напоминаю ему Бальзака.

— Позвольте, Ваше превосходительство, пожелать «Окнам» сменить обращение к вам с Вашего превосходительства на Ваше Величество. Надеюсь, и в сиянии славы вы не забудете, что именно израильская газета первой предсказала ваше удивительное будущее.

— Соблаговоляем воздержаться от комментариев».

Вот такую соорудили штуковину. Свою порцию первоапрельских баек получил и посол Украины. На всякий, видимо, случай редакция «Окон» натянула страховочную сетку. В виде следующего текста:

«Мы приносим благодарность послам России и Украины, давшим свое согласие на мистификацию. Оба посла наделены большим чувством юмора, в чем мы убедились, рассказав им по телефону о том, какую задумали проказу. Послы смеялись. А поскольку все вы знаете, в какие нелегкие для них дни мы с послами беседовали, то сможете по достоинству оценить реакцию послов. Все же мы считаем своим долгом добавить к этому вступлению: родословная Александра Евгеньевича Бовина — шутка и ничего общего с подлинной родословной посла не имеет. Разумеется, никаких интервью по этому вопросу он нам не давал».

Прочитав этот текст, я даже соблаговолил немного загрустить. Если «проказа» требует комментариев, с аудиторией не все в порядке…[22]

Прибыла делегация из Самары. В Самаре — одна из наиболее, как мне представляется, организованных и деятельных еврейских общин в России. Поговорить было о чем. В частности об организации прямых авиарейсов Самара — Тель-Авив. В принципе израильтяне (компания «Эл Ал») не была в восторге от этой идеи. Поскольку такие рейсы, — их должны были совершать самарские авиаторы, — отнимали пассажиров, а значит — и доходы у израильской авиакомпании. Однако кроме коммерции есть еще и политика. А политика в данном случае работала на Россию. Самара стала летать. За ней — Пятигорск, Екатеринбург. По мере своих возможностей посольство способствовало российскому проникновению в израильское небо.

Должен покаяться. Больше всего я лично хлопотал о прямых рейсах из Ростова-на-Дону. Мотивы вполне корыстные. Моя родная сестра, которая жила в Ростове, время от времени посылала с оказией великолепных ростовских раков. И хотя они очень, ну очень не кошерные, не все мои израильские друзья обращали на это внимание.

Много хлопот было связано с медициной, медицинским обслуживанием сотрудников.

Можно было бы «выписать» из Москвы врача. Но, по моему разумению, толку от такого универсала было бы мало. Разве что дать совет и выписать рецепт. Все равно в каждом сколько-нибудь не тривиальном случае пришлось бы обращаться к специалистам.

На эти цели посольство могло тратить 4 % от фонда заработной платы. Сотрудник шел в поликлинику, приносил счет, и наша медицинская комиссия этот счет, как правило, оплачивала

Но для «диких» посетителей, то есть не охваченных медицинской страховкой, специалисты в Израиле стоят достаточно дорого. Визит к врачу — примерно 150–200 шекелей (по тем временам 1 шекель равнялся 0,41 доллара). Один день госпитализации — не менее 1500 шекелей. Поэтому все израильтяне (равно и проживающие в стране иностранцы, включая сотрудников посольств) страхуются через систему больничных касс. Практически дело обстоит так. Надо выбрать кассу с подходящим для вас набором медицинских услуг и подходящей ценой. Заключается договор. Страховой платеж, допустим, 250 шекелей в месяц на семью. А дальше медицинское обслуживание независимо от стоимости лечения производится за счет больничной кассы.

Когда мы говорили, что у нас нет медицинской страховки, израильтяне смотрели на нас как на сумасшедших. К сожалению, наших четырех процентов не хватало на то, чтобы застраховать всех. Посольство могло взять на себя какую-то часть страховых

взносов, другая часть приходилась на долю сотрудника. Собирали собрания, обсуждали. Но тут срабатывала железная логика: деньги отдам, а вдруг не заболею.

Началась длительная переписка с тем же Валютно-финансовым управлением. Посольство предлагало такой вариант. Поскольку от врача мы отказались, то на этом экономится довольно большая сумма (зарплата + стоимость квартиры + приобретение инвентаря, медицинского оборудования и др.). Поэтому было бы логично разрешить посольству истратить эту сумму на медицинскую страховку. Но тут, как говорится, нашла коса на камень. ВФУ просто не отвечало на наши жалобные послания.

В конце концов после долгих препирательств мы все-таки застраховались по минимуму — для вызова скорой помощи. Причем, «русской» скорой помощи, которая в отличие от обычной, израильской, не только отвозила заболевшего в больницу, но действительно оказывала первую медицинскую помощь.

Когда в Израиле появился новый посол, появился и врач. Но проблема страховки так, кажется, не решена и до сих пор…

15 апреля секретарь правительства Израиля Рубинштейн передал мне (устно) обращение израильского руководства к правительству России. Речь шла об антисемитизме.

В Израиле встревожены ходом судебного разбирательства по иску общества «Память» к «Еврейской газете». Обсуждающиеся судом вопросы, — говорил Рубинштейн, — классический образец антисемитской пропаганды, отмечавшейся уже в иные эпохи и в иных странах. Дебаты вокруг данных тем не делают чести их инициаторам. Хотя суд есть суд, и израильское руководство никоим образом не хотело бы создать впечатление, что пытается как-то воздействовать на ход процесса.

Тем не менее здесь не могут и не хотят скрывать свою обеспокоенность опасностью антисемитизма в России. — Суд, — отметил Рубинштейн, — это лишь частный случай, который, однако, может иметь крайне серьезные последствия, если он будет способствовать разжиганию ненависти к еврейскому народу.

— Мы надеемся, — заявил Рубинштейн, — что результат суда будет другим. Но и сегодня, как полагает израильское руководство, российское правительство не вправе молчать. В Израиле рассчитывают, что прозвучит голос представителя российского государства с осуждением попыток сеять антисемитскую пропаганду.

— Поверьте, — заключил Рубинштейн, — то, что я Вам

говорю, не доставляет мне радости.

— Поверьте, — ответил я, — мне не доставляет радости слушать то, что Вы мне говорите.

Просил Рубинштейна учесть ряд обстоятельств.

С государственным антисемитизмом покончено окончательно и бесповоротно.

Правительство негативно относится к антисемитизму в любых его проявлениях.

В России существуют политические движения, политические силы, проповедующие антисемитизм и опирающиеся на определенные слои населения. Века российского антисемитизма и десятилетия антисемитизма советского породили традицию, которая цепко держится за жизнь.

Правительство могло бы активнее противодействовать антисемитским проявлениям, но мешают, с одной стороны, отсутствие опыта, практики борьбы с антисемитизмом, а с другой, — нежелание открывать новые фронты и в без того сложной обстановке.

Я выразил уверенность, что несмотря на возможные зигзаги локального характера масштабы антисемитизма в России не превысят мировую «норму».

Направляя в МИД информацию о беседе с Рубинштейном, посольство обращало внимание на то, что нам никуда не уйти от темы антисемитизма в двусторонних отношениях. Темы специфической, деликатной и в то же время требующей от российских властей решительных действий политической, правовой и иной направленности. Отсутствие внимания к такого рода вещам не идет на пользу нашим отношениям с Израилем, не говоря уже о том, что это принципиально неверно. В этой связи предлагалось найти возможность должным образом отреагировать на выраженную израильтянами озабоченность.

С тех пор прошло более шести лет, но тема антисемитизма не стала менее актуальной. Есть смысл поговорить на эту тему.

16 июня 1997 года. В московском Доме журналистов идет встреча российских и иностранных журналистов, посвященная событиям вокруг Косово. Солидная дама раздает присутствующим газету «Мир славянства» (издание секретариата международного Союза славянских журналистов). Обращаю внимание на материал под названием «Удар по славянскому генофонду». Читаю: «В геополитических планах идеологов теории «золотого миллиарда человечества» славянство вычеркнуто из списка народов, имеющих право на место под солнцем». Вздрагиваю (славянин все же!), но читаю дальше: «Славянская цивилизация должна быть стерта с лица земли всеми возможными для этого способами, как

носитель идей разумного мироустройства и равноправия всех народов планеты. Для уничтожения славян уже предпринят целый ряд разнообразных действий. К примеру, осуществлено разобщение славян по конфессиональному признаку и через финансовые подачки тем, кто заявил об отказе от славянской идеи и о размежевании со славянским миром». Далее уже напуганному славянину сообщается, что «медленные механизмы изживания славян» не устраивают «золотой миллиард», и поэтому он ввел в действие «более быстрые механизмы». Один из таких механизмов — «стимуляция ускоренного биологического вымирания славян». Запуск этого механизма произошел в 1986 году «посредством взрыва Чернобыльской АЭС». А югославские события — «второй акт этой изуверской трагедии».

Я огласил вышеприведенный текст и выразил сомнение, что проблему Косово можно обсуждать на такой методологической основе. Дама решительно возражала. Когда она, минуя козни ЦРУ, сразу заговорила о «невидимой руке», которая управляет миром, все начало становиться на свои места. Когда же была упомянута «рука Ротшильда», точка над «i» была поставлена. Славянам угрожали «мировая закулиса», глобальный жиде-масонский заговор. Срочно требовались генерал Макашов и «батька Кондрат»…

У борцов с «жиде-масонским заговором» любопытный послужной список. В нем значится Гитлер, который напал на Советский Союз, дабы сорвать «заговор еврейско-англо-саксонских поджигателей войны». Правда, для спасения мира от очередного варианта «жидо-масонского заговора» фюрер настаивал не только на «окончательном решении» еврейского вопроса, но и на уничтожении 50-ти миллионов славян. Но это уже детали.

В этом списке мы находим и авторов так называемых «Протоколов сионских мудрецов». «Протоколы», как известно, были составлены в недрах царской охранки и положены на стол Николая II именно для того, чтобы защитить царя от тлетворного влияния «жидо-масонов». Сначала самодержец был в восторге. «Какая глубина мысли!» — начертал он на полях предложенной ему книги. Однако, когда Столыпин доложил, что «Протоколы» — чистейшая липа, царь воспротивился их использованию для «борьбы с революционерами и евреями». Царская резолюция гласила: «Протоколы изъять. Нельзя чистое дело защищать грязными способами».[23] Потом царя ругали за то, что его чистоплюйство отдало Россию под власть «жидо-масонов».

Впрочем, не везло «жидо-масонам». Масонов стали сажать сразу же. «Жидов» отлучил от власти Сталин.[24] Несколько

десятилетий в Советском Союзе в той или иной форме, с той или иной степенью жесткости проводилась политика государственного антисемитизма. Но, во-первых, в этом никогда не признавались — антисемитизм всенародно осуждался. А, во-вторых, была проведена своеобразная «черта оседлости» — евреи могли более-менее свободно «селиться» в областях культуры и науки.

Перестройка покончила с антисемитизмом, который насаждался сверху. И одновременно создала условия (свобода!) для пробуждения, реанимации наглого, шумного антисемитизма, так сказать, «низового», характерного для люмпенизированной, маргинальной части общества, а также для части политиков, чей умственный потолок не может подняться выше «заговора» — не важно, заговора ЦРУ, заговора Мосада или того же «жидо-масонского». Слышу возглас: «А Шафаревич?» Отвечаю: Шафаревич — постыдное для русской, российской, советской интеллигенции исключение. Для любого порядочного человека.

Поводом для многочисленных антисемитских упражнений служит заметное появление евреев на вершинах бизнеса, во власти и рядом с властью. Такой повод, действительно, существует, но его обсуждение выходит за рамки моих заметок. Мне бы хотелось подчеркнуть другое: указанный повод мог сработать, вызвать беспокойство и пересуды, стать источником политических призывов и действий только потому, что он накладывается на прочные, глубинные антисемитские традиции. А они, к сожалению, продолжают отравлять атмосферу и в России, и во всем мире.

«Антисемитизм невозможно объяснить с помощью обычной человеческой логики», — утверждал Жан-Поль Сартр. И все-таки, поскольку другой, не человеческой логики просто нет, приходится ею пользоваться.

Скорее всего, Сартр хотел сказать, что антисемитизм часто иррационален: «Не люблю жидов, и все тут!». Трудно спорить — Однако за этой внешней, лежащей на поверхности иррациональностью скрываются мощные и вполне рациональные глубинные слои, в которых спрессованы предрассудки десятков поколений.

Антисемитизм возник в древности. Возник как реакция на непохожесть евреев. В языческом мире, в мире многобожия они исповедовали веру в одного Бога, в Бога, которого нельзя изобразить — нарисовать или изваять. Евреи были «чужими», они были не такими, как все, и не хотели быть как все. «Все, что мы почитаем, они отвергают, зато все, что у нас считается нечистым, им разрешено», — четко сформулировал Тацит.

Евреи породили христианство. И вместе с ним — в лице христианской Церкви — своего векового врага и гонителя. Христианский антисемитизм, — всячески затуманивая тот факт, что первые христиане были своего рода диссидентами иудаизма, что и Иисус, и апостолы были евреями, что Библия написана евреями, — закрепил в сознании миллионов образ еврея как богоубийцы. «Евреи распяли Христа!», и посему этот богомерзкий народ сам обрек себя на страдания и унижения. Понадобилось почти два тысячелетия, чтобы Ватикан отказался от теологического антисемитизма.[25] Русской Православной Церкви это еще предстоит сделать… В средние века над христианским фундаментом антисемитизма надстраивается антисемитизм экономический. Еврейская диаспора, опираясь на свой опыт, активно вторгается в торговлю и финансы. Фигура ростовщика становится, как теперь говорят, знаковой. Шекспировский Шейлок — знамение тех времен. Или, точнее, знамение того, как христианский мир воспринимал тогда евреев. И не только тогда. Становление капитализма закрепило миф о евреях как безжалостных дельцах. Шейлока сменил Ротшильд. Но изменилось и мироощущение эпохи. Послушаем знаменитого русского философа В.С.Соловьева: «Беда не в евреях и не в деньгах, а в господстве, всевластии денег, а это всевластие денег создано не евреями. Не евреи поставили целью своей экономической деятельности — наживу и обогащение, не евреи отделили экономическую область от религиозно-нравственной. Просвещенная Европа установила в социальной экономии безбожные и бесчеловечные принципы, а потом пеняет на евреев за то, что они следуют этим принципам. Дела евреев не хуже наших дел и не нам обвинять их».

Новое время, с одной стороны, создавало условия для выхода евреев из всевозможных гетто, для их равноправного участия в гражданской жизни, а с другой, — вызвало к жизни расовые теории, которые отнесли евреев (негров, славян, цыган и т. п., и т. д.) к низшим расам. Антисемитизм на расовой основе культивировался в фашистской Германии[26] и завершился Катастрофой европейского еврейства, уничтожением 6 миллионов евреев.

Разумеется, вышесказанное — лишь приблизительная, примитивная схема. Реальная история антисемитизма гораздо сложнее, многограннее, запутаннее. Она меняется не только от эпохи к эпохе, но и от страны к стране.

Россия не отставала от «цивилизованного мира». В 1563 году, когда Иван Грозный взял Полоцк, местные купцы стали жаловаться царю на конкуренцию купцов еврейских. Царь был

крут: «евреев на мост собрать и в воду метать, и утопить». Но в полном объеме Россия получила «еврейский вопрос» вместе с Польшей и правобережной Украиной. Российским ответом на этот вопрос стала «черта оседлости», вне которой евреям, по общему правилу, жить не дозволялось. Государственный антисемитизм, то есть зачисление евреев в разряд подданных второго сорта, был официальной политикой царской власти. К.П.Победоносцев (обер-прокурор Синода, нечто вроде Суслова при Александре III), оправдывая погромы, защищая курс на притеснение евреев, видел его смысл в том, что треть евреев уедет из России, треть крестится и треть вымрет. И «еврейский вопрос» будет решен.

Власть и тогда позорила Россию. Честь России спасала интеллигенция. Заслуживают внимания две аксиомы Владимира Галактионовича Короленко:

1. «Ни один человек не должен отвечать за то, что он родился от тех, а не от других родителей».

2. «Никто не должен нести наказание за свою веру, потому что верность религии, пока человек не убежден в ее ошибочности, есть достоинство, а не порок».

А вот мысль Льва Толстого: «…Нравственное учение евреев и практика их жизни стоят без сравнения выше нравственного учения и практики жизни нашего quasi-христианского общества». Евреи, добавлял Толстой, делают лучше то, что хотелось бы делать quasi-христианам, и поэтому quasi-христиане завидуют им и ненавидят их.

Рассказывают, что в 1903 году Теодор Герцль, лидер мирового сионизма, приехал в Петербург знакомить царских министров с тем, что такое сионизм. Долго беседовал с министром финансов С.Ю.Витте. Герцль просил, чтобы правительство оказывало «некоторое поощрение» евреям. «Но мы поощряем евреев, — ответствовал Витте. — Поощряем эмигрировать. Пинком ноги в зад, например».

Победа сионизма, образование Государства Израиль, подействовала на антисемитов, как красная тряпка на быка. Антисемитизм (теперь уже — антисионизм) стал одним из ключевых направлений внешней политики арабского мира. Такую же линию вели Советский Союз и «социалистическое содружество». Фундаментальные социальные и геополитические передвижки конца XX века существенно изменили обстановку на Ближнем Востоке. Однако антисемитизм, антисионизм остаются непременным элементом идейно-политического ландшафта наших дней. В мире и в России.

События в России заставляли неоднократно возвращаться к

этой больной, неприятной теме. Все можно объяснить. История показывает, что в трудных, кризисных ситуациях происходят всплески антисемитизма. Ищут «козлов отпущения». И находят. Евреи, конечно. Или — «жидо-масоны». Объяснить это, повторяю, можно. Только очень стыдно. Стыдно за свою страну, в которой десятки организаций, десятки печатных изданий проповедуют антисемитизм и в которой власти закрывают на это глаза.

Когда-то Соловьев говорил, что антисемитизм — это «вопрос личной гигиены». Несколько по-иному выразила эту же мысль Галина Васильевна Старовойтова: «Нормальный человек должен стыдиться антисемитизма, как, скажем, наличия хвоста. Такой же атавизм…» Любопытная закономерность — таких людей практически нет среди тех, кто отстаивает реформы, кто борется за демократическую, либеральную Россию. «Хвостатые», дурно пахнущие люди в основном обитают на коммунистическом, «национально-патриотическом» фланге.

4 ноября 1998 года Государственная Дума отклонила постановление, осуждающее антисемитские действия и высказывания. 19 марта 1999 года Дума вновь отказалась осудить антисемитское поведение генерала Макашова. Как хорошо, думал я, что мне не придется, объясняясь с израильтянами, прикрывать наш позор обтекаемыми дипломатическими формулами. Не «еврейский вопрос» меня теперь беспокоит. Меня беспокоит вопрос русский. Вопрос о том, сумеем ли мы, русские, вместе со всеми россиянами, создать, наконец, такую Россию, в которой будет неприлично пожать руку антисемиту.

Израиль — единственная страна на Земле, которая (по определению) свободна от антисемитизма. Но не свободна (тоже — по определению) от тревог за судьбы евреев в других странах. И не свободна от исторической памяти еврейства. Поэтому каждый год здесь торжественно и скорбно отмечают День памяти Катастрофы и героизма европейского еврейства. Этот день приурочен к началу массового восстания в Варшавском гетто — 19 апреля 1943 года. А поскольку Израиль живет по лунному календарю, то дата плавает по второй половине апреля. В этом году жертвы Катастрофы и герои Сопротивления вспоминались и поминались 17 апреля.

В Израиле говорят: «Йом ха-Шоа» (День Катастрофы). Вместе с тем все чаще используется понятие «Холокост». Это греческое слово переводится как «всесожжение» или как «жертвоприношение с помощью огня». Впервые метафору «Холокост» употребил в 1963 году бывший узник Освенцима, а ныне лауреат Нобелевской премии мира Эли Визель. С тех пор жесткое, какое-то колючее на ощупь слово стало символом

величайшей трагедии XX века, тотального народоубийства, унесшего жизни 6 миллионов евреев. Из них 2 миллиона были уничтожены на территории Советского Союза.

Иногда приходится слышать: ну что эти евреи носятся со своим Холокостом? Немцы убивали и русских, и поляков, — не перечислишь всех. Да, убивали… Но ликвидация, евреев имела принципиально иной характер. Кто-то сказал: «Холокост — это наконечник на выструганной веками стреле антисемитизма». Вот именно. Холокост шел из темных глубин антисемитского, расистского сознания. Он был заранее задуманной, спланированной, рассчитанной до мелочей операцией. План «окончательного решения еврейского вопроса» (Endlosung) был принят в Берлине 20 января 1942 года на так называемой Ванзейской конференции. Он был рассчитан на 11 миллионов евреев. Началось строительство — с применением последнего слова немецкой техники — настоящих комбинатов, конвейеров смерти.

Гитлеровцы стремились наладить «безотходное производство». Вот, например, Циркуляр начальника группы Главного хозяйственного управления СС группенфюрера Рихарда Глюкса от 6 августа 1942 года «По вопросу об использовании срезанных волос». Циркуляр предписывал, «чтобы все человеческие волосы, срезанные в концентрационных лагерях, нашли применение. Из человеческих волос можно производить промышленный войлок или прясть нити. Расчесанные волосы (женские) можно использовать в качестве материала для изготовления носков для экипажей подводных лодок и войлочных чулок для железнодорожников.

В связи с этим поручается после их санобработки организовать хранение волос заключенных женщин. Мужские волосы могут быть использованы только если они не короче 20 см.

Сведения о количестве волос, полученных за месяц, отдельно женских, отдельно мужских, должны передаваться пятого числа каждого месяца, начиная с 5 сентября 1942 года». Учет и контроль!

Холокост, Катастрофа европейского еврейства — это и нравственная катастрофа всей «западной цивилизации», густо замешанной на антисемитизме. Не все принимают этот вывод. Угрызения совести мешают. «А, может, мальчика-то и не было?» В Германии не задаются этим вопросом. Брандт опустился на колени перед памятником героям и жертвам Варшавского гетто. Бундестаг принял в июне 1999 года решение соорудить недалеко от Бранденбургских ворот «Центральный национальный

памятник» жертвам Холокоста. Чтобы лозунг «Больше никогда!» прочнее вошел в умы и кровь новых поколений немцев.

Вернемся в Иерусалим. В торжественной церемонии, которая тщательно срежиссирована и проводится на территории Яд Вашема, официального мемориала в память о Катастрофе, участвуют президент, премьер, правительство, дипломатический корпус, а также весь «бомонд». Краткие речи, молитвы, фанфары, факелы. Почетный караул из солдат и солдаток.

Звучит военный оркестр. Великолепный хор исполняет песни Сопротивления. Тут для меня были сюрпризы. Слышу знакомую с детства мелодию на еще более известные слова «Красный маршал Ворошилов, посмотри…» — а это, объясняет мне сосед, гимн еврейских партизан. Играют «Прощание славянки». Выясняется, что это — марш Пальмаха. Так сказать, взаимопроникновение музыкальных культур.

Позднее я где-то вычитал, что в 1943 году находящийся в вильнюсском гетто Гирш Глик взял мелодию братьев Покрасс и написал к ней слова на идише. Так получился партизанский гимн.

В «Йом ха-Шоа» закрыты все увеселительные заведения. Приспущены государственные флаги. Две минуты звучат сирены — жизнь замирает.

Каждый год, находясь в Израиле, я присутствовал на процедуре в Яд Вашем. И каждый раз мне было как-то не по себе. Ведь я вышел из того мира, который выстругал стрелу антисемитизма, зажег огонь всесожжения…

После Холокоста среди евреев стали раздаваться голоса, что в печах Освенцима вместе с евреями сгорел и еврейский Бог. Если Бог всемогущ, праведен и справедлив, как он мог допустить Катастрофу своего, «богоизбранного», народа? Но Катастрофа была — значит, нет Бога! Выход из этой теологической трудности был найден за пределами религии. Как известно, в Торе (Пятикнижии Моисея) содержится 613 заповедей. Философ Эмиль Факенхайм предложил добавить к ним 614-ю: «Не даровать Гитлеру посмертных побед». И эта «заповедь», в отличие от многих других, выполняется.

24 апреля посетил Фейсала Хусейни. Он был настроен довольно мрачно. Говорили о терроризме. В связи с тем, что впервые за всю историю Израиля террористический акт совершил палестинец-самоубийца. Позиция Хусейни: в принципе ООП, Арафат против терроризма. Но кроме политики есть психология. Террорист-самоубийца — это герой, погибающий за правое дело, за справедливые требования палестинского народа, которые отказывается признать Израиль.

Мой главный контраргумент: Арафат заявляет, что он против терроризма. Однако его действия, да и его слова, сказанные «не для печати», наводят на сомнения. Что же касается психологии, то ее, действительно, надо учитывать. Убийства мирных жителей, детей, женщин, а именно они являются основными жертвами террора, поднимают волну возмущения против палестинцев, настраивают израильтян против каких-либо движений навстречу их требованиям.

Размышляя о терроре, следует иметь в виду, что, с точки зрения исламского фундаментализма, территория, занимаемая Израилем, рассматривается как «земля войны», как земля насильственно изъятая «неверными» из-под исламского законодательства, а потому подлежащая возврату посредством джихада. Буквально слово «джихад» означает «усердие, усилие». Но в современном словаре джихад — это священная война. Так воспитывают мусульман, так воспитывают палестинцев. К сожалению, Арафат и после начала переговоров, после того, как он официально открестился от терроризма, выступая в «закрытых» аудиториях неоднократно толковал о джихаде.

Статистика террора показывает, что люди, которые планировали и организовывали террористические акты, стремились не подтолкнуть переговоры, а сорвать их. Если в 1991 году от рук террористов погибли 26 человек, то в 1992-м, когда переговоры набирали силу, — 39 человек, а в 1993-м, когда было подписано первое соглашение, — жертвами террористических актов стали 62 израильтянина. Это был протест против переговоров.

Когда мы беседовали с Хусейни, статистические кривые еще не были начерчены. Мы еще не знали, что самоубийцы заберут с собой на тот свет десятки ни в чем неповинных людей и что Арафат открыто воздаст хвалу палестинским камикадзе.[27] И что именно террор в конечном счете приведет к власти Нетаньяху. Но все это было потом…

25 апреля мы участвовали в общенародном референдуме. Голосовали 248 человек. 225 выразили доверие Б.Н. Ельцину. 203 согласились с его социально-экономической политикой. 46 высказались за досрочные выборы президента. 220 проголосовали за досрочные выборы народных депутатов. В общем, Израиль оказался на высоте. Или наоборот?

В апреле в Иерусалиме была международная книжная выставка. Был сам президент. И Е.А.Евтушенко с женой. Договорились с ним поехать в гости к Анне Исаковой. Почти доехали. Но когда Женя узнал, что Исакова работает в «Вестях», он попросил остановить машину. Так сказать, «выбил дно и

вышел вон».

Только через несколько дней я узнал, в чем было дело. Оказывается, 15 апреля в «Вестях» сообщили, что поначалу поэт отказался давать интервью — «Раз не хотите оплачивать мне дорогу!». Но потом — «одумался». Евгений Александрович был оскорблен. «Да никогда я такой фразы не произносил! — воскликнул Евтушенко, беседуя с Лазарем Дранкером из «Новостей недели». — На просьбу журналистки дать ей интервью я ответил, что никакой уверенности в моем приезде нет. Потому что пока никто не хочет оплачивать мой билет. А я не настолько богат, чтобы самому его покупать. Больше ничего не сказал.

— Ваши слова, переданные Аристовой, можно истолковать и как претензии к газете «Вести»…

— Да не мог я к этой газете никаких претензий иметь, потому что никогда даже не слышал о ее существовании. И на билет, повторяю, не претендовал в том смысле, как это преподнесла эта журналистка. Как так можно писать?! Это же явная ложь! Как им не стыдно?! Где же их журналистская порядочность? Зачем приписывать мне то, чего я не говорил? И что это за словечко «одумался»? Как можно писать такое? Ведь у того, кто прочтет интервью, может сложиться впечатление, что я — крохобор, за чужой счет желавший проехаться в Израиль».

Когда у Окуджавы спросили, как он относится к авторам газеты «День», которые опубликовали оскорбительную для Булата Шалвовича статью, Окуджава ответил: «Я отношусь к ним, как патриций к плебеям». Именно так Маша, жена Жени, советовала ему относиться к «Вестям». Естественно, что патриций отказался отобедать с плебеями…

МАЙ-93

В лесу Красной Армии — «Ястребы»: Бени Бегин и Рафаэль Эйтан — Так говорил Жаботинский

Май начался у телевизора. Демонстрации в Москве. Столкновения, драки на улицах. «Тяжко. Не хочется додумывать до конца». Так написано в дневнике. А додумывать надо было. Не только 1 мая 1993 года. И до и после. Все время приходилось жить двойной жизнью. Что-то делать здесь и думать о том, что там. Конечно, расстояние, заботы местные притупляли восприятие забот российских, сглаживали, тушили боль, переживания. Петровне было труднее: я уезжал на работу, она оставалась у телевизора…

Я мог бы каждый месяц начинать с «российской заставки». Материалу было хоть отбавляй. Но делать это не буду. Тема у меня другая. Так что общий шизофренический фон, тяжкий груз раздвоенности, разорванности ума, сердца, души давайте оставим за скобками.

В Израиле май тоже начался с демонстрации. 4 мая в Иерусалиме состоялась демонстрация «русской» алии. Поводы стандартные: правительство толком не занимается абсорбцией, нет работы, нет жилья, бюрократия давит. Причину можно обозначить так: разрыв между удельным весом выходцев из СССР/СНГ в населении страны, уровнем их культуры, квалификации и их местом в общественной жизни, в культуре, политике-бизнесе Израиля.

6 мая в газете «Вести» появилась редакционная статья. «Русский» медведь проснулся» — так озаглавила статью редакция. И продолжала: «Но, главное, чтобы он снова не забрался в свою берлогу — сосать все ту же лапу и ворчать еле слышно».

Я приехал в Иерусалим, но наблюдал за развитием событий с некоторого отдаления. Не хотелось, чтобы русский посол фигурировал на одних кадрах с «русскими» демонстрантами. Откровенно говоря, ожидал, что народу будет больше. Во всяком случае у меня не возникло ощущение проснувшегося «русского» медведя. Разве что — медведя, долго живущего в зоопарке…

Разумеется правительство отреагировало на демонстрацию лишь ритуальными словами. А зря. Зря не только по соображениям гуманным — людям плохо, надо им помочь. Зря по соображениям политическим. Столкнувшись с равнодушием правительства Аводы, с бездушием чиновничьего аппарата,

«русский» электорат, который способствовал победе лейбористов, стал постепенно дрейфовать вправо. В мае 1996 года количество перешло в качество — Авода проиграла.

8 мая — традиционная встреча в лесу Красной Армии. Мы были в полном составе — жена, дочь и внук.

Я уже упоминал о том, что первый раз был здесь в 1979 году. Тогда — массовый митинг с обтянутой красным кумачом трибуной и массовое гулянье. Теперь народу было заметно меньше, а возраст собравшихся заметно больше. Речей почти не было. Но возложение венков было по-прежнему торжественным.

Всех присутствующих можно разбить на две группы. Одна — это ветераны. Другая группа — коммунисты. В прежние времена именно компартия являлась организатором таких встреч, играла на них первую скрипку. Во времена нынешние израильская компартия разделила судьбу всего коммунистического движения. Она слаба. И она в основном состоит из арабов. И ветеранов, и коммунистов, собирающихся в лесу Красной Армии, объединяет понимание роли, которую сыграл Советский Союз в разгроме фашизма и в образовании Государства Израиль. И не только понимание, но и эмоции, связанные как с личным участием в войне, так и с воспитанным десятилетиями раньше — восторженным, ныне — «просто» добрым отношением к стране, которую называли «оплотом мира и социализма».

Мне полагалось бывать на этих церемониях по чину. Но я был и по душе. Потому что для меня, как и для большинства советских людей, та война была священной и память о ней священна тоже… Однажды даже читал стихи:

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит,
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.

На мой взгляд, это — одно из лучших, если не лучшее стихотворение о войне. Его написал раненый-перераненый танкист, гвардии Лейтенант Ион Деген. Его ругали за проповедь мародерства, трусости…

Когда я уезжал из Израиля, известному хирургу-ортопеду Ионе Лазаревичу Дегену было больше семидесяти. Он живет с осколком в мозгу, семь пулевых ранений, челюсть собрана из

кусочков, ботинок надет на протез. Пусть поживет подольше…

Как правило, возвращаясь из леса, ветеранское руководство имело обыкновение задерживаться в арабской «деревне» Абу-Гош. Отменная трапеза, фронтовые воспоминания, обмен опытом излечения разнообразных хворей. «Я там был, мед пил…»

Иногда накануне Дня Победы в израильской прессе появлялись статьи, протестующие против участия евреев в этом празднике. «У вас же есть свои победы и свои праздники» — такая была логика. Но израильское общество, израильские власти отвергли ее.

В 1991 году, во время «Бури в пустыне», иракские ракеты стали рваться на территории Израиля. Первая ракета взорвалась 18 января. Всего было выпущено 39 ракет. Жертвами обстрелов стали более 100 человек. Видимо, таким путем Саддам Хусейн хотел спровоцировать нападение арабских стран на Израиль и создать единый арабский фронт против США. Нападение не состоялось. Фронт не получился. Только Арафат, который приветствовал захват Кувейта Ираком, шумно радовался.

Израильтяне боялись, что Багдад использует химические боеголовки. Населению были розданы противогазы. Тогда обошлось. Но Ирак остался — остались и страхи.[28]

Весной 1993 года началась раздача новых, модернизированных противогазов. Не принудительно — кто хочет, меняет. Очередь нашего посольства подошла в мае. Собрали собрание. Я сказал, что войны не будет. Но желающие могут обзавестись противогазом. Кажется, кто-то обзавелся. Не знаю — не проверял.

24 мая посетил одного из самых воинственных, израильских «ястребов» Бени Бегина. Сын Менахема Бегина. Ученый (его специальность — геология). Депутат Кнессета от Ликуда. Очень сухой, сдержанный, аскетического вида (и образа жизни) человек.

С Бегином я встречался и позже. В правительстве Нетаньяху он получил пост министра науки. В октябре 1996 года он втолковывал мне, что сложившаяся обстановка очень напоминает ситуацию перед второй мировой войной, когда западные страны постоянно шли на односторонние уступки Гитлеру. Но то, что называли «умиротворение», на самом деле поощряло Гитлера к наращиванию требований. Так и у нас, говорил министр. Мы идем на односторонние уступки, а палестинцы расценивают такую политику как слабость, выдвигают все новые претензии, эскалируют насилие.

Бегин настаивал на том, чтобы «отменить» все соглашения и прекратить «дискредитировавший себя» мирный процесс.

«Лучше война?» — спросил я. «Не обязательно, — ответил

Бегин. — Ведь жили без войны почти два десятилетия». Помолчав, добавил: «Чем раньше начнется война, тем лучше. Время работает на арабов…»

Среди известных политических деятелей Израиля «ястребов» не так уж много. Один из них — Рафаэль Эйтан. Боевой генерал. С грубым лицом крестьянина, солдата. Прошел все войны. Дослужился до генерал-лейтенанта (высший военный чин в Израиле). Был начальником Генерального штаба. Очень популярен. Все зовут его «Рафуль». Живет, если по-нашему, в деревне. Прекрасный столяр. Сделал и подарил мне добротный, крепко сбитый журнальный столик, который я, к сожалению, вынужден был оставить в Савьоне.

Мне много раз приходилось встречаться и беседовать с генералом. Убежденный «ястреб». Попытаюсь суммарно изложить его credo.

Ментальность арабов сформирована в условиях тоталитарных восточных обществ. Они признают только силовые методы решения конфликтов. Поэтому они, с одной стороны, делают ставку на силу, а с другой, — способны подчиняться только силе.

До сих пор Израиль обеспечивал свое существование тем, что всегда был сильнее арабов и бил их в открытом бою. Не справившись с Израилем на поле боя, арабы перешли к другой тактике. Они накапливают оружие массового поражения, особенно — химическое и биологическое, чтобы со временем применить его против Израиля.

Одновременно ведут переговоры. Настаивают на принципе «мир в обмен на территории». А что показывает история? Израиль отдал Египту территории, но разве получил настоящий мир? Требуя территории, арабы добиваются односторонних уступок. По мнению Эйтана, указанный принцип следует применить «в обратном направлении»: арабы должны уступить нам территории в обмен на мир. Территории всегда забирает победитель. Безоговорочная капитуляция — и никаких переговоров. У Германии отобрали Восточную Пруссию и все. Израилю же сверхдержавы никогда не позволяли разбить арабов до конца, довести дело до безоговорочной капитуляции. Вот и приходится теперь «переговариваться»…

Генерал считает, что мирный процесс по существу еще не начался. Поскольку обходятся главные вопросы: судьба Иерусалима, создание независимого, «полноценного» палестинского государства, проблема палестинских беженцев, судьба еврейских поселений. Позиции сторон по этим вопросам непримиримы. И «не стоит тратить время» на переговоры. Урегулирование станет возможным лишь тогда, когда произойдут

изменения в арабской ментальности, когда арабы смирятся с тем, что Израиль сильнее и признают его право на существование.

Вот такая «ментальность» и такая, соответственно, политическая платформа. Для переговоров в ней места нет. Надо укреплять Израиль и ждать перемен в арабской «ментальности».

В 1924 году Владимир Жаботинский — культовая фигура для всего «ястребиного» крыла израильских политиков[29] — написал знаменитую, ставшею программной статью «О железной стене». Жаботинский начал с личной ноты.

> «Меня считают «недругом арабов», но это неправда. Эмоциональное мое отношение к арабам — то же, что и ко всем другим народам: учтивое равнодушие. Политическое отношение определяется двумя принципами. Во-первых, вытеснение арабов из Палестины, в какой бы то ни было форме, считаю абсолютно невозможным; в Палестине всегда будут два народа». Во-вторых, писал Жаботинский, он исходит из равноправия всех народов, всех наций. «Как и все, я готов присягнуть за нас и за потомков наших, что мы никогда этого равноправия не нарушим и на вытеснение или на притеснение не покусимся».

Зря, конечно, присягал Жаботинский. Потомки его подвели. Но в данном случае дело не в этом. Почитаем дальше.

> «О добровольном примирении между палестинскими арабами и нами не может быть никакой речи, ни теперь, ни в пределах обозримого будущего. Высказываю это убеждение в такой резкой форме не потому, что хочу огорчить добрых людей, а просто потому, что они не огорчатся: все эти добрые люди, за исключением слепорожденных, уже давно сами поняли полную невозможность получить добровольное согласие арабов Палестины на превращение этой самой Палестины из арабской страны в страну с еврейским большинством». Однако, продолжает Жаботинский, «это вовсе не значит, что невозможно никакое соглашение. Невозможно только соглашение добровольное. Покуда есть у арабов хоть искра надежды избавиться от нас, они этой надежды не продадут ни за какие сладкие слова и ни за какие питательные бутерброды, именно потому, что они не сброд, а народ, хотя бы и отсталый, но живой. Живой народ идет на уступки в таких огромных, фатальных вопросах только тогда, когда никакой надежды не

> осталось, когда в железной стене не видно больше ни одной лазейки. Только тогда крайние группы, лозунг которых «Ни за что», теряют свое обаяние, и влияние переходит к группам умеренным. Только тогда придут к нам эти умеренные с предложением взаимных уступок; только тогда станут они с нами честно торговаться по практическим вопросам, как гарантия против вытеснения, или равноправие, или национальная самобытность; и верю, и надеюсь, что тогда мы сумеем дать им такие гарантии, которые их успокоят, и оба народа смогут жить бок о бок мирно и прилично. Но единственный путь к такому соглашению есть железная стена, то есть укрепление в Палестине власти, недоступной никаким арабским влияниям, то есть именно то, против чего арабы борются. Иными словами, для нас единственный путь к соглашению в будущем есть абсолютный отказ от всех попыток к соглашению в настоящем».

Так вот вопрос теперь в том — наступило это будущее или нет, осталась ли у арабов надежда избавиться от евреев или нет. «Ястребы» утверждают: да, осталась, нет, не наступило. Легендарная женщина Геула Коэн, — которая в 16 лет ушла в «партизаны», была в радикальной группе ЛЕХИ, получила от англичан 9 лет тюрьмы, бежала с третьей попытки и снова вернулась на подпольную радиостанцию, — она говорит: «С той поры и по сегодняшний день я чувствую себя солдатом, потому что арабский мир нас еще не признал. Не только потому, что он не признает наше право на Иерусалим. Он не признает и наше право на Тель-Авив. И я должна воевать за право нашего государства на существование». Такие настроения разлиты по всему Израилю. Что делает невероятно трудной задачу политиков, решивших, что будущее уже пришло…

Человеческие отношения не сводятся к политике. Эйтан бывал у меня в гостях, я — у него. Говорили мы, как правило, не о большой политике, а о делах более житейских, о том, как живут, что думают, что чувствуют израильтяне. Познакомился у него дома с Офрой Меерсон, его любимой женщиной, которая позже стала его женой.

А однажды Эйтан созвал свой «парламент». Так он называл бывших солдат и офицеров, которые в разные времена служили под его началом, а ныне жили неподалеку от его «деревни». Заседание — сугубо неофициальное — проходило на открытом воздухе. Несколько десятков человек. Огромные столы,

заваленные всяческой крестьянской снедью. Тосты — и за Россию, и за Израиль, и кто во что горазд.

Пресса, естественно, не приглашалась. Но, столь же естественно, проникла. Репортаж был опубликован (в «Ха-Олам ха-Зе») под заголовком «Водка и чеснок: Александр Бовин в гостях у Рафуля в Тель-Адашим». Даю полный перевод.

> «Родственники, да, родственники, но немного далекие. Близкие по духу, но далекие телесно. Ситуация, оставляющая приятные воспоминания. На модернизированном предприятии ветерана-десантника Моше Оза в Тель-Адашиме производят изо дня в день гидравлические кресла для тяжелых грузовиков. В последнюю пятницу производили там другой товар — дружбу и ласки, объятия и поцелуи. Не столь уж глубокие по смыслу, но проникнутые большим чувством. Рафуль и русский посол Александр Бовин. Маленькое брюхо Рафуля. Большое брюхо Бовина. Брюхо на брюхо. Родственные души. Немного далекие телесно. Преграда — животы. Любая попытка сократить разницу порождает опасное столкновение.
>
> «Едим чеснок!» — ликуя провозглашает русский. По-прежнему очень ограниченно знающий язык. Все время изучающий и уже говорящий «едим чеснок» на иврите. В ходе тяжелейшего овладевания иностранным языком, ты прежде всего узнаешь слова, милые твоему сердцу. Бовин обожает чеснок. Рафуль, отличающийся от него своим маленьким брюхом, помогает ему. Берет головку чеснока, медленно-медленно ее разъединяет, снимает тонкую шелуху с зубчиков чеснока и прямо кладет их в рот послу Бовину. Посол молотит зубчик за зубчиком. С водкой идет хорошо. Можно купить в магазине, заводского производства. Неплохо. Но есть лучше. Водка, сделанная в частных погребах киббуца Мизра. Не для продажи, только для личного потребления. Киббуцники, мошавники, обитатели галилейских местечек пьют, наслаждаются и восхваляют. Водка с чесноком домашнего производства. Очищенная от всей души.
>
> Рафаэль Эйтан (Рафуль) и русский посол Александр Бовин впервые встретились на ужине в честь председателя российского парламента Хасбулатова, который недавно был с визитом в Израиле. «Я был у вас», — сказал Рафуль послу. Посол не понял. Рафуль пояснил: мы приехали в Москву, чтобы участвовать в

показательных выступлениях парашютистов. Тогда наши страны, добавил Рафуль, разделяли ненависть и подозрительность. Вы были нашими «заклятыми врагами». Бовин молчал, как будто соглашаясь со справедливостью приговора. Яаков Кедми, глава агентства, занимавшегося репатриацией из Советского Союза в то тяжелое время, был за хозяина. «Что было, то прошло», — заметил он. Рафуль передал Бовину свою книгу «Рафуль: история солдата» на русском языке.

Через некоторое время посол пригласил Рафуля к себе в Савьон. Русская водка лилась в глотки. Рафуль опрокидывает одну рюмку, Бовин допивает бутылку. В спорте такая ситуация называется подавляющим преимуществом.[30] Посол уже прочитал книгу Рафуля. Просит уточнить отдельные детали. Много говорят о войне Судного дня. «Вы тогда спасли Израиль», — заключает посол.

Рафуль — Не только овеянный славой солдат, он также и столяр. Бовин — не только посол, он и искусный созидатель человеческих отношений. У него есть просьба: «Вы можете сделать для меня столик под телевизор?» Рафуль, конечно, сделал. Из высококачественного дерева. Все, кто видел, не могли нахвалиться…

На встречах «парламента долины» — раз в три недели или на экстренных срочных заседаниях — общие воспоминания или когда-то введенные в оборот свои словечки объединяют сердца. Да и водка помогает. Домашняя, улучшенная, из винных погребов киббуца Мизра. Пили, ели чеснок. На иврите. Был там и отец Моше Оза. Пожилой по годам, но молодой по духу. Старинная песня с давних пор хранится в его сердце. Русская песня далеких дней, тех дней, когда еще не было Советского Союза. Он пел звонким и высоким голосом. Посол Бовин с восхищенными глазами умиляется душой. Он помнит, что и в его доме пели эту песню.

«Бовин, Бовин, Бовин», — шумит «парламент». Бовин встает. Много плоти, много водки, много удовольствия. Рафуль слегка хлопает его по плечу. Напутствие на дорогу. «Шалом», — говорит посол на иврите. Продолжает по-русски. «Хорошо мне с вами. Приятно встретить на заводе наших «русских», теперь — ваших рабочих. Хочу вам вот что сказать — не будет больше войн на Ближнем Востоке. Нет Советского Союза. А без

его помощи арабы не решатся напасть на Израиль. Впереди — мир».

Молчание. Посол говорит «маспик» и удаляется».

Очень характерная для израильской журналистики статья. Она демонстрирует типичный израильский юмор (не путать с юмором еврейским!). Она показывает распространенную методу препарировать события, перенося центр тяжести со смысла, на, так сказать, гарнир. Она довольно легко обращается с фактами. Но, действительно, маспик, что на иврите значит: «достаточно».

Внешне, по образу жизни, по восприятию жизни «ястреб» Эйтан решительно отличается от «ястреба» Бегина. Но их объединяет фундаментальное качество — порядочность, честность, наличие принципов и мужество отстаивать их. Они не занимались политиканством. Политикой — да.

На прошлых выборах в кнессет Эйтан удивил всех. Руководимая им группа Цомет (близкая к Ликуду) в четыре раза увеличила свое представительство (вместо двух мандатов — восемь). Обычно в таких случаях всякие толки, сплетни, пересуды: тут что-то не так… В данном случае этого не было. «Никому не приходит на ум оспаривать легитимность восьми мандатов Цомета. Никто не подозревает фальсификации. Никто не пикнет — а может имел место подкуп?.. И ни в одном параноидальном сознании — даже в моем — не возникает почему-то фантазия о том, что к успеху Рафуля приложили руку какие-то посторонние факторы: ЦРУ, ГБ, например. Или Сохнуты-Гистадруты. Интересанты-лоббисты-манипуляторы. Ведь речь идет действительно о новом, неожиданном, непонятном и неоправданном — и об этом толкуют на все голоса. Но почему-то ни одного голоса о том, что, дескать, дело нечисто. Почему-то, вопреки всякой логике, все уверенны априори, что дело тут чисто.

И знаете почему? Потому что оно действительно чисто. С какой стороны ни глянь — чисто. Это все равно, что войти в дом к хорошим хозяевам — чистота бросается в глаза. Видно, что это — постоянная аура дома и что нет нужды заглядывать по углам. Стопроцентно чисто и стопроцентно легитимно, думаю я, и вы, и он, и она, и они — и все». Рафуль может гордиться. Это написала Нелли Гутина — любительница, кстати, заглядывать по углам и принюхиваться к разным нестандартным запахам.

О таких «ястребах», как Шамир и Шарон, я уже упоминал. Несколько дополнительных штрихов. Было время, когда молодой лидер Ликуда Нетаньяху, то есть ex officio главный «ястреб», не ладил с Шароном. Нетаньяху называл Шарона «интриганом» — раньше он «копал под Бегина, под Шамира, теперь копает под

меня». Шарон ответил, что дело не в «интригах», а в расхождении взглядов. Шамир был не согласен с готовностью Менахема Бегина пойти на создание палестинской автономии. Ибо, полагал Шарон, автономия прокладывает дорогу палестинскому государству. По мнению Шарона, Шамир совершил «историческую ошибку», не обусловив присутствие Израиля в Мадриде прекращением гонки вооружений на Ближнем Востоке и ликвидацией всех террористических организаций. Любопытна самоаттестация Шарона: «Я упрямо утверждал в 50-е годы, что можно и нужно совершать успешные акции возмездия, и я их совершал. Я упрямо утверждал — вместе с еще немногими генералами, — что мы наверняка победим в Шестидневной войне, и мы победили. Я упрямо настаивал в начале 70-х годов на ликвидации террора в Газе, — и мне это удалось. Я упрямо настаивал во время войны Судного дня на форсировании Суэцкого канала, которое могло превратить наше поражение в нашу же победу, — и я это сделал. Я упрямо настаивал на изгнании Арафата и его людей из Бейрута, — и они были изгнаны. Я упрямо настаивал когда-то на создании Ликуда — и, несмотря на насмешки и издевательства, — мне это удалось». И все это — правда.

Хочу повторить, что «ястребов» такого полета в Израиле не так уж много. Но их идеология, подчеркнутое выдвижение ими на первый план безопасности Израиля и израильтян, их недоверчивое отношение к намерениям и политике арабов в той или иной мере разделяются значительной частью израильского общества. Именно наличие этого общего «ястребиного» фона объясняет непоследовательность, неожиданные повороты, зигзаги политики Израиля.

И последний штрих. У «ястребов» не чувствуется ничего ястребиного, когда речь заходит об израильско-российских отношениях. Несмотря на тяжелый груз предыдущих лет, они с искренней симпатией относятся к новой России. Пожалуй, даже с большей, чем новая Россия относится к ним, к Израилю вообще.

ИЮНЬ-93

Еще раз об антисемитизме — Казни египетские и бизнес в России — Медицина без мифов — Страна без Конституции

Наконец-то переехали в новый дом. Пятиэтажное здание в центре Тель-Авива недалеко от моря. Строители подвели: куча была всяких недоделок. Лифты не работали. Но уж больно надоело ждать, и решили перебираться. Три дня таскали посольский скарб. Сейфы пришлось подъемным краном доставлять на место через окна. Постепенно все утряслось.

Верхний этаж отводился для организации шифросвязи. Тут канитель была впереди. Внизу — подземный гараж, спортзал и сауна («оздоровительный комплекс»). Каждому дипломату полагался отдельный кабинет.

МИД позволил оставить консульский отдел на старом месте. Это решало сразу две задачи. Посольство избавляло себя от шума и гама очередей. Консульство расширяло свои рабочие площади. Территориальное отделение консульства от посольства вызывало некоторые «сепаратистские» настроения. Однако плюсы явно перекрывали минусы.

Разумеется, с экономической точки зрения гораздо выгоднее купить здание или построить своими силами, чем арендовать его. Но для этого требовались разовые крупные вложения. А денег, как нам объясняли, не было.

3 июня встретился с уже известным нам Эльякимом Рубинштейном. Он вновь вернулся к теме антисемитизма. На этот раз поводом послужила статья в «Правде» (какой — не помню) «Сатанинское племя». Статья отвратительная, гнусная. Даже «Правда» потом вынуждена была принести извинения. Но это было потом. А пока Рубинштейн сообщил мне, что он говорит от имени «межминистерской комиссии по антисемитизму», которая отслеживает данную тему и внимательно следит за обстановкой в России. Эта обстановка продолжает вызывать озабоченность. Рубинштейн выразил надежду, что руководство России не «подставится» по столь чувствительному не только для Израиля вопросу.

Я вновь заверил собеседника, что российское руководство не приемлет антисемитизм ни в какой форме. Но бывает, что в пылу общественно-политической борьбы тема антисемитизма прорывается во всей своей неприглядности. Сказывается несовершенство демократии в «условно-правовом государстве»,

недостаточное еще умение (а кое-где и нежелание) использовать правовые рычаги воздействия на антисемитов.

В самом Израиле понятная чувствительность к антисемитизму принимала иногда экстравагантные для стороннего взгляда формы. Скажем: можно ли в Израиле исполнять музыку Вагнера?

Напомню, что Вагнер был антисемитом.[31] Тем не менее, эстетика доминировала над этикой: евреи исполняли и слушали музыку Вагнера. Ее любил Теодор Герцль. В 1898 году сионистский конгресс в Базеле открывался под звуки «Тангейзера».

Потом были Гитлер и Холокост. Гитлер обожал музыку Вагнера и сделал ее почти официальной музыкой фашистского режима. Музыка Вагнера звучала в лагерях смерти. И этика взяла верх над эстетикой. Для многих, если не для большинства евреев исполнять и слушать музыку Вагнера стало кощунством. В 1981 году в Тель-Авиве во время исполнения оперы «Тристан и Изольда» разразился скандал, в аудитории дрались.

Вагнеровский бойкот в Израиле продолжается. Продолжаются споры. Противники бойкота довольно логичны. Они вспоминают Гоголя и Достоевского. Они справедливо пишут о том, что художественное произведение живет своей жизнью и должно оцениваться независимо от оценки личности художника. Но логика не срабатывает. Дело теперь уже не в личности Вагнера, пишет известный ученый, профессор Иерусалимского университета Александр Сыркин. «Дело в длящейся благодаря ассоциации с нацизмом личной травме». И хотя эта травма «никакого отношения к музыке не имеет, за ней не каприз, а беспрецедентный опыт Катастрофы, и тут уже ничего не поделаешь. Аргументация, сколь бы здравой и очевидной она ни казалась, здесь ни к чему. Дар сочувствия намного важнее, и тем «непредубежденным», которым посчастливилось этой травмы или психологических ее последствий избежать (а вполне могло бы быть иначе), вместо бесплодной полемики приличнее всего склониться перед пострадавшими, перед памятью и ассоциациями, пусть даже непоследовательными, которые продолжают преследовать людей, доколе они живы. И пока остаются еше жертвы Катастрофы, готовые во имя памяти пойти и сорвать концерт, — не возражать им. А следующее поколение, в котором подобные ассоциации так или иначе притупятся, рассудит по-своему».

Дискуссия вокруг музыки Вагнера заставляет всех нас еще раз остановиться и задуматься. И увидеть, понять сколь глубоки раны. И сколь натянуты нервы. Не только Холокостом. Всей

полной трагизма историей мужественного народа. И понять также, что антисемитизм в значительной мере есть проблема самих антисемитов, выражение их комплексов неполноценности, собственной ущербности, неудовлетворенности. «Мы сами не хуже, не глупее евреев, — говорят англичане. — И поэтому в Англии нет антисемитов».

Конференции продолжали собираться. Ибо всегда есть неистребимые энтузиасты. А раз конференция — значит речь. Вот, например, как это выглядело на конференции Ассоциации новых предпринимателей Израиля. Ассоциация объединяет «русских», которые решили заняться бизнесом и которые, естественно, смотрят в сторону России. Итак.

> «Получив приглашение на ваш съезд, я собирался выступить по существу, рассказать о проблемах нынешней России. Но мой друг Юрий Штерн (председатель Ассоциации. — А.Б.) популярно разъяснил, что мне отведено 7 минут и что, следовательно, от меня ждут не разговора по существу, а приветственных слов, соответствующих торжественному характеру данной церемонии.
>
> Поэтому я торжественно приветствую съезд Ассоциации новых предпринимателей и самих новых предпринимателей. Желаю вам здоровья, успехов и — главное — желаю того, чтобы новый бизнес не всегда оставался малым бизнесом.
>
> Если в ранце каждого уважающего себя солдата должен лежать, как известно, жезл маршала, то в кармане каждого уважающего себя бизнесмена, тем более — нового, должна лежать чековая книжка Ротшильда или, скажем, Айзенберга. Ну, в крайнем случае, — Константина Борового.
>
> Вот на этом и можно было бы закончить мое приветственное слово. Но поскольку у меня остается еще больше пяти минут, я позволю себе несколько менее торжественных замечаний.
>
> Каждый еврей, как вы знаете лучше меня, обязан за неделю прочитывать одну главу Торы. Чтобы понять страну, в которой я представляю Россию, понять здешний менталитет, я тоже читаю Тору. На прошлой неделе и на этой мы читаем о казнях египетских.
>
> Суровые были казни. И жабы, и вши, и дикие звери, и саранча… В общем, страхи Господни.
>
> Причем, как я с удивлением узнал, в результате этих

казней, как указано в Талмуде, погибали не только египтяне. Погибли, по некоторым оценкам, примерно 80 % евреев, которые жили в Египте.

Возникает вопрос: неужели Всемогущий, Всесильный не мог воздействовать на фараона, не уничтожая свой народ?

Всесильный сам ответил на этот вопрос. Оказывается, он «ожесточил сердце фараона» для того, чтобы совершить все знамения и чтобы, тем самым, все евреи поняли, что именно он — их Бог.

Значит, казни египетские как средство воспитания еврейского народа. Или, как писал позавчера в «Вестях» штатный комментатор Торы господин Полонский, нужно было создать кризисную ситуацию, чтобы еврейский народ пересмотрел свои целевые установки.

А теперь от казней египетских, которые все-таки далеки от нас, перейдем к сюжету более близкому — к абсорбции.

За время, которое я здесь, я не раз спрашивал себя: неужели — несмотря на объективные и всем понятные трудности, — неужели нельзя было сделать так, чтобы абсорбция сопровождалась меньшим числом потерь — и нравственных, и социальных, и политических?

Но прочитав главу «Бо» и комментарий к ней, я понял: вопрос мой наивный и зря я задаю его. Все стало ясно: трудности абсорбции, кризисные ситуации, которые она порождает, как раз и созданы для того, чтобы перевоспитать олим ходашим, чтобы переориентировать их установочные, регулятивные механизмы на ценности рыночной экономики, чтобы приучить их держать удар в неизбежной конкурентной борьбе.

Так что не жаловаться надо, а радоваться.

Этому учит Книга.

И с такой точки зрения следует, на мой взгляд, подойти к трудностям, с которыми сталкиваются те из вас, кто имеет деловые контакты с Россией.

Россия, разумеется, — зона повышенного риска.

Но — огромный рынок.

Но — дешевая (пока!) рабочая сила.

Но — недорогие (пока!) мощности.

Плюс — отсутствие для вас языкового барьера.

Не случайно в России бизнес, для того, кто преодолел страх и кто умеет рисковать удачно,

окупается в несколько раз быстрее, чем в Израиле.

У еврейского поэта Льва Халифа (он теперь живет в Нью-Йорке) есть такие строчки:

Из чего
Твой панцирь.
Черепаха? —
Я спросил и получил ответ:
— Он
Из пережитого мной
Страха.
И брони надежней
В мире
Нет.

И я надеюсь, что абсорбция в Израиле, закаливающие процедуры в России в конце концов оденут вас в такую броню, которая позволит успешно штурмовать любые высоты бизнеса. Даже в России».

Аудитория ликовала. Но до министра абсорбции, который вместе со мной украшал президиум, мой юмор как-то не дошел. Может быть, из-за перевода. Он говорил, наверное, полчаса и насчет казней египетских выразил несогласие со мною. Аудитория опять же радовалась.

19 июня началось мое личное и весьма драматическое знакомство с израильской медициной. В этот субботний день я отправился к «некошерному» соседу в сауну. При сауне — бассейн. Спускаясь туда, разодрал ногу (металлические ступеньки «заиграли»). Вызвали (по страховке) родную «Скорую помощь». Она, действительно, скоро приехала. Тут же на травке зашили рану. И хотя стало как-то кисло, сухопутная часть субботнего вечера была выполнена полностью.

Через неделю швы сняли. Казалось бы, — пустяковое дело. На мне всегда все заживало, как на собаке. Но не тут-то было. Началось что-то непонятное. Рана (она располагалась на правой голени) не собиралась заживать. Вокруг пошли какие-то лопающиеся и мокнущие волдыри. Пошли в ход примочки и повязки. Слава Богу, хоть не болело. Не мешало работать. Да и со стороны ничего не было заметно: в шортах ведь не ходил. Но очаг поражения разрастался.

Началось хождение по врачам, которое продолжалось два с лишним года. Воистину — хождение по мукам. Диагноз колебался от рожистого воспаления до трофической язвы. Было

испробовано все. Светила израильской медицины, в которую я тогда верил почти свято. Наши «русские» эскулапы. Экстрасенсы, биоэнергетики и целители. Лежал в больнице. Искусственная кожа. Какие-то немыслимые мази. Чудеса излучающей техники. То чуть лучше, то чуть хуже. В итоге: три шага вперед, два — назад. А значит, дело шло на поправку. Только уж больно медленно. То, что здесь занимает несколько сухих строчек, в жизни, наполненной переживаниями, заняло, повторяю, более двух лет.

Во время визита Рабина в Москву сумел заскочить в Кунцево, в ЦКБ. Осмотрели мою несчастную ногу, пощупали и сказали так: оставайтесь у нас на 10 дней, вылечим. Но не было у меня 10-ти дней. Поджимали какие-то события, которые, как я считал, — вот она, чиновничья психология! — требовали моего присутствия.

Перед тем, как высказать общие суждения об израильской медицине, — еще один личный опыт, на этот раз — сугубо положительный. Давно уже, задолго до Израиля у меня начали болеть колени. Остеохондроз это называется, если мне память не изменяет. Лечили меня в той же ЦКБ. Честно предупредили: лечение — это торможение неизбежного ухудшения. Несколько лет тормозили. Однако ходить, да и стоять становилось все труднее. В Израиле я вынужден был вооружиться палкой. Был один несомненный плюс. На всех приемах, где положено стоять, палка выручала: мне приносили стул. Но бывали ситуации, когда надо было и стоять, и ходить. Например, высокий визитер из Москвы. Козырев, допустим, или Примаков. Поступал так. Накануне визита отправлялся к врачу и он делал по паре уколов в каждую коленку. Обезболивал. Гарантия — на 48 часов. Двое суток другой жизни.

В конце концов принял радикальное решение — заменить обе коленки протезами. Можно было, конечно, сделать операции в Москве, Но не хотелось отрываться от посольства, да и условия для послеоперационной реабилитации в Савьоне были несравненно лучше, чем в моем московском жилище. Поэтому оперировался в Иерусалиме. Хотел сразу обе. Врачи отсоветовали. Пришлось вырезать по одной с шестимесячным интервалом (в мае и ноябре 1996 года).

Оперировал Григорий Львович Хаимский. Под местным наркозом. Делают надрез, выпиливают коленный сустав (было слышно, как жужжит пила), вставляют протез, зашивают. После этого — неделя в больнице и три недели реабилитации. Все прошло нормально. Прекрасно прошло. С тех пор хожу и даже прыгаю. Но палки не выбрасываю. Жизнь длинна — вдруг еще пригодятся. Каждый раз, когда появляюсь в Израиле, звоню

Григорию Львовичу и говорю: «Спасибо!» Разумеется, это «спасибо» относится и к израильской медицине. С поправкой на «русские» руки хирурга.

А теперь — с учетом своего собственного опыта — и минусового, и плюсового — хочу поговорить об израильской медицине, хочу попробовать отделить легенды, которыми обросло израильское здравоохранение, от фактов.

Главный факт — это хорошее, добротное здравоохранение, находящееся на уровне мировых стандартов. Главная легенда — это слишком хорошая, превосходная, медицина, чуть ли не творящая чудеса.

У израильской медицины современная техническая база, современное оборудование, современные материалы. Соответственно — диагностика, соответственно — протезирование. Много хороших и разнообразных лекарств. Вполне приличные обслуживание и уход в больницах. Особо я выделил бы помощь пожилым и старым людям.

Что нам, которые привыкли к медицине советской, кажется странным? Нельзя бесплатно вызвать врача на дом. Нет бесплатной «Скорой помощи». И вообще «Скорая» только отвозит в больницу, а не оказывает помощь на дому. Но это, допустим, мелочи. Сам характер медицины иной. Врач, как правило, смотрит на вас отстраненным, компьютерным взглядом. Он предпочитает смотреть на экран компьютера, а не в ваши глаза. Он дает вам направления на анализы и специальные исследования, а потом интересуется не столько вами, сколько — результатами.

Меня как-то направили на компьютерную диспансеризацию. Сел напротив компьютера. Зажигается надпись. Например: «Беспокоит ли Вас сердце?» Если я нажму клавишу «да», на экране появится перечисление нескольких вариантов «беспокойств». Выбираю нужный мне. Появляется. еще ряд детализирующих вариантов. И далее — насколько у программиста хватило знаний и воображения. Так прошлись по всем органам и функциям. Что заняло довольно много времени. Затем врач изучает выданные машиной бумаги. И, наконец, беседа с врачом. Самое забавное, что компьютер не смог выудить у меня сведения о том, что меня больше всего беспокоило. Не запрограммирован был на это. Если бы я с самого начала имел дело с врачом, то сэкономил бы много своего времени и казенной бумаги.

Компьютерное сильнее человеческого. Лечат не человека, а болезнь. Явный дефицит внимания, сочувствия, сопереживания. Говорят, что это «американская школа». Но от этого не легче.

Появление тысяч «русских» врачей, которые воспитывались

на принципах классической «земской» медицины, сказывается на общей картине. Во всяком случае — для «русских» пациентов. Но репатриантам не просто пробиться в израильскую медицину. Если стаж меньше 20 лет, надо сдавать экзамен (на иврите!). После долгой борьбы, в которой участвовало и посольство, удалось снизить планку годности до 13 лет.

Теперь — о ценах. Большинство израильтян имеют медицинскую страховку. Она оплачивается ежемесячными взносами граждан и работодателей. Существуют разные виды страхования с разным набором льгот. Застрахованные получают лекарства с большой скидкой и пользуются бесплатными поликлиниками.

Стоматология платная. Весьма дорого обходятся пребывание в больнице и операции. Скажем, операция на сердце — примерно 25 тысяч долларов. Мне мои обе коленки стоили 46 тысяч. Всякая дополнительная услуга в больнице (телефон, телевизор) стоит денег. Средний срок пребывания израильтянина в больнице — 5 суток (1-е место в мире).

Частная медицина очень дорогая. Последнее время заметна тенденция к приватизации медицинского обслуживания. А, значит, и к его удорожанию.

В одном из наиболее популярных путеводителей по Израилю я наткнулся на такой пассаж: «Когда израильтяне испытывают боль, они, как правило, очень бурно выражают свои чувства. Поэтому, если вы находитесь в кабинете неотложной помощи с приступом аппендицита и готовы от терзающей боли взорвать все вокруг, дайте выход своим эмоциям. Более того, если вы будете стоически сносить страдания, то персонал решит, что вы не настолько больны, и окажет помощь прежде всего другим пациентам, не оценив по достоинству вашу сдержанность». По характеру юмора сразу видно, что путеводитель делали не израильтяне…

Знакомя читателей с израильской медициной, не могу не упомянуть о буре, которая разразилась в Израиле во второй половине 80-х годов и отголоски которой докатились до меня. В 1985 году появилась книга «Кровопролитие в медицине. Личное свидетельство». А в 1989-м — другая книга «Медицинская мафия в государстве коррупции». Автором обеих книг, которые камня на камне не оставили от израильского здравоохранения, был Юлий Нудельман. Он приехал в Израиль из Москвы в 1971 году. Работал хирургом в больнице «Рамбам», заведовал хирургическим отделением в больнице «Барзилай» в Ашкелоне. Участвовал в войнах Судного дня и «Мир Галилее», оперировал на поле боя.

В послесловии к первой книге Нудельман писал:

> «В результате долгих наблюдений, рассуждений, анализа я пришел к выводу о низком уровне нашего медицинского обслуживания, о росте антигуманных тенденций в нашей медицине, о наличии в ней мафий, ведущих медицину в антинациональном направлении, о том, что бытующие в народе представления относительно высокого уровня медицины Израиля ложны… Я писал книгу, испытывая настоящую физическую боль и душевные муки… Я убежден, что пришло время свергнуть идолов. Чем скорее население узнает и осознает правду о медицине, тем успешнее оно сумеет оградить себя от ее пороков — и результаты не замедлят сказаться… Разочаровывать других тяжело, но и не легко самому разочаровываться. Я долгое время жил под гипнозом вымышленных представлений об идеальном еврейском обществе и о великих достижениях еврейского народа во всех областях и особенно в медицине… Разочарование всегда болезненно. Но только знание неприкрашенной истины, как бы оно ни было мучительно, может привести к радикальным изменениям и прогрессу».

Нудельман утверждал, что израильская медицина сплошь коррумпирована. В здравоохранении правят бал узкие мафиозные группы. Ставят неправильные диагнозы. Лечат отвратительно. Обирают больных. Не дают ходу врачам, приехавшим из Советского Союза. Et cetera.

После всех этих инвектив Нудельману, естественно, пришлось покинуть медицину. Но он остался на плаву.[32] Когда я с ним познакомился, он занимался бизнесом (пахал израильско-российскую ниву) и политикой (в рядах партии Третий путь). И оставался типичным «разгребателем грязи». Его удары были направлены против «советизации» Израиля (он видит такую опасность), против Сионистского форума и лично против Натана Щаранского.

Мне трудно судить, насколько прав Нудельман. Мои личные наблюдения не подтверждают его зубодробительных выводов. Но мои наблюдения неизбежно поверхностны. То, что он видел изнутри, я видел в основном снаружи. Как бы то ни было его книги, как минимум, подтверждают, что и на Солнце есть пятна. И даже большие.

В Израиле обожают антибиотики. И вообще всякие таблетки. Я же предпочитаю физиотерапию, конкретнее — терапию мануальную. С благодарностью вспоминаю Арика Брандта,

Геннадия Нестеренко,[33] Александра Слободского. А когда жаждал чуда, отправлялся к радиоэтезиологу (не берусь объяснить, что это такое) Владимиру Борисовичу Киселеву или к биоэнергетику (это понятнее) Эсфири Вайнштейн. Чудес, увы, не было, но все равно было приятно.

22 июня во «Времени» появилась небольшая заметка «Еще один запрет». В ней сообщалось о том, что бывший главный раввин Израиля рав Мордехай Элиягу запретил мужчинам читать или разглядывать журналы для женщин. По мнению рава, такие журналы вызывают у мужчин «развратные и грешные чувства». Запрет, комментирует газета, касается прежде всего мужчин, сидящих в очередях в парикмахерских или поликлиниках, где женские журналы выложены на столиках. «Пусть лучше в носу поковыряют». Газета напоминает, что ранее рав Мордехай Элиягу запретил евреям читать в субботу газетные материалы экономического содержания.

На первый взгляд, случай частный и — с точки зрения неизраильской — почти анекдотический. Однако за ним — громаднейшая, пожалуй, самая главная, самая трудная проблема Израиля. Законы Божьи и законы человеческие. Религия и государство. Религия и демократия. Религия и Конституция. В общем: соотношение религии и политического строя. Или по-другому: существует ли в Израиле свобода совести? Существует ли правовое государство с единой системой права? Или еще по-другому: почему в Израиле до сих пор нет Конституции?

Поначалу отцы-основатели, а все они считали себя демократами, защитниками прав человека, рассчитывали принять Конституцию не позднее 1 октября 1948 года. Не получилось. Не получилось, грубо говоря, потому, что сионистская Конституция не хотела становиться демократической, а демократическая не могла быть сионистской.

Противники Конституции (к ним принадлежал, в частности, Бен-Гурион) выдвигали следующие аргументы:

1. Для зашиты прав человека вовсе не обязательно иметь Конституцию. В Великобритании ее нет, а с правами все в порядке. В СССР она есть, а прав нет.

2. Израиль — государство всех евреев. Пока же у нас собрались примерно 10 % евреев мира. Мы не можем решать за большинство.

3. Израиль в кольце врагов. А в кризисной ситуации невозможно принять либеральную Конституцию.

4. У еврейского народа уже есть Высший закон — Тора. И нет необходимости в законе, написанном рукой человека. «Израиль, — заявил один из религиозных лидеров Меир

Ливенштейн, — не нуждается в конституции, сотворенной людьми. Если она будет противоречить Торе, то это бунт против Всевышнего, если же она будет идентична Торе, зачем она нужна?»

5. Либеральная, демократическая, провозглашающая равноправие всех людей Конституция неизбежно окажется антирелигиозной.

Споры продолжались два года. В конце концов 13 июня 1950 года состоялось голосование в Кнессете. Против конституции — 14. За — 39. Большинством в 50 голосов кнессет решил так: будем постепенно принимать Основные законы, каждый из которых явится главой будущей конституции.

Сказано — сделано. Принято 11 Основных законов.

О Кнессете.

О Правительстве.

О Президенте.

О земельной собственности государства.

О народном хозяйстве.

Об армии.

Об Иерусалиме — неделимой столице Израиля.

О судопроизводстве.

О государственном контролере.

О свободе труда.

О чести, достоинстве и свободе человека.

Обратите внимание. В этом перечне отсутствует закон о правах человека и гражданина. Такой закон не может существовать, если он не признает равноправия всех граждан. В Израиле же граждане не равноправны. Первым сортом идут евреи, особенно — религиозные. Остальные — вторым. Я сознательно опускаю здесь нюансы и всяческие уточнения и оговорки. Чтобы рельефней проступило главное: израильское государство признает неравноправие своих граждан.

Впрочем, одно уточнение сделаю. Даже внутри «первого сорта», среди евреев, некоторые (вспомним Оруэлла) «равны больше, чем другие». Другие — это сторонники разных форм неортодоксального иудаизма, который не в чести на Земле Обетованной. Но диссиденты неискоренимы. В Израиле существует Движение прогрессивного иудаизма. При нем есть Центр еврейского плюрализма. Руководит Центром раввин Ури Регев. «Израиль, — говорит он, — единственная страна в демократическом мире, где граждане не наслаждаются подлинной свободой. Абсурд в том, что израильтяне пользуются меньшей свободой совести и вероисповедания, чем, например, евреи в России».

Вернемся к более общей теме. Пресса полна возмущенных писем по поводу нетерпимости, наглости ордодоксов. Люди протестуют против необходимости всем подчиняться установлениям, которые отражают мировоззрение лишь части общества. Принцип демократии — меньшинство пользуется правами и свободами, которые имеет большинство. В Израиле же ортодоксальное меньшинство навязывает большинству свои порядки, свои представления о «правах человека».

> «Непонятно, — пишет в «Вести» читатель А. Дуклер, — почему власть предержащие сквозь пальцы смотрят на хулиганствующих ортодоксов, забрасывающих камнями машины светских граждан. Интересно, как бы повели себя правоохранительные органы, если бы аналогичными действиями светские подвергали опасности религиозных?
>
> Религиозные евреи возмущаются тем, что светские едят некошерную пищу, ходят в «нескромной» одежде, ездят в субботу на машинах и т. д. Почему они считают своим правом поучать всех, навязывать всем свои правила поведения, свою моду, правила жизни?
>
> Они провозглашают: «нарушающий субботу да умрет!» Но кроме обязанности чтить субботу есть и другие заповеди, среди них — «Не убий!»…
>
> Если за нарушение субботы полагается смерть, то какому наказанию следует подвергнуть нарушителя заповеди «Не убий»?
>
> Или соблюдать заповеди можно избирательно?»

Типичное письмо. Типичная логика: мы вам не мешаем, и вы нам не мешайте, не лезьте в нашу жизнь.

Иногда смотрят глубже. Надо отделить религию от государства, и тогда все станет на свои места. Так сказать, Богу — Богово, кесарю — кесарево. Параллельные непересекающиеся миры. Всем — Конституцию. Тем, кто верит, еще и Тору. В личной жизни Тора, обеты «главнее» Конституции. Но в жизни государственной, политической, социальной Конституция, демократия пользуются неоспоримым приоритетом.

Однако классический сионизм, ортодоксальный иудаизм не приемлют этот подход европейского Просвещения.

Ленин как-то заявил: нравственность, мораль — это то, что служит коммунизму. В Израиле можно услышать: демократия — это то, что служит сионизму. Любопытно в этой связи выступление А. Шарона в Кнессете в июне 1993 года. Не случайно, говорил Шарон, в Декларации независимости нет слова

«демократия». Не случайно потому, что сионизм ставил своей целью не создание еще одной демократии в мире, а создание еврейского государства, которое принадлежит еврейскому народу и только ему. «Сионизм с самого начала, — продолжал Шарон, — считаясь с необходимостью стимулировать упрочение еврейского присутствия в стране, его рост и укоренение, не мог действовать по правилам демократии». Ибо большинство населения Палестины составляли арабы, а они «демократически» никогда бы не пустили туда евреев. «Когда дело касается судьбы евреев в Эрец-Исраэль, — заключил генерал, — демократично лишь то, что утверждает наше историческое право на землю предков».

Если принять такую точку зрения, — а пока она господствует в Израиле, — то Конституция может иметь смысл лишь тогда, когда она закрепляет сионистский характер Государства Израиль как государства еврейского народа и для еврейского народа. Соответственно, она будет защищать не права некоего абстрактного «человека», человека вообще, а права евреев. Соответственно же, она будет демократичной, но лишь в пределах сионистского толкования понятия «демократия».

Проблема гораздо глубже столкновения политических позиций, демократов и антидемократов. Перед нами — реальный парадокс, уходящий корнями в историю и религию еврейского народа. И пока эта традиция жива, Израиль будет государством евреев и для евреев. А когда он станет государством для своих граждан, независимо от вероисповедания, это уже будет совсем другой Израиль. Если развитие человечества подчиняется общим закономерностям, то рано или поздно, как мне кажется, это произойдет…

Будущим, однако, пусть занимаются внуки. Что же касается настоящего, то израильтянам, израильским властям, израильской элите стоило бы серьезно задуматься над тем, как, — не дожидаясь Конституции, не углубляясь в метафизические дебри, — стать более терпимыми друг к другу. Не поступай с другим так, как ты не хочешь, чтобы он поступил с тобой.

ИЮЛЬ-93

Долг Собчака и Станкевича— Чеченский след в Израиле

23 июля в московской «Правде» появилась статья «Какой Собчак не любит Тель-Авив». Ее автор, Исраэль Шамир, нечто вроде израильского власовца, израильтянин, еврей, который поливает грязью Израиль и, судя по всему, не испытывает особой симпатии к евреям. Речь шла и обо мне. Цитирую:

> «…Что касается посла Бовина, то еще до моего отъезда из Москвы до меня донеслись слухи о близящемся отзыве Бовина: политический назначенец, немолод, говорят, не умеет работать. Бовин достаточно популярен, врагов у него нет — ни в посольстве, ни за его стенами. Главный источник раздражения на бытовом уровне — огромные деньги, взимаемые консульством за визы и прочие услуги. Обычная виза зашкаливает за сто долларов, что можно понимать лишь как личный вклад посла в борьбу с туризмом.
>
> Дважды подвели Бовина и его демократические дружки. Оба раза — на несколько десятков тысяч долларов. Если российское посольство будет когда-то арестовано и окажется в долговой яме, вина ляжет на гг. Собчака и Станкевича.
>
> Первой послал в Израиль свою знакомую Собчак. В сопроводительном письме к Бовину он просил обеспечить полное лечение данной гражданке и клялся заплатить за все с гонораров от издаваемых за границей книг. Дама получила исцеление по недешевым тарифам израильской медицины под личное обещание Бовина как посла России. У г. Собчака давно появились источники доходов повернее, чем книжки и статьи, но по счетам так никто и не уплатил.
>
> Вскоре и представитель другой российской столицы — Сергей Станкевич послал свою подругу на отдых в Израиль. И снова Бовин гарантировал уплату. И снова отдых обошелся в десятки тысяч долларов. И снова «друг» не захотел поделиться лично нажитым…
>
> Но одна история, которую я слышал в Тель-Авиве, говорит в пользу Бовина как человека. После поездки Горбачева в Японию «великодушный» президент всея

Руси Борис Ельцин приказал примерно наказать всех работников посольства, принимавших экс-лидера.

Вскоре Горбачев отправился в Израиль. И Бовин, запретив своим сотрудникам встречаться с ним («Молоды, пожалейте свою карьеру»), сам принял отставного властителя и сопровождал его все время визита. Хотя и не осталось у меня любви к М.С.Горбачеву, да и кумир демократов из газеты «Известия» симпатичен не был, за это я ему многое простил».

Спасибо, конечно. Однако меня больше интересует долговая часть сочинения Шамира. Тут почти все перепутано. И Собчак, и Станкевич напрямую обращались к израильским властям. Так что никаких «гарантий» я не давал. И никто не мог предъявить претензии к посольству. В Израиле лечилась не «подруга» Станкевича, а болевший раком великий артист Борисов.

К сожалению, Шамир прав в том, что Собчак и Станкевич отказались выполнять свои обязательства. И для меня это была не юридическая, а моральная проблема. Стыдно, когда политические деятели не держат слово. Стыдно перед израильтянами.

Я пытался как-то выбить деньги. Даже говорил на эту тему с женой Собчака, очаровательной Людмилой Борисовной. Писал в разные инстанции.

Получился ответ из Министерства финансов.

«По поручению Правительства Российской Федерации от 20 августа 1993 года (№ 6301) Министерство финансов Российской Федерации рассмотрело сообщение посла Российской Федерации в Израиле А.Е.Бовина об оплате проведенного в Израиле лечения жительницы Санкт-Петербурга А.И.Юлиной по обязательствам мэра Санкт-Петербурга А.А. Собчака, а также актера О.И. Борисова по обязательствам советника Президента Российской Федерации С.Б.Станкевича и сообщает следующее.

Минфин РФ полагает, что принятые финансовые обязательства мэра Санкт-Петербурга А.А.Собчака, вытекающие из его письменного обращения к премьер-министру Государства Израиль г. И.Шамиру, а также финансовые обязательства советника Президента Российской Федерации С.Б.Станкевича не дают основания для оплаты расходов по лечению А.И.Юлиной и О.И.Борисова за счет средств республиканского бюджета».

Поскольку больницы продолжали надеяться на получение денег и поскольку в игру вступил МИД Израиля, я отправил послание руководителю Администрации Президента С.А.Филатову. Он не нашел времени для ответа. Тогда я обратился к В.С.Черномырдину. «…Ответ Минфина, — писал я, — юридически неуязвим. Но так как речь идет об авторитете России, решающими являются не юридические, а политические соображения. Вот почему, уважаемый Виктор Степанович, я просил бы Вас лично вмешаться в это дело и дать указание соответствующим органам рассчитаться с больницами». Виктор Степанович не вмешался.

Кончилось тем, что за Собчака расплатились сами израильтяне. А за Станкевича (он был должен 22597 шекелей) расплатилось позже правительство Кириенко.

Противная история. Как уважаемые люди позорят Россию, которую сами же и представляют. Вопрос не столько политики, сколько совести.

В Израиле появился представитель Ичкерии (Чечни). В лице Евгении Финклер. Сама она — русская, христианка. Муж — еврей. Надумали уезжать в Израиль. И Дудаев, у которого Финклер была советником по вопросам образования, предложил соединить приятное с полезным и назначил ее «представителем Ичкерии в Государстве Израиль по вопросам культуры и экономики».

Разумеется, израильский МИД дал ей, что говорится, от ворот поворот. Тут у нас было полное взаимопонимание. Мой МИД решительно рекомендовал мне не поддерживать с ней никаких контактов. Тут полного взаимопонимания не было. Чечня тревожила, бередила душу. И мне интересно было припасть к источнику. Поэтому я пару раз встречался приватно с «представительницей». Помню, в октябре она даже привезла мне из Ставрополья шмот сала и какую-то вяленую рыбу. К моему удивлению, уверяла, что вся Чечня за воссоединение с Россией, только Дудаев — против. В декабре будут большие перемены, говорила она с таинственным видом. Но, кажется, ошиблась…

С Чечней связаны еще два эпизода.

В январе 1995 года напротив посольства состоялась небольшая (человек 30) демонстрация израильских мусульман. Стояли с плакатами. Хором что-то скандировали. Наверное, «Руки прочь от Чечни!». Полиция бдела. Демонстранты скоро разошлись.

Другой эпизод совсем иного свойства. Я помогал врачу, энтузиасту, милому человеку Михаилу Ароновичу Пархомовскому издавать интереснейшие сборники «Евреи в культуре русского

зарубежья».[34] Помогал — в смысле искал спонсоров и выдавливал из них деньги. А Лена Петровна в Москве искала материалы и авторов. Встречались семьями. Выезжали на природу и жарили шашлыки. Все путем.

Чечня там, а мы тут. Но что-то там стряслось в очередной раз, что — не помню. Кто-то сказал очередную глупость или не сказал то, что надо было сказать. Не помню. Получаю письмо от Пархомовского. Читаю: «В моих глазах Вы были представителем той благородной и бескорыстной передовой русской интеллигенции, оппозиционной к «неправедному» правительству. Сейчас же я вижу в Вас в первую очередь представителя той великодержавной России, которая вместо возделывания своей земли и возрождения собственной страны занята культивированием русского фашизма и вооружением потенциальных противников цивилизованного мира. Поэтому я не могу принять Вашу помощь».

Я пытаюсь правильно понять Пархомовского. Но не получается. Какие-то трудности с интеллигентностью. Передовой еврейской…

А Финклер продолжает «представлять». Слышал, что Масхадов подтвердил ее полномочия.

АВГУСТ-93

«Двойное гражданство» — Тайные встречи в Осло

Наконец-то из Москвы пришел текст Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О гражданстве РСФСР»», вошедший в силу 14 июля 1993 года. С нашей, израильской, колокольни суть изменений виделась в том, что теперь при восстановлении (приобретении) российского гражданства не нужно было требовать предоставления документа, подтверждающего отсутствие (прекращение) иного гражданства.

Как и раньше, двойное гражданство — в строгом, международно-правовом смысле этих слов — не признается. Точнее, признается возможность признания такого гражданства, когда и если появятся международные договоры о двойном гражданстве. Пока, повторяю, их нет.

Но теперь — и в этом принципиальное изменение российской позиции — гражданин, например, Израиля, если он уехал из России (или — из РСФСР), может или сохранить российский паспорт, или вновь получить его. А дальше начинаются юридические дебри, преодолеть которые я не рискую.

Рассмотрим для сравнения израильскую точку зрения. В Израиле к человеку, который обрел израильское гражданство, оставив еще и гражданство другой страны, относятся только как к израильтянину, обязанному жить по законам Израиля. Другими словами: вы можете иметь английский (российский, американский и т. д.) паспорт. И когда вы появитесь с этим паспортом в Англии (России, США и т. д.), вы будете гражданином Англии (России, США и т. д.). Но пока вы живете в Израиле с израильским паспортом, вы для израильских властей только израильский гражданин. То есть Израиль не признает двойного гражданства, но не возражает против наличия двух паспортов.

Вернемся в Россию. Ситуация иная, можно сказать, противоположная. Люди не приезжают в Россию, а уезжают из нее. Не только в Израиль. Растет русская (без кавычек) диаспора в мире. И сообразили: зачем отталкивать, отрезать их от Родины? Не лучше ли — и политически для России, и психологически для эмигрантов — разрешить им иметь российский паспорт и, тем самым, сохранять ощущение связи с Россией? Решили, что — лучше. И перестали требовать отказа от иного гражданства для получения российского паспорта.

А теперь от юридических замысловатостей перейдем к практике. Что давал российский паспорт гражданину Израиля? Во-первых, возможность ездить в Россию, не тратя время и деньги на получение визы. Во-вторых, возможность, будучи в России, не чувствовать себя «иностранцем». В-третьих, многим, особенно — пожилым людям, российский паспорт давал чувство внутреннего комфорта.

К сожалению, за комфорт приходилось платить. В то время, о котором идет речь, желающие узаконить свои отношения с Россией облагались «данью» в размере от 1070 до 1570 шекелей (более 500 долларов).

Россия поступала не благородно. Понимаю, что это не политическое, не дипломатическое определение. Но другого слова не подберу. Мы дважды обманывали своих граждан.

Первый раз, когда брали по 500 рублей за автоматическое лишение гражданства. Ибо, по постановлению Совмина СССР, указанная сумма должна взиматься только с тех, кто подает заявление о выходе из гражданства, то есть делает это по собственной воле, по собственному желанию.

Второй раз, когда стали брать деньги за так называемое восстановление гражданства «в порядке регистрации». В законе сказано:

> «Бывшие граждане РСФСР, лишенные гражданства или утратившие его без их свободного волеизъявления, считаются восстановленными в гражданстве Российской Федерации».

Считаются восстановленными — и точка. Без всяких, согласно смысла Закона, поборов и бюрократических процедур. Однако чиновники, в руках которых была реальная власть, реальное право толковать законы, решили по-другому. Они не привыкли извиняться, не привыкли краснеть за Россию. Извиняться и краснеть приходилось нам…

13 сентября в Вашингтоне с максимально возможной помпой была подписана Декларация о принципах договоренности в сфере временного самоуправления. Как бы итог напряженных переговоров между израильтянами и палестинцами. Но именно «как бы». На самом деле Декларация готовилась в стороне от официальных встреч. Ее в страшной тайне готовили несколько человек в Осло и вокруг Осло. Недаром эта Декларация о принципах именуется «Осло-1».

Тайные встречи в Осло начались в январе и завершились в августе 1993 года. Начнем с конца.

23 августа в Москву прилетел Абу Мазен (настоящее имя —

Махмуд Аббас), ближайший сподвижник Арафата. Официальная цель визита — подготовка XI раунда переговоров. Провели рабочую встречу. Пообедали. После чего Абу Мазен, оставшись один на один со своим старым другом В.В. Посувалюком, сообщил ему, что XI раунд скорее всего не понадобится, так как Декларация принципов уже парафирована в Осло. Американцы, добавил Абу Мазен, еще ничего не знают, и поэтому он просит Посувалюка хранить все это в тайне, пока израильтяне не информируют Кристофера. Далее цитирую Абу Мазена:

> «Я еще не успел закончить своих слов, как Виктор бросился меня целовать и поздравлять с этим великим историческим свершением. В порыве радости он даже забыл спросить меня о деталях происшедшего. Он забыл также спросить о сущности соглашения, его пределах, перспективах и проблемах, которые оно поднимает. Я видел, что в его глазах сияют счастье и гордость. Мне казалось, что от радости он заплачет».

Наверное, Виктор Викторович все-таки не заплакал. Но событие, действительно, было историческое.

А начиналось так. В декабре 1992 года в Лондоне состоялось заседание координационного комитета по многосторонним переговорам. После заседания глава палестинской делегации на многосторонних переговорах Абу Аля конфиденциально встретился с профессором Тель-Авивского университета Яиром Хиршфельдом, человеком близким к Йоси Бейлину.

К этому времени и израильтяне, и палестинцы испытывали неудовлетворение ходом их встреч в двустороннем формате. Открытость этих встреч для общественного мнения приводила к тому, что интересы дела часто приносились в жертву пропаганде. Возникла потребность в закрытом канале обмена мнениями. Палестинцы предложили Москву. Но Москва не устраивала израильтян. Инициативу проявили норвежцы. И Хиршфельд предложил Абу Аля продолжить неофициальные переговоры в Норвегии. Идея была доложена Арафату и принята им. При условии сохранения строжайшей секретности и ограничения переговорщиков очень узким кругом доверенных лиц.

Первая встреча состоялась в ста километрах от Осло в Сарпборге. Израиль был представлен кроме Хиршфельда еще Роном Пундаком, тоже единомышленником Бейлина (практически это означало, что за переговорами стоит Перес). Группу из трех палестинцев возглавлял Абу Аля. Переговоры курировал министр иностранных дел Норвегии Йорген Хольст. Непосредственно организацией встреч занимались норвежские

дипломаты Терри Ларсен и Мона Юлл (его жена по совместительству). Очень милые, интеллигентные люди, такт и обаяние которых в значительной мере способствовали созданию атмосферы непринужденного общения.[35]

Постепенно переговоры набирали обороты. В мае на V раунде, подводя предварительные итоги пройденного пути, Хиршфельд имел основания сказать: мы начинали со сбора информации, затем было достигнуто взаимное согласие, потом мы получили официальные полномочия, затем обрели легитимность и, наконец, были достигнуты определенные договоренности. В ходе этого раунда был составлен черновой вариант Декларации о принципах. На VI раунде к израильской делегации присоединился генеральный директор МИДа Израиля Ури Савир,[36] а на VII — Йоэль Зингер, который рассматривался как представитель Рабина. Это означало, что переговоры поднимаются на новый, более высокий уровень. (В скобках следует заметить, что по соображениям секретности каждый раунд переговоров проходил в новом месте.)

Последний, XII раунд переговоров состоялся 14 августа. Декларация была «почти» готова. Но за этим «почти» еще скрывались существенные разногласия. Однако наработанный материал, инерция позитивного взаимодействия сторон, желание довести дело до конца позволили совершить исторический прорыв.

Вечером 17 августа начинается телефонная фаза переговоров между Стокгольмом (там находились Перес и Хольст), Тунисом (там на проводе был Арафат) и Тель-Авивом (там говорил Рабин). Разговоры по телефону продолжались семь часов. Рано утром 18 августа все скобки были сняты. Здравый смысл победил!

20 августа в Стокгольме соглашение было парафировано. Путь на вашингтонские торжества был открыт.

СЕНТЯБРЬ-93

Вашингтон: «Осло-1» — «Формула счастья» — Немножко о Шагале

Сентябрь прошел под знаком вашингтонского церемониала, вызвавшего вспышку ожесточенных споров между сторонниками и противниками норвежских соглашений.

Декларация, подписанная в Вашингтоне, состоит из 17 статей и включает в себя 4 приложения.

Целью переговоров объявляется учреждение органов палестинского самоуправления на переходный период. Переходный период не должен превышать пяти лет, и начнется он с отступления израильских войск из сектора Газа и с территории Иерихона. Характер и задачи переходного периода будут детализированы в специальном промежуточном соглашении. Далее, но не позднее начала третьего года переходного периода, начнутся переговоры о постоянном статусе (Иерусалим, беженцы, поселения, границы, меры безопасности и другие вопросы).

Предполагалось, что соглашение о выводе израильских войск из сектора Газы и с территории Иерихона будет подписано до 13 декабря 1993 года, а сам вывод войск завершится к 13 апреля 1994 года. К 13 июля 1994 года следовало выработать соглашение об условиях проведения выборов в автономии.

График этот по разным причинам не выдерживался, что давало обеим сторонам обильные поводы для недовольства и подозрений.

В Израиле и за его пределами Декларация принципов была встречена по-разному. В нее (и в возможность ее интерпретации) с самого начала была заложена некая существенная неоднозначность.

Палестинское самоуправление (автономию) можно было рассматривать как шаг в сторону образования независимого палестинского государства. И вместе с тем автономию можно было трактовать как меру, предотвращающую появление суверенного палестинского государства. Отсюда и неоднозначность реакции.

Против Декларации решительно выступили, с одной стороны, израильские правые, «ястребы», обвинявшие Рабина и Переса в предательстве интересов Израиля, сионизма, а с другой, — палестинские (арабские) экстремисты, которые в предательстве, сдаче позиций, капитуляции обвиняли Арафата. Логику тех, кто

возражал против появления в Палестине рядом с Израилем арабского государства, хорошо передает метафора Мордехая Нисана, специалиста по арабской культуре. «Двум государствам здесь просто не разместиться. Представьте, что двух псов загнали в одну конуру и говорят им: в этом углу будешь спать ты, а в этом — ты, живите дружно. Абсурд. Один из псов загрызет другого, и ему достанется вся конура».

В поддержку Декларации высказывались, с одной стороны, те, кто надеялся, что рано или поздно, не мытьем так катаньем Арафату удастся «объехать» израильтян и создать настоящее палестинское государство. Со стороны же другой Декларацию поддерживали те, кто был уверен, что у Израиля есть все возможности удержать ситуацию в пределах «палестинского образования» и наладить с этим «образованием» устойчивые, взаимовыгодные отношения.

Представляя Декларацию принципов Кнессету, премьер-министр заявил: «Мы не скрываем ничего от кнессета и народа. Наряду с большими преимуществами в соглашениях скрываются и опасности. Мы не закрываем на них глаза. Мощь ЦАХАЛА, лучшей из армий мира, остается в нашем распоряжении, если наступит, Боже, упаси, час испытаний.

Обратим же свои взоры к миру, которого мы так хотим и который изменит нашу жизнь до неузнаваемости. Это шанс перестать жить на мечах, перестать лить слезы, открыть новые горизонты в экономике. И я хочу сказать вам: это победа сионизма, удостоившегося признания злейших и заклятых своих врагов. Это шанс прийти к доброму соседству, к концу войн и потерь в нашей среде. Я призываю всех депутатов Кнессета дать возможность осуществить этот великий шанс».

Депутаты такую возможность дали 61 голос «за», 50 — «против», 8 депутатов воздержались. Голосование показало, что оппозиция норвежским соглашениям достаточно сильна. Израильское общество оказалось не готовым к быстрым и крутым переменам. А на другом политическом полюсе палестинцы оказались не способными пройти свою часть пути. Но это уж потом…

Сентябрь в Израиле — месяц новогодний. Встречали 5754 год. От сотворения мира. В этом году гуляли 16–17 сентября. Мы с друзьями отправились в лес. Долго искали место, где деревьев больше, чем людей. Нашли, наконец, недалеко от Хайфы. А дальше — новогодние шашлыки… Только днем, а не ночью.

Есть и официальные гуляния. 8-го принимал премьер-министр. 14-го в 11.00 большой президентский прием в здешнем Белом домике. Очередь к президенту и его супруге. Рядом

положено стоять министру иностранных дел, но он еще в Вашингтоне. Сначала движутся послы. Их было 39. Выстраивают по датам вручения верительных грамот. На этот раз мой номер — 16. Затем идут временные поверенные, коих 21 человек (я не пересчитывал, просто протокол раздает всем бумажки со списками). Каждый говорит несколько слов. Некоторые побольше, поскольку для них это редкий случай поговорить с президентом. Так что процедура растягивается.

На травке накрыты столы. Можно выпить и закусить. Стоя. Но моя палка выручает — приносят стул. Играет оркестр. Дипломаты общаются между собой и с израильскими «сливками». Президент расхаживает среди гостей Уезжаем одними из первых, поскольку такого рода мероприятия не привлекают ни меня, ни Петровну.

В еженедельнике «Калейдоскоп» напечатано интервью под названием «Формула счастья по Александру Бовину»:

— Каждый кузнец своего счастья, но не всякому удается выковать его. Как это удалось Вам?

— Перед тем, как ложиться спать, мой внук Макар Сергеевич подходит ко мне, и я целую сначала одно его ушко, потом другое. Чтобы ночью комарики не кусали. Так мы договорились с ним и с комариками…

Ну что тут «выковывать»? По-моему, главное счастье доступно всем. Оно вовсе не нуждается в молоте и наковальне. «Я помню чудное мгновенье». Любовь, дети, внуки. Здесь бьет ток счастья. «Чудные мгновенья» дарят нам друзья, природа, искусство.

Но бывает и другое счастье. Подняться на Эверест. Получить Нобелевскую премию. Стать «мисс Европа» (или — «мисс Малаховка»). Взять в руки свою собственную книгу, еще пахнущую типографией…

Можно и в ином ключе, в ином масштабе людей и дел. Построить дачу. Купить машину. Заработать первый миллион… Всем нам хорошо известно «чувство глубокого удовлетворения» (ЧГУ). Так вот. Формула счастья — это «ЧГУ + икс», где «икс» — некая иррациональная добавка, делающая все вокруг «голубым и зеленым».

В первом случае все люди могут быть и бывают счастливы, если сами себе активно не мешают. Во втором, действительно, необходимы «кузнечные работы», часто — пожизненные, то есть созидательное движение к поставленной цели, борьба за достижение данной цели.

И я тоже «ковал». Но не счастье. Я ковал, скорее,

самого себя, свое отношение к работе и к людям, наращивал сопротивляемость злу и лжи. Когда получалось — когда нет. Приходилось иногда кривить душой. Но как бы то ни было, старался оставаться самим собой.

Со временем все более строго оцениваешь свой жизненный путь. Мы, шестидесятники, не смогли остановить волну «застоя». И хотя каждому из нас удавалось время от времени вытаскивать свой «счастливый билетик», мы не смогли выковать счастье — ни для себя, ни для страны.

— А что такое счастье? Ваше мнение.

— Я уже сказал. Повторю суть. Счастье — это полная победа эмоций над разумом, это — восторг, упоение, взрыв радости.

«Тихое счастье», по-моему, — нонсенс. Впрочем, мой вывод может быть оспорен. Недавно в московской «Литературной газете» прочитал небольшое стихотворение Александра Кушнера:

Расположение вещей
На плоскости стола,
И преломление лучей.
И синий лед стекла.
Сюда — цветы, тюльпан и мак,
Бокал с вином — туда. Скажи, ты счастлив?
— Нет.
— А так?
— Почти.
— А так?
— О да!

В общем, если, по известному определению, физика — это то, чем занимаются физики, то счастье — это то, что чувствуют, переживают счастливые люди.

— А в детстве было ли у Вас детство?

— Если Вы имеете в виду атмосферу, отношение ко мне дома, в семье, уличную вольницу, школьные забавы, то было детство в детстве. Счастливое детство? Да. Местами.

Случались и другие «места».

Вот, представьте себе. Мне 7–8 лет. Казарма (мы в военном городке жили). Стою в плотном кольце гогочущих солдат («красноармейцев», как тогда

говорили). Нечто вроде «воскресной школы». Со мною делятся богатством могучего русского языка. Плюс, так сказать, анализ типичных ситуаций, половое, значит, воспитание.

Еще более «счастливое детство» было связано с войной. В Хабаровске мы жили рядом с военным музыкальным училищем. Курсанты не только упражнялись в музыке, но и занимались, как и все мы, военно-патриотическим воспитанием. В частности, делали стенды с эпизодами войны. Особой популярностью пользовались фотографии Героев Советского Союза. А мы выписывали «Огонек», каждый номер которого давал несколько таких фотографий. И мама, вырезая фотографии из журнала, меняла их у курсантов на кусочки хлеба. В семейном фольклоре этот хлеб сохранился под названием «геройский». Но фольклор — позже, а тогда я отчаянно рыдал и требовал прекратить недостойный торг. Мама же была меньшей патриоткой и кормила нас.

Всякое бывало. И все-таки детство было. Как и юность. Как и возмужание.

— Ваш путь наверх?

— Боюсь, Вы не поверите мне, но вся штука в том, что никакого «пути наверх» не было. То есть не было составленного загодя плана систематического, шаг за шагом продвижения на этот самый «верх».

Ко дню окончания школы я хотел стать дипломатом. И, приехав из Горького в Москву, направился в Дипломатическую академию. Там мне вежливо разъяснили, что в академию принимают только с высшим образованием. Лучше — с юридическим или историческим. Иду на юрфак МГУ. Прохожу собеседование (у меня была Золотая медаль). Не принимают. В МГУ нет мест в общежитии. Еду в Ростов-на-Дону, куда направили служить отца. И с 1 сентября 1948 года я — студент юрфака РГУ.

Когда я закончил юрфак (в том числе и по отделению международного права), мысль о том, чтобы стать дипломатом, уже не беспокоила меня. По распределению поехал на юг Краснодарского края, где и был избран народным судьей (самый молодой судья в СССР!). Три года в районе. Успел побывать и на хозяйственной, и на партийной работе. А летом 1956 года поехал в Москву и успешно сдал экзамены в

аспирантуру философского факультета МГУ.

«Ма питом?» — как говорят в Израиле. Чего это вдруг? На самом деле же совсем не «вдруг». Многих студентов (даже в те времена!) не устраивала официальная направленность дискуссий, которые сотрясали науку. Мы пытались сами докапываться до истины, штудировали специальную и философскую литературу, спорили. Так я стал все больше и больше втягиваться в философские, методологические проблемы различных наук. В конце концов это и привело меня на философский факультет.

Что же касается «пути наверх», то началом его можно считать 1959 год — приглашение работать научным консультантом в журнале «Коммунист». Второй шаг «наверх» был сделан в 1963 году — приглашение в ЦК КПСС, в группу консультантов Ю.В.Андропова. И, наконец, в 1968 году — последний шаг. Назначают руководителем группы консультантов. Смею Вас уверить, что никаких чрезвычайных усилий, чтобы идти «наверх», я не делал. Все как-то шло само собой. Правильно написал Евтушенко: «Мы делали себе карьеру тем, что не делали ее». Делать карьеру было просто неинтересно, интересно было, когда она делалась.

В 1972 году путь на партийный «верх» был завершен. Неожиданно открылся другой — вбок и ниже. Впрочем, работа в «Известиях» меня вполне устраивала. Через несколько лет начальство передумало, но я отказался вернуться в аппарат ЦК.

Пожалуй, только последний участок моей служебной карьеры подпадает под определение: «путь наверх»: задача была поставлена и решена.

— Нам известно, что Вы очень хотели стать послом. Почему именно послом?

— Насчет «очень» я не уверен. Хотя, если вспомнить эпизод с Дипломатической академией, то можно считать, что я всю жизнь положил на то, чтобы пробиться в те «верхи», куда мне перекрыли дорогу в 1948 году.

А если серьезно, тут такая история. Впервые я «попросился» послом (конкретно — в Люксембург) в самом начале 70-х. Мне нужно было несколько лет, чтобы написать книгу по теории политики. Материал собрал большой, мысли некоторые были. Не хватало только некоего отрешения от суеты. Казалось, Люксембург может дать его. Увы! Громыко заметил, что

мне там будет тесно. Брежнев выразился определеннее: «Тебе еще работать надо».

В общем, вместо Люксембурга я попал в «Известия». Однако за 20 лет даже самая интересная работа становится рутиной. Да и книга о политике так и не была написана. Вновь мною овладела охота к перемене мест.

Я понимал, что за 20 лет ситуация изменилась не в мою пользу. Была перейдена пенсионная черта. Ушли многие люди, которые могли бы мне помочь. Приищи новые люди с хорошим аппетитом и крепкими плечами. Люксембург отпадал. Возникла мысль о Новой Зеландии. Вряд ли туда кто-то будет рваться, рассуждал я. Слишком далеко, не слишком интересно, бесперспективно. Как раз, значит, для меня. Говорил с Шеварднадзе, с Козыревым. Кажется, — с Панкиным.

И вдруг вместо Новой Зеландии — Израиль. Какая уж тут теория политики. Тут практики невпроворот. Но это как раз не столько пугало, сколько радовало. Было приятно осознавать, что начальство поверило в мои знания, в мой опыт. Новая настоящая работа, новые проблемы, новые люди — это как тонизирующий душ. Тот самый случай, когда заниматься политической практикой гораздо интереснее, чем политической теорией.

— Как Вам удалось, став послом, сохранить интерес к людям в этом жестоком мире?

— Во-первых, по-моему люди, живущие в «жестоком мире», не менее интересны (если не более), чем люди, живущие в «добром мире». Люди всегда интересны. Даже «неинтересные». Во-вторых, почему «удалось»? Посол работает не с абстрактными институтами, структурами, а с живыми людьми. С ними он говорит, их убеждает, пытается понять их и через них — страну, ее порядки, политику. Важно беседовать с министрами, с другими послами, но иногда разговор с «простым» человеком может дать больше, чем беседа на высоком уровне. Я это понял еще будучи журналистом. Это подтверждает и моя дипломатическая практика.

— Ваши недостатки?

— Их, к сожалению, немало. Успокаиваю себя тем, что страдаю от этих недостатков, прежде всего сам, а не другие люди.

Скажем, недостаточная сила воли. Много раз брался

учить разные языки, вплоть до китайского и африкаанс (а теперь уже — вплоть до иврита). Но так и не научился. По-настоящему не говорю ни на одном. Кроме русского.

По поводу других недостатков прошу обратиться к жене.

— Какие женщины Вам нравятся и почему?

— Мне нравятся те женщины, с которыми не скучно.

— Чем занимаются Ваша жена, дети, внуки?

— Лена Петровна на пенсии. Ранее преподавала философию и эстетику в Московской консерватории и институте Гнесиных.

Дочка Женя закончила факультет журналистики МГИМО. Вышла замуж за журналиста из «Комсомолки». И пока он в Берлине, Женя там же, работает машинисткой у военных.

Внук, Макар Сергеич, еще весь погружен в счастливое детство.

— Ваше любимое блюдо?

— «У меня не вкус, а вкусы», ответил Флобер на вопрос, не имеющий, правда, отношения к гастрономии. Но аналогия возможна: не любимое блюдо, а любимые блюда. Например, все «пельменообразные» (хинкали, бозы, манты и т. д.). «Морские гады» (креветки, кальмары, лангусты). Хаши (здесь нечто подобное известно как «марак регель». Эскарго (виноградные улитки в чесночном соусе). И гречневая каша с луком. И… Но хватит. Иначе можно растолстеть. Жена уже много лет ругается и настаивает на переходе к овощам и фруктам. Да как-то не получается. Знаю, что нужно. Да уж больно скучно жевать морковку и даже киви.

— Расскажите о своих пристрастиях. Что Вы читали в последнее время?

— Мое главное пристрастие, «хобби», если хотите, это моя работа. Она мне всегда нравилась больше, чем собирание марок или рыбная ловля. Отсюда — первый круг чтения. Специальная литература, без знания которой невозможно поддерживать требуемый уровень профессионализма.

Соответственно, «последнее время» отражено на моем столе — и на работе, и дома. Сегодня это два последних номера журнала «Тель-Авив», книга А. Неера «Ключи к иудаизму». Недавно прочитал «Воры в ночи» А. Кестлера и мемуары Р. Эйтана.

Чтобы не терять связь с теорией, философией,

продолжаю выписывать и читать «Вопросы философии». У Шемы взял нашумевшую «Розу мира» Д. Андреева. С опозданием в полжизни штудирую «Открытое общество» К. Поппера.

С художественной литературой сложнее. Выписываем «Знамя», «Иностранную литературу». Плюс — «Литературную газету». Но времени катастрофически не хватает. Хорошо, Лена Петровна мне иногда пересказывает прочитанное.

— Этот вопрос к Вам не как к дипломату, а как к известному журналисту: что Вы думаете о русскоязычной прессе в Израиле?

— Вы, само собой, можете спрашивать меня, как «известного журналиста». Но именно как журналист я не хотел бы быть судьей моих коллег, других журналистов. И поэтому отвечу дипломатически: у меня нет времени думать о качестве русскоязычной прессы в Израиле — я читаю ее.

— Какой вопрос Вы хотели бы задать самому себе?

— Неужели я так и не успею вновь стать стройным?

Назревал визит заместителя министра иностранных дел Анатолия Леонидовича Адамишина. Мы с ним были давно знакомы. Не по работе. Иногда пересекались где-то в кругах «творческой интеллигенции».

Визит — значит очередные посиделки в Савьоне. И тут мои сотрудники, которые настоящие дипломаты, взяли меня за горло. Нужно жестко соблюдать протокол. Аперитив (то есть выпить понемножку, под орешки в процессе сбора гостей). Таблички с фамилиями на столе. Вышколенные официанты (коих надо арендовать в ресторане).

До сих пор я действовал в рамках обычаев нормального русского гостеприимства. Без, разумеется, аперитивов, табличек и официантов. Без чопорности. Делал упор на создание непринужденной, легкой обстановки. Заботился не столько о сервировке, сколько о качестве и разнообразии блюд. Обычно, в других «домах», 90 % того, что стояло на столе, было из местных «кулинарий». У нас же почти все готовилось дома, по рецептам Лены Петровны. Вроде бы получалось. Гость, как мне казалось; оставался доволен. Но дипломаты наши, привыкшие к другим порядкам, были недовольны.

В общем, поговорили. Согласился я на аперитивы. Таблички и официанты были отвергнуты. Купили новые скатерти и стулья.

Адамишины плюс Посувалюк прибыли 19-го. Скучно

отужинали в Иерусалиме. Мидовские сплетни: кого, куда и за что. С утра 20-го началась череда визитов. Побывали у Рабина. Кратко и суховато. Посетили Вейцмана. Живо, в общем и целом. Поговорили с Бейлиным. Интересно, по делу.

Адамишин немножко капризничал. Израильтяне были вынуждены на ходу перестраивать программу. Пришлось и мне понервничать. Адамишин, сославшись на больное горло, и Посувалюк, сославшись на Адамишина, не приехали в Савьон на заранее запланированный ужин. На амбразуру бросили Ольгу Николаевну Адамишину. Был Михаил Александрович Ульянов. Подушевничали с ним. Под аккомпанемент грозной речи Ельцина, громившего Верховный Совет.

Полный сбор был на следующий день. Сидели на веранде. Виктор Викторович играл на гитаре и пел. Заместитель министра сделал мне втык за «снобистское отношение» к палестинцам. Супруга его (дипломаты наши как в воду глядели!) осталась недовольна «протоколом»: не так положили мясо, не ту подали тарелку.

После проводов высоких гостей мне пришлось извиняться перед израильтянами за вольности с программой.

28 сентября в Иерусалиме в присутствии мэра города Тедди Колека и министра культуры Израиля Шуламит Алони торжественно открылась выставка работ Шагала, которые он в свое время делал для МХАТа.

Произнес очередную речь.

> «Начну с неизбежной дипломатической банальности. Открытие в Иерусалиме выставки Шагала — Шагала прежде всего из русских запасников и русских коллекций — важное, неординарное событие в развитии культурных связей между Израилем и Россией.
>
> Поскольку я выступаю здесь не только как посол, но и как человек, который иногда смотрит картины, позвольте мне сказать несколько слов — надеюсь, не всегда банальных — о самом Шагале.
>
> Творчество Шагала многомерно, его можно изучать во многих измерениях. Я бы предложил выделить три основные, базовые.
>
> Измерение еврейское. Тут важно вот что подчеркнуть. В XX веке было много художников — евреев. Но вот еврейских художников, художников, чьи корни уходили бы в еврейскую культуру, в еврейскую народную традицию, — таких художников единицы. И Шагал — один из них.

И как раз это измерение творчества Шагала наиболее полно представлено на этой выставке.

Хочу напомнить слова незабвенного Стасова: если бы не было еврейской культуры, еврейской культурной деятельности, то «Европа и весь мир на несколько градусов поблекли бы и потускнели».

Измерение еврейско-русское или русско-еврейское. Органический синтез двух великих культурных пластов.

Отсюда — то, что можно было бы назвать удвоением страданий и удвоением милосердия, жалости к человеку.

И, наконец, измерение космополитическое, мировое. Здесь искусство Шагала, как и всего художественного авангарда, — одно из наиболее ярких проявлений кризиса культуры, кризиса цивилизации, кризиса духа, который проходит через все двадцатое столетие. Характерная для философского сознания критика примитивного рационализма на уровне сознания художественного выступила как критика, отрицание столь же примитивного реализма.

В творениях Шагала сны не менее реальны, чем явь. И в самом деле — почему бы скрипачу не играть на крыше?

В заключение вернусь к делам дипломатическим. По моим наблюдениям, чем меньше дипломат занимается собственно политикой, а больше — культурой, скажем, или наукой, тем в более конструктивном русле развиваются отношения двух стран. Мне, к сожалению, пока приходится иметь дело прежде всего с политикой. Но чем больше будет выставок, подобных сегодняшней, тем с большей уверенностью я буду смотреть в будущее».

ОКТЯБРЬ-93

Положение о посольстве — В больнице: «балаган гадоль» — Референтура и спецкурьеры

Начало октября для нас прошло в Москве. Сидели у телевизоров. Переживали. Спорили. «Холодно внутри» — записано в моей рабочей тетради. Все же для большинства посольских, если они не крутили, «черное воскресенье» было светлым. А в Израиле вообще все были за Ельцина. Меня одолели журналисты. Приходилось выходить из положения при минимуме информации. Я, конечно, понимал, что мидовский люд растерян, ждет, куда подует ветер, но все-таки хоть какие-то ориентировки, факты, мнения следовало бы оперативно сообщать на посольскую периферию. Молчание, как известно, — золото. Но только для тех, кто молчит…

Тем временем в МИДе активно обсуждались варианты Временного Положения о посольстве Российской Федерации. Посольству было предложено высказать свое мнение по проекту. В частности, предлагалось продумать «новые подходы во взаимодействиях с центром, подразделениями МИД».

Проект не вызывал особых эмоций. Добротно-стандартная бумага. Несколько смущало то, что в проекте шесть раз встречались ссылки на «установленный порядок». Раньше такие ссылки часто использовались для того, чтобы разрешенное де юре ограничить де факто. Поэтому посольство предложило на всякий случай по возможности снять ссылки на «установленный порядок». Спокойнее будет.

И еще мы предложили скорректировать финансовые «взаимоотношения». МИД исходит из того, писали мы, что каждый работник посольства, включая посла, — потенциальный вор. Его надо со всех сторон обложить инструкциями. Например, требуется, если, скажем, гостей угощали винегретом, посылать в Москву такой отчет: на одного человека — 5 грамм моркови, 8 — соленой капусты, 10 — свеклы, 10 — оливкового масла и т. д., и т. п. Всего было 30 человек. Умножаем. И так — по каждому блюду. А если завхоз купит на рынке арбуз или килограмм картошки, то нужен акт с тремя подписями, который утверждается послом. Уж если послу доверяют быть «представителем Президента», ехидничали мы, то, может быть, ему следовало бы доверять и по винегретным вопросам.

Разумеется, сей сюжет не предлагалось включить в

Положение. Мы лишь воспользовались случаем, чтобы обратить внимание на явную глупость. К сожалению, не обратили…

С 12 по 26 сентября я находился в профсоюзной больнице им. Бейлинсона. Нога одолела. Лечили меня весьма интенсивно. Испробовали все, чем располагали. Антибиотики вводили сколько могли и куда могли. Скребли (страшно вспомнить!), мазали, мыли, бинтовали и разбинтовывали. Собрались было оперировать, но передумали. В общем, заботились, старались вовсю. За что я всем — от профессора Аубена до старшей сестры Майи и медбрата Гены — премного благодарен.

Подлечили меня, но не вылечили. За что потребовали 20 тысяч 319 шекелей. Заплатил МИД. Но не хотелось напрягать начальство. Пришлось переходить на самообслуживание. И дольше года длился день… Тут за меня взялись врачи-добровольцы (Илья Лиснянский потратил много времени), владельцы уникальной аппаратуры из секретных советских разработок (при всем моем скепсисе излучатель неведомых мне лучей, коим ведала Ирина Кон, действительно помог), а также разные дерматологи и экстрасенсы, для которых я был постоянным источником доходов. Причем жаждый очередной врач отменял назначения всех предыдущих. Уговорили-таки ногу мою…

Общее впечатление от больничной обстановки — не от лечения, а именно от обстановки — можно выразить на иврите словами «балаган гадоль». Балаган — он и по-русски балаган. А гадоль значит большой. У нас в больницах, во всяком случае в те годы, когда я туда попадал, более или менее тихо. А тут все как-то бурно происходит, все кричат и машут руками. Питание точно рассчитано на похудение, так что мне повезло. Смотрел телевизор (за отдельную плату). Много читал (бесплатно). Руководил по телефону, тоже не даром и поэтому — мало.

В конце месяца появился заведующий референтурой Анатолий Степанович Соломатин. Референтура — это святое святых посольства. Через нее осуществляется шифросвязь. Предусмотрены специальные помещения, где дипломаты могут работать с шифротелеграммами.

Помещения, где располагается референтура, оборудуются по повышенным правилам безопасности. Для того, чтобы шифросвязь могла работать, нужны шифровальщики и радиоаппаратура. Это — минимум. Шифруют и расшифровывают вручную. Процедура длительная и нудная (как мне говорили, на обработку одной страницы уходит 3–4 часа). Оптимальный вариант — шифровальная машина.

Потребовался почти год, чтобы получить возможность

посылать шифровки ручной выделки. А битва за установку шифротехники заняла более двух лет. То самой техники не было, то никак не могли решить кто платит деньги, то просто чиновничья тягомотина. Только в январе 1996 года мы смогли торжественно — в рыбном ресторане на берегу моря — проводить бригаду ФАПСИ (Федеральное агентство правительственной связи и информации), которая поставила у нас желанную машину под нежным названием «Лютик». Вот теперь мы стали «как большие».

С референтурой связано и наличие так называемых спецкурьеров. Это люди, которые днем спят и мыкаются от безделья, ночами обязаны бдеть в помещении референтуры и, в случае необходимости, принять экстренные меры, чтобы секреты не достались врагам. Есть даже специальный приборчик (спецчасы), который они должны активизировать каждые полчаса, чтобы было ясно — они честно не спали.

По моему разумению, все эти спецкурьеры (а их в МИДе числилось более двухсот) — сплошное недоразумение. Писал в МИД жалобные стансы в прозе. Обращал внимание на то, что вход в посольство блокируется дежурным комендантом и двумя дверьми со спецзапорами. Референтура изолирована от жилых и служебных помещений. Вход в нее также надежно перекрыт. Так что вероятность проникновения в референтуру посторонних лиц равна нулю. Конечно, писал я, существует традиция, устоявшиеся правила, привычки… Но ведь есть еще и здравый смысл, который заставляет свежими глазами посмотреть на традиции. Тем более, что наличие людей, которые получают зарплату только за то, что они не спят, вредно действует на немногочисленный штат посольства.

Я просил всех, от кого зависит судьба «спецкурьеров», посмотреть на проблему непредвзятым взглядом. Помня при этом, что годовое содержание «спецкурьера» обходится в 16 тысяч долларов. Зря ведь пропадают деньги…

МИД со мной был согласен. Однако и ГРУ, и СВР — ни в какую. Я делал несколько заходов в обе конторы, но возвращался с пустыми руками. Ссылались на отсутствие технических средств и на отсутствие средств финансовых для их приобретения. Так что эта битва была проиграна.

НОЯБРЬ-93

Аттестация и «самоаттестация» — А.Ф.Чистяков и В.И.Носенко — Безопасность и бдительность

Весь ноябрь провозились с аттестацией дипломатического и административно-технического состава. Конечным результатом должна была явиться развернутая характеристика с указанием — соответствует или не соответствует занимаемой должности. Плюс — рекомендации по повышению или понижению в оплате труда (в должности). Или — направить на переподготовку, повышение квалификации.

Был прислан детальный перечень «показателей профессиональных и личностных качеств», по которым следовало судить о том или ином «кадре». Например: общая эрудиция и кругозор; способность адаптироваться в новой ситуации и применять новые подходы к решению возникающих проблем; умение держать слово; восприимчивость к критике; умение видеть, поддерживать и применять новое, передовое; способность создать нормальные взаимоотношения в коллективе (психологический климат). Это — требования к «руководителям». В перечне для «специалистов» несколько иной подход: в частности, интенсивность труда; умение четко излагать свои мысли письменно и устно; аналитические способности; дисциплинированность; владение иностранными языками; умение не допускать личностных конфликтов с сотрудниками.

Получив эти перечни, я отчасти обрадовался (поскольку «руководителям» давалось послабление по языку), но отчасти огорчился (поскольку полагал, что именно «руководитель» обязан уметь четко и ясно излагать свои мысли).

Но это, как говорится, «шутка». А если серьезно, то аттестация, конечно же, важнейшее дело. Очень ответственное. Да беда в том, что отнестись к нему серьезно было нельзя. Иначе пришлось бы почти всех «специалистов» и, наверное, всех «руководителей» (от посла до министра) отправить на курсы принудительного повышения квалификации. Поэтому работали по привычной схеме, с максимальными допусками. Тех, которые «не соответствуют», не обнаружили.

Забавный казус произошел. Поскольку у «соседей» своя специфика, я попросил их самим написать на себя характеристики. Написали. Храню две поэмы в прозе. Авторов не называю.

«…Выполняет порученную работу и отдельные задания только самостоятельно. Способен политически грамотно анализировать проблемы и делать правильные выводы. При выполнении поручений проявляет оперативность и инициативу. Имеет навыки трудиться интенсивно, с повышенной нагрузкой, в короткие сроки выполнять значительные объемы работы… Освоил современные технические управленческие средства, проявил способность быстро адаптироваться к новой ситуации и применять нестандартные подходы при решении возникающих задач. Склонен принимать самостоятельные решения.

В коллективе поддерживает с сотрудниками ровные товарищеские отношения, критику воспринимает правильно и делает соответствующие выводы для устранения недостатков. Слово держать умеет».

Это — от «ближних». От «дальних» — практически копия, но с добавлением: «Достоин повышения в оплате труда».

Пришлось мне самому взяться за перо. Не уверен, что был понят правильно.

Произошла важная замена. Чистяков уехал. Советником-посланником был назначен Владимир Иванович Носенко. С Алексеем Федоровичем у меня не сложились личные отношения. Слишком разные характеры. Слишком разная манера общения с людьми. И не совсем, пожалуй, одинаковое понимание некоторых аспектов мирного процесса. Возможно, на его отношение ко мне наложилась и несбывшаяся — из-за моего назначения — надежда стать послом в Израиле. Однако на работе у нас никаких проблем не было, если не считать его ворчания по поводу моего «либерализма».

Не очень ловко получилось с прощальным приемом, который посольство устроило в его честь. Чистяков пригласил очень много людей, особенно — из израильского начальства. Мне советовали сократить список приглашенных. Но я счел это бестактным и оставил все, как было. К сожалению, значительная часть приглашенных не явилась. Не явилось начальство. Было обидно за Алексея Федоровича. Приходилось делать вид, что все идет штатно.

С Владимиром Ивановичем было работать как-то веселее. Трудность в том, что у него нестандартно тонкая кожа. Может обидеться, на мой взгляд, по пустякам. Когда я понял, что мой взгляд определяется моей толстокожестью, я старался вести себя по Маяковскому: не мужчина, а облако в штанах. Не всегда,

возможно, получалось. Но в целом — обошлось, притерлись друг к другу.

По делу же, по политике мы были единомышленниками. Тут проблем не было. Проблемы возникали в другом плане. Сотрудники иногда жаловались, что Владимир Иванович бывает излишне официален. Если уж правило, то без исключений. Приходилось лавировать.

Постепенно осваивали здание. Обустраивались. Приходил в себя — после перестроечных передряг — аппарат МИДа. Жизнь входила в традиционную мидовскую колею. А в этой колее всегда придавалось повышенное значение безопасности и бдительности.

Разумеется, есть проблема безопасности. Есть проблема бдительности. Тут не может быть ни двух, ни трех мнений. Но есть и другая проблема: соотношение здравого смысла, здравого, рационального подхода к делу и того, что идет от не лучших кагэбэшных традиций и что от слова «чересчур» можно назвать чересчурщиной.

Когда говорят о безопасности, имеется в виду, во-первых, — безопасность людей, сотрудников посольства. Скажем, помещение, в котором находятся дежурные коменданты, должно быть отделено от вестибюля, через который проходят посетители, бронированной стеной и пуленепробиваемым стеклом. На случай, если кто-то захочет бросить бомбу или выстрелить. Или, например, нужен специальный блок для вскрытия почты. Если в ней окажется бомба, чтобы пострадало меньше людей. В данных и аналогичных случаях важна не вероятность, а возможность. Береженого Бог бережет, — сказала монахиня…

Безопасность во-вторых — это сохранение государственной тайны, государственных секретов. Вот тут необходимая бдительность часто принимала гротескные формы.

Начну с того, что за пять с половиной лет работы послом я ни разу не столкнулся с тем, что на полном серьезе можно было бы назвать государственной тайной. Разве что фамилии «соседей», да и то, думаю (рад буду ошибиться), что для наших гостеприимных израильских хозяев невелика была тайна сия. Но все-таки, действительно, тайна, секрет…

Главная и безусловная тайна — это, конечно, работа референтуры, шифры. Шифры знают только шифровальщики и машины. Поэтому их защита, их охрана — предмет неусыпных забот и стараний. С машинами проще. С людьми сложнее. Шифровальщики с семьями обязаны жить в здании посольства. В тесных, не обремененных комфортом квартирах. Шифровальщикам не рекомендовалось выходить из посольства поодиночке. Все подобные меры были оправданы.

А дальше расстилалось безбрежное поле чиновничьего произвола, облеченного, как правило, в форму инструкций.

О компьютерах уже упоминалось. Теперь — о телефонах. Была и телефонная драма. По инструкции (я, правда, ее не видел) запрещено ставить городские телефоны в кабинетах дипломатов. Мосад подслушивает. Городской аппарат должен стоять вне «рабочей зоны». Надо позвонить — иди и звони. А если тебе звонят, дежурный комендант позовет по внутреннему телефону. При нашей интенсивности контактов это означало бы парализовать работу посольства. Кое-как отбились. У меня стоял прямой городской телефон. Еще были четыре городских номера, связь по которым осуществлялась через оператора (дежурного коменданта).

И другие были всякие разности, Например, одну комнату мы зарезервировали для библиотеки. Под сильным нажимом пришлось переоборудовать ее в «секретную комнату», которая в случае надобности глухо экранировалась, и можно было секретничать вволю. В редчайших случаях мы там собирались, да и то — для обсуждения каких-то склочных сюжетов. И еще — для принятия дополнительных мер по повышению бдительности.

Всплеск таких мер пришелся на осень 1995 года. Какой-то аэрофлотовец сбежал к врагам в Зимбабве. Пошли круги. Специалисты по безопасности и бдительности потребовали, чтобы посольство обратилось к израильтянам с настоятельной просьбой установить круглосуточную охрану посольства. Обратились. «За ваш счет» — получили ответ. Поэтому солдат с автоматом продолжал заступать на пост в 8.00 и оставлять пост в 17.00. Потребовали также, чтобы дипломаты беседовали с посетителями не у себя в кабинетах, а в специальной гостевой комнате. Комната была красивой и там принимали важных гостей. И отмечали иногда дни рождения.

Суровый разговор состоялся с женами. Им было рекомендовано, находясь в парикмахерской или у врача, не обсуждать посольские дела. Проверить было затруднительно. Надеюсь, что по этой линии утечки секретов не было.

Еще один «секрет», У каждого сотрудника был список всех работников посольства с домашними адресами и телефонами. Однажды у кого-то из наших дам украли сумочку, в которой вместе с деньгами лежал и список. Специалисты забили тревогу: как так, нельзя допускать, чтобы эти сведения попали в чужие руки. Предложили исключить из списка адреса и домашние телефоны. Это было глупо, так как без таких сведений список был никому не нужен. Предложили не выносить его из посольства. Это было не менее глупо, поскольку список был нужен именно за

пределами посольства. И, главное, это глупо в принципе. Никакого «секрета» тут нет. Кому нужно, все это знают.

И последнее о бдительности. Срабатывали старые рефлексы. Некоторые товарищи стали говорить мне, что «по их сведениям» наши девушки встречаются с израильскими гражданами. Моя реакция была элементарной и жесткой: ко мне с такими «сведениями» больше не обращаться и «сведений» таких больше не собирать. Ко мне не обращались. Собирали или нет — не могу сказать. Может, и собирали. На всякий случай, вдруг времена переменятся…

ДЕКАБРЬ-93

Мы тоже голосовали — «Самолетное дело» — Шимон Перес: «Новый Ближний Восток» — Итоги года: «Народ в растерянности»

Два события определяли физиономию декабря. В России — выборы в Государственную Думу и всенародное голосование по проекту Конституции. В Израиле — неудавшаяся попытка организовать прямые рейсы «Аэрофлота» из Москвы в Иерусалим.

Мы тоже голосовали. В списках было 239 человек, включая артистов цирка. Результаты голосования были лучше, чем в России. За Конституцию высказались около 70 %. За «Выбор России» проголосовали примерно 33 %, а за «Яблоко» — 12 % избирателей. Жириновский, хотя и «сын юриста», получил, кажется, несколько голосов.

Вообще же в Израиле прорыв Жириновского породил большую тревогу. Вот что писали 15 декабря «Новости недели»: «Успех Либерально-демократической партии, возглавляемой Жириновским, вызвал обеспокоенность во всем мире, и в том числе у нас в стране. Министр иностранных дел Израиля, говоря от имени всего Израиля, заявил: Евреи не должны дожидаться, пока ситуация не ухудшится еще больше, они должны, не откладывая, репатриироваться на свою историческую родину».

На встрече с новыми репатриантами, проживающими в киббуцах, — продолжала газета, — министр абсорбции Яир Цабан сказал: «Опасность того, что к власти в России придут фашисты, возрастает у нас на глазах. Мы не хотим делать мрачные пророчества, но и не обратиться в эти дни к евреям России тоже не можем. Им не следует жить на вулкане в ожидании самого страшного. Они должны приехать сюда, чтобы вместе с нами строить будущее нашей общей родины».

Теперь о нашем самолетном деле.

Где-то в середине месяца аэрофлотчики сообщили мне, что заключено соглашение между «Аэрофлотом» и израильской авиакомпанией «Клаль теуфа», согласно которому «Аэрофлот» будет летать в иерусалимский аэропорт Атарот. Поскольку «Аэрофлот» принадлежит государству, я считал, что этот шаг согласован с МИДом. Даже обрадовался: вот, думал, МИД решился на смелый, нестандартный ход.

Вскоре пришло официальное приглашение на «инагурацию» прямых рейсов между Москвой и Иерусалимом. В списке ораторов, помимо министра транспорта И.Кейсара и мэра

Иерусалима Эхуда Ольмерта значился и российский посол.

Рейс выполнялся 23 декабря. Самолет был заполнен паломниками. На летном поле соорудили трибуны с микрофоном и расставили стулья. Когда все расселись, начались речи. Я сказал несколько фраз о том, что появилась еше одна ниточка, связывающая Россию и Израиль, и пожелал паломникам приятно провести время в Иерусалиме. Однако Кейсар не удержался в пределах самолетно-туристической темы. Он заявил, что этот рейс символизирует, что никогда Иерусалим не будет объектом территориального компромисса и останется «единой и неделимой» столицей Государства Израиль. На это же нажимал и Ольмерт.

В общем-то я ожидал такого поворота. Но надеялся, что израильтяне сделают его более изящно. Ко мне тут же бросились журналисты. Я просил отделить политику от человеческих интересов и намерений. Пассажирам не важно, чья столица Иерусалим. Они хотят поклониться святым местам и лететь в этот город с минимумом хлопот. Другим аэропортом Иерусалим не располагает.

В принципе я был за полеты в Иерусалим. Считал, что это соответствует нашим долговременным интересам и что имеет смысл настоять на своем. Приходится признать, что я недооценил накала страстей вокруг Иерусалима. Резкие протесты раздались со стороны палестинцев. Протестовал Амман. Упирали на то, что полеты «Аэрофлота» в аэропорт, находящийся на оккупированных территориях, нарушают «арабский суверенитет и юрисдикцию Иордании». Давали понять, что «Аэрофлот» может встретиться с неожиданными трудностями в арабских странах.

Чаша терпения МИДа была переполнена. 12 января 1994 года последовал втык от Колоколова. Несанкционированное участие российского посла в официальной церемонии по случаю начала полетов в аэропорт, расположенный с точки зрения международного права за пределами государства, в котором он аккредитован, «вызывает по меньшей мере недоумение».

Чтобы выпустить пар из самого себя, написал частное письмо Адамишину, которого считал одним из наиболее здравомыслящих людей Смоленской площади. Сообщил ему о нагоняе, полученном от Колоколова. И продолжал:

> «Я прекрасно понимал, что полеты в Атарот не понравятся арабам. Но был уверен, что недовольство палестинцев, иорданцев или даже американцев перевешивается российскими интересами. И не только геополитическими. Независимо от политико-

юридических хитросплетений, независимо от того, каким будет (и каков есть) статус Иерусалима, Россия, как ведущая православная держава, имеет «право» на особые отношения с историческим центром христианства. Как имеют такое «право» иудеи и мусульмане.

Теперь о праве без кавычек. Я как-то не очень убежден, что понятие «арабский суверенитет», к которому апеллировали недовольные, имеет какое-либо юридическое содержание. Отвергнув решение ГА ООН о разделе Палестины, открыв военные действия против Израиля, арабы, в том числе и палестинцы, утратили всякие основания для ссылок на международное право. Такие основания могут появиться только как следствие договора между Израилем и ООП (или Иорданией), если такой договор будет предусматривать передачу земли, на которой расположен аэропорт, палестинцам (или Иордании).

В Аммане, где несколько раз нам читали лекции, склонны забывать, что именно Иордания оккупировала в 1948 году землю, о которой идет речь, и что объявленная в 1950 году аннексия этой земли была признана только Великобританией (де факто) и Пакистаном. Что же касается резолюций ИКАО, то сколько их, аналогичных резолюций было принято в ООН и вокруг нее в те насквозь антисионистские годы… И хотя большинство из них формально, юридически еще не отменены, они уже отменены временем.

Ты можешь сказать, что политика «главнее» права и тем более — религии. Да, согласен. Если иметь в виду тактику. Но в стратегическом плане юридические и даже религиозные (историко-культурные) аргументы имеют большую ценность, чем политические.

В общем, мы, конечно, будем летать в Иерусалим, но будем, наверное, последними, а могли бы быть первыми.

Кстати, до меня дошли слухи (из Никозии), что палестинцы просят «Аэрофлот» открыть линию в Газу. А почему бы и нет? И по коммерческим, и по политическим соображениям. Даже показать (и израильтянам), что мы хотим это сделать, и то было бы полезно. Но опять тянем, опять будем последними. Нас ведь не ждут. Недавно в Газе побывала министр экономики Голландии Ивонн ван Рой. Собираются строить порт…

В статье А.В. Козырева, помещенной во

«Франкфуртер Рундшау», сказано: «Не уместен язык назиданий и поучений в разговоре с Москвой». Если мы говорим так Штатам и Европе, то, может быть, стоит набраться духа и напомнить об этом некоторым арабским друзьям. А то они склонны «забывать», что имеют дело с великой державой.

Извини за многоглаголание. Отправил в пятницу политотчет и потянуло на рассуждательство. Коего жертвой ты и стал!

Если соберешься когда-нибудь ответить — буду рад. Если не соберешься — Бог простит».

Бог простил.

В Иерусалим мы не летаем. И теперь, — поскольку сегодня я умнее, надеюсь, чем был вчера, — должен сказать: и правильно, что не летаем. К сожалению, как гласит аксиома Штальбаха, «допущенная ошибка выявляется только тогда, когда ее нельзя уже исправить».

3 декабря газета «Наша страна» в рубрике «На ухабах абсорбции» поместила редакционную «Русский цирк просит убежища в Израиле». Газета сообщала, что артисты — со всем оборудованием и дрессированными животными, включая 120 кошек — хотят остаться в Израиле, превратить Российский национальный цирк в Национальный цирк Израиля и создать школу циркового искусства.

Упоминались Юрий Куклачев (уже получил статус нового репатрианта, так как у него жена еврейка). Те же, кто не имеет «никакого отношения ни к евреям, ни к еврейству», надеются на трудовые договоры или браки с израильтянками.

«Решение артистов, — говорилось далее, — кажется неожиданным лишь на первый взгляд. Но при более подробном изучении условий оплаты труда артистов российского цирка все становится ясно. Выясняется, что ведущий артист цирка получает в России 60 долларов в месяц. В то время как в Израиле каждый из них получает 29 долларов в день на карманные расходы и 50 долларов за каждый спектакль. Артистов поражает то изобилие пищи, которую получают выступающие вместе с ними дрессированные животные. И они считают именно это основной причиной их решения остаться в Израиле».

Начали разбираться. Типичная липа. Из мухи сделали слона. «Муха» в данном случае — несколько человек, которые собрались просить израильское гражданство. Куклачев же со своими

кошками потом осел, кажется, в Германии…

По ветеранским делам прилетел маршал Н.М.Скоморохов, мой давний знакомый. Попросил Вейцмана принять его, «как летчик летчика». Президент не возражал. Очень мило побеседовали. На прощанье, когда я благодарил Вейцмана за неплановую встречу, он ответил: «Я — неформальный президент, вы — неформальный посол, какие проблемы?!»

21 декабря посетил Переса. Я писал предисловие к русскому изданию его книги «Новый Ближний Восток». Двусторонние переговоры — это расчет с прошлым, попытка избавиться от проблем, тревог, конфликтов прошлых лет. Это нужно, но этого недостаточно. Чтобы перекрыть пути для регенерации, возобновления конфликтных ситуаций, необходимо уже сейчас думать о будущем. Питательная среда для агрессивности, фанатизма, нетерпимости — это социально-экономическая отсталость региона, бедность огромных масс населения. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы изменить, «облагородить» Ближний Восток.

Вот об этом мы и говорили. У Переса прямо глаза разгораются, когда он выходит на свою коронную тему: совместными усилиями всех стран региона создать промышленную и транспортную инфраструктуру, сформировать общее для всего Ближнего Востока рыночное экономическое пространство, спасти Израиль и его соседей от экологической катастрофы, остановить наступление пустыни и т. д., и т. п. Реализация конкретных проектов, меняющих «качество» Ближнего Востока, международное сотрудничество на этой основе — таков, по убеждению Переса, кратчайший из всех длинных, долгих путей, ведущих к новому Ближнему Востоку.

Воспользуюсь случаем, чтобы рассказать немного о Пересе. Для того, чтобы получить главную роль в обычном театре, нужно оказаться в точке пересечения таланта, работоспособности и случайности. Это справедливо и для политического театра, в котором Перес играет уже более полувека.

Лет с 14-ти он начал активно участвовать в молодежном движении левой, социалистической ориентации. В 1943 году становится секретарем движения «Рабочая молодежь».

Образование Государства Израиль, война за независимость вывели Переса на «взрослую» политическую орбиту. Близость к Бен-Гуриону — непререкаемому авторитету тех лет — позволила молодому человеку не задерживаться на старте.

В 1959 году Переса избирают в Кнессет. Одновременно он остается (до 1965 года) заместителем министра обороны. Свой первый министерский пост (министр иммиграции и абсорбции)

Перес получил в 1969 году. А затем — в разное время и в разных правительствах — министр транспорта и связи, министр информации, министр обороны, министр иностранных дел, министр финансов. Дважды вице-премьер. В 1984–1986, а также в 1995–1996 годах — глава правительства.

Параллельно Перес тянет тяжелый воз партийных дел. В 1977–1992 годах он — бессменный председатель Рабочей партии. В 1978 году его избирают заместителем председателя Социалистического Интернационала.

Лауреат (вместе с Рабином и Арафатом) Нобелевской премии мира.

За словами сухой биографической справки — насыщенная драматизмом, борьбой, интригами, взлетами и падениями жизнь профессионального политика, человека, без которого невозможно представить историю страны. В одной из посвященных Пересу газетных статей говорилось, что ему «поразительно не везет. Сколько раз он, как Сизиф, доносил свой тяжкий груз до вершины горы, но вдруг все срывалось, и приходилось начинать сначала». Можно сказать и так. Но можно иначе: Пересу поразительно везло; ведь каждый раз он вновь доносил свой груз до вершины.

По долгу службы мне регулярно приходилось встречаться с Пересом. Бывали встречи чисто протокольные, бывали, выражаясь дипломатическим языком, «субстантивные», то есть содержательные. Перес всегда приветлив и внимателен. Безукоризненно владеет материалом. Четко выражает свои мысли. Не лишен чувства юмора. Знаком с русским языком и неизменно встречал меня словами «Здравствуйте!» и «Как поживаете?». Живо интересовался происходящим в России.

О человеке, о политике можно судить по его окружению. Тот, кто не верит в себя, приближает к себе посредственностей и подхалимов. Вокруг Переса было много молодых, интеллигентных, напористых, неординарно мыслящих людей…

У Переса прочный тыл. Я имею в виду прежде всего его жену Соню. В отличие от многих других высокопоставленных дам Соня Перес не стремится ни блистать в свете, ни заниматься политикой. Она удивительно скромна. Она, выражаясь высоким штилем, настоящая хранительница семейного очага. И в этом качестве очень нужна не только внукам (шестеро), не только детям (трое), но и мужу. Нужна и в спокойные времена, но особенно — во времена политических (и психологических) кризисов. Так что и здесь Пересу поразительно повезло,

16 августа 1995 года Пересу исполнилось 72 года. Мне пришлось говорить по этому поводу.

«Вот уже более трех десятилетий я с близкого расстояния наблюдаю за политикой и политиками. Политиков видел много. Всяких — и ловких, и решительных, и умных. А вот с интеллигентными не везло. Дефицит.

Видимо, как общее правило, интеллигентность и политика несовместимы.

Но нет правила без исключения. Господин Перес и есть это самое исключение.

Мне как-то приходилось слышать такой упрек в адрес Переса: он мыслит категориями XXI века, а мы живем в XX веке. Поэтому Перес оторван от жизни, витает в облаках…

Так вот, интеллигентный человек отличается умением посмотреть на мир глазами своего собеседника, своего оппонента. А интеллигентный политик должен уметь, встав на точку зрения будущего, распознать ограниченность настоящего, угадать необходимость смены методов борьбы, увидеть возможности прорыва в новое время, в новый мир.

Опыт XIX века, да и, пожалуй, всех веков предыдущих, выражает чеканная формула канцлера Бисмарка: «Великие вопросы истории решаются железом и кровью». Эта формула прекрасно работала и в XX веке. Создание и становление Государства Израиль еще раз доказывают это.

А что же дальше? Снова железо и кровь?

Нет, говорят люди, политики, которые мыслят категориями XXI века. Именно видение горизонтов, которые уходят в следующее столетие, позволяют сделать вывод, что прорыв в будущее надо начинать сегодня. Поэтому Перес не фантазер, а реалист. Он видит путь, хотя и может ошибиться в скорости движения».

Перес, проиграв выборы, покинул пост премьера в июне 1996 года. 19 июня я отправил ему послание.

«Вот и подошло время собирать камни.

Оглядываясь назад, перебирая четки последних четырех лет, вспоминаю наши встречи и разговоры. К сожалению, по понятным причинам они были слишком политизированы. И тем не менее я видел в Вас не только государственного деятеля высокого ранга, но и «просто», как говорят в России, интеллигентного человека,

человека высокой культуры и благородных помыслов.

Думая о том, что произошло, не могу не потревожить тень бессмертного Грибоедова: «Горе от ума». Впрочем, у него были предшественники. «Во многой мудрости много печали», — это царь Соломон. Можно упомянуть и апостола Павла: «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых».

Пытаясь разрушить стену ненависти, которая разделяет Израиль и арабов, Вы обогнали, опередили время, в котором еще живут Ваши соотечественники. А соотечественники не любят это…

И все же то, что Вы сделали, в принципе необратимо. История любит зигзаги. Но в конечном счете временные отклонения от главной последовательности не уничтожают, а лишь подчеркивают ее. Уверен, что «Новый Ближний Восток» рано или поздно состоится.

Кончаю философствовать. Видимо, на меня вредно действует сидение дома после операции — забываю стандартные политические формулы. Но не совсем. Поэтому позвольте заверить Вас, дорогой господин Перес, что совместная работа с Вами, посвященная развитию российско-израильских отношений, всегда будет оставаться для меня источником самых приятных воспоминаний.

Позвольте пожелать Вам, Вашей жене Соне, Вашим детям и внукам здоровья и благополучия.

С надеждой на будущие встречи».

Таким я видел Переса и таким его помню.

Подводя итоги 1993 года, можно было констатировать, что Рабин, маневрируя, хитря и петляя, но вполне в пределах демократической «нормы», сумел в целом выдержать линию, заданную в предвыборных обещаниях. Правда, он не сумел, как обещал, добиться мира за девять месяцев. Но если перевести разговор в качественную плоскость, то Рабин практически дошел до предела возможных уступок. Трудно, невозможно представить себе правительство Израиля, которое — при данных партнерах, «сосуществуя» с терроризмом, — могло бы дать больше. И уцелеть.

Правительство Рабина уцелело. Но все отчетливее стало проявляться постепенное ослабление поддержки правительственного курса. Растет противодействие чрезмерным, как многие считают, уступкам Рабина. Тревогу вызывает стремление Арафата «суверенитизировать» автономию, наделить

ее признаками государства.

Сторонники «Осло-1» кладут в основу своей аргументации следующий тезис: Израиль не может оставаться единственным государством, которое держит под контролем другой народ помимо его воли. Но эта абстракция пасует перед пугающей перспективой эвакуации поселений, перед неизбежным сокращением и без того мизерной территории, перед фактом непрекращающегося террора. Опросы общественного мнения показали, что к концу года линию правительства на переговорах с ООП поддерживает 36 % израильтян, а решительно против — 37 %. Сложилось шаткое равновесие политических сил.

«Народ в растерянности», — так резюмировал обстановку президент Вейцман.

Если иметь в виду российско-израильские отношения, то 1993 год был годом будничной работы. Ажиотаж начального периода прошел. Пожалуй, можно было даже говорить об утрате динамизма, о некоторой стагнации наших взаимоотношений.

Тут сказывалось, с одной стороны, наличие в Израиле определенных кругов, которые считают: независимо оттого, что происходит в России, Израилю лучше держаться от нее подальше. Единственный интерес Израиля — откачка новых партий репатриантов. И хотя в правительстве людей такого плана нет, такие настроения, пусть опосредованно, пусть через множество передаточных звеньев, но оказывают воздействие на формирование политического курса.

Есть и другая сторона. Москва не проявляет особого интереса к уплотнению, упрочению российско-израильских связей. Причин тут много. И почти все они уважительные. Но это не меняет результата.

Посольство отмечало, что сохранение у власти правительства Рабина соответствует интересам России. Чтобы «помочь» этому, посольство рекомендовало три веши.

Во-первых, было бы полезно не слишком жать на Рабина в смысле дальнейших уступок. Их критическая масса близка.

Во-вторых, здесь очень нервничают по поводу антисемитских выходок наших «фундаменталистов». Точнее, по поводу пассивного отношения властей к этим выходкам. Не следовало бы более энергично использовать закон? В конце концов, это нужно нам с точки зрения отношений не только с Израилем, но и со всем «цивилизованным миром», да и с собственной совестью тоже.

В-третьих, все ждут ясности относительно визита Рабина и перехода к практической подготовке этого визита. Поездка в Москву укрепит позиции Рабина и позволит нам более

продуктивно действовать в Израиле.

В рамках текущей политики «в-третьих» можно рассматривать как «во-первых».

ЯНВАРЬ-94

Якутские алмазы и израильские бриллианты — Срезаем углы

16 января прибыл президент Якутии-Саха Михаил Ефимович Николаев в сопровождении алмазных баронов (А.Кирилин, С.Улин, В.Руднев). Цель — знакомство с израильским производством по обработке алмазов и налаживание соответствующих связей.

Израиль, наряду с Бомбеем и Антверпеном, — один из мировых центров обработки алмазов. Несколько сотен больших и малых гранильных производств высокого класса. На долю Израиля приходится почти 80 % мирового производства ювелирных алмазов и около 40 % промышленных алмазов. В Рамат-Гане (один из спутников Тель-Авива) в 1969 году для алмазной биржи выстроили три громадных небоскреба, целый город. Весь комплекс был создан на деньги иранского мультимиллионера Хабибулы Эльханьяна, которого по приказу Хомейни расстреляли в 1979 году за сотрудничество с сионистами.

Своих алмазов у Израиля нет. Они приобретаются в могущественном синдикате «Де Бирс», Центральная сбытовая организация которого пропускает через себя 80 % всех добываемых в мире алмазов. Россия, в которой добывают четверть всех алмазов, также должна почти все алмазы реализовывать через синдикат. Соглашения на этот счет подписываются с 1959 года. Но Россия есть Россия, а теперь еще и Якутия (компания АЛРОСА, что значит «Алмазы Россия — Саха»). И это позволяло израильтянам, минуя «Де Бирс», приобретать алмазы на стороне, на нашей стороне. Практически это делалось путем открытия в России совместных российско-израильских предприятий по обработке алмазов.

Израильтяне решали двоякую задачу: сохранить лояльность синдикату, работать с ним и в то же время использовать все возможности, которые открывались в России. Поэтому Николаева встречали на самом высоком уровне. Его принимал Рабин. Он имел часовой разговор с Вейцманом. Ну, и разумеется, красные ковры были расстелены на алмазной бирже. Его просвещали по части алмазных дел патриарх израильской гранильной промышленности Моше Шнитцер и директор биржи Дан Адани.

Запомнилась такая деталь. Николаев недоумевал: почему алмазные биржи создаются там, где нет алмазов. Ему разъяснили:

для создания биржи не алмазы нужны, а евреи. Президент не растерялся и сообщил, что в Якутске живут 200 евреев, так что можно ставить биржу…

В общем, Николаеву нужны были инвестиции, а израильтянам — «камушки». Об этом и шла речь, но уже не на официальном уровне. О чем договорились — не знаю.

И еще одна деталь. Проводы. Невозмутимый Николаев. Вокруг — свита. Играет, соответственно, президента. Слышу чей-то проникновенный голос: «наш самый большой бриллиант». Николаев невозмутимо доволен. Что ж, «бриллианты — это навсегда», так звучит главный «слоган» компании «Де Бирс».

Мне не раз приходилось «прислоняться» к алмазным делам. И по случаю приезда представителей компании «Алмазы России — Саха», и по случаю появлений председателя Комдрагмета Е.М.Бычкова, и по разным другим случаям. В Москву я сообщал, что здесь выражают тревогу по поводу возможной массированной интервенции России на мировом алмазном рынке. Тревога эта связана с той ролью, которую играют «камушки» в экономике Израиля. Обработанные алмазы — самая крупная статья израильского экспорта. В 1993 их продано на 3,4 миллиарда долларов. Соответственно огромен и ввоз необработанных алмазов.

По здешним оценкам, в России добывается в год алмазов примерно на полтора миллиарда долларов. Новые месторождения могут дать еще миллиард. Запасы алмазного сырья оцениваются на уровне 7-10 миллиардов. Вместе с тем отмечается низкая эффективность российской алмазо-обрабатывающей промышленности: людей в ней занято в два раза больше, чем в Израиле, а товарной продукции дает меньше в 6–8 раз.

Израильтяне считают, что в мире есть три великие алмазные державы: Израиль, Россия и «Де Бирс». У каждой из них — свои интересы. Синдикат настаивает на сохранении статус-кво. Чтобы оставаться монополистом и контролировать цены. Израиль не возражает против статус-кво. Но все же хотел бы плавно, изящно ослабить зависимость от синдиката за счет закупок сырья в России. Россия же остается загадкой. Ее намерения просчитываются плохо.

Рассматриваются три варианта.

Вариант № 1. Россия будет в целом за статус-кво, за сохранение связей с «Де Бирс». Но одновременно будет пускать небольшие партии сырья в свободное плавание (что, впрочем, она и сейчас делает).

Вариант № 2. Критическая ситуация в экономике, острая

нужда в валюте могут заставить Россию, используя свои запасы, пойти на массовый сброс алмазов.

Вариант № 3. Не выходя за рамки варианта № 1, Россия начнет энергично модернизировать алмазообрабатывающую промышленность, чтобы стать одним из главных экспортеров бриллиантов высокого качества.

С точки зрения израильских алмазников, наиболее предпочтителен вариант № 1, что означает для них постепенное, не очень заметное внешнему глазу увеличение удельного веса российских алмазов в импорте Израиля.

Реализация варианта № 2 приведет, по оценкам здешних экспертов, к общей дестабилизации мирового алмазного рынка, к кризису алмазной промышленности. Проиграют и Израиль, и «Де Бирс». Россия выиграет. Но только на время, тактически. Стратегически же она проиграет, ибо, с одной стороны, резко понизив цены на алмазы, подорвет источник собственных доходов, а с другой, — войдет в посткризисный период, сохранив нынешнюю отсталую технологическую базу.

В перспективном плане израильтян больше всего пугает вариант № 3, то есть превращение России и в алмазообрабатывающую страну. В беседе с «алмазными королями», которая состоялась в ходе визита Николаева, я спросил: готовы ли они вкладывать деньги в увеличение добычи алмазов? Готовы ли они помочь России создать современную алмазообрабатывающую отрасль? Ответы были весьма многословны и чрезвычайно уклончивы. Смысл сводился к следующему. Главное — сохранить стабильность рынка. Поэтому России лучше не спешить с радикальными решениями. Израиль, само собой, поможет — поможет своим опытом, оборудованием, но крупных инвестиций Израиль не осилит…

По-видимому, в интересах России сделать именно то, что так пугает израильский алмазный бизнес — создать высокотехнологичную алмазобрабатывающую промышленность. И тут Израиль, несмотря на все свои страхи, может быть нам весьма полезен. Если, конечно, у нас хватит настойчивости и умения каждую сделку с Израилем обуславливать конкретными шагами израильтян в модернизации предприятий по обработке алмазов. И хотя это противоречит долгосрочным интересам Израиля, наши партнеры переступят через эти интересы, если их будет ожидать хорошая прибыль сегодня. Ответ до меня не дошел.

После долгих и упорных надковерных и подковерных сражений, перетягивания каната между Москвой и Якутском, между Россией и «Де Бирс» Бычкова сняли с работы, а с компанией «Де Бирс» в октябре 1997 года АЛ РОСА — от имени

России — подписала соглашение. Алмазы, как и положено, добываются (у нас), продаются (в основном — синдикату) и обрабатываются (больше и лучше — в Израиле)…

Посетили с Леной Петровной так называемый «технопарк» в Тефене. Трудно объяснить, чго это такое. Это — несколько заводов, которые работают на экспорт и выпускают что-то такое высокоточное и экзотическое (10 % всего израильского экспорта). В том числе, кажется, и лопатки для газотурбинных самолетных двигателей. Но заводов в привычном понимании не видно. Вокруг — ухоженные зеленые газоны, цветы, рощицы. Изящные модерновые скульптуры. А среди этой благодати — несколько аккуратных, вылизанных дизайнерами зданий. Там и завод, там и музей старых автомобилей, там и музей театральных декораций.

Хозяин, Стеф Вертхаймер, вписывает все окружающее в трехмерную систему координат: экология, искусство, качество. Сам Вертхаймер входит в «золотую десятку» наиболее богатых людей Израиля. И, что не одно и тоже, — самых уважаемых.

Пробыли там весь день. Не среди качества, а среди экологии и искусства.

С точки зрения дел внутрипосольских, весь январь колдовали вокруг политотчета. В основном — срезали углы и добавляли вату. Уходили от однозначной жесткости, определенности оценок. На юрфаке меня когда-то учили: всякое сомнение толкуется в пользу подсудимого. Вот и сейчас, в комиссии по помилованию, если голоса у нас разделяются поровну, проходит более мягкое предложение. В мидовском же, посольском варианте всякое сомнение толковалось в пользу усекновения текста. Иногда это было правильно. Но только иногда.

ФЕВРАЛЬ-94

Рони Мило — Американский посол Эдуард Джареджан — Борьба за повышение зарплаты — Трагедия в пещере Махпелай

В первый день февраля был у мэра Тель-Авива Рони Мило.

Мило — ликудовец, но умеренный. Относительно молодой, но уже побывал министром внутренних дел, полиции, окружающей среды, труда и благосостояния. Динамичный прагматик. Он работает со вкусом, ему интересно быть мэром огромного по здешним масштабам мегаполиса, погружаться каждый день в уймищу проблем и решать их. Образованный, умный, интеллигентный человек, который, вспомним законы Мэрфи, далеко еще не достиг уровня своей некомпетентности.

Для разминки поговорили об Иерусалиме и Тель-Авиве. Иерусалим — это город-символ, религиозный центр, святой для всех евреев. И поэтому — столица. А Тель-Авив — это символ современного Израиля, рассуждает мэр, это — глоток свободы, воздух нашего времени. Тель-Авив живет в обстановке терпимости, он объединяет, стирает различия. Тут нет проблем между арабами и евреями, между светскими и ультрарелигиозными, между крайне левыми и крайне правыми. В нашем обществе, пронизанном контрастами, противоречиями, антагонизмами очень важно иметь такой город. И моя задача — сохранить, поддержать атмосферу демократичности, возможности самовыражения каждого человека.

Тель-Авив, продолжает Мило, это и центр культуры, и центр деловой жизни. И, можно сказать, центр абсорбции, где тысячи и тысячи репатриантов нашли свою судьбу.

Мило не скрывает проблем, порожденных скоростной урбанизацией (перенаселение, грандиозные пробки, смог, преступность и т. д.). Это — общие, «цивилизационные» проблемы, и мы будем их решать.

После разминки — «решая, походя мелочь дел». Приглашаются соответствующие специалисты. Прошу разрешения соорудить забор, отделяющий посольство от муниципального тротуара. Забор, конечно, уже сооружен, но требуется легализация. Прошу выделить напротив посольства часть улицы для стоянки автомашин. Прошу согласия на сооружение перед посольством будки для полицейского. По первым двум пунктам Мило, поглядев на специалистов, не возражает. По пункту третьему специалисты говорят, что будку надо ставить за

забором, чтобы она не «съедала» часть тротуара. Мэр с ними соглашается.

Дружеские контакты с мэром Тель-Авива и впоследствии были полезны. И всегда — приятны.

2 февраля разразилось ЧП — первое и, слава Богу, последнее при мне чрезвычайное происшествие в посольстве. Один из сотрудников, человек вроде бы легкий, уравновешенный, вдруг заявил, что «по заданию спецслужб» (израильских и российских) его жена сожительствует с работниками посольства и с израильтянами, что при помощи технических средств его квартира взята под постоянное наблюдение, жизнь его в опасности и что если «произойдет непоправимое», он завещает находящиеся в его сейфе 27 тысяч долларов дочери и матери.

В ночь с 1-го на 2-е, приставив кухонный нож к горлу жены, он заставил ее «сознаться» в работе на «спецслужбы». Два дня продолжались непрерывные беседы с ним, с его женой и вокруг них. Даже в «секретной комнате» заседали. Пришли к выводу, что человек серьезно заболел, перестал контролировать себя и что его надлежит срочно отправить в Москву. Он отнесся к этому довольно спокойно. И 3 февраля вместе с сопровождающим сел в самолет. В МИД мы позвонили, попросили встретить.

27 тысяч долларов в сейфе не были обнаружены. В ходе последующего «разбора операции» выяснилось, что в последние 1–2 месяца у нашего коллеги были заметны нервозность, неуравновешенность, быстрые перепады настроений. Но в силу суеты и той коросты равнодушия, черствости, которые не редко, к сожалению, язвят наши души, мы не придали этому значения. Не исключено, что взрыв можно было предотвратить, смикшировать. Корю в этом и самого себя.

Насколько мне известно, потом положение стабилизировалось.

Из МИДа пришли бланки заявок на 1994 год. Просят указать, сколько портретов Ленина и Горбачева нужно посольству. Хотел заказать несколько штук. Но меня остановили: в МИДе, сказали, шуток не понимают. Почти философский вопрос: сколько нужно времени, чтобы перемены в стране отразились на переменах во всякого рода канцелярских «формах».

На «улице» уже конец 1999 года. Передо мной бланк таможенной декларации, который я про запас прихватил в Шереметьево. Требуют «обязательного предъявления» произведений печати, рукописей, видео— и звукозаписей, почтовых марок и т. п. Бюрократия всесильна — она может останавливать время!

В Тель-Авив прибыл новый американский посол Эдуард

Джареджан. Мы с ним были знакомы еще с давних времен, когда он служил в посольстве США в Москве. Потом встречались в Штатах. Помню, брал у него интервью для ленты, которую делал по заказу студии документальных фильмов. И вот встреча на новом витке жизни.

Учинили дружеский ужин в Савьоне. Джареджан — блестящий знаток Ближнего Востока. Работал в Бейруте, Аммане, Дамаске. Написал докторскую об Асаде.

Жена Эдуарда — Франсуаза (француженка из Марокко) неплохо говорит по-русски. После ужина отправились в ресторан «Богема», где публика торжественно и шумно чествовала находившихся в Израиле Владимира Васильева и Екатерину Максимову.

Джареджан не долго пробыл в Израиле, всего четыре с половиной месяца. По каким-то своим соображениям он ушел из Госдепа. Кажется, стал работать директором института по изучению международных отношений, созданного бывшим государственным секретарем Джеймсом Бейкером. Мне было жаль расставаться с Джареджаном. У израильтян, если я не ошибаюсь, реакция была несколько иной. Поскольку, если я снова не ошибаюсь, в отличие от своих, известных мне предшественников Джареджан мыслил более широко, более свободно, в смысле — менее «произраильски».

Постепенно стал обостряться вопрос о заработной плате, точнее — о низкой заработной плате. На каждом собрании — дипломаты помягче, наши административно-технические братья покруче — поднимали этот вопрос, требовали от меня, чтобы я теребил начальство.

Оклады наши перешли нам от Генерального консульства, коему были установлены в ноябре 1990 года. Послу полагалось 900 инвалютных рублей по курсу: 100 долларов США равны 56 руб. 91 коп. «вне зависимости от последующих изменений курса доллара США к рублю». Что означало 1581 доллар 44 цента в месяц. В октябре 1992 года Правительство РФ подтвердило эту сумму, но предложило МИДу в 6-месячный срок «направить в Израиль межведомственную комиссию и на основании материалов комиссии представить в установленном порядке согласованные предложения о размерах постоянных должностных окладов в иностранной валюте для работников учреждений РФ в Государстве Израиль». Два пояснения.

Первое. Оклады всех работников МИДа за рубежом отсчитываются от окладов посла. Если оклад посла принять за 100 %, то, скажем советник-посланник получает 95 %, бухгалтер — 70 %, машинистка — 40 % и «остальной обслуживающий

персонал» (уборщица, разнорабочий) — 26 %. Ниже не бывает.

Второе. Для чего нужна комиссия? Для того, чтобы определить стоимость «бюджетного набора». Существует специальная инструкция, где перечисляется, что входит в этот самый набор (продовольственные товары, предметы одежды и домашнего обихода, коммунальные услуги, прочие расходы). Так вот, комиссия должна изучать справочники, прейскуранты, ходить по магазинам, по всякого рода конторам бытовых услуг и фиксировать средние цены на товары и тарифы на услуги. На базе всего этого она и определяет стоимость бюджетного набора. Если зарплата не дотягивает до этой стоимости, зарплату надо повышать.

Прошло 6 месяцев. Комиссия не появилась. А Тель-Авив, между прочим, устойчиво располагается в верхней части таблицы, показывающей стоимость жизни в городах мира. Народ волновался. От меня требовали бить в набат.

Сначала я атаковал своими письмами заместителя министра иностранных дел Бориса Николаевича Пастухова. Потом, поскольку Пастухов перестал курировать финансы, перекинулся на другого заместителя — Василия Сергеевича Сидорова. Привожу образчик финансово-эпистолярного жанра.

> «Уже несколько раз я просил увеличить зарплату работникам посольства в Израиле. Пока безрезультатно. И хотя в общем-то ситуация понятная, легче от этого не становится. На первый взгляд зарплата здесь приличная (1581.44 ам. дол. — посол). Но израильские стандарты меняют картину. По данным израильской статистики, стоимость семейной потребительской корзины в Израиле (за минусом жилья и транспорта) равна 1432.30 ам. дол. Из 32 семей нашего посольства только пять вписываются в данный норма-тип. А пять семей, находящихся на другом краю имущественного спектра, находятся ниже абсолютного порога бедности (307 ам. дол. на одного человека).
>
> Можно использовать и такой критерий, как средний доход на душу (533 ам. дол.)Больше половины посольских семей (19 из 32) таких денег не получают. В том числе семьи 9 дипломатов. А если учесть, что россияне привыкли питаться более основательно, чем израильтяне, что дипломатам нужна и более основательная одежда, то наше положение становится все менее завидным.
>
> Разумеется, голодающих нет. Но приходится

экономить на всем и прежде всего — на культуре, спорте, личных контактах. А если в семье двое ребятишек (а таких семей у нас 10), то концы еле сводятся с концами. Все это отражается на настроении людей, на психологическом климате в посольстве. Особенно, если учесть тот факт, что во многих российских посольствах на Ближнем Востоке заработная плата уже повышена.

Вот почему я позволяю себе обратиться к Вам с настоятельной просьбой оказать содействие в повышении заработной платы работникам посольства РФ в Израиле».

Параллельно я сделал ход конем. Во время визита Рабина в Москву из рук в руки передал Черномырдину конверт с описанием наших мытарств.

Не знаю уж, что подействовало, но 20 августа 1996 года — через три с гаком года после положенного срока — комиссия прибыла. Андрей Николаевич Грибанов (из аппарата правительства), Татьяна Ананьевна Фармаковская (из Минфина) и Марат Иванович Матвеев (из ВФУ МИДа). Мы, естественно, окружили комиссию вниманием и заботой. Они честно и самоотверженно трудились на поле прейскурантов и ценников. Мы старались скрасить им свободное от бюджетного набора время. Распределились. Я лично взял на себя Татьяну Ананьевну. Показывал ей лучшие кусочки Израиля. В общем все остались довольны и — главное! — поняли, как трудно нам живется.

Комиссия отбыла. Мы стали ждать. 31 октября прилетел Примаков. В машине, когда мы ехали в Иерусалим, сказал мне, чтобы не ждали повышения — его не будет, нет денег.

1 ноября позвонил Грибанов и сообщил, что Черномырдин подписал бумагу: повышение зарплаты на 30 % с 1 октября 1996 года. «Вот и верь после ефтова людям…» Зарплата посла (с добавками за секретность) выросла до 2 300 долларов (на 500 долларов меньше, чем у посла Казахстана). Жить стало лучше, хотя не уверен, что веселее.

25 февраля, в пятницу в 5.30 утра, житель поселения Кирьят-Арба Барух Гольдштейн проник в молельный зал пещеры Махпела и из автомата «Галиль» открыл стрельбу по молящимся арабам. Убил 39 человек.

Пещера Махпела, сооруженная над ней величественная Гробница Патриархов, находящиеся в древнейшем еврейском городе Хевроне, — центр двух религий, святое место и для иудеев, и для мусульман. По преданию здесь были похоронены

Адам и Ева. В Библии говорится, что Авраам купил пещеру за 400 шекелей серебра, чтобы похоронить жену свою Сарру. Потом здесь были захоронены сын Авраама Исаак с женой Ревеккой и внук Яаков с женой Лией. Царь Ирод воздвиг над пещерой прямоугольную, похожую на крепость Гробницу.

Поскольку Авраам (Ибрагим) является отцом Исмаила, от которого пошли арабы, место захоронения Авраама священно для них. Согласно арабской легенде, когда Мухаммад летел на коне в Иерусалим, над Хевроном к нему воззвал архангел Гавриил: «Сойди и помолись, ибо здесь могила отца твоего Авраама». Над пещерой арабы соорудили мечеть. В 1226 году вождь мамелюков Бейбарс запретил евреям и христианам посещать пещеру. Запрет был отменен только в 1967 году, когда Хеврон захватили израильтяне.

В определенные дни часть комплекса функционировала как синагога. В остальные дни как мечеть. Чтобы предотвратить эксцессы, «смешение» арабов и евреев не допускается. За порядком следят израильские солдаты. Вход с оружием строжайше запрещен.

В связи с настойчивыми требованиями палестинцев включить Хеврон в пределы автономии и убрать оттуда израильские войска, обстановка вокруг Гробницы Патриархов была достаточно наэлектризована. И молния ударила. Гольдштейн репатриировался из США в 1982 году. Там он был под влиянием известного еврейского экстремиста Меира Кахане. В Израиле примыкал к экстремистскому движению «Кахане хай». Служил в армии по медицинской части. Имел жену и четырех детей. В Кирьят-Арбе работал врачом. Ему — 35 лет.

Поскольку на Гольдштейне был мундир майора медицинской службы, его не задержали при входе. Все, что он хотел сделать, он сделал за три минуты. Потом был схвачен и убит.

На территориях, да и вообще везде, где жили арабы, прокатились массовые беспорядки. Требовали разоружения еврейских поселенцев. Волнения охватили даже обычно спокойных друзов. Особенно ожесточенными были столкновения в Хевроне: 57 убитых и 250 раненых.

Движение «Кахане хай» опубликовало заявление:

> «Члены движения «Кахане хай» скорбят о смерти нашего святого Баруха Гольдштейна, который погиб сегодня утром в Хевроне во имя Господа. Счастливый день ждет Баруха Гольдштейна, который посвятил Господу всю свою жизнь, да благословенна будет его память. Он погиб, как наш герой Самсон, унеся с собой

многие жизни врагов-филистимлян… Пусть присохнет язык у тех, кто осуждает поступок настоящего героя Израиля».

Организация ФАТХ, главная опора Арафата, призвала всех своих сторонников взяться за оружие, чтобы отомстить евреям за убийство.

«Стреляйте в израильских солдат и еврейских поселенцев при каждой удобной возможности»,

— говорилось в заявлении ФАТХ. Палестинские экстремисты призывали Арафата немедленно прекратить переговоры и возобновить вооруженную борьбу. Сам Арафат обратился к мировому сообществу с призывом взять территории под международный контроль, разместить войска ООН на Западном берегу и в Газе.

Все политические партии Израиля резко осудили преступление Гольдштейна. Рабин позвонил Арафату и выразил ему соболезнование. На экстренном заседании, которое состоялось в пятницу, правительство ввело комендантский час во всех населенных пунктах Иудеи, Самарии и Газы. В субботу вечером послы были приглашены к Рабину. Премьер заявил: «Это тяжелый день для мирных людей обоих народов, но безумные действия психопатов не остановят процесс примирения между гражданами Израиля и палестинским народом. Мы сделаем все возможное, чтобы в максимально короткий срок прийти совместно к тому дню мира, когда экстремисты с обеих сторон потеряют всякую надежду подорвать мирный процесс». О необходимости «спасти судьбу переговоров» говорил Перес.

Обстановка была тревожной. На всякий случай в посольстве учредили круглосуточное дежурство и не рекомендовали любителям свежего воздуха и зеленых лужаек проводить week-end вдали от Тель-Авива.

Трагедия в Хевроне, сообщало посольство в Москву, относится к числу непредсказуемых, случайных событий. Ее могло и не быть. Но за этой случайностью просматриваются те объективные процессы, которые сделали трагедию в Хевроне не только возможной, но практически неизбежной, во всяком случае — весьма вероятной.

Речь идет об атмосфере нервозности, возбужденности, взвинченности, которая господствует во многих слоях израильского общества и особенно — среди поселенцев. Многих людей страшит будущее. Они привыкли, приучены ненавидеть палестинцев. И поэтому ожидаемое появление палестинской

администрации, палестинских полицейских, палестинских флагов воспринимается как катастрофа, как подрыв фундамента, на котором держится Израиль.

Такие настроения подогреваются затяжкой — по вине обеих сторон — переговоров, которая сопровождается продолжением террора. Террористические акты трактуются как отражение «истинных» намерений палестинцев, как еще одно доказательство невозможности мирного сосуществования с ними.

Свою лепту в нагнетание социальной истерии вносит и оппозиция, которая каждый день бросает правительству упреки в предательстве национальных интересов, подрыве безопасности Израиля, измене идеалам сионизма.

К сожалению, пропагандистская поддержка политической линии правительства уступает по размаху и аргументированности антиправительственной кампании оппозиционных кругов. К тому же, делая под давлением оппозиции всякого рода переговорные или околопереговорные зигзаги, правительство как бы признавало справедливость критики в свой адрес. Что усиливало недоверие к политике компромиссов и договоренностей.

Такова та питательная среда, которая вызвала оживление экстремистских настроений, еврейских экстремистских групп и заметно усилила вероятность эксцессов. Аналогичные процессы (но под влиянием иных причин) давно уже протекают на другом, палестинском, полюсе — особенно среди молодежи. Трагедия в Хевроне и реакция на нее целиком укладываются в такую систему причинно-следственных координат.

В контактах и с израильтянами, и с палестинцами наши дипломаты подчеркивают, что при всей важности «выявления и наказания» еще важнее — прицельная критика экстремизма, который может привести только в кровавый тупик. Подчеркивается также необходимость перестать играть в поддавки с поселенцами, более строго относиться к их провокационным выходкам. И еще — сделать более яркой, доходчивой, аргументированной защиту правительственного курса.

Разумеется, — писали мы, — посольство учитывает, что правительство движется по тонкому льду. И поэтому слишком резкие движения могут привести к неприятностям. Но тут пространство для наших советов кончается.

В общем, февраль завершился на очень тревожной ноте.

Через некоторое время главные раввины Израиля обратились в правительство с предложением разделить помещение между евреями и арабами. Арабы протестовали и настаивали на сохранении статус-кво: мечеть, а не синагога. Правительство не

уважило раввинов.

МАРТ-94

Визиты Иванова и Козырева — «Россия сосредоточивается…» — Дипломаты и «соседи» — «Капитан Рябинкин»: крупные проекты уходят в песок

2 марта прибыл свежеиспеченный первый заместитель министра иностранных дел России Игорь Сергеевич Иванов. С корабля на бал! «Корабль» — это Мадрид, где он до самого недавнего времени был послом, а «бал» — это, значит, у нас, в Израиле. О коем у Иванова, естественно, до сих пор было весьма смутное представление. Экспертом к нему приставили Гогитидзе, действительно знатока ближневосточной проблематики (позже — наш посол в Сирии).

Были у Переса. Он увлеченно говорил о «многосторонке» и крайне сдержанно отнесся к идее «Мадрид-2». Меня удивила некоторая суетливость эксперта, который тут же на ушко давал Иванову, видимо, квалифицированные советы. Что выглядело со стороны странно и не очень тактично. После беседы с Пересом и перед беседой с Рабином я был вынужден сказать Иванову, чтобы он малость придержал Гогитидзе. Во всяком случае, во время беседы с Рабином «подсказок» не наблюдалось. Да они, в общем-то и не были нужны, так как Иванов моментально ухватывал суть дела. По-моему, премьер не очень представлял, зачем приехал Иванов. И, видимо, впрок толковал о том, как важно России не портить отношения с Америкой, согласовывать с нею свои коспонсорские шаги.

Иванов оставил хорошее впечатление. Собран. Деловит. Немногословен. После проводов гостя — «разбор операции» в посольстве. И опять пришлось говорить о том, что чрезмерная нервозность и стояние на ушах не помогают делу, но портят нервы.

10 марта, вернувшись в посольство после официального и одновременно чрезвычайно дружественного визита в дегустационный зал винного завода «Кармиэль», я узнал, что завтра на один день прилетает министр, Козырев. Я был удивлен. Еще больше были удивлены израильтяне. Стали срочно, впопыхах верстать программу. Чтобы и Рабин был и Перес. Опускаю разные выразительные слова, которые при этом использовались обеими сторонами.

Сразу из аэропорта Козырева повезли в Тель-Авив, где в отеле «Хилтон» он отобедал с Пересом. Потом — встреча с Рабином в

Министерстве обороны (по традиции премьеры имеют там официальные апартаменты). Козырев больше молчал. Говорил Рабин. Складывалось такое впечатление, что он никак не мог взять в толк — зачем же прилетел Козырев? В конце встречи Рабин и Козырев остались один на один. Израильтяне (не Козырев!) сказали мне, что министр передал премьеру приглашение посетить Москву.

С Козыревым хотели встретиться Вейцман (если инициатива будет исходить от Козырева), Нетаньяху и Фейсал Хусейни. Но Козыреву было некогда.

Я и мои товарищи все ждали, когда же министр поинтересуется работой посольства или просто спросит «Как дела?», но так и не дождались.

Так прошел первый визит в Израиль министра иностранных дел России.

На следующий день — шум в газетах. Хор обиженных голосов. За кого нас принимают? Что тут делал Иванов? Почему Козырев явился без предупреждения? Россия опять собирается «вмешиваться»?

Через несколько дней на обеде в честь президента Эстонии я разговаривал с Вейцманом и Пересом. Видимо, они сами были смущены недоброжелательной реакцией прессы и просили не обращать внимания на «крайности» журналистских оценок. В свою очередь мне пришлось извиниться за скоропалительность визита.

Неприятный осадок после визита Козырева был настолько силен; что Вейцман вернулся к этой теме 24 марта, когда я приехал к нему совсем по другим делам. Президент выделил три основные причины негативной реакции на визит Козырева.

Первая. В результате длительной конфронтации с СССР в Израиле сохраняется недоверие к России. При обычном, нормальном течении дел о нем забывают. Но в обстановке кризисной, сложившейся после хевронской трагедии, когда мы сталкиваемся с резкими движениями России (а к ним в Иерусалиме отнесли «внезапную» активизацию России на Ближнем Востоке), прежние чувства как бы выносятся на поверхность политического сознания. Попросту говоря, боятся, что Россия вновь станет на сторону арабов и начнет совать палки в колеса израильской политики.

Вторая. Эти страхи усугубляются итогами декабрьских выборов в России, появлением в российском парламенте сильных группировок националистической, проимперской ориентации. «Один Жириновский чего стоит, — заметил президент. — Но ведь он не один!» Всех волнует вопрос: не приведет ли давление этих

сил к сближению России со своими старыми друзьями, арабами, в ущерб Израилю?

Третья. Неожиданность визита. Как-то необычно, чтобы министр иностранных дел «сваливался на голову» без предупреждения. О визитах Кристофера, например, мы знаем как минимум за несколько дней. Президент подчеркнул, что даже несмотря на внезапность появления Козырева, он был принят «по высшему разряду». Но если бы было можно заранее подготовиться, «психологически адаптироваться» к визиту, со всех точек зрения было бы лучше.

Президент выразил надежду, что предстоящий визит Рабина в Москву позволит более четко прорисовать позиции сторон и усилить их взаимопонимание.

Мне было трудно возражать. Хотя я что-то говорил, особенно по второму пункту. Сошлись на том, что если визиты высокого уровня будут совершаться чаще, то это снимет ненужный налет сенсационности, подозрительности. Размышляя по поводу вызвавшего такие страсти визита, я решил, что было бы полезно познакомить израильтян с некоторыми общими соображениями относительно российской внешней политики. Написал статью «Россия сосредоточивается…», которая 15 марта была опубликована в «Едиот ахронот», а затем — в русскоязычных газетах.

> «Мне бы хотелось высказать несколько соображений в связи с недавними визитами в Израиль первого заместителя министра иностранных дел России Игоря Иванова и министра Андрея Козырева.
>
> Эти визиты, как мне представляется, было бы разумно рассматривать в русле общей активизации внешней политики России.
>
> Но сначала давайте вернемся на несколько лет назад. Распался Советский Союз. Рухнула тоталитарно-коммунистическая система. Радикальной критике подверглась советская внешняя политика, которая была функцией конфронтационного пространства и в основе которой лежали имперская идеология и ставка на силу. Новая внешняя политика, внешняя политика посткоммунистической России рождалась в муках, в обстановке хаоса и растерянности. Нигилистическое отношение ко многим традиционным ценностям сопровождалось идеалистическими представлениями о «новом мировом порядке», где господствуют общечеловеческие ценности и где, как давно известно, «и

теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их» (Исайя, II, 6).

Исходя из такого рода представлений, Россия, например, резко сократила продажу оружия (для справки: наша «доля» в экспорте оружия на Ближний Восток в прошлом году снизилась до 10 %). Результат? Суммарный экспорт оружия не сократился. Россия же, к удовольствию своих новых друзей, лишилась традиционных рынков (а значит, и выручки).

Россия отказалась от многих программ производства вооружений и, взяв курс на широкомасштабную конверсию, приступила к расформированию военно-промышленного комплекса. Но, если я не ошибаюсь, наш пример не оказался заразительным, и те же друзья не очень-то торопятся сокращать военные бюджеты, военные программы и вооруженные силы.

В России как-то стали стесняться вслух громко говорить, что она остается великой державой, что у нее есть свои национальные (государственные) интересы и что эти интересы надлежит защищать, используя весь набор средств, не противоречащих международному праву. Результат не замедлил сказаться. В «ближнем зарубежье» стало считаться чуть ли не признаком хорошего тона «прижать» русское меньшинство, не принимать во внимание его права и интересы. В зарубежье дальнем (и не очень) возникло убеждение, что Россия перестает быть фактором мировой политики и что ей можно безнаказанно наступать на больные мозоли. И наступали…

Так было. Но так не должно быть и так не будет.

Совсем в другое время и по другому поводу светлейший князь Александр Горчаков, который 26 лет возглавлял МИД России, в циркулярной депеше, направленной во все российские посольства, написал свою знаменитую фразу: «Россия сосредоточивается». Вот именно. Нынешняя Россия тоже сосредоточивается. Это ни в коей мере и ни в коем случае не означает возврата к имперским замашкам. Это означает, что внешняя политика России становится более активной, а защита ею своих внешнеполитических интересов — более энергичной.

Предвижу вопрос: ради каких интересов русские высокопоставленные дипломаты появились в Израиле? Или, если говорить в более широком плане, что влечет

Россию в Израиль, каковы ее интересы в этом регионе?

Отвечая на эти вопросы, я мог бы напомнить, что первый русский паломник (игумен Даниил) появился на палестинской земле в 1106 году, что еще в прошлом веке в Иерусалиме возникли «русское подворье», Русская духовная миссия, русские монастыри и что в начале нынешнего века в Палестине, Ливане и Сирии под эгидой российского Православного общества работали более 100 школ. И теперь, когда русская Православная церковь становится самостоятельным фактором российской действительности, нити, связывающие историческую родину христианства с с Московской Патриархией, а следовательно, с новой Россией, будут умножаться и крепнуть.

Я мог бы напомнить и о том, что в Израиле живут сотни тысяч человек, думающих и говорящих по-русски. И хотя для многих из них Россия была не матерью, а мачехой, они принадлежат, и еще долго будут принадлежать к русской культуре. Несомненно, значительная группа израильтян российского происхождения способствует росту взаимопонимания между Россией и Израилем, расширению областей взаимовыгодного сотрудничества.

Гуманитарный срез интересов России в Израиле не играет, разумеется, значительной роли в контексте актуальной политической проблематики, Политика, как считают политики, «главнее» истории и культуры. Но «главнее» только в каждый данйй момент. С точки же зрения исторической перспективы интересы гуманитарного характера могут перевешивать интересы политические. Вот почему, пытаясь разглядеть контуры «Нового Ближнего Востока», я начал с того, о чем политики обычно вспоминают в последнюю очередь.

Если же, как и положено, начать с очереди первой, с интересов приоритетных, то ими для России являются, во-первых, установление прочного, всеобъемлющего, справедливого мира на Ближнем Востоке и, во-вторых, налаживание хороших, добрых отношений со всеми государствами региона. Будучи одним из коспонсоров мирного процесса, Россия, опираясь на свой опыт, на свои традиционные связи, на искусство своих дипломатов, стремится помочь сторонам сблизить позиции, найти баланс взаимных уступок, обозначить поле устойчивых компромиссных решений. Россия, как,

надеюсь, и США, не имеет намерения навязывать кому бы то ни было свою точку зрения. Задача коспонсоров иная. Используя свое влияние, обеспечить, с одной стороны, сохранение мира на время переговоров, а с другой, — продолжение переговоров, несмотря на возможные кризисные, критические ситуации.

Понятно, что те обстоятельства, о которых я писал выше, существенно сдерживали внешнеполитическую активность России. Да и сегодня наличие вооруженных конфликтов в ряде стран СНГ, огромные трудности в становлении демократического общества, осуществлении экономических— преобразований отвлекают МИД России от традиционных направлений внешней политики. Тем не менее и в Мадриде, и после Мадрида российская дипломатия была заметным участником ближневосточного урегулирования. Недавние визиты нашего министра и его первого заместителя — еще одно подтверждение этого. Некоторых смущает «неожиданность» визитов, но ведь и события в Хевроне были неожиданными…

Хотелось бы подчеркнуть, что Россия ни в коей мере не хочет «соревноваться» с Америкой на почве ближневосточного урегулирования. Насколько я могу себе представить, на принципиальном, стратегическом уровне деятельность коспонсоров достаточно координирована и, я надеюсь, останется таковой.

У коспонсоров общая цель и общий, принятый в Мадриде, подход к достижению этой цели. Однако это вовсе не исключает, что в Таких общих рамках каждый коспонсор может предлагать свою интерпретацию событий, выдвигать для обсуждения свои предложения и инициативы. Формулируя какую-либо новую идею, Россия всегда открыта для восприятия и обсуждения других идей.

Замечу, кстати, что в Москве вполне осознают, что ко-спонсоры занимают асимметрическое положение и что у США больше возможностей влиять на позиции сторон, на ход переговоров, чем у России. Нас это ни в коей мере не смущает. Ради Бога! Лишь бы эти возможности использовались во имя достижения справедливого мира. В Москве сознают и то, что отношения между Израилем и США имеют специфический, особый характер, ибо США выступают как гарант безопасности и выживания Израиля. И опять

же — ради Бога! Как-то даже неловко писать о том, что у России нет ни малейших намерений покушаться на прочность израильско-американских связей.

Мне приходилось читать, что нервозность, с которой в Вашингтоне встретили миссии Иванова и Козырева, была усугублена недавним казусом с О.Эймсом, а также позицией России в балканском конфликте. Возможно. Но, скорее всего журналисты преувеличивают. Оснований для беспокойства нет. В самом деле. Если у нас был Пеньковский, то почему бы у них не быть Эймсу? Тут ситуация была и остается симметричной. Если ЦРУ и СВР сохраняются, то они должны чем-то заниматься, хотя и более цивилизованно, чем прежде.

Что же касается Балкан, американцы, безусловно, знакомы с географической картой и, наверное, знают о традиционных связях России со славянством, о роли России в освобождении Балкан от ига Османской империи. Так что они вполне могут понять особый интерес России и особый характер ее отйошений с Сербией. Во всяком случае в Москве стремятся с максимальным вниманием относиться к интересам США, равно как и к интересам Израиля, к интересам других участников мирового сообщества. Разумеется, facio ut facias.

Боюсь, я выхожу за рамки своей компетенции, но полагаю, что Россия, имеющая свое видение международных проблем, свои интересы, не всегда будет покладистым партнером, но всегда будет партнером честным и надежным. Рассказывают, что, беседуя с Голдой Меир, Р. Никсон так сформулировал свой «категорический императив» применительно к международной политике: «Делай другому то, что он может сделать тебе». К чему Г. Киссинджер позже добавил: «Плюс еще десять процентов». Что же касается России, то я бы держался ближе к библейскому тексту: «Не делай России то, чего ты не хочешь, чтобы она сделала тебе».

Вот, пожалуй, и все, что стоило бы сказать в связи с недавними «недоумениями» по поводу «вмешательства» России в мирный процесс».

Статья оживленно комментировалась. Комментаторам, на мой взгляд, так и не удалось найти путь между Сциллой (Бовин ставит дымовую завесу, прикрывая имперские вожделения

России) и Харибдой (да нет ничего серьезного за рассуждениями Бовина, Россия просто спасает свой «имидж»). Резюме можно проиллюстрировать словами одного из наиболее глубоких авторов Рафаила Нудельмана:

> «…одно совершенно очевидно: видеть во всем коварные российские козни было бы чересчур параноидальным; но не считаться с такой возможностью было бы слишком наивным. Всегдашний израильский мучительный выбор — пройти между иррациональной паранойей и рациональной наивностью».

18 марта имел крупный, но деликатный разговор с «соседями». В общем, у меня с ними отношения были вроде бы нормальные. В их работу я, само собой, не вникал. Их оценки обстановки меня не интересовали, так как дипломаты, основной костяк посольства, были несравненно выше по квалификации. Но постепенно стал понимать, что поводок оказался слишком длинным. Просил их, поскольку они состоят в штате посольства, больше и результативней заниматься собственно посольскими делами, быть более дисциплинированными, не уходить в самовольную отлучку. «Соседи» проявили понимание. Но все же гнули на «специфику».

Простой пример. Я поручаю молодому человеку с хорошим ивритом переводить счета и другие хозяйственные бумаги, приходящие в посольство. Его начальник по «соседской» линии делает мне реприманд: не положено его кадру этим заниматься. Что тут делать? Кто прав?

Не имея практического опыта взаимодействия со спецслужбами, я не чувствовал себя уверенно. Размышлял примитивно: если ты — советник, работай как советник с учетом, конечно, специфической добавки. Но не халтурь по занимаемой должности.

Расстались после совещания дружелюбно, но с неким вопросом в глазах…

Оказавшись в апреле в Москве, решил прояснить проблему. Посетил руководство «соседей». Мне показали междуведомственные протоколы, из которых явствовало, что сотрудники СВР и ГРУ, работающие на дипломатических должностях, обязаны в полном объеме выполнять свои функциональные обязанности. При том, естественно, понимании, что посол должен учитывать некоторую специфику.

Вернувшись из Москвы, я продолжил разговор. Вроде бы договорились. Кстати, о счетах. Московское начальство меня поддержало. Мелочь, но приятно…

Квота, о которой была достигнута договоренность еще в декабре 1991 года, в принципе выполнялась. Хотя стремление раздвинуть ее наблюдалось. Имел по этому поводу переписку с директором СВР Е.М. Примаковым. Понимаю, писал ему, что трудно бороться с одним из главных законов Паркинсона: всякая контора, предоставленная самой себе, имеет тенденцию к расширению. И все же надеюсь на наш общий здравый смысл.

Другой вариант: давайте пришлем «офицера безопасности». Отбился. Заверил, что справимся наличными офицерами.

От ФСБ не отбился. Прислали-таки полковника. Но не «под крышу», а официальным представителем. Бороться с организованной экономической преступностью. Представитель прилетел в ноябре 1996 года и то время, в течение которого я мог наблюдать, маялся, по-моему, от безделья.

Случались и казусы. Израильтяне как-то завернули одного «дипломата», сославшись на то, что он вовсе не дипломат. В конце концов визу ему дали… под «честное слово», что он не будет заниматься разведкой! Не знаю, как там насчет разведки, а работник оказался толковый.

Пытался пару раз собирать «соседей» для обмена мнениями. Не получилось. Как-то они имели склонность сводить крупные политические проблемы к разного рода козням, интригам, происка сионизма. «Допотопное мышление», — произнес В.И.Носенко после одного из таких сборов. А ведь нам еще повезло: «соседи» в большинстве своем были порядочные люди, многие с опытом, профессионалы. Но время часто обгоняет профессионалов.

В конце концов данные, которые поставляет политическая разведка, необходимы для принятия политических решений. Я бы дорого дал, чтобы узнать, какая информация, полученная Москвой помимо посольства, от «соседей», пригодилась для формирования политики, принятия решений. Жаль, что я так и не узнаю этого…

В августе этого же года передал с Посувалюком письмо Козыреву: «Хочу обратиться к Вам по вопросу, который считаю чрезвычайно важным. Речь идет о работе «соседей» под мидовской крышей.

Складывается впечатление, что эти самые «соседи» всяческими путями пытаются восстановить позиции, которые они занимали в штатных расписаниях посольств и которые в начале 90-х годов были существенно сужены…

Но дело не только в процентах. Возможно, я ошибаюсь, но по моим наблюдениям, «ведомственная отдача» этих людей не слишком велика. Пытался привлечь их к нормальной посольской

работе. Удается с трудом. Здесь, в Израиле, связи у них весьма ограничены. Информация, которой они располагают, не несет, как правило, большой политической нагрузки.

Обо всем этом я говорил и мае с Примаковым и Ладыгиным. Но ничего не изменилось. Если не иметь в виду изменения в русле законов Паркинсона.

Пока мое послание к Вам отлеживалось в сейфе, израильтяне заблокировали работника СВР («первый секретарь»). Если хочет работать у нас, сказали нам, пусть даст обещание не заниматься разведкой. Вот такие-то дела. Наверное, мы ответим аналогичным образом, и опять закрутится привычная карусель….

Разведка нужна, конечно. Но не лучше ли брать не числом, а умением? И не дискредитировать дипломатическую службу.

Не знаю, как подойти к данной проблеме. Может быть, стоило бы обобщить мнения послов. Может быть, было бы полезно проанализировать информацию, поступающую от ведомств, чтобы в качестве «сухого остатка» выделить ту ее часть, которая важна с точки зрения государственных интересов России.

Впрочем, ловлю себя на мысли, — а, может быть, вообще ничего не делать? Но это было бы печально. Ведь в конце концов, как сказал мудрый отшельник Торо, «восходит только та заря, к которой пробудились мы сами». Прошу прощения за время, которое я отнял у Вас». Судьба этого письма мне не известна.

24 марта отправился к президенту по поводу «Капитана Рябинкина». Наша фирма, расположенная в Мурманске, договорилась с израильтянами о проведении поисковых работ на нефть на шельфе Израиля. Работы должны были производиться геофизическими методами (сейсморазведка) со специально оборудованного и оснащенного корабля «Капитан Рябинкин». Но когда «Рябинкин» уже разводил пары, израильтяне неожиданно и без объяснений разорвали контракт. Во всяком случае так мне объяснили мурманчане.

Начал разбираться. Обращался в МИД. Все как-то расплывалось. Вроде бы военные возражали: корабль напичкан электроникой, будет все слушать. Но военные от разговора уклонялись. Осталась единственная надежда — президент.

Изложил ему всю историю. Сказал, что наша фирма готова допустить на корабль любых контролеров и в любых количествах. Президент обещал помочь. Но оказался бессилен…

Потом мудрые люди сказали мне, что если дело пахнет безопасностью, надо действовать через военного секретаря премьера Дани Ятома. Но это уж потом…

Еще более мудрые люди объяснили, что контракт был загроблен крупными иностранными фирмами, которые

занимаются сейсморазведкой. Они не хотели через Израиль выпускать «русских» на мировую арену.

Поневоле станешь фаталистом. Ни один из крупных проектов, которые могли бы стать несущими конструкциями экономического, научно-технического сотрудничества между Россией и Израилем, так и не встал на ноги. О некоторых таких проектах я уже упоминал. Продолжу скорбный список: создание совместного предприятия по производству пассажирских самолетов на базе ИЛ–96–300, разработка и производство бизнес-самолета «Гэлакси», строительство железной дороги Беэр-Шева—Эйлат, строительство метрополитена в Тель-Авиве. Часто были виноваты мы. Хаос, нерасторопность, неумение действовать в рыночном полете. У израильтян (или — на израильтян) действовали, если я правильно понимаю, другие тормоза и прежде всего — нежелание запускать в свой курятник конкурентов, да еще с не очень хорошей коммерческой репутацией.

АПРЕЛЬ-94

Рабин в Москве

В апреле произошло два важных события. Внешняя политика: Рабин посетил Россию. Внутренняя политика: открылся купальный сезон (он продолжается с 12 апреля до 3 октября).

Но если по порядку, то 4 апреля мы встречали Посувалюка. Пыль после визита Козырева уже осела. О приезде Виктора Викторовича мы знали заранее. Так что все шло спокойно и размеренно.

Были у Рабина и у Переса. Главная тема — приближающийся (24–27 апреля) визит Рабина. Посетили американского посла. Поговорили о мирном процессе и о коспонсорстве.

В свободное время немножко посплетничали. Посувалюк признался, что он «ошибся» в Чистякове, слишком «самомнения» много. Иванов хорош, но уж больно «работоголик».

Сочинил стих:

Одесский дюк
Всегда на месте.
Посувалюк
Всегда в отъезде.
Одесский дюк
Железно тверд.
Посувалюк
Калачно терт.
Нет, не видать
Евреям дюка —
Прислали им
Посувалюка.

21 апреля улетел в Москву. 24-го торжественно встречали Рабина. Ковер у трапа. Почетный караул. Рапорт. Оркестр. Мотоциклы со всех сторон. Уж чего-чего, а встречать и провожать мы умеем.

Череда встреч: В.С.Черномырдин, И.П.Рыбкин, В.Ф.Шумейко, Б.Н.Ельцин, А.В.Козырев, П.С.Грачев. Официальные переговоры шли, как и положено, чинно, без углубления в конкретику, с аккуратным сглаживанием острых углов.

Рабин подчеркивал опасность терроризма и исламского

фундаментализма, предостерегал против ядерных амбиций Ирана, выражал обеспокоенность свободой антисемитизма Б России, возражал против вооружения Сирии. Все обратили внимание на то, что часовой разговор с министром обороны Грачевым Рабин провел без своего официального переводчика, воспользовавшись услугами военного атташе Михаила Штиглица. Сплошные секреты…

Напряженная работа шла за кулисами: Зина Кляйтман и Виктор Юрьевич Смирнов шлифовали и готовили к подписи тексты семи соглашений. Справились с этим делом блестяще! Именно с восклицательным знаком.

Были подписаны соглашения о научно-техническом сотрудничестве, о сотрудничестве в областях агропромышленного комплекса, туризма, культуры и образования, здравоохранения и медицинской науки, торговли и экономического сотрудничества и соглашение об избежании двойного налогообложения.[37] Это была солидная правовая база для сотрудничества. Но кроме базы необходимы еще желание и воля. Тут был дефицит с обеих сторон. Не до этого им было. Однако соглашения существуют, и я надеюсь, когда-нибудь они наполнятся живой, плотной материей.

Непременный Большой театр. Царская ложа. Мрачный охранник, смачно жующий жвачку и очень удивившийся, когда я предложил ему прервать этот процесс. «Жизнь за царя» в полном, трехчасовом варианте. И в полном великолепии массовых сцен. Рабин выдержал до конца.

Прокол на официальном обеде. Подавали черную икру и осетрину. Евреям это есть не положено. Подали мороженое, что после мяса тоже запрещено. Хорошо, хоть поросенка не было. Сидевший рядом со мной Э.Рубинштейн задумчиво жевал помидоры…

В киноконцертном зале «Россия» состоялся концерт с участием израильских артистов. Перед концертом выступил Рабин. Это была не столько политическая, сколько человеческая речь.

> «В известной степени я и мои товарищи, которые прибыли со мной из Израиля, — сказал Рабин, — чувствуем себя здесь почти как дома. Природа, звуки, запахи знакомы нам. Здесь, в великой России, мечтали первопроходцы о Сионе и Иерусалиме, здесь были заложены камни в фундамент Государства Израиль, здесь зародилась мечта, здесь возникла наша новая культура, здесь наши великие поэты слагали стихи. Здесь родились наши лидеры, которые вели наш народ

десятки лет. И отсюда они вышли, чтобы вернуться на землю отцов, на ту землю, с которой мы были изгнаны две тысячи лет назад. Первые шаги — политические, культурные — на долгом пути к Государству Израиль были сделаны здесь. И в эти три дня, в течение которых я находился здесь с вами, перед моим мысленным взором прошли картины и образы, хорошо знакомые мне по книгам и рассказам домашних. В конечном счете и мои деды, и отец, и мать родились здесь, среди этого великого народа — народа, породившего многих тиранов, но также и величайших деятелей искусства и культуры, гениев духа».

Битком набитый зал (все евреи Москвы) был взволнован. Но без ложки дегтя не обошлось. Во время выступления премьера из зала раздались крики: «Предатель! Предатель!» Кричавшего быстро вывели. А концерт был хороший.

27-го утром Рабин улетел в Санкт-Петербург и вечером оттуда — в Израиль.

Я на несколько дней остался в Москве, чтобы обойти начальство и постараться решить накопившиеся посольские дела. Обошел. Кое-что решил.

В российских СМИ о визите Рабина забыли на следующий день. Наши СМИ теперь специализируются на интригах, склоках и скандалах. Но человек, похожий на Рабина, нигде не засветился. Так о чем говорить? В Израиле обсуждали итоги визита несколько дней. Спорили: а зачем все-таки летал премьер в Москву? Соглашения — это как-то скучно, буднично. Личное знакомство? Без него можно обойтись. Информировать русских о позициях Израиля? Так это посол может сделать. Скептики так и не нашли ответ… Но ведь не все скептики. Редакционная «Вестей» называлась «Исторический визит». Таким он и был. Первый визит премьер-министра Государства Израиль на нашу землю.

МАЙ-94

Соглашение «Газа—Иерихон» — Венчание А.Б.Пугачевой и Ф.Б.Киркорова — Нашествие блох — «Нищим тут не подают…»

Если не считать венчание Аллы Борисовны Пугачевой и Филиппа Киркорова, то главным событием месяца явилось подписание соглашения «Газа — Иерихон».

Соглашение «Газа—Иерихон» было подписано 4 мая в Каире. Подписание было назначено на 11.30 во Дворце Конгрессов. К этому времени на сцене появились главные действующие лица Рабин, Перес и Арафат, хозяин церемонии — Мубарак и два «коспонсора» — Кристофер и Козырев. Рабин и Арафат начали — документ за документом — подписывать бумаги. И вдруг (я наблюдал за этим священнодействием по телевизору) возникла какая-то заминка. Все стали бегать вокруг Арафата. Было не понятно — в чем же дело.

Выяснилось позже. Оказывается, Арафат, вопреки достигнутой накануне договоренности и не сказав никому ни слова, не стал подписывать карты, обозначающие границы автономии в районе Иерихона. Прямо на сцене начался торг, который продолжался около часа. Арафата уламывали и Мубарак, и Кристофер, и Козырев. Скандал был первоклассный! И прекрасный материал для тех, кто занимается «арафатологией». Наконец, Арафат сменил гнев на милость. Процедура подписания была завершена.

Соглашение, которое было подписано 4 мая, — весьма внушительный по размерам документ. В нем около 200 страниц. В них входят четыре приложения, в том числе — Протокол о выводе израильских войск, а также шесть карт, одна из которых и ввела в искушение Арафата.

Суть: израильские войска выходят из сектора Газы и Иерихона и заменяются палестинскими полицейскими (не более 9 тысяч человек). Создаются органы временного самоуправления. В сфере ответственности Израиля остаются вопросы обороны, внешней и внутренней безопасности, внешней политики, безопасности израильских поселений и граждан. Начиная с 4 мая 1994 года начинает отсчитываться пятилетний переходный период, в рамках которого должны быть найдены «окончательные решения».

Экстремисты в обоих лагерях встретили соглашение в штыки. Лидеры Хамаса объявили в секторе Газы двухдневный траур и

призвали население поднять над домами черные флаги. «Объединение раввинов в защиту Эрец-Исраэль» заявило:

> «Всякий, кто имеет возможность воспрепятствовать реализации соглашения с ООП и не делает этого, нарушает библейскую заповедь «не стой над кровью ближнего твоего»».

В статье «Радость побежденных» генерал Шарон писал:

> «Слабое еврейское правительство сильного победившего народа сдалось без всякой видимой причины на милость палестинской террористической организации. Это была безоговорочная капитуляция… Это не только политическая капитуляция. Это капитуляция столетней идеологии, капитуляция оборонной доктрины. Теперь — впервые в истории — безопасность израильского народа отдана на откуп палестинской террористической организации».

Кнессет одобрил соглашение. 18 мая израильские войска покинули территорию автономии.

10 мая в посольство обратилась Алла Борисовна Пугачева. Они с Филиппом Бедрасовичем Киркоровым решили венчаться в Иерусалиме, в соборе святой Троицы. Однако для этого нужно было получить благословение Патриарха. Поручил 2-му секретарю Дмитрию Смирнову решить эту задачу. 12 мая благословение было получено. Венчание состоялось 14-го. В церковь я не пошел. Но вместе с дочкой приехал на свадебный обед, который состоялся недалеко от Иерусалима в арабском городке Абу-Гош в арабском же ресторане (еврейские рестораны не работали по случаю праздника Шавуот). Народу было немного. Поскольку Алла Борисовна находилась в периоде полной трезвости, то и веселья было немного.

Закончила свою деятельность комиссия, которая — после всякого рода ремонтных, наладочных, отделочных и прочих работ — проверяла здание посольства с точки зрения безопасности, готовности для развертывания шифротехники, приема дипкурьеров. Комиссия осталась довольна. Здание было принято с оценкой «хорошо».

Напасть пришла с неожиданной стороны. Нас атаковали блохи. Они гнездились в технической вате, которой было полно в подвале в связи с упомянутыми выше работами. И оттуда стали распространяться по посольству. Это было испытанием для нового завхоза Александра Ивановича Дмитриева. Испытание он

выдержал. Не выдержали блохи.

Завхоз — важный человек в посольстве. У Дмитриева уже был опыт работы за границей. Дело он знал. В порядке профилактики я сформулировал две заповеди: не воруй и вовремя списывай. Он отнесся к ним с пониманием. Иногда грешил резкостью, бестактностью в обращении с коллегами. Но поддавался воспитанию. И главное — умел безукоризненно подсчитывать расходы на представительские мероприятия…

Поскольку в России дыхание рынка, ощущение безответственности коснулись армейских запасов оружия и военной техники, то в воздухе витали идеи миллиардных проектов. И меня одолевали. Приходилось сопротивляться.

Живописный пример. Получаю из Москвы (от людей мне известных) факс с могучими предложениями для группы Айзенберга. Москвичи рвутся в Израиль. Айзенберг, пишут они, должен взять на себя «следующие обязательства»: финансировать прилет в Израиль четырех человек на трое суток (четыре авиабилета первым классом «туда—обратно», все виды страховки, включая медицинскую, проживание и питание в отелях «Шератон» или «Хилтон», предоставление автомобиля). Чтобы определиться со сроками, просили уточнить, когда Айзенберг будет в Израиле.

Мой ответ был чрезвычайно лаконичен:

> «1. Айзенберг будет в Израиле после 15-го июня.
> 2. Если изложить ему ваши условия, значит погубить дело на корню. Нищим тут не подают».

Адресат рассердился. Позвонил. Учти, сказал, положу твой факс на стол президента. Клади, ответил я. С тех пор мы не встречались.

ИЮНЬ-94

В отпуске — Квартира для партизана — Школьные дела

3 июня ушел в отпуск. Решил остаться в Савьоне. Потому что приехал внук, Макар Сергеевич. Ему здесь хорошо. И сад, и бассейн, и поездить можно, — дедушка все же начальник.

Сдал дела Носенко. Категорически запретил «советоваться» со мной по каким-либо посольским делам.

Звонил Посувалюк. Колоколов, сообщил, «взвился». Почему это Бовин написал «ухожу в отпуск», а не «прошу согласия»!? Покаялся. Век живи — век учись.

Отпуск проводил по трем «трекам».

Во-первых, общался с Макаром Сергеевичем. Даже на роскошном лайнере «Принцесса Виктория» совершили путешествие. Были в Порт-Саиде и на Кипре. Купались в том самом месте, где Афродита выходила из моря.

Во-вторых, читал. Составил список: Шлессинджер «Цели американской истории», Шпенглер «Закат Европы», 2-й том, Свирский, трилогия «Ветка Палестины» (будучи в Союзе, Свирский боролся с нашими порядками, а когда оказался в Израиле, стал непримиримым критиком порядков израильских, что и отражено в его романах), Галеви «Жизнь Фридриха Ницше». Управился за месяц, но иссяк на третьем томе Свирского.

В-третьих, продолжал лечить ногу. Как раз год исполнился. Уж кто только не пользовал меня. И «светила», и те, кто не светит, но, возможно, греет. Израильская медицина не теряла надежду… Хотя я иногда был на грани потеряния таковой.

Из отпускных дел запомнился вечер со знаменитым колдуном Юрием Лонго. Ужинали с ним в Савьоне. Просил его что-нибудь сотворить. Маленькое, но простое, очевидное, для посрамления скептиков. Но как-то не получилось…

Находясь в отпуске, продолжал заниматься делами друзей.

В частности, выбиванием квартиры для Леонида Беренштейна, о чем я уже упоминал. Сочинил письмо министру абсорбции.

> «Уважаемый г-н Цабан!
>
> Поскольку я беру на себя смелость вмешаться в сугубо внутренние дела Израиля, прошу рассматривать данное послание не как письмо посла, а как частное письмо частного человека.

Теперь — о сути дела.

Речь идет о моем давнем и хорошем друге Леониде Беренштейне. Личность легендарная. Командир известного партизанского отряда, воевавшего на территориях Украины, Польши, Венгрии и Чехословакии. Был схвачен гестапо и приговорен к смертной казни. К счастью, партизаны смогли вырвать его из камеры смертников. Именно он обнаружил в Польше тайные установки первых немецких ФАУ и сообщил их координаты советской авиации. И т. д. и т. п.

Наряду с другими операциями отряд Л.Беренштейна участвовал в разгроме правонационалистического движения бандеровцев. В нынешней Украине определенные и влиятельные силы рассматривают борьбу с бандами С.Бандеры как антипатриотические акции, как предательство. Беренштейну стали угрожать. И вот в конце прошлого года с женой (тоже — партизанка) он репатриировался в Израиль.

Для 73-летнего человека, для инвалида войны, как Вы понимаете, абсорбция — дело не легкое. И среди многих больших и малых проблем самая главная, самая больная — это квартира. Жить на съемной квартире для него слишком дорого. Да и потом угнетают неопределенность, неустойчивость, зависимость от настроения хозяина — хочет, продлит договор, не хочет, катись на все четыре стороны.

В общем, дорогой министр, я обращаюсь к Вам с личной просьбой — помочь Л.Беренштейну получить амидаровскую квартиру. Понимаю, что формально не имею права обращаться к Вам с такой просьбой. Понимаю, что Вы имеете полное право отказать мне. И все-таки надеюсь на Вашу чуткость. Случай не стандартный, и он допускает нестандартные решения.

По словам Леонида, он разговаривал с заместителем мэра Ашода Шимоном Кацнельсоном (08 559994). Г-н Канцельсон сказал ему, что в принципе вопрос можно было бы решить, но нужен звонок от «начальника распределения квартир» министерства абсорбции. Разумеется, Л.Беренштейн согласен и на другие варианты.

Прошу Вас, уважаемый г-н Цабан, извинить меня за то, что я добавляю еще одну заботу к 1001 заботе, в которые Вы ежедневно погружены. Но очень хочется помочь хорошему человеку

Заранее признателен за ответ»

Красноречие принесло плоды. Но очень не сразу.

И еще одно дело, по поводу которого хорошо размышлялось на досуге — как, где и за чей счет учить наших детей. Я застал такой порядок: дети учились в местных школах — английской и французской; оплачивало консульство за счет 15-ти процентного фонда, который формировался из сверхплановых поступлений за консульские услуги.

Мы решили сохранить этот порядок.

Но потом начальство спохватилось. И запретило оплачивать учебу за счет 15-ти процентного фонда. Началась длительная переписка с МИДом. Традиционный вариант — создание школы при посольстве, с учителями из Москвы. Мне этот вариант для наших условий — детей не так много — казался неразумным. Пришлют двух учителей, и те будут учить по всем предметам. К тому же местные школы дают язык, расширяют общение со сверстниками.

Число детей росло — проблема обострялась. Я решил искать спонсоров. Когда в Израиле появлялись знатные и богатые гости из России, пытался уговорить их дать деньги для обучения детей. Примерно из десяти обращений одно давало результат.

Приезжает, например, Лужков. Агитирую его. Клюет. Пиши, говорит, бумагу. Пишу:

> «Уважаемый Юрий Михайлович!
>
> Еще раз позволю себе обратить Ваше внимание на вопрос, который волнует работников посольства. У нас 31 ребенок школьного возраста (от 6 до 15 лет). Они учатся в местных школах. Обучение одного ученика в год обходится примерно в 2000 долларов. МИД, к сожалению, денег на школу не дает. Пока выручали добрые (и богатые) люди. А сейчас финансы иссякают.
>
> Не могли бы вы помочь нам? 50–60 тысяч долларов сделали бы нашу жизнь спокойнее. Понимаю, что все это — вне сферы Ваших обязанностей, непосредственных интересов. И все же не теряю надежды, что Вы поможете москвичам, оказавшимся за рубежом.
>
> С удовольствием вспоминаю наши встречи на Земле Обетованной. Приезжайте еще».

Выручил Юрий Михайлович, прислал 50 тысяч. Раньше бы сказали: «Так поступают советские люди!» В общем, мэр Москвы и тут оказался на высоте.

А вот наезды на министра связи В.В.Булгака или на

президента «Столичного банка сбережений» А.П.Смоленского не дали результатов. А ведь обещали…

Не очень было приятно выпрашивать вспомоществование, но не было другого выхода. И ни на кого другого я не мог переложить эту функцию.

Продолжалась переписка с МИДом. Я пытался доказать, что вариант с присылкой даже двух-трех учителей обойдется гораздо дороже, чем оплата обучения в местных школах. Подчеркивал, что мы не просим увеличения бюджетных ассигнований, так как будем платить из средств, которые дает консульское обслуживание населения. Обращался даже к министру финансов С.К. Дубинину. Министр молчал, МИД отказывал.

Надвигалась и другая проблема. Дети взрослели. А в старших классах программы местных школ существенно отличались от наших. Отличались в худшую сторону. Кстати, по доле государственных расходов на образование от общей суммы ВНП Израиль в 1995 году занимал второе место в мире (8.4 %). Впереди была только Дания (8.8 %). Но количество, видимо, не всегда переходит в качество.

Стали искать решение. Нашли. За те же спонсорские деньги (они лежали на специальном «детском» счете, который мы тайно — от МИДа — открыли в банке) мы арендовали помещение и пригласили первоклассных «русских» учителей, которых много в Израиле. Школа была открыта для детей из других посольств и просто «с улицы». Наши дети учились бесплатно. Остальные — за умеренную плату, которая тоже шла на содержание школы. Однако для выдачи аттестатов мы были вынуждены приглашать директора школы из Каира.

Мы предложили МИДу на уже созданной базе официально учредить при посольстве неполную среднюю общеобразовательную школу (с 1 по 9 класс) с последующим выходом на одиннадцатилетку. В апреле 1997 года был объявлен набор в эту школу. Открылась она уже после моего отъезда…

Вспоминая о школьных заботах, не могу не выразить признательность Дмитрию Анатольевичу Смирнову и Александру Александровичу Полипову, которые тратили время и нервы на решение массы текущих проблем.

ИЮЛЬ-94

Арафат въезжает в Газу — Послы: Хаим Бар-Лев и Ализа Шенкар

Мой отпуск продолжался до 19 июля. Но события захлестывали его.

1 июля состоялось торжественное появление Арафата в Газе. По плану церемониала Арафат должен был какую-то часть пути к своей резиденции пройти пешком. Но напирающая ликующая толпа смела все планы. И чтобы она на радостях не смела своего вождя, его срочно усадили в лимузин. Начиналась новая глава истории Газы.

Слово «Газа» используется в двух смыслах. Им обозначают «сектор Газы», то есть узкую, небольшую (362 кв. км.) прибрежную полосу земли на юге Израиля, граничащую с Египтом. Им обозначают и город Газа, так сказать столицу сектора. Так что следите за контекстом.

У Газы бурная история. Земля эта лежала на перекрестке важных торговых артерий. Через нее перекатывались войны и завоеватели. Упомяну только три имени: Александр Македонский, Помпей, Наполеон. Здесь во времена господства филистимлян (отсюда — Палестина) разворачивалась драма Самсона и Далилы. Еврейские общины как бы пунктиром проходят через всю историю Газы. Но владел ею только царь Давид. Потом — египтяне, а с VII века — мусульмане в разных политических одеждах.

После Войны за независимость полоса Газы отошла к Египту. 2 ноября 1956 года в ходе Синайской кампании ее захватили израильтяне. Но в марте 1957 года в Газе расположились войска ООН. После Шестидневной войны Газа осталась за Израилем.

Вся экономика Газы завязана на Израиль. Ежедневно десятки тысяч арабов отправляются в Израиль на заработки. Свое производство — в основном цитрусовые. Плюс — ремесла. В городе Газа — огромная скученность населения, бедность, безработица. Около 400 тысяч человек (из общего населения сектора — свыше 700 тысяч) живут в лагерях для беженцев. Очень сильны антиизраильские настроения. В Газе началась интифада. В Газе зародилось экстремистское движение Хамас. Здесь «выращивают» террористов. Не случайно израильтяне именуют Газу «землей, изрыгающей смерть». Евреи создали несколько поселений, которые чувствуют себя как осажденные крепости.

Многие израильтяне ощущали Газу как гирю на ногах, как обузу, от которой хорошо бы избавиться. «Я желаю, если бы это было возможно, — заявил, например, Рабин 2 сентября 1992 года, — чтобы Газа погрузилась в море». По мнению одного из молодых лидеров Аводы Хаима Рамона, у Израиля «нет в Газе никаких интересов». В ответ на упреки в том, что он испугался террора, уступает арабскому нажиму, Рамон ответил: «Представьте себе, что вы взвалили на себя тонну железа и кто-то все время нашептывает: не бросай груз, а то люди скажут, что ты слаб. Такое мышление — просто глупость…»

Возникает вопрос: почему же не «бросили», почему не ушли? Наверное, потому, что еще не созрело общественное мнение в Израиле. И, видимо, потому, что проблему Газы можно было решать только в рамках общего урегулирования. Иначе рядом с Израилем появился бы опасный и неконтролируемый очаг терроризма. Соглашение с Арафатом и должно было избавить Израиль от этой опасности.

Таков был общий фон, на котором Арафат появился в Газе. От нашего посольства его встречали советник-посланник Носенко, советник Смирнов и 1-й секретарь Маслов, арабист Божьей милостью, блестящий знаток арабского языка. Вручили Арафату послание из Москвы. Не так уж частый случай, когда московское яичко поспевало к красному дню.

Моя первая встреча с Арафатом состоялась почти через месяц, 22 июля. Возникла маленькая закавыка. Арафат привык целоваться с «русскими друзьями». Вынужден был остановить его порыв, сообщив свою стандартную, хотя и несколько грубоватую формулу: я целуюсь «только с бабами». Алеша Маслов клялся, что он так и перевел. Больше поцелуйная проблема не возникала.

Арафат жаловался на скудную финансовую базу. При всей несопоставимости масштабов, — сказал он, — есть некая аналогия между нами и Россией: на словах все обещают помочь, а на деле — помощь минимальна.

По мнению Арафата, израильтяне «тянут» с выполнением каирского соглашения, задерживают передачу административных функций палестинцам. Провокационно ведут себя израильтяне и в вопросе об Иерусалиме. Пригласили туда молиться короля Хусейна. Король — «мой друг и брат», но израильтяне не имеют права приглашать его в Иерусалим. «В Иерусалим могу приглашать только я», — поставил точку Арафат.

По инициативе нашего МИДа был затронут вопрос об организации российского «бюро по связям» при палестинской администрации. Арафат согласился, но сказал, что Газа — временное его пристанище; когда будет проще с транзитом,

руководство переместится в Иерихон.

В этой связи присутствовавший на беседе старший советник Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД РФ Ш.А.Эфендиев поднял тему о российской собственности, которая есть в Иерихоне и которая может быть использована для размещения «бюро по связям». Арафат тут же дал «команду» начальнику своей канцелярии Рамзи Хури заняться этим делом.

Докладывая в Москву о разговоре с Арафатом, я писал, что «раис» выглядел очень усталым. Говорил тихо, медленно (позже нам сказали, что он работает по 18 часов в сутки). Видимо, действует разительный контраст между тем, что окружало Арафата в Тунисе, и Газой — огромном (по здешним меркам) мегаполисе, неустроенном, нищем, грязном, заваленном мусором и нечистотами. Плюс — эскапады хамасовцев, наступающих на самые больные мозоли. Плюс — отсутствие надежной, квалифицированной команды, готовой к решению социально-экономических вопросов. Все это делает груз, оказавшийся на плечах Арафата, невыносимо тяжелым. И адаптация к нему, к появившейся ответственности не может не быть, мучительной.

В широком историческом плане, полагал я, Арафат отыграл свою роль. Его политическая биография близка к завершению. Но пока она не завершилась, он остается одной из ключевых фигур ближневосточного урегулирования. И в нынешней конкретной обстановке — при очевидной необходимости попытаться вычислить тех (или — того), кто придет на смену — было бы целесообразно поддержать его, продлить его пребывание в данном качестве. Чтобы быть уверенным, что «точка возврата» пройдена. Как минимум нужно делать то, что обещали. А обещали колесную бронетехнику для палестинской полиции.

После этого мне много раз приходилось встречаться с Арафатом. Я не испытывал к нему симпатии. Чем-то он внутренне был чужд мне. Но дело есть дело, и я старался делать его хорошо.

Весь июль прошел в круговерти слухов по поводу назначения нового посла в Москву. Чтобы в них разобраться, надо вспомнить историю.

Профессионального дипломата Арье Левина, который возглавил посольство Израиля после восстановления дипломатических отношений, в сентябре 1992 года сменил Хаим Бар-Лев (родился в 1924 году в Вене, в Палестину приехал вместе с семьей из Югославии в 1939 году).

Бар-Лев — человек, в Израиле известный. Известный как генерал. Воевал во всех войнах. Хрестоматийной стала его фраза, брошенная накануне Шестидневной войны: «Мы им врежем крепко, быстро и элегантно». Сменил Рабина на посту начальника

Генерального штаба (1968–1972). Был министром торговли и промышленности и министром полиции. Его хотели направить послом в Индию. Отказался. Но предложение поехать в Москву принял с удовольствием.

Это удовольствие разделяли далеко не все. Значительная часть «элиты» считала, что в столь сложный период Израиль в России должен представлять профессионал. Однако Рабин и Перес приняли другое решение. Не могу судить, как работал Бар-Лев. Знаю, много болел. Это было заметно во время визита Рабина. Сразу после визита посол вернулся в Израиль. Скончался он 7 мая.

Начались пассы вокруг вакантного места.

Постепенно разговоры, слухи и сплетни стали концентрироваться вокруг ректора университета в Хайфе Ализы Шенкар. Она родилась в Израиле. Родители — из Польши. Служила во флоте. Успешно сделала академическую карьеру. Признанный авторитет в области еврейского фольклора. Автор 10 книг по этой проблематике и трех поэтических сборников. Доросла до ректора крупного университета. Или — пробилась к этой академической вершине. «…Не быть бы ей первой женщиной-ректором израильского университета, — утверждал один из ее интервьюеров, — если бы не макиавеллиевская хитрость и не жесткие локти, необходимые, чтобы выплыть в бурном море университетской политики».

Почему Перес выбрал ее? Говорят, что министр хотел видеть в Москве человека, не скованного мидовской рутиной, способного раздвинуть границы посольских контактов.

Я встретился с Ализой Шенкар в ее кабинете на 28 этаже здания Хайфского университета. Она была элегантна, подтянута, доброжелательна. Произносила русские слова и даже фразы (4–5 часов занятий каждый день). Мило побеседовали.

В чисто человеческом плане г-жа Шенкар произвела на меня самое благоприятное впечатление. Умна. Энергична. Общительна. С чувством юмора. Но дальше следовали многочисленные «но», которые сводились к тому, что она никогда не занималась ни Россией, ни политикой. Кстати, сама Шенкар это прекрасно понимала. Не боги, сказала, горшки обжигают. Она готова принять «вызов судьбы» и достойно ответить на него.

Я понимал, что Шенкар — личный выбор Переса. Он имеет так называемую личную политическую квоту — 11 послов и генеральных консулов. И тут никто не властен над ним.

Прямо из Хайфского университета я отправился к Рабину. Не по поводу кандидатуры посла, разумеется. Однако в конце беседы я заметил, что только что имел удовольствие познакомиться с

будущим послом Израиля в России. Рабин засмеялся, замахал руками и сказал: «Ради Бога, это не моя проблема…»

На беседе присутствовал заместитель генерального директора МИДа Израиля И.Шер. Когда мы вышли, он заметил, что последнюю реплику премьера нужно рассматривать в контексте его сложных отношений с Пересом. Независимо от того, как он относится к тому или иному «выбору», если этот выбор сделан в пределах квоты, Рабин демонстративно подчеркивает свое «невмешательство».

Я запросил Москву, не стоит ли в деликатной форме довести до сведения израильского руководства «некоторое недоумение…» МИД не рекомендовал. И, наверное, правильно.

В последний день июля пришло указание от Иванова: объявлена война многословию. Предлагалось шифрограммы для начальства ограничивать полутора страницами. В МИД — не более трех страниц. Предлагалось чаще пользоваться факсами.

АВГУСТ-94

Т.А. Карасова — Палестинская хартия — Информация из тюбика — Сюрприз Посувалюка — «Обнаженная натура»

Август прошел в сплошных разговорах.

1 августа обедал с Кедми. «Давно не виделись, — сказал он, — надо поговорить». Начали с Шенкар. Перес ссылается на позитивный опыт Португалии, где посол — тоже «из культуры». Возражение Кедми: «Россия — не Португалия». Я не стал ступать на этот тонкий лед.

Рабин и Перес договорились. Перес примирился с тем, что его политическая активность кончается в 1996 году, то есть он выходит из игры и перестает быть конкурентом Рабина. А Рабин намерен идти дальше. «Команду» он поменяет. На первый план выдвинет Рамона и Барака. Кедми очень высоко оценил потенциал последнего: «тонкий интеллектуал», «стратегический ум», «отважный солдат», «будущий политический лидер» и даже — «генерал XXI века». Бейлин под вопросом: Рабин ценит его интеллект, но нет личной «привязки» к Рабину.

2 августа в МИДе обсуждал с заместителем генерального директора У.Бар-Нером вопросы культурного сотрудничества.

Опираясь на соглашение, подписанное в Москве Рабиным, МИД приступил к составлению программы культурного сотрудничества на 2–3 года

Не могу не сказать добрые слова о Татьяне Анисимовне Карасовой, которая занималась у нас вопросами культурного сотрудничества. Она была изъята мною из института Востоковедения, где «заведовала» Израилем. Бывала здесь прежде, хорошо знала страну и людей. И работала хорошо. Болела за дело, что бывает не так уж часто. Была уважаема израильтянами и умела находить с ними обший язык.

Когда приезжали важные гости, жаждущие что-то узнать об Израиле, да еще и с женами, мы бросали Татьяну Анисимовну на этот участок фронта, и она никогда не подводила.

Женщине трудно в мужском коллективе, но она справлялась.

Научилась водить машину. Не помню, уж с какого захода получила права (тут инспектора зверствуют страшно, знал людей, которые заходили по десять с лишним раз, сам три раза пытался, потом — плюнул, в Москве получил). Я даже пробовал через министра транспорта организовать «блат». Да не вышло. Но когда получила, устроили национальный праздник.

10 августа в Газе встретился с министром культуры и информации палестинской администрации Ясиром Абд Раббо. Напомнил ему о давней полемике на страницах «Известий». Абд Раббо заявлял тогда, что палестинцы признают факт существования Израиля, но не признают его право на существование. Естественно, я отверг такую постановку вопроса. К моему удивлению, Абд Раббо сказал, что он и сегодня так думает. Я не стал возобновлять спор. Но заметил, что с такой платформой трудно рассчитывать на успех переговоров.

Абд Раббо рассказывал о своих бедах: не хватает школ (занятия ведутся в три смены), нет современных учебных программ, мало учебников и они устарели, отсутствуют учреждения культуры. Но в целом, по его мнению, ситуация в Газе меняется к лучшему. Спадает напряжение, накопившееся за долгие годы оккупации. Два поколения, выросшие в условиях комендантского часа (он продолжался с 19-ти до 5-ти), узнают такие, казалось бы, обыденные вещи, как дружеская вечеринка, да просто прогулка под звездами. Празднование свадьбы, поход в гости воспринимаются людьми как политическое достижение, событие большого общественного значения.

Обратил внимание на разницу между Арафатом и Абд Раббо. Первый выглядит каким-то унылым, подавленным. Второй же излучает оптимизм, уверенность, надежду.

12 августа в книжной лавке Шемы Принц была организована «презентация» русского кваса. Почему в книжной лавке? Дороги бизнеса неисповедимы. Квасные микрофирмы возникали и раньше, но быстро «утрачивали свое существование». По израильским условиям квас не должен быть скоропортящимся. Вроде бы нашли нужную технологию. Теперь дело пошло. Так решалась проблема окрошки — для израильского климата проблема первостепенная.

14 августа в отеле «Шератон» имел обстоятельный разговор с Нетаньяху. Он начал с вопроса: «Как представляет себе Москва позицию Ликуда в мирном процессе?» Ответил, что, на мой взгляд, много эмоций, но мало логики. Не вижу четкой альтернативы политике Рабина—Переса. Израиль — единственное в мире государство, где территории и люди делятся на две неравные в правовом отношении части. Это — явная аномалия в конце XX века. И нынешнее правительство намерено избавиться от нее на пути компромиссных решений. А что собирается делать Ликуд?

Нетаньяху предложил рассмотреть «теоретически возможные» варианты.

1. Юридическое включение территорий в Эрец Исраэль и

распространение израильского гражданства на всех жителей территорий. Это — невозможно. Через десяток лет Израиль перестанет быть еврейским государством.

2. Трансфер, то есть выселение всех арабов из Израиля. Можно было бы рискнуть в 1967 году. Сейчас невозможно из-за мирового общественного мнения.

3. Независимое палестинское государство на территориях. Невозможно. Ставится под угрозу безопасность Израиля. Ставится под удар судьба поселений — «авангарда сионизма». Ликуд предлагает четвертый вариант. Его компоненты:

А. Газа. Газу надо «списать со счета». Нам безразлично, что там будет. Хоть «независимое государство». Хоть «египетский вариант».

Б. Западный берег. Вот тут нужна автономия. Но только автономия, не государство. И чем теснее Иордания будет связана с автономией, тем лучше. Рабин, сказал Нетаньяху, готов разыграть «иорданскую карту». Разумеется, поселения остаются и остаются необходимые для их безопасности израильские войска.

По пунктам «А» и «Б», заметил Нетаньяху, позиции Ликуда и правительства очень близки.

В. Голаны. Здесь оппозиция и правительство далеки друг от друга. У Нетаньяху есть сведения, что на днях Рабин сделает заявление о готовности уйти с Голан. Он торопится, пока его «несет волна успеха» на иорданском треке. Если мы придем к власти, говорил лидер Ликуда, мы готовы немедленно начать переговоры с Сирией. Мы скажем так: «Вы претендуете на все Голаны, и мы претендуем на все Голаны. Вот исходя из этого и давайте разговаривать».

Готова ли Россия направить свой воинский контингент на Голаны в рамках возможных сил разъединения? — спросил Нетаньяху. Я ответил, что в принципе этого исключать нельзя.

На том и разошлись.

15 августа был у Переса. Рассказал ему о разговорах с палестинцами. Подчеркнул, что было бы ошибкой загонять Арафата в угол.

Перес согласился с этим. Сказал, что большинство вопросов, о которых тревожится Арафат, постепенно решаются. Но Арафат должен понимать, что мешают продолжение террора и сохранение в неизменности Палестинской хартии.

Палестинская национальная хартия — это политическая программа ООП. Она была принята 17 июля 1968 года. Ее смысл можно свести к трем «нет», которые были провозглашены главами арабских государств на совещании в Хартуме в августе 1967 года. «Нет» миру с Израилем, «нет» признанию Израиля, «нет»

переговорам с Израилем. Иными словами: Палестина едина и неделима, в Палестине есть место только для одного, арабского, государства, следовательно, Израиль должен быть уничтожен.

9 сентября 1993 года, как мы помним, в письме, которое Арафат направил Рабину, лидер ООП заявил: те статьи Национальной хартии, которые отказывают Израилю в праве на существование или не соответствуют выраженным в данном письме обязательствам, становятся с настоящего момента «недействующими и невыполнимыми».

Однако, чтобы это заявление стало юридическим фактом, необходимо было решение Национального совета Палестины — высшего органа ООП. Но Арафат не торопился с этим. Для него было трудно публично перечеркнуть символ своей веры. Возможно, он боялся не получить нужные две трети голосов. Официально же он ссылался на то, что израильтяне не дают разрешения на въезд в автономию многим членам НСП (как «террористам»). И вдруг 17 августа Перес заявил: мы пропустим в Газу всех членов НСП.

Национальный совет Палестины был созван только 24 апреля 1996 года (наверное, Арафат решил помочь Аводе перед выборами). Совет принял следующее решение:

> «1. Изменить Национальную хартию, аннулировав те статьи, которые противоречат обменным письмам между ООП и правительством Израиля от 9 и 10 сентября 1993 года.
>
> 2. Национальный совет Палестины поручает юридической комиссии реформулировать Национальную хартию, которая будет представлена Центральному совету на его первом заседании».

Перес, тогда уже премьер-министр, с восторгом воспринял это решение. Оппозиция протестовала, считая его «отсылочным» и ничего не решающим по существу.

В беседе с Пересом я пытался поставить «на попа» важнейшую для посольства тему — оперативное снабжение российского коспонсора информацией. «Вы хотите, чтобы меня уволили с работы?» — спросил я министра. «Ма питом?» — ответил министр (что вдруг? что случилось?). Я пустился в рассуждения о том, что информацию о мирном процессе — при всех вроде бы хороших контактах посольства — частенько приходится выдавливать из израильтян, как зубную пасту из тюбика.

Говоря все это, я, конечно, понимал, что для израильтян коспонсор мы весьма относительный. Слишком толку от нас мало. Да и арабский мы знаем гораздо лучше, чем иврит.

Поэтому они и не торопятся нас информировать… Но все же есть какие-то правила коспонсорской игры, которые неприлично нарушать. А они нарушали.

«Я же для Вас всегда открыт», — продолжал удивляться Перес. Что было правдой. Но негоже по каждому поводу беспокоить министра. В общем Перес обещал дать команду аппарату действовать более оперативно.

На какое-то время помогло. Но пробуксовки продолжались. Поэтому, когда появилось новое правительство, я сразу же поставил этот вопрос перед начальником канцелярии премьер-министра Авигдором Либерманом. Говорили с ним и у него в кабинете, и у меня в Савьоне за соленым арбузом. В конце концов для постоянной связи с посольством был выделен человек из команды Нетаньяху, его политический советник Дори Гольд.

И опять-таки помогло, но только на время. Административные методы не срабатывают там, где нет животрепещущего интереса…

22 августа посетил спикера Кнессета Шеваха Вайса. Говорили о приближающемся 50-летии Победы. В Израиле, начал я свою агитацию, — этот день отмечают «низы», объединения ветеранов и инвалидов войны, при пассивности со стороны «верхов», Кнессета и правительства. Выразил надежду, что эта «традиция» будет нарушена. Тем более, если учесть роль разгрома фашизма в создании Государства Израиль.

Вайс энергично высказался за проведение торжеств на официальном уровне. Обещал провести специальное заседание Кнессета (не выполнил). Сказал, что готов разместить в вестибюле кнессета «победную» выставку (картины, фотографии и т. д.), если из России пришлют экспонаты (экспонаты из России не прислали).

На эту тему мне пришлось неоднократно беседовать и с президентом, и с премьером, и со многими другими политическими деятелями. Рад, что они проявили понимание. «Верхи» объединились с «низами».

С 25 по 28 августа у нас был Посувалюк. Теперь уже — специальный представитель президента. Действовали по обычной схеме с добавлением Газы.

Посувалюк приготовил сюрприз. Он сказал Пересу примерно следующее: «Русская православная церковь является самой крупной в мире. В России есть очень большая мусульманская община. Когда на повестку дня будет поставлен вопрос об Иерусалиме, россиянам будет что сказать о своих правах на святые места». Ответ Переса звучал так. Политически тема Иерусалима закрыта для международных переговоров. Она может

обсуждаться только с ООП. Но если у Русской православной церкви есть какие-либо вопросы по святым местам, мы готовы обсудить их. Как мы делаем это с Ватиканом.

Моментальная «утечка» и шум в прессе: Россия «вмешивается». Один из примеров:

> «Христиане России должны знать, — писал известный политический журналист Шимшон Арад, — что для Израиля понятия свободы совести, обсуждение вопросов, касающихся культовых сооружений, — вещь легитимная. Но если Россия намерена вмешиваться в дела, которые ее не касаются — то тут нужно вежливо, но категорично объяснить ей, что это очень напоминает недавнюю эпоху, от которой отреклись и в самой России».

Статья, кстати, называлась «Брежневские рецидивы?»

Посувалюк, искупавшись в Тивериадском озере и отведав вкуснейшей Тивериадской рыбки под названием «сант-питер» (не в честь нашего Питера, а в честь святого Петра), улетел. Успели по дороге в аэропорт немного посплетничать. Он жаловался на недоступность министра. Запомнил переданные им слова Козырева: «Чтобы руководить внешней политикой, мне нужен не МИД, а самолет и две хороших стенографистки». По-моему, я что-то похожее где-то читал, не могу вспомнить — где. Но важно, что вспомнил — на беду российской внешней политики — Козырев.

Посувалюк улетел. Волнения по поводу Иерусалима постепенно улеглись. Они вновь показали, как мало нужно, чтобы подспудное недоверие к России вырвалось наружу…

Полина Капшеева, популярная «русская» (она из Запорожья) журналистка. Псевдоним — Лиора Ган, по-русски — гражданка Пистолетова. В своей серии «Обнаженная натура» обнажила и меня. Вот как это выглядело.

> — Александр Евгеньевич, каким, на ваш взгляд, должен быть идеальный дипломат?
>
> — Ну, во-первых, элегантным. Не как рояль, а просто элегантным. Умным, симпатичным, контактным, образованным — что еще?
>
> — Вы нарисовали портрет идеального мужчины вообще.
>
> — Нет. Измените окончания всех перечисленных прилагательных на женские — получится дипломат-женщина.
>
> — В таком случае, думаю, вы рисуете портрет

идеальной жены.

— Почему же? Для жены вовсе не обязательно быть, например, образованной.

— Вы полагаете?

— Это не мое мнение, а, к счастью, один из подарков Гименея.

— Какой, в таком случае, вы видите идеальную жену?

— Я предпочел бы покинуть недосягаемые вершины идеалов. Чужую жену еще можно идеализировать, да и то временно. Ну а своя бывает идеальной только, пожалуй, в медовый месяц.

— Но разве не нужно стремиться к вершинам?

— Для этого — в данном контексте — следовало бы несколько раз жениться. Один раз женился — не совсем дотягивает до идеала. Следующая избранница уже к нему ближе. Еще раз… Как-то все это довольно нудно.

— Вы сами женаты один раз?

— Два.

— Так что, в общем-то, какое-то стремление приблизиться к идеалу было?

— Молодой был, глупый.

— Так и не приблизились?

— Слава Богу, нет. Хорошая у меня очень жена, умная, образованная, прекрасный борщ умеет варить, ругает меня в меру. Возможно, следующая была бы еще лучше. Но, скорее всего, хуже. Поэтому я остановился. Все, с альпинизмом покончено.

— Вы жаловались мне как-то, что Лена Петровна не разрешает вам носить шорты. Запрет снят?

— Если бы… Говорит, что если я, старый толстый дурак, выйду в шортах, все будут смеяться. Пытаюсь втолковать ей, что в Израиле на такие вещи внимания не обращают. Ходи в чем хочешь, а в шортах еще кожа дышит. Но жену мои аргументы не убеждают. И я сдаюсь. Ладно, пусть кожа не дышит. Черт с ней.

— Вы вообще уступчивый человек?

— Кто его знает… Лена Петровна, наверное, думает, что — нет. А я думаю, что — да. Я, скажем, всю жизнь ее пилю: делай по утрам зарядку. А она не делает, и я уже перестал настаивать. Но зато, когда она говорит, чтобы я меньше ел, отвечаю: я же перестал приставать к тебе с зарядкой, так дай мне поесть спокойно.

— А вы делаете зарядку?

— Да. Стараюсь быть в норме. Уже давно держусь в одном весе — это меня устраивает.

— Но, говорят, что вы — гурман?

— Пожалуй, нет. Не тяну на гурмана и не претендую на это звание. Гурман любит изысканную кухню, а я — грубую, но вкусную. Скажем, хаш — это примерно то, что здесь называется «марак регель». Или крупно порезанный рубец с чесночным соусом. Или хороший борщ, солянку. Все это народная кухня.

Я как-то был в Париже гостем министерства иностранных дел. Там все тоже решили, что я — гурман. А считается, что во Франции самая изысканная кухня — в Лионе. Меня повезли туда, привели в роскошный ресторан. Принесли какие-то невероятно красивые тарелки, на которых было нечто затейливое и неведомое. Тает во рту, но не могу понять: мясо это или, может быть, рыба? Или курица? Хвалю, разумеется, и говорю «спасибо». Потом, когда торжественный эскорт удалился, я попросил переводчика свозить меня на рынок. Дело в том, что будучи журналистом я посещал разные страны, города и веси. Командировочным денег давали очень мало, а кушать-то хочется. Опытным путем установил, что в любом городе около рынка есть забегаловки для крестьян, приезжающих торговать. Там всегда подают огромные, вкусные и очень дешевые порции. Поел — и бегай целый день. Так получилось и в Лионе. Наткнулись как раз на мой любимый рубец. Именно такая еда по мне.

— Думаю, что в Израиле вы не страдаете по поводу ее отсутствия?

— Ни в коем случае. Кстати, у нас вчера были гости, а мы с Леной Петровной очень любим, чтобы они остались довольны. Я заказал в ресторане «Казачок» вареники с вишней, привезли, даже с бутылочкой сока, — все, что положено. Прекрасная штука.

— Как-то мне рассказывали, что вы то ли ругали известного поэта Генделева, то ли хвалили его кулинарные рецепты. Правда ли?

— Наполовину. Я говорил, что уважаю профессионализм, поэтому политические статьи Генделева не читаю, а читаю его «чистые тарелки». Даже сделал пару соусов по его рецептам.

— Сами готовите?

— Люблю. В Москве мы с Леной Петровной,

особенно когда ждем гостей, готовим в четыре руки.

— Своеобразное хобби дипломата?

— Нет. Занимаюсь кухней с очень ранних лет.

— В Израиле не готовите?

— Иногда. Когда приходится принимать 30–40 человек, без повара не обойдешься.

— Имеете возможность принять в своей вилле несколько десятков человек?

— Да. Хотя с точки зрения резиденции помещение маловато. Если собираются сорок человек — уже очень тесно. Когда не так жарко, можно выйти в садик. Но если бы сейчас, уже будучи послом, искал виллу, выбрал бы другую, в которой попросторнее то, что называется «зало», где собираются гости.

— В общем, у президента Израиля резиденция поболее?

— Конечно. По масштабам Савьона нашу виллу можно считать бедной. Хотя и с бассейном. Когда жена приехала сюда из Москвы первый раз, она открыла рот и сказала: «Как в кино!» Так и есть. Закончится фильм, вернемся домой — и будем жить в своей нормальной московской трехкомнатной квартире, которую получили еще в семьдесят каком-то году.

— Собираетесь скоро уезжать?

— Это зависит от начальства.

— А вы удовлетворены своей сегодняшней работой?

— Интересно. В этом смысле я всю свою жизнь прожил при коммунизме: всегда занимался интересной работой. Она была для меня не средством существования, а средством самовыражения.

— Ваше определение коммунизма сводится к наличию интересной работы?

— Во всяком случае, это одно из необходимых составных.

— Вы еще верите в победу коммунизма?

— Слова часто играют плохую роль. Слово, понятие «коммунизм» достаточно дискредитировано и при употреблении вызывает как минимум скептическую улыбку. Но как философ, социолог, ученый я не могу себе представить, что рыночное хозяйство — финал, конечная фаза развития человечества. Не хочу и не могу допустить, что общество, где люди живут на конкурентной основе, где тебе хорошо, а другому из-за этого плохо, станет концом истории. Надеюсь, что когда-

нибудь люди поумнеют до такого уровня, что создадут общество справедливое. Пожалуйста, назовите это как угодно, коммунизмом, «справедливизмом» — для меня терминология не играет роли.

— Вы согласны с термином «уравниловка»?

— Только в плане равных прав и возможностей. При этом один будет умным, другой — дураком. Один полетит в космос, а другой будет продавать шуварму.

— И в итоге мы вернемся к рыночным отношениям?

— Почему же? Общество будет настолько богато, что позволит себе быть справедливым для всех. Вот в этом я неисправимый оптимист.

— Как вы воспринимаете свою безумную популярность в Израиле?

— Вы явно преувеличиваете. Ко мне действительно многие хорошо относятся. Если иметь в виду «русских», то живу здесь капиталом, наработанным в России за двадцать лет, в течение которых занимался журналистикой. В Израиле капитал этот только трачу…

— Александр Евгеньевич, в вашем кабинете висят рядом портрет президента России и карта Израиля. Как вы полагаете, доволен ли был бы господин Ельцин таким соседством?

— Было бы странно, если бы у меня висела карта Руанды. Думаю, господин Ельцин понимает, что в кабинете посла России в Израиле должна висеть карта именно Израиля…

— Вы любите порядок?

— У меня все на своих местах. Ни секунды не трачу на поиски очков, ключей или нужной книги. Все-таки долго занимался философией и не забываю слова Аристотеля: каждый предмет имеет свое место. Так что я в этом смысле — аристотелианец. Проще говоря, педант. Нудник.

— Некоторые говорят, что их раздражает большое скопление евреев в одном месте и в одно время. А вас?

— Раньше я считал такие вопросы бестактными. В Израиле поумнел. Будем считать ваш вопрос риторическим.

— Хорошо, но теперь вопрос не риторический: как собираетесь отмечать еврейский Новый год?

— Пока не знаю. Может, в гости к кому пойду.

— В синагогу не собираетесь?

— Может быть, сразу перейдем к очередному не

риторическому вопросу?

— А вообще вам приходилось бывать в синагоге?

— Конечно.

— И как чувствуете себя в кипе?

— Так же превосходно, как и без нее.

— Принято считать, что дипломат должен быть хорошим психологом. Можете ли вы сказать, что видите людей насквозь?

— В той мере, в какой это необходимо для работы. Каждый человек — психолог. Человеческое общение было бы невозможно, если бы все не были психологами. Вот вы пытаетесь «обнажить натуру», но чтобы сделать это, вы должны быть психологом, видеть эту самую натуру, если не насквозь, то все же на достаточную глубину…

— Как вы относитесь к сплетням?

— Не люблю и не слушаю. Хотя, наверное, полезно бы узнать, какую гадость скажет обо мне после интервью Полина Капшеева.

— Никогда!

— В политике не рекомендуется употреблять понятия никогда, всегда, нигде, везде и т. п. Об этом полезно помнить и в неполитических ситуациях.

— Я завела разговор о сплетнях не случайно. С одной стороны, приходилось слышать, что вы — антисемит (этот вопрос я снимаю), с другой — что вы скрытый еврей.

— Как вы знаете, в Москве издают Российскую еврейскую энциклопедию. Первый том уже вышел. В нем содержатся биографические справки об известных евреях, живших в Советском Союзе. Естественно, проводятся генеалогические изыскания. В процессе исследований мне позвонил человек, участвовавший в них, и сообщил: «Мы тебя проверили до пятого колена. Знаешь, ты — не еврей».

— Как вы отреагировали на такую новость?

— Попросил выдать мне сертификат. Тем более что недавно в серии «Библиотека генерала Стерлигова» в Москве вышла очередная антисемитская брошюрка. Там сказано, что огромное количество послов Российской Федерации — евреи. Например. Рыжов, посол в Париже; Панкин, посол в Лондоне; Лукин, посол в Вашингтоне; Бовин, посол в Израиле.

— Случались ли с вами курьезы в Израиле?

— С послами курьезы не случаются. Во всяком случае такие, о которых стоит упомянуть…

СЕНТЯБРЬ-94

Снова склоки — Банки штурмуют Израиль

Александр Максович Шилов, известный художник, привез в Израиль свою дочку Машу. Саркома. Надежда на всемогущую израильскую медицину. Но как-то все не ладилось. Здешние порядки, когда, сделав анализы, назначив лекарства и процедуры, больного как бы оставляют без внимания, производили странное впечатление. Александр Максович нервничал, переживал, теребил врачей. Нервничали, в свою очередь, врачи. Возникал какой-то порочный круг взаимного недоброжелательства. Я пытался успокоить Шилова. Сотрудники посольства ездили в больницу, разговаривали с врачами. Кончилось тем, что Александр Максович перевез Машу в Вену. Но, увы! Медицина оказалась бессильна. Маша осталась жить на портретах…

Полная шизофрения. Сам здесь, веду разговоры о «мирном процессе», а душа в России. Запись в рабочей тетради от 6 сентября: «Не хочется думать о том, что в России. Страшно. Ельцин вызывает жалость и презрение. Ничего не может. Аппарат разбухает. Бессовестное обогащение. Не боятся воровать. А что делать? Не знаю!! Молчу (не критикую, не кричу), потому что не знаю, что делать!»

Странно. Я всегда считал себя космополитом. А если — патриотом, то ближе к Чаадаеву. И только став послом, почувствовал (именно не понял, а почувствовал), что значит для меня Россия. И как стыдно и больно видеть ее больной и униженной. Противное ощущение работы без тыла…

В посольстве: больше народу — больше склок, дрязг каких-то, наушничанья. Стали жаловаться на нового завхоза: ссорит людей, сплетничает и (говорили мне страшным шепотом) распространяет слухи, что «Бовина скоро снимут». Жаловались на нового заведующего консульским отделом Анненкова: покрикивает на сотрудниц, пьет «под подушкой» (если под подушкой — откуда знаешь?). Уровень «проблем»: бухгалтер, завхоз и механик-водитель никак не могут договориться, кто будет получать талоны на бензин. Чуть не до драки. И опять: почему ему больше премию дали, а мне меньше!? Так сказать, «малая Россия». И никуда ведь не денешься — приходилось «вникать».

Имел длительную беседу с председателем правления «Мосстройбанка» Михаилом Ивановичем Журавлевым.[38] Банк открыл в Израиле свое представительство и хотел открыть

отделение с правом ведения банковских операций в полном объеме. По этому поводу к Рабину обращался О.Н.Сосковец, первый заместитель председателя правительства России. Аналогичное письмо я передал министру финансов Аврааму Шохату.

По просьбе Журавлева встретился с управляющим Центральным банком Израиля Я.Френкелем и главным контролером банка З.Абелесом. Они мне популярно разъяснили, что российские банки не соответствуют стандартам, установленным Базельской конвенцией 1974 года. И поэтому заявка «Мосстройбанка» не может быть удовлетворена.

Я не мог возражать, поскольку плохо разбирался в банковских делах. Хотя знал, что в Израиле вообще нет отделений иностранных банков, даже тех, которые вполне соответствуют международным стандартам.

Тут дело отчасти в том, что вследствие ограниченной конвертируемости шекеля западные банки не очень заинтересованы в создании своих филиалов и не слишком давят на Израиль. Но главное — это противодействие израильских банков, которые заинтересованы в сохранении статус-кво, что позволяет поддерживать выгодные им уровни учетных ставок и банковского процента.

Израильская банковская система стоит на четырех китах: банк «Апоалим» («рабочий»), банк «Леуми» («национальный»), банк «Дисконт» (учетный) и банк «Мизрахи» («восточный»). До 1983 года эта «могучая кучка» была в частных руках. Но банки переусердствовали по части пирамид, разразился кризис, и государство, чтобы компенсировать вкладчиков, скупило за бесценок контрольные пакеты акций этих банков. Теперь банковские вклады гарантируются государством. А банки стали всесильны. Банковская система в каком-то смысле самодостаточна и уникальна. И чужакам там просто нет места. Или есть, но очень маленькое и для очень своих чужаков. Таков общий фон, на котором приходилось заниматься банками.

«Сопротивление среды» оказалось гораздо сильнее, чем я думал. С Френкелем встречался еще несколько раз. Его позиция оставалась неизменной. Надо начинать, говорил он, с налаживания двусторонних контактов между «главными банковскими контролерами» наших стран. Они должны предоставлять друг другу полную информацию о том или ином банке. И только после этого можно будет принимать квалифицированное решение. Обо всем этом я сообщал нашему Центральному банку. Но он не проявил интереса.

ОКТЯБРЬ-94

Муки абсорбции — «Русское гетто?» — Взрыв на улице Дизенгоф — Мирный договор с Иорданией — Муки коспонсорства — «Вокруг смеха»

Октябрь начался скандальным заявлением министра труда и благосостояния Оры Намир. 2 октября в интервью газете «Гаарец» она выдвинула идею «селективной репатриации». То есть репатриации выборочной. Логика была такова:

> «русские» евреи норовят уехать в США; на долю Израиля остаются престарелые (одна треть), инвалиды (другая треть) и матери-одиночки (третья треть); надо, значит, как-то защищаться, не всех пускать сюда. «Я не хочу, — отчеканила Намир, — чтобы Израиль превращался в национальное кладбище или в национальный дом престарелых».

Шум поднялся невероятный. От Намир открестились и «правые» и «левые». В такой обстановке даже ее сторонники, а они, безусловно имели место, вынуждены были молчать. 9 октября правительство приняло специальное постановление, в котором отвергались «любые ограничения, связанные с репатриацией евреев в Государство Израиль». Всем министрам вменялось в обязанность «осуществить работу своих министерств в соответствии с требованиями об улучшении условий абсорбции».[39]

Заявление Намир отразило переплетение сложнейших проблем, которые накапливались вокруг «русской» алии. Плохо с работой. Плохо с жильем. Репатриантов из Советского Союза (России, стран СНГ) воспринимают как наглых и опасных конкурентов, не сделавших для Израиля ничего, но требующих от него все. Вокруг «олим ходашим» сгущается атмосфера подозрительности, недоверия, неприязни. Пускается в оборот выражение «вонючие русские»…

Русскоязычный Израиль реагирует на все это по-разному. Пытаются понять, объяснить корни неприятия. Тем, например, что многие «русские» евреи вовсе и не чувствуют себя евреями.

> ««Идишкайт», еврейство это данность, — можно было прочитать в газете «24 часа» в статье Павла

Винникова. — Во всех уголках земного шара идет борьба за утверждение национальной идентификации: абхазы, баски, тибетцы, прибалты, сицилийцы, корсиканцы, курды и так далее.

На основании моих многочисленных контактов с представителями алии-90 берусь утверждать, что большинство из них не осмысливало себя евреями в СНГ и по приезде в Израиль отнюдь не изменили своего настроя. Не будучи проникнуты духом еврейства, тягой к еврейству и ко всему еврейскому и при почти полном отсутствии понимания того обстоятельства, что в мире нет другого места, где еврей мог бы чувствовать себя спокойно и быть твердо уверенным в будущем своих детей и внуков, очень трудно интегрироваться в Израиле. Вот этот «дефицит еврейства» у алии-90 отлично чувствуют старожилы Израиля и отсюда — их негативное отношение к ней».

Правда, далеко не все связывали «дефицит еврейства» с советскими корнями алии-90. Для многих он ассоциировался с господствующим в Израиле «шекельным» образом жизни.

«Серия гравюр великого Гойи называется «Сон разума рождает чудовищ». Не о нас ли? — спрашивает Абрам Быков. — Высокомерие, сытость, разврат и бездуховность разрушили древний Рим. Жизнь без полета, жизнь прошлым — путь к смерти. Наши замкнутость и равнодушие — симптом тяжелой болезни, имя которой — деградация. Тихо и бескровно шекель уничтожает наши притихшие чувства и наши еврейские (если такие существуют) мозги».

Но типичная реакция была иной. Менее рефлектирующей и самокритичной. Более наступательной. Язвили, издевались над Израилем «старожилов». Тут блистал Виктор Топаллер:

«Вы посмотрите, до чего мы довели страну! Она покрыта густой сетью некошерных лавок и массажных кабинетов, между которыми циркулируют бандиты русского происхождения, останавливающиеся на мгновение лишь для того, чтобы уколоться морфием или понюхать кокаина. Задерганное местное население пристрастилось к пьянству, поскольку не может равнодушно взирать на происходящее.

В самом деле: торжествуют разврат и

распущенность, а культурная жизнь почти полностью сосредоточилась вокруг гастролеров из России…

Ничего тут не поделаешь — российское еврейство, победоносно закончившее спаивание русского народа, переключилось на народ израильский и достигло в этом невиданных успехов. Причем, когда израильский народ проспится и осознает, что оказался в том же положении, что и русский, нас неизбежно депортируют еще в какую-нибудь страну, которую мы, конечно же, быстренько доведем до государственного алкогольного отравления…»

Ну, прямо на уровне Сергея Доренко или Михаила Леонтьева, если, конечно, Топаллер не обидится…

На более серьезном уровне проблемы обсуждались в терминах «русификация Израиля — за или против». Высказывались мнения, что наряду с «первым Израилем», Израилем ашкеназийским, Израилем евреев из Европы, и «вторым Израилем», Израилем сефардским, представленным евреями с востока, возникает «третий Израиль», Израиль «русский».

И далее споры растекались по разным руслам. Не «русификация» опасна, а «советизация», пугали одни, ссылаясь на «совковость» основной массы «русских» евреев.

Не превращается ли «третий Израиль» в «русское гетто»? — вопрошали другие. Да, отвечала, например, Нелли Гутина и писала о «Советской автономной области» в составе Израиля. Ирония, но не только… Приводились данные, что 69 % «русских» смотрят только российское телевидение, а 50 % читают только русскоязычные газеты. И что «русские» погружены в свой мир, мало контактируя с тем или с теми, что или кто — за его пределами.

«Русское гетто»? — «Чушь!» — восклицает радиожурналист Игорь Мушкатин. По его мнению, гетто делают из всего Израиля те, кто пытается искусственно оградить Израиль от влияний других культур, в том числе и в особенности — от русской.

Русская культура — разговор особый. Она заложена в основу израильской культуры вообще. Но появление почти миллиона «русских» перевело проблему в другую плоскость. Русская культура, приверженность ей, ностальгическое погружение в нее стали восприниматься как препятствие, мешающее интеграции в израильское общество. В этом плане характерно своеобразное эссе Аркадия Красильщикова «Сладкоголосые сирены родины». Смысл: русская культура принципиально отлична от еврейской, израильской, будешь смотреть назад — погибнешь.

«Русская муза, — пишет автор, — всегда была «иссечена кнутом», вздернута на дыбу и, естественно, полна ненависти к тем, кто, как ей казалось, был повинен в этом. Русский гений сам стремился попасть в «ловушку дьявола», как Иосиф Бродский называл концентрацию на зле, подчинение этому злу. Великий роман Булгакова возник не на пустом месте. В нем дьявол перерождается настолько, что теряет свои «родовые» качества. В поисках виновного зло утратило фатальные черты. Роман-стон, роман-жалоба, роман-реквием… На краю бездны отчаяния никто не в силах помочь человеку, кроме Сатаны… Это Россия. Мудрец Израиль Бешт писал задолго до Бродского: «В печали зло». Но голос русской культуры всегда был печален и настоян на слезах и муке. Хмель от такого «ерша» чудовищен, но отсюда его притягательная сила. Привычка к наркотику легка, отказ мучителен».

Так вот, еврейская культура настояна не на слезах и муке, не на «изысканном культе страданий и боли», полагает автор, а на радостях жизни, на «культе радости и жизнелюбия». И это — истинно наша культура. Теперь — финал.

«Наш корабль плывет через тысячелетия истории. Бури, рифы и отмели не смогли погубить его, пустить ко дну. Истинные страдания не давали нам плакать, а моря пролитой крови не позволяли молиться идолу смерти. «Да будут прокляты вещатели Апокалипсиса» — сказано в Талмуде.

Пусть сладкоголосые сирены родины зовут нас. Пусть поют… Какой у них восхитительный голос-стон, как он красив, гениален… Не запечатывай уши воском. Только привяжи себя накрепко к мачте, чтобы не дать самому себе команду к повороту и смене галса. Я не хочу конца путешествия ни себе, ни своим детям.

Это больно — быть привязанным к мачте, но все проходит… Не исчезнет, просто затихнет и этот чужой сладкий голос печали и неизбывной тоски».

Вопрос о парадигмах русской и еврейской культур выходит за рамки моих записок. Интересна рекомендация: «привяжись к мачте» и терпи — все проходит… Это тоже ведь о трудностях абсорбции. Только не со стороны бюрократии, а изнутри, со стороны самих «абсорбируемых». А «все проходит», что ж, — царь Соломон был, как всегда, прав. Лет через 20–30 «русский

Израиль» останется в исторических исследованиях и легендах.

Пока же приходится терпеть. То, что сказала или, как теперь говорят, «озвучила» Намир, давно уже витало в воздухе. В авангарде были чиновники из МВД. Выявляя скрытых «неевреев», они явочным порядком стали и евреев делать «неевреями» (в паспорте ставилась отметка «ло рашум» — «не записан»), со всеми вытекающими отсюда финансовыми и прочими последствиями. Ситуацию проясняет письмо Ильи Левинова (9 лет в отказе, еврей до седьмого колена, а ныне тот самый, который «ло рашум»):

> «По сути, здесь имеет место нарушение двух важнейших законодательных актов — Декларации прав человека и израильского Закона о возвращении, а также юридической нормы о презумпции невиновности. Мы, евреи, прибыли сюда на законном основании. Так пусть же бюрократы (фарисеи), которые по духу, возможно, меньше евреи, чем мы, пусть они сначала докажут, что мы не евреи, а потом уже принимают решение. Но эти сволочи (иначе их назвать нельзя) сначала отказывают, пользуясь своей неограниченной властью, а потом вам приходится доказывать, что вы не верблюд, то есть здесь такое же беззаконие, с каким мы сталкивались в Союзе, и по сути эти бюрократы — те же антисемиты, так как от них вреда для нас не меньше, чем от тех, что были там….
>
> Я по сей день живу без национальности, хотя приехал сюда на Родину. Ведь это опасный симптом, если общество равнодушно взирает на такие возмутительные действия. Выходит и здесь бюрократ имеет неограниченную власть, и опять человек — всего лишь винтик.
>
> Стоило ли тратить столько усилий, — заключает данный «ло рашум», — чтобы сюда попасть? А потом удивляются, почему олим впадают в депрессии. И возникает вопрос: а не поменять ли страну, если здесь тебя так принимают?..»

Чтобы узаконить более строгое «просеивание» евреев, предлагается изменить Закон о возвращении. Еще в 30-е годы, глядя в будущее, Бен-Гурион изрек: «Это государство будет создано не только для процветания и удовольствия собственных граждан. У этого государства будет мандат истории — собрать всех евреев к национальному очагу — и лишь это оправдывает его существование».

Так вот Закон о возвращении и есть реализация «мандата истории», воплощение сионистской идеи. Даже если человек «по закону Моисееву», по всей строгости Галахи не является евреем, он может репатриироваться и «автоматом» получить израильское гражданство. Право на репатриацию «дают» хотя бы один еврейский дедушка или одна еврейская бабушка.[40] Получаются очень условные «евреи». Плюс — неизбежные злоупотребления.

Отсюда — сложности. Человек, как «еврей» с точки зрения Закона о возвращении, беспрепятственно въезжает в Израиль и становится гражданином Израиля. Но дальше он попадает в поле действия иных законов, по которым он может быть и не признан евреем (так возникает «ло рашум»). Что делать? Можно было бы принять на вооружение «сионистско-светский» подход Закона о возвращении, но раввинат категорически против «размывания» еврейства. Поэтому настаивают на другом подходе: говорят, имеет смысл прописать в Законе о возвращении более серьезную связь с евреями. То есть повысить качество за счет уменьшения количества. Пока эта идея Не нашла поддержки.

Но возникла другая. Если верить «Гаарец», министр внутренних дел Израиля Элияху Свисса в июне 1998 года дал указание требовать от иммигрантов из стран СНГ данные генетических тестов, которые подтверждали бы принадлежность к евреям. Не уверен, что существуют, так сказать, «национальные гены» и что гены евреев отличаются, скажем, от генов арабов или японцев. Впрочем, поскольку количество псевдоученых неудержимо растет, расизм сможет получить «научное» обоснование…

Не знаю, чем кончилась эта генная бдительность. Но факт (или — слух) симптоматичны для атмосферы. Дело Оры Намир живет…

29 июня 1994 года президент Вейцман принял «элиту» репатриантов. Среди приглашенных находился Григорий Семенович Канович, лучший, по-моему, еврейский писатель, который пишет по-русски. В своем выступлении он привел слова своего соседа, еврея из Белой Церкви.

> «Приехал в Израиль, а Израиля нет!
>
> — Как нет? — опешил я.
>
> Нет! Скажете — кощунство? Скажете бред сивой кобылы? Успокойтесь: я не сивая кобыла. Есть Израиль Исаакович, Израиль Менделевич, Израиль Хонович, Израиль Давидович, а Израиля без отчества нет. Не Израиль сдает вам дыру за пять сотен долларов в месяц. Не Израиль платит вам гроши за час работы на

текстильной фабрике. Не Израиль стоит за прилавком в магазине. Запомните: не с Израилем вам придется иметь дело, а с ними. Их столько, что можно всю жизнь прожить и так и не увидеть за их отутюженными спинами то, что я, дурак, в своей Белой Церкви душевно называл «моим Израилем».

Канович — мягкий, интеллигентный человек. Он говорил о «дискомфорте», который испытывает алия. И о том, что только движение с двух сторон, только желание понять друг друга, только уважение ценностей, наработанных здесь и привезенных сюда, может снять грозно растущее напряжение. Канович прав. Но если напряжение спадает, то «виноваты» в этом не люди. Не столько люди, скажу так, чтобы не обижать людей. «Виновато» время, которое все лечит, чтобы когда-нибудь уничтожить…

И еще Натану Щаранскому дадим слово. 21 февраля 1999 года в московском Доме кино он — министр промышленности и торговли — встретился с еврейской общественностью Москвы. Говорил о «тихой революции», которая происходит в Израиле. Меняется характер израильского общества. Оно либерализируется. Преодолена идея «плавильного котла», которую в свое время выдвинул Бен-Гурион. Культуры (а, значит, и их носители — люди, общины) не переплавляются в некий лишающий их индивидуальности сплав. Культуры сосуществуют, взаимодействуют, обогащают друг друга. Это — пространство для бытия «русской» общины. Новые репатрианты должны уже сейчас чувствовать себя, «как дома». Это значит принимать участие в процессе выработки решений, касающихся их судьбы и судьбы их страны… Дальнейшее понятно: надо поддерживать партию «Исраэль ба-алия».

В правительстве Э. Барака Щаранский стал министром внутренних дел. Что закрывает — во всяком случае, на данное время — тему, «озвученную» Орой Намир.

Есть еще одна грань многогранной репатриантской темы: «русская» алия и арабы. Когда началось массовое переселение евреев из Советского Союза в Израиль, арабы восприняли это как «самую большую трагедию», как сговор между Израилем, США и СССР, организовавших «экспорт евреев» в Израиль с целью усилить человеческий, оборонный, научно-технический потенциал «сионистского образования». Протестовал Арафат. Протестовали другие арабские лидеры. Но опять же: время — лучший доктор. И опыт, который учит, что политика — это искусство сотрудничать с неизбежностью. Шум постепенно прекратился. Израиль старался ограничить появление

репатриантов из Союза в поселениях на территориях. Но палестинцы и до сих пор нет — нет, да и вспомнят, что и тут мы их предали…

14 октября было объявлено, что Рабин, Перес и Арафат получили Нобелевскую премию мира. Надо бы праздновать. Но в Израиле было не до праздников. 12 октября террористы (хамасовцы) похитили израильского солдата Ваксмана и предъявили ультиматум: или освобождайте наших заключенных, или Ваксман будет убит. Правительство отвергло ультиматум. Террористы убили Ваксмана.

А 19 октября в самом центре Тель-Авива, на улице Дизенгоф, террорист-самоубийца взорвал рейсовый автобус. 22 человека погибли, 40 было ранено. И снова — Хамас.

Автобусы — излюбленная мишень террористов. Много людей в малом пространстве. Вот наиболее кровавые страницы летописи убийств. 17 марта 1954 года, убито 11 пассажиров из 16-ти. 11 марта 1978 года, высадившись с моря, террористы захватили автобус, при попытке освобождения погибли 32 человека. 6 июля 1989 года, террорист пустил автобус под откос, 16 убито, 25 ранено. 6 апреля 1994 года, взрыв на автобусной остановке, семеро погибли, 43 ранено. 13 апреля, террорист-самоубийца, 5 пассажиров насмерть, 32 ранены.

Свидетельство очевидца:

> «Раздался страшный взрыв. Меня подбросило в воздух и швырнуло на землю, — рассказывает Ави Коэн, сидевший в кафе в нескольких метрах от взрыва. — Вокруг было множество раненых. Я увидел оторванные части тел, руки, ноги и много, очень много крови. Я чудом остался жив — только благодаря тому, что между мной и взорванным автобусом оказался второй автобус».

Через несколько часов на радио «Коль Исраэль» позвонил неизвестный и сказал, что взрыв организован активистами «Хамаса», депортированными в Ливан. «Мы благодарны Рабину за то, что он отправил нас в Ливан, где мы получили возможность изучать технику взрывных устройств. Мы продолжим борьбу, и будем наносить по Израилю все новые и новые удары».

Президент Вейцман: «Усиление террора направлено на то, чтобы сорвать мирное соглашение и поставить под сомнение тот путь, по которому мы продолжаем двигаться к лучшей жизни на Ближнем Востоке. Я обращаюсь ко всем гражданам Израиля: необходимо сделать усилие и преодолеть боль и горе. Самое простое — отступить. Это именно то, чего хотят террористы — чтобы мы перестали верить в то, что мирный процесс — процесс

благотворный, чтобы мы перестали верить, что наша жизнь в Израиле имеет надежное будущее».

Другого мнения придерживался Нетаньяху: «Правительство, заявившее, что освободит Тель-Авив от Газы, вернуло в Тель-Авив террор, процветающий в Газе».

Днем 19-го правительство на неопределенный срок блокировало, «закрыло» территории. Практически это означало, что десятки тысяч палестинцев не смогут выезжать на работу в пределы «зеленой черты». Арафат протестовал против, как он говорил, «коллективного наказания» ни в чем не виноватых людей. Но ничего другого израильтяне придумать не могли…

Это — политика. Но есть еще и настроения, эмоции.

> «Выдвигаются предположения о террористе-смертнике, — цитирую статью «Твари» из газеты «Время». — Все может быть. Эти бессмысленные фанатичные твари, живущие в придуманном фанатичном мире, способны на все во имя своих шизофренических идеалов.
>
> Но даже, если этот мерзавец разорван на сотню кусков, я бы воскресил его, чтобы потом убивать снова и снова…
>
> Не знаю этого человека, никогда не видел его лица, не перемолвился с ним ни единым словом, но если бы у меня была такая возможность, я бы собственноручно вспорол ему брюхо и с наслаждением наблюдал, как он медленно и мучительно околевает, сжимая в руках собственные внутренности».
>
> И вывод: «Закрыть территории, закупорить, отделить, законсервировать!.. Пусть выживают, как хотят. Пусть сами решают свои экономические проблемы. Пускай, в конце концов, захлебнутся в собственных экскрементах! Пусть, как дикие псы, пожирают друг друга и собственное потомство!!!
>
> …Люди должны жить отдельно, а нелюди — отдельно. Тварям нет места в человеческом обществе! А тот, кто думает по-иному, незаметно и неизбежно сам превращается в тварь…»

Можно понять чувства, которые диктовали эти страшные слова. Но нельзя, невозможно, не превращаясь в тварь, принять, оправдать их, согласиться с ними. Террор не только убивает людей. Он калечит их души. Но как искоренить террор, как избавиться от террористов, оставаясь людьми? На этот вопрос пыталось ответить израильское правительство. Но не смогло.

Пока, будем надеяться.

За день до взрыва на Дизенгоф прогремел другой взрыв — политический. Было объявлено, что парафирован мирный договор между Израилем и Иорданией.

Иордания, хотя и воевала два раза с Израилем, выделялась на фоне арабских соседей Израиля. Выделялась относительной умеренностью, желанием найти какой-то modus vivendi с Израилем. 24 февраля 1950 года было парафировано соглашение о ненападении между двумя странами. А 20 июля 1951 года первый король Иордании Абдалла ибн Хусейн, прямой потомок пророка Мухаммеда в 37-ом колене, был застрелен в Иерусалиме на ступенях мечети Аль-Акса как раз за то, что он пытался договориться с израильтянами (встречался с Моше Даяном, с Голдой Меир). Рядом с ним находился его внук, будущий король Хусейн. Сын Абдаллы Талил был болен, и 11 августа 1952 года иорданский парламент принял его отречение в пользу сына Хусейна, который был провозглашен королем 2 мая 1953 года. Все рассматривали его как временную, проходную фигуру, но новый король задержался на престоле — он скончался в возрасте 63-х лет 7 февраля 1999 года.

Хусейн взял курс на сосуществование с Израилем. В сентябре 1963 года в Лондоне состоялась его первая тайная встреча с израильтянами. Потом такие встречи проходили, чуть ли не каждый год. Но существовала еще арабская солидарность, с которой король не мог не считаться. Он балансировал на тонком и скользком льду.

В 60-е годы в Иордании плотно осела штаб-квартира ООП со своими довольно многочисленными военными отрядами. Возникло нечто вроде «государства в государстве». Арафат вел себя вызывающе, дело шло к двоевластию с незавидной перспективой для короля. Но Хусейн проявил характер. 16 сентября 1970 года он ввел военное положение и дал команду верным ему бедуинам навести порядок. Бедуины постарались. «Черный сентябрь» покончил с засильем ООП в Иордании. Потом Хусейн и Арафат «помирились», но я никогда не замечал у Арафата какой-либо симпатии к «иорданскому брату».

После Мадрида, после «Осло-1» король решил, что его час пробил. В хорошем темпе был подготовлен проект мирного договора. Израильтяне не стали чиниться с «мелочами». Согласились на «уточнение границы» в пользу Иордании (там было спорных 320 кв. км.). Согласились ежегодно давать Иордании 30 млн. кбм. воды (в 1997 году это количество было увеличено до 55 млн. куб. м.). Финансовую помощь обещали американцы.

Итак, договор готов к подписанию. Но как это будет? Кто присутствует? Кто выступает? Ведь мы же — коспонсор! Как раз вечером 18-го у меня в Савьоне ужинали израильские мидовцы. Но они сами толком ничего не знали. «Проявляйте, — сказали, — инициативу».

На следующий день я был у начальника канцелярии премьера Эйтана Хабера. У него голова шла кругом от теракта в Тель-Авиве, но он сказал мне то, что знал на тот момент. Церемония подписания состоится 26 октября недалеко от Эйлата, на территории Иордании. Козырев приглашен. С речами выступают Рабин, Хусейн и Клинтон. Договор подписывают премьеры Израиля и Иордании, скрепляет их подписи президент США. Президент прилетает утром 26-го на четырех «Джумбо» в сопровождении (тут Хабер схватился за голову) 1200 человек. Козырев может прилететь, когда ему удобно.

В общем, дело шло с явным проамериканским креном. Я злился. Москва нервничала. Требовала добиться, чтобы Козырев и выступал и прикладывал к тексту руку, точнее, — ручку. И я, и В.И.Носенко продолжали хождения по кабинетам.

Решающего прорыва в последний момент добился мой амманский коллега А.В.Салтанов. Он позвонил мне и сказал: «Порядок!» Но израильтяне об этом не знали. Вечером 25-го я получил от израильтян бумагу.

«Почетные гости будут поочередно приглашаться на подиум. В первом ряду среди десяти почетных гостей — российский министр иностранных дел…

Выступают премьер-министр Израиля И. Рабин, король Иордании Хусейн, президент США Б. Клинтон. Приветствия других гостей не предусмотрены».

А в программе церемониала, которую утром 26-го иорданский протокол раздавал гостям, значилось: речь министра иностранных дел России Андрея Козырева. Тут уж возмутились американцы и израильтяне: если Козырев, то почему нет Кристофера и Переса!? Пришлось вставить. Так что из-за Козырева его коллегам в спешке пришлось готовить речи… И вслед за Клинтоном американский и российский министры поставили свои подписи.

В Эйлат летели на каком-то старом, дребезжащем «Боинге». Пустыня. Трибуны с размеченными местами. Жарища. Кто-то сострил: «Холодная война лучше горячего мира». Всем раздали кепочки с козырьками. Выделяется нарядами, точеными лицами и изящными руками бедуинская знать. Слишком знатные даже не встали, когда появился король. Нудно говорили мулла и раввин. Скучно — начальствующие лица. Козырева все время заслоняли

шустрые почетные гости. Я тихо радовался, что Козырев — не мой гость, а Салтанова. И все-таки — поступь истории…

Впрочем, течение истории не всегда выносит туда, куда должно было бы вынести. Эйфория, вызванная подписанием договора, в Аммане стала довольно быстро спадать. Не было «реальных дивидендов», на которые рассчитывал король. Израильтяне сняли политические пенки и расслабились. Не вырос экспорт иорданских товаров. Мало туристов из Израиля и уж очень они экономные. С приходом к власти Нетаньяху шероховатости стали преобладать. В книге Нетаньяху «Место под солнцем» есть тезис: «Иордания — это Палестина». Иорданцы намекнули Нетаньяху, что было бы хорошо, если бы он откорректировал свою мысль. Не откорректировал.

В результате — мир, может быть, и не такой холодный, как с Египтом, но и не слишком теплый.

Суета и мельтешение по поводу нашей коспонсорской роли, сопровождавшие подготовку к подписанию мирного договора между Израилем и Иорданией, высветили двусмысленность и ущербность нашей позиции. В официальном плане израильтяне не уставали говорить о конструктивной роли и больших возможностях России в ближневосточном урегулировании. Однако слова расходились с делами. На деле к нам относились как некоей обузе, от которой невозможно отделаться, но которую не имеет смысла принимать всерьез. Это было и раньше. Это лишь рельефно показали последние события.

Печально то, что мы сами были виноваты. Наше коспонсорство не наполнялось конкретным политическим содержанием. А если и наполнялось, то, как правило, это сводилось к подталкиванию израильтян к новым уступкам. Но и это как-то неуверенно, обтекаемо, невесомо. В общем, мы были пассивны. Опаздывали с реакциями на важные события. Не выдвигали конструктивных идей. Уходили от нестандартных решений. Тут есть множество причин. Но, пожалуй, одна из главных — отсутствие у МИДа России интереса, желания «влезать» в мирный процесс. Мы держались за форму, упуская из вида содержание.

В июле 1996 года Москву посетил министр иностранных дел Египта. По итогам посольство получило бумагу, подписанную Посувалкжом, где сообщалось, в частности, что Египет заинтересован в энергичном и весомом присутствии России на Ближнем Востоке. Тут я не выдержал и отправил Посувалюку письмо.

«Хотел бы поделиться с Вами своими соображениями

в связи с визитом А. Мусы в Москву.

Переговоры подтвердили, что египтяне заинтересованы в энергичном и весомом присутствии России на Ближнем Востоке» — такова оценка МИДа. И она вызывает у меня большие сомнения.

Наше «присутствие», если иметь в виду день сегодняшний, — это прежде всего та реальная роль, которую Россия играет как коспонсор мирного процесса. Вам хорошо известно, что американцы стремятся свести наше коспон-сорство к удобной для них фикции. Им часто подыгрывают израильтяне. Так вот, я не могу припомнить ни одного конкретного случая, чтобы Мубарак (или наш лучший друг Арафат) серьезно говорили с американцами (и с израильтянами) на эту тему. Вспомните обычную формулу Арафа-та: «Вы можете сказать Израилю (и/или США), что мы за ваше присутствие на такой-то церемонии». И не более того. Скольжение по касательной… Сами же они от сколько-нибудь серьезной постановки вопроса уклоняются.

Но вернемся в Египет. Мубарак заинтересован в таком «присутствии» России на Ближнем Востоке, которое, мало чего давая самой России, работало бы на интересы Египта. Мы нужны Мубараку для того, чтобы поддерживать его «ведущую роль» в арабском мире. Мы нужны Мубараку для того, чтобы выкручивать руки Израилю. «Конструктивный, но жесткий сигнал» — так это, кажется, было названо в Москве. А как в таком случае назвать поведение Мубарака, который выступил перед Нетаньяху «в формате Клинтона»? Разговоры о том, что в Каире был «другой» Нетаньяху, не стоят выеденного яйца.

В дипломатической толчее последних дней обсуждали все, что угодно. Но ни один наш «друг» (Арафат, Мубарак, Арафат, Асад, король Хусейн) ни разу не вспомнили даже о «российском коспонсоре». Им это не нужно. Они играют в свою игру. И наше место в этой игре — по их представлениям — более, чем скромное.

Нам очень нравилось (и, видимо, продолжает нравиться), когда нам (и про нас) говорят хорошие, приятные для нашего слуха слова. И под эти слова мы давали оружие, кредиты, помощь, золотые звезды…

Гегель как-то заметил: единственный урок истории состоит в том, что никто и никогда никаких уроков из истории не извлекал. Не кажется ли Вам, что Гегель

прав?

Если уж в чем и заинтересован Мубарак, так в «энергичном и весомом» присутствии американцев. Они его вооружают. Они его прикармливают. Они его пока еще держат на плаву. Что же касается заигрывания с Россией, то оно — в нынешних условиях — имеет исключительно тактический, преходящий характер. Примерно по такому принципу: удастся Россию малость подоить — хорошо, не удастся — обойдемся.

Иногда складывается впечатление, что наша политика по отношению к Египту, Сирии, Ираку, палестинцам имеет некий сентиментальный привкус Мы продолжаем исходить из того, что это — наши «старые друзья». Объятия и поцелуи. Да полно-те. Иллюзии все это Жизнь, политика — суровы, не сентиментальны. Все эти деятели были достаточно расчетливы и хитры даже в прежние времена. А теперь и подавно. Так что, по-моему, хватит обманывать себя самих.

В большой политике «друзья» стоят больших денег. У нас их нет. И, ergo, нет друзей. Но мы вполне без них проживем, если научимся не наживать себе врагов.

Надеюсь, Вам не скучно было читать это письмо. Если хотите — покажите, Е. М. Ответ не обязателен».

Кое-что в моем послании упрощено, «выпрямлено», — чтобы четче прорисовать главную мысль: не надо жить в мире иллюзий. А если ближе к теме: наше «коспонсорство» мало кому нужно, потому что мало кому что дает.

Своим чередом шли посольские будни. Получилась тревожная бумага из МИДа. Нам сообщали, что во многих посольствах складывается напряженная обстановка. Это проявляется в уклонении или прямом отказе некоторых сотрудников от выполнения своих служебных обязанностей, пьянстве, попытке перепродажи на местных рынках закупленных с дипскидкой товаров и т. п. В отдельных посольствах дело доходило до открытых конфликтов между дипломатами и административно-техническим составом. Причины ясны, говорилось в мидовской бумаге, — и низкая зарплата, и трудности с устройством на работу жен, и подбор подчас случайных людей, и отсутствие эффективных мер воздействия на нарушителей дисциплины и откровенных филонов. Нам предлагалось посмотреть внимательно, не назревает ли какой-нибудь «нарыв», который может привести к неприятным последствиям.

У нас пока особых, острых проблем не было. Но ветры «свободы», Дувшие из Москвы и выдувавшие аккуратность и исполнительность, додували и до нас. Недовольство было, но «в норме». Пытались как-то улучшить атмосферу. Жен почти всех трудоустроили. На рынок возили. Маневрировали премиями. 11 октября учинили для АТР ужин сплочения в Савьоне, с женами и детьми. Веселье с танцами. Держались, в общем…

В октябре состоялся фестиваль «Вокруг смеха». Организатор — неутомимый Марк Галесник, держатель и издатель юмористического журнала «Беседер». Смехачи все наши (А. Иванов, И. Иртеньев, В. Вишневский, В. Шендерович, Е. Шифрин) и уже ихний, но непременный Губерман. Стартовал фестиваль в Беэр-Шеве. Из газеты: «Открывали вечер очаровательная Лиора Ган и ее потрясающие ноги, о которых г-н Бовин в перерыве мне скажет: «Из всего того, что я видел в первом отделении, особенно взволновали меня ноги ведущей». Фестиваль закрывался в Савьоне. Поскольку публики не было, все смеялись сами над собой. Лиора Ган (она же — гражданка Пистолетова) обнажила не только ноги и прыгнула в бассейн. Желающие спасать образовали очередь.

НОЯБРЬ-94

Хамство в аэропорту: Киселева и Петрова — Жилой дом для посольства — «Золотое правило» Громыко: если можно не делать, лучше не делать — О «шестидесятниках»

Ноябрь начался со страшной бури. Проливные дожди и грозы. Сносило крыши, падали деревья и опорные столбы линий электропередачи. Были затоплены (а в пустыне Негев — засыпаны песком) многие дороги. Вышли из строя светофоры, что в ряде мест привело к дезорганизации движения. Вырубался свет. В общем, было довольно неуютно. Но скоро прошло.

А в посольстве мужчины (не все, к счастью) ополчились на женщин. Дежурные коменданты мужского пола стали требовать, чтобы женщины — наравне с ними — работали по праздникам и в выходные дни. Для справки. Женщины — это посольские жены, которые были трудоустроены на вакантные ставки. Как правило, они работали днем, в самые напряженные, людные часы. А по воскресеньям и праздникам они трудились на семейном фронте, что мне — извиняюсь перед феминистками — казалось естественным.

Но коменданты-мужчины требовали равноправия. Им не хотелось работать в праздничные и выходные дни. Не было ни партбюро, ни профкома, не с кем было посоветоваться. Решил домогательства мужчин отклонить. И даже пристыдил их. Хотя не уверен, что им стало стыдно…

30 ноября посетил заместителя генерального директора МИДа Израиля Э.Бенцура. Он дал понять, что президент Вейцман хотел бы посетить Россию с официальным визитом. Мне и самому давно казалось, что визит Вейцмана созрел. О чем я писал неоднократно. То, что я так и не сумел добиться согласия Москвы на этот визит, считаю одной из крупных своих недоработок. Равно, как и то, что не смог убедить Черномырдина сдержать свое обещание и посетить Израиль.

Передал Бенцуру ноту посольства по поводу инцидента с гражданкой России Натальей Глебовной Киселевой. И тут начинается то, что можно назвать Повесть о хамстве.

Зайдем издалека. 5 февраля 1990 года Благочинная Горненского монастыря монахиня Гавриила подала рапорт начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Архимандриту Никите. Монахиня жаловалась на произвол и грубость таможенников в аэропорту Бен-Гурион, с которыми она

столкнулась 8 декабря 1989 года, возвращаясь из отпуска в родной монастырь. Приведу фрагмент из рапорта:

> «…Узнав, что мы везем с собой сухие белые грибы 6 кг, меня на полицейской машине отвезли в полицейский участок аэропорта Бен-Гурион, где продержали около 6 часов. За период этого времени была послана телеграмма, что задержана русская монахиня, подозреваемая в провозе наркотиков. Через некоторое время пришел корреспондент одной из местных газет и сфотографировал меня для прессы. За время пребывания в полиции часть грибов была взята на экспертизу; экспертиза показала, что грибы съедобные. После этого меня отпустили с условием, чтобы на следующий день вновь приехать в полицейский участок за соответствующими бумагами. Приехав на следующий день, никаких бумаг я не получила, а было лишь сказано, что грибы съедобны, но возвратить их не смогут, так как их сожгли. Никакого извинения со стороны полиции не последовало.
>
> Прошу ВАШЕ ВЫСОКОПРЕПОДОБИЕ, Всечестной Отец Архимандрит, обратить особое внимание на происшедший случай с нами в аэропорту Бен-Гурион 8 декабря 1989 года и предпринять соответствующие меры, чтобы в будущем насельницы Горней обители могли бы беспрепятственно въезжать в страну, где несут свое послушание, находясь в длительной командировке. ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕПОДОБИЯ нижайшая послушница (Гавриила)».

Не имею представления, какие меры предпринял «Всечестной Отец Архимандрит». Возможно, к монахиням (равно как и к монахам) стали проявлять снисхождение. На остальных же граждан России, не имеющих прямой связи с Господом, это снисхождение явно не распространялось.

Киселева прилетела 17 июня 1994 года по гостевой визе. 28 лет. Москвичка. Высшее образование. Преподаватель логики и русской литературы. Все документы в порядке. В наличии 2800 долларов и обратный билет (без даты вылета). Однако безо всяких объяснений она была задержана и водворена в камеру. Из заявления Киселевой:

> «Стол, табуретка, Нары, крохотное зарешеченное окошко под потолком, Духота, жара, за дверью полицейский, которому должна стучась при

необходимости.

Две ночи и более двух с половиною дней в полной неизвестности (униженная, с болями в сердце, в животе и постоянно в голове, на сухом пайке (которым при больном желудке не могла пользоваться), без разрешенного стакана чая, на нарах, с подложенными под голову платьями, запертая и охраняемая, в слезах и невыразимых страданиях, особенно за больную сердцем маму, не надеясь увидеть ее в живых, металась я по камере.

За все время содержания в камере меня ни разу не вывели на воздух, даже когда мне было плохо. Вследствие такого обращения резко ухудшилось состояние моего здоровья. Полиция вызывала врача.

В течение всего времени задержания я получала категорический отказ в разъяснениях и звонках, даже в Посольство РФ, не говоря уже о родителях, не знавших, жива ли я, так как Лифшиц (израильтянин, который встречал, но так и не встретил Киселеву. — А.Б.) 17 июня дважды утром сообщил им, что их дочь не прилетела в Тель-Авив. Так его информировали в аэропорту: «Киселевой нет, не прилетела». К пришедшим в аэропорт родственникам моего бывшего мужа меня не пустили, несмотря на их поручительство (19 июня), а объяснили им, что высылают меня сегодня из-за отсутствия у меня денег и обратного билета».

19 июня на полицейской машине Киселеву доставили к трапу самолета и отправили обратно.

22 июня Киселева обратилась в посольство Израиля в Москве. 15 июля она получила ответ. Он состоял из трех пунктов.

1. Просьба о выдаче Вам новой визы взамен аннулированной направлена на рассмотрение в МВД Израиля. По Получении ответа Вы будете уведомлены.

2. По вопросу компенсации ущерба следует обращаться в израильские судебные инстанции через члена коллегии адвокатов Израиля или через Посольство РФ в Израиле.

3. Жалобу на поведение представителей МВД и полиции Израиля при задержании Вас в аэропорту Вы можете направить Инспектору Государства Израиль.

8 сентября Киселева обратилась к министру иностранных дел России. «Я мирно летела отдыхать, но меня страшно оскорбили и

впервые заставили обращаться к суду. Теперь я считаю, что только высокое материальное возмещение, причем возведенное с настойчивой твердостью в регулярное правило, в закон, заставит уважать Россию и создаст цивилизованные условия въезда уважаемого гражданина России в Израиль. Деньги правят миром. Пусть же они отрезвят почитающее их зарвавшееся самовластие».

Свои «моральные, физические и материальные» затраты Киселева оценила в 500 тысяч долларов.

Обо всем этом я узнал только в ноябре, когда МИД переслал мне заявление Киселевой. Дальше — разговор с Бенцуром. Медлительное верчение бюрократических колес. Неоднократные напоминания — официальные и неофициальные.

Где-то в начале января уже следующего года мы с Бенцуром обсуждали казус Киселевой, обедая в иерусалимском ресторанчике «Кэти». Трапезу разделяла с нами бен-цуровская знакомая — журналистка Мира Аврех. Изложив в газете «Едиот ахронот» под заголовком «Слишком красивая учительница» суть дела, Мира перешла к «светской хронике»: «Бовин начал с пива, уговорил бутылку водки и закончил опять пивом. А затем совершенно отчетливо, без признаков опьянения он объяснил мне на смеси пяти языков (английский, французский, немецкий, иврит и русский): «это — мой патент. С пивом, водкой и снова с пивом я остаюсь трезвым. Врачи, которые пользуют меня, проводили всякие анализы и ничего не нашли. Я объяснил им, что у меня нет проблем с сердцем, давлением или с холестерином, — и все это благодаря водке, которая абсорбирует все вредоносное». Кто захочет, заключила г-жа Аврех, — поверит».

Наконец, 21 марта 1995 года — долгожданный ответ. Пять пунктов.

> 1. Жалоба г-жи Киселевой была тщательно проверена вместе с министерством внутренних дел и пограничной полицией.
>
> 2. Г-же Киселевой было отказано во въезде по подозрению в том, что она намеревалась незаконно остаться в Израиле для постоянного проживания. Основанием для этих подозрений стали ответы г-жи Киселевой на вопросы, заданные ей пограничной полицией Государства Израиль.
>
> 3. Что касается вопроса о телефонном звонке в посольство, то если было г-же Киселевой отказано в его совершении, то это полностью противоречит существующим инструкциям, регулирующим действия пограничной полиции Государства Израиль.

4. Вслед за этим инцидентом правила, регулирующие порядок обращения с прибывающими туристами, были пересмотрены. Министерство иностранных дел неоднократно разъясняло всем соответствующим инстанциям важность и деликатность взаимоотношений с туристами.

5. Министерство иностранных дел сожалеет о неудобствах, причиненных г-же Киселевой.

Мне этот бюрократический шедевр вручил Бенцур. По-моему, ему было стыдно…

28 марта, переправляя эту ноту в наш МИД, я писал, что наконец-то получен официальный ответ по «делу Киселевой». Как видно, ответ этот бюрократизирован до предела. Но «сожалеют» все-таки. Будем рассматривать это как формулу извинения.

Что же касается судебной процедуры, то тут мы выходим из игры. Если Наталья Глебовна хочет, она может обратиться в суд.

В апреле газета «Вести» обратилась в МИД Израиля для уточнения деталей.

«Почему госпоже Киселевой было отказано в просьбе связаться с посольством России?

Это, — ответил заместитель генерального директора Эфраим Цур, — грубейшее нарушение международного законодательства, и МИД сожалеет об этом, если подобное действительно имело место. Увы, нам не удалось добиться от Управления пограничной полиции внятного ответа на поставленные нами вопросы. Однако мы постараемся предпринять все необходимое для предотвращения подобных правонарушений».

В конце мая получилось благодарственное письмо от Киселевой. Цитирую два абзаца:

«Благодаря Вашему настойчивому, мужественному и дипломатичному вмешательству Российская Сторона с достоинством, настаивая на справедливости, заставила власти Израиля принести извинения за учиненный надо мной произвол.

Чувства гордости и благодарности за Россию, за нелегкую Вашу службу, за отзывчивость и большое Ваше сердце просят передать Вам многие Ваши соотечественники. Я благодарю Вас от себя, от имени моих родителей, близких, сослуживцев, знакомых и незнакомых, от имени тех, кто уже пострадал, подобно

мне, и от имени тех, кто теперь уже не пострадает».

«Слишком красивая учительница» переоценила мою настойчивость и мои достижения. Если «правила, регулирующие…» и были пересмотрены, то совершенно незаметно для тех, кого «регулируют». Хамство в аэропорту, измывательства над беззащитными людьми продолжались.

Очередной обмен любезностями произошел в связи с тем, что 13 октября 1995 года артистка Ирина Петрова, как «проститутка», была сразу же по прилете отправлена обратно в Москву. Обращались с ней, как всегда, грубо, нагло, просто по-хулигански. К ней не допустили ни руководителя театра Винокура, ни генерального представителя «Трансаэро» г-на Кричевского. «На всякий случай» Петрову усадили в гинекологическое кресло и проверили — не скрывает ли она наркотики.

Эту «операцию бдительности» нельзя было удержать в тайне. Поднялся шум в газетах. Вмешалось посольство.

Из посольской ноты:

> «Ирина Петрова (31. 07.1974 г.р.) прибыла в Израиль в составе театральной труппы, возглавляемой г-ном Винокуром. Она имела на руках действительный российский паспорт и израильскую въездную визу. Без каких-либо причин и объяснений она была задержана в аэропорту, подверглась оскорблениям и унизительному обращению и была депортирована обратно в Россию. Она была лишена возможности связаться с российским посольством в Тель-Авиве.
>
> Мы вынуждены обратить внимание на то, что это не первый инцидент, когда оскорбляется человеческое достоинство российских граждан. Посольство уже направляло ноту Министерству иностранных дел Государства Израиль (№ 85\н от 29 ноября 1994 г.) относительно российской гражданки Натальи Киселевой, которая была задержана, подвергнута унижениям и депортирована из Израиля. Несмотря на выражения сожаления, содержавшиеся в официальном ответе, мы до сих пор не видим, чтобы были приняты какие-либо меры, направленные на предотвращение повторения подобных действий.
>
> Посольство настоятельно требует, чтобы лица, ответственные за инцидент с Ириной Петровой, были наказаны, и ожидает официальных извинений перед жертвой бесчеловечного обращения».

21 октября Петровой разрешили вернуться в Израиль.

24 октября МИД Израиля переслал нам письмо МВД Израиля. Привожу его полностью:

> «К сожалению, приходится признать, что в Израиле практически каждодневно приходится сталкиваться со сложной проблемой «девушек по вызову» и профессиональных проституток, въезжающих в страну из СНГ путем использования самых различных обманных способов.
>
> Некоторые из них приезжают как туристы и остаются в стране нелегально; другие имеют фальшивые документы либо проникают в страну, минуя обычные пограничные пункты.
>
> Каждый день соответствующие органы обнаруживают «девушек по вызову» с поддельными документами. Некоторые из них получают документы, обманным путем приобретая статус гражданки Израиля и пользуясь в результате этого различными предоставляемыми государством благами и льготами.
>
> Год назад в одном из массажных заведений Тель-Авива была арестована молодая женщина, имевшая при себе документы на имя гражданки Израиля Ханны Халавской. В ходе допроса она призналась, что в действительности она — Ирина Петрова, родившаяся 31 сентября 1974 года и прибывшая в Тель-Авив для занятия проституцией по ставке 150 шекелей с клиента. Она была выслана из Израиля за государственный счет, а ее имя было внесено в список лиц, которым запрещен въезд в Израиль.[41]
>
> Когда г-жа Ирина Петрова (упомянутая в запросе Посольства РФ) прибыла в Израиль в октябре с.г., ее имя немедленно появилось в соответствующем списке на экране компьютера. Ее данные практически полностью совпадали с данными, зарегистрированными в вышеприведенном случае; единственное различие заключалось в дате рождения — 31 июля 1974 г., в то время как в записях Министерства она числилась как 31 сентября 1974 г. Кроме этого, сотрудники театра, в труппе которого она числилась, сообщили, что г-жа Петрова в действительности не является штатным сотрудником театра (об этом сообщили Министерству офицеры пограничной охраны).
>
> По данному вопросу в Министерство поступил ряд

обращений и после того, как выяснилось, что произошла очевидная ошибка в идентификации, ей было разрешено въехать в страну 21 октября 1995 года.

Хотели бы подчеркнуть, что в подобных обстоятельствах, когда в Государство Израиль устремляются многие «девушки по вызову» с фальшивыми паспортами и визами, а также иные нежелательные элементы из СНГ, избежать подобных достойных сожаления ошибок не представляется возможным.

Министерство внутренних дел делает все возможное для того, чтобы максимально ограничить неудобства, причиняемые настоящим туристам. В данном случае, однако, имевший место инцидент был практически неизбежным. Мы надеемся, что когда проблема поддельных и подлинных документов, а также нелегального проникновения в страну будет урегулирована, мы одновременно сможем решить и проблему непредумышленного создания неудобств для туристов, желающих въехать в страну в этом качестве и покинуть ее в конце установленного срока.

Мы были бы весьма рады сотрудничать с различными миссиями стран СНГ, а также получать от них любое содействие в ликвидации данного досадного феномена, наносящего серьезный ущерб нашему государству».

В общем, нам прямым текстом сообщили, что «ошибки», включая, надо полагать, и откровенное хамство, неуважение к людям, неизбежны.

Ирина оказалась человеком, настроенным оптимистически и с чувством юмора. Вернувшись в Израиль, она сообщила журналистам, что ей просто-напросто повезло. «Ну кому еще посчастливится дважды за неделю побывать в Израиле, вернуться в Москву, увидеться с родителями, сказать им, что все в порядке, и снова вернуться в Израиль?» Но, к сожалению, чувство юмора развито не у всех…

Несмотря на неоднократные наши протесты и разговоры на разных уровнях, сообщало посольство в Москву, работники аэропорта, подчиненные МВД, продолжают вести себя с гражданами России крайне бесцеремонно. Зачастую оскорбляют их человеческое достоинство. Уговоры пока не действуют. Может быть, следует подумать о своего рода «репрессалиях» — демонстративно завернуть назад несколько пассажиров «Эл Ал». В

принципе посольство против резких движений, но в данном случае другого пути не видно (моя рекомендация не нашла поддержки).

Посольство обращало внимание МИДа России и на другую сторону этой же проблемы. Участились жалобы российских граждан на грубое обращение с ними при отлете из Израиля. Опросы пассажиров, проводимые с целью обеспечения безопасности полетов, нередко превращаются в унизительные допросы. Отлетающих спрашивают о том, что вряд ли — вопреки хитроумным схемам психологов — имеет отношение к безопасности, но явно затрагивает сферы их личной жизни и профессиональной деятельности. При отказе отвечать на подобные вопросы следуют угрозы не допустить пассажира на борт самолета.

Пришлось мне объясняться и с журналистами.

— Александр Евгеньевич, — меня спрашивает Айзек Шохат из «Времени», — что вы думаете о ситуациях с жительницами России, периодически возникающих в аэропорту им. Бен-Гуриона?

— Я думаю, что это вельможное хамство. Понимаю, что каждое государство стремится ограждать себя от всяких негативных явлений, в том числе — и такого рода. Но должны быть какие-то правила. Нельзя допускать, чтобы женщине, только потому, что она молода и красива, был запрещен въезд в страну.

Еще один принципиально важный момент. В любой демократической стране должно соблюдаться такое правило — все законы и ведомственные инструкции, касающиеся прав и обязанностей человека, должны быть предъявлены этому человеку по его первому требованию. Их нельзя засекречивать.

— Допустим, что выдворенным женщинам под каким-то предлогом отказались показать инструкции. Но, может быть, их довелось видеть сотрудникам посольства, занимавшимся этими случаями?

— Их никто не видел. И я по-прежнему, не знаю, как должны действовать чиновники, которым поручено этим заниматься.

Кстати, с аэропортом связаны и другие сюжеты, вызывающие смешанные чувства. Вот человек собирается уезжать. Сотрудники службы безопасности аэропорта принимаются его расспрашивать: «Скажите, пожалуйста, кто ваши знакомые? У кого вы были? С кем ночевали?»

Такие вопросы — прямое вмешательство в личную жизнь человека. Я понимаю, что люди, которые их задают, руководствуются соображениями безопасности, но… Но шанс, что с помощью подобных расспросов удастся выявить террориста, очень невелик…

— Жители Израиля настолько к этому привыкли, что очень спокойно воспринимают даже самые щекотливые вопросы.

— А мы не привыкли. Еще будучи журналистом, я летел однажды в Эйлат. И вдруг меня начали спрашивать: «А кого вы знаете, а с кем вы разговаривали?» Я отвечаю: «С Ариэлем Шароном разговаривал». — «А еще?» Называю имя еще одного известного политика. На меня начинают обижаться, будто я их разыгрываю. А я действительно брал интервью у этих людей. Я тогда отшутился, но многим в таких ситуациях не до шуток.

Безобразия продолжались. 18 сентября 1996 года я направил письмо министру внутренних дел Элиаху Свиссе:

«К сожалению, я вынужден беспокоить Вас по поводу, который трудно назвать приятным. 10 сентября с.г. по указанию работника МВД три российских туристки — Алла Соснер, Светлана Лебедева и Лариса Яковлева — прилетевшие в аэропорт Бен-Гурион рейсом «Эль-Аль» из Санкт-Петербурга, были задержаны и отправлены в полицейский участок. Им было заявлено, что они будут депортированы в Россию в связи с неправильным оформлением документов и отсутствием денег.

Женщины находились в камере полтора суток. Им не разрешили позвонить знакомым. Слава Богу, с трудом, но разрешили все-таки позвонить в российское консульство.

Прибывший в аэропорт российский консул выяснил: паспорта и визы находятся в полном порядке; у каждой из задержанных есть обратный билет, оплаченная туристическая путевка, ваучер на размещение в гостинице, медицинская страховка и 1500 долларов наличными.

Надеюсь, господин министр. Вы понимаете, что действия Ваших чиновников в аэропорту можно квалифицировать или как произвол, или как полное отсутствие профессионализма. В связи с этим

убедительно прошу Вас, во-первых, исключить подобные случаи из практики работы представителей МВД в аэропорту и, во-вторых, принести через российское посольство официальные извинения указанным гражданам России».

Извинения были принесены. Однако произвол и хамство в аэропорту продолжались. Я позже вернусь к этой теме в связи с задержанием И.Д.Кобзона. Здесь же замечу вот что. На уровне министров и высшего чиновничества я имел дело, как правило, с образованными, воспитанными и, как мне казалось, интеллигентными людьми. Они понимали, что бдительность, забота о безопасности полетов не требует хамства. И они говорили мне это. Но или они лицемерили, или их реальная власть глушилась молчаливым и мощным сопротивлением аппарата. В любом из этих «или» я проиграл. Не смог защитить граждан своей страны. Точнее: мог выручать в конкретных случаях, но не мог добиться, чтобы этих случаев не было.

В ноябре начала раскручиваться история с постройкой жилого дома для сотрудников посольства. С хозяйственной точки зрения дело было стоящее. Недвижимость вернее денег. И как бы ни дорого обошлось строительство, в конечном счете иметь свое жилье выгоднее, чем платить за аренду. МИД с санкции министерства финансов благословил. Начались поиски участка и подрядчика. Нашли, наконец. С помощью мидовских юристов стали составлять документы, сначала — непременный протокол о намерениях. Дело шло туго.

Возможно, сказалось какое-то мое внутреннее сопротивление этому делу. Во время журналистских скитаний я насмотрелся на посольские дома, своего рода посольские гетто. Приходя с работы, сотрудники вновь оказывались в окружении тех же людей. Не дремало и «зоркое око». Возникали всякие проблемы. У нас же все жили на частных квартирах в разных частях города. Полная автономия и никаких «ок». Мне казалось, так лучше, вольготнее. Люди имеют возможность отдохнуть друг от друга. Не то, чтобы я саботировал, но как-то энтузиазма не проявлял…

Возникли трудности с мэрией. Она не разрешала строить то, что нам нужно, на участке, который мы выбрали. Фирма, с которой мы договорились, поставила вопрос так: черт с ней, с мэрией, мы начнем строить и в процессе строительства получим все необходимые разрешения; все так делают. Хорошо, сказали мы, но если не сможете сделать, то вернете нам деньги. Чтобы уравновесить риск (а речь шла о 4-х миллионах долларов), я потребовал банковскую гарантию. Тут фирма заартачилась.

Договорились (это было уже в апреле 1996 года) так: фирма обязалась за семь дней получить все разрешения; если не получит, посольство имеет право аннулировать протокол о намерениях. Что я с легким сердцем и сделал 8 мая.

Потом велись переговоры с другими фирмами и о других участках, но постепенно все сошло на нет.

С разных сторон до меня доходили сведения, что Нетаньяху был бы не прочь посетить Москву. Основная цель была очевидна — укрепить свой политический авторитет. Другие цели — изложить позиции Ликуда по мирному процессу и дать понять, что правительство Ликуда будет активно развивать израильско-российские отношения. Посольство исходило из того, что работа с оппозицией — нормальный, естественный участок двусторонних отношений. Поэтому надо принять Нетаньяху. Если он станет премьером, это нам зачтется. Если — нет, зачтется тоже, ибо Ликуд останется одной из главных фигур на политической сцене.

Я просил у Москвы «добро» на предметный разговор с Нетаньяху. Но не получил. Если можно что-то не делать (не говорить), лучше не делать (не говорить). Золотое правило дипломатических традиций, идущих от Громыко.

В светлые ноябрьские промежутки сочинял предисловие к военным дневникам академика Иноземцева. Писал о нем и, конечно, о нас всех — «шестидесятниках». О нашей судьбе, перенасыщенной крутыми поворотами, интересной и безжалостной.

> «Ныне модно кидать камни в тех, кого называют шестидесятниками. Камни — это больно. Нас легко упрекать. Ведь приходилось и наступать на горло собственной песне, и кривить душой. И тем не менее нам не стыдно за прожитую жизнь, за дороги, которые мы выбрали и которыми шли. Мы видели свою задачу в том, чтобы не дать растоптать, уничтожить всходы, проклюнувшиеся после XX съезда. И нам, нашему поколению, удалось это сделать. Иначе была бы невозможна перестройка.
>
> Нам не повезло. Мы были еще слишком молоды, когда случился XX съезд партии. И поэтому не смогли превратить «оттепель» в весну. Мы были уже слишком старыми, когда началась перестройка. И поэтому, вытащив перестройку, вытащив демократию и гласность, мы не смогли предотвратить развал и хаос.
>
> Теперь нам осталось писать мемуары. Чтобы наши дети и наши внуки лучше поняли наше время, а значит

— и нас.

Все мы герои и все мы изменники.
Все, одинаково, верим словам.
Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?

Каждое поколение должно само ответить на этот вопрос, который себе, нам и всем задал Георгий Иванов».

Вот и я уже созрел для мемуаров, пока малых, израильских, а там — посмотрим…

В ноябре в Израиле появилась Эдита Пьеха со своим мужем Владимиром Петровичем Поляковым. Я знал его по своим редким появлениям в Пятигорске, где Володя возглавлял, кажется, общество «Знание» и раскатывал — в те времена! — на красном «Мерседесе». Мы там ели «шулюм» — невообразимо вкусную похлебку из всего, что только возможно. В моем сознании Володя совершенно не монтировался с Эдитой Пьехой, королевой, дворянкой эстрады. Но жизнь прекрасна своими сюрпризами…

ДЕКАБРЬ-94

Еще одна еврейская энциклопедия. Но российская — Лужков: евреи вернутся в Москву! — Разоружение «Эл Ал» — Кризис сионизма

11 декабря состоялся прием у президента по случаю выхода в свет первого тома семитомной Российской Еврейской Энциклопедии. Она издается по соглашению между Российской Академией естественных наук и министерством культуры Израиля. Президент был в ударе. Шутил, расточал улыбки, в общем, — очаровывал гостей. Избранные гости произносили непременные и почти непременно нудные речи. Остальные пили шампанское. Все, как говорится, путем…

Существует знаменитая «Еврейская энциклопедия» Брокгауза и Эфрона. В Израиле выпускается Краткая Еврейская Энциклопедия (Израиль и мировое еврейство с точки зрения Израиля). И вот теперь — еще одна. Зачем? Показать роль и место евреев, еврейских общин в жизни Советского Союза (России после 1917 года). Первые три тома — биографии, затем — общины и проблемы. Таков был замысел.

Первый том имел неоднозначную прессу. В еженедельнике «Еврейский камертон» (литературно-художественное приложение к «Новостям недели») появилась разгромная рецензия «Скандальная энциклопедия». Автора возмутило то, что в Энциклопедии представлены антисемиты и другие нехорошие люди. Перечисляются: Жириновский, Драгунский, чекисты Агранов, Блюмкин, начальник ГУЛАГа Берман. Можно было бы обойтись и без создателей эрзац-культуры. Например, без Павла Германа, автора марша советских ВВС «Все выше и выше…» на музыку другого еврея Юлия Хайта.

Типично родной советский подход. Просеивать историю, дабы отделить пшеницу от плевел. Ну, не было Блюмкина и Бермана не было. Был Ойстрах, вот о нем и надо писать… Рад, что редакция не согласилась с таким подходом. Уже вышли три тома, жду четвертый…

С приема отправился в аэропорт встречать Ю.М. Лужкова.

Он пробыл в Израиле до 16-го. Программа была на пределе человеческих возможностей. В первый же день после осмотра Тель-Авива гостей повезли в обязательный в таких случаях йеменский ресторан «Маганда». Любопытная штука — в Тель-Авиве есть несколько заведений с хорошей еврейской

(восточноевропейской) кухней. Но туда почему-то высоких гостей не возят. А «Маганда» — почти ритуал. Там на закус — всякая восточная вкуснятина. И тут выяснилось, что московский мэр не пьет. Вообще не пьет, абсолютно! Сначала как-то народ застеснялся, но потом дело наладилось.

Следующий день начался с приема у мэра Тель-Авива Рони Мило. Мило пригласил «русскую» творческую элиту. Что добавило раскованности и шума. Лужков чувствовал себя, как рыба в воде. Выступая, он заявил, что сделает такую Москву, чтобы евреи, которые уехали, захотели вернуться в Россию.

— Значит, вы — антисионист? — напали журналисты. — Израиль построен на том, чтобы сюда собрались евреи со всего мира. А вы хотите, чтобы они вернулись обратно?

— Сионизм — дело тонкое, — ответствовал мэр, — тут вам виднее. А я, безусловно за то, чтобы и те, кто здесь, вернулись в Россию, и те, кто собирается уезжать, передумали. Россия много потеряла от того, что евреи ее покинули, особенно в последние годы. Это колоссальный удар по культуре, удар по науке, удар по генофонду, если хотите! Это сравнимо с тридцатыми годами, когда были истреблены лучшие люди страны…

После приема — ульпан (там учат ивриту), встреча с «москвичами», осмотр Яффы, музей еврейских общин. А вечером неутомимый мэр у меня в Савьоне. Запись в рабочей тетради: «Ничего мужик. Жена грубовата».

На следующий день — Тивериадское озеро. У нашей православной миссии там великолепный, заросший эвкалиптами участок на берегу. Матушки расстарались — рыба всяких видов. И снова сюрприз — мэр усердно крестился перед трапезой.

Вечером — встреча с президентом Ассоциации подрядчиков и строителей Моше Ионой. Это могучая в Израиле организация, Иона — очень влиятельный и богатый человек. Лужков и его главный строитель Ресин встречались с Ионой несколько раз. Я в эти дела не вникал, но думаю, речь шла о сотрудничестве в области строительства. Памятуя о судьбе всех крупных «задумок», не уверен, что навар от этих встреч был крепкий…

Марафон продолжался: министр финансов Шохат, министр строительства Бен-Элиэзер, министр иностранных дел Перес, мемориал Яд Вашем, монастырь Эйн-Керем, Старый город, Русская духовная миссия, Вифлеем. Снова — «москвичи», на этот раз — иерусалимские. И, разумеется, прием у мэра Иерусалима Эхуда Ольмерта. Странные сцены разыгрывает жизнь: мэр Москвы мило беседует с Эдуардом Кузнецовым, приговоренным к расстрелу за попытку угнать самолет…

Все-таки умотали Лужкова. Спал в машине, когда ехали в

аэропорт. Запись в тетради: «Лужков в целом оставляет хорошее впечатление».[42]

18 декабря в воскресенье раздался звонок от Арафата. Срочно отправился в Газу. Арафат был взволнован. В Осло он беседовал с Рабином и Пересом. Обсуждался вопрос о передислокации израильских войск на Западном берегу и проведении выборов в палестинский совет. По словам Арафата, евреи готовы вывести войска на один-два дня на время выборов, но потом — вернутся обратно. Это «абсолютно» не приемлемо. Это — не частное нарушение соглашений, а стремление сломать их основу, «арматуру», на которой они держатся. Во вторник предстоит встреча с Рабином, и Арафат хотел, чтобы Козырев безотлагательно позвонил Рабину или Пересу. Если израильтяне не изменят позицию, «все может зайти в тупик».

В тот же день я телеграфировал в Москву. Звонить Козырев не стал. Но утром в среду мы получили «устное послание» Козырева Пересу. Перес как раз в это время был на встрече с Арафатом (она была перенесена на среду). Так что послание ему было зачитано уже после встречи.

> Козырев писал, что хотел бы доверительно, как друг, обменяться мнениями по такому вопросу. Как мы понимаем, сейчас главная тема ваших контактов с палестинским руководством и лично Я.Арафатом — передислокация израильских войск и проведение выборов в палестинский совет. Не скрою, мы озабочены пробуксовкой переговоров на этот счет и как коспонсоры ближневосточного мирного процесса, чья подпись стоит под палестино-израильскими договоренностями, обеспокоены тем, что топтание на месте ведет к еще большей отсрочке предусмотренных Декларацией о принципах мер по введению палестинского самоуправления.
>
> Разделяем ваши тревоги по поводу безопасности в Газе и на Западном берегу. Здесь у вас не должно быть сомнений. Вместе с тем думаю, что было бы контрпродуктивно осложнить и без того не слишком твердые позиции Арафата. Уверен, что у нас с вами нет разночтений в необходимости убедить и одновременно помочь Я.Арафату более уверенно следовать букве и духу соглашений с Израилем. Исключительно важно не давать палестинским экстремистским силам аргументов в их линии на срыв переговорного процесса, ведь подлинные параметры опасности агрессивного

> религиозного экстремизма сейчас предстают более чем зримо. На наш взгляд, заключал Козырев, принципиальной важности задача сегодня — ни при каких обстоятельствах не перекрывать перспективу движения к окончательному взаимоприемлемому урегулированию палестинской проблемы. Ради этого всем сторонам необходимо найти согласованные пути, приближающие к действительному миру и стабильности. Россия готова оказать в этом деле активное содействие.

Наша всегдашняя логика: лучше уступить Арафату, чем усилить палестинских экстремистов. Но в этом уравнении не всегда учитывалась другая зависимость: уступки Арафату усиливали еврейских экстремистов. Оптимум было рассчитать невероятно трудно. И не рассчитали. Рабин был убит. Нетаньяху пришел к власти.

30 декабря раздался нервный звонок из израильского МИДа. В Шереметьево сотрудники МВД разоружают службу безопасности «Эл Ал». Это грозит срывом полетов. Зная болезненное отношение израильтян к безопасности, тут же звоню в Москву Посувалюку, теперь уже — заместителю министра. Прошу вникнуть и связаться с Ериным. — Ерин — в Моздоке (Чечня!). — Тогда — с его замом Куликовым. Посувалюк спокоен: у нас свои порядки.

31 — суббота. Тихо.

1-го с утра мне звонит министр транспорта Кейсар. В другом режиме летать не можем. Будем отменять рейсы. — Подождите, говорю, в Москве — Новый год, никого не найдешь…

Израильтяне присылают документы.

Письмо Кейсара российскому министру транспорта от 29 сентября 1994 года. В нем говорится о мерах безопасности для защиты служб и деятельности «Эл Ал», которые применяются на всех линиях «Эл Ал». Естественно на базе соглашений с соответствующими правительствами.

В каждом аэропорту есть специально обученные сотрудники безопасности. Они одеты в гражданскую одежду, но вооружены (так, чтобы оружия не было видно). Технология содержания оружия, выдача разрешений на него, порядок хранения в то время, когда оружие не используется, определяются соглашением с местными властями. Поскольку «Эл Ал» не может летать за пределами Израиля, не придерживаясь упомянутых мер, Кейсар предложил договориться и включить эти меры в специальное приложение к Договору о воздушном сообщении.

Наш министр ответить не соблагоизволил. Но «по

умолчанию» израильская охрана была вооружена, и до поры до времени проблем не возникало. Видимо, к концу декабря подули иные ветры. 29 декабря генеральный директор Управления гражданской авиации Менахем Шарон пишет своему московскому коллеге Вадиму Замотину и предлагает начать переговоры. Израильская делегация готова вылететь в Москву в любое время.

Но уже поздно. 30 декабря майор милиции Федянин А.И. с участием подполковника Шемякина В.И. и в присутствии двух понятых изъял из офиса авиакомпании «Эл Ал» четыре пистолета, 18 магазинов к ним и боевые патроны в количестве 180 штук. Основание: закон РФ от 20.05.93 г. «Об оружии». В Протоколе изъятия сказано, что все изъятое будет храниться «в линейной УВД в аэропорту Шереметьево до решения вопроса по существу». При сем присутствовал представитель «Эл Ал» в Москве П.Пистоль.

2 января меня пригласил заместитель министра иностранных дел И. Бейлин. Он сообщил, что с этого дня рейсы «Эл Ал» в Россию отменяются. Это решение — не знак протеста и не форма давления, просто Устав «Эл Ал» запрещает летать в те страны, где не разрешают осуществлять необходимые меры безопасности. Возможен и мораторий на рейсы «Трансаэро». Бейлин подчеркнул, что это «самая острая конфликтная ситуация за последние годы».

В принципе я был в дурацком положении, поскольку не имел из Москвы никакой информации. Приходилось выкручиваться. Просил Бейлина не нервничать. Выразил надежду, что как только новогодние празднества закончатся, конфликт будет улажен. Начался шум в газетах.

4 января был приглашен к Бенцуру. Все о том же. Снова просил не пороть горячку. Что касается «Трансаэро», то любые санкции были бы полным произволом и рассматривались бы нами как недружественный по отношению к России акт.

> Мне трудно, — писал я в Москву, — давать квалифицированные рекомендации, поскольку я не осведомлен о тех важных государственных интересах, которые лежали за действиями милиционеров в конторе «Эл Ал». Однако мне представляется, что нашим интересам соответствует сохранение воздушного сообщения между Россией и Израилем. Если это так, то было бы логично предоставить «Эл Ал» те права, которыми эта компания пользуется в других странах.

6 января в 13.15 позвонил генерал Гончаров из МВД и сказал, что «недоразумение» улажено, дано указание вернуться к

прежнему порядку. И будем вырабатывать соглашение.

Так кончилась эта неделя нервотрепки. До сих пор не знаю, что стояло за нашей не очень умной акцией в Шереметьево. Милиционеры накуролесили, а МИД, понимая вздорность происходящего, не хотел конфликтовать с МВД. Ждал, пока сами осознают…

Конец года — время подведения итогов.

С точки зрения мирного процесса уходящий год выглядел как год побед. Но не все было так просто. Лидеры опережали народ. В глазах простого человека террор обесценивал дипломатические кружева переговоров. 68 израильтян пали от рук террористов. Оппозиция оперировала и другими цифрами: за 16 месяцев до рукопожатий на зеленой лужайке террористы убили 49 евреев, а за 16 месяцев после — 120. Стрелка барометра общественных настроений явно шла вправо. Вправо шла и «русская» алия, обиженная невниманием к ее проблемам.

Во внешней политике — активность на всех азимутах. На два десятка выросло число государств, имеющих с Израилем дипломатические отношения (всего — 150). За год МИД принял около 3 тысяч иностранных делегаций. Годовая «нагрузка» Рабина: он принял 19 президентов и премьеров, 11 министров обороны, 30 «прочих» министров.

Экономика шла вверх. Доля валового дохода на душу населения составила 17,3 тысячи долларов (Япония — 34 тысячи, США — 24 тысячи). Одновременно рос разрыв между самыми богатыми и самыми бедными. Среди стран Запада по степени такого разрыва Израиль уступает лишь США.

Если же из плоскости более или менее осязаемых фактов и факторов перейти в другую, лежащую не на поверхности плоскость, то можно было констатировать «кризис сионизма», раскачку идеологического фундамента, на котором воздвигнуто здание государства Израиль. Разговоры о «постсионизме», непрекращающиеся попытки так называемых «новых историков», «критических социологов» де-мифологизировать Израиль и его историю, отражают глубинные, происходящие на социо-психологическом уровне процессы, ведущие к отчуждению иудаистских мотивировок, иудаистского мировосприятия от современного израильского сознания.

Возникает «новый сионизм». Его формулу удачно обозначил один из «русских» репатриантов: «Мой сионизм исчерпывается тем, что я живу в этой стране, плачу ей налоги, а мой сын ее защищает». С одной стороны, такой «сионизм», превращающий Израиль в «такое же государство, как все», облегчает сосуществование Израиля с арабским окружением. Но с

другой, — трансформация сионизма, отступление классического иудаизма под натиском времени ведут к тому, что евреи, граждане Израиля, утрачивают ощущение собственной правоты. Подрываются идейно-политические основы высокой сопротивляемости израильтян.

В данном контексте имеет смысл хотя бы очень поверхностно затронуть огромную тему — сионизм.

Согласно Краткой Еврейской Энциклопедии, сионизм — еврейское национальное движение, ставящее своей целью объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине — в Эрец-Исраэль, а также идеологическая концепция, на которой это движение основывается. Сионизм, потому что Сион (Цион, Цийон) — холм в Иерусалиме; там — центр сбора евреев.

В советской литературе понятие сионизм обычно обрастало такими эпитетами, как расистский, националистический, шовинистический, реакционный, империалистический и далее везде. Все эти эпитеты и выражаемое ими содержание были производными от заданной идейно-политической установки: сионизм — враг. И тем более враг, который не сдается… Однако не будем слишком упрощать картину. Основания для критики сионизма были и есть. Они есть тогда, когда сионизм увязывается с идеей «богоизбранности», исключительности еврейского народа, когда еврейский народ рассматривается как некое «боговдохновенное» образование, противопоставляемое другим народам.

Сионизм всегда был причудливой смесью, переплетением религиозного и светского, мистики и прагматизма, мессианства и приземленности. С ходом истории удельный вес мистики, мессианства снижается. И тем не менее нынешние проблемы сионизма, его кризис во многом связан с противостоянием, борьбой двух полюсов — светского и религиозного.

Но вернемся к определению. Итак: (1) движение с целью «объединения и возрождения» и (2) идеологическое основание, идеологический фундамент движения. Эрозия коснулась обоих пунктов.

Объединения всех евреев в Эрец-Исраэль не получилось. Сначала фактически, теперь концептуально. Ибо формируется вполне реалистическая концепция установления динамического равновесия между диаспорой и Израилем. Ибо для многих евреев их «доисторическая» (а, может быть, лучше — «постисторическая») родина имеет не меньшее значение, чем. родина историческая. Ибо, наконец, перемещение последней алии не имело к сионизму практически никакого отношения. Налицо

кризис сионизма именно как движения….

А сионизм как идеология? История коварна. Триумф сионизма как идеологии (и как движения) — образование Государства Израиль. Чудо XX века! Но в триумфе скрыты семена поражения. Достаточно всмотреться в повседневную, «нормальную» жизнь нынешнего Израиля, чтобы стало ясно: политическая победа сионизма поставила под вопрос сионизм как идеологию. Герцль и Жаботинский, сколько бы улиц ни носили их имена, принадлежат прошлому. Еврейский сионистский фундаментализм не выдерживает столкновений с постсионистской действительностью. Активизация, напор ортодоксов доказывают как раз это, именно это.

Начались, идут поиски «нового сионизма», новых национальных, идеологических ценностей. Еще в 1982 году Амнон Рубинштейн, один из лидеров блока МЕРЕЦ, опубликовал книгу «Обновление сионистской мечты». Он писал: «Возвращение в Сион тесно связано с превращением еврея в нового человека. Еврей станет «гоем» в двойном значении этого слова на иврите, то есть «неевреем» и «народом». После того, как состоится это преображение, травмы прошлого будут навсегда забыты. Быть гоем означает быть здоровым; здоровые люди, здоровые народы не озабочены вопросами своего существования и выживания». Программа секуляризации сионизма: Израиль станет «домом, а не храмом, светской нацией, а не священным племенем, хорошим соседом, стремящимся к прекращению войн, а не народом-одиночкой, живущим отдельно и на другие народы непохожим».

А пока Израиль бурлит. Ищет себя в новой постсионистской (или — неосионистской) среде. Мечется между Торой (которая уходит в прошлое) и Конституцией (которая выходит из будущего). Превращает евреев в израильтян, но боится, что они действительно станут израильтянами.

28 декабря депутат Кнессета от религиозной партии МАФДАЛ Шауль Яалом обратился к министру просвещения и культуры с призывом, чтобы во всех школах провели кампанию по разъяснению детям, что Рождество и Новый год — христианские праздники, и жителям Израиля не пристало их отмечать.

Вряд ли Рубинштейн внял этому призыву. А вот мы с Петровной "посту пил и вполне патриотически. Решили не отмечать. Днем 31-го посидели тихонько с Элиной Быстрицкой. А вечером — телевизор. Отмечали в Москве. А мы только смотрели.

ЯНВАРЬ-95

И снова самоубийцы — План «разъединения» — Кому платят пенсии?

Политический январь начался обстоятельной беседой с президентом. Как договаривались, общий, почти философский взгляд на российско-израильские отношения и на мировую политику в целом. Изложил свои тревоги и недоумения. Последний пример — неадекватная, взвинченная реакция на «разоружение» «Эл Ал». Президент был задумчив. Просил учесть неоднородность израильского общества и, соответственно, общественного мнения. Неоднородность того, что называют «правящие круги». Исторически обусловленная «отягощенность» отношений с Россией не может быть, как бы нам этого ни хотелось, преодолена за несколько лет. Многие не верят России. И будущее, характер наших отношений зависят и от нас, но и от вас.

Выйдя на глобальный простор, Вейцман сказал, что центр мировой политики смещается на восток и юго-восток (Япония, Китай, Индия, Индонезия, «тихоокеанская цивилизация»). И здесь Россия занимает чрезвычайно выгодные геополитические позиции. Если, конечно, сумеет воспользоваться ими.

В контексте разворота на восток следует, по мнению президента, рассматривать и ренессанс ислама, нарастание агрессивности мусульманского мира. Опасность там, где пересекаются, сливаются национализм и религиозный фанатизм. Это — опасность и для России.

Разумеется, возник Иран. Но тут мы не могли сказать друг другу что-то новое, интересное.

Президент рассказал о своем визите в Египет. Вейцману так и не удалось убедить Мубарака посетить Израиль. Он не хочет «смущать» Асада. Оба президента согласны с тем, что Асад держит ключ от ближневосточного урегулирования. Тут мы малость поспорили. В связи с Сирией Вейцман сделал два замечания. Американцы слишком часто появляются в Дамаске, что создает у Асада завышенное представление о своей роли. Это — первое. И второе. Если бы Асад принял «модель Садата», приехал бы в Иерусалим и выступил в кнессете, он значительно ускорил бы возвращение Голан.

В общем, беседа оказалась более пресной, чем мне хотелось бы. Но трудно подсыпать соль, чувствуя на себе дипломатический

мундир.

22 декабря на перекрестке Бейт-Лид (недалеко от Нетании) раздалось два взрыва. Погибли 18 человек, 62 получили ранения, 15 — тяжелые. Ответственность приняла на себя экстремистская организация «Исламский джихад». Один из ее лидеров Фатхи Шкаки, живущий в Дамаске, рассказывал в интервью:

> «Мы работали долго и очень тщательно. Оба исполнителя были хорошо знакомы друг с другом. Они побывали на перекрестке, который был выбран для совершения акции, и изучили местные особенности.
>
> В назначенное время они выехали из Газы в Тель-Авив, а оттуда — на место, остановку автобуса, где постоянно скапливается множество солдат. Слуги Аллаха действовали исключительно слаженно. Один из них вошел в кафе и взорвал себя и вражеских солдат. Другой в это время стоял на улице и ждал, когда начнется паника и солдаты бросятся из кафе на улицу. Дождавшись этого, он взорвал себя».[43]

Говорит младший брат одного из камикадзе 15-летний Абдулла Сохар:

> «Я готов продолжить дело моего старшего брата, пожертвовав собственной жизнью, чтобы убить как можно больше евреев. Дело моего брата — праведное. Дайте мне сейчас сумку с взрывчаткой, я тут же пойду убивать израильтян. А еще лучше — израильских солдат. В раю нет КПП, нет страдания и боли».

Правые бросились в атаку на правительство. Из заявления партии МАФДАЛ: «Невозможно, ведя весь народ по пути политического самоубийства, постоянно оправдывать свои действия тем, что речь идет о террористах-самоубийцах. В Иерусалиме сидит компания ханаанцев, знать ничего не желающих и омерзительных, которые водят правительство за нос и заставляют его валяться в ногах у подонков, являющихся наследниками нацистов».

Левые сопротивлялись: «Мы обязаны идти по избранному нами пути, — заявила министр науки Ш. Алони. — Самоубийственная акция не должна заставить нас свернуть на самоубийственный путь. Стиснув зубы, невзирая на горечь и боль, мы должны объявить о продолжении мирного процесса».

Президент Вейцман предложил прервать политические переговоры с палестинцами и «подумать о том, что делать

дальше».

Правительство поступило по стандарту: был немедленно объявлен «сегер», то есть блокада, закрытие территорий. Потом стали думать. В результате возникла идея разъединить евреев и палестинцев. Эта идея обсуждалась на бурном заседании правительства 29 января. Развернутый план разъединения представил министр полиции М.Шахал. Не «забор», а ужесточение контроля, режима. Интенсивное патрулирование (более 2000 пограничников). Системы сигнализации и электронного слежения. В стратегически важных точках — вышки, оснащенные оптикой и приборами ночного видения. Радары, способные обнаружить человека. В некоторых местах (для перекрытия тропинок и грунтовых дорог) — заграждения и решетчатые ограды. Сторожевые собаки (100 уже есть, нужно больше). Вся эта система должна находиться в ведении полиции, а не армии.

Была создана (законы бюрократии всеобщи!) межведомственная комиссия по вопросам разъединения. Свои предложения она должна была представить к 5 марта, а само разъединение предполагалось осуществить в течение полугода.

С некоторым опозданием комиссия представила предложения. Во многом они совпадали с планом Шахала. Но контроль оставался в руках армии.

Однако возникли сложности. Политические и финансовые. Протестовала военная разведка: в ближайшей перспективе размежевание даст ничтожный эффект, а в долгосрочной — отрицательный; оно будет провоцировать активность террористов. Оппозиция возражала потому, что размежевание фактически означает границу, что будет работать на создание независимого палестинского государства. Негативное заключение дало министерство финансов. Смущали такие цифры: 2 миллиарда шекелей на создание и 200 миллионов каждый год на эксплуатацию. Были и другие проблемы.

В июле я разговаривал на эту тему с министром внутренней безопасности А. Кахалани. Он был — за. Вплоть до контрольной полосы вдоль всей границы с автономией. Создание «герметичной» границы позволит решить и еще одну острейшую проблему — угон машин. Каждый год угоняют примерно 30 тысяч, и почти все они оказываются на Западном берегу.

Как бы там ни было постепенно идея размежевания выдохлась. Она опережала время. И поэтому в данном времени ее минусы перетягивали ее плюсы. Но времена, как известно, меняются.

Получил разъяснение из МИДа о порядке выплаты пенсий

военнослужащим. Упоминаю об этом, потому что вопрос о пенсиях доставлял посольству много хлопот и часто заставлял стыдиться за свою страну. Стыдиться потому, что мы — в отличие от других государств — не платили пенсий людям, которые оказались за границей, проработав всю свою жизнь в Союзе. Точнее, платили только в двух случаях: трудовое увечье или профзаболевание.

По поводу пенсий президент Сионистского форума Н.Щаранский 26 октября 1992 года обратился с письмом к Ельцину. Он писал, что значительная часть репатриантов заработали право на пенсию по возрасту или инвалидности. Но, к сожалению, Россия им пенсии не платит. Щаранский просил положительно решить эту проблему, что «способствовало бы подъему международного авторитета новой России».

11 ноября я писал Элле Александровне Памфиловой:

> «…не проходит ни одной встречи с эмигрантами из России, где бы меня не допекали вопросами о том, когда же Россия будет, «как это делают другие цивилизованные страны», выплачивать пенсии, пособия и т. п. своим бывшим гражданам. Обычно отвечаю, что в принципе новая Россия была бы готова положительно решить эту проблему, но «просто» нет сейчас денег, и вряд ли они будут скоро.
>
> Напишите мне, пожалуйста, что думают в Москве по поводу пенсий. Можно ли ожидать каких-либо решений? Возможно, я обращаюсь не по адресу. В таком случае сообщите мне, в какие двери стучаться. Заранее признателен за ответ».

Ответ не последовал.

2 июля 1993 года президент России подписал Закон «О выплате пенсий гражданам, выезжающим на постоянное жительство за пределы Российской Федерации». Постановление Правительства от 19 августа 1994 года разъяснило, что действие закона распространяется только на граждан, выехавших из России после 1 июля 1993 года. Это была большая несправедливость, лишившая пенсий десятки тысяч человек.

Да и те пенсий, которые можно было получить, при всей своей мизерности требовали массы усилий, многомесячных ожиданий. И надо было заплатить 20 долларов. И каждый год в декабре надо было явиться в консульство, чтобы сотрудник консульства мог «удостоверить факт нахождения в живых». Этакий своеобразный «техосмотр»…

Я продолжал переписку. Последнюю бумагу получил 31

октября 1995 года. Председатель думского комитета по труду и социальной поддержке С.В. Калашникова сообщила мне, что Министерство социальной защиты населения и Пенсионный фонд подготовили законопроект, предусматривающий распространение действия закона от 2 июля 1993 года на всех граждан, выехавших из России до 1 июля. Законопроект направлен в Правительство для внесения в думу.

А МИД уведомлял меня, что закон от 2 июля распространяется и на военнослужащих.

ФЕВРАЛЬ-95

Февраль прошел, можно сказать, под знаком Арафата. Встречался с раисом три раза. Представлю его.

Арафат родился в августе 1929 года. По разным документам — 4-го или 24-го. Он утверждает — в Иерусалиме. Большинство исследователей называют Каир. Учился в Каирском университете. Имеет диплом инженера. В чине лейтенанта участвовал в Суэцкой кампании 1956 года. Потом жил в Кувейте, занимался строительным бизнесом. В 1959 году возглавил Движение освобождения Палестины, ФАТХ. Через десять лет — годы напряженной борьбы, политических интриг, маневрирования в вязкой эмигрантской среде — Национальный совет Палестины избирает Арафата председателем Исполкома ООП.[44] Подпольный псевдоним — Абу Аммар.

30 лет во власти, да еще в эмиграции, да еще на Ближнем Востоке — это мировой рекорд, свидетельство того, что Арафат — незаурядный, умный, хитрый, расчетливый политик. О нем мало что можно сказать как о человеке. Ведет аскетический образ жизни. Никаких хобби. Не пьет и не курит. Нет гарема. В 1992 году оформил брак с Сухой Тауиль (разница — 35 лет). В 95-ом у них родилась дочка.

«Палестинская революция» — вот его жизнь, его семья, его судьба.

Как и любой политик, Арафат, наверное, не раз ошибался. Но две его ошибки заслуживают упоминания. Он поддержал августовский путч, приветствовал ГКЧП. Понятно — почему: его вполне устраивал доперестроечный Советский Союз. Он поддержал Саддама Хусейна, когда тот захватил Кувейт. Понятно — почему: враг Израиля — его друг. Тем более Хусейн предложил вывести свои войска из Кувейта, если Израиль уйдет с оккупированных территорий, то есть отдаст их Арафату. В Израиле нервничали. Йоси Сарид писал тогда:

> «Надо надеть противогаз, чтобы не отравиться той вонью, которая исходит от позиции, занятой палестинцами относительно Саддама Хусейна. Объятия, в которые заключают друг друга Саддам и Ясир, не просто внушают отвращение, от них исходит угроза. Поколения палестинских лидеров делали все ошибки, которые только возможны. Они умудрялись даже совершить ошибки, которые, казалось бы, невозможно

совершить. Это повторяется и сейчас, с начала кризиса в Заливе».

Арафат не раз попадал в сложнейшие, критические ситуации. Отмечу только «пиковые нагрузки».

В «черном» сентябре 1970 года король Хусейн вышвыривает своего «брата» из Иордании.

В августе 1982 года израильтяне после 88-дневных боев вынуждают Арафата покинуть Бейрут. Шарон мог бы покончить с Арафатом, но американцы (неисповедимы пути политики!) раскрывают над ним зонт безопасности.

В декабре 1983 года мятежные фатховские офицеры с помощью «братской» Сирии атакуют Арафата в Триполи. Находясь в осаде, Арафат дает интервью французскому «Пари-матч»:

> «Сирийский режим преследует конкретную цель. Он хочет выступать в роли главной местной державы. А для этого желает держать в руках все карты, в частности — ливанскую и палестинскую. Фактически происходит сближение интересов Сирии, Израиля и США, состоящих в том, чтобы отказать в праве на существование сильной и независимой ООП, пользующейся полной политической самостоятельностью. Поскольку мы занимаем по этому вопросу непримиримую позицию, они пытаются нас ликвидировать. И поэтому-то я нахожусь здесь, осажденный одновременно сирийско-ливанскими силами и израильским военно-морским флотом».

Арафат и 4 тысячи его боевиков эвакуируются из Ливана на греческих судах под охраной французских военных кораблей (на всякий случай, чтобы израильтяне не пустили Арафата ко дну).

В 1992 году самолет, в котором находился Арафат, потерпел аварию над Ливией. 13 часов раненый Арафат ждал помощь в песках Сахары. Не знаю, правда или нет, но читал, что спасение пришло от израильского радиолюбителя. Он поймал сигналы бедствия и передал их в штаб-квартиру ООП.

У Арафата много врагов, и они не жалеют мрачных красок, рисуя его портреты. Вот, например, М. Аграман, «художник» из Израиля:

> «Из книг об Арафате, интервью с ним он предстает типажом, близким к Гитлеру (как ни банально сравнение). У него та же магнетическая власть над невежественной толпой, хотя он косноязычен, и его

арабский гораздо хуже, чем тяжеловесный немецкий бесноватого. Над фюрером смеялись Фейхтвангер, Брехт, Осецкий и другие интеллектуалы. Над Арафатом тихо смеются интеллектуалы с научными степенями. Массы думают иначе, потому что вождь говорит им то, что они хотят услышать. Арафат не уступает Гитлеру в умении распознать слабые звенья в психологии врага и сыграть на том, что враг связан нормами законов демократии».

У Арафата достаточно соперников, конкурентов внутри ООП. Иногда ему буквально наступали на пятки. Но он был непотопляем. Хотя многим — и в ООП, и за ее пределами — казалось, что он уже находится в положении того мавра, который должен уйти. «С этим человеком и его бесконечными прожектами, — говорил президент Асад, — мне приходится иметь дело уже не первый десяток лет. Самое лучшее, что он может сегодня сделать — это встать и уйти. Его время истекло, но, к сожалению, у него не хватает ума понять это».

У Арафата хватило ума понять: чтобы тебя не «ушли», надо менять курс.

15 ноября 1988 года 19-ая сессия Национального совета Палестины признала (через 41 год!) резолюцию ООН о разделе Палестины и провозгласила (опять же с опозданием на 40 лет) создание Государства Палестина. Одновременно были признаны резолюции Совета Безопасности

ООН №№ 242 и 338. Было заявлено, что террор «во всех его видах» отвергается. Арафат продолжил и закрепил эту линию, выступая 13 декабря в Женеве на 43-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, он обратился к израильскому народу: «Давайте примиримся. Давайте отбросим страх и запугивание. Давайте оставим позади войны, непрерывно бушевавшие в горниле этого конфликта в последние 40 лет. Давайте отбросим все угрозы войн в будущем, жертвами которых могут стать лишь наши и ваши дети. Давайте примиримся».

Арафат не всегда был последовательным (или, наоборот, был!?). В январе 1990 года, находясь в Ливии, он заявил: «Государство Израиль есть порождение Второй мировой войны, и оно должно исчезнуть, как исчезла Берлинская стена». Тут и не пахло «примирением». Но Арафата можно было извинить: инерция давит, не так-то легко менять стратегические ориентиры…

Возвращение в Газу окрылило Арафата. И не только в переносном смысле. За первые четыре года пребывания раиса в Газе, его личный самолет совершил 573 рейса, налетав в общей

сложность три миллиона километров. Арафат посетил 109 стран. Подсчитано, что истраченного горючего хватило бы для отопления всего сектора Газа в течение одного зимнего сезона.

Оказавшись в Газе, Арафат вынужден выписывать фигуры высшего политического пилотажа. Призыв «Давайте примиримся!» остается официальной линией. Но линия эта далеко не прямая. Часто (слишком часто, чтобы это было случайностью) Арафат делает заявления, заставляющие израильтян задуматься над его искренностью.

Все обратили внимание на выступление Арафата в Иоганнесбурге (ЮАР) 11 мая 1994 года. Говоря о соглашениях с Израилем, он вспомнил о договоре, который пророк Мухаммед подписал в 628 году с курейшитами. Пророк обещал курейшитам мир на 10 лет. Но через два года передумал, вырезал все племя курейшитов и захватил Мекку. Вот и мы, сказал Арафат, принимаем соглашение с израильтянами «только для того, чтобы проложить наш путь к Иерусалиму». Эта аналогия вряд ли могла воодушевить израильтян…

21 октября 1996 года Арафат произнес пламенную речь в лагере беженцев Дегейша: «Мы знаем только одно слово — джихад, джихад, джихад!.. Мы находимся в конфликте с сионистским движением и протестуем против Декларации Бальфура и всей деятельности империалистов». Не трудно понять, что «против Декларации Бальфура» означает — против еврейского государства в Палестине.

Можно возмущаться такими речами Арафата. Можно упрекать его в двуличии. Однако политика имеет свою логику. Мирный процесс зашел настолько далеко, что приходится принимать Арафата таким, каков он есть. Арафат понимает это…

Должен признаться, что я недооценил степень выживаемости и политический потенциал Арафата.

> Арафат, — писал я в Москву где-то в начале 1994 года, — разумеется, незаурядный человек, классик, если угодно, восточной, «византийской» политической школы, где правят бал интриги, жестокость и ложь. И где цель оправдывает средства. Сумев выжить, выдержать три десятилетия эмиграции, борьбы за лидерство и встать рядом с президентом США, Арафат доказал свои недюжинные способности. И, на первый взгляд, 13 сентября представляется его победой.
>
> На самом же деле перед нами — пиррова победа, поражение Арафата. Ибо он не смог решить главную задачу своей жизни — уничтожить «сионистское

образование». Он не смог создать не то, что «единую демократическую Палестину», но даже суррогат такой Палестины — буферное мини-государство между Израилем и Иорданией. Уступки, на которые был вынужден пойти Арафат, чтобы подписать соглашение с израильтянами, по существу перечеркивают все принципы «палестинской революции».

Арафат, несомненно, понимает это. И он стремится во что бы то ни стало обратить поражение в победу, истолковать Декларацию о принципах как шаг на пути к к образованию независимого палестинского государства. Отсюда — его заявления, противоречащие сути Декларации. Отсюда же — попытки добиться на переговорах своего рода суверенитета по частям (армия под видом полиции, контроль за пересечением границ и т. д.). Отсюда, наконец, — бурная дипломатическая активность, которая призвана продемонстрировать авторитет Арафата, его причастность к высшим слоям мировой политической элиты.

Однако лед, на котором Арафат выписывает фигуры высшей степени сложности, тонок и становится все тоньше.

Во-первых, ближайшее окружение Арафата тяготится приказным, безапелляционным стилем руководства со стороны своего шефа. Возмущаются тем, что Арафат, чтобы сохранить единоличный контроль над поступлением финансов, назначил себя главой Ассоциации экономического самообеспечения («Самид»). Отмечается явное нежелание допустить к управлению автономией знающих, компетентных людей.

Во-вторых, падает авторитет «президента» и на территориях. Особенно среди молодежи, которая поворачивается к Хамасу и «Исламскому движению». Проявляет признаки непослушания и местная палестинская знать. Израильские власти опасаются, что появление Арафата в Газе и в Иерихоне поставит на первый план проблему его безопасности.

Поскольку израильтяне ни в коем случае не отступят от своих позиций, касающихся безопасности Израиля, для Арафата куда ни кинь, везде клин. Если переговоры с израильтянами сорвутся, Арафат станет объектом критики «справа», со стороны прагматически настроенных кругов ООП, сила которых растет. Если же переговоры закончатся успешно, Арафат окажется под

боем «слева», со стороны экстремистского крыла палестинцев.

Реалистически оценивая обстановку, было бы правильно исходить из того, что Арафат как политическая фигура, как лидер палестинцев принадлежит в основном прошлому. Время, события обгоняют его. Практически это означает, что уже сегодня было бы полезно, сохраняя внешне полную лояльность по отношению к Арафату, более пристально вглядеться в его ближайшее (и не совсем) окружение и постараться наладить контакты с его возможными «наследниками».

Все констатации вроде бы и правильные. Но вывод оказался слишком поспешным и не слишком реалистическим. Арафат сумел овладеть событиями и оседлать время. А вот на какое время — теперь уж не рискну сказать.

Первая февральская встреча с Арафатом состоялась 3-го числа, последняя — 17-го. Арафат вернулся из Каира, где по инициативе Египта собиралась «четверка» (Мубарак, Рабин, король Хусейн и Арафат). Разочарован. Там было «три против одного». Но «одним» был не Рабин, «одним» был Арафат. Ни по одному вопросу Рабин не уступил. Му-барак с Хусейном вроде бы давили на него, но он не поддавался. Что дальше? «Я — пессимистический оптимист», — сказал Арафат.

Коснулись Палестинской хартии. Арафат сердился. «Никто же не требует, — говорил он, — чтобы Израиль изменил текст Торы. А ведь там сказано, что «Земля израильская» расположена между Нилом и Евфратом. И потом — израильтяне сами не выполняют свои обязательства. «И нечего давить на меня!»

7 февраля был принят Греческим православным Патриархом Иерусалима Диодором I. Его резиденция расположена в христианском квартале Старого города. Внешне довольно неказистый дом. Внутри — хоромы, настоящий тронный зал. Патриарх, величественный старец весь в чем-то золотом, сидел на троне. Переводил митрополит Тимофей, выпускник Ленинградской духовной академии. Человек, приятный во всех отношениях.

Формальным поводом было обсуждение планов встречи 2000-летия Рождества Христова. По существу же меня интересовал участок земли в Иерихоне (Эль Бирке). Москва требовала «жать» на Арафата. Я «жал». Тем временем в палестинской газете «Эль Кудс» появилось сообщение, что против передачи этого участка России выступает Диодор, поскольку, как он считает, англичане отписали эту землю «белой церкви». И поэтому Арафат тянет.

Диодор решительно отмежевался от сообщения газеты: «Эта земля к нам никакого отношения не имеет».

На встрече присутствовал молчаливый, незаметный человек, оказавшийся, как потом выяснилось, своего рода связным между палестинцами и Диодором. Он пояснил в конце беседы, что администрацию Арафата смущает тот юридический факт, что участок Эль Бирке принадлежал не государству, а Российскому Императорскому палестинскому обществу.

С Диодором мы встречались и у него на «даче» в Иерихоне. Райские кущи. Поют петухи и муэдзины. Философствовали на разные отвлеченные темы. К Эль Бирке больше не возвращались.

А история с Эль Бирке раскручивалась очень не спешно.

Мы, как всегда, не очень вникали в юридическую сторону дела и требовали от Арафата «политического решения». Такое решение последовало 1 апреля. В ходе встречи с Козыревым Арафат торжественно объявил, что он «дарит» этот участок России (довольно большая территория, сад и старая развалюха). Через несколько дней наш главный «связной» с Арафатом посетил Иерихон. Там и слыхом не слыхивали о «подарке».

Надо было все-таки переносить политическое решение на юридическую почву. Арафат не спешил. 16 мая я спросил его, когда мы можем получить ключи от участка и начать его практическое освоение (хотя мне было абсолютно непонятно, о каком «освоении» может идти речь) «Нет проблем», — ответил Арафат. Но свита подправила: есть «кое-какие накладки». Обещали устранить их за один-два дня.

К июлю «накладки» еще оставались. 4 июля Арафат сказал, что осталось отрегулировать «рутинные детали». А свита снова заверила, что ждать осталось «совсем немного».

В августе в Газе было открыто российское представительство и проблема Эль Бирке ушла с моих горизонтов. Она была решена в начале октября 1996 года. «Акт возвращения России одного из ее владений на палестинской земле, — заявил 3 октября директор департамента информации и печати МИДа России Григорий Карасий, — мы рассматриваем как значительное событие, подтверждающее прочность исторических связей между российским и палестинским народами, между Россией и Палестинской национальной администрацией». Возможно, так оно и есть. Но мне было как-то не по себе вымогать у Арафата этот кусочек земли.

Кажется, земля эта, которой мы так энергично домогались, до сих пор не используется нами.

В том же октябре в МИДе возникла идея получить еще какие-либо участки земли на территории «автономии» в счет оплаты

долгов «посольства Государства Палестина» в Москве. Формально это уже меня не касалось. Но я все-таки высказался по поводу «нравственной ущербности» этой затеи. Ответ не помню. Кажется, мне разъяснили, что это «сам Арафат» придумал…

В посольство поступило обращение к президенту России от члена Кнессета Гидеона Саги. Речь шла о так называемом «деле Сегала». Анатолий Сегал — израильский («русский») стоматолог и бизнесмен, поставлявший медицинское оборудование в Челябинск. 28 декабря прошлого года он был арестован на основании Указа «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности». Месяц сидел без предъявления конкретного обвинения. Потом предъявили: ст. 147 («присвоение либо растрата чужого имущества, вверенного обвиняемому»).

Саги просил Ельцина «принять участие в судьбе доктора А. Сегала» и выражал надежду, что «все предусмотренные законом меры для облегчения его положения будут приняты». К подписи Саги присоединили свои подписи еще 34 члена Кнессета.

Направляя обращение в Москву посольство просило крайне внимательно отнестись к нему. Как минимум, писали мы, следовало бы избрать другую меру пресечения и, — если закон это позволяет, — до суда освободить Сегала из-под стражи.

В связи с «делом Сегала» в Израиле 24 февраля появился («нелегально»!) уже упоминавшийся Поляков, который служил советником-аналитиком в администрации президента. По его словам выходило, что Сегала посадили, чтобы выбить из него компромат на мэра Челябинска. Поляков был на стороне мэра и приехал в Израиль, чтобы отсюда усилить нажим в пользу освобождения Сегала. Сдается, что обращение Саги как-то было связано с деятельностью Полякова

Поскольку я полагал, что независимо от разборок в Челябинске с Сегалом поступают незаконно, то попросил президента Вейцмана вмешаться и написать Ельцину. Начальник канцелярии президента сообщил мне, что 17 марта в Москву летит Бенцур разбираться с Сегалом.

Не знаю уж под чьим влиянием, но 17 марта Сегала выпустили под подписку о невыезде. Но он, посидев, за здорово живешь два с лишним месяца в камере, утратил веру в российское правосудие и сбежал в Израиль. И, наверное, правильно сделал…

МАРТ-95

Визит Шумейко. С кем и куда ходить в Иерусалиме — Что такое Сохнут? — Наши шпионы в Израиле — «Зачастую еще пожирая друг дружку живьем…»

Март начался трудными переговорами в связи с предстоящим визитом Председателя Совета Федерации В.Ф. Шумейко.

МИД Израиля энергично настаивал на том, чтобы при посещении Старого города (он расположен в Восточном Иерусалиме) действовали «обычные правила израильского протокола» — высокий гость посещает Святые места в сопровождении израильских официальных лиц. Об этом я разговаривал с заместителем Генерального директора МИД Израиля И. Шером еще 20 февраля.

Моя логика не отличалась изысканностью. С точки зрения международного права, Восточный Иерусалим (а значит и Старый город) — оккупированные территории. И с этой же точки зрения, статус Иерусалима вообще еще не определен. Шумейко может пойти к Гробу Господню как частное лицо, как верующий человек. Мы не можем согласиться на официальное сопровождение, ибо это означало бы признание израильской позиции по отношению к Иерусалиму. А поскольку Россия — коспонсор, ей негоже идти поперек юридических конструкций и мирового общественного мнения. Спорили долго. Я сказал Шеру: «С удовольствием приду к Вам в гости, но почему Вы должны обижаться, если я не люблю фаршированную рыбу».

В конце концов, израильская позиция была сведена к нескольким пунктам.

> Шумейко может посетить христианские святыни Старого города как он хочет — один или в сопровождении православных духовных персон.
>
> Посещение еврейской и мусульманской святынь предполагает официальное израильское сопровождение.
>
> Если Шумейко не согласен на сопровождение, возможен «вариант Клинтона» — не посещать Старый город вообще.
>
> Если же Шумейко отклонит израильские рекомендации, это будет рассматриваться как нарушение сложившихся процедурных обычаев и вызовет разочарование в Израиле.

Посольство рекомендовало Москве отклонить израильский вариант и настаивать на праве православного человека—в свободное от программы время, в качестве паломника — посещать святые христианские места Старого города без официального сопровождения. Это же относится к другим частям Старого города (иудейские и мусульманские святыни). Иначе мы создадим прецедент на все последующие визиты.

Разумеется, — писали мы, — это вызовет здесь недовольство, кислые физиономии. Возможен шум в прессе. Возможно сужение участников нашего приема. Но следовало бы проявить твердость и раз и «навсегда» снять эту проблему.

3 марта прибыла «передовая группа» для отработки порядка и деталей визита. Наглые, хваткие, «крутые» мужики. Требовали для шефа почестей по первому разряду (помню — много мотоциклов). Настаивали на предварительном просмотре списка приглашенных на прием. Привели израильтян в полное изумление, потребовав письменной гарантии доброкачественности пищи. С серьезным видом изучали маршрут передвижения Шумейко. Предупредили, что для супруги особой программы не нужно — только магазины и алмазная биржа.

Относительно Иерусалима они предложили такое решение. Давайте скажем израильтянам, что согласны с ними. А потом он «вдруг» передумает и поедет, как хочет. Все это было смешно и грустно. Но мне новая генерация «обслуги» была интересна. Пригласил их в Савьон поужинать. Но они, к сожалению, не были интересны.

Владимир Филиппович Шумейко в сопровождении 20 человек свиты и 6 журналистов прибыл 6 марта. Три мотоциклиста вместо желанных пяти. Началась гонка, слава Богу, почти без препятствий.

Первый номер программы — Кнессет. Почетный караул. Барабаны. Возложение венка. Разговор со спикером Кнес-сета Вайсом. Галерея для гостей. Шло заседание. Кто-то произносил речь. В зале было не больше десяти человек. Шумейко удивился… Там же в Кнессете поговорили с Пересом. Из Кнессета — к президенту. И обратно в кнессет на обед (в смысле — на ужин) к Вайсу. Первый тост поднял Вайс: «За Красную армию!» Потому что приближалось 50-летие Победы.

На следующий день — мэр Иерусалима Ольмерт, посещение мемориального комплекса Яд Вашем, беседа с Рабином. Трапеза в Духовной миссии с архимандритом Феодосием и с ним же — в Старый город к Гробу Господню. В нехристианские части Старого города Шумейко не пошел. Чтобы не обострять.

Но журналисты что-то пронюхали. В газетах были заголовки

типа «Скандальный гость Владимир Шумейко». Хотя все было как раз наоборот — гость оказался покладистым. И не только покладистым, но и умеющим здраво и осмысленно рассуждать. Что не всегда случается среди нашей «элиты». Однако хозяева явно были недовольны, что гость не принял их сопровождение. На прием, который устроил Шумейко, не явился ни один израильский министр. Зато блистали наши посольские дамы…

8-го утром Шумейко улетел. «Здорово, — сказал он, — у вас. Никого не видно, никакой суеты, а все идет как по маслу». Мне было приятно. Одарили нас большой коробкой с буханками черного хлеба и парой ящиков с шампанским и сухим вином. Тут же раздали отличившимся в качестве премии.

Кстати, Шумейко был единственный визитер, который, вернувшись в Москву, прислал нам благодарственное письмо.

12 марта посетил нового Председателя правления Еврейского агентства (Сохнута) Авраама Бурга. Он принадлежит к группе сравнительно молодых фрондирующих политиков Аводы, атакующих верхи партии с либерально-демократических позиций. Энергичен. Умен. Самоуверен. Бург относит себя и своих друзей к «третьему поколению». Первое — это поколение, к которому принадлежат Рабин и Перес. Оно смогло себя реализовать. Но слишком долго задержалось у власти и перекрыло дорогу следующему, второму поколению политиков типа Шитрита или Цабана. Второе поколение упустило свой шанс. Мы, третье поколение, «перепрыгиваем» через них и идем к власти. Мы олицетворяем переход Израиля от «квазипролетарской олигархии» к «неокапиталистическому обществу равных возможностей».

Бург не согласен с теми, кто толкует о кризисе сионизма, о том, что Сохнут изжил себя. Сионизм прошел стадию мечты (до создания Израиля), стадию практики (становления Израиля). Теперь наступает стадия синтеза — мечта, скорректированная практикой, сплетается с практикой, одухотворенной мечтой. «Я пришел сюда не для похорон Сохнута, а для его реанимации». Главная задача — наладить динамичный обмен жизненными силами между диаспорой и Израилем.

Мне потом неоднократно приходилось встречаться с Бургом и его сотрудниками. Тем более, что с Сохнутом связан один из острых периодов во взаимоотношении наших стран.

Что такое Сохнут?

Так принято называть Еврейское агентство для Израиля («сохнут» на иврите и есть «агентство»). Сохнут был учрежден в Цюрихе в 1929 году. Задача — организация заселения Палестины, помощь беженцам, поселенцам. После образования Израиля

функции Сохнута усложнились. К прежней — привлечение евреев в Израиль — добавилась новая: помощь евреям диаспоры (изучение иврита, еврейское образование, поддержание еврейских традиций) с целью затормозить ассимиляцию евреев, предотвратить исчезновение еврейских общин.

Сохнут — мощная, богатая, влиятельная структура, крепко связанная со Всемирной еврейской организацией. В Израиле она является объектом борьбы между Ликудом и Аво-дой. Одна из предвыборных ликудовских листовок называлась «Сохнут и Авода: над пропастью во лжи». Там говорилось: «Непомерно раздутый штат. Растущие оклады чиновников. Праздные вояжи за рубеж. Разве это не доказательство того, что Еврейское агентство окончательно переродилось в социалистический заповедник для избранных?!»

Посольство мало интересовали интриги вокруг Сохнута и внутри него. Озабоченность вызывал характер деятельности Сохнута в России. К тому времени на территории Федерации работали 47 уполномоченных агентства (17 в Москве, остальные — в регионах). Бюджет отдела, занимающегося Россией и другими странами СНГ, вырос с 2.5 миллионов долларов в 1989 году до 15 миллионов в 1995 году. Создавались школы для изучения иврита, проводились семинары для преподавателей таких школ, организовывались летние лагеря для детей и студентов, открывались молодежные клубы. «Конечный продукт» — репатриация около 4000 человек в месяц.

В демократическом обществе деятельность Сохнута в принципе не должна встречать возражения. Вместе с тем очевидно, что — опять же в принципе — эта деятельность, как и деятельность любой иностранной структуры на территории России, не должна быть бесконтрольной, не должна осуществляться вне установленных законом организационно-правовых рамок.

> Не знаю, — сообщал я в Москву, — есть ли эти рамки сегодня и каковы они. Но точно знаю, что в начале своей деятельности Сохнут предпочитал не замечать их. «Сохнут, — пишет Б. Гур, стоявший у истоков отдела России и СНГ, — внедрился в Россию в 1989 году и сумел вписаться в некую нишу благодаря децентрализации и полной неясности в вопросе о том, что разрешено и что запрещено… Играть на децентрализации было для меня делом не простым: ведь все предыдущие годы меня учили, что в СССР ничего невозможно сделать, минуя Москву». Сохнут, как мне

представляется, и по сей день успешно минует всякого рода контрольные процедуры и действует в «режиме автономии», который пока и не снился Арафату. Из здешних разговоров складывается такое впечатление, что количество степеней свободы у эмиссаров Сохнута устанавливается ими самими. Я подчеркивал: мы, кажется, усвоили, что каждый человек вправе жить в той стране, где он хочет жить, и поскольку Сохнут помогает евреям реализовать это право, его деятельность соответствует принципам демократического правосознания. Но кроме принципов важна еще мера. Мера, которую. Сохнут, на мой взгляд, нарушает. Что противоречит интересам России.

В общем, полагало посольство, теперь, когда жизнь настоятельно требует формирования правового порядка, когда еврейские общины России постепенно встают на ноги, прежние вольности Сохнута становятся анахронизмом. Пришло время, избегая конфронтационных заявлений, резких, грубых движений, четко обозначить правовой статус и поле деятельности Сохнута.

Москва действовала в привычной манере. Никакой реакции не последовало. Так что не знаю, какую роль в последующем развитии событий сыграли мои советы. Одно могу сказать точно: совет не делать резких, грубых движений был игнорирован. Мы действовали в том же ключе, как милиционеры в Шереметьево.

3 апреля 1996 года Министерство юстиции РФ разослало во все российские города и веси бумагу, где говорилось:

«Ставим вас в известность, что Министерством юстиции РФ распоряжением № 19-47-22-96 от 2 апреля 1996 года отменена регистрация представительства Еврейского агентства для Израиля («Сохнут») в Москве, поскольку представительство не является юридическим лицом и его деятельность не отвечает требованиям действующего законодательства России». Руководителям органов юстиции на местах предписывалось принять меры к «аннулированию» положений (уставов) отделений Сохнута и уполномоченных Сохнута и к «прекращению их деятельности».

Но только на следующий день Минюст направил уведомление об отмене регистрации Директору представительства Еврейского агентства для Израиля Х.Чеслеру.

Ему сообщалось, что «представительство считается прекратившим свою деятельность». Одновременно предлагалось «привести деятельность представляемой Вами организации на территории России в соответствие с законодательством страны пребывания».

Русскоязычная пресса встретила новость из Москвы нервно. Заголовки: «Примаков в действии!», «Россия указывает Сохнуту на дверь». Вместе с тем можно было прочитать и следующее:

> «Не исключено, — писала Ривка Рабинович во «Времени», — что и сам Израиль немножко виноват. Очень уж бурную деятельность он и зарубежные еврейские организации развили в России. Читая о школах, семинарах, летних молодежных лагерях, о деятельности Сохнута и «Натива», о проникновении в глубинку, вплоть до Камчатки, в поисках евреев — потенциальных олим, я, признаюсь, не раз подумывала про себя: долго ли российские власти все это будут разрешать? Какому государству понравилось бы, чтобы у его граждан развивали двойную лояльность? Не лучше ли проявлять умеренность, дабы не вызывать на себя огонь?»

Однако то, что приходило в голову Ривке Рабинович, не беспокоило руководителей Сохнута…

22 апреля встретился с Бургом. Он подчеркнул, что не рассматривает случившееся как кризис в российско-израильских отношения. Сохнут — не государственная, а общественная организация. Перерегистрация — не политическая, а чисто техническая проблема. На это я возразил, что если бы мы имели дело с чисто технической проблемой, то вряд ли понадобилась бы встреча с послом. Деятельность Сохнута на территории России, работа с российскими гражданами — при всей своей гуманитарной направленности — не может не иметь политических измерений. Поэтому важно, чтобы Сохнут полностью вписался в российские правовые рамки. Бург заверил, что для него здесь нет проблемы и просил не тянуть с перерегистрацией.

Сохнут передал документы для перерегистрации 15 мая. 16 мая состоялся очередной разговор с Бургом. Он просил не выходить за пределы 30-дневного срока, положенного на перерегистрацию. Конечно, сказал он, в работе Сохнута могли быть отдельные сбои и нарушения, но беда в том, что Минюст, говоря о нарушении законодательства, ни разу не сослался ни на один конкретный случай. Это производит впечатление предвзятости. Бург вновь говорил о том, что Сохнут намерен

строжайшим образом соблюдать все законы России. Я просил Бурга учесть, что кроме политического и юридического аспекта проблемы есть и аспект психологический. Сохнут способствует отъезду из России многих умных, талантливых, хороших людей. Это встречает внутреннее сопротивление в обществе. И не может не сказываться на атмосфере вокруг Сохнута.

Развязка наступила 17 октября 1996 года. В этот день Сохнут получил разрешение на деятельность в России. Но не как иностранная организация — Еврейское агентство для Израиля. А как общероссийское общественное объединение российских и израильских граждан — «Еврейское агентство в России».

Возможно, слово «кризис» слишком сильное для данной полосы выяснения отношений. Но приятного было мало.

Сохнут надо было привести в чувство и поставить в строгие и точные правовые рамки. Но сделано это было топорно, грубо. Думаю, что в истории с Сохнутом сказалось накопившееся в Москве раздражение, вызванное наличием «двойного дна» в политике Израиля, расхождением между благостными словами и делами несколько иного свойства. Сказались, наверно, и выборы в России, когда жесткость по отношению к Израилю использовалась почти как козырная карта…

22 марта было сообщено об аресте советского (и российского) шпиона Валерия Каменского. Руководитель Шабака Яков Пэри заявил, что это 60-й агент бывшего Советского Союза, отловленный в Израиле за последние 25 лет.

Вообще шпионы не по части легальной дипломатии. Но иногда приходилось ими заниматься. Чаще — наблюдать и переживать. О Калмановиче я уже рассказывал. Теперь — более общий взгляд.

В израильских газетах регулярно публикуются (от имени «Государства Израиль») стандартные объявления: «Граждан, располагающих сведениями о деятельности бывших органов советской разведки против Государства Израиль, просим обратиться по телефону 03-5271397. Ваше обращение будет сохранено в тайне». Не знаю, обращаются ли законопослушные граждане Израиля по указанному телефону. Но предполагаю, что люди, из месяца в месяц читающие этот лаконичный, но выразительный текст, постепенно начинают с испугом оглядываться по сторонам и приглядываться к соседям. Так провоцируется шпиономания, сеются семена подозрительности и недоверия к России.

К сожаление, над всхожестью этих семян хлопочут и некоторые российские граждане. 11 октября 1996 года в субботнем приложении к газете «Гаарец» под названием «Мы

внедрили в Израиль сотни агентов» было опубликовано интервью с бывшим генералом бывшего КГБ Калугиным. Калугин заявил, что в 70-е годы только через его руки прошли 200 агентов, засланных в Израиль под видом репатриантов. Калугин рассказал о том, что тогда резидент советской разведки служил завхозом в Русской Духовной Миссии. В 1988 году он добровольно сдался израильским властям, что привело к провалу нескольких человек. [45]

Мне рассказывали, что под откровения Калугина Шин-бет (израильская контрразведка) воспрял духом и потребовал увеличить бюджет. Вдоволь порезвились и юмористы. Еженедельник «Секрет» обратился к «господам засланцам» с призывом «выйти дружными рядами» и протянуть руки, для того, чтобы на них «надели наручники». Сдаться добровольно. Желающих, сдается мне, не было…

Когда я приехал в Израиль, писали о нескольких советских разведчиках, находившихся в израильских тюрьмах.

О Калмановиче читатели знают.

Профессор Маркус Клинберг. Репатриировался в 1948 году. Работал в институте биохимии. Занимался химическим и биологическим оружием и средствами защиты от него. Был арестован в 1983 году и получил 20 лет. Однажды ко мне заходила его дочь. Она живет в Париже и не говорит по-русски. Тему Клинберга я затрагивал один раз, ссылаясь на его возраст и здоровье. Обещали «подумать». Пошли слухи, что его вроде бы собираются досрочно освободить. Но с условием, что он будет сидеть дома под постоянным наблюдением и сам оплатит слежку за собой (300 тысяч шекелей в год). Говорят, что Клинберг отказался. Был выпущен из тюрьмы осенью 1998 года. Фактически находится под домашним арестом.

Роман Вайсфельд. Инженер-электрик. Репатриировался в 1980 году. Работал на предприятиях военной промышленности. Имел отношение к ВВС. В 1989 году приговорен к 15-ти годам.

Григорий Лундин. Репатриировался в 1973 году из Белоруссии. Работал в военной промышленности. Занимался бронетехникой. В 1988 году ему дали 13 лет.

В апреле 1993 года к президенту Израиля обращался Председатель Верховного Совета Беларуси Станислав Шушкевич. В июне 1995 года к Рабину обратился Александр Лукашенко. Но если я не ошибаюсь, их письма — по причинам, о которых мне трудно судить — так и не были переданы адресатам.

Я подключился к делу Лундина после встречи с его дочерью Сусанной, которая в 1992 году с семьей переехала в Израиль, чтобы быть ближе к отцу. 16 марта 1995 года говорил о Лундине

с Вейцманом. Просил помиловать его к 50-летию Победы. Потом говорил однажды с Рабином. Но чувствовал, что не встречаю понимания. Уверен, что по своим каналам за Лундина хлопотала наша разведка.

В августе 1996 года Лундин обратился к Секретарю Совета Безопасности Лебедю. А 6 октября написал письмо Примакову. Последняя фраза: «Обращаю Ваше внимание, что всегда был и остаюсь верным сыном отечества и в моем провале — не виновен».

29 октября комиссия по досрочному освобождению при Управлении тюрем решила сократить на одну треть срок заключения Лундина. Это означало, что он выходит на свободу. Лундина выпустили под подписку о воздержании от контактов с представителями прессы. Мне не удалось встретиться с этим мужественным человеком.

Уже при мне в 1993 году посадили Шимона Левинзона, который занимал высокий пост в военной разведке.

В июне 1996 года арестовали бывшего главного тренера сборной Израиля по теннису Александра Раделиса. Он прекратил сотрудничество с КГБ еще в 1988 году. Но за старые грехи получил четыре года.

В ноябре 1996 года арестовали работника израильской Электрической компании Анатолия Гендлера. В Израиле с 1981 года.

Каждый арест — неприятность для посольства. Лишний повод протрубить в трубы тем, кто хотел бы свернуть, подморозить сотрудничество с Россией. Израильтяне, с которыми я общался, понимали, конечно, что посол тут ни при чем, но все-таки смотрели с укоризной. Да и арестованных жалко — на Россию работали.

Последний при мне акт шпионской драмы развернулся в декабре 1996 года. Состоялось заседание комиссии Кнессета по алие и абсорбции с повесткой дня «Шпионы-олим из бывшего СССР». Наоми Блюменталь, председатель комиссии, приходила ко мне и приглашала на заседание. Я выразил сомнение в целесообразности обсуждения столь деликатного вопроса на столь непрофессиональном уровне. Но обещал подумать. Посоветовался с «соседями» и не пошел, сославшись на занятость. [46]

На заседании комиссии разгорелся скандал. Большинство ее членов выступили резко против обсуждения указанной темы. Они обвинили Блюменталь в уходе от действительных проблем, волнующих репатриантов, и в погоне за «жареными фактами». «Я не вижу здесь ни одного компетентного чиновника, который мог

бы прояснить ситуацию по поводу шпионажа выходцев из СНГ, — заявил Й.Сарид. — А раз нет предмета обсуждения, то и заседание продолжать не стоит. Не стоит делать цирк из нашей работы. Быть может, данный спектакль больше подходит для театральной постановки в Иерусалиме или в Беэр-Шеве» (Блюменталь когда-то играла в беэр-шевском театре). Кончилось тем, что все члены комиссии, произнеся осуждающие речи, покинули зал заседаний.

Ловля шпионов нервировала «соседей». Они повышали бдительность и предупреждали меня, что израильские спецслужбы кружат вокруг посольства и ищут слабые места, щели для проникновения.

Тема повышения бдительности, борьбы с возможной «разработкой» работников посольства стала все громче звучать из Москвы. Пришло указание об организации «централизованного учета связей сотрудников загранучреждений с иностранцами». Каждый работник посольства (и дипломаты, и административно-технический персонал) должен был после каждого контакта с любым иностранцем сдавать письменную рапортичку (по специальной форме) в посольство. Посольство должно было отсылать эти рапортички в Москву. Там должны были обрабатывать их на компьютерах и по частоте появления тех или иных фамилий выявлять коварные замыслы. Обещали прислать инструкцию — и с Богом!

Меня эта затея расстроила и возмутила. Сел писать свое неправильное мнение. Пугал возврат к тем временам, когда всех иностранцев считали потенциальными шпионами, а всех «совграждан» потенциальными предателями. Если согласиться с предлагаемым порядком, то «загранучреждения» превращаются в подсобный цех разведки.

А вот чего нам, действительно, не хватает, так это централизованного массива данных о дипломатических службах и политических элитах. Скажем, появляется новый посол (или дипломат иного ранга) Иордании или Франции, и было бы весьма полезно тут же получить из МИДа развернутую справку о нем. Посольства могли бы пополнять этот массив новыми данными. Это же относится и к политической элите. Нужны методика набора сведений и программа машинной обработки их.

Мои сотрудники убедили меня не отправлять телеграмму. По первому пункту, потому что сам собой увянет — никто не будет возиться с программой и методиками. Так оно и вышло. А по второму, — то же самое. Зря, выходит, старался…

И снова вынужден говорить о склоках. Надеюсь, в последний раз. Не то, чтобы мы превращались в террариум. Но степень

склочности возрастала. Неприятно и неловко об этом писать, но, к сожалению, некоторые сотрудники выступали в качестве своего рода «источников повышенной опасности». Возможно их мучил комплекс неполноценности, и они утверждали себя или делая пакости другим, или крайне болезненно, на уровне квартирной ссоры реагируя на ущемление (часто мнимое) их прав. Вокруг них клубились какие-то облака недоброжелательности, неприязненности.

Имею в виду трех человек.

Бухгалтер Дмитрий Сергеевич Крылов. Тихий такой. Толковый работник. Очень четко фиксировал всякие несуразицы и сомнительные места в проектах договоров, которые составлялись на предмет строительства жилого дома. Держал свое хозяйство в полном порядке. Но все время на него жаловались. По мелочам, по пустякам каким-то обижал людей. Там, где мог проявить свою власть.

Вот что я написал в характеристике:

> «Д.С. Крылов работал старшим бухгалтером посольства РФ в Израиле с апреля 1994 г. по август 1996 г. За это время показал себя как знающий дело специалист. К работе относится добросовестно. Удовлетворительно владеет техникой бухгалтерского учета.
>
> К профессиональным минусам Д.С. Крылова можно отнести боязнь самостоятельных решений, склонность по любому поводу «советоваться» с ВФУ.
>
> В более широком плане уязвимым местом Д.С. Крылова является неумение сочетать необходимую требовательность с поддержанием ровных, доброжелательных отношений в коллективе.
>
> Д.С. Крылов может быть рекомендован для работы в системе МИД РФ, но желательно, чтобы эта работа была больше связана с бумагами, нежели с людьми».

Более трудный случай — 1-й секретарь Михаил Ильич Якушев. Прекрасно знает арабский. Но дипломат, по-моему, средний. Истовость, надрыв, глаза горят, но — в свисток.

Очень обидчив. Пришел как-то жаловаться на коллегу, правда, меньшего чина: «Он меня на… послал, а я — старший дипломат!» — «Какой же Вы «старший», если Вас младшие посылают?» Поговорили…[47]

Его жену сократили из информационной группы. Пишет мне заявление: «В связи с вопиющим актом незаконного и безосновательного увольнения моей супруги Якушевой Тамары

Низамиевны из консульского отдела, причем без объяснения ей мотивов подобного шага, прошу Вас, Александр Евгеньевич, лично вмешаться в возникший производственный конфликт, который наносит мне и моей семье непоправимый моральный и психологический урон, не способствуя и оздоровлению климата в коллективе посольства». Тут я был виноват, проморгал «вопиющий акт». Но поднять на такую высоту — в этом весь Якушев.

Просит поставить ему сейф. Пишу на заявлении Якушева резолюцию завхозу: «Прошу поставить». Завхоз кладет свою резолюцию: «Проверкой установлено, что из 20-ти штук сейфов в посольстве и консульстве все используются по назначению. Установить сейф (дополнительно) не имею возможности». Говорю это Якушеву. Истерика: какой же Вы посол, не можете заставить завхоза?! Детский сад, да и только.

Мелочи, пустяки, посольская бытовуха. Но через нее иногда лучше просвечивается суть человека. И не только пустяки. Нижние чины приходили с жалобами на то, что «старший дипломат» покрикивает, высокомерен, «унижает человеческое достоинство». Приходили и со сплетнями: Пересыпкин — мой друг, вот приедет послом, наведем здесь порядок…

Пытался говорить с Якушевым о такте, терпимости, вежливости. Отмахивался: банальные все это истины. Боюсь, трудно ему придется в жизни…

Но самый трудный случай — еще один 1-й секретарь, заведующий консульским отделом, Сергей Викторович Анненков. Внешне — представительный, солидный, импозантный человек. Умеющий хорошо держаться, знающий, что и как сказать журналистам. Профессионал. И в то же время — удивительно недоброжелательный к другим «человекам». Требовательность, перерастающая в самодурство. Очень субъективистское, «выборочное» отношение к сотрудникам, разделение их на «своих» и «не своих». Грубость, высокомерие — и по отношению к работникам (особенно — к «нелюбимым») консульства, и к посетителям. Десятки раз приходили ко мне и горько жаловались. Говорил жалобщикам: пока вы здесь, в моем кабинете, это — слухи, сплетни; давайте соберем собрание, встаньте, скажите открыто, и пусть Анненков ответит. Нет, не вставали и не говорили. Потому что боялись. Посол-то далеко, а он каждый день рядом. Мне было стыдно сидеть на собрании и видеть, как опускают глаза вниз молодые люди, которые накануне шептали мне на ухо, какой нехороший этот Анненков.

Только однажды я отреагировал на слухи. Когда мне стали говорить, что Сергей Викторович вместе с «соседями» собирают

на меня «компромат» (откуда деньги на школу, на чьи деньги лечится и в том же духе). Учинил разговор с полковником Котовым, который официально представлял у нас СВР. Юрий Васильевич слухи решительно опроверг. Весьма нелестно отозвался об Анненкове: комплексует, понимает, что его не любят, ушел в себя, пьет втихую, несерьезен, болтлив.

Моя характеристика выглядела так:

> «С. В. Анненков — опытный консульский работник достаточно высокой квалификации. Однако, констатируя это, хотелось бы высказать ряд замечаний, касающихся его служебных и человеческих качеств.
>
> С.В. Анненков, апеллируя к «здравому смыслу», ориентирует работников консульского отдела на нарушение существующего порядка оформления документов. Его логика проста: зачем соблюдать формальности, зачем гонять людей за разными справками, если все равно бумаги ежеквартально уничтожаются. Думается, что такая форма «борьбы с бюрократизмом» не приемлема в консульском учреждении.
>
> В обращении С.В. Анненкова с посетителями, — если верить многочисленным жалобам, — часто проскальзывают нотки высокомерия, недружелюбия, чиновничьего равнодушия. Такое поведение консульского работника создает у посетителей неверное представление об отношении России к репатриантам, к Израилю. Беседы с С.В.Анненковым на эту тему не дали результата.
>
> И, пожалуй, самое существенное. С.В. Анненков — негожий руководитель. Возможно, сказываются его некоммуникабельность, неумение (или нежелание) налаживать нормальные отношения с людьми, возможно — комплекс неполноценности, но он оказался не в состоянии создать в коллективе спокойную, товарищескую обстановку. Подчиненные боятся его, но вряд ли уважают. В посольстве он не пользуется авторитетом и вообще как-то незаметен.
>
> Полагаю, что С.В.Анненков может быть использован в Консульском Департаменте МИД РФ. Но желательно, чтобы в его подчинении было как можно меньше людей».

Я долго колебался — выходить ли на персоналии. Понимаю, что тем, кто здесь упомянут, будет неприятно читать мои заметки. Понимаю, что они не будут со мной согласны. Понимаю

и то, что в появлении «террариума» есть и моя вина. Не сумел, как сказали бы раньше, наладить воспитательную работу. Действительно, не сумел. Хотя даже к поэзии прибегал. На одном из собраний читал стихи Леонида Мартынова.

Это мы,
Все мы вместе,
В домах, водоемах, гнездовьях,
Зачастую еще пожирая друг дружку живьем,
Это мы
Надышали пастями и ртами
Свой воздух,
Это мы
Создаем атмосферу.
В которой живем…

Все-таки решил назвать фамилии. Чтобы читатели яснее представляли атмосферу, которую мы надышали. И с надеждой, что могут быть, что есть посольства, где атмосфера чище.

АПРЕЛЬ-95

Скандальный визит Козырева — Козырев: портрет без интерьера

Главное событие апреля — почти скандальный визит Козырева. Но начался этот визит еще в марте. И — календарно, и по причине сопутствующей суеты.

Отсчет суеты можно вести с 24 марта, когда мы получили указание обеспечить министру каждое утро теннис и бассейн. Что ж, здоровье — святое дело. Обеспечили. Долго, понукаемые частыми, но ненужными звонками, верстали программу. Сверстали.

Особняком стоял вопрос о посещении Фейсала Хусейни в Восточном Иерусалиме. Хусейни, с которым я встречался 28 марта, был настроен решительно: только Козырев и только в «Ориент хаусе». Я сказал, что по понятным причинам вряд ли это возможно. Но министру доложу.

Незадолго до этого в Израиле был премьер-министр Великобритании Дж. Мейджор. Британский посол Р. Берне рассказывал мне, что палестинцы и израильтяне тянули премьера в разные стороны. Мейджор решил в «Ориент хаус» не идти, встретился с Хусейни в помещении английского Генерального консульства в Восточном Иерусалиме, а в «Ориент хаус» отрядил высокопоставленного мидовского чиновника.

Для нас такого варианта не было, поскольку не было Генерального консульства в Восточном Иерусалиме. Посольство рекомендовало Козыреву с Хусейни не встречаться, в «Ориент хаус» послать любого по его выбору. Рекомендация была принята. В «Ориент хаус» ездил Посувалюк.

Самолет с Козыревым ожидался в пятницу 31-го марта в 16.00. Вечером планировался частный ужин дома у Переса. Где-то с утра звонок: «Отмените ужин, министр устал». Скрепя сердце, связываемся с Пересом. Его реакция: если министр не может, пусть другие приглашенные будут, ужин состоится. Сообщаем свите. Ответ: если министр не пойдет, никто не пойдет. С Пересом говорить совестно.

Самолет опоздал на полтора часа. Забыли переставить время. Хотя мы несколько раз напоминали об этом. Перес, не дождавшись уехал. Пятница, и он должен успеть добраться до дома к моменту зажигания субботних свечей (18.19 в эту пятницу). Встреча комкается. Десант — 33 человека, не считая

министра. С трапа спускается Посувалюк. Сразу к нему: «Ужин будет?» — «Нет!». Беру за пуговицу Козырева и втолковываю ему, что нельзя так обижать человека. Будет ужин! Как камень с плеч.

Ужин в узкой компании. Перес с Соней. Амос Оз с женой. Ализа Шенкар с мужем, Карасин, Посувалюк. Вместе с Козыревым приезжает Елена Владимировна Двинянина, стенографистка. Я далек от ханжества. Любовь есть любовь. Но даже в мою отнюдь не дипломатическую голову не укладывается появление министра иностранных дел России с приятельницей на званом ужине в почтенном еврейском доме.

Отужинали. Запомнились вкусные пирожки, которые пекла Соня. Козырев просит меня «передвинуть» президента. Сопротивляюсь: «Он все-таки президент, хотя и маленького государства». Уговариваю министра. Возникает новая идея: давайте передвинем» Переса. Это проще, Перес тут, договариваемся. А я думаю: «А если бы Перес так повел себя в Москве…»

Так прошел день первый.

День второй начинается с Вифлеема. Потом — к Арафату. Он «дарит» Козыреву уже упоминавшийся участок Эль Бирке. Обратно едем вдоль берега моря. Кавалькада машин 15–20 с могучей палестинской охраной. Вдруг Козырев останавливается, выходит из машины и направляется к морю. Свита и охрана за ним. Второе «вдруг»: Козырев раздевается догола и — в море. За ним разнагишается свита, только Посувалюк остается в трусах… Палестинская охрана смущенно отворачивается. Сцена явно не по Корану. Чудовищная, по мусульманским понятиям, сцена. Я стою поодаль на горке и жалею, что нет фотоаппарата.

Вечером Перес устраивает ужин в гостинице «Ла Ромм». Поют местные «грузины».

После ужина Козырев дает команду отменить завтрашний обед с министром торговли и промышленности М.Харишем. Пытаюсь объяснить, что Хариш разослал приглашения верхушке израильского бизнеса, что… Министр непреклонен и суров. Отменяются также завтрак с мэром Иерусалима Э. Ольмертом и обед с «восьмеркой», которую собрал И. Бейлин. Израильтяне в недоумении.

Так прошел день второй.

День третий начинается с Яд Вашема. В книге почетных гостей Козырев пишет: «Я глубоко потрясен увиденным. Память еврейского народа о своих соплеменниках, уничтоженных машиной гитлеризма, поистине бесконечна». Далее путь лежит к президенту Израиля. Политический, но легкий, почти светский разговор.

Вместо обеда с Харишем прогулка с Еленой Владимировной.

Визит к Рабину. Игра в одни ворота. Премьер в основном говорил, министр в основном слушал.

Так прошел день третий.

День четвертый и последний начался со встречи с Пересом. Козырев нажимал на присоединение. Агитировал за то, чтобы Израиль присоединился к этому «универсальному соглашению» после заключения мира с Сирией и Ливаном. Предполагалась российско-американская инспекция и переговоры под эгидой коспонсоров о создании зоны, свободной от оружия массового уничтожения. Перес ответил так: сначала нужен «универсальный мир», а потом уже — «универсальное соглашение». Смысл простой: пока Иран угрожает Израилю, Израиль не может присоединиться к неприсоединению.

Во время беседы с Пересом передал Карасину записку: «Журналисты атакуют — почему отменен обед с Харишем? Почему не состоялись встречи с Ольмертом и Бейлиным?» Получил ответ: «Меня это тоже интересует. Давайте думать вместе». Придумали: большие нагрузки (Каир, Дамаск, Бейрут, Иерусалим), переутомление, врачи рекомендуют снизить активность.

Успели переговорить с Б. Нетаньяху.

Андрей Владимирович и Елена Владимировна посетили «Беню Фишермана».

В 18.00 министр отбыл.

Еще до отбытия Посувалюк успел сказать Носенко, что «визит плохо организован». Я бы иначе сказал; «Визитер вел себя плохо». В моей рабочей тетради 3 апреля запись:

«А. В. — европейский вид. Но внутри — хам, самодержец. Его челядь его боится, не хочет идти поперек. Почему «переносы»? — так хочет министр! И все!!» Что же касается посольства, то Виктор Юрьевич Смирнов, который отвечал за организацию визита, даже в той суматохе, которую породили капризы министра, сумел обеспечить максимальный порядок.

В 20.00 собрались в посольстве. С женами. Обмен мнениями и танцы до упаду.

Столь необычный визит Козырева заставил меня более пристально всмотреться в этого человека — первого министра иностранных дел демократической России. Точнее, России, которая, — если смотреть из года 1999-го, — хотела стать демократической, но пока не преуспела.

Поначалу мне нравился Козырев. Нравилась его молодость. Его внешность — министр с человеческим лицом, мы тогда еще не привыкли к этому. Его нормальная, грамотная речь.

Мне нравились его демократические убеждения, «демократический задор», как он сам однажды выразился. А если говорить о внешней политике — его установка на то, чтобы ввести Россию в «клуб» — он так говорил — в «клуб» демократических, динамично развивающихся государств. Отсюда, если угодно, и «западничество» Козырева. Ведь те ценности, те правила игры, которые надо было усвоить для вхождения в указанный «клуб», — «западные»: они возникли и стали фундаментом международного права, международного порядка не на Востоке или на Юге, а на Западе. Они, эти «западные» ценности и правила положены в основу Устава ООН. И тут никакой российской «специфики» нет и быть не может.

Когда я перешел в МИД, угол зрения у меня неизбежно изменился. Нельзя сказать, что я лучше узнал Козырева. Лично я с министром практически не общался. Был за все время один разговор минут на двадцать. Но разговоры с. коллегами, погружение в атмосферу МИДа, которая чувствуется и в «загранучреждениях», регулярное чтение мидовских бумаг постепенно дополняли личные впечатления, создавали новый образ Козырева.

Получалось, что он не дорос до министра. Не вообще, а до министра иностранных дел России. Мундир Горчакова и даже Громыко был ему велик, болтался на нем. Он не был готов к той тяжести, которая оказалась на его плечах. Он не чувствовал спиной, что за ним — Россия, огромная махина со своей величественной историей и несчастной судьбой. Россия была у него в голове, но не в сердце. А этого мало.

Не в «американизме» тут дело. Американизм — следствие западничества, либерально-демократического настроя. И, соответственно, ощущался перекос, крен в политике. Но такой крен был в какой-то степени неизбежен и нужен. Время выправило бы его. Беда была, как я думаю, в другом. Интеллектуальный ресурс Козырева не позволял ему одновременно схватывать общую картину. Он находился внутри лабиринта, а должность требовала иногда оказываться над ним, чтобы сразу схватить все ходы и выходы. Кстати, все это в еще большей степени относится к Иванову. Козырев все-таки был политик, мелкий, но политик. Иванов — чиновник, крупный, опытный, но чиновник…

Козырев служил не России, а Ельцину. Ельцин же его и «сбросил». Не только под давлением «красно-коричневых», хотя такое давление имело место. Президент понял (почувствовал, скорее), что Козырев все больше отстает от России.

Министр — это не только политик, но и организатор,

руководитель большого коллектива людей. Тут, мне кажется Козырев просто не тянул. Фраза «МИД — это я, две стенографистки и самолет» как нельзя лучше иллюстрирует мою мысль. Был узкий круг приближенных (и по мгимовскому «Лицею», и по советскому МИДу). Была свита, все плотнее и безропотнее смыкавшаяся вокруг «короля». И были остальные — все на одно лицо.

Находясь в Израиле, Козырев не то, что не заехал ни разу в посольство, он ни разу не спросил даже — как идут дела? где жмет? как и чем помочь? Не потому, что не было времени. Потому что было неинтересно. Возможно, другим послам и другим посольствам везло. Но я пишу о гвозде, который в моем ботинке…

Или еще «гвоздь». Звонят как-то из МИДа, — кажется, Посувалюк, — и сообщают, что Козырев просит меня позаботиться об отдыхе его жены и дочери. Ради Бога, — отвечаю, — в Савьоне место есть, прокормим, покажем и расскажем. Но удивился. Дело вроде бы частное, личное, и — как меня учила бабушка — муж и отец должен был сам позвонить. Ну, ладно, подумал, в МГИМО, наверное, этому не; учат. Приехали две милые особы. С гостеприимством у нас полный порядок. Довольные уехали. И опять же, если следовать бабушкиному этикету, следует сказать «Спасибо!». Произошла заминка. Телефон молчал. Через какое-то время я оказался в Москве и в коридоре МИДа наткнулся на министра. Деваться было некуда — «спасибо» последовало.

«И жизнь, как тишина осенняя, подробна…» Мелкие детали, подробности часто говорят о человеке больше, чем его деяния исторического масштаба.

Понимаю, что мои оценки Козырева, наверное грешат субъективизмом. Как и вся эта книга вообще. Таков уж жанр. Но так думаю и поэтому так пишу.

Козырев становился этаким барином со склонностью к самодурству. Если уж и доказал что-нибудь его визит в Израиль, так именно это.

И последний штрих к портрету. Козырев перестал быть министром. Но стал членом Государственной Думы. И как в воду канул. Исчез из политики. Возможно, это — характер. Но скорее всего — отсутствие его.

17 апреля познакомился с новым начальником Генерального штаба Амноном Шахаком-Липкиным. Генерал произвел приятное впечатление: спокойный, рассудительный, контактный. Не декларирует, а аргументирует. Подчеркивает свою роль профессионала-военного, служаки, исполнителя… «Я — не реформатор» (подтекст — легкая антитеза Бараку)…

Размышляя о соотношении армии и политики, Шахак сказал, что каждый военнослужащий имеет, естественно, свои политические пристрастия. Но армия как институт — вне политики. При всей огромной стратегической значимости Голан для обороноспособности Израиля армия без колебаний покинет Голаны, если будет принято такое политическое решение.

По мнению генерала, начавшееся превращение Израиля, из «осажденной крепости» в «нормальное» государство с «нормальным» окружением вызывает сложные процессы в армии. Меняется психология военнослужащих, их установки, моральная мотивация их действий. Наверное, потребуется сократить сроки службы, ограничить призыв резервистов, сделать армию более компактной — при росте качества вооружений и качества подготовки солдат и офицеров (то, что рассчитывал сделать Барак, подумал я). Возможно стоит по-иному подойти и к женской компоненте армии.

Коснувшись предстоящего визита в Израиль российского министра обороны, Шахак подчеркнул, что этот визит станет «этапным в российско-израильском сотрудничестве».

Было и немножко личной жизни. С внуком ездили на север. Кана Галилейская (где вода превращалась в вино; теперь, к сожалению, эта технология утрачена, скорее — наоборот), Капернаум. Рыбу ловили в Тивериадском озере. Огромное впечатление на Макара Сергеевича произвела монастырская коза, которую звали «Роза».

МАЙ-95

50-летие Победы

Вся первая половина мая была заполнена подготовкой к 50-летию Победы и самим праздником.

С сугубо посольской точки зрения, главным мероприятием был торжественный прием в честь Победы. Решили предложить посольствам Украины и Белоруссии «складчину». Получили согласие.

10 апреля у нас в посольстве состоялось первое заседание «тройки». Александр Иванович Майданик (Украина), Михаил Абрамович Фарфель (Белоруссия) и еще Бовин (Россия). Договорились:

— прием провести 7 мая в гостинице «Даниэл» (Герцлия),

— пригласить 300 человек,

— расходы распределить пропорционально распределению внешнего долга (Украина — 16.2 %, Белоруссия — 4 %).

Следующую «тройку» (вопросы программы) провести 14 апреля в посольстве Украины.

Собирались еще три раза. Вареники, драники, пельмени. Украина спасовала — только 1000 долларов. Россия закрыла пробоину. Кто будет выступать на приеме? Украина предложила Белоруссию. Белоруссия — Россию. На том и порешили.

Прием удался. Правда, не было руководства: Вейцман — в Москве, Рабин — в Вашингтоне, Перес — в Каире. Зато играл и пел ансамбль российского МВД — от «Калинки» до «Хава нагилы».

Я держал речь.

> «Дорогие фронтовики, партизаны, кавалеры боевых наград! Уважаемые члены дипломатического корпуса! Дамы и господа!
>
> Мои коллеги и друзья, главы дипломатических представительств Украины — Александр Майданик и Беларуси — Михаил Фарфель поручили мне сказать несколько слов.
>
> Я не знаю, будут ли в XXII веке отмечать День Победы. Предвидеть трудно. Особенно трудно, как уточняют мудрые люди, предвидеть будущее. Но для тех, кто опален второй мировой войной, самой кровавой, самой страшной войной в истории человечества, для

тех, — кто в состоянии оценить исторические, психологические последствия разгрома фашизма, День Победы остается и надолго еще останется самым главным, самым великим праздником.

Представьте себе, каким бы был, каким бы стал мир, если бы победил Гитлер и его союзники. Наверное, понятие «Катастрофа», в том смысле, в котором его употребляют евреи, вошло бы тогда в лексикон многих народов.

К счастью, фашизм был повержен. И поэтому мы здесь. И поэтому — праздник Победы. Праздник, как поется в знаменитой советской песне, «со слезами на глазах». История трагична. Чтобы одни люди могли жить — другие должны умереть..

Мы склоняем головы перед светлой памятью воинов — и тех, кто не дожил до Победы, и тех, кто ушел от нас за послевоенные пятьдесят лет. Пусть земля будет им пухом.

Три дня назад отмечался День независимости. Вспоминали отцов-основателей Государства Израиль — Давида Бен-Гуриона, Моше Шарета, Леви Эшкола, Голду Меир, других великанов политической истории еврейского народа. Но сегодня, в День Победы, хочется сказать и о тех отцах-основателях Государства Израиль, которые здесь, с нами. Ведь если бы не было Победы — не было бы и Государства Израиль. Нынешний праздник для них — двойной Праздник.

В разгром фашизма внесли свой вклад десятки государств, десятки народов. И в первую очередь — Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции. Но, пожалуй, я никого не обижу, если подчеркну выдающийся, решающий вклад народов Советского Союза и особенно — русских, украинцев, белорусов.

Но, оказалось, что выиграть войну легче, чем выиграть мир. На то, чтобы выиграть войну, нам понадобилось менее-четырех лет. Но чтобы выиграть мир, нам не хватило пятидесятилетий.

И Россия, и Украина, и Беларусь проходят труднейшую, мучительную полосу исторических преобразований, перехода от тоталитаризма к обществу, высшими ценностями которого являются демократия и гуманизм. The time is out of joint (распалась связь времен). Вот так, по Шекспиру, можно сказать,

воспринимают обрушившиеся на них события миллионы людей. Восстановить эту связь, прорваться в новое историческое время, выйти на путь социального прогресса, — таковы, если говорить самыми общими словами, нынешние задачи. Надеюсь, они будут решены.

Дамы и господа! Позвольте мне в заключение выразить надежду что никто никогда не будет праздновать победу в третьей мировой войне. И не потому, что в такой войне не будет победителей — только побежденные. А потому, что политики новых генераций будут умнее своих предшественников, сумеют преградить путь экстремизму во всех формах, сумеют сохранить мир.

Мои коллеги и я, мы поздравляем вас с Победой. Мы скорбим о тех, кого сегодня нет с нами. Мы надеемся на торжество разума и на превращение вечного мира из утопии в реальность.

Благодарю за внимание».

Подготовка приема была возложена на Анненкова, хозтылы обеспечивал Дмитриев: Справились прекрасно. Обоим объявил благодарность и просил комиссию увеличить премии. Уважили…

Много хлопот — и не всегда приятных — было с вручением юбилейных медалей.

Впервые медали вручались тем, кто уехал из страны. Здешние фронтовики с радостью встретили это. Наш «фронт работ» — более 17 тысяч человек. Подключили ветеранские союзы. Но радость — радостью, а Москва требовала несметное количество отчетности. Еле-еле отбились.

Еще проблема. Я предложил, чтобы медали вручали не только мы, но и украинские и белорусские дипломаты. Стал возражать военный атташат: «русские медали должны вручать русские». Пришлось запросить Москву. Как хотите, ответили нам, так и действуйте. Так что мы действовали «в три руки».

И еще, проблема… Наша авантюра в Чечне вызвала здесь смущение, умов. Привожу для примера опубликованное в прессе письмо Авраама Полянкера, капитана, кавалера трех орденов и четырнадцати медалей Советского Союза. Осудив действия России в Чечне, Полянкер пишет:

«Российское правительство зарекомендовало себя как антинародное. Сейчас они хотят затуманить мозги и отвлечь внимание участников войны тем, что отчеканили медали «50 лет победы» для вручения всем ветеранам, где бы они ни проживали.

Поэтому я призываю участников Великой Отечественной войны, живущих теперь в Израиле, проявить солидарность и сочувствие к чеченскому народу и демонстративно отказаться от этой медали. Это будет нашим протестом против несправедливой чеченской войны».

Полянкер остался практически в одиночестве.

«Я не одобряю войны против Чечни, — писал Виктор Остер из Тель-Авива, — сожалею о жертвах, понесенных с обеих сторон, особенно — жертвах русского и чеченского гражданского населения. Но уверен, что у России другого выхода не было. А на войне как на войне. Ничего необычного не происходит. Война, как хорошо известно, — не красивая женщина. Поэтому аргументы Полянкера напоминают мне неуклюжие попытки бывшей советской пропаганды оправдать перед всей страной и перед всем миром неправую и неблагородную политику Союза по отношению к Израилю.

И еще. Предложение Полянкера воскресило в моей памяти давнее и печальное событие, когда в конце сороковых годов советские военнослужащие, участвовавшие в войне против фашизма на стороне Югославии, «добровольно-принудительно», со слезами на глазах, отказывались от югославских орденов и медалей, реликвий боевой и отважной юности. Россия — наше прошлое, а Великая Отечественная война — наша молодость. И я не могу отказаться от них, господин Полянкер, так как не понимаю вашей аргументации».

Подготовка к 50-летию обострила вопрос об официальном отношении официального Израиля ко Дню Победы. И в 93-м, и в 94-м годах посольство получало множество писем от ветеранов, в которых они просили посольство обратиться к правительству Израиля, чтобы оно придало празднику «статус государственного торжества».

Правда, раздавались иногда и голоса другие. У нас, евреев, здесь свои войны, свои победы и свои праздники. Мы помним и ту победу. Но это — не наш праздник. Или такой вариант: а чего тут праздновать? Один тиран, коммунистический, одолел другого тирана, фашистского. Одолел, чтобы укрепить и длить свою тиранию. Так чему радоваться? Но не эти голоса делали погоду.

Я уже рассказывал о том, что неоднократно беседовал на эту животрепещущую тему с Вейцманом, и с Рабином, и с Пересом, и

с Вайсом. Действовали посольства Украины и Белоруссии.

Давили ветеранские организации. У них были свои козыри — масштабы участия евреев в Отечественной войне, масштабы, несравнимые с долей евреев в населении Советского Союза.

— непосредственное участие в войне принимали свыше 500 тысяч евреев.

— погибли в боях и в плену около 200 тысяч.

— орденами и медалями награждены около 340 тысяч человек.

— 157 евреев получили звание Героя Советского Союза, а Д.А.Драгунский и Я.В.Смушкевич удостоены этого звания дважды.

— на фронте были 283 генерала-еврея и 20 адмиралов,

— 12 евреев стали полными кавалерами ордена «Слава»,

— 30 евреев были удостоены звания Героев Социалистического Труда за заслуги в создании и производстве военной техники, двое — С.А.Лавочкин и А.Э.Нудельман получили это звание дважды, а Б.Л.Ванников, Я.Б.Зельдович и Ю.Б.Харитон — трижды.

Цифры впечатляли. (В разных изданиях, приводятся неодинаковые цифры. Здесь — данные Арона Абрамовича, автора двухтомника «В решающей войне. Участие и роль евреев СССР в борьбе против нацизма»)

В принципе никто из израильтян не возражал. Но и не проявлял особого энтузиазма. Что тоже было понятно: пятьдесят лет не праздновали, и — вдруг…

Но постепенно, медленно атмосфера менялась. В апреле 1995 года министр абсорбции Я.Цабан передал на рассмотрение комиссии Кнессета по вопросам государственных церемоний предложение считать день 9 мая национальным праздником.

Предложение было принято только 27 марта 1996 года. День Победы был объявлен общенациональным праздником. Через каждые 5 лет предусматривались дополнительные церемонии, а через каждые 10 лет — официальные мероприятия массового характера.

Однако, не дожидаясь этого решения, власти в мае 1995 года пошли навстречу ветеранам.

9 мая в Тель-Авиве в парке Аяркон состоялся массовый митинг. Рабин и мэр Тель-Авива Р.Мило произнесли речи. Был фейерверк. Значок: знаменитый политрук на фоне израильского флага.

10 мая из Москвы вернулся Вейцман. Встречали его торжественно, по полной протокольной программе. «Фантастика!» — сказал, президент мне, сжав в одно слово свои московские впечатления. А вечером он уже был на митинге в

Иерусалиме.

К появлению Вейцмана на параде в Москве в Израиле отнеслись неоднозначно. Его упрекали в том, что он был единственным из высокопоставленных гостей, который присутствовал на параде, где среди прочих «маршировали «герои» кровавой чеченской кампании», что он оказался в роли «свадебного генерала, забывшего как о личном достоинстве, так и о достоинстве страны, которую он представляет». Подчеркивали, что Ельцин отказался принять Вейцмана.

Думаю, что Вейцман поступил правильно, когда решил, что победа над фашизмом перетягивает преступление в Чечне. Что же касается Ельцина, то тут был явный прокол. Я виделся с Вейцманом 4 апреля. Он выразил надежду на то, что, будучи в Москве, сможет лично выразить свои чувства президенту России. «Если у Бориса Николаевича, — писал я в Москву, — есть хоть малейшая возможность принять Вейцмана, было бы желательно такую возможность использовать. Вейцман, действительно, друг и почитатель России». Но в Москве играли по правилам, которые мне были плохо понятны…

11 мая Рабин, как министр обороны, устроил для ветеранов прием в министерстве. Был поражен, увидев сотни людей, увешанных боевыми наградами.

На приемах обычно стоят. А ветераны не молоды, трудно им. Но устроители приема быстро сообразили — стулья появились в достатке.

12 мая традиционный сбор в лесу Красной Армии. Командовали коммунисты. Присутствовали бывший генеральный секретарь КПИ 78-летний Меир Вильнер, его бывший же заместитель Туфик Туби, нынешний генсек Мухаммед Нафа, бывший руководитель израильского комсомола Йорам Гужански и его жена, член кнессета Тамар Гужански. Вильнер и Нафа произнесли зажигательные речи.

Возложили венки к обелиску, который был установлен в 1950 году по инициативе Вильнера. Потом — выступление арабского Хореографического ансамбля. И, как всегда — пикник.

Так прошло 50-летие Победы.

23 апреля прилетел Посувалюк. Летел вместе с Пугачевой и Киркоровым. Попросил меня связаться с Аллой Борисовной, может быть, она поможет пробить диск с песнями Посувалюка. Но звезда оказалась капризной и все мои попытки встретиться с ней отклонила. Мотивировка как у президента: очень занята.

Несмотря на сутолоку, мы все-таки улучили часика два для не формального общения. Виктор Викторович предложил выпить за «трудно рождающуюся дружбу». Вновь сетовал по поводу

Козырева — «потерял голову». Царедворствует. Все тянет Иванов.

Я вспомнил об этом разговоре через несколько дней когда приехал Владимир Федорович Петровский. Он когда-то «выращивал» Козырева. А теперь сокрушенно качал головой. Козырев занят не МИДом, а Ельциным. В МИДе же мало кто думает о деле…

ИЮНЬ-95

МИД недоволен… — «Русские» идут: «Израэль ба-алия» — Голаны. Сирия. Асад — По России

Июнь начался на неприятной ноте. Из МИДа поступили серьезные претензии к работе посольства.

Нас (то есть практически меня) упрекали в том, что

— поступающим из посольства материалам не хватает аналитичности, глубины;

— ощущается дефицит критического осмысления израильской аргументации, ее объективного анализа с точки зрения российских интересов;

— не чувствуется достаточно энергичной работы по продвижению российских позиций, оказанию влияния на израильтян в нужном для нас направлении.

От нас требовали большей четкости, большей требовательности к выводам и оценкам, более активного «добывания» достоверной информации.

Бумага была подписана Владимиром Викторовичем Гудевым, в то время, кажется, заместителем директора нашего Департамента. Но вряд ли он отправил ее без санкции свыше.

Откровенно говоря, я был в некотором недоумении. Во-первых, почему Посувалюк, который бывал у нас довольно часто, никогда ничего подобного не говорил? Откуда происходил импульс? Мозги, как видите, стали ворочаться в плане мидовских интриг. Во-вторых, «глубина» анализа — понятие субъективное. Кто измеряет эту самую «глубину»? Я готов был обсуждать эту тему на конкретных примерах, но ни одного такого примера не было.

Что же касается того, что я «не продвигаю», «не оказываю» и «не довожу», то тут было более-менее ясно. В своих сообщениях я, как правило, излагал не то, что я говорил, а то, что мне говорили. Полагая, что именно это должно интересовать МИД. Только если возникали какие-то не стандартные ситуации, я приводил свои соображения. В остальных случаях считал ненужным повторять всем известные позиции.

Конечно же, я понимал, что где-то мы не дотягиваем, что информация могла бы быть качественнее, что анализы могли бы быть глубже. И, повторяю, готов был к конкретному, предметному разговору на все эти темы. Но такого разговора, к сожалению, не было.

Провели «тайную вечерю» (Носенко, Смирнов, Карасова, Маслов). Тот случай, когда собрались в «тайной» же комнате. Постарались выудить рациональное зерно. Да, не хватает информации. Ибо не принимают нас всерьез как коспонсора и не чувствуют потребности давать нам информацию! Дают информацию американцам, а нам приходится ее «брать». Потому что не видят реального эффекта от контактов с нами. Не вредит «российский коспонсор», и то хорошо. В общем, решили Гудеву специально не отвечать, а где возможно, подтянуть гайки.

7 июня лидер Сионистского форума и его сторонники провели Учредительную конференцию, на которой было создано общеизраильское общественно-политическое движение «Исраэль ба-алия». Формальный перевод: «Израиль в алие». Смысл: без алии, то есть, без «притока» евреев извне, не может быть Израиля, алия, репатрианты, — основа Израиля.

Это был важный шаг в направлении политической консолидации репатриантов и прежде всего — репатриантов из Советского, Союза, из стран СНГ. До сих пор делалось много попыток как-то объединиться, сконцентрировать усилия, чтобы прочнее утвердиться под израильским солнцем. Возникали и исчезали группы, общины, объединения.

Несколько в стороне, чуть сбоку и чуть выше, держался Сионистский форум! Там был непререкаемый лидер — Натан Щаранский. Там были деньги, которые он умел собирать. Там был авторитет — авторитет того же Щаранского. Он долго колебался. Задумывался над печальным опытом выборов 1992 года, когда ни одна из олимовских «партий» не смогла и близко подойти к кнессету. И все же решил действовать, решил подойти к выборам 1996 года с дее— и боеспособной организацией. Постепенно: сначала — движение, потом — партия.

Теперь первый шаг был сделан. Главной задачей движения объявлялось превращение «идеи собирания всего еврейского народа в рамках собственного государства в главную задачу, стоящую на повестке дня. Основным условием для этого является изменение приоритетов государственной политики, возвращение проблем алии и абсорбции в центр общественно-политической жизни страны».

До сих пор интересы олим, — говорилось в программном документе, — «служили игрушкой в борьбе крупных политических партий. Мы больше не хотим быть всего лишь объектом правительственно-партийных игр, мы полны решимости взять свою судьбу в собственные руки. Мы готовы использовать все средства, включая и политические, для достижения своих целей».

В беседах со мной Щаранский неоднократно говорил, что успех движения будет зависеть от того, насколько оно сумеет убедить общество, что оно не «русское», а всеизраильское движение. Однако хотя в Учредительной конференции принимали участие и лидеры эфиопской общины, и выходцы из других стран, новое движение было воспринято именно как «русское».

Образование движения подхлестнуло споры о «русской» партии — нужна или нет?

Аргументы против:

1. Партия предполагает наличие группы людей с общими интересами, целями, с общим подходом к основным социальным проблемам. А для «русской» алии как раз характерны мозаичность интересов, разброс убеждений и оценок.

2. Не следует ради общинных, все-таки частных интересов разделять Израиль на кантоны, отгораживаться от других секторов общества, противопоставлять «русскую» алию ватикам (старожилам) и сабрам (коренным израильтянам).

3. Просто-напросто денег мало. А без денег в кнессет не пробьешься.

4. Нет общепризнанных лидеров. Есть довольно много людей, которые хотят быть лидерами, но не хотят объединяться.

Аргументы за:

1. Денег, действительно, не так уж много. Лидеров, действительно, хоть отбавляй. Но все относительно. Щаранский, если захочет, деньги достанет. Да и на лидера он потянет. И может собрать вокруг себя приличных людей.

2. Только пробившись в кнессет и другие властные структуры, — а это без партии невозможно, — «русская» алия сможет оказывать реальное воздействие на решение своих насущных проблем.

3. Только получив возможность участвовать в принятии решений, а для этого нужно быть в кнессете и в правительстве, «русская» алия сможет влиять на развитие израильского общества в целом.

4. Только объединившись на политическом уровне в масштабе всей страны, «русская» алия сможет избавиться от чувства неполноценности, поверить в свою силу, в свои возможности.

Людей, которые «за», оказалось больше, чем тех, которые «против». Соблазн попасть в кнессет и в правительство оказался сильнее опасений усилить фрагментарность Израиля. Партия была создана.

Щаранский рассчитал правильно. Он правильно подобрал

команду. Он предложил умеренную правоцентристскую программу, приемлемую для репатриантов «среднего класса». И он победил. На выборах 1996 года партия «Исраэль ба-алия» получила 7 мандатов, а затем — два министерских поста в правительстве Нетаньяху (Щаранский — министр торговли и промышленности, Эдельштейн — министр абсорбции).

Сирийский трек, сирийское направление переговоров оказалось наиболее трудным и быстро зашло в тупик. Что сначала курица или яйцо? Сирийцы требовали, чтобы до всяких разговоров по делу израильтяне четко сказали: мы уйдем с Голан. Только заручившись обещанием Израиля вернуть Голаны «до последнего дюйма», Сирия соглашалась начать обсуждение остальных вопросов, включая и характер, реальное наполнение будущего мира. Израильтяне отклоняли ультиматум и предлагали начать предметный разговор об условиях возможного соглашения. Вопрос ставился так: глубина отхода зависит от «глубины» мира.

Голаны (Голанские высоты, Голанское плато) были оккупированы Израилем в ходе Шестидневной войны. Нынешняя граница была зафиксирована 31 мая 1974 года, когда Г.Киссинджер заставил израильтян уйти с территорий, которые захватил Израиль, разгромив Сирию в войне Судного дня.

14 декабря 1981 года премьер министр М. Бегин, который находился в иерусалимской больнице «Хадасса», пригласил к себе министра обороны А. Шарона и министра иностранных дел И. Шамира. Премьер заявил им, что он сегодня собирается представить в Кнессет законопроект о присоединении. Голан. Так он и сделал.

Бегина привезли в Кнессет в инвалидной коляске.

Законопроект был лаконичен: «законы, юрисдикция и исполнительная власть Государства Израиль распространяется на всю территорию Голанских высот». Голосование состоялось в 23.15. 63 голоса «за», 21 — «против». Лидер оппозиции Перес был за границей, Рабин воздержался.

Вейцман прав, говоря, что для израильтян Голаны «дороже» Синая. Если относительно судьбы Иерусалима в Израиле существует практически стопроцентный консенсус (неделимый Иерусалим останется столицей Израиля), то относительно судьбы Голан такого единства нет. И все же большинство израильтян, как показывают многочисленные опросы, не готовы к уходу с Голан. Дело тут не только в том, что за три десятилетия евреи превратили некогда пустынный, запущенный район в центр интенсивного сельского хозяйства, создали промышленность, проложили дороги, построили вполне современные населенные

пункты (как-то не получается назвать их селами или деревнями). Все это важно и не может не учитываться при решении вопроса о Голанах. Вместе с тем против передачи Голан Сирии приводятся и более весомые аргументы. Их по существу три.

Первый аргумент военный, стратегический. Если уйти с Голан, то сирийская армия как бы «нависнет» над Израилем и получит шанс прорваться к морю, к жизненным центрам страны, не дав возможности Израилю провести мобилизацию и ввести в бой резервы. Разумеется, теоретически можно договориться о демилитаризации Голан. Существуют надежные технические средства отслеживать передвижения войск. Но все-таки уход с Голанских высот, полагают многие в Израиле, лишает Израиль важного преимущества и делает его более уязвимым.

Второй аргумент (и, может быть, более важный, чем первый) касается воды, водных ресурсов. На Голанах — истоки рек и речек, питающих Иордан (израильская Волга?), который впадает в Кинерет (Тивериадское озеро). От Кинерета начинается водовод, который тянется до пустыни Негев. Он обеспечивает примерно 30–40 процентов воды, потребляемой Израилем. «Израиль может прожить без нефти, но не без воды», — изрек однажды Нетаньяху. Что недалеко от правды.

Аргумент третий (он же — первый или второй) — судьба поселенцев и поселений. На Голанах — 32 поселения (15 киббуцев и 12 мошавов), в которых живут 14 тысяч человек. Это именно те люди, которые «обустроили» Голаны. И они, естественно, не хотят уходить.

Но кроме этого, человеческого, скажем так, мотива есть и мотив метафизический, религиозный. Поселенчество, заселение палестинской земли (Эрец Исраэль) рассматривается как практическое воплощение сионистского призыва — возвращение к Сиону. Поселенцы воспринимаются общественным мнением Израиля как авангардный, передовой, пионерский отряд, воплощающий в жизнь сионистскую мечту. Что так и было исторически.

Аргументы сторонников ухода с Голан имеют более общий характер. Если мы хотим жить в условиях мира, надо вернуть захваченные, оккупированные территории. Конкретные проблемы (безопасность, вода, поселения) могут быть решены на взаимоприемлемой основе. Мир с Сирией перевешивает Голаны.

Предлагаются разные варианты развязки голанского узла. «Гонконгский», например. Голаны признаются сирийскими, но Сирия сдает их в долгосрочную аренду Израилю. Или такой вариант, о котором мне говорил генерал Кахалани. Полностью демилитаризованные высоты остаются под израильским

суверенитетом примерно на 50 лет. Если за это время убедимся, что мир прочен, уйдем с Голан.

Обсуждение проблемы Голан сопровождается в Израиле обсуждением «проблемы Асада», Что понятно. «Сирия — это я!» — вполне может сказать ее бессменный лидер.

Как политический долгожитель (три десятилетия) он из ныне живущих — уступает только Арафату. Асад удержал власть в сложнейшей для себя обстановке. Он — выходец из немногочисленной, презираемой и гонимой в арабском мире секты алавитов (экзотическая смесь ислама, христианства и астральных культов). «Алавитский змей», — обзывали его багдадские газеты, поскольку он ужалил Ирак во время «войны в пустыне». Понадобились невероятные усилия, недюжинный ум и арафатовская изворотливость, чтобы заставить страну «забыть» об его алавитских корнях.

Асада называют «дамасский сфинкс». Он, действительно, нелюдим и поэтому загадочен. Цитирует Макиавелли: «Тот, кто хочет быть лидером, должен держаться подальше от толпы и быть обращенным к ней спиной».

Асад пошел на переговоры с Израилем не потому, что пересмотрел свои взгляды на «сионистское образование», а потому, что понял: он рискует остаться в изоляции. Можно сказать, что мир с Израилем для Асада не цель, а средство. Средство для того, чтобы вернуть Сирии Голаны, легализовать присутствие Сирии в Ливане, получить от Америки деньги и убедить Вашингтон вычеркнуть Сирию из «черного списка» стран, которые поддерживают международный терроризм.

Асаду нужен «полный» уход, но вовсе не нужен «полный» мир. Против такого мира с Израилем работают не только идеологические табу. Такой мир опасен для Асада (как и для любого тиранического режима) с чисто практической точки зрения. Открыть границы, согласиться на свободное передвижение людей и идей — значит подорвать устои собственного режима.

Получается такая картина. «Полный» мир неприемлем по идеологическим и политическим соображениям. «Полная» война невозможна, так как Сирия опять будет разгромлена. «Холодная война» становится все более невыгодной. Остается «холодный мир»: обменять Голаны на сирийского посла в Иерусалиме. Не больше.

При таком подходе Сирии переговоры были обречены на тупик. Дипломатические хитросплетения, а их было в избытке, разбивались, как только речь заходила о «полном» мире (тут сирийцы уходили в кусты) или об отходе Израиля к границам 4

июня 1967 года (тут звучало твердое «нет» израильтян).

Осенью 1996 года в Израиле стали распространяться сведения, что Сирия готовится к войне. Ссылаясь на американскую разведку, газеты писали, что вероятность военного конфликта приблизилась к 30 процентам. Генштаб Израиля был более осторожен: вероятность войны возросла. Появились заголовки «Если завтра война?»

29 октября 1996 года меня пригласил Нетаньяху. Он заявил, что с 1994 года Асад вынашивает идею внезапного молниеносного удара на Голанах. Он исходит из того, что мировое общественное мнение спасет его от сокрушительного ответного удара. Но он ошибается. Израиль не хочет войны. И мы были бы очень признательны Примакову, если бы он довел все это до сведения Асада.

Примаков, который в это время был в Дамаске, довел. 31 октября Примаков разговаривал с Нетаньяху. Примаков сказал, что, по его впечатлениям, сирийцы не готовят никаких военных акций. «Наоборот», их беспокоят передвижения израильских войск на Голанах. «Могу сказать Вам с 99-процентной уверенностью, что сирийцы не станут инициаторами нападения, а один оставшийся процент — в руках Бога».

Оглядываясь на прошлое, думаю, что это был чистейший блеф с обеих сторон. И обе стороны понимали это. И Примаков, разумеется, понимал. Но правила игры требовали немножко «попужать» друг друга. Что и было исполнено. И нам, как коспонсору, досталась работа.

Переговоры, возможно, возобновятся в следующем, но таком уже близком веке. «Не обязательно решать проблему, — говорил Де Голль, — можно жить с проблемой».

ИЮЛЬ-95

Фундаментализм — Расизм в Израиле — Раввины призывают солдат к неповиновению

Всю первую половину месяца в Савьоне гостили жена и дочь Козырева — Ирина Борисовна и Наташа. Обе — покладистые. Показали им Израиль. Как-то зашла речь о Ельцине. Вдруг Наташа посмотрела по сторонам и спрашивает: «А нас не подслушивают?» Современный ребенок…

3 июля был приглашен к Нетаньяху. По его мнению правительство уже действует под влиянием выборов 1996 года. Торопится, стремится рапортовать об успехах. Но рапортовать не о чем.

Сирийский угол. По мнению Нетаньяху, позиция Асада продолжает оставаться неясной. Как диктатор он не может симпатизировать миру с Израилем, ибо контакты с демократией губительны для диктатуры.

Коснувшись палестинского узла, Нетаньяху сказал, что Арафат не контролирует обстановку в зоне автономии. Хамас и ФАТХ договорились о взаимном неприменении силы, и под этим зонтом фундаменталисты расширяют и укрепляют свое влияние. Нет гарантий, что если Арафат уйдет, его место не займет какой-нибудь мусульманский фанатик.

Тема опасности исламского фундаментализма постоянно всплывала во время разговоров в Израиле. И практически (террор — оружие фундаментализма) и теоретически (что это такое?).

В теоретическом плане фундаментализм можно рассматривать как возвращение к истокам, к основам того или иного учения. Фундаменталистами являлись, например, протестанты, которые настаивали на буквальной истинности Библии. Фундаментализм возникает, как правило, как реакция на разложение традиционных, привычных ценностей, как стремление отстоять, сохранить эти ценности перед лицом наступления нового пугающего, незнакомого мира. В отличие от коммунизма, который предлагал светлое будущее, фундаментализм предлагает светлое прошлое. К фундаментализму тяготеет православная церковь. Фундаментализмом пронизан ортодоксальный иудаизм. Фундаментализм, рассматриваемый в таком плане, — неизбежный элемент общественного сознания. В любом демократическом обществе он имеет право на существование.

Ситуация решительно меняется, когда фундаментализм накладывается на политику, становится, ее орудием. Рассуждая о христианстве, Альбер Камю писал: «Когда религия соединяется с политикой, рождается инквизиция». А когда союз религии и политики соединяется с фанатизмом, получается та самая гремучая смесь, которая нынче тревожит не только Израиль.

В политическом словаре исламских фундаменталистов часто встречается понятие «джихад». Джихад как мировоззрение, как символ веры, как мотивация поведения. Джихад как основная форма взаимодействия двух систем: мира ислама (дар аль-салам, дом мира) и остального мира (дар аль-хабр, дом войны).

Это — теория. Уроки практики нам преподал Хомейни. Уроки практики преподают фундаменталисты в Чечне и в Средней Азии. Уроки практики преподают Хамас и «Исламский джихад» в Израиле. «Государство Израиль — кинжал в сердце арабского народа» — сказано в программном документе Хамаса, и камикадзе пытаются вырвать этот кинжал.

В 1988 году палестинский поэт Махмуд Дервиш, а его считают «голубем» в ООП, написал такие строки:

Покиньте же нашу страну,
Нашу землю, наше море,
Нашу пшеницу, нашу соль, наши раны…
Все покиньте.
И покиньте
Память о памяти вашей…

Если бы воевали, спорили только слова… Спорят не слова. Спорит жизнь со смертью. Борьба с террором это Израильский антиджихад. Он необходим для спасения людей и страны. Но у него есть оборотная сторона. Ненависть, которая пронизывает стихи Дервиша и которая посылает на смерть палестинских юношей, вызывает ответную ненависть.

Ненависть к арабам настолько глубоко проникла в поры у израильского общества, что заставила левых говорить о расизме. Политическую бурю в Израиле вызвал депутат кнессета Авраам Бург, который в декабре 1992 года заявил, что система образования, особенно — религиозного воспитывает расизм. «Наше общество, — говорил он, — поражено раковой опухолью трансфера… Мы поражены болезнью неприятия других народов». И еще: «Наша система просвещения должна поймать джинна расизма и запихать его обратно в бутылку». Его поддержала Шуламит Алони: «Нашим детям внушали, что еврейский народ является генетически избранным. Теперь приходится пожинать

плоды такого образования и воспитания».

А в декабре 1996 года член Кнессета Рехавам Зеэви, лидер партии Моледет, вычеркнул из меню в ресторане, название «арабский салат». Нет никакого арабского салата. И вообще арабы-мусульмане ничего не внесли в историю.

> «Знаменитая пословица, — сказал Зеэви, — гласит: не пустыня создала араба, а араб — пустыню. Как он создал ее? Опустошительными войнами, варварским, коррумпированным правлением, ленью, разведением коз, которые уничтожили всю зелень. Говорят, что арабы все же внесли свою лепту в сокровищницу общечеловеческой культуры. Но в чем же она выразилась, эта лепта? Даже цифры, которые мы называем арабскими, изобретены не арабами, а индусами. Арабы, будучи хорошими торговцами, послужили переносчиками знаний с Востока на Запад».

После злосчастной резолюции ООН (№ 3379 от 10 ноября 1975 года), которая объявила, что «сионизм является формой расизма и расовой дискриминации» (теперь она отменена), в Израиле как-то не прилично говорить о расизме. Но он есть. Не потому, что есть сионизм. А потому, что есть сионисты (так сказать макашовы с обратным знаком), которые насаждают ненависть к арабам и которые вообще склонны пускать все другие народы по второму сорту. Так что стену ненависти надо разрушать и с израильской стороны. Иначе мира не будет.

12 июля группа ведущих раввинов из национально-религиозного лагеря приняли галахическое постановление,[48] запрещающее солдатам ЦАХАЛа принимать участие в эвакуации военных баз, расположенных на Западном берегу (в Иудее и Самарии). Раввины приравняли постоянные военные базы к еврейским поселениям.

> «Мы утверждаем, — заявляли раввины, что Тора запрещает покидать военные базы ЦАХАЛа в Иудее и Самарии с целью их передачи под нееврейский контроль, поскольку этот шаг ведет к невозможности исполнять заповедь о заселении Эрец Исраэль…Постоянный военный лагерь ЦАХАЛ представляет собой по существу полноценное, еврейское поселение. При существующих обстоятельствах его ликвидация равнозначна ликвидации еврейского поселения… А как установлено Маймонидом,[49] в случае противоречия между законами Торы и постановлениями государственной власти еврей

должен пренебречь постановлением государства ради верности Торе».

Раввины подчеркнули, что их постановление относится не только к солдатам, но ко всем гражданам Израиля.

Президент Израиля, премьер-министр, все министры, лидеры оппозиции решительно осудили постановление, расценив его как провокацию; как подстрекательство к расколу общества, к гражданской войне. Опасность усиливается в связи с тем, что призыв раввинов наложился на экстремистские настроения значительной части поселенцев.

Шум постепенно утих. Но он еще раз показал, что напряженность подходит к опасной черте.

АВГУСТ-95

Террор. Оправданы ли «жертвы мира»? — Российское представительство в Газе — Дело дельфинихи Федоры

9 августа мне исполнилось 65 лет. Не отмечал. Предавался раздумьям. Запись: «Жизнь прошла. Как? Всю жизнь молился ложным богам?» И другая: «Посольская жизнь остановила для меня российское время. Приеду — придется приспосабливаться к новому времени».

21 августа — взрывы в Иерусалиме. Очередные самоубийцы. 5 убитых, около 100 раненых.

Каждый взрыв, каждый террористический акт поднимал волну возмущения, волну протеста против беспомощности правительства.

Бывший советник премьер-министра по борьбе с террором полковник Игал Кармон обвинял правительство в отсутствии стратегии противостояния палестинскому террору. Не с симптомами надо бороться, писал он, а с причинами. А это потребует вмешаться в то, что происходит на внутренней палестинской арене, внутри автономии. И действовать более решительно, наступательно, не обращая внимания на причитания слева.

Раздавались призывы к казни террористов.

> «Государство должно защищать себя и народ, — писал в «Вестях» Яков Тохберг. — Должен быть принят закон, предусматривающий смертную казнь для каждого, кто совершил или пытался совершить террористический акт. Приговор не приводится в исполнение, если террористическая деятельность не имеет продолжения. Закон должен иметь ретроактивное действие. В случае продолжения террористической деятельности, отсроченные приговоры приводятся в исполнение. Такие меры должны оказать влияние и на психологические установки террористов-самоубийц. Совершая террористический акт, он убивает не только евреев, но и своих «коллег».

Участились резкие нападки лично на Рабина.

> «Где наша национальная гордость, гордость

победителей в пяти войнах? — спрашивал Рабина репатриант Яков Сусленский. — Мы должны были диктовать условия мира всем нашим арабским соседям. Но вы, господин Рабин, поставили нашу страну на колени. Перед кем? Перед бандой убийц. Жаждущих нашего истребления. Вашим «миром» Вы вызвали новый вид террора против нашего народа — теракты камикадзе, с которыми, по Вашему признанию, нет средств борьбы. Мы в нашей вооруженной стране уподобляемся тем, несчастным безоружным евреям, которые в годы второй мировой войны безропотно шли в газовые камеры. Мы — накануне новой Катастрофы».

К сожалению, Арафат подливал масло в огонь.

«Обязательства — это обязательства, а клятва — это клятва, — говорил он на митинге в Газе через несколько дней после взрывов в Иерусалиме, — Мы будем продолжать этот долгий, тяжелый путь джихада. Будут бои, будут погибшие. Но это дорога победы. Наши герои, принесшие свои жизни в жертву наэтой войне, пали не напрасно. И те, кто еще принесет в жертву свою жизнь, могут быть уверены, что мы будем помнить о них вечно, помнить как о святых…»

В эти же дни в газете «Курьер» появилось открытое письмо президенту Израиля, в подготовке, редактировании которого участвовали десятки читателей.

«В эти судьбоносные для Израиля дни, — писали они Вейцману, — мы обращаемся к Вам, так как считаем, что нынешнее правительство Израиля не пользуется больше поддержкой народа и допускает политические и дипломатические ошибки, которые самым роковым образом могут отразиться на будущем Израиля, а значит, и на нашем будущем и будущем наших детей и внуков.

Идущие в течение последних лет переговоры с арабами, населяющими Эрец Исраэль, и рядом арабских стран, усиливающаяся волна террора и обострение обстановки как на контролируемых территориях, так и в зоне безопасности в Южном Ливане. А также политические шаги и заявления лидеров ООП и этих арабских стран однозначно свидетельствуют о том, что партнеры Израиля по переговорам не готовы к конструктивному диалогу, не могут и не хотят пресечь

антиеврейские настроения своих народов и не оставляют надежд на уничтожение Государства Израиль и еврейского народа.

Это делает недопустимым дальнейшее проведение переговоров и требует настоятельных шагов по их приостановлению и проведения ряда мер по сохранению целостности Государства Израиль в тех границах, которые сложились на момент прихода к власти нынешнего правительства… Только в этих границах может быть обеспечена подлинная, а не мнимая безопасность нашей страны».

Так террор делал свое дело. Отвращал людей от переговоров, от поисков мира. Он работал на руку израильским «ястребам». Он калечил, огрублял души людей. Порожденный ненавистью, он воспитывал ненависть.

Герман Брановер. Почтенный человек, рижанин, доктор физико-математических наук. Интеллигент. Он возмущается тем, что «из-за боязни собственной тени мы обращаемся с убийцами, с бандитами, обстреливающими наши мирные города, убивавшими наших детей и женщин, натянув замшевые перчатки. Это то же самое, как если бы в войне с Германией союзники обстреливали только бункер Гитлера и не бомбили бы Берлин». Люди «Хизбаллы» убивают невинных, так почему мы боимся это делать? «Война всегда убивает невинных, но ответственность за их жизни на том, кто ее развязывает! Ведь это уже не раз бывало в истории. И только тот, кто вообще не понимает историю человечества, может говорить об обратном». Надо не бояться сносить с земли укрепленные пункты террористов, даже если там находятся мирные жители. Ведь сбросили же американцы атомную бомбу на Хиросиму… «С убийцами разговаривают с позиций силы, потому что никакого другого языка они не понимают. То же самое касается всего этого флирта с Арафатом и Сирией. Мы не отдаем себе отчета, что произошло в эти последние годы с нами. Все заключенные соглашения — ряд трагических страшных ошибок».

Разумеется, война — страшная, грозная и грязная вещь. Разумеется, гибнут невинные. Но призывать к этому, ориентировать на это — значит ставить себя на одну доску с убийцами и бандитами.

Мне трудно судить о том, все или не все сделало правительство Рабина, чтобы подавить терроризм. Наверное, не все. Да и кто знает, что значит «все»?

Вопрос о терроризме — это вопрос о цене мира. Можно ли и нужно ли оплачивать мир человеческими жизнями? Можно ли и

нужно ли вести переговоры, когда убивают невинных? Рабин считал, что можно. Шел против течения. Его убили. Но есть ли другая дорога к миру?

Познакомился с новым (вместо Бейлина) заместителем министра иностранных дел Эли Даяном. Он чем-то напомнил мне хорошо знакомую фигуру комсомольского деятеля; перешедшего из аппарата ЦК ВЛКСМ в аппарат ЦК КПСС. Молод. Напорист. Энергичен. Многословен. Весьма эмоционально отработал иранскую тему. Обещал, приехав в Москву, «раскрыть глаза» на иранскую опасность.

Спросил Даяна, знаком ли он с итогами международной детской математической Олимпиады? Не был знаком. Сообщил ему, что израильская команда заняла 13-е место, а иранская — 8-е. И добавил: настоящая опасность для Израиля не в том, что русские специалисты работают в Иране, а в том, что иранские дети знают математику лучше израильских (для справки: 1-е место занял Китай, Россия — на 3-м).

24 августа прилетел А.Ф. Чистяков, назначенный представителем России при Палестинской национальной администрации.

Вопрос об этом заранее обговаривался с Арафатом. Тот, естественно, был двумя руками «за».

Наше представительство не было первым в Газе. Поскольку ПНА не имела права на внешние сношения, то представители, были включены в дипломатические списки своих посольств в Израиле. Например, представитель Германии значился как советник посольства Германии в Израиле. То есть на него распространялись все дипломатические привилегии. Однако Алексей Федорович по причинам отнюдь не делового характера не захотел быть «приписанным» к нашему посольству. Это вызвало ряд трудностей бюрократического свойства, но, как говорится, своя рука владыка… Я подчеркнуто никаких советов коллеге не давал.

Представительство взяло на себя изучение и анализ обстановки в автономии, а также все контакты Арафата с Москвой. Но поскольку, с точки зрения израильского МИДа, Чистяков как бы не существовал, то коспонсорские дела остались за посольством.

Чистяков решил жить в Газе. Это уже само по себе — подвиг. Но для арабиста, прекрасно владеющего языком, это, наверное, еще и удовольствие. Кофе в Газе выше всяких похвал. Постепенно дела налаживались.

Однако не перевелись еще зоркие глаза и бдительные натуры.

«Российским деятелям, — предупреждал д-р Павел Винников читателей газеты «Время», — не занимать опыта по части обхода любых мирных соглашений. И вот недавно телевидение с нашей «доисторической» сообщило, что в секторе Газа начал свою деятельность представитель РФ — якобы для налаживания «культурных связей». Сообщалось, что он — арабист, обладающий большим опытом деятельности на Ближнем Востоке. Но мне достаточно было посмотреть на офицерскую выправку этого моложавого господина, чтобы сразу определить в нем «востоковеда в штатском». Судя по передаче, он уже довольно успешно обосновался в Газе и чувствует себя вольготно.

У России имеется давний опыт «братских связей» с палестинцами. Напомню вам, какие слова пришли в иврит из русского за годы существования Израиля: «Калашников», «катюши», МИГ и другие в том же роде. Неужели этого недостаточно для того, чтобы не насторожиться при виде посланца Москвы в стане врагов? Будем бдительны».

Действительно, у Чистякова бравый, подтянутый, моложавый вид. Чуть покрупнее и был бы «настоящий полковник». И он действительно востоковед и действительно в штатском. Что же касается «бдительности», то систематическое чтение объявлений о «засланцах» и не до этого доведет…

28 августа был неожиданно приглашен к министру экологии Сариду. По делу о дельфинах. Точнее, — о дельфинихе Федоре.

В кабинете Сарида находились несколько чрезвычайно взволнованных, агрессивно настроенных лиц, как потом выяснилось, из общества «Дайте зверям жить». В несколько голосов, перебивая министра, они шумели о том, что бедная Федора тяжело больна, что ее ни в коем случае нельзя увозить в Россию, что там не умеют ухаживать за животными и она погибнет. Надо оставить ее в Израиле и отправить в Эйлат, к морю.

Я не был готов к такой атаке. И ничего не знал о Федоре. Министр сказал, что он верит «общественности» и считает, что лучший выход — продать Федору израильтянам. Договорились, что я разберусь с дельфинихой в течение двух недель, а потом вернемся к разговору.

Разобрался даже быстрей. В 1990 году по соглашению между академиями наук в Израиль ввезли пять дельфинов и трех морских львов. Их сопровождали три тренера. Изучалась

адаптация черноморских дельфинов к средиземноморским условиям. Параллельно животные кормили себя и людей, выступая в специальной и очень популярной шоу-программе.

Через некоторое время одного льва и двух дельфинов вернули в Россию. Остались три дельфина и морской лев Тоша. 7 февраля 1995 года дельфин Макс скоропостижно скончался — заворот кишок. Потом заболел дельфин Боби, и как ни старались врачи (израильтяне, немцы, американцы, голландцы), 23 июля Боби не стало. При вскрытии в его желудке обнаружили 150 свинцовых пуль от пневматического ружья. Видимо, какая-то сволочь подбросила дельфинам рыбу, начиненную свинцом. Сделали рентген Федоре и увидели в желудке несколько десятков пуль. Промыванием сумели извлечь 35 штук.

И хотя было ясно, что в случившемся виноваты местные хулиганы, «зеленые» развернули шумную, бессовестную, бесцеремонную кампанию против «русских варваров», которые губят животных. Начались протесты и демонстрации. 3 августа мэрия запретила шоу. Тренер решил вывести животных домой. Но, не тут-то было. Хотя 14 августа постоянный лечащий врач Федоры Регев Шарон дал заключения, что она здорова и транспортабельна, под давлением «зеленых» Управление, гражданской авиации запретило вывоз Федоры.

Вот на этой стадии меня и пригласили к министру. Пришлось проштудировать дельфиньи бумаги. Все было в порядке. Наша академия категорически отказалась продавать Федору. 31 августа Доктор Шарон вновь подтвердил, что с Федорой все в порядке. 4 сентября мэрия разрешила возобновить шоу. Но уже веры к израильтянам не было. Договорился с Саридом. Прилетел самолет со специальным оборудованием, и Федора рассталась с Израилем.

12 октября в «Вестях» появился большой материал Марины Аристовой «Послесловие к печальному финалу». Марина писала: вся эта история «настолько бессмысленна и жестока, что лично я не берусь объяснить ее ни агрессивной некомпетентностью, ни чиновным произволом, ни кознями конкурентов — на мой взгляд, это просто одна из тех абсурдных сюрреалистических ситуаций, которые иногда случаются в жизни и заставляют усомниться в существовании в мире какой-то логики вообще и в человеческом поведении в частности».

Получили информацию о расширенном заседании коллегии МИДа «О ключевых проблемах деятельности МИД России». Коллегия выяснила, что главной проблемой нашей внешней политики является не дефицит концепций или пассивность дипломатии, а дефицит ресурсов в самом широком смысле —

экономических, информационно-пропагандистских, финансовых, а в последнее время все больше и кадровых.

За последние три года ушли 700 человек. Резко возросла доля сотрудников старше 50 лет. Вакантны более ста мест в загранпредставительствах. Центральный аппарат финансируется всего на треть от потребности. Средняя зарплата в МИДе около 440 тысяч рублей, почти в три раза меньше, чем в Минфине.

Коллегия создала комиссию и рабочую группу для подготовки предложений.

Было грустно…

СЕНТЯБРЬ-95

Вашингтон: «Осло-2». — Рабин в Москве

Гвоздевое событие сентября — подписание соглашения о промежуточном урегулировании («Осло-2»). Соглашение было подписано в Табе 24 сентября и «освящено» в Вашингтоне 28 сентября.

Между, «Осло-1» и «Осло-2» прошел год. Переговоры были вязкими, порой мучительными. Арафат несколько раз хлопал дверью. Палестинцы выжимали из автономии государство. Израильтяне же сжимали государство до автономии. Наконец, в первый день нового, 5756 по еврейскому календарю года, договорились.

Период промежуточного урегулирования продлится до мая 1999 года. Переговоры о постоянном урегулировании должны начаться не позднее мая 1996 года.

28-го наблюдал по телевизору торжественную процедуру в Вашингтоне. «Российский коспонсор» в лице Козырева имел место, но нас как-то не было заметно. Козырев не тянул против Клинтона. Вот, думал я, если бы Ельцин прилетел, Россия была бы в центре внимания. Не хватило политической фантазии…

6 октября Кнессет утвердил соглашение со счетом 61: 59. Эти цифры отразили раскол израильского общества. Почти половина населения была против того, чтобы отдавать землю в обмен на бумагу, на обещания, которым трудно было верить.

Соглашение вызвало столкновение противоположных оценок, мнений, эмоций. Скептики с обеих сторон видели в «Осло-2» троянского коня, который доставлен на территорию противника, чтобы коварством, обманом добиться победы. Для одних это означало сбросить-таки евреев в море, а для других — заставить палестинцев отказаться от мечты о своем государстве. И как это ни странно, именно оптимисты с обеих сторон снабжали скептиков аргументами. Начиналась новая полоса урегулирования, которая пройдет через труп Рабина и затеряется в лабиринтах политики Нетаньяху.

14 сентября в Москву прилетел Рабин. Первой была встреча с Козыревым. Обычный набор тем. Из этого перечня несколько выбивался вопрос о 45 БТРах, которые Ельцин обещал Арафату. Рабин деликатно беспокоился.[50] Затем — разговор с Черномырдиным. Наш премьер добросовестно подготовился. Говорил конкретно, по делу: электростанция на сланцах, алмазы,

опреснение, недвижимость. В общем, разговор оказался менее формальным, чем можно было ожидать. Но практических последствий не имел. Еще Рабин успел заехать к Грачеву. Там я не был.

Воспользовался случаем, походил по МИДу. Посувалюк был бодр и весел.

ОКТЯБРЬ-95

Нетаньяху пробивается к Ельцину — Арабская глубинка — Пьяные юристы

Начало октября я провел в Ростове-на-Дону, где отмечался юбилей Университета. В нем учился и закончил юридический факультет. Теперь — наряду с Баглаем и Шахраем — я проходил по графе «почетных гостей». В программу входили речи, ужин и показ приглашенным Ростова. Я воспользовался случаем и съездил на могилы родителей.

Нетаньяху пробивался к Ельцину. Мне позвонил его «посол по особым поручениям» и сообщил, что у Нетаньяху есть приглашение от В.П.Лукина. Но Нетаньяху не хочет ехать, пока не получит гарантий, что его примет Ельцин (аргумент — «все» меня принимают, и Клинтон, и король Хусейн, и Коль…). Я сказал «послу», что, по-моему, Нетаньяху малость перебирает. Но в Москву сообщил. Молчание Москвы можно было в данном случае трактовать как согласие со мной и несогласие с Нетаньяху.

20 октября всеобщий сбор в Савьоне, с чадами и домочадцами. Шашлыки жарил лично Илюша из «Кавказа». Было весело. Дети носились как угорелые. Мамы танцевали с чужими папами. А папы даже на травке толковали о «мирном процессе». И не верилось, что «склокоемкость» коллектива продолжает увеличиваться. На следующее утро допивали и доедали остатки.

Не выдержал перегрузок только один человек — спецкурьер охраны. Когда его везли домой, он выскочил из машины и убежал. «Мне показалось, что меня вербуют», — говорил он, проспавшись. Из чего я понял, что с бдительностью у нас все в порядке…

23 октября прибыла группа юристов из трех человек (Кириенко В.Ф., Баулин В.В., Куляев В.П.) для подготовки текста договора о покупке жилого дома. Прибыли и как сквозь землю провалились. На следующее утро панический звонок из гостиницы: «Сделайте что-нибудь, ваши буянят!» Послал в гостиницу бригаду по чрезвычайным ситуациям во главе с 1-м секретарем Сергеем Николаевичем Мрыкиным. Его докладная впечатляет.

> «24 октября в 13.00 совместно с сотрудниками консульского отдела Посольства РФ в Израиле Седовым Р.Ю. и Полиповым А.А. посетил гостиницу «Савой», в

которой 23 октября была размещена делегация ДКС и СЗ МИД РФ в составе Кириенко В.Ф. (105 номер), Баулин В.В. (101), Куляев В.П. (104). Посещение гостиницы было вызвано настоятельным требованием управляющего Патрика, привести к порядку указанных лиц. По словам управляющего, Кириенко, Баулин, Куляев в течение второй половины 23 октября и с утра 24 октября находились в состоянии сильного алкогольного опьянения, приставали к горничным, мешали отдыху постояльцев гостиницы, стуча им в двери. Управляющий подчеркнул, что вгорячах хотел вызвать полицию, но, учитывая добрые отношения сотрудничества, сложившиеся у гостиницы с посольством, не стал этого делать. Однако, если гости будут действовать в том же духе, он будет вынужден обратиться в правоохранительные органы Израиля.

Посещение номеров гостиницы, где остановились сотрудники МИД, подтвердили справедливость высказанных Патриком претензий. Комнаты находились в сильно загрязненном состоянии, в них были разбросаны вещи, на столах остатки выпивки и закуски.

Побеседовать с постояльцами не представилось возможным, поскольку они на момент нашего прибытия мертвецки спали. Им была оставлена записка с просьбой связаться с российским посольством.

Управляющему Патрику и горничной были принесены извинения и сожаления по поводу случившегося».

Все «сотрудники МИД», появлявшиеся в Израиле, пили — вдали от начальства и жен. Кто больше, кто меньше. Но делали свои дела. Кто лучше, кто хуже, но делали. А тут я просто рассвирепел. Договор нужен. Деньги большие. Документ сложный. А юристы лыка не вяжут.

26-го запросились обратно. Сказал им: «Положите договор — получите билеты!» Положили. Все потом пришлось переделывать.

НОЯБРЬ-95

Убийство Рабина — Несостоявшийся катарсис — Черномырдин на похоронах

«Черный ноябрь» — так будет точнее. Был убит премьер-министр Государства Израиль Ицхак Рабин.

Суббота, 4 ноября. Вечером в Тель-Авиве на площади Царей Израилевых проходил 100-тысячный митинг в поддержку мирного процесса. Выступал Рабин. В 21.50, когда он собрался уезжать и хотел сесть в машину, раздались три выстрела. Пули попали в спину, живот и грудь.[51] Моментально в госпиталь. В 23.15 Рабин скончался на операционном столе.

В воскресенье все мы были на работе. В стране объявлен двухдневный траур. Похороны назначены на понедельник, в 14.00. Днем позвонили из Москвы и передали, что на похороны прилетит Черномырдин.

Встречали Черномырдина в 10.50. В аэропорту все напряжено, прилетают почти в одно и то же время несколько десятков самолетов с главами государств и правительств. Сразу же — в военный вертолет и в Иерусалим.

Похороны состоялись на горе Герцля. Траурная церемония открылась речью Вейцмана. Его отношения с Рабином не всегда были простыми.

> «Были годы, — сказал президент, когда мы много времени проводили вместе. По крайней мере раз в неделю мы беседовали по полтора часа с глазу на глаз. Я знаю, что несколько раз в жизни мне пришлось сделать ему больно. Но я никогда не слышал от него слов критики, он был благородным человеком».

Внучка Рабина — Ноа:

> «Во мне нет, чувства мести, слишком сильна боль утраты. Земля разверзлась у нас под ногами, и мы пытаемся как-то удержаться в этой окружающей нас пустоте, но пока, безуспешно.
>
> Я не могу осознать, что все кончилось. Не по своей воле я прощаюсь с тобой, мой дедушка, мой герой, и прошу тебя, покойся с миром. Я прошу тебя: думай о нас, скучай по нам, мы тут, внизу, очень любим тебя. И если

меня слышат ангелы на небесах, которые сейчас уносят тебя от нас, то я прошу их, чтобы они хранили тебя, оберегали, потому что ты заслужил эту охрану.

Мы любим тебя, дедушка…»

Потом — официальные речи. И человека опускают в землю. Все проходит…

Из Иерусалима отправились в Савьон. Обещал подъехать Кучма, но в последний момент передумал. Расположились с Виктором Степановичем на веранде. Пельмени. Ростовский рыбец. И все такое прочее. Славно посидели. Обнаружили общих друзей. Поговорили за жизнь. Посувалюк присутствовал. Записано: «Как меняются люди в присутствии начальства! ВВП — такой маленький, незаметный, шуршащий».

Нахальная, хамоватая свита (37 душ прилетели, чтобы заботиться о премьере). Удивительное дело. Попали в чужой дом, и куда хотят — туда идут, безо всякого разрешения. Обиделись, что я выставил их с веранды. Кормление завхоз учинил на кухне.

В 20.00 проводили.

Убил Рабина 27-летний Игал Амир, студент юридического факультета университета Бар-Илан. Йеменский еврей из многодетной семьи. Не примыкал ни к каким политическим движениям и партиям. Был замкнут, погружен в себя. «Моей целью, — сказал Амир на суде, — было всколыхнуть общественное мнение. Люди равнодушны к тому, что здесь создают палестинское государство и армию вооруженных террористов, а оружие не служит миру… По Галахе следует убить еврея, который отдает в руки врага свое государство и свой народ». — «А как же заповедь «Не убий»? — спросил судья. — «… Существует предписание более важное, чем «Не убий» — «Спасение души». Когда убиваешь кого-то на войне, это тоже грех. Но цель — возвышенна, поэтому это разрешено. Если глава правительства… жмет руку величайшему из убийц, освобождает из тюрьмы террористов и спустя несколько дней они убивают евреев, это не глава моего правительства».

Родители, братья и сестры Амира обратились с письмом к семье Рабина и к всему народу Израиля.

«Огромное горе обрушилось на нас и на весь еврейский народ из-за убийства главы правительства Ицхака Рабина нашим сыном.

Это отвратительное преступление явилось катастрофой и для израильского народа и для нас, потрясло все основы нашего воспитания и все духовные ценности, которые мы старались внедрить в сердца

наших детей, — любовь к еврейскому народу, уважение человека человеком, любовь к родине и веру в Бога.

С позором и стыдом, скорбью и раскаянием мы просим прощения у Ицхака Рабина, у его семьи, у всего израильского народа и объявляем о своем полном неприятии и отмежевании от любых проявлений насилия!!!»

Не все просили прощения.

«Мы не намерены осуждать убийцу, — заявил лидер крайне правой еврейской организации ЭЯЛ Авишай Равив,[52] — это не наше дело. Ицхак Рабин был виновен в гибели сотен израильтян и сам стал жертвой того мирного процесса, который был начат по его инициативе. Теперь этому процессу, разрушающему наше общество и создающему в стране крайне напряженную ситуацию, пришел конец».

Амир пожизненно заключен в тюрьму.

«Израиль сразу после Рабина» — так было озаглавлено политическое письмо, которое посольство отправило в МИД в конце ноября.

Смерть Рабина вызвала шок в израильском обществе. «Еврей убил еврея!» — ужаснулись евреи. Отсюда неоднократно повторяемая мысль: теперь Израиль уже не тот, что был до убийства Рабина; теперь мы оказались в другом государстве, в другом обществе…

Раздавались и более трезвые голоса. Одни вспоминали Каина, который убил Авеля. Другие — «Альталену», потоплением которой командовал, кстати, Рабин. Третьи вообще высказывались против публицистических преувеличений.

«…Стоит ли бросаться из одной крайности в другую и утверждать, что после смерти Рабина Израиль стал иным? — спрашивал министр энергетики Сегев.[53] И отвечал: — Мне кажется, он тот же. Страна не может резко измениться за считанные дни. Просто-напросто не стоит успокаивать себя сладкоголосыми гимнами о национальном единстве. О нем пока не может быть и речи».

Да, Израиль остался прежним. Но возросла (пока, во всяком случае) потребность разорвать привычный круг мифов и легенд, разобраться в том, что же происходит на Земле Обетованной,

какова та совокупность обстоятельств (условий, причин), которые привели Игала Амира на площадь Царей и вложили «Беретту» в его руку. Иными словами, возросла потребность в социальном самопознании, в демифологизации идеологии, в критическом реализме как методологии исследований и оценок..

Высказываются разные суждения. Но большинство аналитиков склонны видеть корни преступления в затяжном политическом кризисе, охватившем Израиль, «в глубочайшем, как пишет юридический советник правительства М. Бен-Яир, расколе, который происходит в израильском обществе в последние годы» и который порождает «дух вседозволенности». Линия раскола — отношения к мирному процессу, к компромиссным соглашениям с арабами.

Некоторые наблюдатели не ограничиваются движением мысли по политической плоскости, а пытаются заглянуть под нее, выявить социальные предпосылки случившегося.

> «Жестокость порождена нетерпимостью, непримиримость — бескультурьем и глупостью, — утверждает обозреватель газеты «Луч» Р. Москович. — Среди хулиганья, которое громче всех вопит на митингах «правых», нет интеллигентов. Кто-то может предъявить университетский диплом, но люди, не скрывающие расистского отношения к арабам и пещерной ненависти к «предателям родины», — это современные дикари, это позор еврейского народа».

Убийство премьер-министра вложило в руки «разгребателей грязи» оружие, которым они не преминули воспользоваться. В чем истоки этого ужаса, этого позора еврейской нации и еврейской государственности? — задает вопрос В. Топаллер. И отвечает:

> «Они во всем. В извращенной и искусственной экономике и политике. В дичайшем антагонизме и взаимной ненависти социальных и этнических групп. В клокочущей нетерпимости и омерзительной левантийской ментальности… Во вседозволенности и безумной агрессивности. В процветающей продажности и коррупции. В отупении и равнодушии «квиютного» населения. В пустых, пережаренных мозгах огромной части израильской молодежи, воспитываемой по принципу «лучшее воспитание — это полное его отсутствие»… В позорном для моего народа фанатизме, мракобесии и жугчайшей провинциальности. В снобизме, ничем не оправданной вере в собственную

> исключительность, в непомерной узости и спеси. В экзальтированности, приличествующей лишь престарелой истеричке».

Каждое из утверждений Топаллера следует делить «на шешнадцать». И все-таки они отражают не только пристрастия автора,[54] но и какие-то — пусть искаженные, деформированные критическими гиперболами — фрагменты израильской действительности, той почвы, на которой созревают гроздья экстремистского гнева — Барух Гольдштейн и Игал Амир.

Политические аналитики правительственного лагеря, остерегаясь трясины метафизических умозаключений, стремятся сосредоточить внимание на конкретных проявлениях правого экстремизма, на тех действиях и публикациях правого толка, которые могли бы спровоцировать смертельный исход. Здесь имеются в виду и шумные демонстрации под лозунгами «Рабин-предатель», «Рабин-убийца», и портреты Рабина, одетого в эсэсовскую форму, и систематические публикации явно подстрекательского свойства. В качестве примера подобного рода публикаций можно привести пассаж из статьи А. Цукермана в газете «Ха-Шавца»:

> «Настанет день и израильское общество посадит Рабина и Переса на скамью подсудимых, и тогда перед ними замаячат альтернативы: либо виселица, либо сумасшедший дом. Ибо у этих двоих и всей их компании либо мозги усохли, либо они сознательные предатели».

Эта же газета приводит мнение руководителей «национально мыслящих религиозных евреев»: «с одной стороны, не может быть и речи о возможности убить Рабина или Переса, но с другой, — всем важно знать, что правительство «не подпадает под законы о царе (царя нельзя убивать) и что оно — враг Израиля».

Под обстрелом оказались позиции религиозных ортодоксов, наиболее непримиримой части антиправительственного лагеря. Еврейский религиозный фанатизм квалифицировался как «еврейский хомейнизм», ставящий религиозные установки выше законов государства и толкающий Израиль в пропасть гражданской войны. Не случайно Амир четко заявил: «По Галахе следует убить еврея, который отдает в руки врага свое государство и свой народ». Вот он и убил.

Массированная атака на правых, на оппозицию, фактическое возложение на них ответственности за выстрелы Амира вызвали резкие протесты со стороны Ликуда, да и не только Ликуда.

Уже 7 ноября Б. Бегин опубликовал заявление, в котором

говорится:

> «Вместе с половиной израильского общества я третий день выслушиваю обвинения в том, что несу ответственность за убийство премьер-министра. Обвинения исходят от политической группы, желающей прекратить полемику по жизненно важным вопросам. Порядочный человек не может смириться с политикой предъявления таких ужасных обвинений половине общества».

8 ноября выступил Д. Леви:

> «Боль и гнев оправданы. Однако создание ситуации, при которой любой человек в кипе и любой человек правых взглядов находится на подозрении у властей, абсолютно недопустимо».

Правые не только защищаются, но и переходят в наступление.

> «Убийство Рабина — трагедия для израильской демократии, — писал известный журналист и издатель Г. Мордель. — Но еще трагичнее глухота и слепота тех, кто ищет связь между Игалом Амиром и лагерем правых законных сил. Источник зла, порождающего насилие, — не митинги и речи противников мира, а насилие, с помощью которого правящий блок навязывает нации свое решение ближневосточного конфликта».

Мордель и прав и не прав. Он не прав, потому что связь между убийцей и «лагерем правых законных сил», несомненно, есть. Связь эта не в том, разумеется, что Нетаньяху или Бегин «подговорили» Амира убить раздражавшего их премьера. Связь эта в том, что ежедневная насыщенная оскорблениями в адрес Рабина антиправительственная кампания «законных сил» создавала духовный климат, располагавший к эксцессам. Связь эта в том, что лидеры «законных сил» не захотели — пока не припекло — решительно осудить экстремистов, отмежеваться от них.

Мордель прав, ибо «правящий блок» явно недооценивал готовность масс принять кардинальную смену вех в политике. На протяжении десятков лет в Израиле насаждалась ненависть к арабам. ООП изображалась как скопище террористов, а уж хуже, чудовищнее, гнуснее Арафата вообще никого не было. Все это откладывалось в общественном сознании на уровне аксиом, на

уровне 2х2 = 4. И вдруг поворот на 180 градусов. Переговоры с ООП. Рукопожатия с Арафатом. Передача палестинцам «исконных» земель. Массы явно не успевали за лидерами. Явно зашкалили психологические перегрузки. Правительство пыталось, разумеется, объяснить перемены в политике. Но, на наш взгляд, делало это вяло. Расчет был взят, скорее, на своего рода психическую атаку, слом — на волне успехов — господствовавших настроений, прорыв в новое психологическое пространство. К сожалению, активизация терроризма, выход на сцену арабских смертников существенно повлияли на обстановку, замедлили, если не сорвали переоценку ценностей, на которую надеялось правительство.

Приходится, таким образом, признать, что питательный бульон для экстремистов готовили повара и правой, и левой ориентации. Одни, несмотря на взрывы и жертвы, шли вперед, продолжали переговоры, вызывая, тем самым, огонь на себя. Другие, несмотря на законные действия правительства, всячески старались поставить под сомнение, подорвать его легитимную базу, и тем самым обозначить потенциальные цели.

Как и следовало ожидать, споры вокруг вопроса «кто виноват?» постепенно утихают, входят в норму. На первом плане появляется другой классический вопрос — «что делать?» Что делать, чтобы выиграть выборы 1996 года. Правительство и оппозиция по-разному отвечают на этот вопрос. Но — и это как раз доказывает, что Израиль остался прежним — и правительство, и оппозиция будут продолжать идти прежними политическими курсами.

Убийство Рабина объективно сработало в пользу Аводы. Маятник общественных симпатий качнулся в ее сторону.

Однако Перес не клюнул на дешевку — не пошел, используя растерянность, смятение в правом лагере, на досрочные выборы. Он избрал, другой путь — омоложение правительства и укрепление своего влияния в нем. Вперед, потеснив «рабиновских министров», было двинуто «третье поколение» (Барак, Рамон, Бейлин). Правительство сдвинулось влево.

Пока трудно сказать, что это будет означать для внутренней политики. Но для политики внешней можно прогнозировать еще большую втянутость в мирный процесс. Возможен медленный, почти незаметный дрейф от США к Европе. Возможен и рост, интереса к сотрудничеству с Россией.

Недавно в одной из газет прозвучало такое сравнение: Рабин — мотор самолета, летящего к миру, а Перес — крылья этого самолета. Может быть, точнее назвать Переса конструктором этого самолета. Но «моторности» Рабина ему явно не будет

хватать…

После убийства Рабина раздавались голоса об «очистительном» катарсисе», который должно пережить израильское общество. Катарсиса не получилось. Ни просветление, ни умиротворение не просматриваются. Политическое землетрясение, борьба за раздел политического наследства не вызвали больших жертв и разрушений. Скоро все войдет в свою колею. Израильское общество остается больным, расколотым на противостоящие группы и блоки. Призрак гражданской войны не исчез. Впрочем, не исчез и призрак мира.

В середине ноября в хайфском Университете состоялась международная конференция по проблеме палестинских беженцев.

В чем суть этой проблемы?

Война за независимость (1948–1949) и Шестидневная война (1967) заставили сотни тысяч палестинских арабов сняться с насиженных мест и бежать из Палестины. Имеют ли право эти люди вернуться обратно или — как минимум — получить компенсацию за оставленное имущество? Палестинцы говорят, — да, имеют. Израильтяне говорят, — нет, не имеют. Это и есть проблема беженцев.

Сколько их? Данные существенно расходятся. ООП говорит о 4-х миллионах. ООН называет цифру близкую к 2.5 миллиона человек. Поскольку статус беженца переходит «по наследству», то ныне беженцами считаются не только те, кто покинул Палестину в те далекие уже годы, но и их дети и внуки.

Позиция Израиля исходит из того что арабы искусственно подогревают проблему беженцев, используя ее как рычаг давления на Израиль. Если же отвлечься от политической мифологии, к которой относится идея возвращения всех беженцев в Израиль, то предлагается несколько тезисов, стоящих на почве политического реализма.

1. О массовом, коллективном возвращении беженцев в Израиль не может быть и речи. Для Израиля это означало бы самоубийство, харакири. Не может быть и речи о возвращении всех беженцев на территорию автономии. Это создаст взрывоопасные проблемы, которые, несомненно, перехлестнут границы автономии.

2. Не может быть и речи о сколько-нибудь масштабной компенсации. Ведь евреи, бежавшие из арабских стран, не требуют компенсации за дома, оставленные, скажем, в Касабланке или Багдаде. Так почему же мы должны платить компенсацию арабам за дома, покинутые ими в Яффо или Хайфе?

3. Решение проблемы беженцев только одно — интеграция их

в арабских странах. Если малюсенький Израиль сумел принять и абсорбировать миллионы, то почему два десятка арабских стран, территория которых больше территории Израиля в 480 раз, а население — в 36 раз, не может разместить у себя своих собратьев? Кстати, говорилось на конференции в Хайфе, именно по этому пути пошла Иордания, в этом же направлении развиваются события в Сирии.

Возможно, эти аргументы не бесспорны. Но звучат они убедительно. Если же перевести проблему в практическую плоскость, то мне представляется, что дело кончится (если и когда оно кончится) тем, что Израиль согласится символически, «поштучно» принять (у себя и на территориях) какое-то очень ограниченное число беженцев. И на этом проблема будет снята.

ДЕКАБРЬ-95

Визит Грачева — Израильская армия — Выборы в Думу — Может ли Израиль остановить время?

Декабрь начался визитом министра обороны России генерала армии Павла Сергеевича Грачева. С ним прибыли супруга Любовь Алексеевна и помощник по связям с прессой Агапова Елена Александровна, а также пять генерал-полковников и один контр-адмирал.

Рабин пригласил Грачева еще в апреле 1994 года. Долго тянулись всякие соображения и согласования, Рабин напоминал, да так и не дождался.

Встретили 30 ноября. И ко мне в Савьон — на ужин.

Работа началась 1 декабря с посещения министерства обороны (единственное министерство, расположенное в Тель-Авиве, остальные — в Иерусалиме). Все было первым сортом. Эскорт мотоциклистов. Почетный караул. Оркестр. Строй «наших» ветеранов.

Беседа с Пересом, котрый был и министром обороны. Начальник военной разведки генерал Моше Аялон доложил обстановку. На мой непрофессиональный взгляд, поверхностно и банально. Перес подчеркнул политическое значение визита. Подписали Меморандум о взаимопонимании по вопросам военного сотрудничества. Сотрудничество предусматривало обмены делегациями и рабочими группами, а также оркестрами и спортивными командами. К меморандуму прилагалась программа военного сотрудничества на 1996–1997 годы. Пока я мог наблюдать, ни один пункт программы не был выполнен. В порядке, бдительности стороны договорились о том, что меморандум имеет (или носит, как написано в тексте) «конфиденциальный характер».

2 декабря — Мертвое море. Вечером у Илюши в «Кавказе». Грачев подвел предварительные итоги: «Израиль — наш лучший друг. Здесь нас любят. И никто теперь меня с этого не собьет!» Генералы одобрительно гудели и дружно пили за «святую женщину» — Любовь Алексеевну.

3 декабря Грачев летал на север, посетил военную базу Рамат —Авив и что-то из ВПК.

4 декабря с утра у каждого генерала своя программа. Сбор днем в дегустационном зале завода марочных вин «Кармель». Альтернативное предложение — музей бронетанковых войск —

не прошло. Кто смог — пошел вечером на прием к Пересу.

5 декабря вне программы были приглашены к президенту. Как всегда — живой разговор. Вейцман немножко попугал Ираном, остановился на сирийских сюжетах. Грачев вел разговор грамотно, вполне на уровне. Он вовсе, не так глуп, как его рисуют наши журналисты.

Визит Грачева был полезен со всех точек зрения. Политически он еще раз давал понять, что Россия не вернется к односторонней политике прошлых лет. В военно-экономическом плане он намечал путь к выгодному для нас сотрудничеству в области модернизации вооружений. В психологическом плане он способствовал созданию нового образа Израиля. К сожалению, мы не извлекли из визита Грачева тех выгод, которые он мог бы дать.

Визит министра обороны заставил посольство пристальнее всмотреться в проблемы израильских вооруженных сил. В Израиле армия всегда пользовалась особым вниманием, была предметом особых забот. Это определялось историей страны.

> «Каково основное занятие нашего общества? — спрашивает известный военный историк Ури Мильштейн. — Ответ, увы, прост: более всего наше общество занято войнами. Разумеется, мы не только воюем, но почти все, что волновало израильское общество в духовном и практическом плане все эти десятилетия, находилось под сильнейшим влиянием наших военных усилий».

История Израиля — это, действительно, история войн, войн за право жить, существовать. В этих войнах (данные до апреля 1997 года) были убиты, умерли от ран 20 112 человек. По российским масштабам — не звучит. По масштабам израильским — много. 20 112 смертей — цена независимости Израиля.

Единственный способ свести эту цену к минимуму — хорошо отлаженный, безотказно действующий военный механизм, вооруженная современным оружием и умеющая им пользоваться армия. Государство Израиль, израильское общество не жалеют усилий и средств, чтобы иметь такую армию. В 80-е годы военные расходы Израиля (в них включается американская военная помощь) колебались вокруг 5 миллиардов долларов, в 90-е подтягиваются к 9-ти (в районе 10 % ВНП). В расчете надушу населения (примерно 1300 долларов). Израиль тратит на армию больше всех в мире (кроме Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов).[55]

Ставится задача иметь стратегическое преимущество над объединенными силами возможных противников. Это

преимущество сводится к трем основным факторам: кадры, офицеры и солдаты; тактика, умение воевать; технология, качество вооружений. В Израиле, понимают, разумеется, что в данном случае время работает против Израиля. Поэтому фундаментальное значение имеет стратегическое партнерство с Америкой. А также надежда на трансформацию арабских обществ, которая снимет Дамоклов меч постоянной военной угрозы.

В 90-е годы была сделана попытка провести глубокие реформы армии, приспособить ее к новому поколению войн и вооружений. Что-то Бараку удалось сделать. Но сопротивление среды поглощает, часто сводит на нет реформаторские усилия. По наблюдениям посольства, сохраняется громоздкая, ожиревшая, структура, возглавляемая генералами, многие из которых, как и положено классическим генералам, готовятся к предыдущей войне.

Армия, продолжает оставаться предметом гордости израильтян. Служба в армии продолжает оставаться почетным делом.[56] Но ветры, бушующие в стране, ощущаются и в армии. К коррозии ведет и «потеря противника», которая обозначается в ходе мирного процесса. Снижается общий уровень дисциплины. Растет употребление наркотиков. Все больше самоубийств. Увеличивается преступность. Появилась дедовщина. И главное — падает престиж военной службы. Как раз накануне приезда Грачева появились данные, что 22 % юношей и девушек не пошли бы служить, если бы их не обязывал закон. 30 % военнообязанных уклоняются от призыва или увольняются в запас, получив «белый билет» у психиатра.

Меняется, видимо, умонастроение офицерского корпуса. В июле 1996 года в газете «Маарив» писали о «печальной армии». Приводились слова «офицера высокого ранга»:

> «Армия уже забыла вкус победы. Железное правило, исходя из которого врага нужно бить в любом месте и в любое время, больше не действует. Армия уже не наводит на врага прежнего страха».

А «полевой офицер» жалуется на сковывание инициативы.

> «Тебе не определяют задачу, чтобы ты, будучи командиром части, выполнил ее наилучшим образом. Вместо определения задачи тебе отдают четкие приказы. Это облегчает поиск виновных в случае какой-нибудь неудачи. На таком вот принципе основана вся армейская система».

Особая проблема военного потенциала Израиля — ядерное оружие. Официальная позиция Израиля — не говорить ни «да» ни «нет». Все специалисты считают, что у Израиля есть 200–300 ядерных зарядов и средства их доставки (снаряды и ракеты). На всякий пожарный случай. «Зубодробительный неконвенциональный кулак Израиля», — прочитал я в какой-то газете. Не признаваясь, что такой кулак есть, не показывая его никому и очень им дорожа, Израиль категорически отказывается присоединяться к договору о нераспространении ядерного оружия.

И еще есть автомат «узи», пожалуй, не менее известный, чем наш «Калашников». Чем-то похожи и судьбы изобретателей. Калашников долго был в загоне, не говоря уже о причитавшемся ему, но так и не полученном «гонораре». Обидели и Узи Гала. Правда, в 1955 году, когда «узи» был взят на вооружение, его создатель получил высшую армейскую награду — орден ЦАЛАШ («Знак почета»). Но потом не заладилось с начальством, и Узи Гал уехал в Америку. Там и живет. Разрабатывает новые образцы автоматического оружия. Но — для американцев.

17 декабря состоялись выборы в Государственную Думу.

Могли голосовать все, кто имеет российский паспорт. Таких у нас было около 35 тысяч. Организовали три участка (в Тель-Авиве, Хайфе и Беэр-Шеве). Пришли голосовать чуть больше двух тысяч. Не так уж и много, но в «час пик» возникли трудности. Пришлось срочно вызывать подкрепление для участковых комиссий.

Итоги голосования показали политическую сознательность израильского электората. Больше всех голосов получил «Демократический выбор». За ним — «Яблоко» и «Наш дом — Россия». На последнем месте — Жириновский (8 голосов), а на предпоследнем — зюгановцы (69).

31 декабря варил себе холодец и, уложив Петровну спать, встречал Новый год напротив телевизора.

Старый год был трудным для Израиля. Сталкивались два подхода к мирному процессу. Убийство Рабина — трагическая кульминация борьбы. И еще не было ясно, какие уроки Израиль извлечет из этой трагедии.

Я думал о том, что мир с арабским окружением — необходимое, но не достаточное условие существования Израиля. Причем, если условие необходимое определяется внешними по отношению к Израилю факторами (мирное окружение), то условие достаточное связано с характером, природой самого, Израиля.

Абстрактно рассуждая, можно сказать, что перед Израилем

два пути. Один — превращение в «нормальное» демократическое государство западного образца. Другой — варианты «сионистской демократии», где права человека будут формулироваться не Конституцией, а установлениями Галахи. Вопрос можно поставить так: неизбежна ли американизация (вестернизация) Израиля или израильский народ преодолеет соблазны секуляризации и останется «народом Книги», народом, погруженным в традиционные (религиозные, иудейские) ценности. Именно с наличием указанных условий (необходимого и достаточного), с их интерпретацией, с борьбой вокруг них связаны фундаментальные противоречия, наиболее глубокие трещины, раскалывающие народ Израиля. Раскалывающие на евреев-израильтян, стремящихся к симбиозу традиций современности с акцентом на современность, и на евреев-иудеев, для которых традиции превалируют над современностью.

Если оставаться в пределах рациональной социологии, то придется признать, что у Израиля — неарабского государства в арабском окружении — есть все шансы выжить. Но шансов остановить для себя историческое время, остаться специфически еврейским (в религиозном, а не в этническом значении этого слова) государством, таких шансов нет.

На этом этапе своих новогодних размышлизмов я доел холодец, допил шампанское и лег спать.

ЯНВАРЬ-96

Кобзон в кутузке — Евгений Максимович Примаков — Лернер и «русская мафия»

Второй день Нового года начался с телефонного звонка об аресте Кобзона. Взволнованный женский голос сообщил, что Иосиф Давидович и жена его Неля задержаны в аэропорту и посажены в кутузку. Она звонит по просьбе Кобзона, так как его к телефону не пускают.

Время — начало 9-го. Звоню Носенко и прошу поехать в аэропорт. Затем звонки в МИД, в канцелярию президента, в канцелярию премьера. Звоню Эдику Кузнецову, у него большие связи, прошу поднять шум.

Шум был поднят. Носенко прорвался в камеру, откуда названивал в местные инстанции.

Оказывается, его задержали, когда он уже прошел паспортный контроль и сидел в виповском зале, ожидая багаж. Безо всяких церемоний, сославшись на указание МВД. С посольством связаться не разрешили. Сказали: будете ждать самолет в Москву. «Короче говоря, — рассказывает Кобзон, — привели нас с Нелей в камеру с двухъярусными нарами, с пропахшими мочой матрасами. Потом меня заперли там на ключ. Представляете, настоящая тюремная камера — с решетками, с глазком в дверях. Сказали, если захочу в туалет — пожалуйста. Туалет, кстати, без света, дверь не закрывается». По требованию Носенко в аэропорт прибыли представители МВД и министерства внутренней безопасности. Они сообщили, что Кобзон задержан «по подозрению в связях с русской мафией». Выпустили в 14.15. Не подумав извиниться. У этой истории есть предыстория. Как известно, Кобзона не пустили в Штаты. Газета «Вашингтон таймс» объявила его «царем русской мафии». 14 июля 1995 года «Едиот ахронот» опубликовала статью Шломо Абрамовича, содержащую аналогичные обвинения. Кобзон назвал Абрамовича негодяем. На что Абрамович ответил: не на меня надо обижаться Кобзону, а на российские спецслужбы, которые снабдили компроматом генерального инспектора израильской полиции Асафа Хейфеца. А газета лишь воспользовалась этим материалом.

Израильтяне не захотели отставать от американцев. И Кобзон попал в «черный список», заложенный в компьютер израильских пограничников.

Израиль отнесся к происшедшему спокойно. «Русский»

Израиль был возмущен до предела. Само собой, Топаллер:

> «Ладно, попробуем на секунду забыть, что оскорбили большого артиста и не очень молодого человека: вмешалась же, в конце концов, как говорят, канцелярия Переса, и Кобзона освободили. Ну, посидел восемь часов на нарах профессор, делов-то…
>
> А вот если бы вас задержали? Или вашу дочь, предварительно обозвав ее «русской блядью», как уже не раз бывало? Сколько времени потребовалось бы канцелярии Переса для вмешательства? Есть у меня на этот счет серьезные опасения… Выходит, представители закона имеют полное право творить беззаконие? Вам это ничего не напоминает?
>
> Отказали американцы Кобзону во въезде в США: их дело. Кого хотят, пускают, кого не хотят — нет. Имеют право. Мы что, так и будем всю жизнь пародиями заниматься, причем пародиями глупыми: сначала человек визу получает, а потом его в аэропорту хватают? Вот и сразился наконец министр Шахал с пресловутой «русской мафией»… Браво! Замечательный подарок получили Жириновский и прочая сволочь: вы видели, вы слышали, что там у Кобзона с его евреями вышло?»

Редакционная «Курьера»: «Мы не знаем, связан или нет Иосиф Кобзон с «русской мафией».

Но вот одно известно действительно точно: ни у российской милиции и работников спецслужб, ни у их коллег из США, Израиля и «Интерпола» нет никаких веских доказательств этого факта. И, таким образом, арестовав Иосифа Кобзона на основании ничем не подтвержденных обвинений, Израиль еще раз доказал, что в нашей стране совершенно не действует основной принцип демократического права, именуемый «презумпцией невиновности», и вообще правовая система оставляет желать много лучшего».

Впрочем, в общем хоре возмущения иногда слышались диссонирующие ноты.

> «Мы любим Кобзона-певца, — писал в газету: «Новости недели» Габриэль Илан, — но это отнюдь не распространяется на все остальные сферы его деятельности. Мне кажется, газета поторопилась, попытавшись выставить Государство Израиль в качестве ответчика по «делу Кобзона». Следовало бы выслушать не только певца, но и другую сторону, которая посчитала

нужным не пускать его в Израиль. А может быть и запросить госдепартамент США, отказавший Кобзону во въездной визе.

Г-н Бовин, посол России в Израиле, проявил завидную оперативность, подняв на ноги весь Израиль. Но господина посла можно понять: его обязанность — отстаивать права любого российского гражданина.

Мне, кажется, такая небольшая и экономически уязвимая страна, как Израиль, должна проявлять осторожность, чтобы вместе с волной алии 90-х годов к нам в страну не была, завезена эта страшная общественная болезнь, именуемая мафией. Я не уверен, что в случае с отказом Иосифу Кобзону во въезде в США кто-то пытался посадить на скамью подсудимых госдепартамент этой страны, угрожать демонстрациями у посольства США в Москве…

В своем радиоинтервью «Коль Исраэль» И.Кобзон пригрозил Государству Израиль «отлучением» — он, дескать, не будет больше вкладывать сюда деньги.

Мы пережили арабский бойкот, всевозможные блокады и остракизм. Переживем и «отлучение» Кобзона».

Скандал разрастался. Мне представлялось существенно важным добиться от израильских властей извинения и дать им понять, что они приближаются к опасному пределу, 18 января беседовал с генеральным директором министерства полиции (МВД) Яковом Лапидотом. Он долго объяснял мне, какое ведомство за что отвечает, но так и не мог сказать, кто же сотворил это безобразие. Получалось, — компьютер виноват. Попросил прислать мне инструкции, регулирующие порядок задержания в аэропорту. Лапидот обещал сделать это в течение недели. Однако несмотря на неоднократные напоминания, инструкций я так и не получил.

Зато получил очень сердитое письмо от Бурга. Мой ответ соответствовал:

«Я вполне разделяю Вашу заботу о соблюдении «основных прав человека», а также «общепринятых демократических норм и отношений».

Однако я не уверен, что упоминаемые Вами «заявления»… могут служить поводом для беспокойства относительно судьбы указанных прав, норм и отношений и тем более для выражения «абсолютного удивления и протеста». Если несколько слов, сказанных российским

дипломатом и весьма произвольно изложенных израильским репортером, заставляют Вас подниматься на недосягаемую для простых смертных высоту абсолютных категорий, то что же прикажете делать мне, если систематически приходится сталкиваться не со словами, не с заявлениями, а с реальными делами, с нарушением горячо защищаемых Вами прав, норм и отношений.

Речь идет о случаях, — ставших, к сожалению, системой, — хамского, варварского отношения работников аэропорта им. Бен-Гуриона к «подозреваемым» гражданам России, которых не хотят пускать на Землю обетованную. Не вдаваясь в долгие объяснения, их содержат фактически в тюремных камерах, не дают им связаться с консульством или посольством. Почти трое суток отсидела в такой камере учительница Н.Киселева, вина которой сводилась к молодости и красивым ногам. Там же провела день и была депортирована в Москву артистка эстрадного театра И.Петрова, ставшая жертвой компьютерной ошибки (кстати, через день ей позволили вернуться, но не удосужились ни извиниться, ни оплатить второй билет). Восемь часов отсидел на нарах известный всей России певец и общественный деятель Иосиф Кобзон — раз уж американцы не пустили его в Америку, то чем мы хуже?

Посольство, разумеется, протестует. Пишем официальные ноты. Но в ответ получаем нечто чуть похожее на извинение, выдавливаемое сквозь зубы. Но — вместо твердого заверения в том, что подобный произвол не повторится, — нам сообщается о «неизбежности» повторения таких «случаев». А ведь министры, в сфере компетенции которых творятся эти безобразия, несомненно, — если их спросить, — выскажутся, как и Вы, г-н Бург, за уважение прав, норм и отношений.

Теперь давайте подумаем вместе. Если так относятся к гражданам России в Израиле, если их заранее рассматривают как потенциальных преступников, если вокруг них образуется атмосфера недоброжелательности, то, как к этому могут отнестись в России?

Третий закон Ньютона действует не только в физике, но и в политике. И я боюсь, что независимо от позиции посольства, независимо от позиции российского МИДа или других ведомств, в России — а ведь все описанные

мною случаи широко освещены прессой — начнет складываться атмосфера, вряд ли облегчающая работу сотрудников Еврейского агентства, вряд ли благоприятная для граждан Израиля. Ни я, ни мои сотрудники не хотим этого. И смысл тех слов, которые, вызвали у вас «абсолютное удивление и протест», как раз и состоит в том, чтобы привлечь внимание к опасности такого поворота событий, который не нужен ни России, ни Израилю. Зачем же сердиться?

Я «абсолютно» уверен, г-н Бург, что Вы являетесь сторонником хороших отношений между нашими странами. Вот почему я прошу Вас использовать весь свой авторитет для того, чтобы права российских граждан, приехавших в Израиль, нормы, которыми регулируется их пребывание здесь, их отношения с представителями израильских властей находились хотя бы на элементарном демократическом, цивилизованном уровне».

23 января был у Переса. Тоже толковал ему о третьем законе Ньютона. Премьер-министр высоко. Факты такого рода, сказал он, доходят до меня в сглаженном виде. Но обещал дать указание действовать строго в рамках законности и корректно. На эту же тему в феврале состоялись разговоры с Рамоном (МВД) и Бараком (МИД). С таким же успехом. Они выражали понимание, они извинялись, они даже, обещали «разобраться», но это был как раз тот случай, когда добрые намерения начальства затухали по мере их продвижения к исполнителям.[57]

С Кобзоном встретились через пару дней. Он был расстроен. От поездки в Эйлат отказался, настроение не то. Говорил — ноги моей здесь больше не будет. С тем и улетел. Но появился в мае. Очень уж ветераны просили его приехать, выступить в праздничные, «победные» дни. Пел четыре часа. Уважил стариков.

13 января позвонил в Москву и поздравил Евгения Максимовича Примакова с назначением в МИД. Когда твои друзья становятся твоими начальниками, возникают сложности. Тем более, что время и должности меняют людей…

В Израиле назначение Примакова было встречено настороженно, с большой опаской. «Более чем странное назначение» называлась редакционная в «Нашей стране». По мнению газеты, новый министр — «фигура весьма одиозная во многих смыслах. Уже тот факт, что он был (а вполне возможно, и остается) личным другом Саддама Хусейна, озадачивает. Примаков считается специалистом по проблемам Ближнего

Востока. Но специалистом с ярко выраженной арабской ориентацией. Во время перестройки Примаков был чуть ли не правой рукой Горбачева в вопросах, касающихся внешней политики. Между прочим, во время одной из первых встреч Горбачева и Рейгана Примаков заявил одному израильскому журналисту, что СССР не собирается устанавливать дипломатические отношения с Израилем, пока тот осуществляет свою экспансию на Ближнем Востоке и незаконно оккупирует палестинские и ливанские территории.

Примаков во все времена был близок к советскому официозу. Его назначение на один из ключевых постов в правительстве может иметь разные подоплеки, в том числе и такую: президент Ельцин пытается таким путем «умаслить» прокоммунистическое парламентское большинство в новой российской Думе.

Впрочем, время покажет. Пока же известно, что Госдепартамент США выразил серьезную озабоченность этим назначением. А израильский официоз — недоумение тем фактом, что в то время, когда отношения между Израилем и Россией начинают по-настоящему развиваться, министром иностранных дел назначается человек, известный своими антиизраильскими настроениями». Для подтверждения таких выводов цитировались работы Примакова доперестроечных времен.

Ельцин снова сумел удивить публику, писал в «Едиот ахронот» Мером Раппопорт. «Евгений Примаков, многие годы проповедующий антизападный курс, отныне будет определять внешнюю политику Москвы». Профессор Еврейского университета Шломо Авинери, который встречался с Примаковым в 70-е годы во время его «тайных» встреч с израильтянами, полагал, что Примаков выражает настроение тех политических кругов, которые пытаются «реставрировать положение России на международной арене», снова видеть Россию сверхдержавой.

Активно эксплуатировалась тема еврейских корней Примакова. Примерно в таком ключе: как и всякий выкрест он патологически не любит евреев. Кстати, тема для меня совершенно новая, так как я всегда считал Примакова то ли полугрузином, то ли полуармянином. В том кругу, в котором мы вращались, это вообще не имело никакого значения. Все мы были интернационалистами по глубочайшему внутреннему убеждению. Таким был и Примаков.

В Израиле очень внимательно следили за каждым шагом Примакова. И нередко эти шаги сопровождались необъективными комментариями. Скажем, приезжает Арафат в Москву и Давид Маркиш, человек несомненно, умный, вдруг разражается нервной филиппикой:

> «Визит Арафата, принятого в Москве с почестями, оказываемыми главе государства, можно оценить как торжество неуклюжей политики шефа российского МИДа Примакова. Это он, Примаков, с упорством, достойным лучшего применения, пытается переориентировать Россию на Восток. Но движение России на Восток не может не быть ни чем иным, как движением колониалистским, державным. Так было, так есть, а что будет — предсказуемо лишь с большими натяжками! Прибить щит к воротам Царьграда и вымыть пропотевшие сапоги в водах Индийского океана — вековая мечта русских шовинистов и охотнорядских «патриотов», чьи взгляды, по-видимому, разделяет отчасти и министр Примаков, рядом с которым его предшественник, импульсивный Козырев, кажется тишайшей романовской овцой. Для чего нужна сегодняшней России экспансия на Восток? По той лишь причине, что экспансия на Запад, с его расширяющимся НАТО, попросту невозможна. Министр Примаков, академик и до недавнего времени руководитель Службы внешней разведки, должен бы знать, что многие беды России произошли как раз оттого, что эта самобытная евразийская страна, примеряя то западноевропейский камзол, то азиатский халат, так и не сумела определиться на своем собственном оригинальном месте в истории, избрать свой путь и следовать ему».

При всем моем уважении к Маркишу, должен сказать, что «с упорством, достойным лучшего применения», повторяет зады «патриотов» (эпитет пусть он подберет сам).

В пустопорожних рассуждениях, которыми сопровождалось назначение Примакова, проскальзывала, пожалуй, одна верная мысль. Примаков чувствовал за собой Россию, и если говорить об его «анти», то он был «анти» того, что противоречило интересам России, что мешало ей занять достойное место в мировой политике.

В мою бытность Евгений Максимович дважды приезжал в Израиль. Мне, естественно, хотелось поговорить с ним «по душам», как прежде. Но не получалось. Визитная суета. Мощное окружение. Так и не поговорили…

25 января состоялась «презентация» Первой Российско-Израильской Финансовой Компании (ПРИФК), президентом которой был Цви Бен Ари (Григорий Львович Лернер).

Все выглядело как нельзя солидно. Из Москвы специально

для этого случая прибыли, если мне не изменяет память, А.Н.Яковлев, академик Л.И.Абалкин, заместитель председателя Центробанка России А.А.Хандруев и другие весьма почтенные лица.

Приветствие прислал премьер-министр России. Но еще больше чем за месяц до официального открытия В.С. Черномырдин, отвечая на вопросы «Новостей недели», заявил, что он воспринял решение о создании ПРИФК с хорошим чувством.

> «Ведь речь идет действительно о серьезном прорыве в наших двусторонних отношениях. Если я не ошибаюсь, подобных аналогов в Израиле не существует.
>
> Этот факт вселяет определенные надежды на более динамичное развитие торгово-экономических связей между двумя странами. Надеюсь также, что благое начинание не останется на бумаге, как, к сожалению, часто случается».

Компания принадлежала на равных Промстройбанку России и Лернеру. Ее уставной капитал составлял 40 миллионов долларов. Задача компании — аккумулировать, привлекать доллары, «ушедшие» из России, находящиеся за границей, и инвестировать их в Россию. Компания гарантировала вкладчикам 15 % годовых (при среднем в Израиле уровне 4–5 %).

> «Израиль, — рассказывал Лернер о создании ПРИФК, — пожалуй, единственная из развитых стран, где в настоящий момент нет ни одного совместного, или западного банка. Финансовый истеблишмент здесь невероятно силен. Три года мы боролись за создание здесь российско-израильского банка, но все безуспешно, даже американцам до сих пор не удалось пробить эту стену. Тогда мы решили подать заявку на создание «финансовой компании», фактически выполняющей многие функции банка. И хотя раз за разом получали отказы, наши юристы их постоянно опротестовывали, и в итоге мы получили лицензию на создание такой компании. В израильской истории — это первый подобный случай».

Я не знаю, как разворачивались дела у ПРИФК. Знаю только, что где-то в середине 1996 года Промстройбанк вышел из состава акционеров компании. А 13 мая 1997 года (как раз в тот день, когда я покинул Израиль) Лернер — под бой барабанов о борьбе с «русской мафией» — был арестован.

По просьбе газеты «Коммерсант-Daily» я написал небольшую заметку о ситуации с «русской мафией» в Израиле. Она была опубликована 7 июня 1997 года. Упомянул и о Лернере: «Ничего не хочу, точнее, не могу сказать о сыпящихся на Лернера обвинениях, ибо как бывший судья исповедую презумпцию невиновности. Вина человека может быть доказана только судом».

К моему удивлению, 4 июля в «Правде» появилась статья «Лернер и смена караула». В ней (со ссылкой на израильское телевидение, которое в свою очередь ссылалось на «полицейские источники») сообщалось: «…дети Бовина учились в дорогих зарубежных школах за счет Григория Лернера, который плюс к этому «оплачивал отпуска и отдых Бовина и его коллег». И дальше: «Вслед за этим поползли слухи о финансовых неурядицах в посольстве — о невыгодных арендных договорах, о десятках тысяч долларов, взятых Бовиным на свое лечение из бюджета посольства, о десятках тысяч полученных им от неизвестных спонсоров. В этом смысле смена караула в здании русского посольства в Тель-Авиве произошла как никогда вовремя».

Автором статьи в «Правде» был уже упоминавшийся Исраэль Шамир. И этим вроде бы все сказано. Но я все-таки хочу, пустить «слух», что моя единственная, к сожалению, дочь закончила, МГИМО задолго до того, как я познакомился с Лернером. И другой «слух» — за все пять лет я отдыхал один раз на Мертвом море, да и то, опять же к сожалению, за свой счет. Все остальные «десятки тысяч» — из той же оперы.

А теперь поговорим о Лернере. Лернер принадлежит к тем талантливым людям, которые умеют из денег делать деньги. Как, например, Сорос или Гусинский. Для этого не обязательно быть преступником, но обязательно иметь ум и энергию. Биография Лернера состоит из взлетов и падений. Учился на журфаке в МГУ. Первый взлет — из стройотрядов в шабашники. И — тюрьма. Второй взлет — кооперативы, частный банк, разворот в Швейцарии. И снова — арест. Третий взлет — уже в Израиле. И третий раз в тюрьме. В первых двух случаях, насколько я понимаю, обвинения не были доказаны, и Лернера выпускали. Третий случай еще длится.

Познакомился я с Лернером как раз по поводу пробивания той стены, которая не пускала российские банки в Израиль. Был однажды у него в конторе (офис по-нынешнему). Роскошь. Даже спросил у него: зачем это? Кому это нужно? Он ответил, что в том мире, в котором он вынужден пребывать, так положено. «О тебе судят по вещам, которые тебя окружают». Сам Лернер производил хорошее впечатление. Никаких ухваток «нового русского». Знает дело. Не суетится. В газетах писали, что купил томограф для

больницы в Ашкелоне (он там живет), там же обустроил школу искусств, помогает детской балетной школе в Иерусалиме, которую ведет Нина Тимофеева.

Израильские власти всегда смотрели на него косо. Подозревали в «отмывании» грязных денег, в связях с «мафией» и уж не знаю, в чем еще.

«Русская мафия» стала навязчивой идеей израильской полиции. И постоянной темой израильских газет. Курсировали самые невероятные слухи. Помню «слух», что в марте 1996 года намечается массовая высылка главарей «русской мафии» за пределы Израиля. Потом пошел «слух», что; в связи с приближающимися выборами решили этого не делать, чтобы не будоражить «русскую» общину. После выборов «слух» материализовался: появились сообщения о списке 35-ти «мафиози», который был подготовлен в министерстве внутренней безопасности и передан в министерство внутренних дел. В МВД должны решить, что с ними делать — арестовывать или депортировать.

Поскольку вся эта вакханалия рикошетом била по России, я попытался разобраться в происходящем Попробовал для начала раздобыть список. Говорил с обоими министрами. Они крутили и вертели. Список был неуловим. Потом мне намекнули, что список-то, этот составлялся в Москве, оттуда его прислали. Запросил Москву. Ответили, что в МВД России никаких сведений о каком-либо списке нет. Так что список я не получил.

Через какое-то время появились новые «слухи». Во-первых, почти все, кто есть в списке, давно уехали из Израиля. Во-вторых, оставшиеся — евреи, и их нельзя депортировать. А в-третьих, они вообще не нарушают законы Израиля. Казалось бы, тема исчерпана. Однако там, где действует интерес, логика бессильна. Погоня за «русской мафией» продолжалась.

Реакцию русскоязычных газет не трудно представить.

> «Разумеется, ларчик открывается куда как просто, — говорилось в газете «24 часа». — Закостенелый как позвоночник паралитика, израильский истеблишмент не готов к тому, чтобы включить в свои структуры — экономические, политические, социальные — представителей почти миллионной русскоговорящей общины. Не понимая ее ментальности и страшно боясь ее динамичности, он придумал себе навязчивую идею русской мафии, стремящейся поглотить маленький: Израиль, и под этим предлогом всячески противится инициативе новых израильтян».

После ареста Лернера поднялась волна протестов. Не буду цитировать «русские» тексты. Но протестовали и «настоящие» израильтяне. Председатель правления Еврейского агентства опубликовал открытое письмо премьер-министру Нетаньяху:

> «Я категорически против того, чтобы на всю русскоязычную общину и бизнесменов, вышедших из ее среды навешивался ярлык «русская мафия». Более того, мне представляется, что бездумное огульное использование подобных определений, присущих, как правило, антисемитскому лексикону, препятствует объективному и справедливому расследованию дела Лернера, поскольку создает ситуацию, в которой, под подозрением находится не конкретный человек и его пособники, а часть общества. Не вмешиваясь в вопрос виновности или невиновности Лернера, который, я уверен, разрешит израильский суд, я считаю своим долгом напомнить, что нам уже известны прецеденты, когда процесс против отдельного человека служил поводом для обвинения целой общины…».

> «Израильская финансовая элита, — писал в связи с делом Лернера известный адвокат Йорам Шефтель, — не хочет и, по-видимому, не может честно состязаться с богатыми евреями, репатриировавшимися в последнее время из бывшего СССР. Эта элита опасается, что находчивость и талант этих евреев позволят им прибрать к рукам отдельные куски израильского экономического пирога. Что ж, никакой истеблишмент не любит расставаться со своим достоянием. В случае опасности его представители не стесняются в средствах, пытаясь оттеснить конкурентов — в данном случае «русскую мафию», делегитимизировать их и вывести из игры, идущей на поле израильской экономики».

В принципе я согласен с такими суждениями и оценками. В упоминавшемся уже материале, который напечатал «Коммерсант», мне хотелось подойти в вопросу о «русской мафии» с более широких позиций.

> «В последнее время, — писал я, — эта самая «мафия» стала модным сюжетом. Не будем спорить о термине. Примем за рабочую гипотезу, что имеются в виду преступники и преступность, которые ныне не только заполонили Россию, но и служат важной статьей

российского экспорта. Не удивительно, что страны, куда идут основные потоки криминального экспорта, пытаются в меру своих сил и возможностей бороться с ним. Но это только одна сторона проблемы. Другая сторона, на мой взгляд, заключается в том, что жупел «русской мафии» активно используется с целью борьбы против нарождающегося российского бизнеса.

Да, холодная война окончилась. Началась другая война и, возможно, более опасная для новой России. Война, рассчитанная на то, чтобы затруднить, ограничить выход России на мировые рынки, чтобы держать в черном теле (держать как можно дольше) основу нашей индустрии — российское машиностроение, включая, разумеется, ВПК, чтобы затормозить становление в России современной банковской системы. В общем, Россию хотят видеть страной, акуратно поставляющей нефть, газ, сырьевые товары. Не более того. И в этом контексте, в этой войне шум вокруг «русской мафии» — своего рода оружие массового поражения, призванное ославить, дискредитировать российских бизнесменов и банкиров и направить экономическое сотрудничество с Россией в русло, отвечающее, прежде всего интересам наших «цивилизованных» партнеров.

Теперь об Израиле… Там тоже вовсю воюют против «русской мафии». Но там эта война имеет свою специфику. Там направление главного удара — не собственно российский бизнес, а в первую очередь «русские» бизнесмены, финансисты, политики, то есть люди, приехавшие из России и все активнее вторгающиеся в экономическую и политическую жизнь Израиля.

Наверное, среди таких людей есть и такие, которые нарушают закон. И с ними следует поступать по закону, на что, как известно, существует суд. Но в этой, тоже ведь цивилизованной стране предпочитают поступать по-другому. Действует презумпция виновности. Всякий неудобный для израильского истеблишмента «русский» зачисляется в разряд «русской мафии».

Причины понятны. Тех, кто давно имеет хороший кусок хлеба с маслом, кто привык видеть вокруг себя «своих», привык командовать парадом, пугает напор «русской» алии, напор энергичных, инициативных, знающих людей, быстро осваивающихся на своей

«исторической родине». Вот почему годами жуется и пережевывается информация о списках «русской мафии», которые, окруженные облаком тайны и неопределенности, кочуют где-то между министерством внутренних дел и министерством внутренней безопасности. Удары, формально предназначенные «русской мафии», бьют по «русским» предпринимателям вообще, по «русским» членам кнессета и министрам, по «русским», занимающим высокие посты в государственном аппарате.

Казалось бы, все это исключительно внутреннее дело Израиля. Но не совсем так. Истерия вокруг «русской мафии» работает на дискредитацию тех, кто заинтересован в развитии экономического сотрудничества России и Израиля, на дискредитацию российских экономических и финансовых структур. В головы израильтян усердно вдалбливается мысль: если из России, ежели российское — тут что-то не так, тут ищи след «мафии»…

И последнее. Слово «война», которое неоднократно было употреблено выше, — это образ, метафора, чтобы резче, рельефнее обозначить мысль. Но эта метафора работает и на рыночной арене. Там, где есть конкуренция, нет сантиментов. Никакие проповеди не помогут прекратить словоблудие по поводу «русской мафии». Нужны не проповеди, а умение играть по этим жестким правилам. Причем, и это тоже одно из правил, власти «цивилизованных» стран активно (хотя и не всегда вслух) поддерживают своих бизнесменов. Возможно, я ошибаюсь, но иногда думается, что российские власти еще не усвоили это правило».

Следствие по делу Лернера тянулось долго. Полиция никак не могла собрать убедительные доказательства. Лернер упорно сопротивлялся. А потом что-то произошло. Что — мне трудно сказать, поскольку я был уже далек от израильских проблем. Лернер пошел на соглашение с обвинением. Частично признал свою вину и «принял» срок.

У меня остается ощущение фальши. Не знаю, хватит ли у Лернера сил на четвертый взлет.

Январь, как всегда, месяц сочинения политического отчета,

Опыт уже был. Каждый писал свой кусок, обсуждали их и «склеивали». Общая проходка — за мной.

И вдруг — при очередном обсуждении — как прорвало. «Мы

тут пишем, а Израиль в грош нас не ставит. Россию третируют как коспонсора. Тянут резину с недвижимостью. Не информируют. Продолжают хамить в аэропорту. Уходят от крупных проектов». Такие вот примерно тезисы. Накипело и наболело.

Пошумели и разошлись. Но не зря пошумели. В отчете прибавилось чуть-чуть уксуса и немножечко перца. Так, чтобы нам полегчало, а начальство не заметило.

ФЕВРАЛЬ-96

Сражение за недвижимость: второй и последний этап — Письмо Примакову — Стихи Примакову

Февраль начался и закончился довольно сердитым обменом мнениями между МИДом и посольством по поводу «битвы за недвижимость».

Начало этой эпопеи уже излагалось (см. «Февраль-1993»). Напомню, что израильтяне обещали завершить все дела к 1 сентября 1995 года. Но не завершили, передвинули перерегистрацию на 23 января 1996 года.

В этот день, 23 января, я посетил Переса и напомнил ему, что «последний срок» истекает именно сегодня. Премьер-министр удивился, сказав: «Я был уверен, что все давно решено». Обещал, — в который уж раз! — разобраться, В связи с этим посольство сообщило в МИД, что настало время пустить в ход «орудия главного калибра» (имелось в виду письмо Ельцина или Черномырдина Пересу).

Орудия (правда, не главного калибра) ударили, но по посольству. Мы получили указание Посувалюка действовать «наступательно», «выражать озабоченность», подчеркивать, что для «дальнейших проволочек не существует разумного объяснения». Я ответил, что именно так мы и действуем. Однако нам (и посольству, и МИДу) следовало бы учитывать различие между политическими и юридическими аспектами проблемы. Напомнил историю с Эль Бирке. Арафату не стоило большого труда принять «политическое решение». Но даже он не мог игнорировать юридические барьеры, хотя ему «напоминали» и Козырев, и Посувалюк. Лично мне, писал я начальству, было стыдно, неловко говорить с Арафатом на эту тему. Он, наш «дорогой друг», только-только обрел свою территорию. И с чего же начинаем мы? Неужели мы не понимаем, о чем думали Арафат и его окружение, выслушивая наши настояния?

После этого лирического отступления я отметил, что в Израиле политика не может абстрагироваться от права, от закона. Все юридические аргументы посольство уже использовало. И чтобы заставить Переса сделать «ход конем», то есть, закрыв глаза на юридические «за» и «против», завершить дело на политическом уровне, необходимо более мощное политическое давление, чем в случае с Арафатом. Если предстоящая беседа с Вейцманом и письмо Пересу не дадут результата, то чтобы ускорить события,

надо использовать «крупный калибр».

На мой взгляд, наше требование перерегистрации пока имеет характер «самодеятельности», поскольку нет специального, обладающего юридической силой, обращения правительства России к правительству Израиля.

Ответ поступил незамедлительно. Калибр был увеличен. Писал первый заместитель министра Иванов. Он решительно не соглашался с «самодеятельностью». Основа переговоров — Указ президента России от 8 февраля 1993 года «О государственной собственности бывшего СССР за рубежом» и распоряжения правительства, коими МИДу поручалось вести переговоры с Израилем. Израильтяне согласились вести переговоры, они уже давно ведутся, — так какая же «самодеятельность»?

Далее Иванов упрекал посольство в том, что оно попалось в «примитивную юридическую ловушку»: Израиль эксплуатирует претензии Украины для затягивания практического решения вопроса. «Мириться с такой ситуацией вряд ли допустимо».

Мой ответ звучал примерно так.

1. Указ президента России выражает отношение президента к собственности бывшего СССР, находящейся за рубежом, и не создает никаких юридических фактов для властей иных государств. Что же касается упомянутых постановлений правительства, то они оставляют за бортом главный объект нынешней стадии переговоров — земельный участок на улице Кинг Джордж.

До сих пор нет официального, составленного по всем правилам канцелярской науки документа, в котором правительство России ставило бы перед правительством Государства Израиль вопрос о перерегистрации недвижимости. В нынешних условиях такой документ имел бы не только юридическое значение, но и служил бы важным рычагом политического давления на Израиль.

2. Израильтяне с самого начала переговоров поставили перерегистрацию в зависимость от урегулирования имущественных отношений между Россией и другими странами СНГ. Именно поэтому мы предоставили Рубинштейну копии всех соглашений между Россией и соответствующими странами вместе с документами, подтверждающими вступление этих соглашений в законную силу. Вот тут-то и всплыл «украинский фактор»

В конце добавил: тональность послания Иванова оставляю на совести автора.

8 февраля посетил президента. Разговор завершился таким образом:

— Что сделает Киев, если мы пойдем навстречу вам?

— Во всяком случае будет недоволен вами.

— Значит перед нами выбор: рассердить Киев или рассердить Москву.

— Вот именно.

Президент обещал «лично влезть» в это дело.

Насколько я осведомлен, Вейцман действительно лично изучил все бумаги. Кажется, говорил с Пересом. Но, видимо, согласился не смешивать политику с правом. В последующих беседах со мной он эту тему не поднимал. Я — тоже.

21 апреля заговорили орудия «крупного калибра». Примаков, прибывший с визитом в Израиль, выразил свое «недоумение» Бараку. Министр обещал закрыть вопрос в течение двух недель. Барак — человек военный и, видимо, тут же дал «команду».

1 мая мы получили ноту израильского МИДа. «Министерство, хотело бы довести до сведения посольства, что правительство Израиля приняло решение переоформить недвижимую собственность с СССР на имя Российской Федерации через две недели при условии, что судебные инстанции не вынесут решения, запрещающего переоформление».

Смена правительства в Израиле привела к дополнительным сложностям и задержкам.

14 сентября из российского МИДа поступило указание придать процедуре передачи соответствующих бумаг некую «торжественность» и приурочить её к приезду Примакова. Что и было сделано. 31 октября министр иностранных дел Израиля Давид Леви передал своему российскому коллеге документы о перерегистрации.

Так закончилась эта долгая и не всегда приятная история. Мне до сих пор не до конца понятна позиция израильтян. За ссылками на юридические аспекты ощущалось сопротивление каких-то отнюдь не юридических сил. Но «ощущения» — не доказательство.

25 февраля прогремели два взрыва — в Иерусалиме и в Ашкелоне. Террористы-самоубийцы. 22 человека убито, более 80 ранено. И снова град обвинений в адрес правительства. И снова какие-то конвульсивные жесты и действия. То, что можно было бы назвать «нерешительной решительностью». Прежняя формула — «Мы будем вести переговоры так, как будто бы нет террора, и будем бороться с террором так, как будто бы нет переговоров» — уже не оправдывала себя. Каждая новая «жертва мира» уменьшала шансы Переса выиграть выборы.

А у посольства свои заботы. Из всех «значимых» столиц пришли соболезнования. Только Москва молчала. Наконец, 28-го пришла телеграмма от Примакова…

Отправил с надежной оказией письмо Примакову.

«Дорогой Женя! Очень хотелось бы потолковать с тобой «за жизнь». Да пока не получается.

Мои дела служивые — в нормальном рутинном русле. Собрал неплохой коллектив. В МИДе, к сожалению, многие — как сонные мухи. Еле ползают. Тоскуют о «коммерческих структурах».

А нравы, нравы! Во времена Громыко не было такого умения с собачьей преданностью смотреть в глаза начальству. И такого желания, чтобы низшие чины столь же преданно смотрели на своих начальников. В противном случае топотание ножками и размахивание ручками…

Я тут как почти музейный «осколок империи». Мальчики, которые «учились — с министром — в одной — группе», меня обходили стороной. Но, слава Богу, работать не мешали.

Если не говорить о предстоящих выборах президента России, то больше всего меня волнуют мои коленки. Болят проклятые. Стоять и ходить трудно. Принял радикальное решение заменить их на титано-никелевые (буду как СУ-29).

11 марта ухожу в отпуск и начинаю лечебно-отпускной марафон. Сначала — на Мертвом море, соли, грязи, диета и др. и пр. Потом — операция в Иерусалиме и, видимо, полтора-два месяца реабилитации. В резерве у меня, кажется, есть пара отпусков, но ежели не уложусь, ты, надеюсь, позволишь мне прихватить еще малость. Операция сложная, все пугают, да уж больно надоело с палкой ковылять. Играю ва-банк!

Поскольку новому министру придется заниматься перекомпоновкой концептуальных основ нашей внешней политики, хочу использовать заточение на Мертвом море для того, чтобы написать нечто вроде политического эссе «Россия и Израиль». Или по-другому: «Чего ищет Россия на Ближнем Востоке?» Надеюсь, тебе пригодится.

Пока же ищу спонсоров, ибо надо отдать эскулапам 40–50 тысяч долларов. А напрягать и без того не богатое министерство не хочется. А в общем я ужасно рад, что ты оказался в МИДе. За Россию стало спокойнее. И за себя тоже. Держись… Не смог написать тебе вирши в честь 60-летия. Исправлюсь к 70-летию.[58]

Крепко обнимаю».

Сейчас я не очень уверен, что надо было писать это письмо. Но умные мысли приходят часто на лестнице…

МАРТ-96

На Мертвом море. В режиме самоистребления

Март начался со взрывов в Иерусалиме (3-го) и в Тель-Авиве (4-го). Опять смертники. Опять «жертвы мира». И опять молчание Москвы. Звоним в МИД. Никто не хочет беспокоить министра. «У нас так не принято», — ответили Носенко.

«Еще пара взрывов, и Перес провалится», — записано в тетради.

Начинаю собираться в отпуск. Потихоньку передаю дела Носенко. Гостиница на Мертвом море заказана с 11-го. И вдруг — паника. Ельцин 12-го летит в Шарм аш-Шейх на международную конференцию по борьбе с терроризмом. Это — рядом. Вдруг завернет к нам? А посол в нетях. Ну прямо смерть чиновника.

Утром 11-го звоню Примакову. «Езжай и все!» — говорит.

В 13.30 — на Мертвом море.

Осваиваюсь… При роскошном шведском столе морю себя голодом. Бассейн обычный и с водой из Мертвого моря. Сауна. Массаж. Сероводородные ванны и грязи.

20 марта сбежал в Тель-Авив, чтобы увидеться с Егором Яковлевым и Жженовым.

24-го — первая победа: напольные весы уже не зашкаливает, стрела вылезла на 129 кг. 30-го появился Юра Сенкевич с бригадой. Даже меня «сняли».

АПРЕЛЬ-96

Ливан: операция «Гроздья гнева» — Визит Примакова — Дипломаты и леди — Религия в Израиле — Тора — «портативное отечество евреев»…

8 апреля закончилось сидение на Мертвом море. Оставил там 12 кг. Отпуск еще продолжался. Он практически кончился 11 апреля, когда израильтяне начали в Ливане операцию под названием «Гроздья гнева».

Гнев был вызван тем, что боевики «Хизбаллы», базировавшиеся на территории южного Ливана, продолжали систематически подвергать ракетному («катюши») обстрелу населенные пункты на севере Израиля. Израильская армия обычно давала стандартный ответ: артиллерийский и минометный огонь по выявленным огневым точкам. Но обстрел Кирьят-Шмоны 9 апреля переполнил чащу терпения. Израильтяне ответили 11-го ракетно-бомбовыми ударами по учебно-тренировочному центру «Хизбаллы» в долине Бекаа, по командным пунктам и штабам. Помимо авиации был задействованы военно-морские силы, которые обстреливали цели на побережье.

Завязался сложный узел. На территории Ливана Израиль воевал с организацией, которую вооружал Иран и поддерживала Сирия, При таком переплетении интересов возникала угроза общей дестабилизации. Израиль оправдывал свои действия целями защиты от терроризма и подчеркивал, что удары наносятся только по силам и базам «Хизбаллы». К сожалению, в результате того, что в зону обстрела попал лагерь беженцев Кфар-Кана, 18 апреля там было убито более ста жителей. Израильтяне ссылались на то, что пусковые установки экстремистов находились слишком близко от жилых домов. Но это мало утешало.

Конфликт вышел на международный уровень. На Ближний Восток отправились Примаков и Кристофер. Но не вместе, порознь. Порознь, потому что американцы однозначно оправдывали Израиль: во всем виновата «Хизбалла», Израиль лишь использовал «право на самооборону». Москва реагировала иначе: пока Израиль оккупирует часть Ливана, перекладывать всю ответственность на «Хизбаллу» нельзя.

21 апреля в 16.00 Примаков прилетел из Бейрута (до этого он успел побывать в Дамаске).

Пресса встретила Примакова недружелюбно. Подчеркивали, что имя Примакова ассоциируется с традиционной линией России на одностороннюю поддержку арабов. Нажимали на то, что Россия пытается использовать ситуацию в Ливане, чтобы добиться от Израиля признания за ней такой роли в мирном процессе, которая была бы сопоставима с ролью США.

За несколько часов до разговора с Примаковым Перес заявил, что хотя Израиль не против «многоканальности» в миротворческих усилиях, но они должны быть «скоординированы, не хаотичны» Нам нужно одно соглашение, а не три, — сказал Перес, имея в виду активность России и Франции.

Кристофер принял пас: «США чувствуют свою особую ответственность за ближневосточный мирный процесс, в котором они играют лидирующую роль. Я очень признателен Пересу за то доверие, которое он нам оказывает».

Прямо с аэродрома поехали к Бараку. Разговор был тяжелый. Не отрицая полностью логику израильтян, Примаков говорил о «несбалансированности» израильских ответных действий. Ссылаясь на свои встречи в Дамаске и Бейруте, а также на беседу с министром иностранных дел Ирана Велаяти, Примаков настаивал на том, что Израиль не видит существенных нюансов в их позициях и не использует всех возможностей для политического решения проблемы. А как раз здесь Россия могла бы оказаться полезной. Барак отбивался, разыгрывая мотив самообороны. «А если бы ракеты упали на Петербург, что бы вы делали?» — даже такой аргумент был положен на стол.

Сразу же от Барака — к Пересу. Разговор еще острее. Давайте не будем обсуждать вопрос «Кто виноват?», давайте поговорим о том, что делать, какой найти выход, — предложил Примаков. Он сказал, что Россия не намеревается конкурировать с Америкой, но мы — тоже коспонсоры, у нас есть свои возможности и было бы целесообразно их использовать. По его впечатлению, и Тегеран, и Дамаск могли бы участвовать в «поисках развязок». Картина не такая уж «черно-белая», — заметил Примаков.

«Очень черная!» — тут же отреагировал Перес. Я привык видеть Переса спокойным, рассудительным, но на этот раз он был взвинчен, возбужден. Нажимал на то, что Россия должна координировать свои действия с Америкой. Что Израиль не может мириться с обстрелом своей территории. Что Израилю не нужна ливанская земля — нужна безопасность. Что Израиль не может уйти из Ливана, не получив гарантий безопасности. Но Ливан такие гарантии дать не может, а Сирия — не хочет.

Каждый остался при своих.

От Переса поехали ужинать к Вейцману. Разговор, как почти

всегда бывает у президента, велся в неформальной тональности. Примаков продолжал развивать свои тезисы.

Неожиданно президент спросил: «Неужели Вы не можете сказать об Израиле ничего хорошего?» — Тишина. Пауза. — «Исраэль това!» («Израиль хороший!») — сообщил я, мобилизовав весь свой иврит. Все засмеялись, и ужин продолжался.

Поздно вечером мы с министром минут тридцать поездили по Иерусалиму. Евгений Максимович был утомлен и раздражен. Разговор не получался.

Утром 22-го Примаков улетел в Москву.

Визит, на мой взгляд, не удался. Примаков по причинам, о которых я могу лишь догадываться, был не в лучшей дипломатической форме. Мы ничего не приобрели, но осложнили отношения с Америкой и Израилем. Даже Франция, с которой мы вроде бы действовали в «связке», в финале оставила нас в изоляции. В комиссию по соблюдению условий достигнутого соглашения были включены конфликтующие стороны (Израиль, Ливан и Сирия), коспонсор (США) и…. Франция. Россия включена не была.

Соглашение вступило в силу утром 27 апреля. «Хизбалла» согласилась не обстреливать территорию Израиля. Израиль согласился не обстреливать гражданские объекты на территории Ливана. Стороны оставили за собой «право на самооборону, не выходящую за рамки данного соглашения». Фактически это соглашение зафиксировало право «Хизбаллы» вести военные действия против израильской армии на территории Ливана.

Когда-то Перес произнес: «Воевать против «Хизбаллы» это все равно, что хлебать суп вилкой». Вот и нахлебались… Стоимость операции «Гроздья гнева» оценивалась примерно в 500 миллионов шекелей. Было уничтожено 50 боевиков. Один труп — 10 миллионов. Если же добавить мирных жителей, то будет, — конечно, дешевле…

В России на горизонте замаячили выборы президента.

У нас это аукнулось странным образом. 25 апреля ко мне явился «человек от Сосковца» (если не ошибаюсь, он был тогда первым вице-премьером). Человека звали Александр Иосифович Файнштейн. Представился как «юрист не в штате». Привез письма от Сосковца — Пересу и мне. Пересу с просьбой оказать содействие проведению в Израиле выборов президента России. Мне — с указанием провести эти выборы, на высоком уровне. Для «уровня» Файнштейн предложил:

1. Организовать массовый прием в российское гражданство — до 100 тысяч человек. Не хватит людей в консульстве — поможем.

2. Договориться с израильтянами и поставить наши урны в

день их парламентских выборов, 29 мая, в израильских избирательных участках.

Полная, вопиющая ерунда!

Держал совет с Носенко и Анненковым. Решили написать Сосковцу, что выборными делами занимается в МИДе Пастухов. И просим советы и рекомендации направлять через него.

Потом до меня доходили какие-то слухи, что письмо вызвало раздражение среди царедворцев (Бовин не понимает значения выборов). Но слухами все и кончилось.

… 26 апреля долго сидели с Посувалюком в его любимом японском ресторане. Он после отъезда Примакова остался на Ближнем Востоке, чтобы держать руку на пульсе ливанских событий. Виктор Викторович был расстроен и мрачен: Россию, не пускают в комиссию, по Ливану. Сказал ему, что мы перегнули палку в сторону арабов и тем самым сами вывели себя из игры. На Францию понадеялись зря, так как из-за нас она не будет ругаться с Америкой.

Долго говорили о мидовских делах. Больше я говорил, а он — слушал.

В посольстве подобрался неплохой коллектив, хотя последние ротации снижают качество. Но многие дипломаты меня удивляют.

Во-первых, очень экономны. Не выписывают никаких журналов и газет. Почти не ходят в театры и концерты, если надо покупать билеты.

Во-вторых, не страдают излишней вежливостью. Особенно это заметно в консульском отделе. Израильтяне жалуются на грубость.

В-третьих, низкая общая культура. Плохо знают литературу, искусство, философию. Совсем не в курсе современных подвижек в мировой общественной мысли.

В-четвертых, не умеют смотреть на себя со стороны, относиться к себе с известной долей иронии. Иногда у «старших дипломатов» чувствуется голубая дипломатическая кровь, ну прямо Талейран или Горчаков. Конечно, маршальский жезл в солдатском ранце — это хорошо. Но не следует его вынимать слишком рано… Окружающие удивляются, а вынимающим кажется, что их недооценивают. Развивается комплекс неполноценности.

Вспомнил и приспособил к дипломатам слова М. Тэтчер: быть дипломатом — то же самое, что быть лэди. Если вы вынуждены говорить окружающим, что вы дипломат, вы не являетесь таковым. Тем более — «старшим»…

Посувалюк защищал дипломатов по части экономии (и

«экономии мысли»). Говорил, что в МИДе их заедает чиновничья текучка, а за границей они хотят прибарахлиться. Тут не до «мысли». Возможно, он и прав. Но как-то обидно…

В апреле в Израиле празднуют Песах (Пасху) — исход евреев из Египта. Самый главный религиозный праздник в Израиле. Гуляют неделю. Существует сложный, веками отработанный ритуал. Его придерживаются не все, но празднуют все. Как в России — Пасху.

Хотелось бы сказать о роли религии в жизни Израиля. Замечания стороннего наблюдателя, дилетанта.

Израиль — единственное демократическое, «западное» государство, где религия не отделена от государства, а государство не отделено от религии. И при том понимании еврейства, иудаизма, которое остается господствующим, почти официальным, такое отделение произвести невозможно. Религия и государство, еврей и гражданин как бы проросли друг в друга.

Цитирую известного специалиста по религиозным делам Гидеона Бродского:

> «Отделить евреев от религии невозможно. Ведь иудаизм не является религией в обычном понимании этого слова. Иудаизм — это 613 заповедей. Из них 248 заповедей говорят о том, что следует делать, и 365 — о том, чего делать нельзя. Но это же 248 органов и 365 сухожилий нашего тела! Любой китайский иглоукалыватель может подтвердить, что в нашем теле 613 жизненно важных центров, с помощью которых осуществляется управление всем организмом. Это то, что приводит душу еврея в особое состояние, когда он начинает понимать, что такое еврейство, что такое Земля Израиля. Если мы все это отделим, то станем похожими на машину, в двигатель которой вместо бензина залили воду. Как вы понимаете, такая машина ехать не сможет, станет нежизнеспособной. Без системы заповедей и народ Израиля станет нежизнеспособным»

Легче простого сказать, что ни один еврей эти 613 заповедей не исполняет. Да в нынешних условиях, когда нет Храма, это просто не возможно. Но важен принцип. Бродский формулирует его по максимуму. Но вот это уже не важно. Принцип сохраняется и по минимуму.

Надо заметить, что провозвестники и создатели Израиля в большинстве своем не были религиозными людьми. Сам Герцль, — а без улицы Герцля нет ни одного города в Израиле, — писал: «Должны ли мы кончить теократией? Разумеется, нет. Вера

объединяет нас, знание нас освобождает. Поэтому мы должны предотвратить все попытки духовенства возглавить наше движение. Место раввинов — в храмах, как место армии — в казармах. Раввины не должны вмешиваться в управление государством».

Бен-Гурион, который был вынужден мыслить в другой обстановке, пошел на компромисс с религиозными лидерами. Компромисс между государством правовым, которое было его идеалом, и государством теократическим, к которому стремились «раввины». 19 июня 1947 года Бен-Гурион и его сподвижники направили письмо религиозным лидерам из партии «Агудат Исраэль», в котором перечислялись условия, компромисса.

1. Официальным днем отдыха будет суббота.

2. Во всех государственных учреждениях будет кошерная кухня.

3. Вопросы брака и развода будут решаться так, чтобы избежать «раскола дома Израилева на две части». Впоследствии это стало трактоваться как передача вопросов брака и развода в ведение раввината.

4. Допускается автономное религиозное образование.

Эти четыре пункта получили наименование «статус-кво», и все десятилетия существования Израиля вокруг него идет острая борьба. Результат ее, на мой взгляд, парадоксален. С одной стороны израильское общество в целом под влиянием времени становится все менее религиозным. Но с другой, — израильские ортодоксы постепенно расширяют сферу своего влияния. Религиозные партии нередко определяют погоду в кнессете, а значит и во всей стране. Увеличивается число религиозных школ и затраты на них. Процветают раввинатские суды. Большим влиянием пользуются главные раввины Израиля (ашкеназийский и сефардский), которые избираются на 10 лет (последние выборы были в феврале 1992 года).

Светский Израиль протестует. Ведется настоящая «война культур», иногда с уличными столкновениями и побоищами. Только два эпизода из последних.

На праздничном концерте, посвященном 50-летию Израиля, должен был выступать танцевальный ансамбль «Бат-Шева». Однако по настоянию религиозных партий, которые пригрозили выходом из правительственной коалиции, выступление «Бат-Шевы» было исключено из программы концерта. Из-за нескромных костюмов артистов. Не помогли демонстрации протеста.

В августе 1999 года Электрическая компания Израиля должна была организовать перевозку в Ашкелон 300-тонной турбины для

электростанции. Операцию назначили в ночь с пятницы на субботу (самые свободные дороги). Религиозные партии подняли шум: нарушают «субботние предписания». Верховный суд вынес решение в пользу компании. Ортодоксы грозили блокировать дороги. Кончилось тем, что компания была вынуждена пойти на обман: заявила, что не будет перевозить в ночь на субботу, но когда протестующие потеряли бдительность, турбину повезли…

Проводится масса опросов для того, чтобы определить степень религиозности израильского общества. Результаты противоречивы. Я приведу данные декабря 1993 года, которые представляются мне убедительными. Вопрос звучал так: как вы относитесь к религиозным традициям?

строго их соблюдаю — 14 %;

соблюдаю в большой степени — 24 %;

соблюдаю в малой: степени — 41 %;

не соблюдаю — 21 %.

Выводы зависят от «вкуса» выводящего.

Можно сказать: только 14 % по-настоящему религиозны, остальные — так себе. Можно сказать: атеистов всего 21 %, а остальные все же не забывают Бога. Но можно сказать и так: 36 % ближе к Богу, а 62 % дальше от Него. Я — за последний вывод.

И еще один опрос. «Верите ли вы в Бога?» — спросили всех членов Кнессета. 11 ответили «нет» (почти все коммунисты и МЕРЕЦ, Яэль Даян из Аводы и двое «русских» — Софа Ландвер и Марина Солодкина). 16 сказали, что это — личное дело, и отвечать они не будут (среди них — Б.Бегин, Р.Эйтан, Й.Бейлин, Э.Барак, А.Шарон, И.Сарид). Остальные сказали — верят.

Для еврея религия — это, прежде всего Тора (Пятикнижие Моисея), то есть первая часть Ветхого Завета и, соответственно, часть Библии (ТАНАХА). Генрих Гейне назвал Тору «портативное отечество еврея». И конечно, каждый должен знать свое отечество. Каждую неделю еврей обязан читать одну главу Торы. Всего глав 54. С коррекцией получается чтение на весь год. А потом следующий круг. И так всю жизнь.

Для правоверного еврея, ортодокса Тора это Книга сверхъестественного, нечеловеческого происхождения. Книга вневременная, трансцендентная. В ней свят каждый знак. А в целом все знаки, составляющие Тору, содержат в зашифрованном виде всю информацию о мире в любой момент его истории. В Торе закодирована, «суть мира».

Пишут о том, что с помощью ЭВМ удается расшифровать, содержащиеся, в Торе сведения, например, об убийстве Кеннеди, о Сталине и ГУЛАГе, об убийстве Рабина и многие другие «глубинные слои». Уже упоминавшийся Г. Бродский сообщает:

> «Исследователи текста Торы дали задание ЭВМ искать в книге Торы «Берешит» слова, связанные, с убийством Садата. Результаты получились ошеломляющие! В тайном тексте появилось: «президента застрелят», «убьют», «умертвить», «труп». Дальше открылось «парад», затем ивритские буквы «тав», «шин», «мэм», «бэт», означающие 5742 г. По григорианскому календарю это 1983 год. А дальше, открылось рядом: «выстрелят», «в Садата», «Халед» (убийца Садата), и все это из букв тайного текста Торы…»

И таких «примеров» — сколько угодно

Как не специалист, воздержусь от комментариев. Замечу только, что по мнению математиков (некоторых, по крайней мере), машина дает то, что есть в голове у программиста. А не в голове у Бога…

Свое отношение к Торе я могу выразить словами уважаемого мною ученого и популяризатора науки Рафаила Нудельмана:

> «Я убежден, что Тора (как и весь ТАНАХ) — это великая книга, чтение и изучение которой порождает восхищение глубиной человеческой мудрости и будет оплодотворять еще многие поколения исследователей. Я убежден также, что эта книга (Тора) не была продиктована Моисею Богом на горе Синай и не была дана евреям готовой, а сложилась как итог многовековых размышлений моих далеких предков, обобщив их исторический опыт и вдумчивые наблюдения над природой людей и их социальных отношений. Я убежден, наконец, что главное в ТАНАХЕ (и это делает его настольной книгой западного человечества) — не его буква, а тот революционный новый уровень понимания мира, который в нем заявлен, и те новые нормы этических и социальных отношений, которые в нем провозглашены. Но я не верю ни в его Боговдохновенность, ни в то, что в нем «содержится все», ни в то, что из него можно — а тем более дозволительно — выводить конкретные научные теории, объявляя при этом «несостоятельными» все те, которые с ним принципиально несовместимы… Последнее кажется мне вульгаризацией и профанацией великого текста (пусть и «с благородными целями»), кто бы этим ни занимался — еврейские мыслители прошлого или сегодняшние верующие люди науки».

Будучи в Израиле, я старался по мере возможности ликвидировать свои пробелы в еврейской истории, философии, религии. В частности, читал (и даже с ручкой в руках) в неделю одну главу Торы. Сделал четыре с лишним годовых цикла. Полезнейшее дело. Ведь там корни, веками питавшие европейскую культуру. В любом европейском музее нельзя понять добрую половину картин, не зная Ветхого Завета.

Рассказывают такую историю. Давным-давно это было. Во времена царя Ирода, наверное. К знаменитому мудрецу Гиллелю пришел человек и спросил: ты можешь мне объяснить главное в Торе за то время, пока я стою на одной ноге? Да, ответил Гиллель: что тебе не приятно, не делай другому. Потом мы встретим это у Матфея и у Луки. А в наше сознание эта великая мысль войдет как категорический императив Канта.

МАЙ-96

«Конечные цели»: Надо ли знать, куда идешь? — Бермудский пятиугольник» — Замена коленки — Выборы: победа Нетаньяху — Кто есть еврей? — Кто есть израильтянин?

5 и 6 мая в Табе состоялась встреча делегаций ООП и Израиля, в ходе которой были начаты переговоры об окончательном урегулировании. «Российский коспонсор» все же был допущен. Москву представлял директор Департамента Северной Африки и Ближнего Востока А.В.Вдовин.

Фактически это были переговоры о предстоящих переговорах.

Стороны договорились, что переговоры об окончательном статусе начнутся «в максимально короткие сроки, но не позже, чем с начала третьего года переходного периода» (отсчет 5-летнего переходного периода начинается с завершения вывода войск из Газы и района Иерихона). Будут обсуждаться оставшиеся нерешенными проблемы: Иерусалим, беженцы, поселения, меры безопасности, границы, отношения и сотрудничество с соседями, а также другие вопросы, представляющие взаимный интерес.

Здесь мы подошли к сложнейшей проблеме переговорного процесса, проблеме «конечных» целей, окончательного урегулирования, окончательного статуса. То есть: к чему идет дело, какое положение сложится в результате переговоров, какие цели преследуют стороны и как можно эти цели совместить.

Как нас учит системный анализ и опять же опыт, как нам подсказывает практика переговоров, в оптимальном варианте «конечные» цели — чего мы хотим? — должны быть четко сформулированы в начале переговоров. Обозначение таких целей определяет стратегию переговоров. И на базе стратегии рисуются те или иные тактические узоры: промежуточные цели, запросы, варианты разменов, пределы уступок и т. д. и т. п. Можно не информировать партнера о своей стратегии — пусть подумает, голову поломает. Но лучше играть в открытую. Ясность мешает только обманщикам, а большой политике обман противопоказан.

Однако, начиная мирный процесс, израильтяне отошли от указанного правила. Они рассуждали примерно так: если мы сформулируем наши конечные условия («нет» — суверенному палестинскому государству, «нет» — разделению Иерусалима, «нет» — возвращению беженцев, «нет» — ликвидации поселений, «нет» — возвращению к границам 1967 года), то палестинцы откажутся вести переговоры. Да и с мировым общественным

мнением возникнут сложности. Поэтому лучше поступить так: не формулируя конечные цели, начнем решать промежуточные, относительно частные вопросы. И когда накопится позитивный задел, когда появится взаимное доверие, тогда будет легче решать главные вопросы. В общем, займемся тактикой, а она выведет на стратегические решения.

Мне всегда казались сомнительными эти рассуждения. О чем, естественно, посольство сообщало в Москву. И о чем я неоднократно беседовал с израильскими политиками. Высказывал опасения, что когда приблизится время окончательных решений, когда туман рассеется, когда четко обозначатся контуры «Бермудского пятиугольника» (суверенитет, Иерусалим, беженцы, поселения, границы), весь наработанный позитив может исчезнуть в этом пятиугольнике. Но события шли своим, тактическим, чередом…

> «Садясь за стол переговоров, — говорил Перес в Давосе в феврале 1996 года, — никогда не ставьте перед собой конкретных целей. Ибо конкретные цели предполагают конкретные пути их достижения, а такая постановка вопроса несет в себе по определению элемент противоречия в позициях сторон. Попытайтесь просто найти общий язык, договориться в принципе и уже потом, не торопясь, не форсируя событий, идите к общей цели. Причем, обязательно новыми, непроторенными путями. Главный залог достижения цели любых переговоров между традиционно конфликтующими сторонами — их непросчитываемость сторонними наблюдателями и заинтересованными лицами, их полная и гарантированная партнерами по политическому диалогу секретность».

Насчет секретности и непросчитываемое «сторонними наблюдателями» Перес, конечно, прав. Но когда непросчитываемость относится к партнерам по переговорам, когда один партнер не знает, куда его тянет другой, вот тут и возникает проблема…

Разумеется, в Израиле это понимали многие.

> «Призрак бродит по Ближнему Востоку, призрак Мира, — можно было прочитать в «Вестях» в мае 1996 года. — Так мог бы начинаться манифест адептов новой израильской идеологии, определяющей сегодняшнее состояние нашего общества и основные перспективы его развития. Но нет такого манифеста, и строительство

Мира идет без четкого плана, без адекватного описания его целей. Возникла абсурдная ситуация: широко обсуждаются тактика, успехи и проблемы, Мирного Процесса, но почти ничего не говорится о его целях. Является ли этот Процесс порождением политического реализма или утопией? Спасением или самоубийством? Прологом к процветанию или назревающей катастрофой? — Все эти вопросы просто не имеют смысла, пока мы не определим цели Мира».

Именно эти, «не имеющие смысла» вопросы, от которых уходили правительства Рабина и Переса, перешли по наследству правительству Нетаньяху. Новые люди потребовали новых подходов. Все громче стали звучать голоса, призывающие точно вымерить глубину дальнейших уступок, то есть определить «конечные» цели. В октябре 1996 года заместитель премьера, министр сельского хозяйства и экологии Р.Эйтан писал:

«Убежден, мы не можем строить свою политику, свое будущее на основе «Осло-1», «Осло-2» и так далее. В то же время я призываю своих товарищей по правительству начать переговоры о постоянном урегулировании с теми же палестинцами. И в этом нет противоречия. Просто я уверен, нельзя уступать стратегические позиции и раздавать страну по частям раньше, чем мы приступим к переговорам о постоянном урегулировании.

Лично я считаю, что примерно через год, когда мы убедимся в способности палестинской администрации контролировать ситуацию на переданных ей территориях, можно начать переговоры о постоянном урегулировании. Это будет долгий и не простой процесс. Но правительство сильного и независимого Израиля, правительство, имеющее четкие приоритеты и цели, сможет провести такие переговоры достойно и добиться приемлемых для еврейского народа результатов».

Тут, правда, возникал вопрос о результатах, «приемлемых» и для палестинского народа, но, видимо, министр израильского правительства, считал, что о них должен заботиться Арафат…

Нетаньяху выдвинул идею начать переговоры об окончательном урегулировании, минуя, перепрыгивая промежуточные стадии. Эту идею поддержал Вейцман, хотя его смущало, что Арафат не доверяет Нетаньяху и боится, что тот его, попросту говоря, обманет.

К моменту моего отъезда из Израиля правительство не

приняло план окончательного урегулирования.

В декабре 1997 года в Москве я встретился с Эдельштейном. Он рассказал, что правительство обсуждало и приняло «карту стратегических интересов Израиля», то есть по существу параметры окончательного урегулирования.

1. Израиль не может согласиться с существованием рядом с ним суверенного палестинского государства. По крайней мере в военно-политической области Израиль сохранит свой контроль.

2. Израиль готов передать палестинцам не более 30–40 % территории Западного берега. Остальная его часть будет находиться под полным контролем Израиля.

3. Поселения сохраняются. Предусматривается возможность их развития «по вертикали» (увеличение числа жителей, строительство новых зданий, но без расширения общей площади). Безопасность поселений обеспечивает армия Израиля.

4. Полное и автоматическое возвращение беженцев не допускается. Проблемы будут решаться строго конкретно, исходя из соображений безопасности и демографического равновесия.

5. Единый и неделимый Иерусалим остается столицей Израиля. Израиль гарантирует доступ к святым местам всех конфессий.

У меня такое впечатление, что Нетаньяху так и не рискнул положить «карту стратегических интересов» на стол переговоров. Теперь эта задача стоит перед Бараком. Но пока не известно, на какой «карте» остановится его правительство.

Первую половину мая занимались консульскими делами.

Поскольку мы продолжали зашиваться с приемом посетителей особенно — с «периферии», не успевали оформлять документы, то решили, — по инициативе московского адвоката Юрия Михайловича Розенфельда — открыть своего рода коммерческий филиал. Официально он назывался «Р.Л.М.Интернациональный Информационный Центр Л.Т.Д.». Между собой мы называли его «Рога и копыта».

Идея была простая. Если не хочется стоять в очереди и есть «лишние» деньги, можно обратиться в Центр. И там за дополнительную плату все сделают. Останется только придти и получить уже оформленные документы. В консульство Центр сдавал то, что причиталось нам по официальным ставкам, а «приварок» оставлял себе.

Возникли разногласия. Носенко был против «Рогов и копыт». Он полагал, что «и так много берем». Что не годится делить клиентов на бедных (стой в очереди) и богатых (иди в «Рога»). Что создается источник возможных финансовых махинаций.

Анненков был за. Я после некоторых колебаний поддержал

Анненкова. Уж больно надоели очереди. Что же касается возможных махинаций, которые сопутствуют движению денег, то единственная 100-процентная гарантия — закрыть консульство. Или все делать бесплатно. Поскольку мы не были готовы к радикальным решениям, то приходилось рисковать.

Еще один пункт разногласий. Обложить ли «Рога и копыта» данью в пользу консульства? То есть — не изымать ли часть «приварка» в нашу пользу? Разумеется, официально, с оформлением всех нужных бумаг. Анненков был за. Но тут я с ним не согласился. Ограничились разовыми даяниями. Кажется, за счет Центра были куплены парты для школы.

На всякий случай мы написали письмо в Консульскую службу МИДа. Но там благоразумно промолчали.

До 13 октября 1996 года Центр работал в экспериментальном режиме. После этого — на постоянной основе с правом иметь своих представителей любом населенном пункте Израиля. Не скажу, что очереди уж очень уменьшились. Но за первый год Центр обслужил около 5 тысяч человек. Они не стояли в очереди.

После моего отъезда Центр был закрыт. Почему — не знаю…

21 мая рано утром прибыл в иерусалимскую больницу «Хадасса» на предмет замены своих коленок искусственными.

Накануне на всякий случай написал завещание. Чем черт не шутит…

Врачи категорически отсоветовали менять сразу две коленки. Пришлось согласиться. Взяли расписку, что я по доброй воле.

22-го — операция. С 10.00 до 16.00. Наркоз «отрубил» только нижнюю половину. Так что слышно было, как кости пилили. «Крепкие кости», — похвалили потом врачи. Отдельная палата. Вполне уютно. Первые пару дней. — очень больно. Кололи что-то обезболивающее. Но 23-го уже, скрипя зубами и оставшимся коленом и опираясь на специальную такую штуку с колесиками, встал на обе ноги. Каждый день — несколько сеансов упражнений. И хождение по коридору.

В отличие от наших больниц — очень шумно. Медицинский персонал говорит во всю мочь, ходят посетители, горячий обмен мнениями по всем вопросам. Мне объяснили: так лучше для больных, вроде бы и не больница. Возможно…

Постепенно слухи о том, что посол попал в больницу, распространились. Стал получать цветы и записки. Было милое послание от Барака. Сохранился мой ответ.

> «Дорогой Эхуд!
>
> Было очень приятно получить от Вас любезную записку.

Я вступил на путь постепенного превращения в человека 21-го века: свои естественные органы заменяю искусственными. Начал с правого колена. Надеюсь, до головы добраться не успею.

Всегда с удовольствием вспоминаю наши встречи — и в Генштабе, и в МИДе. Уверен, что Вы найдете себя и в «постпересовском» Израиле.

Искренне Ваш, Александр».

Интенсивная послеоперационная терапия — на уровне. Через неделю я уже был весел и почти бодр. Выписали 30 мая.

29 мая поздно вечером прибежала медсестра и радостно сообщила, что на выборах победил Нетаньяху. Это был мирный политический переворот.

По оценке посольства, главный социальный итог выборов — раскол страны, общества на две части. Неизбежное при этом перетягивание каната будет затруднять положение и политику любого правительства.

Главный политический итог выборов (если не будет большой коалиции, что пока маловероятно, но в принципе не исключается) — переход власти в руки «национального лагеря». Причина — неспособность значительной части общества переварить, усвоить, понять радикальные перемены в политике, на которые решились Рабин и Перес. Кстати, оба лидера вообще-то понимали это. Но надеялись на знаменитое «авось!». Существенную роль сыграли тут американцы, которые, — исходя из своих интересов, — все время подталкивали израильское руководство к новым и новым уступкам арабам. В результате лодка Аводы оказалась перегруженной и затонула.

Конечно же, мирный процесс будет продолжаться. В Великобритании, кажется, говорят: «Если правила игры не позволяют выигрывать, то джентльмен меняет правила игры». Вот это и произойдет. Ликуд изменит правила игры. Не трудно, прогнозировать сложности в отношениях и с арабами, и (в меньшей степени) с американцами.

С точки зрения российско-израильских отношений каких-либо резких движений мы не ожидали. С верхушкой «национального лагеря» у нас контакты были давно налажены.

Теперь — по порядку. Впервые в истории Израиля одновременно с выборами в Кнессет всенародным голосованием избирали премьер-министра. За премьерство боролись Перес и Нетаньяху. За места в кнессете — 30 партий… Избирательный марафон начался в феврале. Перес и его сторонники жали на то, что под их руководством Израиль идет в безопасное и

процветающее будущее. Да, сейчас трудно, сейчас террористы, но «через тернии к звездам», если использовать древнюю мудрость. Нетаньяху и весь «национальный лагерь» тоже говорили о безопасном будущем, но упор делали на том, что они могут обезопасить и настоящее. За мир, но против, уступок, против переговоров с террористами. «Никогда не буду встречаться с Арафатом!» — заверил Нетаньяху. Вместе с тем Нетаньяху обещал покончить с «остатками социализма» и создать либеральное общество равных возможностей.

Мне казалось, что инерционность избирателей даст — пусть малый, — но перевес Пересу. Я ошибся. С малым перевесом — всего 29 457 голосов (0.9 %) победил Нетаньяху.

О настроениях в стране, приведших к смене политических лидеров и ориентиров, можно судить по показаниям очевидцев.

Перечислив основные теракты последних лет, Пинхас Бен-Хаим пишет:

> «Страшно ехать в автобусе. Страшно гулять в городе с детьми. Страшно покупать продукты в торговом центре. Стра-а-а-шно!» Каждый раз правительство обещает эффективно бороться, но террор продолжается. «Попытки тогдашней оппозиции во главе с Биньямином Нетаньяху заявить, что террор является прямым следствием политики односторонних уступок, что Ясер Арафат цинично использует террористические организации, чтобы оказать с их помощью давление на Израиль, объявляются происками «врагов мира». Но большинство еврейского населения страны к тому моменту уже не приемлет ни такого мира, ни такого «Нового Ближнего Востока». 29 мая премьер-министром страны становится Биньямин Нетаньяху, поставивший в качестве краеугольного камня своей предвыборной программы обещание покончить с волной террора»…

И заключительный аккорд из еженедельника «Секрет» (он вполне на уровне нашего «Совершенно секретно»):

> «Чемпионат Израиля по комплексному обливанию друг друга помоями и выуживанию из мутной воды голосов избирателей завершен. Два лидера, за спиной одного из которых опыт в политической борьбе, международная поддержка и арабские голоса, а за плечами другого — относительная молодость, надоевший израильтянам террор и антипатия значительной части еврейского населения к первому,

шли к финишу ноздря к ноздре. То радовались болельщики первого, а почитатели второго посыпали голову пеплом. То визжали от восторга сподвижники второго, а команда первого сидела мрачнее тучи».

Так она и осталась сидеть…

Бессмысленно комментировать эти, да и любые другие высказывания. В каждом из них есть какой-то штришок реальности. А все вместе они дают почувствовать аромат времени, который трудно передать своими словами.

В Кнессете Авода получила 34 мандата, а Ликуд — 32. Но вместе с «примкнувшими» правые получили большое преимущество. Кнессет стал более консервативным. В нем господствовал «национальный лагерь».

Узнав о результатах выборов, Арафат, как рассказывали пережил шок. Было созвано экстренное заседание палестинского парламента. Там все-таки выразили надежду, что стратегическая линия израильского правительства останется в силе. По просьбе Арафата арабские страны предприняли массированный нажим на Нетаньяху. Нетаньяху маневрировал, но «линию» изменил.

Одним из наиболее бросающихся в глаза результатов выборов стало усиление религиозных партий в Кнессете. ШАС (сефардские ортодоксы) прибавила 4 мандата, МАФДАЛ (религиозные сионисты) — 3, Агудат ха-Тора (ультраортодоксы) — 4. Четверть голосов Кнессета.

И тут же началось то, что называют «шантаж религиозных партий», то есть требование политической платы за поддержку правительства.

Горячие бои развернулись вокруг закона о гиюре, то есть о тех необходимых процедурах, которые надо пройти, чтобы стать евреем.

Тут вот в чем дело. Русским надо непременно родиться, нельзя стать русским по желанию. Но евреем можно стать, приняв иудаизм. Если, скажем, проходит гиюр, то есть принимает иудаизм негр или китаец, они — с точки зрения еврейского религиозного закона — становятся 100-процентными, настоящими евреями.

Существуют разные гиюры. Есть традиционный, ортодоксальный гиюр. Он весьма сложен, строг и сопровождается, как говорят знающие люди, унизительными процедурами проверки. Есть гиюр реформистский (или консервативный). Они приспособлены к современности и применяются во многих странах. Естественно, что десятки тысяч репатриантов, которые вынуждены для облегчения жизни в Израиле обращаться в

иудаизм, предпочли бы реформистский или консервативный, каноны. Но не тут-то было. Приятнее затруднять людям жизнь, чем облегчать ее.

Под давлением религиозных партий Кнессет в апреле 1997 года (51 депутат против 32) проголосовали за закон о гиюре, который провозгласил монополию ортодоксального гиюра, Как писал журналист Аркан Карив, право решать, кого причислять к еврейскому народу, а кого нет, получили «средневековые мракобесы».

В конце 1997 года ортодоксальные евреи создали комитет «Генеалогия Израиля». Его задача — изучив соответствующие документы, составить список «100-процентных» евреев. Под прицелом — опять же репатрианты последней волны, которые «портят» чистоту еврейства в Израиле. Будем надеяться, что новое правительство будет меньше заниматься генеалогией, а больше реальными проблемами реальной жизни. Говоря это, я понимаю, что вмешиваюсь во внутренние дела Израиля. Но теперь я не посол…

Баталии вокруг того, кто же все-таки «настоящий» еврей, ведутся параллельно с не менее интересными, но гораздо менее «галахическими» дискуссиями о различии и сходстве между евреями и израильтянами. Вопрос подчас ставится в очень драматичной форме.

Уже пугавший евреев (и израильтян) Пинхас Бен-Хаим пугает, ссылаясь на других «пугателей», снова:

> «В последнее время нас часто, может быть, чаще, чем нужно, пугали возможной «гражданской войной». Но на самом деле такая война была объявлена еще до провозглашения Государства Израиль и конца ей не предвидится. Я говорю о войне между «евреями» и «израильтянами». Войне, в которой в той или иной форме принимает участие почти все население страны. И каждый, кто вступает на эту землю, почти сразу же должен сделать выбор, к какому из воюющих лагерей он принадлежит.
>
> Именно по этой черте — «еврей» или «израильтянин» — проходит сегодня линия раскола общества, а не по принадлежности к «левым» или «правым», религиозным или нерелигиозным. Потому что «евреи» и «израильтяне» есть внутри каждой группы населения и внутри каждой партии. И кто есть кто в этой войне понимаешь не сразу».

Видимо, все-таки краски тут сгущены. «Снаружи» трудно

судить, есть ли «война», но проблема действительно есть. Есть даже книга Йоси Мельмана «Новый израильтянин», где доказывается, что никакого типичного израильтянина просто не существует, существуют множество разных типов израильтян.

В газете «Маарив» была рубрика «Кто такой израильтянин?» Ее вел Цви Гилат. Вот его мнение:

> «Мне кажется, что типичного израильтянина наших дней можно определить как человека, мучительно задающегося вопросом, кто такой типичный израильтянин. То, что объединяло раньше жителей страны, сегодня уже не работает. Хотя внешние опасности, необходимость дальнейшего строительства государства, проблемы выживания во враждебном окружении по-прежнему являются сплачивающим фактором, но сила их воздействия заметно ослабла».

У евреев (и у израильтян) насчет юмора все в порядке. И как раз вопрос «что же такое израильтянин?» может стать темой специального фестиваля юмора и сатиры. Из сотен определений предложу некоторые.

Израильтянин — это:

— водитель, который включает сигнал правого поворота и едет налево;

— человек, выбрасывающий окурок на шоссе из окна автомобиля и тут же жалующийся, что за границей дороги гораздо чище, чем в Израиле;

— человек, который звонит по сотовому телефону жене, находящейся в соседней комнате, и просит ее принести семечки;

— человек, который вместо того, чтобы искать решение, всегда ищет виновных;

— человек, который способен на все, лишь бы отвертеться от военных сборов, и который сделает все на свете, чтобы попасть в армию во время войны;

— человек, который знает ответ еще до того, как услышит вопрос;

— человек, который опаздывает на все встречи, а потом говорит: «А я тут причем, это все пробки на дорогах»;

— человек, который утром мчится на работу, чтобы там отдохнуть;

— человек, который ругает религиозных, но постится в Йом Кипур и посылает детей в религиозную школу;

— человек, который ищет самое лучшее обслуживание по самой низкой цене и удивляется, что ему достался такой кошмар;

— человек, который живет в Израиле, любит посидеть в

хорошем ресторане, приготовить мясо на огне для своих друзей и гордится своей страной;

— человек, который за месяц придумывает проект и возится с ним четыре года, вместо того, чтобы четыре года думать, а потом все быстро сделать;

— человек, который чешет яйца, когда стоит возле картин Ван Гога в Лувре;

— человек, который в любом ресторане скажет: «А моя мама готовит лучше!».

В 1994 году институт «Дахав» и газета «Едиот ахронот» провели опрос на тему «типичный израильтянин». Первый вопрос был о «наиболее типичной черте». Ответы расположились так:

21 % — наглость,

18 % — грубость,

10 % — нервозность, нетерпеливость,

8% — крикливость,

6% — чванство,

6% — страсть к семечкам.

Из положительных свойств отметили дружелюбие (8 %) и патриотизм (6 %).

В целом минусы выделили 72 % респондентов, а плюсы — 20 %.

На мой взгляд, израильтяне (евреи в Израиле) склонны к мазохизму, к преувеличению своих минусов. По моим наблюдениям, на первом месте стоят прежде всего — патриотизм, любовь к своей стране, к своей истории и культуре. С чванством я вообще не сталкивался. Крикливость (+ махание руками) и нетерпеливость, по-моему, встречаются чаще, чем наглость и грубость.

Но вернемся к групповому портрету. 30 % израильтян за год, предшествующий опросу, не прочитали ни одной книги. 55 % ни разу не были в кино, 79 % — в театре. Большую часть свободного времени типичный израильтянин проводит у телевизора. Вот тут я склонен согласиться. Средний, типичный израильтянин, если брать наши российские мерки (наверное, теперь надо уточнить — прошлые мерки), действительно не отягощен культурой и отнюдь не страдает от этого.

Разумеется, психология израильтянина заслуживает более глубокого анализа. Но это — дело научных трактатов, а не беглых и поэтому неизбежно поверхностных заметок.

ИЮНЬ-96

Суета вокруг выборов президента России — Нетаньяху формирует правительство — Операция Энтеббе

До 20 июня я пребывал в Савьоне. Разрабатывал колено. Но практически уже занимался делами. В июне главных дел было два. Выборы президента России. И формирование правительства Израиля. Первым занимался непосредственно. За вторым наблюдал и комментировал.

Подготовка к первому туру выборов шла более-менее спокойно. Я подключился к ней еще в апреле, когда отправил письма Черняеву и Лукину.

Письмо Черняеву:

> «Вчера посмотрел по ТВ Горбачева. Грустно.
>
> Неужели М.С. не понимает, что ничего, кроме стыдобища, из его участия в выборах не выйдет. Не будут за него голосовать. И результат ударит по нему же, даст дополнительные аргументы его недоброжелателям.
>
> Мне даже неловко как-то развертывать систему доказательств — настолько ситуация представляется аксиоматической. Неужели ты ничего не понимаешь?
>
> Или Ельцин — или Зюганов. Никакая «третья сила» в нынешних условиях ничего не даст. Вернее, даст только минусы. Ибо такие фигуры, как Горбачев, Явлинский и т. п. будут лишь оттягивать голоса у Ельцина, облегчая тем самым путь Зюганову. Молодец Гайдар — у мужика хватило здравого смысла и мужества наступить на горло собственной песне.
>
> Лучшее, что может сейчас сделать М.С. для России (для России!), — снять свою кандидатуру и посоветовать «трудящимся» голосовать за Ельцина. Очень трудное решение! Но, единственное, достойное политика такого калибра, как Горбачев. Он уже прочно стоит в истории и «памятник себе воздвиг нерукотворный».

Ответ Черняева у меня не сохранился. Помню, он писал, что даже Раиса Максимовна отговаривает мужа. Но он уперся и ни в какую.

Письмо Лукину:

«Возможно, длительное пребывание на Земле Обетованной вредно отразилось на моих умственных способностях. Но я не могу понять, какого черта вы — демократы, либералы, реформисты и т. п. и т. д. — делаете все, чтобы угробить Россию.

Неужели кто-то всерьез может думать, что, например. Явлинский или, скажем, Горбачев пробьются в президенты? Реально они могут сделать только одно — ослабить позиции Ельцина и, значит, усилить позиции Зюганова. Ни для какой «третьей силы» в России сегодня места нет. Или — или. Безумно и гибельно тащить к власти «коммунистов». А ведь объективно вы делаете именно это. «Эх, яблочко…!»

Конечно же, Ельцин очень уязвим для критики. Но замены ему пока нет. Пока только он может перекрыть пути для зюгановцев и иже с ними. И надо наступить на горло собственной песне, надо унять амбиции. Хотя бы из чувства самосохранения.

Наверное есть люди умнее, симпатичнее, моложе, культурнее Ельцина, но все они пока не дотягивают до России. Не случайно мундир князя Горчакова оказался великоват для Козырева. Всякие аналогии условны, но все же…

Иногда говорят, вот во втором туре поддержим Ельцина. А если не будет второго тура? А если раздробление незюгановского электората выведет Ельцина из игры? Не стоит — ради уж не знаю чего— рисковать.

Понимаю, что получилось сумбурно, да Бог с ним — все равно зря пишу».

Лукин со мной не согласился.

На учете состояли примерно 36 тысяч человек. 16 июня в голосовании приняли участие 5808 избирателей. Результаты (первая цифра — в Израиле, вторая — в 146 странах зарубежья, третья — в России):

Ельцин: 82.3 — 41–35.6 %,

Зюганов: 2.8 — 26.4 — 31.9 %,

Явлинский: 10.2–6.8 — 7.5 %,

Лебедь: 2.5 — 16.7 — 14.7 %.

Вот такая арифметика. Политический уровень избирателей на высоте!

Начали готовиться ко второму туру. И тут в Москве как с ума восходили. Почему так мало народу голосует!? Звонки. Окрики.

Ожидаем прибытия «доверенного лица» президента в лице Юлия Гусмана. Вывели меня из терпения.

Сообщаю в МИД, что раздающиеся из Москвы телефонные звонки и понукания производят странное впечатление. Можно подумать, что в МИДе есть люди, которые всерьез полагают, будто судьба Ельцина (и России) будет решаться в Израиле. Если такие люди есть, то должен их успокоить: Ельцина выберем президентом России.

И еще одно. Поднятая суета получает, к сожалению, огласку. Приезжает Гусман, который, по слухам, будет давать инструктажи. Гражданам Израиля выдаются удостоверения «уполномоченных по выборам». Не трудно понять, что все это вызывает здесь иронические ухмылки (Россия выгнала евреев, а теперь гоняется за ними).

Не могу не вспомнить о том, как прибывший в Израиль представитель г-на Сосковца пытался убедить нас принять в российское гражданство одним махом сто тысяч человек, да плюс к этому рекомендовал провести выборы 29 мая (в один день с израильтянами), поставив наши урны в каждом израильском избирательном участке. Вот такая «забота» о президенте!

Первый тур прошел у нас четко и организованно. Были небольшие очереди, но они быстро рассасывались. Лимитирует малое количество работников (даже с женами). А привлекать местный «актив» не хотим, так как неизбежна путаница с паспортами. Думаю и второй тур пройдет нормально… И ради Бога, просил я, не звоните ночью после выборов, не нервируйте людей. Кому нужна гонка? Аккуратно все посчитаем и сообщим.

Гусман действительно прилетел. От «штаба Филатова». Создал Общественный комитет по переизбранию на второй срок президента России Бориса Ельцина. Во главе комитета поставил Григория Лернера. Предложил открыть еще 5 участков и проводить выборы три дня. Предложения эти мы отвергли, как нереалистические. Но агитировал он здорово: выступал по радио, давал интервью. Агитировали и местные «кадры». Цитирую газету «24 часа»:

> «…на карту поставлено очень многое. Не только будущее России. И не только будущее евреев России, наших с вами родственников, друзей, соплеменников. Но, как ни странно и ни страшно, и будущее Израиля. Ибо в случае поражения снова начнется накачивание наших арабских соседей российским оружием. И не только судьба Израиля, но и судьба всего мира.
>
> Я ничего не имею против коммунизма как

интеллектуальной социальной идеи. Но «реальный коммунизм» в воплощении Зюганова, Анпилова и Макашова чреват трагедией для всей планеты. И не говорите, что нам, евреям, нет дела до «гойских» разборок. Слишком мала наша планета. Слишком общей стала наша судьба.

Если вы можете что-то сделать, чтобы у России была по крайней мере надежда на лучшее будущее, сделайте это».

На избирательные участки 3 июля пришли 7096 человек (1288 избирателей будем считать «гусмановской добавкой»). Результаты (по прежней схеме):

Ельцин: 95.8 — 62.4 — 53.8 %,

Зюганов: 2.8 — 31.2– 40.3 %.

Как видно, авторитет Ельцина падает по мере приближения к России, а авторитет Зюганова растет. Это объяснимо, но все равно — обидно. За наш «электорат».

В нарушение всех правил и вопреки бухгалтеру выдал Ю.В.Котову, который руководил организацией выборов, премию 500 долларов. Вопреки, — потому что он был не из МИДа и премия ему не полагалась.

Пока мы решали судьбы России, в Израиле в надковерных и подковерных схватках формировалось правительство.

Я пережил эту процедуру два, точнее, полтора раза: правительство Рабина и правительство Переса. Но нынешние страсти были накалены гораздо сильнее. Тут сказались два фактора. Объективный: много желающих на малое количество кресел. И субъективный: склонность Нетаньяху к разыгрыванию сложнейших комбинаций, в которых он начинал путаться сам.

Для начала маленькая зарисовка Аркадия Хаенко из газеты «Время»:

«Если бы потребовалось изобразить в аллегорической форме то, что происходит на сцене израильского политического театра, я бы мысленно нырнул в глухие доисторические времена. Вообразите низкие каменные своды пещеры, под коими полыхает жаркий костер, а вокруг него — наших косматых узколобых предков, отмечающих, недавнюю победу над громадным клыкастым хищником.

Еще совсем недавно они плечом к плечу сражались со свирепым противником, но сейчас, наспех зализав раны и натанцевавшись вокруг костра, приступили к дележу туши и шкуры поверженного исполина. Былое

равенство разом позабыто. Лучший кусок уже утащил в угол свирепый вожак, а все прочие скалят зубы на бывших соратников и норовят урвать долю пожирнее».

Грубовато, конечно, но суть схвачена, верно.

Премьеру дается 45 дней на формирование правительства. Нетаньяху решил сделать это за две с половиной недели, чтобы представить правительство 17 июня, на первом заседании Кнессета 14-го созыва. Так что он торопился и нередко шел напролом, обижая многих из тех, кто помогал ему пробиться во власть.

Поначалу Нетаньяху явно хотел избежать включения в правительство независимо мыслящих, способных противостоять ему людей. Отсюда — долгое хождение вокруг Шарона, Эйтана, Меридора, Бегина. В конце концов курс на «йесменов» провалился. Но зигзаги премьера, несомненно, оставили тяжелый след у «принцев Ликуда».

По своему уровню и менталитету новые составы правительства и Кнессета были более точным слепком с израильского общества, чем предыдущие. Меньше интеллигентности, тонкости, «ашкеназийства» — больше простоты, грубоватости расстегнутых воротов, больше разнообразия и шума. Я писал тогда, что если Нетаньяху обладает качествами недюжинного лидера, он сможет утихомирить страсти и использовать разнообразие для формирования единой, но богато нюансированной политической линии. Этого не случилось…

Сам состав, правительства был довольно стандартным для Израиля. Новичками были министры от «русской» партии — Натан Щаранский (министр промышленности и торговли) и Юлий Эдельштейн (министр абсорбции). Остальные министры в той или иной степени уже были обкатаны в политике.

Гораздо более нестандартной выглядела «команда» Нетаньяху, то есть группа его ближайших советников (есть такое сленговое словечко «клозен» от «каров ле озен» — «близкие к уху») Во главе своей канцелярии Нетаньяху поставил Авигдора Либермана, «молдаванина», человека очень организованного и умеющего доводить дело до конца… Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что Нетаньяху не смог выжать из своей команды все, на что она была способна.

Программу нового правительства, если иметь в виду мирный процесс, можно было резюмировать в нескольких положениях (их иногда называли «принципы Нетаньяху»).

1. Мы готовы выполнять обязательства, взятые предыдущим

правительством. Но не сразу, не торопясь, а подумав и взвесив.

2. Мы будем продолжать мирный процесс по всем направлениям. Но (см. п. 1)

3. Главный принцип любых переговоров — безопасность. Без безопасности нет мира.

Двадцать лет назад, 27 июня 1976 года террористы (они называли себя «батальон Газы», хотя в группе было два немца) захватили самолет, следовавший рейсом № 239 Тель-Авив-Афины-Париж. Пошел отсчет времени, который закончился знаменитой «операцией Энтеббе».

По требованиям террористов самолет приземлился в аэропорту Энтеббе (Уганда). Условия террористов: освободить 53 террориста, находящихся в тюрьмах Израиля (40), ФРГ (6), Кении (5) и по одному в Швейцарии и во Франции. Тогда будут освобождены и 250 пассажиров, а также 12 членов экипажа.

30 июня становится известно, что террористы отделили заложников—евреев, от остальных пассажиров.

1 июля все заложники не евреи освобождены и отправлены в Париж. В Энтеббе — только 106 евреев и члены экипажа, отказавшиеся покинуть своих пассажиров. Срок ультиматума истекает в воскресенье 4 июля.

3 июля в 15.30 израильские самолеты с десантниками на борту берут курс на Энтеббе. Вечером в этот же день «операция Энтеббе» была завершена, заложники освобождены.

4 июля в 11.00 самолет с пассажирами рейса № 139 приземлился в Тель-Авиве.

Операция заняла 55 минут. Командовал бригадный генерал Дан Шомрон. В ходе операции погиб командир ударного отряда подполковник Ионатан Нетаньяху (родной брат премьер-министра) и трое заложников. Были уничтожены все террористы (7 человек), несколько десятков угандийских солдат и военно-воздушный флот Уганды (советские МИГи), чтобы не могли преследовать

Многие тогда осудили Израиль.

Его оправдала история.

ИЮЛЬ-96

«Ливан сначала» — Почему Юлик Кошаровский не сменил Ализу Шенкар — Гастроли и гастролеры

Июль начался с одного из самых радостных событий за последние десятилетия моей жизни — собрал свои брюки и отдал их на ушивание. Поскольку истребил себя уже на 30 килограмм!

Другие события, относящиеся к дипломатической сфере, не очень радовали, но хорошо, что хоть не очень и огорчали

9 июля новый министр иностранных дел Д.Леви собрал всех послов и «пробрифинговал» (прошу прощения!) их.

Внешняя политика Израиля опирается на два принципа: мир и безопасность. Упор — на безопасность. «Израильский народ больше не станет терпеть, чтобы его кровь проливалась во имя мира, так как нет, и не может быть «жертв мира».

Гораздо интереснее был состоявшийся в Тель-Авивском университете симпозиум на тему: «Начало нового этапа мирного процесса». Позиции выглядели так:

С.Арикат (ПНА). Правительство Израиля должно перейти к «реальному, равному партнерству» с палестинцами. Политика репрессий, закрытие территорий не только бьет по экономике, но унижает палестинцев, усиливает радикализм, препятствует демократизации палестинского общества. Сразу же после выборов мы пригласили Нетаньяху для обсуждения накопившихся проблем. Но он отклонил наше приглашение.

Э.Ольмерт (Израиль). Мы — за полную взаимность. Каждая сторона должна выполнять свои обязательства. Пока мы этого не видим. Террор продолжается. Закрытие территорий — не наказание, а мера безопасности.

О.Рифаи (Иордания). Мы не хотим обсуждать сейчас планы «Транспалестины» или «Трансиордании». Для этого не пришло время. Когда палестинцы обретут независимость, они сами демократическим путем решат эту проблему.

М.Басьюни (Египет). Без территориальных уступок мир невозможен. Модель нового этапа мирного процесса можно представить в виде треугольника: его основание — «земля» (территориальные уступки), а две другие стороны — «мир» и «безопасность». Арабы за это триединство, но именно в таком порядке.

М.Индик (США). Да, «земля» — основа мирного процесса, как это предусмотрено в резолюциях 242 и 338. Но развитие событий

выдвинуло на передний план другую сторону треугольника — безопасность. В этом суть израильских проблем, и США, как коспонсор, не могут не учитывать позицию Нетаньяху.

В общем, несмотря на некоторую академическую позитивность атмосферы, симпозиум показал, что найти устойчивое, равновесное соотношение указанного Басьюни треугольника пока не удается.

Не проросла и идея Нетаньяху, получившая наименование «Ливан сначала». Суть идеи была проста — убедить ливанцев пойти на соглашение с Израилем. Суть соглашения тоже проста — Ливан гарантирует безопасность северной границы Израиля, Израиль выводит свои войска из Ливана.

Ливан — маленькая (по территории меньше Московской области в 4.5 раза), удивительная и несчастная страна. Франция отпустила Ливан на свободу в 1943 году. К тому времени в Ливане было полтора десятка религиозных общин, христианских и мусульманских. Они договорились поделить государственную власть по конфессиональному принципу. Президентом мог быть только христианин-маронит, премьером — только мусульманин-суннит, председателем парламента — мусульманин-шиит и т. д. Так как христиан в Ливане было немного больше, чем мусульман, соотношение мест в парламенте было установлено 6:5 в пользу христиан.

К началу 70-х годов Ливан превратился в центр финансового и торгового капитала на Ближнем Востоке. Бейрут играл всеми красками радуги. Била ключом и политическая жизнь: 70 партий, организаций, фронтов. Практически каждая крупная религиозная община имела свои вооруженные отряды. На всякий случай. И случай вскоре представился.

Поскольку мусульман по естественным причинам к этому времени стало больше, чем христиан, они требовали перераспределения власти. На стороне мусульман были вооруженные отряды палестинцев, которые обосновались в Ливане после того, как их выгнали из Иордании. В 1975 году началась гражданская война, которая продолжалась 16 лет.

В мае 1991 года Сирия и Ливан подписали «Договор о дружбе, сотрудничестве и координации». Эстафету терроризма принимает от палестинцев «Хизбалла». В 1991 году 172 террористических акта. В 1993 году — 330. Ливанская армия к этому времени уже стала боеспособной и могла бы покончить с террористами. Но Дамаск не дает санкцию.

Израиль проводит еще две операции «Расплата» (июль 1993 года) и «Гроздья гнева» (апрель 1996 года)

И тут появляется Нетаньяху.

Асад непреклонен, и «Ливан сначала» повисает в воздухе. Но Ливан — на земле, и на этой земле продолжают гибнуть израильтяне. Что делать с Ливаном? — этот вопрос активно дебатируется и в кабинетах и на улице.

28 декабря 1998 года в «зоне безопасности» подорвался «Мерседес», в котором находился генерал Эзер Герштейн. Генерал, два солдата и журналист погибли. Ливан продолжает собирать кровавую дань.

Теперь у власти правительство Барака. Обещают уйти из Ливана.

В июле густо пошли слухи (они начались еще в июне), что послом Израиля в России собираются назначить Юлия Кошаровского.

Кошаровский родился в 1941 году на Украине. Жил и учился на Урале, в Свердловске Специальность — медицинская электроника. В 1970-м начал преподавать иврит. В 1971-м подал заявление на выезд в Израиль. Был уволен с работы и арестован (через месяц выпустили) С 1972 года в Москве. Руководил семинаром преподавателей иврита. Пять раз арестовывался. Пробыл «в отказе» 18 лет (рекорд!). 11 марта 1989 года прибыл в Израиль. У трапа самолета его встречал премьер-министр Шамир

Сначала занимался кабельным телевидением. Потом работал в Сохнуте. Член президиума Сионистского форума. К выборам 1992 года создал партию «ДА» (Демократия и Алия), но в кнессет не прошел. Потом склонился в сторону Ликуда. Работал в штабе Нетаньяху. Был 45-м в списке, но в кнессет снова не попал.

17 июня Дов Конторер писал в «Вестях»:

> «Пост израильского посла в Москве должен занимать профессиональный дипломат, имеющий адекватное представление об узловых проблемах взаимоотношений между двумя странами и о том контексте, в котором эти отношения развиваются в настоящее время. Очередной политический назначенец — будь то Юлий Кошаровский или кто-то другой — может наделать множество ошибок, приступив к исполнению своих обязанностей в Москве с большим апломбом, но без надлежащего уровня профессиональных знаний. В этом плане пост израильского посла в Москве имеет большее значение, чем аналогичные посты в Европе и США, где давно уже оформились четкие модели двусторонних связей, не зависящие от тех или иных персональных назначений».

7 июля Йоси Мельман, корреспондент газеты «Гаарец» в Москве, ссылаясь на «российские политические круги», сообщил,

что Кремль возражает против назначения Кошаровского. Сам Кошаровский, с одной стороны, говорил, что ему еще не сделали официального предложения, но с другой, — начал принимать поздравления.

Мне по частной линии сообщили, что Леви — против назначения Кошаровского, и поинтересовались моим мнением. Я ответил, что как посол в это дело встревать не могу, но если говорить в сугубо личном плане, то вариант Кошаровского мне кажется странным. В Москву сообщил, что считаю назначение Кошаровского крайне нежелательным. У посольства, писал я, есть возможности повлиять на решение. «Надо ли это делать?»

Тем временем в израильской прессе разгорелась бурная дискуссия. Аргументы против суммарно выглядели так. Кошаровский мало находится в Израиле, не служил в армии, не успел укорениться в израильском обществе. Он недавно оторвался от России, положительные и отрицательные эмоции по отношению к стране исхода в нем еще не сбалансировались. Наконец, в Израиле существует 10-летний срок, до истечения которого репатрианты не могут допускаться к государственным тайнам. А какой же посол без тайн? Защитники Кошаровского последний вопрос обходили. Но подчеркивали, что Кошаровский уже стал настоящим израильтянином, и никаких комплексов по отношению к России у него нет

6 августа посетил Либермана. Он был в страшной запарке (в самом разгаре был конфликт между Нетаньяху и Леви). Но успел сказать, что премьер хотел бы заменить посла в России, назначив на этот пост человека из своего непосредственного окружения — Ю.Кошаровского. Я промолчал.

Поскольку контракт с Ализой Шенкар кончался в декабре, то время еще было. Москва молчала, хотя до меня доходили слухи, что там не в восторге. Стал делать осторожные пассы.

31 октября прилетел Примаков. На мой вопрос ответил четко: действуй (кстати, из разговора с министром я вынес убеждение, что многие телеграммы ему не докладывают).

10 ноября состоялся длительный разговор с Либерманом. Его главный аргумент — близость «Юлика» к премьеру. Это позволит иметь дело с посольством в Москве, минуя всякие бюрократические структуры.

Я предложил грубую аналогию, представь себе, что мы прислали бы нашим послом Калмановича… Конечно, мы вряд ли не дадим агреман, но боюсь, что у «Юлика» будут в Москве сложности. В общем, просил подумать.

Думали долго. Постепенно вопрос о Кошаровском завял. Но вопрос о после остался

Леви (уже после моего отъезда) пытался послать в Москву Герцля Инбара, профессионального дипломата, но специалиста, кажется, по Латинской Америке. Тут взбунтовался Щаранский. В конце концов, в январе 1999 года из Киева перевели в Москву Цви Магена. Он родился в СССР в 1945 году. В Израиле — с 1960-го. Долго работал в военной разведке, потом — по линии «Бюро по связям…» — в Советском Союзе. В Киев его отправил Рабин. Солидный, сдержанный, заземленный человек. Матриархат на Большой Ордынке кончился.

17 июля в газете «Гаарец» была опубликована статья о гастролерах из России, которая вызвала оживленный обмен мнениями. В газете говорилось, что с начала года в Израиле уже побывали 9 театральных коллективов, которые показали 14 спектаклей. Приезжие актеры составляют конкуренцию местным, израильским. Приводилось высказывание директора театра «Гешер» («русского» театра) Ури Леви: надо как-то упорядочить «театральный импорт». Если налагаются ограничения на ввоз в страну, скажем, ковров, то почему бы не ограничить «импорт театров»? (Леви разослал письмо во все инстанции с требованием ограничить гастроли российских театров, ибо они бьют по кассе «Гешера»).

«Русская» общественность встала на дыбы, доказывая, что «коверный подход» не применим в области культуры. Как сказал бывший директор того же «Гешера» Слава Мальцев, «конкуренция заключается не в том, чтобы «сжечь фабрику другого», а в том, чтобы «шить штаны лучше всех».

Власти, к которым апеллировал Леви, согласились с ним лишь частично. Квоты на «театральный импорт» установлены не были. Но гастролеры были условно разделены на две группы: известные (их рекомендует министерство культуры Израиля) и прочие. Для прочих требовались визы с правом на работу (как для иностранных рабочих). Не очень вежливо, скажем так…

«Русских» любителей культуры беспокоило не столько количество гастролеров, сколько качество гастролей. Тут были главные проблемы. Довольно много артистов приезжало в Израиль со всякого рода халтурой, надеясь на непритязательность «русской» публики. В газетах приводился разговор Зиновия Гердта с Григорием Гориным. Последний спросил у Гердта, с каким репертуаром лучше ехать в Израиль. Ответ Гердта передавался так: «Вы, Гриша, наверное, думаете, что они придут вас слушать? Не обольщайтесь — они придут на собственные воспоминания. Так что читайте, что хотите, это не имеет значения».

Отмечалось, что гастролеры из России, как правило,

начинают либо клясться в любви к Израилю, либо рассказывать о своих еврейских корнях. «Хотя их никто об этом не просит».

Отмечалось, что уж больно непритязательны российские артисты. Их населяют в сомнительных гостиницах, дают им плохие залы, обманывают с гонорарами. Все это бьет по авторитету, по престижу русской культуры.

Много было проблем. Но много было и прекрасных артистов, великолепных спектаклей, первоклассных концертов

Мне хочется назвать здесь людей, которые взяли на себя нелегкий и часто неблагодарный труд создать и поддерживать «культурный мост» между Израилем и Россией. Шема Принц, Эмиль Фукс, Ефим Тарновский, Марк Ольшанецкий, Фаина Новоходская, Слава Мальцев, Юрий Хилькевич. Когда Козаков вернулся в Россию, он сказал: «Я не хочу жить на обочине цивилизации». Хилькевич же говорил: «А я не хочу жить на обочине цивилизации здесь». И поэтому «импортирует» сюда российскую культуру.

Люди, которых я назвал (прошу прощения у тех, кого запамятовал), — очень разные. Они по-разному относятся друг к другу. По-разному относятся и к ним. Часть из них не выдержала перегрузок и сошла с дистанции. Но всем им я хочу сказать: «Спасибо!» Не только как бывший посол. Но прежде всего как зритель и слушатель. Мы с Леной Петровной всегда были рады пользоваться их «импортным товаром» и видеть их нашими гостями в Савьоне. На травке у бассейна.

АВГУСТ-96

Голос из МИДа: не надо «размышлизмов» — Авигдор Либерман

Весь август крутился вокруг комиссии («тройки», как мы ее обозначили), которая вычисляла цену нашей «бюджетной корзины» на предмет вожделенного повышения зарплаты. Детали опускаю — уже рассказывал.

Пришла любопытная бумага от Посувалюка. Он писал, что сообщения посольств грешат длиннотами и «размышленчеством», не подкрепленным «солидными контактами». Это мешает МИДу ухватывать главные, узловые моменты, анализировать и прогнозировать события, опираясь на четко изложенную фактуру, достоверную и оперативно добытую информацию. Предлагалось усилить внимание к контактам на «высоком политическом уровне». Сообщалось, что посольские бумаги будут сортироваться. Индекс «А», если идут президенту, индекс «В», если — министру. По итогам месяца посольствам будут выставляться оценки.

Все это было бы чудесно, но судьи кто? Кто будет определять что нужно читать президенту, а что — министру? Насчет «судей» у меня были большие сомнения…

6 августа посетил Авигдора Либермана, «действительного тайного советника», Генерального директора канцелярии премьер-министра (она же — министерство главы правительства).

Либерман огорошил меня сообщением, что Нетаньяху хотел бы в конце августа посетить Москву. Тут же отписал в МИД. Не знаю, кому, пошла эта информация, но через 10 дней Посувалюк ответил, что Нетаньяху могут принять только «глубокой осенью». В сентябре Либерман вернулся к этому вопросу, но ничего нового сказать ему я не мог.

Либерман — удивительная личность, высшее достижение «русской» алии в Израиле. Родился в Кишиневе. В Израиль приехал в 1978 году Начал с грузчика в аэропорту. Поступил в Еврейский Университет, где изучал политологию. Зарабатывал деньги, работая охранником в студенческом клубе. Там же познакомился со своей будущей женой Эллой (она вечерами подрабатывала в столовой клуба). Поженились в 1981 году. Теперь — дочь и два сына. Три года жили в караване. ПМЖ — крохотное поселение Эль-Давид на территориях недалеко от знаменитого Иродиона.

Армия. Поиски жизненного пути В 1988 году познакомился с

Нетаньяху. С тех пор они вместе. Когда Нетаньяху стал лидером Ликуда, он назначил Либермана Генеральным секретарем партии. Либерман, нажив себе много врагов из ликудовской знати, навел порядок в партии. И стал одним из главных архитекторов победы в мае 1996 года.

Прорвавшись на политические высоты (его сверхзадача — координация деятельности всей государственной машины), став одним из самых доверенных помощников Нетаньяху, Либерман попал под шквальный огонь левого, традиционного истеблишмента. Как только его ни называли: Распутин, «человек КГБ», «безжалостный манипулятор», «кукловод», «мафиози» и. разумеется, «серый кардинал».

Несколько развернутых характеристик.

Деди Цукер, член Кнессета от МЕРЕЦ:

> «Этот человек — продукт советской власти, выросший на большевистской системе управления Очевидно, он до сих пор не понял, что Израиль — демократическая страна и большевистские приемы здесь не проходят. Здесь нельзя действовать методом запретов и разрешений.»

Журналисты Бен Каспи и Офер Шелах из «Маарива»:

> «У Либермана классическая русская душа, описанная в произведениях Достоевского. С одной стороны, он — образованный романтик, способный после напряженного трудового дня увлеченно спорить о Платоне, а с другой, — необузданный нигилист и циник.»

Непрекращавшиеся нападки на Либермана воспринимались многими «русскими» как стремление зажать, поставить на место неугомонных репатриантов, борющихся за хорошее место под израильским солнцем. Друг Либермана Кошаровский возмущался: «И когда его травят за русский акцент, вместе с ним травят всех нас. И обзывая его жлобом, обзывают жлобами всех нас. И когда с ним откровенно пытаются расправиться, то вместе с ним пытаются расправиться с нашим стремлением интегрироваться в это общество, подогревая и без того сильные центробежные, антигосударственные тенденции.» Полагаю, Кошаровский близок к истине.

Мне приходилось не раз встречаться с Авигдором (друзья зовут его Эвик, Ивет). Он приезжал ко мне в Савьон на ростовских рыбцов. Я был гостем в его доме. На мой взгляд, это энергичный,

умный, решительный политик. Дельный человек. Его стихия — оргработа Он не говорит, но знает: кадры решают все. В отличие от многих израильских политиков, если Либерман что-то сказал, что-то пообещал, он непременно сделает это.

В контексте мирного процесса Либерман — на правых, жестких позициях. Главное для нею — безопасность Израиля. Не «земля в обмен на мир», а «мир в обмен на мир»

Либерман — за развитие израильско-российского сотрудничества. Но вовсе не потому, что он так уж любит Россию (хотя думает он, конечно, по-русски) А потому, что он любит Израиль и считает, что сотрудничество с Россией отвечает интересам Израиля. Писали, что идея газопровода Россия — Турция — Израиль принадлежит именно Либерману.

Известно, что часто недостатки человека являются продолжением его достоинств. Думаю, это относится и к Либерману. Наверное, были ситуации, когда он, пробиваясь к намеченной цели, решая поставленную задачу, наступал окружающим на мозоли, не всегда учитывал сложившийся баланс амбиций. Он предпочитал не вилять хвостом, даже не лаять, а кусать. Не всем нравилось, что, работая на Нетаньяху, он отжимал от власти «наследных принцев» Ликуда.

Нетаньяху долго отбивал атаки на Либермана. Он ценил Либермана и чувствовал себя спокойнее, когда тот рядом. Обстановка накалилась до предела осенью 1997 года. На партийной конференции Ликуда, Либерман, действуя в своей жесткой манере, добился принятия решения, которое было нужно Нетаньяху, но решение это вызвало бурю возмущения в ликудовской гвардии «Если бы, — заявил мэр Тель-Авива Мило, — Зеэв Жаботинский и Менахем Бегин восстали из мертвых, то они предпочли бы немедленно вернуться в могилы, чтобы не видеть этого позора». Гвардия предъявила премьеру ультиматум, и Нетаньяху сдался. Премьеры и те, кто их делает премьерами, принадлежат к разным породам. И не только в Израиле.

На выборах 1999 года Либерман создал свою партию и прошел в Кнессет.

СЕНТЯБРЬ 96

Нетаньяху встречается с Арафатом: бунт правых — Туннель Хасмонеев: бунт палестинцев

Сентябрь посольство начало с попытки как-то осмыслить новый курс Нетаньяху в области мирного урегулирования.

Смысл всех пируэтов, которые исполнял Нетаньяху вокруг мирного процесса, сводился, по нашему мнению, к тому, чтобы навязать арабам новые правила игры. А смысл этих правил — разрыв (или резкое ослабление) связи между миром и землей, выдвижение на первый план безопасности Израиля. О безопасности пеклось и прежнее правительство. Но нынешнее хочет от 2-кратного запаса прочности перейти к 12-кратному. Что, если глядеть на географическую карту глазами незаангажированного наблюдателя, кажется вполне естественным.

Не менее естественной представляется и негативная реакция арабов. Проиграв несколько войн, арабы надеялись выиграть мир. Но вот пришел Нетаньяху… Он, разумеется, предлагает мир, но мир с побежденными, а не с победителями. Арабам это, — что опять же естественно, не нравится.

Американцы, следуя Станиславскому, держали паузу, работали в основном «под ковром». Соглашаясь в принципе с ужесточением израильской политики, они помогали Нетаньяху нащупать приемлемую для арабов меру ужесточения. Пользуясь имеющимися у них рычагами (помощь или обещание помощи), они охлаждали пыл Арафата, Асада, Мубарака и подталкивали их навстречу Нетаньяху.

Наша политика, думал я, может повлиять на какие-то частности, что-то затормозить, что-то ускорить, но общая траектория движения мирного процесса находится вне нашего влияния.

4 сентября на КПП «Эрез» (въезд в Газу) состоялась первая встреча Нетаньяху и Арафата. Решений не было, было, рукопожатие. То самое рукопожатие, которого, как раньше утверждал Нетаньяху, никогда не будет. Правые в Ликуде взбунтовались. Возмущался Бени Бегин. Возмущался лидер движения «Моледет» Рехавам. Зеэви.

«Мне не остается ничего другого, — сказал он, узнав о встрече на КПП, — как пойти к избирателям и

> попросить у них прощения за то, что я призывал их голосовать за Нетаньяху на, пост премьер-министра. По-моему, встреча Нетаньяху с Арафатом. это предательство, которому нет прощения. Никогда не думал, что Нетаньяху будет стоять в одном ряду с предателями. Рукопожатие Нетаньяху и лидера всех террористов Арафата было моим страшным сном. Сегодня я, спрашиваю себя: чего же мы добились, сменив власть? Какая разница между Нетаньяху и Пересом? И тот, и другой — предатели».

11 сентября был в Кнессете, встречался с депутатом Х.Меромом. Речь шла об обновлении Аводы, об омоложении ее руководства. По мнению Мерома, Перес уже отыграл свою роль и должен уйти. К сожалению, он это не осознает, переоценивает свои силы и свою популярность в партии.

Есть два основных соперника в борьбе за лидерство: Барак и Рамон. Барак уже принял решение и начал действовать. Рамон пока думает. Он в принципе мог бы объединиться с Бараком, но вряд ли согласится на вторую роль. Пока шансы предпочтительнее у Барака.

Сентябрь для израильтян — месяц новогодний. 12 сентября ритуальный прием у президента. Я уже третий в очереди. Впереди Египет и Бельгия. Бельгиец скоро уезжает. Египтянину арабская солидарность не позволяет быть дуайеном в Израиле, Поэтому наш дуайен (Кот д'Авуар), который тоже сидит на чемоданах, предлагает стать его преемником. Вежливо отклоняю, поскольку сам уже на излете.

13 сентября. Новый год в «Балагане» у Саши Каневского. Поет Михаил Гулько. Народ изощряется в веселье. Полный балаган.

Праздничный, новогодний сентябрь кончился в Судный день, 23-го, когда по распоряжению Нетаньяху был открыт выход из туннеля Хасмонеев на улицу Via dolorosa, проходящую через мусульманскую часть Старого города.

В чем тут проблема? Подземный ход, который называют туннель Хасмонеев, был сооружен во II веке до н. э. Обнаружен в середине прошлого века. Вход в туннель — у Стены плача. Но выход с другой стороны был замурован, и поэтому туристы вынуждены были возвращаться назад тем же путем. В начале 1996 года выход был пробит. Но Перес, опасаясь негативной реакции арабов, не рискнул искушать судьбу, и пользоваться выходом не разрешили.

Почему волнуются арабы? Потому что, по их мнению, израильтяне не должны менять ситуацию в Восточном

Иерусалиме до принятия «окончательных решений». Тем более, в таком священном месте как Храмовая гора.

24 сентября в Газе выступил Арафат.

> «Аллах овладел душой и телом тех, кто верит в него, потому что они получат в наследство рай. Они будут сражаться за Аллаха, будут убивать и будут, убиты, и это — священная клятва».

Убивать стали на следующий день. Волнения охватили Газу и Западный берег. Тысячные толпы разъяренной молодежи вышли на улицы. Палестинские полицейские начали стрелять в израильских солдат.

26-го, прервав свой визит в Европу, вернулся Нетаньяху. На территориях вводится чрезвычайное положение. Израильские танки занимают позиции рядом с палестинскими городами. Проводится заседание «кабинета безопасности», которое решает туннель не закрывать. К этому времени убиты 15 израильских военнослужащих и 60 ранены. Потери палестинцев: 60 убитых и несколько сотен раненых.

Арафат, как и следовало ожидать, постарался выжать из глупости израильтян максимум. Трудно сказать, санкционировал ли он насилие или не смог совладать с ситуацией, выпустил вожжи из рук. Но, во всяком случае, он не делал каких-то видимых попыток прекратить стрельбу. Да и не хотел, наверное. Ему дали мяч, он ударил. И довольно точно, с пониманием психологии и обстановки. Международная общественность была на его стороне.

28 сентября Совет Безопасности ООН осудил Израиль и призвал закрыть туннель. Даже США не решились применить вето, воздержались.

Израиль закусил удила. 29 сентября советник Нетаньяху Давид Бар-Илан предупредил Арафата, что если кровопролитие будет продолжаться, не исключено принудительное разоружение палестинской полиции.

По настоянию Клинтона поиски выхода из кризиса были перенесены в Вашингтон («конференция по спасению Нетаньяху», заметил какой-то журналист). Совещались два дня. Доказывали Арафату, что насилие — не метод решения нерешенных вопросов. Доказывали израильтянам, что pacta sunt servanda.

Израильтяне остались довольны: они не уступили. «Америка — наш партнер, — сказал Нетаньяху, — но наша безопасность нам дороже». Палестинцы расстроились: ничего не добились. И все-таки польза была: обе стороны поняли, что слишком близко подошли к обрыву, надо попятиться назад…

«Почему ты не поехал в Вашингтон с шефом?» — спросил я у Либермана. — «Не хотел пожимать руку Арафату!»

Щаранский пожал. А на вопрос Клинтона, почему он пришел в Белый дом без галстука, Щаранский ответил: «Тот, кто сидел в ГУЛАГе, имеет право везде появляться без галстука». Клинтон был удовлетворен.

ОКТЯБРЬ-96

Хеврон — Визит Примакова: «химия» есть — Футбол

Октябрь начался с крупных перемен в моей личной жизни. Стал учиться водить машину. Учителем моим был отличный шофер и милый человек Саша из Ришон ле-Циона. Первый урок начался так: «Садитесь за руль и поехали!» И поехали по улицам Ришон ле-Циона. По которым, между прочим, ехали и другие машины. Всего надо отъездить минимум 28 уроков. Я отъездил 35. Теорию сдал нормально. Вождение три раза завалил. «За лихость», — объяснили мне. Права получил уже в Москве. Осваиваю «Оку».

Гроза, разразившаяся из-за туннеля Хасмонеев, заставила интенсифицировать переговоры по Хеврону. На КПП «Эрез» началось многодневное заседание Совместной координационной комиссии. Главой израильской части был герой Энтеббе Дан Шомрон, палестинской — Сайд Арикат.

Хевронский узел — один из самых тугих на палестинском треке.

Хеврон расположен в 36 километрах к югу от Иерусалима. Один из самых древних городов мира. В Библии упоминается 420 раз. Здесь был «помазан на царство иудейское» Давид, который потом перенес столицу в Иерусалим (поэтому Хеврон называют «младшей сестрой Иерусалима»). Здесь — по преданию — похоронены библейские патриархи и их жены. Потом — века господства арабов, крестоносцев, турок. Еврейская община стала возрождаться с конца XX века. Начались стычки с арабами. После погрома 1929 года евреи обособились в своем квартале. После арабских волнений 1936 года англичане вывезли еврейскую общину из Хеврона (равно как и из Цфата и Тверии) в Иерусалим.

В 1950 году Хеврон отошел к Иордании. После 1967 года еврейская община восстанавливается. В городе открывается ешива (религиозная школа). Рядом с пещерой Махпела строится синагога. Но в основном евреи селились рядом с Хевроном в поселении Кирьят-Арба.

И для евреев, и для палестинцев Хеврон — святое место, символ веры. И на той, и на другой стороне сильны позиции фундаменталистов. И те, и другие поднимают проблему Хеврона на уровень принципа. Для палестинцев принцип означает, что Хеврон — палестинский город, на 99 % заселенный палестинцами и что судьба евреев играет подчиненную роль. Для евреев

принцип означает, что они во что бы то ни стало должны остаться в этом городе даже если он отходит к Арафату, и что правительство Израиля должно гарантировать им безопасность. Собственно, об этом и переговоры: как передать власть палестинцам, но при этом обеспечить безопасную жизнь для евреев.

8 октября Вейцман принимал Арафата в своем доме в Кейсарии. Разговор, как считал президент, получился. Арафат дал обещание не использовать насилие для решения спорных проблем.

В стране к беседе в Кейсарии отнеслись по-разному. Левые, естественно, одобряли инициативу президента. Правые негодовали. Рукопожатие Вейцмана и Арафата «выводит меня из равновесия, — писал Р. Зеэви. — Мною движет не ревность друга, а ненависть, отвращение к врагу, руки которого по локоть в еврейской крови».

Авраам Судай, отец солдата Итамара Судая, убитого «полицейскими» Арафата во время погрома, устроенного палестинцами несколько недель тому назад, обратился к президенту, возмущаясь этой встречей. Авраам Судай назвал Арафата чудовищем, которое мы пытаемся приручить. Мне кажется, что осиротевший отец очень верно выразил саму суть происходящего:

> «Как получилось, что мерзавец, которого глава правительства Менахем Бегин назвал двуногим зверем, вдруг стал у нас модным посетителем светских салонов?.. Авода твердила нам: Арафат изменился, Арафат сошел с пути террора, он повернулся лицом к миру. Жизнь доказала нам, что все это далеко не так. Неужели президент взялся за отмывание черного кобеля, которого, как известно, не отмоешь добела!».

Арафат подвел президента. Через два дня после кофепития в Кейсарии он заявил: «Переговоры на КПП «Эрез» не принесли до сих пор никаких результатов, и новая интифада может вспыхнуть в любой момент». И он, Арафат, «не в силах предотвратить вспышку новой интифады», потому что «не может себя заставить игнорировать унизительное, оскорбительное и несправедливое отношение к палестинцам». Это вызвало гнев президента, поскольку, как он сказал, в Кейсарии Арафат «уверял меня как раз в обратном».

Приближался рабочий визит Примакова, его первый визит в ликудовский Израиль.

14 октября обсуждали эту тему с Бенцуром. Он высказал

беспокойство, что при новом министре Россия стала занимать менее сбалансированную позицию. Когда в Штатах Леви разговаривал с Примаковым, его оценки и суждения по туннелю Хасмонеев основывались на тенденциозной и зачастую неверной информации. Кстати, заметил Бенцур, это относится не только к России. Европа тоже занимает несбалансированную позицию. Даже американцы иногда грешат этим.

Евгений Максимович появился утром 31 октября.

Первый разговор — с Леви. Подписали соглашение о создании культурных центров. Примаков получил красивую папку с документами о перерегистрации собственности. Поговорили об Иране. Потом — Щаранский, потом — президент. Неизбежный, но нужный галоп.

Наконец, понеслись в Тель-Авив, где на территории министерства обороны расположен уютный старый домик для премьера. Разговор с Нетаньяху — помимо дежурных тем — сконцентрировался на Сирии. Примаков нажимал на то, что надо садиться за стол переговоров с учетом того, что уже говорилось, и было обещано. Однако Нетаньяху решительно отвел мотив обещаний: ничего такого не было, мне сам Кристофер говорил. Что же касается «гипотетических предположений», то даже если они были, мы не готовы однозначно принять их. Асад фактически предлагает не переговоры, а капитуляцию. Интересно, как бы отреагировали сирийцы, если бы Израиль в качестве «первоначального запросного требования» попросил отвести основную массу сирийских танков, ну, хоть к иракской границе?

«Мы ходим по заколдованному кругу», — подытожил Примаков.

В заключение договорились о создании доверительного канала связи. Этот канал (Либерман — Маркарян) действительно был создан. Но функционировал очень не долго. Толку от него было мало.

1 ноября Примаков был в Газе. «Очень волнующее посещение», как сказал на брифинге Посувалюк.

Имел в машине приватную беседу с министром. Сообщил ему, что вторую коленку заменяю в конце ноября. После операции, сказал Евгений Максимович, дам тебе три месяца и возвращайся, на пенсию. Все равно тебя по возрасту Дума никуда не пропустит. А пенсия теперь хорошая. Вместо тебя будет Миша Богданов. Я, было, заикнулся об оплате операции, но ответ был уклончивым.

Визит был любопытным. Если иметь в виду мирный процесс, то ни о чем не договорились. Но между Примаковым и Нетаньяху возникло взаимопонимание, они почувствовали друг друга

(«химия», как говорят в Израиле). Что в перспективе могло бы сыграть важную роль. Но эта перспектива уже уходила за мой посольский горизонт…

А еще в октябре был футбольный матч Россия — Израиль. Наши еле-еле вытянули ничью 1:1. Трибуны ревели Рядом болели Либерман, Шомрон и Тихон. За Израиль, конечно. Это был второй футбольный матч в моей жизни

НОЯБРЬ-96

Казус Березовского — Замена второй коленки — Что мне не нравится в израильтянах?

Ноябрь начался с Березовского. Сообщение о том, что он назначен секретарем Совета Безопасности РФ, вызвало разноголосицу в Израиле и обрушило на посольство шквал телефонных звонков (в основном — из Москвы). Спрашивали: правда ли, что Березовский — гражданин Израиля? Я честно отвечал, что не знаю, так как израильское гражданство дают израильские власти, не согласовывая это с российским посольством. Мне не верили. Из МВД Израиля пошла информация, что некий Березовский Б.А. (1947 года рождения) получил израильское гражданство в 1993 году и с женой Галиной жил в Бат-Яме с августа по ноябрь того же года. Но Березовских много (наш родился в 1946 году).

8 ноября мне позвонил «надежный источник» и сказал, что вчера Березовского лишили израильского гражданства. Чтобы мог честно говорить «нет!». 10 ноября еще более «надежный источник» заявил: мы сделали «выволочку» Гусинскому. Что — они там не понимают? Не могли растолковать Березовскому, что пойдут большие круги по воде?

После, уже в Москве, по поводу увольнения Березовского из Совета Безопасности я написал статью «Березовский как зеркало русской демократии». Беседовал с ним один раз. Но о гражданстве не говорили…

В газетах замелькали сообщения, что в Эйлате замечен российский вице-премьер Владимир Потанин. «Не слет ли это российской мафии?» — вопрошали бдительные журналисты. Звонили в посольство. Посольство ничего не знало: ни про Потанина, ни про «мафию». Нажаловался лично Черномырдину. Видимо мне, как «осколку империи», трудно подняться до вершин нынешней демократии. Поэтому продолжаю думать, что посольство должно ставиться в известность о появлении в «стране пребывания» столь важной особы. Черномырдин не отреагировал.

19 ноября прибыл в уже знакомую больницу «Хадасса». Операцию сделали 20-го. На этот раз лежал на операционном столе всего два часа. Все шло по привычной схеме. 28-го выписали. Вручили ампулы и иглы. Сам себе две недели колол в живот: чтобы тромбов не было.

Лежа на каталке и направляясь в операционную, я узнал, что

этим утром внезапно скончался полковник Михаэль Штиглиц, бывший военный атташе Израиля в Москве. Мы довольно часто встречались. Не на деловой почве, а у общих друзей, в общих компаниях.

Миша, как все его звали — родной брат жены Щаранского Авиталь. Закончил исторический факультет МГУ. С 1973 года — в Израиле. С 1979 года — в армии. Сделал блестящую военную карьеру. О нем ходило много разных слухов, которыми меня пугали. Но раз Москва приняла его в 1993 году в качестве военного атташе, вопрос о слухах для меня отпал.

Яркий был человек. Вот уж действительно «настоящий полковник». Но не «военная косточка», а военный интеллигент. Было в нем какое-то внутреннее благородство, врожденный аристократизм. С ним никогда не было скучно. Умел говорить, но умел и молчать. Умел хорошо выпить. Умел и порассуждать — о чем же все-таки говорил Заратустра?

Не везет хорошим людям — не дожил даже до 50-ти…

Весь ноябрь меня ругали за мои высказывания относительно евреев, которые появились еще в октябре в интервью, опубликованном в популярном еженедельнике «Алеф».

Начну с интервью.

> — Ходят слухи, что Вы покидаете нас. Независимо от того, насколько они верны, мне важно, что у всех новых и старых, израильтян это вызывает глубокое сожаление. Вас уважают, по-дружески любят — и не за последние пять лет, а за многое, что было раньше. И значит, к критике из Ваших уст отнесутся с доверием. Поэтому я хотела бы спросить Вас:
>
> Что Вам не нравится в евреях? Какие национальные черты нам сегодня во вред? Различаете ли Вы евреев и израильтян, и если да, то чем мы друг друга дополняем и чего друг друга лишаем?
>
> — Я не готов ответить на эти сложные и деликатные вопросы в рамках неизбежно краткого журнального материала. Если доживу до собственных мемуаров, то там попробую пофилософствовать и отделить еврея от израильтянина (и наоборот). Здесь же ограничусь упоминанием того, что мне не нравится в поведении израильтян.
>
> Во-первых, почти всеобщая необязательность, которая выражается в хронических опозданиях всего и вся. Нигде я не терял столько времени, ожидая начала концерта, начала заседания, прихода человека на

деловую встречу и т. д. и т. п.

Во-вторых, явный дефицит деликатности, излишние, как мне представляется, развязность, неопрятность, бесцеремонность на улицах и в общественных местах. О некоторых проявлениях указанных «качеств» даже говорить неудобно. Упомяну лишь об изобилии мусора вдоль дорог и в лесах, нежелание уступать друг другу дорогу, да и вообще нежелание считаться с тем, что рядом и вокруг могут быть люди, которым ваша «раскованность» мешает.

В-третьих, странная неосведомленность многих вроде бы образованных, внешне вполне интеллигентных и занимающих видное положение людей во многих, я бы сказал «школьных», фактах мировой истории, мировой культуры.

В-четвертых, проникающие во все поры общества лицемерие, ханжество, суесловие. Везде и всюду говорят о еврейских традициях. Книге книг. Десяти заповедях. Но, судя по тому, что я вижу, о чем слушаю и читаю, обычная жизнь большинства обычных людей, реальная политика и реальная экономика, в которые погружены израильтяне, — все это страшно далеко от указанных заповедей. И имя Господа поминается всуе…

Хочу сразу оговориться. Мой опыт, как и опыт каждого человека, ограничен. Поэтому я могу ошибиться. И в данном случае я даже хотел бы ошибиться… К тому же перечисленные мною минусы встречаются не только в Израиле, но в тех или иных сочетаниях характерны для многих стран

— … По приезде в страну шесть лет назад я была поражена, когда узнала как расшифровывается аббревиатура БАГАЦ — Высший суд справедливости(!). При этом один известный профессор Иерусалимского университета говорит обычно своим студентам юрфака: «Вы пришли изучать закон, а не справедливость».

Не кажется ли Вам, что в стремлении евреев к высшей справедливости, притом, что ее невозможно достичь, есть нечто болезненное? Гремучая смесь самонадеянности молодого израильского общества и мудрости древнего еврейского народа? Возможно — определенный национальный комплекс? Сколько ведущих советских журналистов, писавших на морально-этические темы, были евреями… Видимо, это в крови. Наверное, этому можно найти историческое объяснение,

но в условиях современной политики, особенно ближневосточной, не обойтись без прагматических компромиссов. Как Вы, будучи дипломатом, считаете: сочетается ли в позиции Израиля справедливость с реальностью? Если иметь в виду отношение к новым репатриантам, взаимоотношения религиозных и светских, политику относительно палестинцев…

— Ну, что ж. Поговорим о справедливости. Как-то я не очень убежден, что для евреев характерно стремление к «высшей справедливости». Во всяком случае, то, что я наблюдаю уже скоро пять лет в Израиле (если, конечно, не принимать всерьез упомянутое выше суесловие), никак не подтверждает Ваш тезис. Что, кстати, объединяет Израиль с другими государствами, в частности — с Россией.

Есть и другая, уже не житейская, а, так сказать, теологическая сторона проблемы. Дело в том, что одной из граней справедливости служит веротерпимость. Так вот, в Торе эта самая веротерпимость отсутствует начисто. Как раз в те дни, когда я пишу ответы на Ваши вопросы, евреи должны читать главу «Таво» из книги «Дварим». По-моему, в страшном сне не могут присниться те проклятия, те кары, которые перечислены в этой главе и которые обрушатся на человека, если он отклонится от выполнения заповедей и установлений Бога. Разве этот апофеоз жестокости совместим со стремлением к «высшей справедливости»? Вопрос почти риторический.

Вообще же философические разговоры о справедливости, тем более — о «высшей», меня не увлекают. Следуя примеру Камю, между справедливостью и матерью я выбираю мать.

А теперь спустимся с неба «справедливости» на землю компромиссов. Компромиссы — это воздух политики. Каждый делает шаг назад, чтобы вместе шагнуть вперед — вот суть, смысл компромисса. Компромиссное решение может быть прочным лишь в том случае, если каждая из сторон считает его «справедливым», то есть отвечающим ее интересам. А поскольку интересы расходятся, не совпадают, поиск компромиссов осуществляется в плоскости не абсолютных, а относительных ценностей и сводится к взаимным уступкам, к фиксации «частичной» (но устраивающей всех) «справедливости».

Такова теория. С практикой сложнее. Мне представляется, что нынешнее правительство Израиля ищет некую равнодействующую между ликудовской идеологией («справедливость») и требованием практической политики (реальность). Кажется, Талейран сказал: политика — это искусство сотрудничать с неизбежностью. Надеюсь, что правительство овладеет этим искусством.

— Когда интеллигентный россиянин хочет убедить собеседника в своей лояльности по отношению к евреям, он обязательно говорит о том, что у него есть друзья, родственники — евреи. То есть: «Я вас не чураюсь». Вот и Вы, Александр Евгеньевич, в одном интервью говорили, что первым браком были женаты на еврейке…

Когда еврей хочет продемонстрировать то же самое относительно русских, он оперирует, как правило, другими категориями, не личностными. Он уверяет, что воспитан на поэзии Пушкина и музыке Чайковского, демонстрирует свои знания русской истории или что-либо такого же порядка.

Возможно, я не объективна. И все же я не сталкивалась с ситуацией, когда бы в обычной житейской «разборке» припоминали, что мораль обеих народов основана на Десяти заповедях, данных Богом Моисею. Я уж не говорю о возможности аргументации, основанной на современных знаниях. Вы можете со мной не согласиться. Но почему?

— Позволю себе заметить, что Вы зря обижаете «интеллигентного россиянина». Такой россиянин, ex definitione, равно относится и к эллину, и к иудею. И у него нет необходимости (и желания) убеждать кого бы то ни было в «своей лояльности по отношению к еврейскому народу». Тем более, ссылаясь на друзей и родственников.

По-моему, поэзия, музыка и т. п. здесь вообще ни при чем. Я, например, не понимаю китайскую музыку, не очень силен в китайской истории, плохо знаю китайскую поэзию, но это никак не отражается на моем отношении к китайцам. Они столь же хороши (или плохи), как евреи или, допустим, немцы. То есть «интеллигентный россиянин» a priori (он так воспитан папой и мамой, дедушкой и бабушкой) «принимает» и старается понять любой народ. Другое дело — степень, глубина понимания. Вот тут ступают в игру знание истории,

культуры, а также друзья и родственники. Так, если бы моей женой была китаянка, то, наверное, я лучше бы понимал китайцев.

Вы упоминаете заповеди, «данные Богом Моисею — аргументация такого рода предполагает веру в Бога. А «интеллигентный россиянин» в Бога, как правило, не верит (хотя нынче это модно). Ему не нужна эта гипотеза, унижающая человека. Ведь всякая религия — это страх перед выбором, а значит — бегство от свободы.

Что же касается заповедей, то полезно время от времени; перечитывать «Великого инквизитора». Замечу лишь, что заповедь «не убий» соседствует в Книге книг с многочисленными рекомендациями убивать без всякой жалости Мораль, которая держится на страхе наказания, — это мораль рабов.

Так что я, пожалуй, отдал бы предпочтение не тому, кто в знак своей «лояльности» толкует о верности Ветхому завету, а тому, кто говорит о друзьях-евреях. Хоть не врет…

Надеюсь, я удовлетворил Ваше любопытство».

Интервью имело небольшую предысторию. Были как-то сомнения и у меня, и у журнала. Когда я показал свои ответы Лене Петровне, она была категорически против их опубликования. Логика: если ты пришел в гости, тебя спрашивают — вам нравится суп, ты ведь не скажешь «нет», даже если суп не нравится. Но я не согласился с этой суповой логикой. Показал настоящему дипломату — Владимиру Ивановичу Носенко. Он задумался, но одобрил. Потом неожиданно позвонил Канович. Мне, говорит, из «Алефа» прислали Ваше интервью. Не слишком ли? Так я ответил: подписываюсь под каждым словом!

Сомнения были не напрасны. Пошли гневные письма. Приведу несколько образцов.

Д-р Феликс Лебедь:

«… Г-н Бовин, надо сказать, уж слишком свыкся с ролью старшего брата, к которому ветераны войны обращаются за содействием в получении квартиры. Если бы он был «свободным журналистом и написал… частное письмо, допустима была любая откровенность. Но в ранге посла откровенничать по поводу расхлябанности, бескультурья и продажи с молотка заветов Моисея в Израиле — это не совсем «дипломатично»».

Шалом Шпильбер:

Бовин «позволяет себе беспардонно критиковать главу «Таво». Такой выпад в адрес святая святых нашего народа, фундамента всего существования евреев, можно бы вполне расценить как кощунственный, если не считать его просто невежественным.»[59]

Ирина Медведева:

Бовину мало критиковать «какие-то отдельные черты евреев», и он идет дальше — «критикует религию и Тору. На двух-трех страничках журнального текста он умудрился подвергнуть критике самое ценное, что есть у евреев — Тору. Это по меньшей мере странно. Люди, изучающие Тору в ешивах всю жизнь, не осмеливаются сказать, что знают ее досконально. Для того чтобы Тору правильно понимать, мало ее просто читать, ее надо глубоко изучать. Интересно, где изучал ее г-н Бовин? Откуда у него такая, мягко говоря, смелость делать выводы, что в Торе есть призыв к убийству, что религиозная мораль — мораль рабов? Наказания за неисполнения заповедей Торы он называет апофеозом жестокости, несовместимым со стремлением к высшей справедливости. Тора, данная не человеком, а Богом, по определению, самая большая справедливость, которая существует в мире».

Ш.Ривкин:

«Господа евреи, что случилось?! Что вы подняли бурю в стакане воды?! Ну, сказал г-н посол России пару «горьких слов». Разве это не правда, разве это не то, что мы сами в себе хотим изменить?!

… Дорогие мои, Бен-Гурион говорил: «Не важно, что говорят гои, важно, что делают евреи». А что сделали евреи? Обиделись!

… Да, в Израиле не так чисто, не так опрятно, люди не так деликатны и обязательны, как хотелось бы, и в первую очередь нам. Но заблеванных подъездов, изрезанных сидений в автобусах, просящих милостыню детей, даже посол не увидел. Я же все это и многие другие мерзости видел недавно в Москве. А что до невежества, то посол в своих суждениях о Торе и вере опасно близко подошел к этой грани».

Малка Аранович:

> «Некоторые ответы г-на Бовина более или менее объективны. Но то, что он отрицает стремление евреев к высшей справедливости и веротерпимость Торы — доказывает, что хоть он умный человек, но не проник во всю глубину Ветхого завета и, может быть, поэтому судит предвзято».

До сих пор не могу ответить сам себе, надо ли было говорить, то, что я думал. Интересно, что никто из критикующих и протестующих ничего не возразил по существу. Но ведь дело не в этом. Все хотят слышать, что суп вкусный. В гостях я так и скажу. Но когда тебя серьезно спрашивают о серьезных вещах, тут другой оборот. Проще всего сказать: я — посол и не буду говорить ничего, что может обидеть, уязвить граждан «страны пребывания». Нет, наверное, все-таки надо говорить. Наверное, здесь главное не принцип, а мера. Возможно, я ее нарушил, стоило бы быть помягче…

Весь месяц продолжались переговоры по Хеврону. Только уже не на КПП, а часто — на вилле американского посла. Российский коспонсор не привлекался. Арафат сопротивлялся, но шаг за шагом отступал.

Помню разговор с бельгийским послом. Он сказал: «Проблема Хеврона не имеет решения». Мой ответ: «Хеврон — последняя легкая проблема. Настоящие трудности начнутся за Хевроном».

ДЕКАБРЬ-96

Конгресс славистов — Проблема поселений — Качество жизни — Вечно молодой Гробман

8 декабря открылся международный конгресс славистов. Тема — «Иерусалим в славянской культурной и религиозной традиции». Все очень чинно и торжественно. Славистов много. Ради такого случая покидаю реабилитационный Савьон и даже поднимаюсь на трибуну.

> «Для меня большая честь выступать в столь почтенной аудитории. Роль посла — это нечто вроде «свадебного генерала», который должен выступать в любых собраниях и по любому поводу. Таковы правила игры. Поэтому я обречен произнести ритуальную речь, а вы обречены эту речь выслушать.
>
> Здесь уже говорилось о Хануке, во время которой мы собрались здесь. Ханука — это по понятным причинам не только праздник Израиля, но прежде всего праздник Иерусалима. Хануки нет в Торе. Этот праздник не дарован нам свыше. Он является результатом самодеятельности людей… Если перевести смысл Хануки с теологического, религиозного языка на язык секулярный, то Ханука — это День Победы или, точнее, это Неделя Победы. Победы в гражданской войне, победы в религиозной войне или, как принято говорить теперь, победы в «войне культур». В данном случае победила культура монотеизма. Язычники, эллинские варвары были повержены.
>
> В теологических терминах это была победа света над тьмой, содержания над формой, духа над телом.
>
> Если греки твердили, что красота есть святость, то, с точки зрения евреев, святость есть красота. И именно под этим лозунгом победили маккавеи. Следы этой победы чувствуются и сегодня. Мы пьем пиво «Маккаби», а некоторые болеют за футбольную команду «Маккаби». В общем, sic transit gloria mundi.
>
> Давно все это было. Прошло более двух тысяч лет. Но и сегодня форма воюет с содержанием, дух воюет с телом, и в каждом из нас, если верить Фрейду, наряду с духом и содержанием существует нечто от тела и формы.

Дуализм неустраним.

Если спросить, меня, какой мой самый любимый город, то я скажу — это Нью-Йорк.

Понимаю, что здесь, в этой аудитории, мое признание звучит почти, кощунственно. Но ничего не могу с собой поделать. Этот культ «золотого тельца»… Это воплощение урбанизма, техногенной цивилизации… Эти каменные, языческие джунгли… Но среди камней Нью-Йорка я, как рыба в воде.

Таково лишь одно измерение моего «я». Другое, — и не менее, важное измерение, — это Иерусалим.

В отличие от иудеев я вошел в Иерусалим через Новый Завет, через Евангелие… Однако, не важно, как я вошел в Иерусалим… Важно, что Иерусалим вошел в мою жизнь как исток той духовной культуры, к которой я принадлежу.

Иерусалим, как символ иудаизма, а затем и как символ христианства, пронизывает нашу историю, наше искусство, наш образ жизни.

Между этими полюсами — Нью-Йорк и Иерусалим — вольтова дуга, которая (пока?) освещает путь прогресса…

В историю, в культуру, в традиции славянства Иерусалим вошел и через Рим и через Константинополь. Но вошел прочно, вошел органически.

Лично для меня вершина преломления иерусалимской темы — в славянской культуре — это Михаил Булгаков. Помню свое первое посещение Иерусалима в 1979 году. Ходил с романом Булгакова по местам, которые описаны в «Мастере и Маргарите»

Нет, в отличие от Нью-Йорка здесь, в Иерусалиме, я не как рыба в воде. Здесь я как паломник в храме. Здесь я как жаждущий у родника. Здесь я как блудный сын, вернувшийся домой… Это — Иерусалим.

И вот мы все в Иерусалиме. Уверен, что конгресс будет содержательным и интересным».

11 декабря поздно вечером у поселения Бейт-Эль палестинцы убили двух израильтян. На следующий день, выступая на похоронах, Нетаньяху заявил:

«Наш ответ чудовищу в образе человека, которое убило Иту и Эфраима, это ответ всего народа Израиля, всего правительства: мы останемся здесь, несмотря ни на что, мы продолжим строить здесь, и никому не удастся

прогнать нас из этих мест».

Рассмотрим проблему поселений в более широком контексте. Исторически поселенческое движение было практическим воплощением сионизма: евреи ехали в Палестину и оседали там, создавали, говоря близким нам языком, села и деревни. Создавали, надо подчеркнуть, во враждебном арабском окружении. Поселенец — это значит мужественный, готовый к лишениям человек.

После раздела Палестины и основания Государства Израиль поселениями стали называть населенные пункты, которые создавались на землях, захваченных Израилем в ходе победоносных для него войн: на Западном берегу (Иудея и Самария), в Газе, на Голанах, на Синае, рядом с Восточным Иерусалимом. Изменился психологический тип поселенца. Теперь это был, как правило, не пионер, первопроходец, — хотя сохранились и такие люди, — а человек иной мотивации. Значительный набор льгот, общественный престиж (как у нас когда-то — «дальневосточник»), меньшая «теснота» и зависимость от чиновной паутины, характерной для обжитых мест

Согласно данным Совета еврейских поселений Иудеи, Самарии и Газы, на конец 1997 года в 149 поселениях проживали 161 157 человек. К этим цифрам следует добавить Голаны (32 поселения — 14 тысяч человек) и Восточный Иерусалим с окрестностями. Тогда получится более 300 тысяч поселенцев.

Какова правовая сторона дела? Профессор Тель-Авивского университета, специалист по международному праву Натан Лернер утверждает, что создание поселений на территориях, юридически не принадлежащих Израилю, противоречит международному праву. Он ссылается на Женевскую конвенцию, которая запрещает государству, контролирующему захваченные территории, создавать там поселения и менять демографическую ситуацию. «С международной точки зрения, — пишет Лернер, — Израиль нарушил закон уже в тот момент, когда было построено первое поселение».

В декабре 1996 года МИД Израиля разослал бумагу, в которой доказывается, что создание поселений не противоречит международному законодательству. Эти поселения были санкционированы еще британским мандатом, и право создавать такие поселения не оспаривается ни Женевской конвенцией, ни Норвежскими соглашениями.

Мне представляется, что в юридическом плане аргументы Израиля наивны и уязвимы. Но дело не в этом. Вопрос о поселениях будет решаться не в юридической, а в политической

плоскости. Туг разворачиваются основные баталии.

Правительство Рабина-Переса проводило линию «замораживания» поселений. То есть их окончательная судьба будет решаться на финальной стадии переговоров, а пока новых поселений не создаем, старые не расширяем. Сократились ассигнования на поселения. В принципе эта линия выдерживалась. Хотя под давлением самих поселенцев, под давлением оппозиции правительство иногда отклонялось от своего же курса.

Правительство Нетаньяху сделало упор на «неприкосновенность» поселений, на их развитие, но не за счет расширения площадей, а за счет строительства и обустройства в имеющихся границах.

Отчаянно борются за существование сами поселенцы. Не потому, что они сионисты. А потому, что трудно покидать места, где прожита жизнь, где все вокруг сделано своими руками, где выросли дети и растут внуки.

Позиция палестинцев остается прежней: ликвидация всех поселений. Но, как мне представляется, никакое израильское правительство на это не сможет согласиться. Тут — один из наиболее острых углов «бермудского пятиугольника». Единственно, что возможно, — притупить его немножко. То есть ликвидировать мелкие, стоящие «на отшибе» поселения, при сохранении их основного массива…

Несколько слов об уровне и качестве жизни в Израиле. По данным Центрального статистического бюро, в 1996 году 17 % населения относилось к «бедным»: ежемесячный доход семьи с двумя детьми ниже 500 долларов в месяц. Доходы верхних 10 % семей превышали доходы 10 % нижних в 10.8 раз. А жизнь дорогая. По этому показателю Израиль находился тогда на 28 месте в мире. Тель-Авив входил в десятку самых дорогих городов мира. В Нью-Йорке или Пекине жить дешевле, а в Москве или в Токио дороже.

Однако магазины и лавки, коим несть числа, кафе, всякие забегаловки набиты битком. На рынках не протолкнешься. Каждый израильтянин употребляет в среднем 3242 калории в день. Из 100 израильтян 68 имеют автомобили. На каждую семью приходится 2.3 телефонных аппарата. И так далее…

Самый распространенный вид преступлений — угон автомашин. В 1996 году их было угнано 36 809. Тут все отлажено. Переправляют на территории, а там не найдешь.

По числу убийств Израиль на предпоследнем месте в мире.

Больше всего людей гибнет на дорогах. С мая 1948 по июль 1996 года в результате дорожно-транспортных происшествий

погибли около 19 тысяч человек. Почти столько же, сколько во всех войнах, которые вел Израиль. По числу погибших на дорогах в расчете на 100 тысяч машин (45 человек) Израиль занимает 1 место в мире в списке «автомобилизированных» стран (в США — 20, на последнем месте Норвегия — 15). Хотя по количеству автомашин на 1000 человек (268) Израиль заметно уступает Америке (765).

По числу самоубийств на 100 тысяч населения Израиль занимает 41 место в мире (Россия — 5-е, США — 31-е).

Много всяких других болячек. Но большинство израильтян, вот тут уместно сказать — «подавляющее большинство», довольны своей жизнью. Несмотря на плохое качество воды. Несмотря на то, что жарко. Несмотря на «пятна социализма». Несмотря на террор. Они — в своей стране, которую они любят. И хотя, если верить институту Геллапа, по показателю «оптимистичности» (предощущение жителями международных конфликтов) Израиль соскользнул с 3 места в 1995 году на 41-е в 1996-ом, эта пессимистическая оптимистичность как-то незаметна в русле повседневной жизни и повседневных настроений. Поэтому израильтяне и живут так долго: по продолжительности жизни (75 лет для мужчин в 1993 году) Израиль на одном из первых мест в мире.

Раздел политического отчета, повествующий о российско-израильских отношениях, мы озаглавили: «ни шатко, ни валко». Делался вывод, что в конце каденции правительства Аводы динамика наших взаимоотношений становилась все более вялой, накапливался негатив, нарастало ощущение застоя, топтания на месте. Нетаньяху заявил о намерении улучшить отношения с Москвой. Но пока заявления о намерениях еще не трансформировались в конкретные дела.

Из МИДа пришло вежливое порицание. Посольство упрекали в том, что оно «излишне пессимистично» оценивает состояние и перспективы российско-израильских связей. Я не стал спорить.

Выставка картин Эдуарда Хорошего. Социалистический реализм в хорошем смысле этого слова…

На вернисаже запомнился Михаил Гробман в больших сапогах и с большой собакой, которую звали Тимур. Пока публика смотрела картины, Тимур поедал скудную закуску, лежавшую на презентационных столах.

С Гробманом и его женой Ирой (вполне самостоятельная суверенная личность, выпускающая интересный журнал «Зеркало») мы дружили, как говорится, «домами». В их доме, битком набитом картинами, книгами и часто — интересными людьми, можно было забыть о «российско-израильских

отношениях». Миша — из московского «второго авангарда»… Его полотно «Генералиссимус» (1964, Сталин изображен) явилась, по утверждению знатоков, предтечей соцарта и русского концептуализма.

В Израиле с 1971 года. Вокруг Гробмана, который не стеснял себя в суждениях о коллегах, кипели страсти.

> «И снова Гробман, господа, — восклицал Савелий Кашницкий по поводу эссе Гробмана «Цветочки в баночке» (это он так о художниках-репатриантах. — А.Б.). — Тот самый поэт — художник — критик — публицист, да никак не через запятую, а все разом. Неистовый Микеланджело нашей эмигрантской Тосканы. Увы, лишенный первополосной удали. Но столь же непреклонный к коллегам-провинциалам, заброшенным «колбасной ностальгией» из Москвы, Петербурга, Риги и прочих задворков Европы на наш левантийский Монмартр. Стесненный в газетных дунамах, но по-прежнему грозный судия и наставник алии. Жив, жив, курилка».

Да, курилка был жив. Эпатировал публику. Много работал. Надоедал сам себе и становился другим. «Когда я смотрю на свои старые работы, — признавался Гробман в одном из интервью, — мне кажется, что это уже прожитая жизнь, которая имеет отношение только к тем временам, идеям, событиям. Я ощущаю себя как бы стоящим перед огромным неизвестным пространством — то ли это джунгли, то ли Северный полюс и не известно, что меня в процессе освоения этого нового пространства ждет. Во всяком случае, я знаю, что тот путь, который я прошел, никак не поможет мне в последующих пространствах. И всякий раз я психологически становлюсь начинающим, двадцатилетним художником, и этот возраст бесконечно повторяется».

Однажды Михаил довел меня до изнеможения чтением своих стихов. Я отомстил:

> Он не отрезал себе ухо.
> Не сжег последние стихи.
> И всем назло, —
> Там, где всем сухо,
> Большие носит сапоги.
> При нем огромная собака.
> При нем умнейшая жена.
> Но в ее «Зеркале», однако,

Его — о, блат! — зрим письмена.
Из андерграунда он вылез.
До постмодерна не долез.
Теперь на горизонте Гиннесс.
Что делать? Ведь «оближ ноблес!»

Летом 1999 года в Санкт-Петербурге состоялась выставка Гробмана. И снова ему двадцать лет…

ЯНВАРЬ-97

«Осло-3», на этот раз — в Хевроне — Сбор в Аммане: тактика без стратегии — Российское посольство в Израиле — центр шпионажа на Ближнем Востоке

Январь начался на той же ноте, на которой кончился декабрь — Хеврон.

1 января солдат Фридман в Хевроне стал стрелять в арабов. Ранил 6 человек. «Чтобы сорвать соглашение по Хеврону», — так объяснил свой поступок. В этот же день Нетаньяху звонил Арафату, соболезновал и извинялся.

Журналисты подсчитали: от рук еврейских экстремистов погибли в 1990 году 7 арабов, в 1991 — 4, в 1992 — 1, в 1993 — 3, в 1994 — 25 (пещера Махпела!), в 1995 — 1.

9 января два «ответных» взрыва в Тель-Авиве. Ранено 15 человек…

Таким был фон последней стадии переговоров. Арафат продолжал настаивать на точном графике отвода израильских войск с Западного берега с тем, чтобы отвод был завершен в сентябре. Нетаньяху продолжал возражать. Клинтон энергично давил на Арафата, убеждая его не упрямиться и не требовать того, чего он заведомо не может получить. Мубарак давил с противоположной стороны, убеждая держаться, не уступать. Арафат нервничал, метался. Время шло.

14 января вечером соглашение было, наконец, парафировано.

В ночь с 15-го на 16-ое правительство после бурных дебатов 11 голосами против 7 утвердило всю документацию по Хеврону. Бени Бегин подал в отставку.

16 января заседал Кнессет. Нетаньяху поддержали 87 депутатов, 17 голосовали против, 1 воздержался, 15 депутатов отсутствовали.

В этот же день — кажется, первый случай такой завидной оперативности — поступило послание от Примакова.

> «Взят важный рубеж, но, думаю, Вы согласитесь со мной, что задачи предстоящего этапа на порядок сложнее. Мы рассчитываем, что договоренность по Хеврону станет стартовой площадкой для продвижения ближневосточною мирного процесса на всех его направлениях, укрепления стабильности и безопасности в регионе».

Стартовой площадки не получилось. Нетаньяху, как показали последующие события, выдохся уже на этом рубеже…

17 января в иерусалимском отеле «Ла Ромм» Дан Шомрон и Саиб Арикат подписали соглашение о передислокации ЦАХАЛа в Хевроне. При подписании присутствовал консул США в Иерусалиме. Журналисты допущены не были.

Войска ушли из Хеврона на следующий день. Арафат появился 20 января. Хамасовский Хеврон встретил раиса сдержанно, не так, как когда-то встречала его Газа. Выступая на митинге, Арафат заявил: «Теперь, когда Хеврон освобожден, мы продолжим наш путь к Иерусалиму».

На левом фланге Израиля «Осло-3» получило горячее одобрение с некоторым привкусом злорадства: как вы ни крутились, а пошли по нашей дороге.

На правом фланге было гораздо более шумно.

Уже хорошо известный нам Рехавам Зеэви:

> «Правительство Нетаньяху, вы лжецы, вы трусы и слабаки, вы бесхребетны, вы не знаете, что вы хотите — кроме одного: власти!»

25 января отправился в Амман на кустовое совещание послов (послы из Египта, Сирии, Иордании, Ливана, Израиля и Чистяков из Газы). Руководил — Посувалюк.

Идею такого совещания наше посольство выдвигало давно. Наконец, у МИДа руки дошли. Было интересно. Узнал много нового. Все коллеги приехали с заранее заготовленными текстами, которые и оглашались. Я схалтурил, текст слов не сочинил. Потом восстановил свою речь по памяти. Приведу последнюю часть.

> «Как бы то ни было мы должны спросить себя, что соответствует интересам России? Сильный Израиль или слабый Израиль. Модернизированный арабский мир или арабский мир с сохранением диктаторских режимов. Иногда мне кажется, что мы выбираем второй вариант.
>
> Но во всяком случае мы должны видеть обстановку на несколько ходов вперед и играть в шахматы. Ибо, как мне представляется, до настоящего времени мы играем в бильярд, то есть каждый раз реагируем на расстановку шаров, создавшуюся в результате чужого удара.
>
> Чтобы перейти от бильярда к шахматам, нам как минимум необходимо выйти из мира иллюзий, в который мы сами себя погрузили.
>
> Раньше мы рассматривали наших арабских друзей

как союзников по строительству социализма.

Теперь создана новая иллюзия — мы исходим из того, что наши арабские друзья жаждут видеть здесь Россию в качестве активного коспонсора. Тогда, когда арабские друзья — и Мубарак, и Арафат, и Асад — говорят с нами, они, хорошо зная нас, произносят те слова, тот набор фраз, который должен нам понравиться. Но когда они говорят между собой, когда они говорят с американцами, когда они говорят с евреями, тема российского коспонсорства исчезает на сто процентов.

Мне представляется, что с этим обстоятельством следует считаться и видеть мир таким, каков он есть на самом деле. В контексте нашего сегодняшнего разговора мы нужны арабам, как еще один рычаг давления на Израиль. Не более того. И вот к этой суровой реальности и надо приспосабливать нашу политику.

Если главный интерес Израиля — это выжить, если главный интерес арабов — это, если не уничтожить Израиль, то свести его к минимуму географически и политически, то в чем же наш интерес? Вот на этот вопрос мы должны ответить.

Что нам надо делать? Все говорят, что нужно активизироваться. Активизировать наше коспонсорство. Но ради чего? Пока, несмотря на все оговорки, которые можно сделать, я вижу, что симпатии МИДа в общем на стороне арабов. И я боюсь, что такой подход снова заведет Россию в тупик.

Хотел бы предложить следующее. Собрать в Москве совещание (семинар, симпозиум) специалистов из МИДа, СВР, Академии наук, других ведомств и устроить то, что называют «мозговой атакой». Только на такой серьезной базе можно создать прочную платформу для нашей политики. Только на такой базе можно попытаться спрогнозировать события и нарисовать контуры нашей стратегии на Ближнем Востоке. А уже на этой основе мы могли бы рисовать тактические узоры, которые называются текущей политикой».

Насколько я знаю, предложение мое не прошло. Разумеется, можно заниматься тактикой, не отягощая себя стратегией. Но в таком случае, боюсь, картины, которые мы нарисуем, вряд ли украсят политический Лувр или политический Эрмитаж.

Посувалюк справедливо сказал, что Хеврон — это мизер, впереди — пирамиды Хеопса. На Ближнем Востоке России нужна

дружественная среда. И не нужно противостояние евреев и арабов. Нам нужен сильный Израиль. И нужны арабские страны, которые могли бы сдерживать напор экстремизма, фундаментализма. Но добавил, что Ближний Восток не относится к числу приоритетных направлений российской внешней политики.

31 января я с удивлением узнал, что 25 % дипломатов российского посольства в Тель-Авиве (а именно — 13 человек) являются работниками спецслужб.

Эта увлекательная тема разрабатывалась в Израиле и раньше. Например, еще в декабре 1995 года, выступая в газете «Гаарец», Зеэв Шиф, один из ведущих военных аналитиков, пугал читателей тем, что «российская разведка активно использует посольство в Израиле» и что «значительный процент из числа российских дипломатов в той или иной степени занят разведкой». Говорил он и о том, что у российских разведчиков Израиль занимает приоритетное место, «возможно, первое на Ближнем Востоке».

Я привык ко всему этому и не обращал внимания. Теперь не мог не обратить. Ибо сведения исходили от заместителя директора Института востоковедения Академии наук, профессора В. А. Исаева.

Как выяснилось, 30 января в Тель-Авиве состоялся «закрытый семинар» (так в приглашении) на тему: «Криминально-экономические структуры России и Израиля: пути проникновения и методы воздействия».

Дополнительно сообщалось, что стоимость «участия в семинаре, включая обед, — 400 шекелей».

Мои «агенты разведки» работали из рук вон плохо, и я получил приглашение только после семинара.

31-го с утра стали звонить участники семинара и на разные голоса и с разными интонациями пересказывать доклад Исаева. Принесли пленку. Мой помощник А. Л. Юрков записал избранные места…

Всего там было много. В связи с созданием «криминально-экономических структур» назывались имена А.Вавилова, П.Авена, А.Нечаева, В.Черномырдина, Р.Вяхирева, Ю.Шафраника, В.Алекперова, Б.Березовского, А.Смоленского, И.Кобзона и других разных.

Утверждалось, что Российский еврейский конгресс был создан для легализации капитала банков, во главе которых стоят евреи, — и для выхода на международные финансовые структуры. Говорилось о том, что В. Гусинский заплатил за председательское кресло 1 миллион долларов, а места в президиуме РЕК стоили по 800 тысяч за штуку. Деньги «Мост-банка» — деньги

(предположительно, осторожно заметил Исаев) МВД и КГБ. Не случайно аналитическую службу банка возглавляет генерал армии Бобков, бывший заместитель председателя КГБ. Возможно, он принес в банк не только деньги, но и досье на представителей политической и экономической элиты.

Но меня больше интересовали сюжеты, связанные с посольством.

Исаев рассказал, что раньше центр советской резидентуры на Ближнем Востоке располагался на Кипре, а теперь его перебросили в Израиль, к Бовину в посольство. Там 13 работников спецслужб, то есть четверть всех дипломатов. А в Сирии — всего двое, уточнил докладчик. Работники посольства возмущены «засильем спецслужб».

Пригласил Исаева. Попросил объясниться. Он сказал, что «про разведчиков» ничего не говорил. Поскольку пленку я уже прослушал, мне стыдно за него стало, неприятно с ним разговаривать. Ушел он.

Не могу понять Исаева. Зачем было нужно врать мне? Ведь он не мог не сообразить, что все равно посольство все узнает. Зачем было городить глупости на семинаре? Если для «красного словца», для того, чтобы дороже продать себя, то он просто низкий, безответственный человек. Если же он был уверен, что говорит правду, то он — самый обыкновенный, банальный предатель,

Послал телеграмму в Москву и поставил в известность «соседей».

Меня же одолели телефонными звонками. Сенсация! Надвигался скандал. Хорошо, что у посольства были налажены доверительные отношения с прессой. Удалось телефонными звонками блокировать материал. Перенервничали все. А профессор получил свои шекели и отбыл в Москву. Свобода.

На всякий случай: если верить цифрам профессора, у нас должно было бы работать 52 дипломата. А их было меньше 20-ти.

Еще раз хочу высказаться не против того, чтобы разведчики работали под «крышей» дипломатов. Но при соблюдении трех условий. Их не должно быть слишком много, лучше меньше, да лучше. Они должны быть квалифицированными специалистами. Они должны быть порядочными людьми. И проблем не будет. У меня, их почти не было.

ФЕВРАЛЬ-97

«Театр политического абсурда»: Хеврон за Бар-Она — Арафат или хар-Хома, или Государство Палестина — «А напоследок я скажу…»

Дискуссии вокруг Хеврона, столкновения политических взглядов и личных амбиций настолько наэлектризовали атмосферу, что разразился грандиозный скандал, получивший наименование «Бар-Он — Хеврон».

Введение в скандал можно датировать 10 января. В этот день на заседании правительства по предложению Нетаньяху юридическим советником правительства был назначен адвокат Рони Бар-Он. Министры ворчали, что премьер с ними не посоветовался, но послушались.

В прессе появились сообщения, что Бар-Он любит азартные игры и в Лондоне был замечен в казино (в Израиле казино нет). Бар-Он этого факта не отрицал. 13 января он отказался от назначения. Казалось бы, «инцидент исперчен»… Но не тут-то было.

22 января корреспондент 1-го канала телевидения Аяла Хасон заявила, что Нетаньяху назначил Бар-Она по просьбе лидера партии ШАС Арье Дери и что за этим назначением скрывается политическая сделка. Если Нетаньяху берет Бар-Она, то Дери обещает, что ШАС будет голосовать в кнессете за соглашение по Хеврону. К тому же Дери имел бы и личный навар: Бар-Он обещал спустить на тормозах уголовное дело, которое давно заведено на Дери.

Это была политическая бомба, эквивалентная нескольким килограммам тротила.

Поднялся невероятный шум. Надо иметь в виду, что и телевидение, и газеты в Израиле сплошь левые, антиликудовские. Поэтому тучи ядовитых стрел обрушились на Нетаньяху, Либермана, Анегби и Дери.

Нетаньяху гордо заявил, что он ни в чем не виноват и просит полицию разобраться в обвинениях, выдвинутых Хасон. Полиция (тоже, следует заметить не очень правая) не заставила себя просить. 18 февраля в течение 4 часов допрашивали премьер-министра. Кто был инициатором назначения Бар-Она? Кто настаивал? Кто поддерживал? На каких условиях?

«Телевизионный путч», «театр политического абсурда», «политическое землетрясение», «пир во время чумы» — так

обозначалась ситуация в средствах массовой информации. Или — дезинформации, в зависимости от политических вкусов.

В середине апреля полиция завершила следствие и передала свои рекомендации в прокуратуру. 16 апреля было обнародовано, что полиция рекомендует привлечь к уголовной ответственности четырех человек: Нетаньяху, Либермана, Анегби и Дери.

Теперь решающее слово принадлежало государственному контролеру Эдне Арбель. 20 апреля она сказала это слово. Хорошо помню этот вечер. У меня в Савьоне уже начались прощальные приемы. На этот раз собирались «русские» парламентарии. Стол был накрыт. Но в рот ничего не лезло. У всех в головах было одно — что решит Арбель. Все — у телевизора. В 20.00 появилась Арбель. Решение было таково.

Дери привлечь к уголовной ответственности.

Относительно Либермана продолжить следствие.

Против Нетаньяху и Анегби уголовных дел не возбуждать, так как недостаточно улик.

На следующий день выступил Нетаньяху и сказал: «Да, я ошибался, но ничего противоправного не совершал». И обрушился на журналистов.

Постепенно страсти улеглись.

Посольство отмечало, что скандал вокруг дела «Бар-Он—Хеврон» усилил поляризацию израильского общества. Усилилась и напряженность внутри правительства. Нетаньяху не мог не видеть, что большинство министров держали нос по ветру и ждали, как развернутся события. Вместе с тем, министры попытаются использовать шанс, чтобы «окоротить» премьера, приблизиться к центру принятия решений. Впереди полоса длительных и болезненных разборок.

20 февраля официально объявил в посольстве о своем уходе. Просил тех, кого это радует, проявить интеллигентность и скрывать свои чувства.

Относительно точного срока пока была неясность. Мы с Примаковым договорились, что мне дается три месяца после операции — и концы. Концы эти были как раз 20 февраля. Но врачи мне сказали, что для полной гарантии они хотели бы понаблюдать меня еще три месяца. Поначалу мне казалось, что это чисто технический вопрос, какая разница — три месяца туда или сюда. Написал министру. Но вдруг обнаружилось, что тут не техника, а непонятная мне политика. Ну, дадим еще месяц и хватит. Грубо говоря, мне дали понять — чем быстрее уедешь, тем лучше.

Хотелось мне плюнуть на все и уехать. Уж больно противно чувствовать, когда тебя выталкивают. Но потом рассудил: ну,

хлопну дверью, удовольствия получу на пару недель. А коленки мне нужны до конца жизни. Так что перетерплю это унизительное положение. Уеду 20 мая.

Так я решил. Но тягомотина продолжалась…

Еще в начале года правительство приняло решение начать строительство в Восточном Иерусалиме еврейского квартала на горе Хар-Хома. Это замкнуло бы круг еврейских поселений вокруг Восточного Иерусалима. Вроде бы министр внутренней безопасности возражал, призывая вспомнить о буре, которую вызвало открытие туннеля Хасмонеев. Но Нетаньяху настаивал.

На предполагаемом участке строительства начались демонстрации. Сам Фейсал Хусейни чуть ли не ложился под бульдозеры. Я выбрался в район Хар-Хомы только 18 марта. Шел дождь. Еле добрались по грунтовой дороге. Были там несколько демонстрирующих и несколько мокрых солдат. В натуре все казалось как-то проще и спокойнее, чем по телевизору.

Арафат поставил вопрос так: если евреи начнут строить на Хар-Хома, палестинцы, не дожидаясь никаких переговоров, провозгласят создание своего независимого государства.

Весь март продолжались препирательства. В начале апреля Нетаньяху был в Вашингтоне и обсуждал этот вопрос с Клинтоном. 9 апреля я был у Либермана. «Вставили клизму Клинтону!» — так он изложил итоги переговоров. В любом случае, разъяснили мы американцам, строительство в Восточном Иерусалиме будет продолжаться. Здесь — «красная черта», здесь — отступления не будет. Тем более, что ни в одном из соглашений не накладываются ограничения на строительство в Восточном Иерусалиме.

25 апреля Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, осуждающую строительство еврейского квартала в Восточном Иерусалиме, «на оккупированных арабских территориях». За эту резолюцию голосовали 134 государства, в том числе — Франция, Великобритания, Россия, Италия. Против были трое — Израиль, США и Макронезия. 11 воздержались. 37 не голосовали.

В Израиле переживали. Для поднятия духа в газетах появился рассказ о событиях полувековой давности. 1949 год. По указанию Бен-Гуриона и в нарушение решения ООН о придании Иерусалиму международного статуса столица переведена в Иерусалим. В ООН протестуют. Бен-Гурион сидит и читает ТАНАХ. Звонок Абы Эвена из Нью-Йорка. «Давид, только что кончилось голосование по Иерусалиму». — «Ну и что? С каким счетом?» — «Подавляющим большинством против нас!» — «А сколько голосов получил наш проект?» — «Только один — и тот наш». — «Ну, ничего, зато этот голос решающий».

Это, конечно, успокаивало, но не решало проблему. До моего отъезда строительство так и не началось.

Начал давать предотъездные интервью. Первое — Инне Стессель.

> «С того дня, как Александр Евгеньевич в мундире, расшитом золотом, принимал посольский жезл, прошло пять лет. Многое за эти годы изменилось в России и в Израиле. Отношения между нашими странами — это очевидно — находятся на совершенно другом уровне, чем прежде; они в динамике, в развитии… И в этом несомненная заслуга российского посла. Однако не о дипломатических достижениях мне бы хотелось сейчас поговорить с Александром Евгеньевичем. Если коротко обозначить тему — это прозвучит, возможно, излишне торжественно, но хотелось бы поговорить о жизни. Обо всем сразу. Ведь когда еще представится случай повидаться… Через месяц или чуть больше завершится срок полномочий российского посла в Израиле.
>
> Бовин с супругой Еленой Петровной поднимутся по трапу самолета в аэропорту им. Бен-Гуриона и… прости — прощай, Святая земля. У подавляющего большинства израильтян, особенно репатриантов нашего «разлива», это обстоятельство вызывает огорчение, переходящее в стойкую грусть… Ибо Бовин — как никто — обладает удивительным умением привлекать к себе сердца. Это, думаю, врожденное качество, выработать в себе такое свойство невозможно. Во всяком случае вряд ли отыщется на земле другой посол, к которому бы граждане страны, где он осуществляет дипломатическую миссию, относились бы с таким доверием и — теплотой. Но в нашей ситуации именно так вышло, и я уверена: многие присоединятся к моему пожеланию: пусть энциклопедические словари еще долго-долго будут отражать новые вехи и новые достижения Александра Евгеньевича на любых поприщах, которые припасла для него судьба.
>
> А теперь я предлагаю читателям нашу беседу с Александром Евгеньевичем, так сказать, на «посошок». Хотя какой там «посошок»… Александр Евгеньевич начал новую жизнь, он теперь придерживается режима, который не допускает никаких «посошков». Он помолодел, сбросил… 38 кг веса. По-моему, даже несколько переусердствовал. Ибо нельзя же в самом деле

так вольно обращаться с собственным имиджем. Худой Бовин — это, что ни говорите, нонсенс. Впрочем, несмотря на непривычное изящество, во всем остальном Бовин остается Бовиным: мягко-насмешливым твердым — и весьма — в решениях и поступках, неизменно обаятельным и большим жизнелюбом.

— Прошло пять лет с тех пор, как вы приехали в Израиль в качестве посла, — тогда Вы представляли еще СССР. В первом интервью, которое я взяла у Вас, Вы вполне уверенно прогнозировали близкое будущее и несколько осторожнее — дальнее. Что из Ваших предположений, Вы считаете, оправдалось? В чем ошиблись?

— Вы явно переоцениваете мои возможности. Не помню, что именно я «прогнозировал». И рад этому. Ибо лучший способ сойти с ума — помнить все, что когда-либо говорил. Не следует воспринимать себя слишком серьезно!

— Вы имеете в виду и дипломатов?

— Даже журналистов. Тот, кто относится к себе слишком серьезно, смешон. И несчастен, ибо весь — в комплексах неполноценности.

— Ну, в комплексах Вас не заподозришь… Я все же напомню Вам. Тогда, пять лет назад, у Вас были не очень веселые предчувствия относительно близкого будущего России. Время подтвердило их или опровергло?

— Веселого и сейчас мало. И в этом смысле мои предчувствия подтвердились. И тем не менее убежден (и тогда был, и ныне), что Россия одолеет тяжелую болезнь, выздоровеет, встанет на ноги…

— Александр Евгеньевич, все эти годы дипломатический статус не позволял Вам быть более, чем положено, откровенным. Сегодня, завершая свою деятельность в Израиле, у Вас нет соблазна предоставить возможность высказаться Бовину-журналисту? Или оценки журналиста и посла вполне совпадают? Я имею в виду впечатления об Израиле… В плане политики, общественного устройства, культуры…

— Нельзя быть немножко беременной. Если я «завершаю» завтра, то сегодня я еще заключен в упомянутый Вами «статус». Так что Вам, — увы! — приходится беседовать с дипломатом.

Что же касается «соблазна» перевоплотиться в журналиста, то с ним, как и с любым соблазном, надо

бороться. Не потому, что оценки посла и журналиста не совпадают, но потому, что — находясь в гостях — не стоит всегда быть откровенным. Не из-за «статуса», а по причинам деликатности, такта, вежливости.

— Опасаетесь, что правда будет очень обидной? Но нельзя же в самом деле ориентироваться исключительно на дураков. и суперпатриотов, которые постоянно требуют мифологии, хотя ничто так не вредит народу, как ложь якобы во спасение. «Правда — религия свободного человека», сказал классик.

— Ну, знаете, насчет «правды» я могу процитировать другого «классика».

Ты думаешь, правда проста?
Попробуй скажи.
И вдруг онемеют уста,
Тоскуя о лжи…

Оба классика, как и положено классикам, склонны к преувеличениям, односторонностям. Не принадлежа к классикам, я позволю себе держаться ближе к здравому смыслу и ориентироваться — в данном случае — не на этические максимы, а на обстоятельства и людей, которые меня окружают.

От абстракций перейду к фактам. Однажды меня спросили, что вам не нравится в Израиле? И я, представьте себе, честно ответил: не как посол, не как журналист, а «просто» как человек, живущий несколько лет в Израиле и смотрящий по сторонам. Очень, казалось мне, вежливо ответил, с оговорками всяческими… Обругали, конечно. И читатели журнала «Алеф», и — главное! — моя родная жена. Читатели — за выход из «статуса». Жена — за бестактность. «Ты ведь, придя, в гости, не скажешь хозяйке, что она пересолила суп», — и крыть нечем. Ваш аргумент — «дураки» тут явно не подходит,

Общий итог «прост как, правда». Впечатления об Израиле? Исраэль това!

— Хорошо. Подойдем к вопросу с другой стороны. Евреи, как Вы наверняка заметили, чрезвычайно чувствительны к тому, что о них говорят, как их воспринимают. Вас всегда считали, чуть ли не юдофилом, во всяком случае, симпатизирующим евреями Вы сохранили после пяти лет жизни в Израиле

отношение, с которым приехали? Или сегодня у Вас иное настроение?

— В принципе я «симпатизирую» всем хорошим людям — и арабам, и немцам, и чукчам. Но особенно тем, кого всю дорогу обижали — армянам, например, или евреям. Здоровый инстинкт нормального человека.

За пять с лишним лет я лучше узнал евреев. И в жизни. И по книгам — много читал по еврейской истории, философии, культуре. Уезжаю более богатым, чем приехал. И с более основательным, надеюсь, знанием, как плюсов, так и минусов Израиля и израильтян!

— А для Вас еврей и израильтянин — одно и то же?

— Теоретически — нет. Израильтянин — это еврей и еще что-то. Содержание этого «что-то» вряд ли поддается спецификации в рамках интервью.

— Могли бы Вы объяснить, как вы понимаете причины антисемитизма? Не считаете ли Вы, что самим евреям следовало бы проблему антисемитизма проанализировать не только сточки зрения вечной и заведомой жертвы? Или «вежливость» не позволяет Вам обсуждать эту щекотливую тему?

— Тема не столько щекотливая, сколько объемная, громоздкая, требующая пространных размышлизмов. Кстати, именно «сами евреи» многократно анализировали проблему антисемитизма со всех возможных точек зрения. В том числе и с точки зрения причин. Мое же понимание можно коротко свести к следующему.

Антисемитизм, по-моему, реакция на непохожесть, необычность евреев, на их фанатизм, как виделось со стороны, в отстаивании, оберегании своей веры, своих обычаев, своего образа жизни, реакция на их взаимовыручку взаимоподдержку, необходимые для выживания народа во враждебных условиях. Это, как мне представляется, самая общая, уходящая в древность причина…

Далее — «подпричины». Бытовой, «низовой» антисемитизм питался образами евреев-ростовщиков, торговцев, корчмарей и прочих шейлоков мелких калибров. Антисемитизм «верхов», элитный антисемитизм отражал, как думается, боязнь конкуренции способных, талантливых людей в науке, искусстве, управлении, а также в торгово-финансовых

делах крупного масштаба. Питают, поддерживают антисемитизм разного рода мифы («кровь младенцев» и т. п.), первоначально возникшие в недрах христианства, а затем ставшие элементом массового сознания. Наконец, нельзя не сказать и о том, что нередко «власть предержащие» используют (и насаждают) антисемитизм, рассчитывая таким путем получить поддержку определенных социальных групп.

— Исчерпывающее объяснение, хотя каждый еврей вновь и вновь задается этим вечным вопросом: «За что?» Но давайте оставим евреев и переместимся в Россию. Вас не раздражает нынешнее стремительное обогащение довольно большой категории людей в России, ничего не производящих? Не тревожит моральная деградация, когда все подчинено одному добыванию денег? Вон в школах Толстого, Чехова, Гоголя собираются преподавать в адаптированном виде. Пошлость самая низкопробная правит бал на экранах телевизоров, в прессе…

— «Раздражение», пожалуй, не самое точное слово. Печально, разумеется, когда у кого-то много денег, а у тебя (в данном случае — у меня) их нет. Обидно. Но как ученый, как человек, достаточно хорошо знающий социальную историю и психологию масс, я понимаю, что материальное неравенство еще долго будет сопровождать (и питать) общественный интерес. Нужны «лишь» механизмы, которые могли бы сглаживать неравенство. Такие механизмы уже «придуманы». Они неизбежно появятся и в России.

Насчет «ничего не производящих» у меня сомнения. В массе своей, эти самые «не производящие» производят — варварски, жестоко, часто преступно, но производят — очень важную продукцию — рыночную инфраструктуру, рыночную психологию, рыночные привычки. Жуликов, преступников надо сажать (чего мы еще не умеем делать). А другие «ничего не производящие» пусть производят.

Беда в том, что в реальной истории, в реальном социуме трудно отделить «овец» от «козлищ». И «производство» рынка неизбежно связано — особенно на первоначальных этапах — с культом денег, с царством пошлости, с деградацией моральных ценностей. Все это есть, и все это до невозможности противно.

— Россия сегодня пытается вступить вторично в

одну и ту же воду. Сто лет назад она уже совершила попытку войти в капитализм. Попытка оказалась сорванной. Спустя век снова вернулись к «периоду первоначального накопления»… Но, может быть, и в самом деле капитализм — не русский путь? Вон какие уродливые формы он приобретает. Они режут глаз на фоне «капитализма с человеческим лицом», сформировавшимся в цивилизованных странах. У них было время поработать над своим капитализмом.

— По существу Вы сами ответили на заданный мне вопрос. Но мой ход мысли будет несколько иным.

Во-первых, Россия вступила в совсем иную, принципиально иную «воду». Ибо конец XX века — после почти столетнего господства «социализма» — фундаментально отличается от конца XX века.

Во-вторых, никто в России не знает, куда она идет, равно как никто не знает, что такое «русский путь».

В-третьих, я бы предпочел «социализм с человеческим лицом». Возможны варианты: «капитализм с социалистическим лицом» или «социализм с капиталистическим Х» (вместо Х каждый подставляет то, что ему нравится).

Теперь вернусь к «балу» на телевидении. Я придерживаюсь консервативных, «просвещенческих» взглядов, соответствующих моему возрасту. Телевидение, радио, газеты, книги должны, конечно, и развлекать, и информировать, но — и это общий знаменатель — должны делать людей умнее, добрее, словом, лучше. А сейчас вся эта махина работает на оглупление, принижение, озлобление человека. СМИ (средства массовой информации) превратились в СМО (средство массового оглупления). Навсегда? Думаю, нет. Надолго? Возможно. Россия уже прошла много голгоф. Пройдет и эту.

А вот адаптированный Толстой меня не волнует. Я очень жалею, что не смог, не успел (и не успею) прочитать массу интересных книг. Не сердитесь, но я — за «Всемирную библиотеку адаптированной литературы». Скажем, «Французская классика» в 5-ти томах. А кто захочет, может одолеть два тома «Семьи Тибо». Тут важен не принцип, по-моему, а качество адаптации.

— Не пугайте меня, Александр Евгеньевич! Если уж Вы готовы поддаться веяниям нашего безумного

времени… Кому нужна адаптированная «Анна Каренина»? При самом «умелом» сокращении произойдет надругательство. Лучше вообще поставить крест на литературе. А для самых любознательных составлять «умело» составленные аннотации, в которых толстовский роман будет выглядеть рядовым любовным треугольником.

— Это Вы меня пугаете. Своим максимализмом, крайностями. То — «дураки», то — «надругательство», «крест» (простите!). Я не уверен, что мы с Вами знаем, кому что нужно. Но уверен, что кому-то будет нужна «умело» адаптированная «Анна Каренина». И даже уверен в том, что человек, осиливший «Всемирную библиотеку адаптированной литературы», будет богаче того, кто поставит крест на литературе.

Пусть люди выбирают. Это — их право. А Вы можете советовать, «агитировать», доказывать, что надо читать «Войну и мир» в подлиннике и не смотреть «Поле чудес» или «Санта-Барбару».

Я, например, буду настойчиво советовать внуку прочитать «Анну Каренину».

— Все-таки? Скажите, Александр Евгеньевич, что Вы вообще думаете о нашем общем завтра? По всем предсказаниям — старинным и современным — в нашем регионе вот-вот разразится война. Та самая «Гога и Магога»… Вы, как я знаю, человек не мистического склада, ко всяким там Нострадамусам относитесь скептически. Это распространяется и на данное предсказание?

— Я пытался штудировать Нострадамуса и комментарии к нему. Пришел к выводу, что все его пророчества — ноль, пустота, прикрытая дымовой завесой многословия. Если можно, давайте без Нострадамуса.

Все войны Гога с Магогом уже в прошлом. Мне представляется, что люди — при всей чудовищности того, что мы еще можем видеть, — поумнели настолько, чтобы не допустить катастрофы.

— Александр Евгеньевич, если с коммунистическими надеждами Вы, похоже, распрощались, то материалистом остались. Вы все еще убеждены, что от человека многое зависит? Между тем одни только вспышки на Солнце вызывают катаклизмы на Земле. Чем же поможет благоразумие людское, даже

если допустить, что человек таковым обладает?

— Уж больно, Инна, Вы решительны и как-то «бесповоротны» что ли…

Начну с того, что я не распрощался с коммунистическими «надеждами», так как убежден, что люди смогут пробиться в такое будущее (создать его), где не будет войн и где не нужно будет свое благополучие строить на неблагополучии другого. Равно как остался материалистом, атеистом, рационалистом. История — это не только прогресс в развитии свободы, как утверждал Гегель, но и прогресс в развитии «благоразумия».

Попробую растолковать это на близком Вам материале. Если Вы раскроете Тору и прочтете главу «Мишпатим» (которую как раз и нужно читать в эту неделю), то узнаете, что колдуний надо убивать (точнее, «не оставлять в живых»). А теперь — оставляем. Поумнели, значит, стали благоразумнее. Я уже не говорю о том, что там же рекомендуется «истреблять» идолопоклонников. Но ведь не истребляем — благоразумие не позволяет. И т. д. И т. п.

А вспышки на Солнце и прочие катаклизмы вселенского масштаба тут, по-моему, ни при чем. Космос сильнее Человека. Но мы толкуем не о делах космических, а о делах земных, где от человека зависит не только «многое», но почти все. Люди обрели способности «расправиться» с природой (что равносильно самоубийству человечества перед лицом равнодушной к нему и вечной природы). Но люди же способны «Спасти» природу (а значит и самих себя). «Зеленые» спасут мир — на этом стою и не могу иначе.

— А как Вы видите будущее Израиля? Что скажете о нынешней политике израильского руководства?

— Инна, своим вопросом Вы ставите меня в патовое положение. Если я скажу «мединиют тов», удивится российское руководство, а если скажу что-либо иное, удивится руководство израильское. Лучше помолчу.

— Жаль. Хотелось бы услышать именно Вашу оценку.

— Что делать? Служба. С будущим Израиля полегче. Кажется, Бен-Гурион сказал: все специалисты — специалисты по прошлому, специалистов по будущему нет. А с дилетантов, какой спрос. Поэтому я не боюсь повторять: пока Россия и США не переругались, войны

здесь не будет.

— Давайте чуть-чуть уйдем от проблем глобальных и поговорим о Вас лично. Не возражаете?

— Ни в коем разе.

— Вам предстоит начать новую веху. Это Вас радует или так себе? Чем Вы предполагаете заняться по возвращении в Москву?

— Не радует (уже возраст не тот) и не огорчает (еще возраст не тот). Жизнь продолжается. «Снова и снова».

Что буду делать? Еще не знаю. Если бы мне было лет на двадцать поменьше, попросился бы послом в Исландию. Там прохладнее, чем в Израиле. И нет «мирного процесса». И фалафелей вроде бы нет. Но зато много рыбы и даже, говорят, фаршированной. Если бы мне было лет на двадцать побольше, я бы сосредоточился на сдаче анализов и выращивании морковки. А вот что в «золотой середине», пока не придумал. Наверное, напишу пару книг — одну об Израиле, другую — о времени, в котором пришлось жить («Клочки прошлого», так будет называться). Может быть вернусь к журналистике. Посмотрим…

— Насколько мне известно, Вы, такой гурман, сегодня придерживаетесь диеты. Совершенно не пьете, ведете образ жизни Вам совсем не свойственный. Это Вас не тяготит? Вы собираетесь удержаться на достигнутом? Шутливое: «Нет ничего легче, чем бросить курить, я столько раз это делал» — не о Вас?

— Я курил 45 лет (с первого класса). Надоело. Бросил. Вот так и пить надоело. Свою норму я выполнил. Перед казной долгов (и по табаку, и по выпивке) не имею. А поскольку пища перестала принимать форму закуски, то возник дополнительный эффект, — стал худеть. И молодеть опять же. Буду держаться. Но не всю жизнь. Следующую поллитру — если, конечно, хватит пенсии на хороший закус, — выпью 7 ноября 2017 года. Уже начал собирать компанию…

— Как Вы вообще относитесь к людям? С любопытством? Или Вы уже давно все о них знаете?

— К людям отношусь с огромным любопытством. Нет ничего интереснее.

— А к женщинам? Они играли в Вашей жизни значительную роль? Или подсобную?

— Подсобную играли мужчины.

— Поскольку в политике, насколько я понимаю, Вы

будете. придерживаться дипломатической сдержанности до последнего дня пребывания на посту посла, попробую «раскрутить» Вас на фронте личной жизни. Если, конечно, позволите.

— Давайте-давайте.

— Итак, сколько раз Вы были женаты?

— Два.

— Есть определенный тип женщин, которые Вам нравятся?

— Нет. Я разделяю подход Анатоля Франса: у меня не вкус, а вкусы.

— Ваша жена — обаятельнейшая женщина. Насколько мне известно, вы вместе давно…

— Тридцать пять лет, кажется.

— Срок солидный. И это благодаря ее удивительным качествам или Вы — достаточно «легкий» муж? Хотя, признаться, Ваша «легкость» кажется мне сомнительной.

— Не сомневайтесь. Муж я, действительно, «нелегкий». Трудный муж. Но, видимо, мы с Петровной поняли, что лучших вариантов не будет.

— Вы всегда были опасно близки к верховной власти. Много ли было в Вашей деятельности такого, о чем предпочитаете не вспоминать и хотели бы, чтобы и другие не помнили?

— В моей жизни были сюжеты, о которых я предпочитаю не вспоминать, а когда вспоминаю — мне становится стыдно. Но никакого отношения к «верховной власти», вообще — к власти эти сюжеты не имеют.

— Вы не сентиментальны? Вам не трудно расставаться с людьми, с местами, к которым привыкли? Как Вам сейчас видится — спустя какое-то время захотите побывать в Израиле? Или завершилась работа, поставлена точка, и никакие эмоциональные узы Вас не связывают с этой страной.

— Трудно судить о себе. Скорее всего, я не сентиментален. Но расставаться всегда грустно — и с людьми, и с местами.

Побывать в Израиле, несомненно, захочется. Ведь я оставляю здесь не только почти полцентнера своего тела, но добрых знакомых, уже привычные пейзажи, да и вообще пять лет напряженной жизни.

— Как Вы переносите стремительность времени — с философским смирением? С печалью? Стараетесь об этом не думать?

— Наоборот, стараюсь думать. Время, его темп, его содержание — интереснейший объект для анализа, для «философствования». Стремительность времени — стихия, в которую я погружен. «Безумное», как Вы изволили выразиться, время — это интереснейшее время, мое время…

Знаю, что время несет меня в небытие. Помните, у Брюсова: «Я жил, я мыслил, я прошел, как дым». Печаль? Наверное. Но светлая печаль. Все-таки и жил, и мыслил…

— Вы — счастливый человек. Страх времени — самый жесточайший страх… Завидую Вашему восприятию времени…

— Не завидуйте. Кто знает, что я буду чувствовать после 7 ноября 2017 года..

— Ну, что за такая, в самом деле, мистическая веха? Кроме Вас, этот день, похоже, никто не собирается праздновать.

Александр Евгеньевич, Ваш скорый отъезд настраивает на элегический лад. Скажите, если бы время вернулось вспять и юному Бовину предстояло бы все начать сначала, он согласился бы на вариант судьбы, какой выпал Вам?.

— Да. Я готов повторить свою жизнь, свою судьбу.

— Я понимаю, нет практически вопросов, которые Вам еще не заданы настырными журналистами… Но, может быть, Вам самому хотелось бы что-то сказать нам напоследок?..

— Кому «вам»? «Русским» израильтянам?.

— Нерусским», и израильтянам вообще.

— «Русским» я желаю, чтобы на «исторической родине» они, наконец, почувствовали себя как дома. Чтобы они помнили свою родину без эпитета. И чтобы дети и внуки, их не забывали русский язык — окно в огромный, неисчерпаемый мир русской культуры.

— А израильтянам?

— Надо держаться. Перефразирую Черчилля: «Если израильтяне не справятся с действительностью, действительность справится с израильтянами». Надеюсь, они справятся».

МАРТ-97

«Неопалимая купина» — Иерусалим: делить или не делить? — Нетаньяху в Москве: визит хороший, но бесполезный — Три «аксиомы Бовина»

1 и 2 марта мы с Петровной провели на Синайском полуострове, добирались до монастыря Святой Екатерины. Совсем рядом та самая гора, на вершине которой Моисей получил от Бога скрижали веры и знаменитые заповеди. Но взобраться на эту гору мы не решились. Все-таки 3 750 ступенек, — вырубленных монахами в скалах.

Но и в монастыре, который был построен в 4-м веке по велению императора Юстиниана, было интересно. Ведает монастырем греческая православная церковь. По моей просьбе митрополит Тимофей звонил в монастырь, так что у нас был небольшой «блат». Показали без очереди мощи Святой Екатерины — она святая, потому что даже под пытками не отреклась от веры во Христа. Там же на территории обители растет терновый куст, в пламени которого Бог явился Моисею — «Неопалимая купина». Каждый, кого, судьба забросит работать в Тель-Авив, должен посетить как минимум три точки: пирамиды в Египте, Петру в Иордании и монастырь Святой Екатерины на Синае. И многие у нас так и делали. А военный атташе полковник А.А.Иванов даже до Луксора добрался. До сих пор ругаю себя, что не последовал его примеру.

На обратном пути, который шел через пустыню Негев, посетили киббуц Сде-Бокер, где после отставки жил и где 1 декабря 1973 года в возрасте 87 лет умер Давид Бен-Гурион. Бен-Гурион, пожалуй, самая чтимая и легендарная личность и истории современного Израиля. Он родился 16 октября 1886 года в Плонске (Польша). В Палестине с 1906 года. Учился юриспруденции в Турции. В 1921 году избирается Генеральным секретарем Гистадрута. Был одним из основателей рабочей партии Мапай. В 1935 году избирается Председателем правления Еврейского Агентства.

В 1939 году правительство Великобритании опубликовало «Белую книгу», которая практически запретила иммиграцию евреев в Палестину. Это вызвало взрыв антианглийских настроений в ишуве. Но поскольку началась война с фашистами, Бен-Гурион произнес свою знаменитую фразу: «Мы будем оказывать помощь Британии в войне так, как будто нет «Белой

книги», и бороться против «Белой книги» так, как будто нет войны».[60]

В мае 1948 года, несмотря на возражения американцев и колебания среди евреев, Бен-Гурион настоял на провозглашении независимости. Чтобы «взять свою судьбу в свои руки».

Освоение Негева Бен-Гурион считал одним из приоритетов Израиля. Он звал туда молодежь, и сам подавал пример. В дневнике Бен-Гуриона записан ответ Конфуция на вопрос ученика, кто наиболее достойный человек: «Наиболее достойный человек тот, кто сначала сам делает то, чего требует от других, а потом требует от других лишь то, что делает сам».

5 марта меня попросил приехать Фейсал Хусейни. Он сообщил, что правительство Израиля приняло решение закрыть четыре палестинских учреждения, которые были расположены в Восточном Иерусалиме. Имелись в виду статистический центр, центр развития среднего и мелкого палестинского бизнеса, комитет по делам заключенных и управление геодезии и картографии. Мотив — связь этих учреждений с Палестинской национальной администрацией. Хусейни такую связь отрицал.

Тут проблема вот в чем. Восточный Иерусалим не входил в территорию ПНА. Поэтому, по логике израильтян, там не должно быть никаких учреждений, подведомственных администрации Арафата.

Борьба вокруг палестинских учреждений в Восточном Иерусалиме — лишь слабое отражение труднейшей проблемы Иерусалима вообще. Палестинцы, настаивают на его разделе с тем, чтобы сделать Восточный Иерусалим своей столицей. Израильтяне и слышать, об этом не хотят, поезд ушел, весь Иерусалим — наша столица.

Иерусалим пережил бурную историю.

Еврейской столицей город сделал царь Давид в 1004 году дон. э.,

969 год до н. э. Царь Соломон строит первый Храм.

597 год до н. э. Вавилонский царь Навуходоносор захватывает Иерусалим в 586 году разрушает Храм.

516 год до н. э. Построен второй Храм.

198 год до н. э. Иерусалим захватывают Селевкиды.

63 год до н. э. Иерусалим захватывают римляне.

70 год. Император Тит разрушает второй Храм.

614 год. Иерусалим захватывают персы.

638 год. Иерусалим захватывают арабы.

691 год. Построена мечеть Омара («Купол над скалой»).

1071 год. Иерусалим захвачен сельджуками.

1099 год. Иерусалим захвачен крестоносцами.

1187 год. Иерусалим завоеван Салах ад-Дином.

1244 год. Иерусалим захватывают хорезмийцы.

1260 год. Иерусалим захватывают мамелюки.

1517 год. Иерусалим захватывают турки-османы.

1917 год. В Иерусалим вступают английские войска под командованием генерала Алленби.

Уверен, что ни одна столица не вошла в XX век с таким шлейфом. Тяжелый каток истории превращал дома в камни. Но люди снова и снова из камней возводили дома.

Современная история Иерусалима начинается в 1947 году. Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года, Иерусалим с окрестностями выделялся в отдельную единицу с особым международным режимом. От имени ООН Иерусалимом должен был управлять Совет по опеке. Совету было поручено разработать статус города на 10 лет. После его жители могли бы путем референдума определить судьбу Иерусалима.

Вторжение арабских войск в Израиль в 1948 году перечеркнуло эти планы. Перемирие зафиксировало раздел Иерусалима. В декабре 1949 года Западный Иерусалим провозглашается столицей Израиля. В апреле 1950-года король Иордании Абдалла объявил Восточный Иерусалим «второй столицей» хашимитского королевства. ООН протестовала, но тщетно.

17 апреля 1950 года правительство СССР заявило, что решение ООН о выделении Иерусалима в особую территорию «не удовлетворяет ни арабское, ни еврейское население, как города Иерусалима, так и Палестины в целом». При таких условиях СССР не будет далее поддерживать решение ООН об Иерусалиме и выражает надежду, что будет найдено другое решение, приемлемое и для арабов, и для евреев.

В ходе Шестидневной войны Израиль захватил Восточный Иерусалим. 28 июня 1967 года «юрисдикция и администрация» Государства Израиль были распространены на весь Иерусалим. ООН снова протестовала. Неоднократно принимались резолюции, осуждающие аннексию Восточного Иерусалима и изменение статуса Иерусалима вообще.

30 июля 1980 года Кнессет принял закон, который объявил Иерусалим «вечной и неделимой» столицей Израиля. Совет Безопасности ООН в резолюции 478 от 20 августа 1980 года осудил эту акцию Израиля. До сих пор почти все государства, включая США, рассматривают Восточный Иерусалим как «оккупированную территорию» и не признают Иерусалим столицей Израиля.

Но, как хорошо известно, «Васька слушает, да ест». Израиль

активно проводил линию на изменение демографической ситуации в Восточном Иерусалиме. Конфисковывались арабские земли. Строились крупные еврейские кварталы (поселения) по периметру Восточного Иерусалима. Если в 1967 году в Восточном Иерусалиме было 88 тысяч арабов и 44 тысячи евреев, то в 1996 году соответственно 170 и 160 тысяч. А всего в Иерусалиме арабы теперь составляют примерно четверть населения.

Таков общий фон, на котором развернулись дискуссии о закрытии палестинских учреждений. Израильтяне гнут и будут гнуть свою линию. Тут позиции правых и левых, если не считать тактических различий, фактически идентичны: Иерусалим наш, и мы гарантируем свободу доступа к религиозным святыням. Но это не устраивает Арафата. Он рвется в Иерусалим. Пожалуй, нет ни одного его публичного выступления, где бы он не говорил об Иерусалиме.

Пока я не вижу даже контуров компромисса. Арабы ни за что не согласятся «добровольно» отдать евреям мечети Омара и Аль-Акса. Израиль никогда не согласится на половину Иерусалима. В принципе такие понятия, как «никогда», «всегда», «ни за что» противопоказаны политике. Но здесь оперируют именно ими.

В начале марта получил указание передать израильтянам ноту с просьбой дать агреман Богданову. И вопрос: когда думаете возвращаться?

Ноту отвез Бенцуру. Относительно сроков написал, что после операции мне нужно шесть месяцев находиться под наблюдением оперировавших врачей (то есть до 20 мая). Этим определяются мои планы. С другой стороны, вполне понимаю, что здоровье, тем более, собственное — не аргумент. И, если это необходимо, готов освободить место в любой указанный начальством день.

Как видно, не смог совладать с эмоциями.

В Москве 12 марта во время визита Нетаньяху говорил с Примаковым. Он кряхтел, указ, говорил, президент уже подписал, но все же назвал 12 мая. Из-за недели не стал спорить.

Вернувшись в Израиль, стал составлять программу «Прощай, Израиль!» В нее вошли 43 прощальных визита. Общего гала-приема решил не делать. Договорились с Петровной провести в Савьоне встречи по интересам (дипломаты, бизнесмены, журналисты, художники и артисты, хорошие знакомые и т. д.). Всего набралось 9 таких групп общей, сложностью, человек на триста. Начали готовиться…

8 марта улетел в Москву в связи с визитом Нетаньяху.

Подготовка к, визиту включала в себя составление различных бумаг для лучшей ориентации начальства (о Нетаньяху и его политике). Посольство отмечало, что Нетаньяху пробился в

лидеры благодаря собственной энергии, напористости, телегеничности и молодости, а также благодаря бурной деятельности Либермана и, возможно, деньгам клана Миликовских.

По своим убеждениям — искренний приверженец ортодоксального ревизионизма. Но не раб идеологии, а скорее ортодокс с допусками. Под воздействием груза ответственности сдвигается в сторону политического реализма. Хотя сдвиги эти имеют весьма дозированный характер. Умело использует в тактических целях давление справа и слева. Левым говорит, что вынужден считаться с правыми, а правым — что с левыми. В результате получается линия, напоминающая синусоиду.

В ходе переговоров Нетаньяху жестко отстаивает свою позицию. Но умеет делать это изящно, модулируя искренность, откровенность, расположение. Говорит ясно, четко. Умеет слушать аргументы и аргументирование отвечать на них. Старается с каждым собеседником говорить в привычной для него (собеседника) системе политических координат, подчеркивая то, что ближе и понятнее этому самому собеседнику. Способен как бы завораживать, гипнотизировать партнера своей логикой и убежденностью.

В тактическом плане Нетаньяху может совершать колебательные движения. Но их амплитуда задана не прагматизмом, а идеологией (принципами).

Визит прошел по всем правилам протокольного и политического искусства. В протокольном плане был один крупный прокол — Нетаньяху на 35 минут опоздал на обед, который давал Черномырдин. Мне пришлось крутиться ужом и заговаривать зубы начальству.

В речах и тостах стороны рассыпали комплименты друг другу. Но по существу сближения позиций не произошло.

Нетаньяху был в синагоге, встречался с еврейской общиной. В Колонном зале, где происходила эта встреча, премьер, представил собравшимся Либермана: «Этот человек научил меня понимать вкус водки, вкус черного хлеба и вкус настоящей дружбы». До конца «дружбы» оставалось меньше года…

21 марта погремел очередной взрыв в одном из кафе Тель-Авива. Ответ на Хар-Хому. Четверо убитых, 43 ранено. Накануне самого веселого, любимого детьми праздника Пурим, когда на улицах появляются стайки празднично разодетых ребятишек.

Но решили не позволить террористам сорвать праздник. Территории были блокированы. На дорогах выставлены заслоны. Армия окружила арабские города.

Кризис в отношениях с палестинцами продолжал

углубляться.

31 марта в Савьоне состоялся первый прощальный прием — для журналистов. Пели, плясали, веселились…

Журналистской тематике была посвящена и запись моего разговора с журналистами, сделанная Михаилом Хейфецом, одним, кстати, из веселившихся в Савьоне.

> «По просьбе Ларисы Володимеровой из Литературно-журналистского колледжа посол России в Израиле Александр Бовин — а в прошлой инкарнации журналист-международник — согласился встретиться со слушателями, желающими проникнуть в тайны журналистского мастерства. Собственно, как выяснилось, тайн особых нет, а есть работа, желание и умение оставаться самим собой и честно говорить с людьми.
>
> Но — по порядку.
>
> По-моему, Бовин несколько растерялся, увидев почтенный, мягко говоря, возраст собравшихся. И тем не менее…
>
> Я как-то не очень верю, что можно научить журналистике. Грамоте можно научить, да и то, как убеждает чтение газет, — с трудом. Эрудицией можно загрузить. Но журналист хороший, нужный людям журналист — появляется тогда, когда жизнь протащит его через свои университеты.
>
> Тут Бовин сделал оговорку: имею в виду не журналиста-репортера (собака укусила человека), не журналиста-ловца сенсаций (человек укусил собаку), не журналиста-очеркиста (текут мутные воды Сены, Темзы, Рейна и т. д.), а журналиста-аналитика. Сам я не воспринимаю себя как журналиста. Скорее как партийного работника, которого «бросили» на журналистику. Или как ученого, для которого журналистика — нечто вроде прикладной социологии, прикладной политологии.
>
> А как вы стали журналистом?
>
> Совершенно случайно. Или — по усмотрению начальства. Утром (это было в апреле 1972 года) пришел на работу. Я тогда в аппарате ЦК КПСС работал. Входит фельдъегерь с пакетом. Дело обычное. Получаю, расписываюсь, вскрываю. Читаю: «О тов. Бовине А.Е.» Означенного товарища освободить от работы в ЦК и назначить политическим обозревателем газеты «Известия». За грехи, значит, как потом выяснилось. О

ком-то где-то отозвался не так, как следовало бы… Звоню главному редактору «Известий», знал его давно и хорошо. «Знаешь, что у тебя новый обозреватель?» — «Вчера поздно вечером узнал, не стал тебя беспокоить, чтобы спал спокойно».

Вот так я стал журналистом. И почти 20 лет проработал в «Известиях».

Далее пошел разговор по существу, но именно не лекция, не поучения мэтра, а разговор, может быть, не совсем логичный, но живой, стирающий черту, которая обычно бывает между «кафедрой» и аудиторией. Из того, что мне удалось записать, выделю три момента, три «аксиомы Бовина».

Первая. Надо знать то, о чем пишешь. Знать не приблизительно, а досконально. Есть журналисты, которые работают с «натурой». Приехал, скажем, в Израиль или во Францию, поездил по стране, поговорил с политиками, с «улицей» — и соорудил статью. У меня другой метод. Я работаю с «бумагой» — изучаю документы, читаю книги, научные журналы. И затем, сидя у себя в кабинете, пишу. Пишу о политике Франции до поездки во Францию. И далее — Париж, встречи с министром иностранных дел, с коллегами… Тут — критический момент. Если я в кабинете не попал в точку, что-то недоучел, ошибся, вношу, конечно, коррективы. Но, как правило, «домашние заготовки» не подводили. А «натура» — материал для разукрашивания («как сказал мне министр иностранных дел…») загодя сделанного анализа. Что так ценится редакторами и читателями. А для меня все эти «как сказал» — лишь виньетки, бантики к тексту, который был результатом работы над бумагами.

Как вы относитесь к журналистским прогнозам?

Не надо бояться, не угадать, ошибиться — вот главное для «прогнозиста». Знания плюс опыт (интуиция) — и можно попробовать заглянуть за горизонт. Бывало, ошибался. Но чаще угадывал. Везло.

Вторая аксиома. Необходимо точно знать, что вы хотите сказать читателям. То есть, под каким соусом, в каком ракурсе, пропустив через какую призму, вы считаете нужным изобразить реальное, действительное, хорошо вам известное (см. аксиому № 1) положение дел. Грубо, цинично говоря, вы должны всегда контролировать степень и характер искажения

действительности. Иногда эта степень стремится к нулю, иногда достигает «точности наоборот».

В данном случае я абстрагируюсь от нравственной оценки указанной аксиомы. Ибо сама эта оценка зависит от системы координат, в которой идет работа. Я лишь настаиваю на том, что в любом случае убеждения, взгляды, мировоззрение журналиста отражаются на его творчестве. И лучше понимать, знать это и отдавать себе отчет в содеянном.

Итак, надо, во-первых, знать, что происходит на самом деле, знать истину (при всей ее относительности), и, во-вторых, что из происходящего вы хотите донести до читателя.

Думаю, тут есть о чем поспорить. Но это — в другой раз. Когда (и, — если) посол вновь станет журналистом.

И, наконец, аксиома третья. То, что вы хотите сказать людям, надо сказать так, чтобы вам поверили. Если аксиома № 1 сближает работу журналиста-аналитика с работой ученого, если аксиома № 2 показывает его идеологическую ипостась, то аксиома № 3 — это область собственно журналистского мастерства, профессиональной пригодности журналиста. Вы можете служить истине (или думать, что служителей), что бывает редко, вы можете служить интересам (страны, группы, своим), что бывает гораздо чаще, но как, бы то ни было, вы должны убедить людей, заставить их поверить вам. Как минимум — заставить читателей отнестись к вам серьезно, задуматься над вашими аргументами

Аудитория пыталась выпытать у Бовина, как соотносятся его аксиомы с израильской журналистикой. Но нынешний посол оказался сильнее бывшего журналиста. И любопытство присутствовавших осталось неудовлетворенным.

От аксиом Бовин перешел к теореме. Она звучала так (и касалась не только журналистов):

Не следует слишком серьезно относиться ни к своей работе, ни к самому себе. Доказательства? «Вся наша жизнь — игра!» И еще: если ко всему, и — главное! — к самому себе относиться серьезно, можно сойти с ума. Сказанное вовсе не означает, что можно работать кое-как, спустя рукава. «Коекакерство» недопустимо! Но можно уметь видеть себя и свою деятельность как бы со стороны, с определенной дистанции и с хорошей дозой

иронии.

Когда меня спрашивают, какова ваша специальность, отвечаю: я дилетант высокой квалификации. Из двух установок: знать все о чем-либо или знать что-либо обо всем — я выбираю последнюю. Так мне интереснее, веселее, если угодно, жить и работать. И тут начинается игра. Я симулирую узкий профессионализм. Если пишу о Китае, то стремлюсь написать так, чтобы китаист видел во мне коллегу. Если об Антарктиде, то должно создаться впечатление, что я — за неимением там министра иностранных дел — беседовал с пингвинами. И так далее. Бывали иногда проколы. Чем-то, помню, специалист по Кот д'Ивуар был недоволен.

Кстати, здесь за пять с лишним лет я, как журналист, существенно дисквалифицировался. Сузился мой горизонт: дальше Израиля и его окружения вижу с трудом. Придется наверстывать, хотя время становится все дефицитнее…

И последнее, самое-самое главное. Не помню уж где, но прочитал я про ребе Зусю из Анаполя. Перед смертью он сказал: когда я предстану перед Высшим судом, меня не спросят, почему я не был Авраамом, Яаковом или Моше… Меня спросят: почему я не был Зусей. Вот в этом вся штука Главное — быть, оставаться самим собой. Иначе невозможно сохраниться как личность, сохранить самоуважение и уважение людей. Это трудно. Особенно журналисту. Иногда приходится — мне, во всяком случае, приходилось — кривить душой, наступать на горло собственной песне. Допуски неизбежны. Но тактика не должна превращаться в стратегию. Без этого стержня — оставаться самим собой — не может быть журналиста. Настоящего, разумеется.

Как вы работаете?

По старинке. Мою руки, кладу перед собою чистый лист бумаги, беру ручку и пишу. Медленно. Зато потом почти не правлю. Но попробую освоить компьютер. Чем черт не шутит![61]

Ваше хобби?

Я коллекционирую ощущения. Места не занимают, и пыль с них стирать не надо.

Как вы, будучи журналистом, чувствуете себя в роли объекта журналистского внимания? Например, давая интервью.

Предпочитаю, будучи все-таки послом, отвечать на

письменные вопросы. А иногда сам пишу и вопросы, и ответы. Но так (аксиома № 3), чтобы никто об этом не догадался. Иногда вопросы в дрожь бросают. Вот недавно «Московский комсомолец» интересовался: правда ли, что Мосад активно вербует агентов среди евреев в России? Ну что тут ответить? Конечно, правда, сказал. Даже вашего главного редактора Пашу Гусева уже завербовали…

Что вы будете делать в России?

Жить. А в деталях разберусь чуть позже. В МИДе или в «Известиях» меня вряд ли жаждут видеть — буду портить показатели среднего возраста. Может быть, пробьюсь на телевидение. Хочу предложить программу «В бой идут одни старики». Хотя боюсь, молодежь не захочет конкуренции. В общем, начнется новый виток жизни.

Что ж, любой журналист-аналитик подтвердит: все, сказанное Бовиным составляет азбуку нашей профессии. Только до него никто не брался сформулировать «аз» и «буки». Может, потому, что слишком опасно звучит для журналистского самолюбия?».

АПРЕЛЬ-97

Последнее турне по Израилю — Лена Петровна: пять лет без «быта»

Весь апрель Израиль трясла лихорадка.

Переплелись страсти вокруг дела «Бар-Он-Хеврон», противостояние по поводу строительства на Хар-Хоме, беспорядки в Хевроне. Визит Нетаньяху в Вашингтон, попытки Клинтона подвигнуть израильского премьера на очередные уступки палестинцам и предложить формулу для возобновления переговоров с Сирией ничего не дали.

У меня была своя лихорадка — масса визитов, иногда несколько в один день, и приемы в Савьоне. Публика собиралась не чопорная. Музицировали, пели (соло и хором), читали стихи (свои и чужие). Одно из моих любимых стихотворений прочитал его автор Игорь Хариф.

Внуши мгновению любовь —
Оно окажется любовью,
Но впредь уже не прекословь
Однажды данному условью.
Внуши мгновению беду —
Оно окажется бедою,
Метаньем в тягостном бреду,
А не придумкою пустою.
Послушный застывает миг
Затем, чтоб сделаться судьбою,
И повелений ждет твоих,
И наполняется тобою.

Я даже просил Посувалюка положить эти понравившиеся ему строки на музыку. Да как-то не получилось в мидовской суете, не успел…

Начальство меня не забывало. Позвонил Вдовин и передал, что министр просил уехать 10 мая. Огорчил его, сказав, что 12-го буду на праздничном приеме у президента и улечу 13-го.

17 апреля появился Посувалюк. Совершил круг почета: Арафат, Вейцман, Нетаньяху, Моратинос, Росс. Последний ужин с ним провели в старом порту Тель-Авива, в ресторане «Мул ям» («Рядом с морем»).[62] Морские гады в ассортименте. Виктор

Викторович был доволен и благостен. Рассказывал о моем преемнике. Тоже интересно…[63]

21 апреля отправились с Леной Петровной в последнее турне по Израилю.

Посетили знаменитый Иродион — искусственный холм, который был насыпан по приказу царя Ирода. На вершине когда-то была крепость, внутри — роскошный дворец. Там же Ирод и был похоронен.

Лена Петровна взобралась на вершину. Я воздержался. Хоть колени уже и железные, но все же…

25 апреля отправил Лену Петровну в Москву.

Ей тут, конечно, не легко приходилось. У меня — работа, суета, крутеж. А она — дома. То, чем обычно занимаются дипломатические жены, — приемы, хождение в гости друг к другу, покупки, сплетни разные — ее не интересовало. У нее был свой мир, в котором она жила.

Инна Гольдштейн, ее подруга и журналист, как-то уговорила Петровну сделать нечто вроде интервью. Вот что получилось (в отрывках).

> «С Леной Петровной Бовиной я знакома несколько лет, но ни одна из наших с ней встреч так и не превратилась в интервью — мы просто говорили обо всем, начиная с «дележки» впечатлениями об увиденном спектакле или фильме и кончая разговорами «за жизнь». Но на это раз, собираясь, к ней в гости, я прихватила с собой диктофон. Потом оказалось, что напрасно.
>
> Она не любит паблисити, о ней не пишут, как о женах послов других стран в колонках светской хроники израильские газеты. И только ее друзья и знакомые здесь, в Израиле, знают, какая она, Лена Бовина. Из присущих ей свойств характера я выделила бы деликатность. Деликатный человек — это почти исчезнувшее из современного лексикона определение возвращает нас к временам, когда доброжелательность, простота, словом, культура общения были органичны для людей, составлявших не имеющую аналогов в истории других стран общность — русскую интеллигенцию. Недаром же этот термин вошел калькой из русского в европейские языки.
>
> Интервью в модной интерпретации этого жанра — с обоюдным стремлением собеседников загнать друг друга в угол, агрессивной заданностью — выведать то, о чем человек не хотел бы ни вспоминать, ни говорить, и почти

обязательным употреблением ненормативной лексики (это так шикарно и модерново!) — у нас не получилось. Мы гуляли по Савьону, где находится домашняя резиденция посла России (Бовины живут на съемной вилле), сидели в кафе и говорили обо всем, что в этот момент казалось интересным.

— Лена, Вы здесь живете уже четыре года, чем за это время стал для Вас Израиль?

— Я здесь нажила себе проблему — я знаю, что когда вернусь в Россию, буду скучать по Израилю. Я думаю, что если бы мне пришлось поехать в какую-нибудь другую страну, то я там, наверное, пожила бы полгода, а потом уехала бы в Москву, домой, заниматься своими делами.

— Александр Евгеньевич Бовин очень популярен в Израиле, он всегда в центре внимания прессы. А как Вы относитесь к этому? Влияет ли статус супруги посла на Ваше отношение к себе и другим?

— Однозначно — нет. Все это не влияет на мое поведение, не меняет ни моей самооценки, ни моих ориентаций…

— Говорят, что быть женой посла — это профессия. Вы ее освоили?

— Могу сказать, что эта профессия — не для меня. И манеры, и образ жизни у меня те, к которым я привыкла.

— А как же блеск дипломатических приемов?

— А это без моего участия. Мое участие здесь, в Савьоне, где бывают и дипломаты, и гости из Москвы, друзья и знакомые израильские…

— Значит, в такой работе Вы все-таки участвуете. А господин Бовин советуется с Вами в том, что касается его служебных дел?

— Нет, конечно. Но если он дает интервью или пишет какую-нибудь статью, то я читаю и придираюсь к каждому слову.

— Как складывается Ваш день?

— Как у всех неработающих женщин — уборка дома, готовка, хождение в магазин за продуктами. Один раз в неделю приходит девушка помогать по хозяйству, и если мы ждем гостей, то готовим угощение с ней вместе, в четыре руки. Но иногда я и сама обхожусь или кто-нибудь из подруг мне помогает приготовить…

— Лена, я предлагаю допить кофе, пока не остыл, и перейти к пище духовной. Мы с Вами всегда встречаемся

на «русских» спектаклях, концертах. А израильская культура входит в круг Ваших интересов?

— Конечно. Мы бываем на концертах, в музеях, хорошо, знакомы с израильским балетом, канторскую музыку слушали в Иерусалиме. На меня произвели, впечатление выставка скульптора Ханны Орлов, экспозиции музеев Хаима Бялика, Реувена Рубина… Мой выбор, посещения выставок, музеев основан на чтении газет советах знакомых и случае.

— А что Вы читаете об Израиле?

— Российская традиция — читать литературные журналы, тут же обмениваться с друзьями и ждать, а что скажет Лакшин… Поэтому и здесь я постоянно читаю журналы «22», «Зеркало», «Ариэль». И книга израильских писателей в русском переводе — Бартова, Аппельфельда, Иегошуа, Бараша и, конечно, Оза и Агнона. Мне кажется, есть общие черты в истории литератур Израиля и России. Идеологизированность, романтизация ранних периодов становления общества. Я употребляю эти термины не в оценочном значении, это лишь скромное описание. А вообще благодаря этому новому опыту что-то изменилось в моих представлениях, я обрела много чрезвычайно богатых впечатлений.

— Вы успели узнать Израиль?

— Да, мы ездили по стране. Вот на Массаду пока не поднимались. Но очень хочу там побывать и обязательно буду. Я стараюсь сдержать воспоминание о том, как однажды мы с Александром Евгеньевичем оказались в сильнейшую грозу в открытой кабине испортившегося фуникулера и долго висели между небом и землей. Но я верю, что в Израиле фуникулеры не портятся…

— А что для Вас значит мода?

— Я к ней равнодушна. Женщине вроде бы не полагается так говорить, но я покупаю только то, что необходимо. И чтобы было удобно…..

— Я знаю, что у Вас много знакомых здесь из числа репатриантов, а старожилы среди них есть?

— Да, мне интересно общаться с ватиками, мне интересны их оценки происходящих событий, их взгляды на многие вещи, зачастую отличные от тех, что высказывают новые репатрианты.

У меня много друзей здесь. И благодаря этому, я могу больше узнать об Израиле и лучше понять не только Израиль, но и Россию.

Я очень рада, что здесь так много евреев из России, жить здесь было их мечтой, надеждой.

Мне очень жаль, что они уехали из России — наши друзья, коллеги, соседи…»

Одно меня радует — хоть пять лет за всю жизнь Петровна пожила без быта в привычном советском или российском смысле этого слова. «Как в кино…»

МАЙ-97

Праздник в Савьоне по случаю отъезда посла — Последние визиты — Последний прием — Последнее чтение газет. — Превращение из ненастоящего посла в настоящего пенсионера

Пошел отсчет последних дней.

Визиты к президенту, премьеру и министру иностранных дел.

Прошу Вейцмана не ставить Богданова в очередь и принять у него верительные грамоты до 12 июня. Чтобы на приеме, который устраивает посольство по случаю Дня Независимости России, новый посол был уже полностью полномочным. Президент обещал. И даже сказал, что сам придет на прием. Пришел.

6 мая последняя (третья) попытка сдать вождение. И снова старый гриб меня заваливает. Друзья успокаивают тем, что здесь и по 20 раз сдают. Но у меня со временем туго. Так и уехал бесправным…

8 мая обсуждаем с Носенко «незавершенку». Она включает 9 пунктов.

1. Строительство комплекса в Иерусалиме.
2. Продолжение борьбы за перерегистрацию.
3. Строительство жилого дома в Тель-Авиве.
4. Соглашение о взаимной правовой помощи.
5. Компьютеризация экономической службы.
6. Соглашение между МИДом и «Трансаэро».
7. Оздоровление и укрепление консульской службы.
8. Медицинская страховка.
9. Создание школы.

Полезно было бы обсудить все это с новым послом. Но в системе МИДа сдача-приемка дел не предусмотрена.

Новый посол появляется только тогда, когда удаляется старый.

В этот же день в Савьоне состоялось, как было указано в разосланном всем приглашении, праздничное гулянье в связи с отъездом посла. Приглашение уточняло, быть с женами и детьми, иметь хорошее настроение и хороший аппетит, бассейн работает, по газонам ходить.

Гулянье удалось. Главными героями были завхоз Александр Иванович Дмитриев, который все организовывал, и дежурный комендант (он же — отличный повар) Валерий Алексеевич Луцюк, который все готовил (при помощи наших женщин, конечно).

9 мая последнее посещение Старого города. Дорога скорби. Храм Гроба Господня. Голгофа.

Иерусалим стал превращаться в центр христианства после того, как в 324 году Палестина попала под власть Византийской империи. Царица Елена, мать императора Константина, заложила храм Гроба Господня. Началось паломничество христиан. Строятся монастыри.

Евреям вход в Иерусалим был запрещен. Они могли появляться на Храмовой и Масличной горах только один день в году — 9 ава, чтобы оплакивать разрушение Храма — первого и второго.[64]

> «По сей день неверным рабам, — повествовал монах Иероним, — запрещается входить в Иерусалим, ибо они убили слуг Бога и даже Сына Его. Им дозволено приходить в город лишь для того, чтобы оплакать его, и за деньги покупают они себе право оплакать разрушение своего города».

Всегда удивлялся: по книгам, по истории, по событиям — все это воображается большим, величественным. Как пирамиды или Исакиевский собор. А когда видишь натуру — она обескураживающе проста, не величественна. Не знал бы — так и прошел мимо, не заметил…

12 мая — прием у президента. Последние рукопожатия, разговоры. Немного грустно.

После приема заехал к Давиду, в грузинское заведение (оно расположено на заправке) под негрузинским названием «Кенгуру». Давид — из Тбилиси. Был когда-то по театральной части. Теперь вот по части ресторанной. С ним связан забавный эпизод.

Гостил у меня мой друг Леон Аршакович Оников. Он — тоже из Тбилиси. Зашли мы с ним в «Кенгуру». Познакомил его с Давидом. Давид долго делал вокруг нас круги. Потом спрашивает: «Простите, Вы не жили на Советской улице?» Оказалось, что они в одной школе учились…

Раз уж про Оникова… Как-то был я в Мадриде. Сидим с корреспондентом «Известий» Леней Камыниным в баскском ресторане. Громко изъясняемся по-русски. Вдруг подходит испанец и на приличном русском спрашивает: «Вы — из Москвы?» — «Да». — «А Оникова вы не знаете?» Лет 40 назад они учились в Гнесиных… Оникова знали все…

13 мая в посольстве в 10.00 очередное чтение газет.

После посидел в любимом кафе «Акапулько» на улице Дизенгоф и в 13.00 был в аэропорту. Проводы просил свести к

минимуму. Самолет вылетел по расписанию. Вечером был дома.

Прощание с МИДом растянулось на четыре месяца, так как столько у меня накопилось неиспользованных отпускных дней.

Все бумаги на пенсию я сдал еще во время, визита Нетаньяху. Пенсия, как выяснилось, была оформлена оперативно — с 20 марта 1997 года (370 257 рублей, с 29 апреля 1999 года стал получать посольскую — 1 374 руб. 92 коп.). Получил Указ президента № 269 от 27 марта 1997 года, коим был освобожден от обязанностей посла «в связи с уходом на пенсию».

10 сентября получил в МИДе два приказа: один об увольнении в отставку, другой — об освобождении по собственному желанию от работы в МИД России «в связи с уходом на государственную пенсию».

Зашел к Евгению Максимовичу. Он поблагодарил меня за проделанную работу.

Вот и все.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Извинения — Израиль и диаспора — Очень разный Израиль — Менталитет — Мазохисты — «Процесс пошел» — Спасибо судьбе

…Мы подошли к концу.

Хочу извиниться перед теми, кого не упомянул в своих заметках. Перед моими друзьями и хорошими знакомыми, которые своими наездами в Израиль скрашивали жизнь Лене Петровне и мне.

Перед коллегами, послами из других разных стран, которые были нашими желанными гостями и которые учили меня посольским премудростям.

Перед служителями всяческих муз, для которых ворота Савьона всегда были широко открыты.

Перед израильтянами — журналистами, писателями и поэтами, художниками и артистами, учеными, врачами и «экстрасенсами», работниками «общественного питания». Они позволяли мне видеть и даже (возможно) понимать не политический, не официальный Израиль.

И первое, что я увидел, почувствовал, понял, — Израиль очень, невероятно разный. Там, как в Греции, есть все. Моря и пустыни. Горы и равнины. Грибы и бананы. Свинина и маца. Волки и крокодилы. Синагоги (много), мечети (меньше) и церкви (совсем не много).

Но — в отличие от Греции — в Израиле много евреев. Около 5 миллионов (для сравнения — в США — 5.8 млн., в России — 0.5 млн.). В общем, в диаспоре евреев больше, чем в Израиле, и, судя по всему, такое положение будет сохраняться. Нечто вроде динамического равновесия между диаспорой и Израилем. Как объяснил мне один заезжий американец: мне нравится жить в Америке, но мне приятно знать, что есть Израиль и что я там могу жить…

Однако проблема не в том, много или мало евреев в Израиле. Проблема в том, что они разные. На Земле Обетованной живут евреи, приехавшие из ста с лишним стран и, соответственно, принадлежащие к разным культурам и разным языковым группам. Плюс к этому иммиграция шла волнами, оставляя «на берегу» разные поколения людей, каждое из которых отмечено знаком своего времени. Таким образом, израильское общество, единый — по определению — «еврейский народ» разделены как по горизонтали, так и по вертикали, что делает социальную

топографию Израиля чрезвычайно сложной и запутанной.

Если же укрупнить, усреднить картину, то можно выделить несколько главных линий, рассекающих израильский социум.

Есть Израиль западный и Израиль восточный. Западный Израиль — это Израиль ашкеназов, выходцев из Европы и Северной Америки. Восточный — это Израиль сефардов, выходцев из Северной Африки, стран Ближнего и Среднего Востока. Ашкеназы, — а именно они были основателями еврейского государства, — принесли на свою «историческую родину» европейскую культуру, склонность к социалистическим утопиям, скептическое, сдержанное отношение к религии и фаршированную рыбу. Сефарды, основная масса которых влилась в Израиль в 50-е годы, принесли с собой традиционный семейный уклад, религиозность, вкус к рыночной (мелкой) экономике, левантийскую вальяжность и хумус.

До середины 70-х годов сефарды явно были на вторых ролях. С пришествием Менахема Бегина положение изменилось и продолжает меняться. Но и сегодня политический, культурный Израиль это, прежде всего Израиль ашкеназов. Но вот Израиль гастрономический — это Израиль сефардов. Как ни парадоксально, но в еврейском государстве господствует арабская кухня. Согласно опросам, наиболее популярны среди израильтян шуарма, фалафель и хумус (и сытно, и дешево). Разумеется, если вы будете угощать израильтянина, то вкусы изменятся. Но все-таки даже ашкеназ форшмаку или шпондре предпочтет стейк или салмона на гриле

Первоначально, в средние века, ашкеназами называли немецких евреев, а сефардами — выходцев из Испании и Португалии. Потом границы этих понятий стали более подвижными и размытыми.

Партия труда — традиционно партия ашкеназов. Сефардам ближе Ликуд. В сентябре 1997 года, лидер Аводы Эхуд Барак, пытаясь переломить настроения в сефардской общине, публично — от имени партии и от имени ашкеназийского истеблишмента — извинился перед сефардами за дискриминацию выходцев с Востока. Извинения вызвали противоречивые отклики. Ашкеназы морщились. Сефарды настороженно ждали, последуют ли за извинениями изменения в приоритетах. Теперь, став премьером, Барак может наполнить свои извинения реальным содержанием. Если вспомнит…

Особняком стоит эфиопская община, примерно 20 тысяч человек, вывезенных из Эфиопии и оказавшихся в чуждом для них мире. В меньших масштабах повторяется история «перевоспитания» сефардов.

А еще есть около 10 тысяч караимов, не признающих законы Галахи. Есть менее одной тысячи самаритян, построивших на вершине святой горы Гризим свою деревню. Есть 80 тысяч друзов, которые для евреев почти мусульмане, но которых сами мусульмане мусульманами не считают. И все эти маргиналы со своими заботами, проблемами, требованиями — тоже фрагменты нынешнего Израиля.

О разделительной линии, проходящей между светским и религиозным Израилем, я уже рассказывал. Логика ортодоксов проста и понятна: религия, иудаизм — это суть, смысл, стержень государства еврейского, и поэтому борьба за сохранение религиозности — это борьба за сохранение Израиля. В той системе идеологических координат, в которой был создан и существует нынешний Израиль, против этого трудно возразить. По-видимому, возражения выдвинет будущее. Но до будущего надо дожить.

В плоскости социальной Израиль можно — со всеми мыслимыми оговорками — разделить на капиталистический и социалистический. Можно поставить слово социалистический в кавычки, можно и не делать этого. Социалистический сектор Израиля связан с тем, что долгие годы у власти были люди социалистической, как уже говорилось, ориентации.

Отсюда — киббуцы, коллективные хозяйства в «деревне». Отсюда — могучие профсоюзы и государственные монополии, обросшие, как и положено, «социалистической» бюрократией. Отсюда — огромные налоги, перераспределяющие доходы богатых в пользу «бедных». Отсюда — низкая производительность труда и низкая эффективность производства.

Глобальный кризис социализма не мог не задеть Израиль. Красный цвет перестал быть цветом профсоюзов. Чиновники сопротивляются отчаянно, но Израиль постепенно освобождается от социалистических одеяний Экономика, говорил Нетаньяху, напоминает «автомобиль, съехавший с шоссе на обочину». И чтобы вернуть машину на шоссе, надо покончить с «еврейским социализмом». Что и делается, так сказать, в четыре руки Потому что Авода тоже стремится обрубить свой социалистический хвост Экономика становится более эффективной, а общество — более жестким, меркантильным, циничным.

Чтобы закрыть тему разноликого Израиля, приведу пространные размышления Гарри Резниковского. Он вспоминает Достоевского, который однажды сказал: «Россия есть игра природы, но не ума». Резниковский полагает, что Израиль, наоборот, есть игра ума, но не природы. От природы у Израиля только географические координаты. Все остальное пришлось

изобретать. Но, пишет автор,

«идеальная схема создания новой страны начала давать сбои, как только в Израиле появились его первые обитатели. По мере роста населения росло и сопротивление человеческого материала… Каждый еврей ехал в свой собственный Израиль. И каждый был решительно недоволен картиной, представшей перед его глазами. Сначала эта страна была чересчур ашкеназийской, потом — чересчур сефардской Она то утопала в кумаче, то расшибала лоб в поклонах золотому тельцу. Была неимоверно суетна и раздражающе не тороплива. В ней не умели держать слово и не понимали прелести отчаянной торговли за медный грош. Среди ее обитателей всегда был перебор по части нудных умников и гиперактивных недоучек.

Вавилонское пленение осталось позади, теперь евреи привыкли к вавилонскому столпотворению. И лишь смирительная рубашка иврита удерживала эту пеструю массу, не давая ей ртутными шариками раскатиться по углам.

Время работало против Израиля. Время не давало стране покоя, нужного, чтобы из раздробленных в пыль от частых столкновений микромиров возник Единый Израильский Миф — Великая Еврейская Мечта…

… Обитатели не спорили, когда им говорили, что первое поколение — лишь навоз, в котором копошатся личинки светлого будущего. Но за детей было обидно: и в этом им предлагалось жить?

Ради детей страну надо было срочно менять. И ее меняли — как могли, как получалось… Пока родители строили, дети росли. Они говорили на иврите, у них были общие игры и общие думы, одинаковые автоматические винтовки и шнурованные ботинки единого образца. У них были свои кумиры, свои настоящие кумиры — простые парни из нашего двора, сумевшие вскарабкаться на вершину, парни из плоти и крови, а не те призрачные тени, которыми бредили их отцы. У них было общее прошлое и общее настоящее. И уже казалось, что страна вот-вот успокоится, приладится к мерному шагу молодых, подхватит мотив, который они насвистывают по дороге в паб, и хаос сгинет под натиском гармонии.

Так всем казалось.

И тут появились мы».

«Мы», как понятно, это более полумиллиона «русских», которые сделали очень разный Израиль еще более разным…

Фрагментарность, мозаичность Израиля отражается и на состоянии общественного сознания, и на израильском менталитете. Это некое весьма аморфное, зыбкое, внутренне противоречивое образование, именуемое «израильский менталитет», впитало в себя, как историю еврейского народа, гак и его «географию», принадлежность Востоку и Западу.

Послушаем Бердяева:

> «Всякая народная индивидуальность, как и индивидуальность человека, есть микрокосмос и поэтому заключает в себе противоречия. Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей… По поляризованности и противоречивости русский народ можно сравнить лишь с еврейским народом. И не случайно именно у этих народов сильно мессианское сознание. Противоречивость и сложность русской души могут быть связаны с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ».

Думаю, что сказанное вполне можно отнести и к «еврейской душе», не менее загадочной, чем душа русская. Ибо два потока мировой истории, европейский и азиатский, переплелись в судьбе евреев, но особенно — вспомним об ашкеназах и сефардах — в судьбе Израиля. Под воздействием этих потоков формируется и менталитет израильтян, в котором причудливо сочетаются «кусочки» восточного и западного отношения к миру, к жизни в этом мире и к самим себе.

Все эти «отношения» неотрывны от опыта, накопленного веками истории и сконцентрированного в характере и психологии евреев. Мартин Бубер в своих речах об еврействе цитировал немецкого писателя Якоба Вассермана: «Верно одно: фигляр и естественный человек, чувствительный к прекрасному и враждебный ему, фанатик и трусливый раб, шарлатан и азартный игрок — все это есть в еврее…» Бубер обобщает эту характеристику: таковы природа, сама суть еврейства — «высшее в нем связано с низшим и его светлые стороны с постыдными». Ни у одного народа, продолжал Бубер, нет таких «пламенных игроков и предателей» и нет таких «возвышенных пророков и

освободителей». Эти противоположности могут сталкиваться даже в одном человеке, в котором, порождая невероятные потрясения и кризисы, борются «да» и «нет».

Поляризованность, о которой писал Бердяев и которую так ясно видел Бубер, ощущается в Израиле на каждом шагу. Меня поражало сочетание, сосуществование высокого патриотизма, душевной привязанности, любви к Израилю с беспощадной, доходящей до отрицания критикой израильского общества, израильских порядков.

> «Сегодня слово «Эрец-Исраэль», — признается всемирно известный писатель Йорам Канюк, — вызывает у меня отвращение. У меня мороз по коже продирает, когда я слышу об «Эрец-Исраэль» и о тех, кто ей верен. Фашистское государство, превратившее землю в высшую ценность. Тфилин и винтовка, чтобы убивать врагов Бога». Именно Канюку принадлежит экстравагантная идея раздела Израиля на два государства. «С фундаменталистами невозможно достичь компромисса, — полагает Канюк. — Поэтому пусть забирают себе свой красивый горный край, живут себе в Иерусалиме и Хевроне и делают там, что хотят, а мы продолжим строительство нашего еврейского государства в Ашдоде, Тель-Авиве и Галилее».

Канюк — сабра Он родился и вырос в Израиле. Анна Исакова, серьезный, умный журналист, — «ватичка». Она в Израиле с начала 70-х. Она пишет, что живет в стране

> «вилл, пентхаузов, шикарных машин и роскошных «каньонов», частных лечебниц, финансовых скандалов. Девиц для сопровождения с высшим образованием, массажных кабинетов и спортивных клубов, оргий богемы, великосветских раутов, министров, находящихся за границей больше, чем дома, аукционов «Сотби». В стране наемных убийц. В стране нуворишей с базара «Кармель», населяющих шикарные дома со швейцаром у входа. В стране торговцев оружием, в стране, потребляющей больше золота и бриллиантов на душу населения, чем многие другие страны мира.
>
> Наверное, я живу не в той стране, — уточняет Исакова — Но именно она лежит вокруг. И в тех же границах — страна безработных, мелких государственных служащих, получающих от государства добавку к зарплате для обеспечения жизненного уровня.

> Живу в стране распадающихся киббуцев, вечного овердрафта, бешеного потребления в долг, стране массовой алии, подвижников-поселенцев, подвижников-антипоселенцев. В стране постоянного страха и неумеренного самодовольства, в стране, развлекающейся «назло врагам» и просто из любви к удовольствиям, в стране, где есть набожные, секулярные, не ведающие, не умеющие спросить, и в стране, где не могут жить, не задавая, но каждому поводу бесчисленного количества вопросов, на которые никто не знает ответов. В стране, потерявшей, по слухам, идеологию и не нашедшей, по слухам, свое национальное лицо, в стране, сплачивающейся в беде, разъединяющейся в благоденствии».

Сплетение добра и зла в стране оборачивается сплетением добра и зла, «да» и «нет» в психологии ее жителей. А, может быть, и наоборот — люди создают страну «по образу и подобию своему». В конце концов, важен результат, и о нем идет речь.

Наконец, слово тому, кого обозначают словами «оле хадаш», вновь прибывший. Аркадий Киреев, попав в Израиль, понял старую притчу о евреях-тысячниках.

> «Когда Бог даровал евреям мудрость, то наделял ею 999 евреев из тысячи, а тысячному отдавал всю глупость этих девятисот девяноста девяти… Так вот, почти все 999 мудрых евреев погибли в бесчисленных погромах, в гетто и Катастрофе. А большинство «тысячников» выжили и собрались в Израиле. Так что не «идейной чистотой», а грузом тысячеликой глупости обременено наше государство. Глупость эта живет, оборотясь спиной к будущему… и вслепую бредет к пропасти…
>
> Израиль на глазах превращается в государство глупцов, живущих одним днем и слепо верящих в то, что этот день будет таким же, как вчерашний. Такое государство рискует еще на 40 лет оказаться «государством в пустыне». Только на этот раз без Моше Рабейну, отводящего от народа своего гнев Божий».

Возможно, мазохистская составляющая израильского менталитета лишь подчеркивает, оттеняет общую позитивную ориентацию молодого израильского общества. Ведь только сильные, лишенные комплексов люди способны смеяться над собой и обличать дела рук своих. А дела эти достойны уважения. Израиль — это единственная утопия, которая выстояла на ветрах

истории. Знаменитой книге Теодора Герцля «Обновленная страна» («Alteneuland») был предпослан эпиграф, «…и если вы захотите, — это не будет сказкой». Они захотели. И это не стало сказкой.

Размышления о судьбах еврейства и об израильском менталитете выходили за круг моих посольских обязанностей. Тут я скорее удовлетворял свое личное любопытство. По линии же посольской, если отвлечься от рутины российско-израильских отношений, в центре внимания находился мирный процесс.

В Израиле этот самый процесс — в силу своей длительности и малой результативности — становился объектом грустного юмора.

> «Самым популярным словом в израильском политическом словаре, — утверждала «Наша страна», — похоже, становится слово «процесс». Слава Богу, не в криминальном значении этого слова, потому что, несмотря на уйму всяких детективных и просто криминальных историй, связанных с нашими политиками, до самих процессов дело, как правило, не доходит…
>
> Нет, процесс в нашем политическом обиходе употребляется сейчас в том смысле, в котором он пошел в знаменитую присказку Михаила Горбачева: «Процесс пошел» То есть, в смысле того, что что-то такое происходит, но о результатах говорить вовсе ни к чему… Такое впечатление, что наши политики взяли на вооружение лозунг французских левых: «Цель ничто — движение все» (слова эти принадлежат не французским левым, а немецкому социал-демократу Эдуарду Бернштейну. — А.Б.). Все обозреватели спорят: идет ли так называемый мирный процесс, или он стоит, и вообще, процесс ли он, и когда процесс превратится в «просто мир»».

Но нам было не до шуток. В значительной мере работа посольства вращалась вокруг мирного процесса. Не в смысле участия в нем — тут наша роль была достаточно скромной. А в смысле «отслеживания», сбора информации, сочинения многочисленных бумаг.

Пожалуй, главная особенность мирного процесса и главный подводный камень на его пути — это отсутствие, о чем я уже писал, четко зафиксированных «конечных» целей. И еще — стороны употребляют одни и те же слова, но вкладывают в них разный смысл. «Автономия» для палестинцев — шаг к

государству, а для израильтян — шаг, блокирующий путь к государству. «Компромисс» для израильтян — уступка за уступку (мы вам землю, вы нам безопасность), но палестинцы видят ситуацию по-другому: Израиль отдает лишь то, что нам принадлежит по праву, мы ничего не должны Израилю, он нам должен. То есть палестинцы имеют право требовать, а Израиль обязан отдать.

В результате каждая бумага, каждая договоренность тут же, немедленно подвергаются коррозии, разъедаются несходством интерпретаций. Каждый шаг, каждое позитивное движение в русле мирного процесса сопровождаются конфликтами, кризисами, взаимными обвинениями.

Когда я уезжал из Израиля, мирный процесс был загнан в тупик. Приход к власти Барака вызвал оживление. Во всяком случае, на палестинском треке. Но мне думается, что мир, прочный, устойчивый мир — за пределами нынешнего политического горизонта. Слишком велик потенциал конфликтности на Ближнем Востоке. Здесь противоборствуют демократия и авторитаризм, секуляризм и ортодоксия, модернизм и консерватизм, западная модель развития и исламская модель. На этом фоне конфликт между иудаизмом и исламом, между евреями и арабами вряд ли может быть прекращен.

По-видимому, придется поработать поколению внуков нынешних лидеров

Ну, а мне остается благодарить судьбу за то, что она дала возможность познакомиться с одной из удивительнейших стран мира и даже попытаться сделать Россию понятней Израилю, а Израиль — России.

notes

Примечания

1

В июне 1970 года Кузнецов с группой (всего 16 человек) намеревались захватить Ан-2 и из Ленинграда податься в Швецию. Были арестованы у трапа самолета. 24 декабря Кузнецова приговорили к смертной казни. Однако 28 декабря по указанию Брежнева, к которому обратился президент США Р.Никсон, Верховный суд РСФСР (“по соображениям социалистической гуманности”) заменил смертную казнь лишением свободы на 15 лет. Освобожден досрочно в 1979 году.

2

Т.Зайяд был членом кнессета. В 1973 году, когда Египет начал войну Судного дня и прорвал идущую вдоль Суэцкого канала оборонительную линию Бар-Лева, Зайяд воспел в стихах египетскую армию, несущую свободу палестинцам:

“Солнце в полуденном небе —
Слезы в счастливых глазах.
О, наши тяжелые танки!
О, железные наши орлы!
Слава! Слава в веках
Разметавшим валы Бар-Лева!”

В 1988 году он заявил, что “интифада — это голубь мира, взвившийся из-под сапог израильских солдат”. Демократия…

Зайяд погиб в начале июля 1994 года в автомобильной катастрофе. Он возвращался из Иерихона, где приветствовал Арафата на родной земле.

З

Квиютчик — это служащий, имеющий квиют. т. е. его можно уволить только после очень сложной административно-профсоюзной процедуры. Практически квиют — это право на неувольнение. Когда-то квиют считался важным завоеванием наемных работников. Теперь же он во многих случаях стал формой защиты бездельников с большим стажем. С квиютом борются те, кто его не имеет. Но как только человек получает квиют, он становится его яростным защитником.

4

В Димоне находится израильский атомный реактор.

5

Каждый “турист” видит то, что он хочет увидеть, то, что он уже “знает”. Вот что увидел Р. Эйтан, начальник Генерального штаба:

> “Египет, таково мое впечатление, изменить невозможно. Каир никогда не будет чистым городом. Никогда там телефоны не будут работать исправно. Никогда там не будет канализации…”

Генерал был шокирован

> “текущими кранами в роскошном отеле, обоями, отклеивающимися от стен, грязью, гнилыми фруктами… на столе в ресторане отеля, безразличием и равнодушием простого египтянина, даже и не питающего надежду когда-нибудь одолеть насущные проблемы своей страны…”

Выводы, которые сделал Эйтан из своих наблюдений, можно оспорить. Но не это важно. Израильтяне часто ссылаются на “менталитет” арабов, который мешает им найти общий язык с евреями. Рассуждения Эйтана представляют нам “менталитет” евреев. Стена ненависти, недоверия возводилась с обеих сторон.

6

“Соседи” делятся на ближних и дальних. “Ближние соседи” — это, которые из КГБ, ибо МИД до переезда на Смоленскую площадь располагался рядом с Лубянкой. Теперь штаб-квартира СВР вынесена за пределы Москвы, но “ближние” так и остались “ближними”. Соответственно, “дальние соседи” — это публика из ГРУ, военные разведчики.

7

Г.Меир (урожденная Мабович, по мужу — Меерсон) — выдающийся политический, государственный деятель мирового класса. Родилась в Киеве в 1898 году в бедной и многодетной семье плотника. В 1906 году семья эмигрировала в США. Там начала активно заниматься политикой, окрашенной в сионистско-социалистические тона. В 1921 году репатриировалась в Палестину. Сразу погрузилась в политическую борьбу. После провозглашения Израиля была направлена послом в Москву. В 1949 году избрана в кнессет. Была министром труда. С 1956 по 1965 год — министр иностранных дел. В 1969 году стала главой правительства Израиля. В 1974 году покинула политическую арену. Скончалась в 1978 году. Женщина с характером. Бен-Гурион говорил: у меня в правительстве один настоящий мужчина — Голда Меир.

8

Где-то я читал, что автономия — это политическая теорема Ферма. А сам термин этот предложил “Талейран Ближнего Востока” Моше Даян.

> “Этот старый и ироничный лис из дремучего леса политики, — писал З.Шохин, — сноб и гений, генерал по профессии и торговец по духу, чье круглое лицо с черной нашлепкой на простреленном глазу и чайльд-гарольдовской, но циничной улыбкой стало мировым символом нового еврейства, преподнес эту идею Бегину, и того она буквально захватила. Ведь с ее и только с ее помощью можно было совместить идеологию с реальностью и, не отступая с Западного берега и из Газы, выбить у арабов из рук козыри для конфликта”.

Даян называл это “функциональным компромиссом”: разделение полномочий без разделения территорий.

9

Большинство Рабина **всегда** базировалось на арабских депутатах кнессета *(примечание Семёна)*.

10

Кнессет 1-го созыва был избран 25 января 1949 года. С этого времени и по январь 1995 года кнессет принял 3 632 закона. 589 раз голосовались вотумы недоверия, но только один раз (в 1990 году) правительство было смещено. Семь созывов отзаседали полный срок, шесть раз Кнессет распускался досрочно.

11

Хусейни принадлежит к известному и богатому арабскому дому (клану). Долгое время Хусейни были ярыми противниками раздела Палестины, создания еврейского государства. В годы второй мировой войны Хусейни симпатизировали Германии. Назначенный британцами великим муфтием Иерусалима Хадж-Амин эль Хусейни жил в Берлине, встречался с Гитлером, активно поддерживал курс Гитлера на “окончательное решение” еврейского вопроса.

> “Арабы, — обратился муфтий в 1944 году к своим соплеменникам, — восстаньте как один человек и сражайтесь за свои священные права. Убивайте евреев всюду, где найдете их. Это угодно Богу, истории и религии”.

Муфтий (уже — “экс”) скончался в Бейруте в 1974 году. На похоронах присутствовал и его племянник Абд эль-Рахман Абд эль-Рауф Арафат эль-Кудва эль-Хусейни. Ныне же Фейсал Хусейни исповедует относительно умеренные взгляды, выступает против экстремизма, терроризма. Энергично отстаивает права палестинцев в Восточном Иерусалиме. Одно время, — как говорили, — Клинтон склонялся к тому, чтобы Фейсал Хусейни возглавил правительство палестинской автономии.

12

Даян (1915–1981) родился в Израиле, в Дгании — “матери киббуцев”. С 1929 года — в отрядах самообороны. Сидел в тюрьме (1939–1941). Участвовал в Войне за независимость, командовал Иерусалимским фронтом. В 1953–1958 годах начальник Генштаба. Командовал израильскими войсками во время Синайской кампании. Был министром обороны в период Шестидневной войны и в ходе войны Судного дня (октябрь 1973 года). В июне 1977 года в правительстве М. Бегина занял пост министра иностранных дел. Активно содействовал заключению мирного договора с Египтом. Аналогии условны, но для израильтян Моше Даян, как для нас — Жуков.

13

В конце 1997 года появились сообщения, что некая исполнительница танцев живота обратилась в суд с иском, требуя от Басьюни 290 тысяч долларов в качестве компенсации за моральный ущерб и телесные повреждения. По ее словам, египетский посол пытался ее изнасиловать. Не знаю, чем кончилось дело. Но как-то не вяжется претензия танцовщицы с обликом Басьюни. Да и с обликом танцовщиц тоже…

14

Этот элитный отряд создал в 1958 году майор Авраам Бург. В докладной Бен-Гуриону он писал:

> «Это будут совсем другие солдаты. Они смогут выполнять самые невероятные задания. Из командиров этой части в будущем станет комплектоваться Генеральный штаб Армии обороны Израиля».

Правда, армия не была в восторге от такой перспективы. И когда Барак возглавил Генштаб, многие генералы ворчали.

15

Впоследствии «белые пятна» на боевом пути Барака стали заполняться. Легенды обрастают фактами. Похищение офицеров прямо из Генерального штаба сирийской армии. Освобождение заложников, захваченных террористами в самолете авиакомпании «Сабена». Операция «Юная весна» — ликвидация в Бейруте трех деятелей ООП, причастных к убийству израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене (в этой операции вместе с Бараком участвовали будущий начальник Генерального штаба Амнон Шахак-Липкин и будущий советник Рабина по борьбе с терроризмом Игал Преслер).

16

«Кирья» на иврите и означает «город», «городок», «поселок». В вольном переводе Кирьят-Бялик (в честь великого поэта) звучал бы как Бяликград. Соответственно — Моцкинград (в честь одного из лидеров сионистского движения). А Кирьят-Ям — это просто Морской город.

17

Уже после того, как были написаны эти строчки, Иры не стало. Грустно…

18

Йом Кипур (Судный день) — самый, пожалуй, главный, самый торжественный религиозный праздник в Израиле. Праздник Всепрощения, когда Бог отпускает все грехи.

19

Так называют систему из 40 укреплений бункерного типа, созданную после Шестидневной войны по инициативе начальника Генерального штаба Хаима Бар-Лева. Ряд генералов, например, А. Шарон, возражал против строительства, считая саму концепцию таких оборонительных сооружений устаревшей и неэффективной. Но Бар-Лев был «главнее».

20

В пустыне Гоби я тоже заблудился. Ни карт, ни дорог не было вообще. Но были запасные канистры с бензином. И был шофер, в прошлом пастух, который умел ориентироваться по звездам. Так что и там не пропали. Вышли в заданную точку.

Но далеко не все. Известный в «русском» Израиле историк и публицист Михаил Хейфец защищал право президента, — если гомосексуализм становится нормой, — предостеречь общество, «вопреки вою модных пошляков», от следования этой норме. Равно как и право президента ломать политические стереотипы, если это не нарушает закон.

> «Мне кажется, — писал Хейфец, — что президент Вейцман закладывает новую норму в жизнь мирового сообщества: демонстрирует, что любой президент (король) смеет и обязан быть живым, активным, энергичным человеком — пусть вне политической жизни! Неужто политикой ограничивается вся жизнь? Неужто сегодняшнее освобождение от ханжества распространяется только на «гоев», а президент обязан оставаться символической куклой? Уж если, господа, любите свободу, так любите ее и для других… Для Вейцмана, в частности».

22

Бывают «хохмы» и иного рода. 1 апреля 1997 года египетский еженедельник сообщил, что «палестинская героиня» бросила гранату в Нетаньяху и Шарона, которых «разнесло в клочья». «1.2 миллиарда мусульман и сторонники мира в Израиле выразили удовлетворение по поводу убийства. И лишь кучка экстремистов из Ликуда его осудила». Пошутили…

23

«Чистое дело» — это, разумеется, дело антисемитское. Тут у Николая Александровича было хорошее наследство. После Варшавского погрома Александр III выговаривал генерал-губернатору Гурко: «Сердце мое радуется, когда бьют евреев, но дозволять этого ни в коем случае не следует». Вот так и Николаю II приходилось смирять свое сердце… Пачкаться не хотелось.

24

Не повезло и Сталину. Кубанские «патриоты» вывели его на чистую воду.

> «Семья Джугашвили, христианского вероисповедания, происходит от горских евреев Кавказа, обращенных в христианство в начале XIX века… Отец Като (матери Сталина) был евреем-старьевщиком в Кутаиси» (Г.Климов. Красные протоколы. «Кубань», 1992, стр. 117).

25

Папа Иоанн XXIII специальной буллой «О евреях и других нехристианских народах» положил конец преследованиям евреев со стороны католической церкви. Папа написал молитву, обращённую к Иисусу Христу:

> «Мы осознаём теперь, что много-много веков слепоты поразили наши очи, так что мы не созерцали красоты Тобою избранного народа и не узнавали в лицах их черт нашего брата-первенца. Мы осознаём, что чело наше заклеймено Каиновой печатью. Столетия пролежал Авель в крови и слезах, ибо забыли мы про любовь к Тебе. Прости нас за то, что своим прегрешением мы во второй раз распяли Тебя».

26

Гитлер ещё на заре своей политической деятельности (в 1919 году) писал:

> «Иудаизм — несомненно, раса, а не религия. Еврей, живущий среди чужого народа, воспринимает только его язык… Деятельность евреев ведёт к деградации наций, среди которых они живут. Отсюда вытекает следующий вывод: антисемитизм, носящий чисто эмоциональный характер, находит своё выражение в погромах… Но антисемитизм рациональный должен принять формы законной борьбы, конечной целью которой должна быть, несомненно, тотальная депортация евреев».

Через два десятилетия тотальной депортации оказалось недостаточно, перешли к тотальному уничтожению.

27

«Все мы, — скажет Арафат 1 января 1995 года, — герои-смертники, не щадящие своей жизни ради победы над сионистским врагом. И я хочу сказать павшим героям-смертникам от имени тех, кто лишь готовится принести себя в жертву ради победы: наша клятва остаётся в силе! Мы продолжим столетнюю борьбу, начатую после базельского конгресса сионистов в 1897 году. Мы продолжим эту борьбу вплоть до полной победы!»

28

В 1998 году 18 января был объявлен в Багдаде государственным праздником — Днём науки. По этому поводу состоялось публичное награждение премиями ракетчиков-конструкторов. В выступлениях официальных лиц подчёркивалось, что Ирак был первой арабской страной, нанесшей ракетные удары по Израилю.

29

Одни называли его «Гарибальди еврейской революции», другие — «еврейским Муссолини». Он был провидцем. Выступая 11 февраля 1937 года в Лондоне перед Королевской комиссией по Палестине, Жаботинский сказал: «Нам грозит настоящая катастрофа, нечто вроде социального землетрясения». Сказал, что надо спасать евреев. Его не послушались…

30

При очередной встрече Рафуль сказал мне, что это — единственное место статьи, с которым он решительно не согласен.

31

«Я считаю еврейскую расу, — писал в 1881 году Вагнер королю Баварии Людвигу II, — прирожденным врагом человечества и всего благородного на земле; нет сомнения, что немцы погибнут именно из-за нее, и, может быть, я являюсь последним немцем, сумевшим выступить против иудаизма, который уже все держит под своим контролем».

«История моей персональной травли, — говорит Нудельман, — кончается внешне благополучно. Я стойко выдержал продолжавшиеся почти полгода судебные процессы и битвы с системой, с медицинским истеблишментом, с государственным аппаратом. Годы преследований, клеветы, издевательств не сломили меня. Меня не удалось опозорить. Меня не убили. Мне даже не заткнули рот… Ибо в этом и состоит различие между нашей, израильской, хаотичной диктатурой, гордо именующей себя демократией, и подлинной диктатурой. Ты можешь почти все сказать, ты можешь многое опубликовать. Вопрос — кто услышит сказанное, кто прочтет написанное. А если и услышит, и прочтет — то, что это изменит?»

Не правда ли, «хаотичная диктатура» что-то нам напоминает?

33

В прощальном послании Геннадию Николаевичу я писал:

> «Покидая Землю Обетованную, оставляю здесь пять с лишним лет жизни, много друзей и 40 килограмм любимого тела. К последнему Вы имеете прямое отношение. Ваши великолепные, умелые руки не только выдавливали из меня жир, но и «вдавливали» в меня здоровье, энергию и бодрость духа. Перефразируя слова пророка Исайи, могу сказать, что под Вашими руками кости мои расцвели «как молодая зелень».

Во втором сборнике даже опубликовал свое «Извинительное слово». Вот оно:

> «С огромным интересом, прочитав первый выпуск сборника «Евреи в культуре русского зарубежья», я решил подготовить для выпуска второго небольшое эссе, выражающее мое отношение к теме. О чем тут же уведомил Михаила Ароновича Пархомовского. Моя ретивость объяснялась просто — не так уж часто приходится держать в руках книгу, оценка которой свободна от всяких «но», «однако», «приходится заметить» и т. п. Книга просто, на мой взгляд, превосходная — и все тут. А второй сборник обещает быть еще лучше. И все-таки без «но» не обойтись. Но относится оно не к содержанию книги, а ко мне самому. Я явно переоценил свои силы, и свои резервы свободного времени. Не хватило, не только времени выразить свои мысли. Не хватило самих мыслей — таких, которые могли бы заинтересовать читателей. И, как всегда, не хватило мужества сразу признать свое поражение в единоборстве с чистым листом бумаги. Теперь я делаю это. Впрочем, одна мысль «имеет место». Печально, что первое издание по истории русско-еврейской культуры в XX веке вышло не в Москве или Петербурге, а в Иерусалиме. Разумеется, я понимаю, что Израиль — признанный центр собирания иудаики. И все же было бы более естественно, если бы сборник подобного рода впервые появился в России. Надеюсь, что появление первого тома энциклопедии «Евреи в России» как-то успокоит мою совесть. И хотя в свое оправдание ничего путного сказать не могу, надеюсь также, что г-н Пархомовский простит меня».

35

В 1994 году Ларсен был назначен специальным представителем ООН в секторе Газа, а его жена стала советником посольства Норвегии в Израиле. Кстати, первая встреча Нетаньяху с Арафатом — во многом их рук дело.

36

Вспоминая через несколько лет норвежский марафон, Савир говорил:

> «Прежде мне довелось прочитать много литературы по палестинской проблеме, но переговоры изменили мое представление о палестинцах. По сути, они не так уж разительно отличаются от нас. К тому же существует такая вещь, как гуманизация, «очеловечивание» партнера. То есть имеется в виду, что ваш противник — это всегда нечто «вообще страшное», а ваши партнеры по переговорам, тем более по заключенному соглашению — это конкретные люди, которые не страшны, с которыми можно иметь дело».

Весьма ценное наблюдение. К сожалению, «очеловечивание» друг друга оказалось неизмеримо сложней, чем думалось в то, немножко эйфорическое время.

Последнее до сих пор (конец 1999 года) не ратифицировано Думой. Причины? Да ну его, этот Израиль…

38

Через некоторое время в процессе московских банковских разборок М.И. Журавлев был убит. На меня он производил впечатление честного, порядочного человека.

39

О.Намир через некоторое время «сослали» послом в Пекин.

Почему дедушка и бабушка? Потому что фашистские Нюренбергские законы причисляли к евреям тех, у кого дедушка или бабушка были евреями. Логика: право на возвращение получают те, кого обрекали на уничтожение.

41

Какая жалость, что компьютер не просигнализировал: в сентябре только 30 дней!

42

Прошло пять лет. Мне приходилось несколько раз встречаться с Юрием Михайловичем. Впечатление оставалось то же. Но во второй половине 1999 года я стал замечать признаки звездной болезни. Боюсь, его подводит свита, которой он себя окружает и которая льстит ему напропалую. В расчете на милости будущего президента к нему, как мухи на мед, слетаются сервильные, не отягощенные моралью люди. А жаль…

43

Израильские спецслужбы выследили Шкаки и убили его. Выступая на траурном митинге, советник Арафата Хани Хасан заявил:

> «Фатхи Шкаки — гигант из гигантов палестинского народа, один из гигантов нации. Он верил в ислам и занимался его распространением. Он был наставником поколений, сумевших понять, что только там, где есть единство, достигается победа, а там, где есть страх, неизбежно поражение».

Структура ООП такова. Высший орган («парламент») — Национальный совет Палестины. Он объединяет несколько организаций, включая ФАТХ. Национальный совет избирает Центральный Совет и Исполнительный комитет. Есть еще и Высший военный совет. Под ними разветвленная система отделов, фондов, центров, боевых формирований. Арафат является председателем всего «центрального» и «высшего» и плюс к этому возглавляет еще два десятка различных учреждений.

Это — Александр Ломов. Его следы теряются в США.

В одной из газет говорилось:

> «Господин Бовин отказался от приглашения Наоми Блюменталь по причине занятости. Бедный Александр Евгеньевич, ему приходится соблюдать дипломатический этикет. Представляю, как бы он высказался о мадам Блюменталь, если бы не был стеснен рамками своей должности».

47

В декабре 1996 года Президент РФ утвердил перечень должностей в МИДе. Все должности были разбиты на пять групп: высшие, главные, ведущие, старшие и младшие. Согласно этой разбивке, Якушев попал в «ведущие дипломаты». Но в марте 1995 года он еще не знал об этом.

48

Постановление, опирающееся на религиозную нормативную базу (законы Торы, обычаи, предания).

49

Моше бен Маймон (Рамбам) — философ, учёный, врач, крупнейший кодификатор Галахи, то есть норм, регулирующих религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев. Умер 13 декабря 1204 года.

Кстати, о БТРах. Ещё в июле мне звонил директор нашего. Департамента Вдовин и предлагал устроить торжество по поводу прибытия машин. Я отклонил эту идею, сказав, что хорошо было бы торжествовать, если бы мы построили больницу или школу. БТРы долго стояли на египетско-израильской границе. Только 22 сентября военный секретарь Рабина генерал Дани Ятом сказал мне, что можно забирать. Но только не все 45, а на 7 штук меньше. Так как 7 БТРов у палестинцев уже есть.

51

Следствие установило, что Игал Амир стрелял в Рабина сзади, это отчетливо видно на видеозаписи израильского «Запрудера», "совершенно случайно" заранее оказавшегося на месте убийства *(примечание Семёна)*.

52

Как оказалось, Авишай Равив был агентом «еврейского» отдела ШАБАКа (кличка "Шампанья"-"Шампанское"), внедренным в ряды противников соглашений Осло с целью скомпрометировать это движение. В частности, портреты Рабина в форме СС — его работа *(примечание Семёна)*.

53

Доктор Гонен Сегев — один из трех перебежчиков из Цомета (Гонен Сегев, Алекс-"Мицубиси" Гольдфарб и Эстер Сальмович), обеспечивших Рабину (вместе с арабскими депутатами) большинство при голосовании Осло-2. По использовании, исчез из политики, занялся бизнесом, был осужден за мошенничество с кредитной карточкой, а затем за ввоз наркотиков, был лишен врачебной лицензии *(примечание Семёна)*.

Ныне В.Топаллер живет в соответствии со своими пристрастиями — в Нью-Йорке *(примечание Семёна)*.

55

В 1997 году страны, Ближнего Востока и Северной Африки заняли первое место в мире по числу сделок на закупку оружия и боевой техники. 0ни затратили на покупку вооружений 56.5 миллиарда долларов. 50 % этой суммы и приходится на шесть монархий Аравийской полуострова.

56

В Израиле всеобщая воинская обязанность. Действительную служат и мужчины (от 18 до 29 лет, 36 месяцев) и женщины (от 18 до 24 лет, 34 месяца), потом — резерв и ежегодные сборы (мужчины — до 55 лет, женщины — до 38).

57

Откровенно говоря, я был настолько возмущен всем этим перманентным хамством, что рекомендовал организовать в нашем аэропорту пару-другую ответных «хамств». Чтобы дошло. МИД поступил правильно, отклонив мои рекомендации.

Вирши были сочинены к 50-летию. И выглядели они так:

Нет, он не перс,
Не палестинец,
Не курд и даже
Не еврей,
Он не араб,
Не абиссинец,
Он из Тбилиси —
Ей, же, ей!
Но вы сходите на майдан,
Не важно, будь то Тегеран,
Или Багдад, или Кабул,
Везде услышите вы гул…
Молвы стоустой… Говорят,
Он тайно ездил в Эр-Рияд.
Он в Мекке был и был в Медине
И где-то посреди пустыни
Зарыл какой-то аппарат,
Чтоб знать, о чем там говорят.
Еще вам скажут на майдане,
Что он — тринадцатый имам,
Что у него гарем в Аммане
Из мусульманских только дам;
Что он в пещерах Курдистана
Учил марксизму Барзани,
А после над строкой Корана
Навзрыд расплакались они;
Что от бесптичья и безрыбья
Он так однажды занемог,
Что трахнул с ходу Голду Меир,
Хотел еще раз, но не смог;
Что он азы социализма
Хотел вложить в Телегани…
Погиб старик, невольник «изма»,
Не выдержав такой …ни.
А он? — Инкогнито в Каире…
Он там шербет душистый пил
И «Анатомией конфликта»
По голове Садата бил.
Последний слух и, вроде, хватит:

Мулла шепнул мне в Мехабаде,
— Не знаю, правда или нет,
— Что нефтедолларами платит
Он «Украине» за банкет.
Нет, он не перс,
Не палестинец,
Не курд и даже
Не еврей,
Он не араб,
Не абиссинец,
Он — академик,
Ей, же, ей!

59

О чем же идет речь в главе, которую я упомянул. Если не будешь исполнять волю Бога, все заповеди и установления его, то

> «…поразит тебя Бог чахоткой, и лихорадкой, и горячкой, и воспалением, и засухой, и знойным ветром, и желтизной растений, и будут они преследовать тебя, пока не погибнешь. И станет небо твое, что над головой твоей, медью, а земля, что под тобой, железом. Превратит Бог дождь страны твоей в пыль и прах, с неба это будет падать на тебя, пока не будешь ты уничтожен… будут трупы твои пищей всем птицам небесным и животным земным, и никто не будет их отпугивать. Поразит тебя Бог воспалением египетским, и геморроем, и коростой, и чесоткой, от которых не сможешь ты исцелиться. Поразит тебя Бог сумасшествием, и слепотой, и растерянностью… И будешь ты, есть плоть чрева твоего, плоть сыновей твоих и дочерей твоих…»

И все в таком же духе. «Высшая справедливость»…

Через много лет Рабин скажет:

> «Мы будем вести переговоры так, как будто нет терроризма, и бороться с терроризмом так, как будто нет переговоров»

61

Черт, действительно, шутит. Всю эту книгу настучал, сидя перед компьютером. Тоже, правда, медленно. Ведь думать надо.

62

Тот самый «любимый ресторан № 2», о котором я упомянул в начале записок.

63

Виктора Викторовича не стало летом 1999 года, когда я как раз писал эту книгу. Остались песни, остались фотографии, осталась память о нестандартном мидовце.

64

9 ава (в нашем календаре этот день «плавает») в Израиле отмечают День скорби. Именно 9 ава в истории евреев происходили трагические события: — 1312 г. до н. э. — поколение евреев, вышедшее из Египта, не захотело войти в Землю Обетованную и было обречено умереть в пустыне. — 586 г. до н. э. — разрушен Первый Храм. — 70 г. н. э. — разрушен Второй Храм. — 132 г. — по приказу римского наместника распахана земля Иерусалима. — 135 г. — римляне захватили Бейтар, последнюю крепость Бар-Кохбы. — 1290 г. — начато массовое изгнание евреев из Англии, в 1306 г. — из Франции, в 1492 г. — из Испании.